This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Б I / 754
ор/54/3ч149

Gessen, Iu. I.

Ю. И. Гессенъ.

Евреи въ Россіи.

ОЧЕРКИ

общественной, правовой и экономической жизни русскихъ евреевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Б I / 754
ор/54/3аччч

Gessen, Iu. I.

Ю. И. Гессенъ.

Евреи въ Россіи.

ОЧЕРКИ

общественной, правовой и экономической жизни русскихъ евреевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Типо-Литогр. А. Г. Розена (А. Е. Ландау) Театр. площадь, 2.

Основныя черты еврейской жизни въ Россіи конца 18 и начала 19 вѣка, поскольку онѣ опредѣлялись законодательными актами, сохранились по сію пору почти въ полной неприкосновенности. Поэтому, чтобы помочь, по мѣрѣ силъ, уясненію, а слѣдовательно и разрѣшенію еврейскаго вопроса на зарѣ 20 вѣка, я счелъ необходимымъ изучить тождественное прошлое еврейскаго народа въ Россіи.

Въ дѣлѣ изслѣдованія исторіи евреевъ въ Россіи у меня есть предшественники, но почти всѣ ихъ работы, сравнительно малочисленныя, посвященныя отдѣльнымъ моментамъ и эпизодамъ и не объединенныя въ нѣчто цѣльное, относятся къ тому времени, когда евреи, проживая на территоріи нынѣшней Россіи, не были русскими подданными.

Въ исторіи же евреевъ въ Россіи, какъ русскихъ подданныхъ, наибольшее вниманіе изслѣдователей остановила на себѣ интересующая насъ эпоха конца 18 и начала 19 вѣка, ознаменовавшаяся съ одной стороны первой попыткой правительства твердо опредѣлить бытъ евреевъ въ государствѣ, съ другой стороны—подъемомъ еврейскихъ общественныхъ силъ.

Однако имѣвшіеся въ моемъ распоряженіи печатные источники слишкомъ узко охватывали указанный періодъ; поэтому я обратился къ первоисточникамъ и эти архивныя изысканія дали мнѣ новый разнообразный матеріалъ.

Поставивъ своей задачей разсмотрѣть эпоху конца 18 и начала 19 вѣка, я не держался какихъ либо точно намѣченныхъ рамокъ во времени и доводилъ изслѣдованіе до того момента, до котораго простирались мои архивные документы; такъ, вопросъ объ участіи евреевъ въ городскомъ управленіи разобранъ до позднѣйшаго времени.

Несомнѣнно, что для болѣе полнаго и основательнаго ознакомленія съ исторіей евреевъ въ Россіи необходимо было бы остановится съ особенной подробностью на царствованіи Екатерины II, принявшей евреевъ въ свое подданство и опредѣлившей основныя черты ихъ позднѣйшей жизни въ государствѣ, но сохранившіеся законодательные акты не даютъ возможности составить себѣ какое либо опредѣленное понятіе объ этомъ періодѣ, мои же архивные документы касаются лишь немногихъ моментовъ изъ дѣятельности Екатерины II.

Содержаніе настоящей книги было мною въ значительной части исчерпано въ рядѣ журнальныхъ статей; но мнѣ думается, что собранные вмѣстѣ, дополненные новыми данными и, въ совокупности, переработанные, настоящіе „очерки“ явятся полезнымъ подспорьемъ для того, кто пожелаетъ ознакомиться съ исторіею евреевъ въ Россіи.

Сознаю, что мой трудъ весьма далекъ отъ необходимой полноты; но изслѣдованіе по первоисточникамъ, при трудности проникнуть въ нѣкоторые правительственные архивы и при безпорядочномъ состояніи другихъ, представляетъ собою дѣло крайне кропотливое и длительное, и поэтому, въ виду переживаемаго Россіей такого момента, который вѣроятно будетъ чреватъ крупными событіями и въ еврейской жизни, я не могъ отказаться отъ

выпуска книги въ ея настоящемъ видѣ; надѣюсь съ теченіемъ времени исправить ее.

Первая часть книги отведена общей исторіи Положенія 1804 г. Во второй части подробно разработаны важнѣйшіе вопросы тогдашней еврейской жизни, разрѣшенные Положеніемъ. Въ третьей части сгруппированы небольшіе очерки, относящіеся къ затронутой эпохѣ.

Въ концѣ книги приложены нѣкоторые документы изъ числа извлеченныхъ мною изъ архивовъ и до сего времени вовсе не появившіеся въ печати, или же приведенные лишь въ моихъ журнальныхъ статьяхъ.

Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ выразить признательность историку С. М. Дубнову, указаніями котораго я не разъ пользовался въ своихъ работахъ, а также поблагодарить за доброе содѣйствіе библіотекаря Петербургской публ. библіотеки А. И. Браудо и секретаря архива сената Н. А. Мурзанова.

1905 г.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Къ столѣтію русскаго законодательства о евреяхъ.

9-го декабря 1904 г. истекло столѣтіе со дня высочайшаго утвержденія перваго свода законовъ о евреяхъ въ Россіи—„Положенія о евреяхъ“ 1804 г.

Исторія евреевъ въ Россіи какъ русско-подданныхъ явила не мало доказательствъ того, что еврейскій вопросъ въ Россіи, какъ и всюду, находится въ тѣсной зависимости отъ общихъ условій окружающей жизни, и эта зависимость особенно рельефно выражалась тогда, когда въ Россіи происходили событія значительной важности, въ области ли политико-государственныхъ реформъ, или же въ сферѣ умственной дѣятельности народа. Она должна была, конечно, обнаружиться и въ первые годы царствованія Александра I, когда прогрессивныя стремленія государя, найдя опору въ либерально настроенной мысли многихъ русскихъ людей, вызвали оживленную борьбу между представителями стараго и прогрессивнаго слоевъ общества.

Въ ряду намѣченныхъ широкихъ реформъ, правительство не могло оставить безъ вниманія неопредѣленное, ненормальное положеніе еврейскаго населенія въ Россіи, а прогрессивные элементы общества должны были внести въ отношенія государства къ евреямъ — принципы гуманности и терпимости.

Дѣйствительно, этотъ моментъ въ исторіи русскихъ евреевъ ознаменовался учрежденіемъ въ 1802 г. еврейскаго комитета, имѣвшаго цѣлью установить юридическое положеніе евреевъ въ государствѣ, внести благодѣтельныя ре-

формы въ ихъ гражданскомъ быту; вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружившееся общественное движеніе создало условія, при которыхъ надежды на общественную эмансипацію евреевъ стали болѣе или менѣе осуществимы. Увы! ни одно, ни другое не сбылось!.. Подобно многимъ „благимъ начинаніямъ“ того времени еврейскій вопросъ постигла неожиданная развязка. Выработанный комитетомъ законодательный актъ мало чѣмъ улучшилъ юридическое и общественное положеніе евреевъ.

Такимъ образомъ Положеніе 1804 г. не принадлежитъ къ числу тѣхъ законодательныхъ памятниковъ, которые сами по себѣ заслуживаютъ вниманія и изученія—потому-ль, что они проникнуты государственной мудростью и возвышенными стремленіями, или потому, что они оказали глубокое вліяніе на дальнѣйшую жизнь даннаго общества:—съ точки зрѣнія государственнаго разума Положеніе 1804 г. не возвышается надъ среднимъ уровнемъ современнаго общественнаго развитія; въ Положеніи нѣтъ также попытки озарить законодательную мѣру лучемъ гуманности, одухотворить ее государственной справедливостью; равнымъ образомъ Положеніе не внесло коренныхъ реформъ въ еврейскую жизнь, не дало твердыхъ началъ для ея будущаго развитія. И, конечно, въ любой передовой странѣ о подобномъ законодательномъ актѣ можно было бы говорить спустя вѣкъ лишь какъ о памятникѣ прошлаго, сохранившемъ одинъ только историческій интересъ. Но у насъ, гдѣ, благодаря медленному соціально-культурному прогрессу, многія явленія государственной и общественной жизни даже по прошествіи ста и болѣе лѣтъ сохраняютъ свое былое значеніе—a priori можно было ожидать, что въ частности и законодательство о евреяхъ, установленное въ 1804 г., не утратитъ и понынѣ своей извѣстной силы. Въ дѣйствительности, однако, оказалось даже большее: поразительная живучесть выпала на долю не только отдѣльныхъ постановленій Положенія 1804 г.,—въ полной силѣ сохранился втеченіе протекшаго вѣка самый генезисъ этого законодательнаго памятника,—и въ результатѣ получилось, что нынѣшнія условія гражданской жизни евреевъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ являются менѣе благопріятными, чѣмъ сто лѣтъ назадъ.

„Еврейскую“ реформу, нашедшую свое выраженіе въ

Положеніи 1804 г., было рѣшено провести не потому, что ея настоятельно требовала сама бѣдственная еврейская жизнь, а только потому, что послѣдствія этой жизни сказывались и на мѣстномъ христіанскомъ обществѣ. Въ связи съ этимъ указанная реформа должна была „обезвредить“ еврея, но не улучшить условія его существованія.

Болѣе всего правительство занимала мысль, что евреи опаиваютъ и эсплоатируютъ крестьянъ западныхъ губерній. Было бы естественно, если бы въ заботѣ о благосостояніи крестьянъ правительство, въ ряду другихъ мѣропріятій, обратило вниманіе и на то, что, проживая—въ силу вѣковыхъ условій во время польскаго господства—массами по деревнямъ, селамъ и дорогамъ, евреи принимали широкое участіе въ винномъ промыслѣ и, занимаясь арендами, хищнически—какъ говорила молва—вели хозяйство. Но вѣдь основныя черты жизни крестьянъ и причины ихъ моральнаго паденія и экономическаго бѣдствія не коренились въ этой—скажемъ, вредной—дѣятельности евреевъ, тѣмъ болѣе, что евреи не пользовались правомъ винокуренія и владѣнія землей, — они являлись только посредниками, дѣятельность которыхъ всецѣло опредѣлялась тѣми, кому принадлежали указанныя права и проистекавшія отъ этихъ правъ выгоды. Самое крѣпостное состояніе крестьянъ и то, что государственный бюджетъ черпалъ немалую часть своихъ рессурсовъ въ доходахъ отъ питейнаго промысла, являлись достаточными факторами для веденія помѣщиками интенсивнаго хозяйства и для развитія пьянства среди крестьянъ. Но если правительство видѣло себя вынужденнымъ позаботиться объ улучшеніи крестьянской жизни, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно считало наиболѣе важнымъ ничѣмъ не колебать авторитета и благосостоянія помѣщиковъ—этой опоры тогдашняго государственнаго порядка, — и поэтому правительство обратило мѣры „исправленія“ въ сторону наименьшаго сопротивленія — въ сторону евреевъ.

Однако, скопленіе евреевъ въ уѣздахъ и занятіе виннымъ промысломъ, вредно отражаясь на крестьянахъ, влекло за собою также нищенское существованіе и деморализацію самой еврейской массы, которая, при всемъ желаніи, не въ силахъ была измѣнить своего экономическаго быта, такъ какъ, не располагая свободой передвиженія, не могла выйти

за предѣлы „черты осѣдлости". Такимъ образомъ, если особаго рода „политическія" соображенія требовали, чтобы предстоявшая еврейская реформа была объяснена вредной дѣятельностью евреевъ и направлена въ ихъ сторону, то по существу эта реформа являлась необходимой и для евреевъ, и задача заключалась лишь въ томъ, чтобы дѣйствительно улучшить положеніе обѣихъ страдавшихъ общественныхъ группъ. Но правительство—въ лицѣ особаго комитета, главная роль въ которомъ принадлежала Чарторыжскому и гр. Кочубею, этимъ представителямъ тогдашняго либеральнаго общества, заимствовавшимъ на Западѣ самое высокое понятіе о правахъ человѣка и гражданина,—не только рѣшило возложить всю тяжкую отвѣтственность за бѣдствія въ краѣ на евреевъ, но, видя изъ собраннаго матеріала, въ какой нищетѣ жила еврейская масса, оставило безъ всякаго вниманія ихъ нужды, ибо эти нужды находились въ глубокомъ противорѣчіи съ намѣченной реформой.

Было признано, что пребываніе въ уѣздахъ около 60.000 еврейскихъ семействъ вредно для крестьянъ, и во имя такого частнаго интереса крестьянъ и охраненія престижа помѣщиковъ комитетъ постановилъ выселить всю эту массу втеченіе трехъ лѣтъ съ насиженныхъ вѣками мѣстъ и притомъ почти безъ всякой помощи со стороны правительства. Какъ благодѣяніе нищимъ людямъ было *разрѣшено* строить фабрики и предоставлено право пріобрѣтать незаселенныя земли (т. е. безъ крѣпостнаго населенія), обѣщая при этомъ самую ничтожную помощь.

Мѣра выселенія—какъ комитетъ могъ предвидѣть—не была осуществлена: даже въ меньшемъ масштабѣ предпринимавшіяся при Екатеринѣ II подобныя мѣропріятія оказывались безуспѣшными, такъ какъ многотысячная масса, при сохраненіи въ силѣ старыхъ формъ ея быта и условій окружающей жизни, не была въ состояніи найти новыхъ источниковъ пропитанія и новаго убѣжища. Правда, по обнародованіи Положенія 1804 г. тысячи семействъ были выгнаны изъ селъ и деревень, но вскорѣ эта масса, лишенная крова и пищи, нравственно истерзанная, стала опасной для общественнаго спокойствія, и выселеніе было пріостановлено.

Въ этомъ эпизодѣ сказались три характерныхъ момента, которые не трудно замѣтить и въ дальнѣйшей рус-

ской законодательной работѣ о евреяхъ: во имя престижа существующаго порядка евреи выставляются единственными виновниками всѣхъ бѣдъ; съ цѣлью оставить неприкосновеннымъ этотъ порядокъ дѣлается новая настойчивая попытка, несмотря на прежнія неудачи, въ корнѣ преобразовать поспѣшными, крутыми мѣрами еврейскую жизнь—только ее одну—при сохраненіи прочихъ окружающихъ ее условій; и, наконецъ, производя соотвѣтствующую реформу, правительство преднамѣренно игнорируетъ ея тягчайшія экономическія послѣдствія для еврейскаго населенія. Тутъ, передъ лицомъ еврейскаго народа, предаются забвенію законъ совѣсти, основной соціальный законъ и даже наиболѣе властный—экономическій законъ.

При такомъ-же игнорированіи элементарныхъ правъ еврейскаго населенія и одновременномъ примѣненіи къ нему принудительныхъ мѣръ, комитетъ разработалъ и культурную сторону еврейской реформы. Чтобы „обезвредить" евреевъ въ гражданскомъ отношеніи комитетъ рѣшилъ пріобщить ихъ къ русской жизни. Здѣсь, какъ и въ экономической реформѣ, намѣренія комитета по своему существу соотвѣтствовали потребностямъ еврейскаго населенія.

Взамѣнъ судебной и административно-финансовой автономіи, которою евреи пользовались во времена польскаго господства и которая ихъ изолировала отъ окружавшей общей жизни, Екатерина II предоставила имъ права, принадлежавшія русскому торгово-промышленному классу, пользовавшемуся широкимъ сословно-городскимъ самоуправленіемъ, благодаря чему, исторгнутые изъ своей обособленности, евреи, не встрѣчая ограниченій въ другихъ сферахъ жизни, оказались въ такихъ-же гражданскихъ условіяхъ, какъ и христіанскіе купцы и мѣщане. Но спустя нѣкоторое время, безъ объясненія мотивовъ, на евреевъ была наложена двойная, сравнительно съ христіанами, подать; свобода ихъ передвиженія была скована „чертою осѣдлости"; вмѣстѣ съ тѣмъ начали вводиться ограниченія въ ихъ выборное право: евреи не могли занимать главныхъ должностей, избирались лишь въ строго опредѣленномъ числѣ на низшія должности. Въ результатѣ, обособленность еврейскаго общества, поколебленная въ тотъ моментъ, когда начало развиваться его

гражданское самосознаніе, стала вновь отдалять еврейское населеніе отъ русской жизни и ея интересовъ.

Ясно, что разъ комитетъ стремился къ противоположной цѣли, онъ долженъ былъ улучшить гражданское положеніе евреевъ, т. е. уничтожить унизительную двойную подать и уравнять ихъ въ выборномъ правѣ. Но уничтоженіе двойной подати побудило бы правительство взыскать недостающую сумму съ прочаго мѣстнаго населенія, а возвращеніе евреямъ ихъ прежней роли въ сословно-городскомъ самоуправленіи не отвѣчало желанію христіанскаго общества, и эти „интересы" побудили комитетъ отказаться отъ положительныхъ мѣропріятій, которыя естественнымъ ходомъ осуществили бы задачу комитета —и опять, какъ въ экономической реформѣ, комитетъ сдѣлалъ попытку, сохраняя тѣ условія, которыя создавали еврейскую обособленность, измѣнить гражданскій обликъ евреевъ лишь принудительными мѣрами.

Таковъ былъ основной характеръ перваго свода русскихъ законовъ о евреяхъ. Среди разнообразныхъ законодательныхъ памятниковъ прошлаго, столь часто отмѣченныхъ несправедливостью и жестокостью, торжествомъ частныхъ узко-эгоистическихъ цѣлей, Положеніе 1804 года отнюдь не выступаетъ въ первые ряды; но врядъ-ли какой-либо изъ нихъ, имѣя за собою цѣлый вѣкъ, сохранилъ по настоящій день свою живучесть, какъ Положеніе 1804 года. Въ теченіе ста лѣтъ не измѣнялся духъ этого законодательнаго памятника, въ теченіе ста лѣтъ еврей, какъ человѣкъ и гражданинъ, разсматривался стоящимъ „внѣ закона"— закона естественнаго, соціальнаго и экономическаго. Старые исключительные законы дѣйствовали въ продолженіе всего вѣка, рождая новые, подобные себѣ.

Черта осѣдлости, нерѣдко временами съуживавшаяся, такъ же, какъ и тогда, цѣпко держитъ нынѣ еврейское населеніе въ своихъ всесокрушающихъ тискахъ; массовое выселеніе евреевъ изъ разныхъ мѣстъ не разъ возобновлялось за протекшее столѣтіе; запрещеніе жить въ селахъ и деревняхъ попрежнему не выпускаетъ евреевъ изъ городовъ; двойная подать, уничтоженная еще въ царствованіе Александра I, долго впослѣдствіи компенсировалась усилен-

нымъ наборомъ еврейскихъ рекрутъ, а теперь до извѣстной степени осуществляется употребленіемъ суммъ изъ спеціально еврейскаго коробочнаго сбора на общія нужды. Сто лѣтъ назадъ евреи, хотя и были ограничены въ избирательномъ правѣ, все же принимали участіе въ городскомъ и сословномъ самоуправленіи, неся, между прочимъ, извѣстныя административныя и судебныя функціи,—теперь они совершенно устранены отъ общественно-гражданской дѣятельности; немногіе единичные евреи-гласные, не избираемые обществомъ, а назначаемые властью, лишены всякаго значенія въ думахъ; ничтожное участіе предоставлено евреямъ теперь лишь въ сословномъ управленіи; сто лѣтъ назадъ евреевъ поощряли къ землевладѣнію,—нынѣ земля является запретнымъ плодомъ для нихъ, и двери учебныхъ заведеній, открытыя передъ евреями на порогѣ 19 в.—закрылись на исходѣ его.

Если бы, въ виду извѣстной связи между условіями еврейской и общерусской жизни, регрессъ въ гражданскихъ правахъ еврейскаго общества вызывался лишь причинами общегосударственнаго характера, то, несмотря даже на то, что русская государственная система, особливо въ моменты реакціи, вліяетъ на судьбу евреевъ въ исключительно-острой формѣ, возможно было бы ожидать, что этотъ густой туманъ правовыхъ ограниченій, окутывающій еврейское населеніе въ теченіе вѣка, разсѣется съ первой зарей.

Но приходится, къ сожалѣнію, думать, что будущая судьба евреевъ въ Россіи не опредѣлится однимъ указаннымъ факторомъ. Трагизмъ живучести стараго законодательства о евреяхъ именно и заключается въ томъ, что въ ограниченіи гражданскихъ и человѣческихъ правъ еврейскаго населенія—въ этомъ великомъ человѣческомъ жертвоприношеніи — принимала участіе не одна лишь правительственная власть, но и разнообразныя общественныя группы, и нерѣдко иниціатива принадлежала именно имъ. Даже въ недавніе весенніе дни отдѣльныя общественныя группы обнаружили упорное желаніе сохранить за собою исключительныя, въ сравненіи съ евреями, права.

Можно думать, что привычка видѣть евреевъ въ гражданскомъ униженіи стала второй натурой извѣстной части рус-

скаго общества, и нерѣдко человѣкъ просвѣщеннаго ума и благородныхъ стремленій становится — когда ему показываютъ связаннаго еврея—язычникомъ и принимаетъ жертву. И объ этой аномаліи психическаго и моральнаго характера говорятъ такъ же снисходительно, какъ о томъ, что какой-нибудь ученый мужъ одержимъ маленькимъ суевѣрнымъ представленіемъ, напримѣръ, боится числа „13"...

Кровавыя событія, такъ недавно разразившіяся надъ еврейской жизнью въ Россіи, прославившія скромные провинціальные города Кишиневъ, Гомель и др., устрашили весь міръ, показавъ, что и въ культурномъ обществѣ легко пробудить звѣря; но эти событія еще болѣе устрашили евреевъ, показавъ, что и въ многочисленномъ культурномъ обществѣ можно въ такую ужасную минуту остаться одинокимъ...

Въ этомъ индифферентизмѣ огромнаго большинства къ судьбѣ еврейскаго населенія таится ключъ къ разрѣшенію еврейскаго вопроса, и, если для счастья Россіи нужны политическія реформы, то для счастья евреевъ необходимо еще уничтоженіе въ большей части русскаго общества языческихъ пережитковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Исторія Положенія 1804 года.

Законодательный актъ, содержаніемъ котораго уже въ теченіе ста лѣтъ опредѣляется жизнь евреевъ въ Россіи, Положеніе 1804 г. является въ своей *исторіи* важнѣйшимъ памятникомъ ихъ культурно-общественнаго быта въ эпоху конца 18 и начала 19 в., озарившуюся на мгновеніе надеждой на обновленіе русскаго общественно - государственнаго строя, долженствовавшее осчастливить и еврейское населеніе.

Охватывая, какъ юридическій актъ, различныя стороны тогдашней еврейской жизни, Положеніе 1804 г. даетъ отвѣтъ на вопросы о ближайшей судьбѣ еврейскаго народа въ Россіи. Но еще полнѣе отразило въ себѣ современныя событія Положеніе 1804 г. какъ историко-культурный памятникъ, объясняя многое тому, кто изучаетъ прошлое русскаго еврейства.

Первымъ изслѣдователемъ Положенія 1804 г. является незабвенный, столь рано похищенный смертью, извѣстный ученый юристъ Илья Григорьевичъ Оршанскій. Имѣя въ своемъ распоряженіи скудный матеріалъ, онъ тѣмъ не менѣе вѣрно набросалъ въ статьѣ „Изъ новѣйшей исторіи евреевъ въ Россіи“ („Евр. Библ.“ 1872 г.) картину общественныхъ условій, отразившихся на характерѣ Положенія.

Съ нѣсколько большимъ матеріаломъ въ рукахъ, но съ меньшимъ пониманіемъ эпохи, подвергъ изслѣдованію Положеніе кн. Н. Н. Голицынъ въ своей „Исторіи русскаго законодательства о евреяхъ“, составившей 6-ой томъ „Матеріаловъ Коммиссіи для пересмотра законовъ о евреяхъ“, 1886 г.

Новое направленіе изученію Положенія далъ проф. С. А. Бершадскій, одинъ изъ лучшихъ друзей еврейскаго народа изъ христіанъ. Поставивъ себѣ задачей возстановить тѣ матеріалы, на основаніи которыхъ было выработано Положеніе, дабы затѣмъ изслѣдовать „основанія и мотивы" этого законодательнаго памятника, онъ напечаталъ нѣсколько относящихся сюда цѣнныхъ документовъ („Восходъ" 1895 г.), но, къ сожалѣнію, вскорѣ прервалъ работу.

Однако исторія этого законодательнаго памятника представлялась въ указанныхъ трудахъ во многомъ темною, и это потому, что большая часть матеріаловъ, находившихся въ распоряженіи комитета, выработавшаго Положеніе, оставалась неизвѣстной. Мнѣ удалось воспользоваться хотя и не всѣми матеріалами комитета, но большинствомъ изъ нихъ [1]) и благодаря этому получилась возможность выяснить „основанія и мотивы" Положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько подробнѣе и точнѣе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, разсказать о культурно-бытовой жизни еврейскаго населенія въ періодъ, когда создавалось Положеніе.

Долгое время господствовало, въ частности, мнѣніе, что русскіе евреи были вырваны изъ мрака невѣжества лишь перешедшимъ къ намъ съ запада вліяніемъ „мендельсоновской" просвѣтительной школы. Вмѣстѣ съ этимъ установился взглядъ, что евреи въ Россіи до второй половины 19 вѣка представляли обособленный, въ самомъ себѣ замкнутый міръ, оторванный отъ русской жизни и русской культуры, что они игнорировали свои матеріальныя и духовныя потреб-

---

[1]) По закрытіи комитета часть документовъ была передана въ сенатъ, а другая—въ департаментъ внутреннихъ дѣлъ; бумаги первой категоріи почти полностью разысканы мною, что касается документовъ, поступившихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, то въ 1862 г. архивъ министерства сгорѣлъ и они считались погибшими. Но оказалось, что въ рукописномъ отдѣлѣ петербургской публичной библіотеки имѣется *первая* часть матеріаловъ, собранныхъ комитетомъ. На обложкѣ этого сборника, пріобрѣтеннаго библіотекой, кажется, въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, имѣется надпись „О Евреяхъ 1802. Часть I. 2 экспед. 2 отд. 1 столъ", а на заглавномъ листѣ: „По книгамъ архива 361. № 473. Объ устройствѣ евреевъ 1802 г.".

Кромѣ этого сборника, я возстановилъ нѣкоторые документы, поступившіе изъ комитета въ министерство внутреннихъ дѣлъ, по копіямъ, сохранившимся въ другихъ архивныхъ дѣлахъ.

ности, мирились со своимъ рабскимъ положеніемъ. Ближайшее ознакомленіе съ затронутой эпохой должно разрушить эти сужденія: уже въ концѣ 18 и началѣ 19 вв., на ряду съ германско-галиційскимъ вліяніемъ мендельсоновской школы, въ жизни русскаго еврейства медленно, но вѣрно прокладывало свой путь и самобытное просвѣтительное движеніе, носившее на себѣ слѣды не одной европейской, но и русской культуры, и что въ связи съ этимъ русское еврейство выдвигало изъ своей среды не только просвѣщенныхъ людей, но и защитниковъ народа, борцовъ за его гражданскія права.

Вотъ почему хотя Положеніе о евреяхъ 1804 г., результатъ извѣстныхъ совокупныхъ трудовъ правительства и еврейскаго народа въ лицѣ его представителей, не оправдало возлагавшихся на него надеждъ, обстоятельства, сопровождавшія его возникновеніе, заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Переходъ польскихъ евреевъ въ русское подданство.—Манифестъ Екатерины II.—Возбужденіе вопроса о вредѣ, проистекающемъ отъ евреевъ.—Мнѣнія дворянъ и властей.—Указъ Павла I.—Попытка общаго постановленія о евреяхъ.—Соціально-экономическое положеніе евреевъ въ краѣ, какъ наслѣдіе польскаго господства.—Начало общей еврейской реформы.

Съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи при первомъ раздѣлѣ Польши (1772 г.), Россія должна была кореннымъ образомъ измѣнить свое давнее, тридиціонное отношеніе къ евреямъ. Если до сего времени, въ интересахъ торговли, она и допускала къ себѣ порою евреевъ, то только въ качествѣ гостей; большинство-же законодательныхъ актовъ за тотъ періодъ были направлены къ тому, чтобы предотвратить появленіе евреевъ или чтобы удалить тѣхъ, кто подъ защитой торговыхъ связей прочно осѣлъ въ странѣ.

Извѣстно, что даже Екатерина II, по восшествіи на престолъ,—правда, по соображеніямъ, ничего общаго не имѣвшимъ съ евреями,—отклонила предложеніе сената открыть евреямъ доступъ въ Россію. Но исторія сильнѣе ца-

рей, и ворота, въ теченіе вѣковъ ограждавшія Россію отъ евреевъ, должны были распахнуться подъ напоромъ той живой силы, которую представляло собою еврейское населеніе Бѣлоруссіи, а также другихъ земель, присоединенныхъ къ Россіи при послѣдующихъ раздѣлахъ Польши. Не говоря о томъ, что если бы евреи были даже признаны нежелательнымъ элементомъ, то условія времени не позволяли Россіи расправиться съ ними по примѣру Іоанна Грознаго потопившаго въ Двинѣ всѣхъ евреевъ Полоцка,—Россія не могла отказаться отъ польскихъ евреевъ уже потому, что они являли собою основную часть края, какъ государственно-хозяйственной единицы, безъ которой само существованіе этой единицы врядъ-ли было возможно.

Манифестомъ о присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи (11 августа 1772 года) за новыми подданными были сохранены имущественныя права и свобода публичнаго отправленія вѣры; вмѣстѣ съ тѣмъ въ манифестѣ сообщалось, что „каждое состояніе изъ жителей присоединенныхъ земель вступаетъ съ самаго сего дня во всѣ оному свойственныя выгоды по всему пространству Имперіи Россійской". Однако на еврейское населеніе эта милость не была полностью распространена. „Чрезъ торжественное выше сего обнадеженіе всѣмъ и каждому свободнаго отправленія вѣры и неприкосновенной въ имуществахъ цѣлости,—возвѣщалъ манифестъ,—собою разумѣется, что и еврейскія общества.. будутъ оставлены и сохранены при всѣхъ тѣхъ свободахъ, коими они нынѣ въ разсужденіи *закона и имуществъ* своихъ пользуются" [1]). Евреямъ не было даровано, какъ другимъ, право гражданства „по всему пространству Имперіи Россійской". Болѣе того, рѣшивъ вопросы о религіи и имущественныхъ правахъ евреевъ, манифестъ (заготовленный задолго до его обнародованія) обошелъ полнымъ молчаніемъ вопросъ объ ихъ гражданскомъ бытѣ, устройствѣ и управленіи. Такимъ образомъ, по переходѣ евреевъ въ русское подданство ихъ дальнѣйшая судьба не была сразу точно опредѣлена и, благодаря этому, она стала разрѣшаться въ

---

[1]) Утвержденіе Градовскаго (Торгов. и др. права евреевъ), будто плакатъ уравнялъ евреевъ во всѣхъ правахъ съ христіанами, не соотвѣтствуетъ содержанію цитируемаго манифеста.

послѣдующіе годы частично, по поводу отдѣльныхъ случаевъ; жизнь выдвигала вопросы, отвѣты на которые давали или прочно установившійся обычай или-же мѣстная власть.

Въ первое время, озабоченное, съ одной стороны, водвореніемъ порядка и спокойствія въ новыхъ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, а, съ другой стороны, незнакомое съ евреями, какъ съ гражданскимъ элементомъ, русское правительство оставило евреевъ при той жизни, которая была ихъ удѣломъ въ Польшѣ. Возстановленный русскою властью, кагалъ, какъ всеобъемлющій для евреевъ органъ ихъ внутренняго, религіозно-общественнаго, а также внѣшняго, финансово-административнаго управленія, отдалилъ еврейское населеніе отъ русской общественной и государственной жизни.

Но этотъ строй „польской" жизни евреевъ былъ въ корнѣ поколебленъ, когда въ началѣ 80-хъ годовъ 18 вѣка евреи всей массою вошли въ составъ торгово-промышленнаго класса и были уравнены въ правахъ и обязанностяхъ съ остальнымъ купечествомъ и мѣщанствомъ, пользовавшимися сословнымъ и городскимъ самоуправленіемъ. Большинство еврейскихъ дѣлъ, вслѣдствіе этого, перешло въ вѣдѣніе ратушъ, магистратовъ и прочихъ сословно-городскихъ учрежденій, въ которыхъ евреи, наравнѣ съ христіанами, стали принимать участіе въ качествѣ ратмановъ, бургомистровъ и другихъ должностныхъ лицъ. Въ связи съ этимъ функціи кагала были съужены и онъ во многомъ потерялъ свое прежнее значеніе для еврейскаго населенія, тѣмъ болѣе, что онъ утратилъ и ту роль представительнаго учрежденія, которою широко пользовался въ Польшѣ.

Съ момента предоставленія евреямъ такой общественно-государственной самодѣятельности, они стала *гражданами*, и значеніе этого факта не могли умалить послѣдовавшія въ дальнѣйшемъ ограниченія ихъ гражданскихъ правъ. Польскій Schutzjude навсегда превратился въ русскаго подданнаго.

Съ точки зрѣнія гражданственности „польская" жизнь евреевъ, особливо перенесенная на русскую почву, представляла собою много унизительнаго: въ правѣ самоуправленія евреевъ таилось ихъ гражданское безправіе. Но съ точки зрѣнія религіозно-національныхъ интересовъ эта автономія являлась въ глазахъ евреевъ такой цѣнностью,

которая полностью компенсировала отсутствіе гражданскихъ правъ. Пусть на одной чашѣ вѣсовъ еврейской жизни лежала тяжесть гражданскаго отчужденія и безправія, на другой чашѣ прочно покоилось внутреннее самоуправленіе,— равновѣсіе такимъ образомъ сохранялось. И ясно, что при подобныхъ условіяхъ лишь ту реформу еврейской жизни исходившую отъ русской власти можно было признать направленной на пользу еврейскаго народа, которая не нарушала этого равновѣсія. Актомъ государственной мудрости и справедливости могло почитаться лишь то мѣропріятіе русской власти, которое, нарушая хотя бы частично еврейскую автономію, давало взамѣнъ еврейскому народу новое право общегражданскаго характера.

Такимъ именно актомъ было уравненіе евреевъ въ правахъ и обязанностяхъ съ христіанскимъ торгово-промышленнымъ классомъ. Въ это время Екатерина II неоднократно осуществляла въ отношеніе евреевъ ею же провозглашенный принципъ, что „всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа". Но вскорѣ, подобно многимъ другимъ либеральнымъ воззрѣніямъ государыни, не выдерживавшимъ столкновенія съ дѣйствительностью, либеральное настроеніе Екатерины II въ вопросахъ касающихся евреевъ внезапно уступило мѣсто грубому нарушенію ихъ правъ и оскорбленію ихъ достоинства, какъ гражданъ. Въ 1791 г. для нихъ устанавливается „черта" осѣдлости, въ 1794 г. опредѣляется подать „вдвое противу положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исповѣданій"; вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается тенденція освобождать уѣзды отъ евреевъ, а затѣмъ государыня соглашается на введеніе ограничительныхъ мѣръ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ отношеніи участія евреевъ въ органахъ городского и сословнаго самоуправленія. Наряду же съ этимъ государыня настаиваетъ, чтобы кагалы не касались „иныхъ дѣлъ, кромѣ обрядовъ закона и богослуженія", т. е. чтобы евреи не пользовались внутреннимъ самоуправленіемъ въ прежнихъ рамкахъ.

Такимъ образомъ въ царствованіе Екатерины II произошла ломка „польской" жизни евреевъ, но на мѣстѣ развалинъ не было возведено новое зданіе, которое служило бы

евреямъ надежнымъ и достойнымъ убѣжищемъ. Взамѣнъ былого сильнаго представительства въ лицѣ кагала имъ не была предоставлена самозащита въ формѣ гражданскаго равноправія. Евреи были исторгнуты изъ своей замкнутой жизни и вовлечены въ сферу общерусской жизни, но они не получили права на общественное значеніе и уваженіе.

Законодательство о евреяхъ представляло собою въ это время какой-то калейдоскопъ, въ которомъ въ пестрой смѣси чередовались то права русскихъ гражданъ, то клеймо парія. И вообще законодательная дѣятельность царствованія Екатерины II привела въ хаотическое состояніе весь правовой бытъ евреевъ; правительство не имѣло опредѣленнаго, ясно сознаннаго взгляда на гражданское положеніе евреевъ; оно разрѣшало вопросы еврейской жизни по частнымъ поводамъ, соображаясь въ такихъ случаяхъ съ обстоятельствами и интересами минуты, и въ результатѣ эти постановленія оказались во взаимномъ противорѣчіи и не соотвѣтствующими условіямъ дѣйствительности. Къ тому же, благодаря разновременному присоединенію къ Россіи отъ Польши губерній съ еврейскимъ населеніемъ иные вопросы, получившіе свое разрѣшеніе въ одномъ мѣстѣ, оставались открытыми въ другомъ, и такимъ образомъ въ разныхъ губерніяхъ существовали различныя условія какъ внутренней, такъ и внѣшней еврейской жизни.

Иного характера въ этомъ отношеніи было царствованіе Павла I. Самъ государь внесъ въ разрѣшеніе еврейскихъ вопросовъ много доброжелательства и справедливости,—и поэтому законодательныя мѣры этого времени о евреяхъ не заключали въ себѣ рѣзкаго противорѣчія. А на ряду съ этимъ въ царствованіе Павла было положено начало выработкѣ твердыхъ, согласныхъ между собою основъ еврейской жизни. Не будь это царствованіе столь кратковременно (1796—1801 г.), оно ознаменовалось бы въ исторіи евреевъ въ Россія появленіемъ перваго систематически разработаннаго законодательства о нихъ, но, вслѣдствіе внезапной смерти Павла I, годы его правленія явились эпохой лишь подготовительной работы, эпохой изученія еврейской жизни, или, по крайней мѣрѣ, собиранія съ этою цѣлью матеріаловъ.

Идея еврейской реформы сложилась постепенно, но уже

при самомъ своемъ зарожденіи реформа получила направленіе, которое полностью отразилось на всемъ дальнѣйшемъ законодательствѣ о евреяхъ.

Въ 1797 году, освѣдомленный о бѣдственномъ положеніи крестьянъ въ Минской губерніи, Павелъ I предписалъ тамошнему губернатору Карнѣеву доставить „изъясненіе причинъ бѣднаго крестьянъ состоянія съ изысканіемъ средствъ къ исправленію онаго“, обсудивъ предварительно вопросъ совмѣстно съ дворянствомъ; вслѣдствіе этого, губернаторъ представилъ при рапортѣ отъ 13 іюля 1797 г., соотвѣтствующее объясненіе, составленное на съѣздѣ мѣстныхъ маршаловъ.

Этотъ документъ, равно вызванныя имъ послѣдствія, прекрасно иллюстрируютъ современное отношеніе правительства и общества къ евреямъ.

Дворяне объяснили, что „злощастнымъ жребіемъ сего края крестьяне, *мало обрѣтая знаніе въ земледѣліи*, не могутъ быть въ хорошемъ состояніи, а простолюдство ихъ есть причиною неспособности къ заведенію порядочнаго хозяйства. Потому, не познавая о несущественной съ хлѣбопашества пользы и *проживая безъ старательства*, не могутъ достигнуть хорошаго состоянія. За всѣмъ тѣмъ однако-жъ при какомъ бы то ни было знаніи могли бы довольствоваться пріобрѣтаемымъ ими, если бы случающіяся изъ разныхъ обстоятельствъ *другія тягости* не прерывали ихъ упражненія и *не ввергали въ отчаяніе* придти къ хорошему состоянію. *Перемѣны и революціи въ краѣ, постои и переходы войскъ* и все то, требуя разнаго иждивенія и услугъ, удаляетъ крестьянъ отъ попеченія о домѣ и земледѣліи и лишаетъ запасовъ, обезпечивающихъ доброе состояніе. *Неурожай* во многихъ мѣстахъ по причинѣ песчаныхъ и низкихъ земель, *ежечасно случающійся*, а къ тому и *падежъ скота* истребляетъ въ людяхъ поощреніе къ трудолюбію. Неспособность во многихъ мѣстахъ къ торговлѣ, а въ нѣкоторыхъ трудное сухимъ путемъ доставленіе продуктовъ не усугубляютъ помощи крестьянамъ къ исправленію ихъ состоянія“ [1]).

---

[1]) С. А. Бершадскій. Положеніе о евреяхъ 1804 года.—Восходъ 1895 г., кн. I, III, IV и VI.

Указывая этотъ источникъ, долженъ отмѣтить, что приводимые

Ясно, что при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ требовался рядъ серьезныхъ мѣропріятій; судя по картинѣ бѣдствія, нарисованной самими дворянами, надлежало поднять умственное развитіе населенія, позаботиться объ обезпеченіи его хлѣбомъ на случай неурожаевъ, улучшить пути сообщенія, оживить торговлю, не говоря уже объ уменьшеніи помѣщичьихъ поборовъ. Но дворяне не желали признать, что основной причиной раззоренія крестьянъ являлось крѣпостничество, они также не хотѣли пожертвовать чѣмъ-либо на благо народа, и потому ограничились тѣмъ, что предложили объявить крестьянамъ, что если они будутъ обращаться къ земскому начальству съ жалобами на притѣсненія помѣщика, то получатъ справедливое удовлетвореніе, а затѣмъ дворяне постановили дозволить крестьянамъ вывозить куда угодно и продавать по какой желаютъ цѣнѣ продукты своего хозяйства, „не держась прежде бывшаго неистоваго обыкновенія продажи одному собственно арендарю" и запретить краткосрочную аренду фольварковъ, влекшую за собою хищническую эксплоатацію земли. Помимо сего, жалуясь на то, что нѣкоторые священники „всякаго исповѣданія" угнетаютъ народъ вымогательствами, дворяне просили не дозволять пастырямъ брать лишнее за крещеніе, погребеніе и проч.

Такія мѣры, конечно, не могли имѣть существеннаго значенія при тѣхъ экономическихъ и бытовыхъ условіяхъ, которыя довели населеніе до полнаго обнищанія и деморализаціи. Дворяне это понимали и потому, чтобы смягчить впечатлѣніе, которое производили тяжкія послѣдствія отъ революцій, неурожаевъ и проч., они сочли нужнымъ разыскать другаго виновника народныхъ бѣдствій, котораго къ тому же можно было наказать. Они его нашли—это былъ еврей!

„При сихъ несовершенствахъ, — заявляли дворяне въ своемъ объясненіи, — *вящшею еще причиною суть евреи* на арендахъ и шинкахъ владѣльцами удерживаемые, въ про-

---

Бершадскимъ документы были свѣрены мною съ подлинниками, (1 Отд. 3 Деп. Сената, 1797, № 64. Объ утвержденіи мнѣнія двор. маршаловъ Минской губ. объ ограниченіи правъ евреевъ и объ учрежденіи хозяйств. части), причемъ я воспользовался нѣкоторыми данными, которыхъ Бершадскій не напечаталъ.

тивность повелѣній отъ начальства"... Сообразно съ этимъ была намѣчена еще одна мѣра къ предотвращенію народнаго бѣдствія,— именно предоставить винокуреніе однимъ только помѣщикамъ, „а евреямъ и прочимъ шинкарямъ и арендаторамъ вовсе по предписанію начальства запретить".

Минскій губернаторъ, извѣстный масонъ Захаръ Карнѣевъ не переоцѣнилъ, подобно дворянамъ, значенія того обстоятельства, что евреи являются въ краѣ главнымъ образомъ арендаторами и шинкарями. Вообще, основную причину бѣдствія края онъ видѣлъ въ томъ, что помѣщики отдавали свои земли въ краткосрочныя аренды (побуждавшія арендаторовъ вести наиболѣе интенсивное хозяйство, обезсиливавшее землю); что касается эксплоататорской дѣятельности евреевъ, по словамъ минскихъ маршаловъ „разоряющихъ крестьянъ чрезъ содержаніе по деревнямъ арендъ и чрезъ власть на закупку всѣхъ продуктовъ отъ крестьянъ, многими помѣщиками изъ жадности къ прибыли позволяемую", то Карнѣевъ ограничился опубликованіемъ предостереженія крестьянамъ, что евреи ихъ эксплоатируютъ.

Эти объясненія маршаловъ и донесеніе Карнѣева государь переслалъ генералъ-прокурору Куракину для передачи на разсмотрѣніе сената; но вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ I, какъ онъ сообщалъ Куракину, предписалъ минскому губернатору, „чтобы онъ по должности своей принялъ мѣры, сходныя съ расположеніемъ маршаловъ *объ ограниченіи права евреевъ разоряющихъ крестьянъ* и духовенства, притѣсняющаго ихъ неумѣренными поборами, такъ какъ и о продолженіи срока арендамъ".

Неизвѣстно, чѣмъ было вызвано это распоряженіе государя: тѣмъ ли, что онъ получилъ увѣренность, что евреи, наряду съ духовенствомъ, особенно вредно дѣйствуютъ на состояніе края, или тѣмъ—это болѣе вѣроятно—что подобныя мѣры легче было, какъ могло казаться, осуществить, нежели рядъ хозяйственныхъ мѣропріятій—какъ бы ни было оставивъ въ сторонѣ важнѣйшія причины бѣдствія крестьянъ, не остановившись даже на томъ стѣсненіи, отмѣченномъ минскими дворянами (а потомъ и сенатомъ), которое населеніе испытывало не имѣя права, по корыстолюбію нѣкоторыхъ помѣщиковъ, продавать въ уѣздѣ свои продукты никому другому, какъ арендатору,—указъ Павла I придалъ въ

глазахъ сената доменирующее значеніе *вреду,* наносимому населенію *евреями* (хотя бы наряду съ духовенствомъ и краткосрочной арендой). Въ связи съ этимъ, выслушавъ высочайшій указъ, сенатъ началъ собирать новыя данныя о минскихъ евреяхъ, и тогда дворяне, освѣдомленные о государевомъ повелѣніи, составили, какъ видно, свои новыя заключенія еще въ болѣе неблагопріятномъ для евреевъ смыслѣ, чѣмъ первыя объясненія; на основаніи этихъ документовъ сенатъ постановилъ, что „минской губерніи поселяне находятся въ крайней бѣдности *не столько* отъ *ежечастныхъ неурожаевъ*, сколько отъ того, что владѣльцы держатъ въ селеніяхъ своихъ евреевъ на арендахъ и шинкахъ, которые дачею крестьянамъ въ долгъ вина подъ закладъ необходимо нужныхъ имъ вещей, приводятъ ихъ въ убожество и неспособными дѣлаютъ къ хозяйствованію".

Вредъ, причиняемый военными постоями, „перемѣнами и революціями", невѣжествомъ и лѣнію населенія, — все это было отвергнуто сенатомъ, какъ причины бѣдствій, но вмѣстѣ съ тѣмъ было поставлено на видъ, что зло, проистекающее отъ евреевъ, пагубнѣе даже ежечастныхъ неурожаевъ. Тогда же, преслѣдуя якобы ту цѣль, чтобы „учрежденіе хозяйственной части на лучшемъ и полезнѣйшемъ основаніи послѣдовало *и въ прочихъ губерніяхъ отъ Польши пріобрѣтенныхъ*", сенатъ испросилъ[1]) высочайшее разрѣшеніе отобрать у надлежащихъ губернаторовъ какъ ихъ мнѣнія, такъ и отзывы дворянъ по вопросу о благосостояніи мѣстныхъ крестьянъ. Въ дѣйствительности же сенатъ имѣлъ въ виду евреевъ; стремясь воздѣйствовать въ этомъ направленіи на доклады губернаторовъ и дворянъ, онъ разослалъ кому слѣдовало объясненіе минскихъ дворянъ, удостоенное высочайшаго одобренія [2]), которое поневолѣ должно было побудить губернаторовъ и дворянъ остановить свое вниманіе главнымъ образомъ на вопросѣ о евреяхъ.

Это давленіе произвело свое дѣйствіе и, какъ говоритъ С. А. Бершадскій, общій характеръ всѣхъ поступившихъ въ сенатъ документовъ опредѣлился именно этимъ минскимъ

---

[1]) „Арх. Сената „Минскіе евреи" Апр. 1798 г.

[2]) „... по разсмотрѣніи положенія учиненнаго въ минской губерніи... которое удостоено Высочайшаго благоволѣнія..." писали литовскіе дворяне въ своемъ донесеніи.

объясненіемъ: „Нѣтъ попытки поставить вопросъ на новую почву, дать ему внутреннее обоснованіе. Все сводится къ отвѣту на предложеніе, сдѣланное сенатомъ, отвѣту, составленному по опредѣленному заранѣе образцу; только коегдѣ къ этому отвѣту на оффиціальный запросъ присоединяется ходатайство объ утвержденіи или расширеніи льготъ помѣщиковъ", и потому большинство этихъ записокъ отличаются такой же логическою непослѣдовательностью, какъ и минскіе документы. Такъ, напр., подольскіе дворяне съ первыхъ же строкъ спѣшатъ заявить, что они защищаютъ народъ отъ грабительства евреевъ-арендаторовъ, и лишь потомъ добавляютъ, что крестьяне раззорены „неурожаемъ хлѣба, народною моровою язвою и падежами скота" и что „попеченіе правительства, ласковое обхожденіе (!) и снабженіе въ ихъ нуждахъ отъ дворянства не суть въ возможности удержать ихъ отъ ежедневныхъ побѣговъ за-границу".

Съ этого момента правительство усваиваетъ новую тенденцію; въ противоположность прежней практикѣ, вопросы еврейской жизни, которые по роду своего возникновенія носили мѣстный или частный характеръ, оно стало разрѣшать въ отношеніи всего еврейскаго населенія въ Россіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что евреи проживали въ уѣздахъ въ чрезмѣрномъ количествѣ, не соотвѣтствовавшемъ экономической силѣ края и что, принимая широкое участіе въ куреніи и продажѣ водки, они подрывали благосостояніе крестьянъ. Это положеніе явилось результатомъ историческаго прошлаго евреевъ въ Польшѣ. Польскіе города, считая торговлю и отправленіе ремеслъ своей привилегіей, всячески старались избавиться отъ конкуррентовъ-евреевъ, и послѣдніе, часто видя предъ собою городскія ворота закрытыми, поневолѣ направлялись въ уѣзды: тамъ ихъ гостепріимно встрѣчали помѣщики, отдававшіе имъ на откупъ различныя отрасли хозяйства и, между прочимъ, куреніе и продажу водки, служившія однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ дохода помѣщиковъ и государства, и ставшія главнѣйшимъ источникомъ пропитанія евреевъ въ уѣздахъ.

Такой порядокъ съ теченіемъ времени сталъ какъ бы основой государственнаго хозяйства въ Польшѣ и это значеніе онъ сохранилъ и по переходѣ польскихъ земель къ

Россіи, такъ какъ и русскій государственный бюджетъ, подобно польскому, въ своей значительной части зиждился на доходахъ отъ потребленія водки; на нихъ же основывался бюджетъ разнообразныхъ юридическихъ лицъ (городовъ, казенныхъ имѣній и проч.) и частныхъ землевладѣльцевъ. Указанное положеніе приняло въ Россіи, повидимому, даже болѣе острыя формы, потому что благодаря событіямъ, сопровождавшимъ раздѣлы Польши, торговля и земледѣліе въ польскихъ губерніяхъ пришли въ упадокъ и доходы отъ потребленія водки стали еще болѣе необходимыми. Въ силу этихъ обстоятельствъ, еврей, оставшійся, по переходѣ въ новое подданство, на прежнемъ мѣстѣ и при прежнихъ условіяхъ своей экономической жизни, по необходимости продолжалъ свое давнее участіе въ этомъ невольномъ союзѣ правительства и господствовавшаго класса въ опаиваніи народа, а такъ какъ само право винокуренія не принадлежало еврею, то онъ выступалъ лишь въ качествѣ посредника между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ, въ качествѣ арендатора и корчмаря въ частныхъ и казенныхъ имѣніяхъ.

Чрезмѣрное производство и потребленіе водки, на ряду съ другими соціально-экономическими условіями края, печально отражалось на закрѣпощенномъ, невѣжественномъ крестьянинѣ, и русскіе люди, видя предъ собою бѣдственное положеніе народа, не зная или не смѣя сказать, въ чемъ его истинная причина, указывали на еврея, какъ на виновника всѣхъ золъ. И, дѣйствительно, съ перваго взгляда это могло казаться правдой, потому что открыто, на виду у всѣхъ, деньги за водку съ крестьянина бралъ — еврей, а потомъ, уже незамѣтнымъ образомъ, деньги эти переходили въ кошелекъ помѣщика. Такимъ путемъ создавалась легенда о еврѣ, какъ о геніи зла, какъ о крестьянскомъ палачѣ; являлось представленіе, что именно онъ истощаетъ крестьянина, лишаетъ его благосостоянія, отвращаетъ его отъ труда. Въ интересахъ помѣщиковъ было поддерживать эту легенду и вмѣстѣ съ тѣмъ не принимать никакихъ мѣръ къ спасенію крестьянина отъ хищничества его врага-еврея, ибо за этимъ, въ сущности миѳическимъ врагомъ, стоялъ самъ помѣщикъ, строившій свое благополучіе на пьянствѣ крестьянъ и своей властью заставлявшій крестьянъ подчи-

няться тѣмъ условіямъ, на которыхъ онъ отдавалъ еврею винный и другіе откупа.

При тогдашнихъ мѣстныхъ соціально-экономическихъ условіяхъ еврей являлся необходимымъ элементомъ въ хозяйствѣ. Въ видѣ иллюстраціи можно отмѣтить, что не смотря на то, что съ 1783 г., съ цѣлью избавить крестьянъ отъ вредоноснаго сосѣдства, нѣсколько разъ слѣдовали распоряженія о выселеніи евреевъ изъ селъ и деревень бѣлорусской губерніи, эта принудительная мѣра не была осуществлена. Поэтому же на запросъ сената объ улучшеніи мѣстнаго хозяйства дворяне польскихъ губерній отвѣтили, что евреевъ не должно допускать къ винокуренію (это была прибыльная привилегія дворянъ, городовъ, монастырей и проч.), но можно оставить при арендахъ и шинкахъ, т. е. сохранить старое положеніе вещей. Единственно, что они предложили новое—это привлечь часть евреевъ къ земледѣлію. Въ этомъ же смыслѣ высказались и представители мѣстной власти: констатируя нищету евреевъ, они не рѣшались съ одной стороны предпринять въ отношеніи ихъ какакія либо принудительныя мѣры, съ другой стороны—не рѣшались внести улучшеніе въ условія еврейской жизни.

Это не было фактомъ, благопріятнымъ для евреевъ; являясь такой же, какъ и крестьяне, жертвой тогдашняго государственно-хозяйственнаго строя, соотвѣтствовавшаго интересамъ однихъ лишь помѣщиковъ, евреи испытывали острую нужду въ улучшеніи своего экономическаго быта.

Будучи вынужденъ играть позорную роль посредника между шляхтой и крестьянами въ качествѣ шинкаря или арендатора, ничего не находя кромѣ презрѣнія у пановъ и ненависти у холоповъ,—еврей цѣною тяжелыхъ физическихъ и нравственныхъ страданіи покупалъ себѣ одно лишь право—право прожить въ нищетѣ сегодняшній день въ страхѣ за завтрашній.

Тяжелое матеріальное стѣсненіе еврейскаго населенія обусловливалось также обстоятельствами его правоваго быта. Черта осѣдлости являлась въ данномъ случаѣ одной изъ главнѣйшихъ причинъ, равно какъ и двойная подать. «Отъ наложенія платить двойную подать,—говоритъ еврейскій печальникъ Натанъ Ноте,—за прошедшіе годы

накоплялись большія недоимки; ибо бѣдные, лишившись способа къ жизни, и самые нищіе и увѣчные находясь не въ состояніи оную платить, то къ очисткѣ таковыхъ недоимокъ члены кагаловъ, къ коимъ всѣ евреи приписаны, бывъ строго отъ начальства понуждаемы не только секвестромъ имѣнія, но и содержаніемъ подъ арестомъ, располагали оныя на зажиточнѣйшихъ; изъ сего произошло, что въ нѣсколько кратъ, а не двойную подать принуждены были платить. Квремя отъ времени число бѣдныхъ размножается, кои къ поправленію своему способовъ не имѣютъ, а зажиточные неминуемо въ худое приходятъ состояніе и раззоряются".

Были и другія обстоятельства, вредно отражавшіяся на матеріальномъ благополучіи еврейскаго населенія — помѣщики облагали непомѣрной податью жившихъ на ихъ земляхъ евреевъ, своевольно лишали ихъ имуществъ, изгоняли съ насиженныхъ мѣстъ и проч. — Благополучіе массы подрывалось и событіями въ ея внутренней жизни, полной смутъ и междуусобія.

Безсильная бороться съ тяжелыми внѣшними условіями, еврейская масса не была въ состояніи защитить себя и отъ внутреннихъ враговъ, такъ какъ, „старшины столько взяли власти и такое возымѣли вліяніе надъ простымъ исповѣданія ихъ народомъ—какъ вѣрно описывалъ одинъ русскій наблюдатель—что они принуждены въ покорности, безъ роптанья и въ глубочайшемъ молчаніи нести ихъ тяжелые налоги, обращаемые старостами въ свою лишь пользу. Народъ же, устрашенъ будучи ихъ проклятіями, не смѣетъ обнаружить чрезмѣрнаго и несправедливаго ихъ отягощенія. Для достиженія неограниченной власти надъ народомъ и утвержденія ея, старѣйшины стараются удерживать въ немъ невѣжество, суевѣріе и фанатизмъ".

Въ связи съ такими, установившимися въ теченіе вѣковъ условіями внутренней религіозно-общественной жизни еврейская масса нуждалась не только въ экономической, но и въ культурной реформѣ.

Жестокая судьба въ теченіе вѣковъ лишала евреевъ права наслаждаться жизнью и, вынужденные отказаться отъ радостей тлѣннаго міра, они возносились своими мыслями и сердцемъ въ горнія выси, гдѣ умолкалъ ихъ скорбный плачъ.

Находя въ религіи единственное утѣшеніе, еврейская масса тѣмъ ревнивѣе оберегала ее, чѣмъ тягостнѣе становилась земная жизнь; въ то же время она всегда была готова увлечься проповѣдью новаго учителя, который могъ бы исцѣлить раны сердца. Вотъ почему, обезсиленная тяжелыми условіями внѣшней жизни и гнетомъ со стороны кагаловъ и раввиновъ, значительная часть польско-русскаго еврейства съ чистой вѣрой приняла во второй половинѣ 18 в. ученіе Бешта. Но начала, положенныя этимъ отцомъ хасидизма въ основу своего ученія—искреннее благочестіе, душевная и тѣлесная чистота, равенство между богатыми и бѣдными, отрицаніе института раввиновъ—все это было забыто вскорѣ послѣ смерти учителя; цадики, увѣрившіе народъ въ своей чудодѣйственной силѣ, опутали его грубымъ мистицизмомъ и невѣжествомъ; придавъ своей власти династическій характеръ, они вступили изъ за нея въ междуусобную борьбу, внеся расколъ и смуту среди юго-западныхъ евреевъ.

Въ жизни евреевъ-хасидовъ доминирующее значеніе пріобрѣло богослуженіе не только въ ущербъ общему просвѣщенію, но и еврейскому знанію. Другая же часть польско-русскаго еврейства, враждебно относившаяся къ хасидамъ, сосредоточивъ свой умственный интересъ на талмудѣ и богословской литературѣ, съ неменьшей враждой относилась къ общему образованію. Даже раввины, въ слѣпой преданности іудаизму, страшась лучей просвѣщенія, братски подавали руку хасидамъ для борьбы съ этимъ общимъ врагомъ. — Сообразно съ этимъ, воспитаніе юношества, строй общественной и семейной жизни—все покоилось на основахъ, покрытыхъ плѣсенью вѣковой старины.

Нужна была общая коренная реформа. И прежде всего экономическая, долженствовавшая, въ частности, поднять нравственный уровень еврейской массы, значительно понизившійся въ долгой, тяжелой борьбѣ изъ за куска хлѣба. А между тѣмъ сенатъ, видя изъ поступившихъ къ нему данныхъ, что евреи находились въ такой же нищетѣ, какъ и крестьяне, не поставилъ на очередъ вопросъ объ экономической жизни еврейскаго населенія; руководствуясь однимъ лишь соображеніемъ о благополучіи крестьянъ, онъ намѣревался судьбу проживавшаго въ уѣздахъ многочисленнаго еврейскаго населенія рѣшить въ зависимости отъ нуждъ

крестьянскаго населенія, не озабочиваясь вопросомъ о благѣ самихъ евреевъ.

Правда, вынужденный дать отвѣтъ на цѣлый рядъ возникшихъ въ то время вопросовъ еврейской жизни, сенатъ пришелъ къ необходимости разработать „общее постановленіе о евреяхъ“ и направить его не только къ тому, чтобы „обезвредить“ евреевъ, но и къ тому, чтобы ихъ существованіе поставить, въ извѣстныхъ рамкахъ, въ болѣе благопріятныя условія.

Но при этомъ сенатъ не намѣревался сдѣлать болѣе, чѣмъ исправить нѣкоторыя ошибки прошлаго и упорядочить отдѣльныя стороны еврейской жизни. А это было далеко не то, въ чемъ она нуждалась; даже для того, чтобы только „обезвредить“ еврея, не помышляя о его нуждахъ, чтобы уничтожить одни тѣ отрицательныя явленія еврейской жизни, которыя вредно отражались на благосостояніи окружающаго христіанскаго населенія, недостаточно было ввести частичныя измѣненія въ бытѣ евреевъ, ибо указанныя явленія глубоко коренились въ самой основѣ гражданскаго положенія евреевъ. Еще менѣе соотвѣтствовала узкая программа сената потребности удовлетворить экономическія нужды еврейскаго населенія. А въ это время уже ясно обозначилась необходимость не только пойти на встрѣчу экономическимъ нуждамъ евреевъ, но и возстановить равновѣсіе въ ихъ гражданской жизни, нарушенное какъ законодательствомъ Екатерины II, такъ и вообще несоотвѣтствіемъ между вѣковыми формами ихъ быта, установившимися въ Польшѣ, и новыми условіями окружающей обстановки, въ которыхъ очутилось бывшее польское еврейство перейдя въ русское подданство.

Польскіе отголоски рѣзкимъ диссонансомъ врывались въ жизнь евреевъ, какъ русскихъ гражданъ (хотя и неполноправныхъ).

Была необходимость направить еврейскую жизнь по новому руслу, въ корнѣ реорганизовать ее, сочетать ея старыя формы съ требованіями русской государственности и, въ связи съ этимъ, внести также измѣненія во внутреннюю жизнь еврейскаго общества, полную насилія и гнета со стороны господствовавшаго класса.

Первый понялъ это литовскій губернаторъ Фризель.

которая полностью компенсировала отсутствіе гражданскихъ правъ. Пусть на одной чашѣ вѣсовъ еврейской жизни лежала тяжесть гражданскаго отчужденія и безправія, на другой чашѣ прочно покоилось внутреннее самоуправленіе,— равновѣсіе такимъ образомъ сохранялось. И ясно, что при подобныхъ условіяхъ лишь ту реформу еврейской жизни исходившую отъ русской власти можно было признать направленной на пользу еврейскаго народа, которая не нарушала этого равновѣсія. Актомъ государственной мудрости и справедливости могло почитаться лишь то мѣропріятіе русской власти, которое, нарушая хотя бы частично еврейскую автономію, давало взамѣнъ еврейскому народу новое право общегражданскаго характера.

Такимъ именно актомъ было уравненіе евреевъ въ правахъ и обязанностяхъ съ христіанскимъ торгово-промышленнымъ классомъ. Въ это время Екатерина II неоднократно осуществляла въ отношеніе евреевъ ею же провозглашенный принципъ, что „всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа". Но вскорѣ, подобно многимъ другимъ либеральнымъ воззрѣніямъ государыни, не выдерживавшимъ столкновенія съ дѣйствительностью, либеральное настроеніе Екатерины II въ вопросахъ касающихся евреевъ внезапно уступило мѣсто грубому нарушенію ихъ правъ и оскорбленію ихъ достоинства, какъ гражданъ. Въ 1791 г. для нихъ устанавливается „черта" осѣдлости, въ 1794 г. опредѣляется подать „вдвое противу положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исповѣданій"; вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается тенденція освобождать уѣзды отъ евреевъ, а затѣмъ государыня соглашается на введеніе ограничительныхъ мѣръ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ отношеніи участія евреевъ въ органахъ городского и сословнаго самоуправленія. Наряду же съ этимъ государыня настаиваетъ, чтобы кагалы не касались „иныхъ дѣлъ, кромѣ обрядовъ закона и богослуженія", т. е. чтобы евреи не пользовались внутреннимъ самоуправленіемъ въ прежнихъ рамкахъ.

Такимъ образомъ въ царствованіе Екатерины II произошла ломка „польской" жизни евреевъ, но на мѣстѣ развалинъ не было возведено новое зданіе, которое служило бы

Литовской губерніи, которое только послѣ двукратнаго сношенія и исправленія признано было губернатóромъ за достаточное, а равно и съ мнѣніемъ по этимъ вопросамъ самаго губернатора, нельзя не признать, говоритъ Бершадскій, что ссылка на недостатокъ людей, знающихъ основательно польскій и русскій языки, была только формальною, главная-же причина заключалась въ томъ, что самъ губернаторъ взглянулъ на вопросы, поднятые правительствомъ, и, главнымъ образомъ, на вопросы о положеніи евреевъ и крестьянъ, гораздо глубже и серьезнѣе, чѣмъ всѣ его предшественники. Очевидно, его пребываніе на различныхъ военныхъ и гражданскихъ должностяхъ[1])

[1]) Иванъ Григорьевичъ Фризель, по собраннымъ Бершадскимъ свѣдѣніямъ, родомъ изъ эстляндскихъ дворянъ, родился въ 1760 году. Пятнадцати лѣтъ онъ уже поступилъ въ военную службу сержантомъ. Проходя затѣмъ многія должности въ различныхъ родахъ войскъ, напр., въ пѣхотномъ полку на кавказской линіи, въ оренбургскомъ мушкатерскомъ полку, въ воронежскомъ гусарскомъ, онъ выказываетъ очень рано административныя способности и извѣстную подготовку, такъ какъ 24-лѣтъ получаетъ назначеніе адъютантомъ въ штабъ генералъ-маіора Пеутлинга, а 25-ти становится оберъ-авдиторомъ; въ 1790 г. его назначаютъ въ составъ комиссіи для веденія секретной переписки съ шведскимъ королемъ по поводу заключенія мирнаго договора между Россіей и Швеціею. Онъ принималъ участіе въ походахъ 1778 и 1779 гг. въ Польшѣ, въ 1783 г. на кавказской линіи при приведеніи въ повиновеніе абазинскаго народа и кубанскихъ татаръ, затѣмъ противъ чеченцевъ; почти весь 1790 г. Фризель служилъ въ финляндской арміи, принявъ участіе въ сраженіи при іордаюмскомъ посту; 1793 и 1794 г. Фризель провелъ въ арміи, дѣйствовавшей въ Польшѣ при занятіи возвращенныхъ отъ нея областей къ Россіи и походахъ противъ поляковъ. Уволенный въ 1794 г. отъ военной службы въ чинѣ полковника, онъ получаетъ видное мѣсто начальника казеннаго отдѣленія въ верховномъ литовскомъ правленіи во вновь присоединенной къ Россіи области. Въ 1796 г. (апрѣля 14) Фризель назначается на должность вице-губернатора виленской губерніи; въ томъ же году получаетъ постъ литовскаго почтъ-директора съ производствомъ въ статскія совѣтники, а въ 1798 г. (19 дек.) назначается литовскимъ губернаторомъ. Въ 1800 г., 40 лѣтъ отъ роду онъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ. (Въ августѣ 1800 г. онъ еще состоялъ литовскимъ губернаторомъ). Въ царствованіе Александра I-го онъ остается не у дѣлъ: въ 1802 г. встрѣчается упоминаніе о Фризелѣ, какъ о бывшемъ литовскомъ гражданскомъ губернаторѣ; за этимъ свѣдѣнія прекращаются: ни въ числѣ высшихъ чиновъ судебнаго или административнаго вѣдомства, ни въ числѣ лицъ съ придворнымъ званіемъ его имя не встрѣчается.

при самомъ своемъ зарожденіи реформа получила направленіе, которое полностью отразилось на всемъ дальнѣйшемъ законодательствѣ о евреяхъ.

Въ 1797 году, освѣдомленный о бѣдственномъ положеніи крестьянъ въ Минской губерніи, Павелъ I предписалъ тамошнему губернатору Карнѣеву доставить „изъясненіе причинъ бѣднаго крестьянъ состоянія съ изысканіемъ средствъ къ исправленію онаго", обсудивъ предварительно вопросъ совмѣстно съ дворянствомъ; вслѣдствіе этого, губернаторъ представилъ при рапортѣ отъ 13 іюля 1797 г., соотвѣтствующее объясненіе, составленное на съѣздѣ мѣстныхъ маршаловъ.

Этотъ документъ, равно вызванныя имъ послѣдствія, прекрасно иллюстрируютъ современное отношеніе правительства и общества къ евреямъ.

Дворяне объяснили, что „злощастнымъ жребіемъ сего края крестьяне, *мало обрѣтая знаніе въ земледѣліи*, не могутъ быть въ хорошемъ состояніи, а простолюдство ихъ есть причиною неспособности къ заведенію порядочнаго хозяйства. Потому, не познавая о несущественной съ хлѣбопашества пользы и *проживая безъ старательства*, не могутъ достигнуть хорошаго состоянія. За всѣмъ тѣмъ однако-жъ при какомъ бы то ни было знаніи могли бы довольствоваться пріобрѣтаемымъ ими, если бы случающіяся изъ разныхъ обстоятельствъ *другія тягости* не прерывали ихъ упражненія и *не ввергали въ отчаяніе* придти къ хорошему состоянію. *Перемѣны и революціи въ краѣ, постои и переходы войскъ* и все то, требуя разнаго иждивенія и услугъ, удаляетъ крестьянъ отъ попеченія о домѣ и земледѣліи и лишаетъ запасовъ, обезпечивающихъ доброе состояніе. *Неурожай* во многихъ мѣстахъ по причинѣ песчаныхъ и низкихъ земель, *ежечасно случающійся*, а къ тому и *падежъ скота* истребляетъ въ людяхъ поощреніе къ трудолюбію. Неспособность во многихъ мѣстахъ къ торговлѣ, а въ нѣкоторыхъ трудное сухимъ путемъ доставленіе продуктовъ не усугубляютъ помощи крестьянамъ къ исправленію ихъ состоянія" [1]).

---

[1]) С. А. Бершадскій. Положеніе о евреяхъ 1804 года.—Восходъ 1895 г., кн. I, III, IV и VI.

Указывая этотъ источникъ, долженъ отмѣтить, что приводимые

ніями различныхъ классовъ литовскаго общества,—проникнуты искреннимъ желаніемъ блага, какъ евреямъ, такъ и остальнымъ классамъ.

По самой постановкѣ вопросовъ отвѣты должны были сосредоточиться на положеніи евреевъ, но Фризель на столько-же внимательно относится и къ положенію крестьянъ, предлагая весьма существенныя мѣры къ улучшенію ихъ быта путемъ ограниченія власти помѣщиковъ. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что мнѣнія Фризеля по этому предмету представлены были въ то время, когда правительство возстановляло въ Литвѣ всѣ отношенія стараго времени, когда и въ великой Россіи начинались лишь слабыя попытки ограниченія помѣщичьяго произвола.

Къ этимъ справедливымъ строкамъ Бершадскаго остается мало что добавить. Дѣйствительно, Фризель рисуетъ отрицательныя стороны еврейской жизни нѣсколько сгущенными красками, но будучи свидѣтелемъ религіозной борьбы среди польско-русскаго еврейства, принявшей въ Литвѣ въ то время крайнія уродливо-дикія формы, Фризель видѣлъ, до какого нравственнаго паденія дошло еврейское населеніе въ пылу ожесточеннаго междуусобія. Взаимныя оскорбленія и доносы, преступленія и убійства покрыли позоромъ еврейскую жизнь. Но и при такомъ знакомствѣ Фризеля съ внутреннимъ бытомъ евреевъ, его реформа была подсказана довѣріемъ и доброжелательствомъ къ евреямъ. Потребовавъ, чтобы была уничтожена автономія еврейскаго общества, и чтобы господствующій въ еврействѣ классъ былъ лишенъ той власти, которою во имя вѣры, во имя „блага народа", онъ такъ злоупотреблялъ, Фризель уравнялъ евреевъ въ своемъ проектѣ съ христіанами въ гражданскомъ отношеніи. Гражданскія права и просвѣщеніе,—вотъ что должно было, по мысли Фризеля, излечить евреевъ, сдѣлать ихъ гражданами. И если въ дальнѣйшемъ рѣчь о просвѣщеніи стала какъ бы обязательной при обсужденіи еврейской реформы,—нигдѣ просвѣщеніе евреевъ не было такъ слито съ требованіемъ для нихъ достойной гражданской жизни, какъ въ проектѣ Фирзеля.

Всѣ „мнѣнія" дворянъ польскихъ губерній и губернаторовъ поступили въ третій департаментъ сената. Здѣсь съ ними ознакомился, между прочимъ, сенаторъ, поэтъ Держа-

тивность повелѣній отъ начальства"... Сообразно съ этимъ была намѣчена еще одна мѣра къ предотвращенію народнаго бѣдствія,— именно предоставить винокуреніе однимъ только помѣщикамъ, „а евреямъ и прочимъ шинкарямъ и арендаторамъ вовсе по предписанію начальства запретить".

Минскій губернаторъ, извѣстный масонъ Захаръ Карнѣевъ не переоцѣнилъ, подобно дворянамъ, значенія того обстоятельства, что евреи являются въ краѣ главнымъ образомъ арендаторами и шинкарями. Вообще, основную причину бѣдствія края онъ видѣлъ въ томъ, что помѣщики отдавали свои земли въ краткосрочныя аренды (побуждавшія арендаторовъ вести наиболѣе интенсивное хозяйство, обезсиливавшее землю); что касается эксплоататорской дѣятельности евреевъ, по словамъ минскихъ маршаловъ „разоряющихъ крестьянъ чрезъ содержаніе по деревнямъ арендъ и чрезъ власть на закупку всѣхъ продуктовъ отъ крестьянъ, многими помѣщиками изъ жадности къ прибыли позволяемую", то Карнѣевъ ограничился опубликованіемъ предостереженія крестьянамъ, что евреи ихъ эксплоатируютъ.

Эти объясненія маршаловъ и донесеніе Карнѣева государь переслалъ генералъ-прокурору Куракину для передачи на разсмотрѣніе сената; но вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ I, какъ онъ сообщалъ Куракину, предписалъ минскому губернатору, „чтобы онъ по должности своей принялъ мѣры, сходныя съ расположеніемъ маршаловъ *объ ограниченіи права евреевъ разоряющихъ крестьянъ* и духовенства, притѣсняющаго ихъ неумѣренными поборами, такъ какъ и о продолженіи срока арендамъ".

Неизвѣстно, чѣмъ было вызвано это распоряженіе государя: тѣмъ ли, что онъ получилъ увѣренность, что евреи, наряду съ духовенствомъ, особенно вредно дѣйствуютъ на состояніе края, или тѣмъ—это болѣе вѣроятно—что подобныя мѣры легче было, какъ могло казаться, осуществить, нежели рядъ хозяйственныхъ мѣропріятій—какъ бы ни было оставивъ въ сторонѣ важнѣйшія причины бѣдствія крестьянъ, не остановившись даже на томъ стѣсненіи, отмѣченномъ минскими дворянами (а потомъ и сенатомъ), которое населеніе испытывало не имѣя права, по корыстолюбію нѣкоторыхъ помѣщиковъ, продавать въ уѣздѣ свои продукты никому другому, какъ арендатору,—указъ Павла I придалъ въ

глазахъ сената доменирующее значеніе *вреду,* наносимому населенію *евреями* (хотя бы наряду съ духовенствомъ и краткосрочной арендой). Въ связи съ этимъ, выслушавъ высочайшій указъ, сенатъ началъ собирать новыя данныя о минскихъ евреяхъ, и тогда дворяне, освѣдомленные о государевомъ повелѣніи, составили, какъ видно, свои новыя заключенія еще въ болѣе неблагопріятномъ для евреевъ смыслѣ, чѣмъ первыя объясненія; на основаніи этихъ документовъ сенатъ постановилъ, что „минской губерніи поселяне находятся въ крайней бѣдности *не столько* отъ *ежечастныхъ неурожаевъ*, сколько отъ того, что владѣльцы держатъ въ селеніяхъ своихъ евреевъ на арендахъ и шинкахъ, которые дачею крестьянамъ въ долгъ вина подъ закладъ необходимо нужныхъ имъ вещей, приводятъ ихъ въ убожество и неспособными дѣлаютъ къ хозяйствованію".

Вредъ, причиняемый военными постоями, „перемѣнами и революціями", невѣжествомъ и лѣнію населенія, — все это было отвергнуто сенатомъ, какъ причины бѣдствій, но вмѣстѣ съ тѣмъ было поставлено на видъ, что зло, проистекающее отъ евреевъ, пагубнѣе даже ежечастныхъ неурожаевъ. Тогда же, преслѣдуя якобы ту цѣль, чтобы „учрежденіе хозяйственной части на лучшемъ и полезнѣйшемъ основаніи послѣдовало *и въ прочихъ губерніяхъ отъ Польши пріобрѣтенныхъ*", сенатъ испросилъ[1]) высочайшее разрѣшеніе отобрать у надлежащихъ губернаторовъ какъ ихъ мнѣнія, такъ и отзывы дворянъ по вопросу о благосостояніи мѣстныхъ крестьянъ. Въ дѣйствительности же сенатъ имѣлъ въ виду евреевъ; стремясь воздѣйствовать въ этомъ направленіи на доклады губернаторовъ и дворянъ, онъ разослалъ кому слѣдовало объясненіе минскихъ дворянъ, удостоенное высочайшаго одобренія[2]), которое поневолѣ должно было побудить губернаторовъ и дворянъ остановить свое вниманіе главнымъ образомъ на вопросѣ о евреяхъ.

Это давленіе произвело свое дѣйствіе и, какъ говоритъ С. А. Бершадскій, общій характеръ всѣхъ поступившихъ въ сенатъ документовъ опредѣлился именно этимъ минскимъ

---

[1]) „Арх. Сената „Минскіе евреи" Апр. 1798 г.

[2]) „... по разсмотрѣніи положенія учиненнаго въ минской губерніи... которое удостоено Высочайшаго благоволѣнія..." писали литовскіе дворяне въ своемъ донесеніи.

объясненіемъ: „Нѣтъ попытки поставить вопросъ на новую почву, дать ему внутреннее обоснованіе. Все сводится къ отвѣту на предложеніе, сдѣланное сенатомъ, отвѣту, составленному по опредѣленному заранѣе образцу; только коегдѣ къ этому отвѣту на оффиціальный запросъ присоединяется ходатайство объ утвержденіи или расширеніи льготъ помѣщиковъ", и потому большинство этихъ записокъ отличаются такой же логическою непослѣдовательностью, какъ и минскіе документы. Такъ, напр., подольскіе дворяне съ первыхъ же строкъ спѣшатъ заявить, что они защищаютъ народъ отъ грабительства евреевъ-арендаторовъ, и лишь потомъ добавляютъ, что крестьяне раззорены „неурожаемъ хлѣба, народною моровою язвою и падежами скота" и что „попеченіе правительства, ласковое обхожденіе (!) и снабдѣніе въ ихъ нуждахъ отъ дворянства не суть въ возможности удержать ихъ отъ ежедневныхъ побѣговъ за-границу".

Съ этого момента правительство усваиваетъ новую тенденцію; въ противоположность прежней практикѣ, вопросы еврейской жизни, которые по роду своего возникновенія носили мѣстный или частный характеръ, оно стало разрѣшать въ отношеніи всего еврейскаго населенія въ Россіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что евреи проживали въ уѣздахъ въ чрезмѣрномъ количествѣ, не соотвѣтствовавшемъ экономической силѣ края и что, принимая широкое участіе въ куреніи и продажѣ водки, они подрывали благосостояніе крестьянъ. Это положеніе явилось результатомъ историческаго прошлаго евреевъ въ Польшѣ. Польскіе города, считая торговлю и отправленіе ремеслъ своей привилегіей, всячески старались избавиться отъ конкуррентовъ-евреевъ, и послѣдніе, часто видя предъ собою городскія ворота закрытыми, поневолѣ направлялись въ уѣзды: тамъ ихъ гостепріимно встрѣчали помѣщики, отдававшіе имъ на откупъ различныя отрасли хозяйства и, между прочимъ, куреніе и продажу водки, служившія однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ дохода помѣщиковъ и государства, и ставшія главнѣйшимъ источникомъ пропитанія евреевъ въ уѣздахъ.

Такой порядокъ съ теченіемъ времени сталъ какъ бы основой государственнаго хозяйства въ Польшѣ и это значеніе онъ сохранилъ и по переходѣ польскихъ земель къ

Россіи, такъ какъ и русскій государственный бюджетъ, подобно польскому, въ своей значительной части зиждился на доходахъ отъ потребленія водки; на нихъ же основывался бюджетъ разнообразныхъ юридическихъ лицъ (городовъ, казенныхъ имѣній и проч.) и частныхъ землевладѣльцевъ. Указанное положеніе приняло въ Россіи, повидимому, даже болѣе острыя формы, потому что благодаря событіямъ, сопровождавшимъ раздѣлы Польши, торговля и земледѣліе въ польскихъ губерніяхъ пришли въ упадокъ и доходы отъ потребленія водки стали еще болѣе необходимыми. Въ силу этихъ обстоятельствъ, еврей, оставшійся, по переходѣ въ новое подданство, на прежнемъ мѣстѣ и при прежнихъ условіяхъ своей экономической жизни, по необходимости продолжалъ свое давнее участіе въ этомъ невольномъ союзѣ правительства и господствовавшаго класса въ опаиваніи народа, а такъ какъ само право винокуренія не принадлежало еврею, то онъ выступалъ лишь въ качествѣ посредника между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ, въ качествѣ арендатора и корчмаря въ частныхъ и казенныхъ имѣніяхъ.

Чрезмѣрное производство и потребленіе водки, на ряду съ другими соціально-экономическими условіями края, печально отражалось на закрѣпощенномъ, невѣжественномъ крестьянинѣ, и русскіе люди, видя предъ собою бѣдственное положеніе народа, не зная или не смѣя сказать, въ чемъ его истинная причина, указывали на еврея, какъ на виновника всѣхъ золъ. И, дѣйствительно, съ перваго взгляда это могло казаться правдой, потому что открыто на виду у всѣхъ, деньги за водку съ крестьянина бралъ — еврей, а потомъ, уже незамѣтнымъ образомъ, деньги эти переходили въ кошелекъ помѣщика. Такимъ путемъ создавалась легенда о еврѣѣ, какъ о геніи зла, какъ о крестьянскомъ палачѣ; являлось представленіе, что именно онъ истощаетъ крестьянина, лишаетъ его благосостоянія, отвращаетъ его отъ труда. Въ интересахъ помѣщиковъ было поддерживать эту легенду и вмѣстѣ съ тѣмъ не принимать никакихъ мѣръ къ спасенію крестьянина отъ хищничества его врага-еврея, ибо за этимъ, въ сущности миѳическимъ врагомъ, стоялъ самъ помѣщикъ, строившій свое благополучіе на пьянствѣ крестьянъ и своей властью заставлявшій крестьянъ подчи-

няться тѣмъ условіямъ, на которыхъ онъ отдавалъ еврею винный и другіе откупа.

При тогдашнихъ мѣстныхъ соціально-экономическихъ условіяхъ еврей являлся необходимымъ элементомъ въ хозяйствѣ. Въ видѣ иллюстраціи можно отмѣтить, что не смотря на то, что съ 1783 г., съ цѣлью избавить крестьянъ отъ вредоноснаго сосѣдства, нѣсколько разъ слѣдовали распоряженія о выселеніи евреевъ изъ селъ и деревень бѣлорусской губерніи, эта принудительная мѣра не была осуществлена. Поэтому же на запросъ сената объ улучшеніи мѣстнаго хозяйства дворяне польскихъ губерній отвѣтили, что евреевъ не должно допускать къ винокуренію (это была прибыльная привилегія дворянъ, городовъ, монастырей и проч.), но можно оставить при арендахъ и шинкахъ, т. е. сохранить старое положеніе вещей. Единственно, что они предложили новое—это привлечь часть евреевъ къ земледѣлію. Въ этомъ же смыслѣ высказались и представители мѣстной власти: констатируя нищету евреевъ, они не рѣшались съ одной стороны предпринять въ отношеніи ихъ какакія либо принудительныя мѣры, съ другой стороны—не рѣшались внести улучшеніе въ условія еврейской жизни.

Это не было фактомъ, благопріятнымъ для евреевъ; являясь такой же, какъ и крестьяне, жертвой тогдашняго государственно-хозяйственнаго строя, соотвѣтствовавшаго интересамъ однихъ лишь помѣщиковъ, евреи испытывали острую нужду въ улучшеніи своего экономическаго быта.

Будучи вынужденъ играть позорную роль посредника между шляхтой и крестьянами въ качествѣ шинкаря или арендатора, ничего не находя кромѣ презрѣнія у пановъ и ненависти у холоповъ,—еврей цѣною тяжелыхъ физическихъ и нравственныхъ страданіи покупалъ себѣ одно лишь право—право прожить въ нищетѣ сегодняшній день въ страхѣ за завтрашній.

Тяжелое матеріальное стѣсненіе еврейскаго населенія обусловливалось также обстоятельствами его правоваго быта. Черта осѣдлости являлась въ данномъ случаѣ одной изъ главнѣйшихъ причинъ, равно какъ и двойная подать. «Отъ наложенія платить двойную подать,—говоритъ еврейскій печальникъ Натанъ Ноте,—за прошедшіе годы

накоплялись большія недоимки; ибо бѣдные, лишившись способа къ жизни, и самые нищіе и увѣчные находясь не въ состояніи оную платить, то къ очисткѣ таковыхъ недоимокъ члены кагаловъ, къ коимъ всѣ евреи приписаны, бывъ строго отъ начальства понуждаемы не только секвестромъ имѣнія, но и содержаніемъ подъ арестомъ, располагали оныя на зажиточнѣйшихъ; изъ сего произошло, что въ нѣсколько кратъ, а не двойную подать принуждены были платить. Кстати отъ времени число бѣдныхъ размножается, кои къ поправленію своему способовъ не имѣютъ, а зажиточные неминуемо въ худое приходятъ состояніе и разоряются".

Были и другія обстоятельства, вредно отражавшіяся на матеріальномъ благополучіи еврейскаго населенія — помѣщики облагали непомѣрной податью жившихъ на ихъ земляхъ евреевъ, своевольно лишали ихъ имуществъ, изгоняли съ насиженныхъ мѣстъ и проч. — Благополучіе массы подрывалось и событіями въ ея внутренней жизни, полной смутъ и междуусобія.

Безсильная бороться съ тяжелыми внѣшними условіями, еврейская масса не была въ состояніи защитить себя и отъ внутреннихъ враговъ, такъ какъ, „старшины столько взяли власти и такое возымѣли вліяніе надъ простымъ исповѣданія ихъ народомъ—какъ вѣрно описывалъ одинъ русскій наблюдатель—что они принуждены въ покорности, безъ роптанья и въ глубочайшемъ молчаніи нести ихъ тяжелые налоги, обращаемые старостами въ свою лишь пользу. Народъ же, устрашенъ будучи ихъ проклятіями, не смѣетъ обнаружить чрезмѣрнаго и несправедливаго ихъ отягощенія. Для достиженія неограниченной власти надъ народомъ и утвержденія ея, старѣйшины стараются удерживать въ немъ невѣжество, суевѣріе и фанатизмъ".

Въ связи съ такими, установившимися въ теченіе вѣковъ условіями внутренней религіозно-общественной жизни еврейская масса нуждалась не только въ экономической, но и въ культурной реформѣ.

Жестокая судьба въ теченіе вѣковъ лишала евреевъ права наслаждаться жизнью и, вынужденные отказаться отъ радостей тлѣннаго міра, они возносились своими мыслями и сердцемъ въ горнія выси, гдѣ умолкалъ ихъ скорбный плачъ.

которая полностью компенсировала отсутствіе гражданскихъ правъ. Пусть на одной чашѣ вѣсовъ еврейской жизни лежала тяжесть гражданскаго отчужденія и безправія, на другой чашѣ прочно покоилось внутреннее самоуправленіе,— равновѣсіе такимъ образомъ сохранялось. И ясно, что при подобныхъ условіяхъ лишь ту реформу еврейской жизни исходившую отъ русской власти можно было признать направленной на пользу еврейскаго народа, которая не нарушала этого равновѣсія. Актомъ государственной мудрости и справедливости могло почитаться лишь то мѣропріятіе русской власти, которое, нарушая хотя бы частично еврейскую автономію, давало взамѣнъ еврейскому народу новое право общегражданскаго характера.

Такимъ именно актомъ было уравненіе евреевъ въ правахъ и обязанностяхъ съ христіанскимъ торгово-промышленнымъ классомъ. Въ это время Екатерина II неоднократно осуществляла въ отношеніе евреевъ ею же провозглашенный принципъ, что „всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа". Но вскорѣ, подобно многимъ другимъ либеральнымъ воззрѣніямъ государыни, не выдерживавшимъ столкновенія съ дѣйствительностью, либеральное настроеніе Екатерины II въ вопросахъ касающихся евреевъ внезапно уступило мѣсто грубому нарушенію ихъ правъ и оскорбленію ихъ достоинства, какъ гражданъ. Въ 1791 г. для нихъ устанавливается „черта" осѣдлости, въ 1794 г. опредѣляется подать „вдвое противу положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исповѣданій"; вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается тенденція освобождать уѣзды отъ евреевъ, а затѣмъ государыня соглашается на введеніе ограничительныхъ мѣръ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ отношеніи участія евреевъ въ органахъ городского и сословнаго самоуправленія. Наряду же съ этимъ государыня настаиваетъ, чтобы кагалы не касались „иныхъ дѣлъ, кромѣ обрядовъ закона и богослуженія", т. е. чтобы евреи не пользовались внутреннимъ самоуправленіемъ въ прежнихъ рамкахъ.

Такимъ образомъ въ царствованіе Екатерины II произошла ломка „польской" жизни евреевъ, но на мѣстѣ развалинъ не было возведено новое зданіе, которое служило бы

евреямъ надежнымъ и достойнымъ убѣжищемъ. Взамѣнъ былого сильнаго представительства въ лицѣ кагала имъ не была предоставлена самозащита въ формѣ гражданскаго равноправія. Евреи были исторгнуты изъ своей замкнутой жизни и вовлечены въ сферу общерусской жизни, но они не получили права на общественное значеніе и уваженіе.

Законодательство о евреяхъ представляло собою въ это время какой-то калейдоскопъ, въ которомъ въ пестрой смѣси чередовались то права русскихъ гражданъ, то клеймо парія. И вообще законодательная дѣятельность царствованія Екатерины II привела въ хаотическое состояніе весь правовой бытъ евреевъ; правительство не имѣло опредѣленнаго, ясно сознаннаго взгляда на гражданское положеніе евреевъ; оно разрѣшало вопросы еврейской жизни по частнымъ поводамъ, соображаясь въ такихъ случаяхъ съ обстоятельствами и интересами минуты, и въ результатѣ эти постановленія оказались во взаимномъ противорѣчіи и не соотвѣтствующими условіямъ дѣйствительности. Къ тому же, благодаря разновременному присоединенію къ Россіи отъ Польши губерній съ еврейскимъ населеніемъ иные вопросы, получившіе свое разрѣшеніе въ одномъ мѣстѣ, оставались открытыми въ другомъ, и такимъ образомъ въ разныхъ губерніяхъ существовали различныя условія какъ внутренней, такъ и внѣшней еврейской жизни.

Иного характера въ этомъ отношеніи было царствованіе Павла I. Самъ государь внесъ въ разрѣшеніе еврейскихъ вопросовъ много доброжелательства и справедливости,—и поэтому законодательныя мѣры этого времени о евреяхъ не заключали въ себѣ рѣзкаго противорѣчія. А на ряду съ этимъ въ царствованіе Павла было положено начало выработкѣ твердыхъ, согласныхъ между собою основъ еврейской жизни. Не будь это царствованіе столь кратковременно (1796—1801 г.), оно ознаменовалось бы въ исторіи евреевъ въ Россія появленіемъ перваго систематически разработаннаго законодательства о нихъ, но, вслѣдствіе внезапной смерти Павла I, годы его правленія явились эпохой лишь подготовительной работы, эпохой изученія еврейской жизни, или, по крайней мѣрѣ, собиранія съ этою цѣлью матеріаловъ.

Идея еврейской реформы сложилась постепенно, но уже

при самомъ своемъ зарожденіи реформа получила направленіе, которое полностью отразилось на всемъ дальнѣйшемъ законодательствѣ о евреяхъ.

Въ 1797 году, освѣдомленный о бѣдственномъ положеніи крестьянъ въ Минской губерніи, Павелъ I предписалъ тамошнему губернатору Карнѣеву доставить „изъясненіе причинъ бѣднаго крестьянъ состоянія съ изысканіемъ средствъ къ исправленію онаго", обсудивъ предварительно вопросъ совмѣстно съ дворянствомъ; вслѣдствіе этого, губернаторъ представилъ при рапортѣ отъ 13 іюля 1797 г., соотвѣтствующее объясненіе, составленное на съѣздѣ мѣстныхъ маршаловъ.

Этотъ документъ, равно вызванныя имъ послѣдствія, прекрасно иллюстрируютъ современное отношеніе правительства и общества къ евреямъ.

Дворяне объяснили, что „злощастнымъ жребіемъ сего края крестьяне, *мало обрѣтая знаніе въ земледѣліи*, не могутъ быть въ хорошемъ состояніи, а простолюдство ихъ есть причиною неспособности къ заведенію порядочнаго хозяйства. Потому, не познавая о несущественной съ хлѣбопашества пользы и *проживая безъ старательства*, не могутъ достигнуть хорошаго состоянія. За всѣмъ тѣмъ однако-жъ при какомъ бы то ни было знаніи могли бы довольствоваться пріобрѣтаемымъ ими, если бы случающіяся изъ разныхъ обстоятельствъ *другія тягости* не прерывали ихъ упражненія и *не ввергали въ отчаяніе* придти къ хорошему состоянію. *Перемѣны и революціи въ краѣ, постои и переходы войскъ* и все то, требуя разнаго иждивенія и услугъ, удаляетъ крестьянъ отъ попеченія о домѣ и земледѣліи и лишаетъ запасовъ, обезпечивающихъ доброе состояніе. *Неурожай* во многихъ мѣстахъ по причинѣ песчаныхъ и низкихъ земель, *ежечасно случающійся*, а къ тому и *падежъ скота* истребляетъ въ людяхъ поощреніе къ трудолюбію. Неспособность во многихъ мѣстахъ къ торговлѣ, а въ нѣкоторыхъ трудное сухимъ путемъ доставленіе продуктовъ не усугубляютъ помощи крестьянамъ къ исправленію ихъ состоянія" [1]).

---

[1]) С. А. Бершадскій. Положеніе о евреяхъ 1804 года.—Восходъ 1895 г., кн. I, III, IV и VI.

Указывая этотъ источникъ, долженъ отмѣтить, что приводимые

Ясно, что при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ требовался рядъ серьезныхъ мѣропріятій; судя по картинѣ бѣдствія, нарисованной самими дворянами, надлежало поднять умственное развитіе населенія, позаботиться объ обезпеченіи его хлѣбомъ на случай неурожаевъ, улучшить пути сообщенія, оживить торговлю, не говоря уже объ уменьшеніи помѣщичьихъ поборовъ. Но дворяне не желали признать, что основной причиной раззоренія крестьянъ являлось крѣпостничество, они также не хотѣли пожертвовать чѣмъ-либо на благо народа, и потому ограничились тѣмъ, что предложили объявить крестьянамъ, что если они будутъ обращаться къ земскому начальству съ жалобами на притѣсненія помѣщика, то получатъ справедливое удовлетвореніе, а затѣмъ дворяне постановили дозволить крестьянамъ вывозить куда угодно и продавать по какой желаютъ цѣнѣ продукты своего хозяйства, „не держась прежде бывшаго неистоваго обыкновенія продажи одному собственно арендарю“ и запретить краткосрочную аренду фольварковъ, влекшую за собою хищническую эксплоатацію земли. Помимо сего, жалуясь на то, что нѣкоторые священники „всякаго исповѣданія“ угнетаютъ народъ вымогательствами, дворяне просили не дозволять пастырямъ брать лишнее за крещеніе, погребеніе и проч.

Такія мѣры, конечно, не могли имѣть существеннаго значенія при тѣхъ экономическихъ и бытовыхъ условіяхъ, которыя довели населеніе до полнаго обнищанія и деморализаціи. Дворяне это понимали и потому, чтобы смягчить впечатлѣніе, которое производили тяжкія послѣдствія отъ революцій, неурожаевъ и проч., они сочли нужнымъ разыскать другаго виновника народныхъ бѣдствій, котораго къ тому же можно было наказать. Они его нашли—это былъ еврей!

„При сихъ несовершенствахъ, — заявляли дворяне въ своемъ объясненіи, — *вящшею еще причиною суть евреи* на арендахъ и шинкахъ владѣльцами удерживаемые, въ про-

---

Бершадскимъ документы были свѣрены мною съ подлинниками, (1 Отд. 3 Деп. Сената, 1797, № 64. Объ утвержденіи мнѣнія двор. маршаловъ Минской губ. объ ограниченіи правъ евреевъ и объ учрежденіи хозяйств. части), причемъ я воспользовался нѣкоторыми данными, которыхъ Бершадскій не напечаталъ.

тивность повелѣній отъ начальства"... Сообразно съ этимъ была намѣчена еще одна мѣра къ предотвращенію народнаго бѣдствія,— именно предоставить винокуреніе однимъ только помѣщикамъ, „а евреямъ и прочимъ шинкарямъ и арендаторамъ вовсе по предписанію начальства запретить".

Минскій губернаторъ, извѣстный масонъ Захаръ Карнѣевъ не переоцѣнилъ, подобно дворянамъ, значенія того обстоятельства, что евреи являются въ краѣ главнымъ образомъ арендаторами и шинкарями. Вообще, основную причину бѣдствія края онъ видѣлъ въ томъ, что помѣщики отдавали свои земли въ краткосрочныя аренды (побуждавшія арендаторовъ вести наиболѣе интенсивное хозяйство, обезсиливавшее землю); что касается эксплоататорской дѣятельности евреевъ, по словамъ минскихъ маршаловъ „разоряющихъ крестьянъ чрезъ содержаніе по деревнямъ арендъ и чрезъ власть на закупку всѣхъ продуктовъ отъ крестьянъ, многими помѣщиками изъ жадности къ прибыли позволяемую", то Карнѣевъ ограничился опубликованіемъ предостереженія крестьянамъ, что евреи ихъ эксплоатируютъ.

Эти объясненія маршаловъ и донесеніе Карнѣева государь переслалъ генералъ-прокурору Куракину для передачи на разсмотрѣніе сената; но вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ I, какъ онъ сообщалъ Куракину, предписалъ минскому губернатору, „чтобы онъ по должности своей принялъ мѣры, сходныя съ расположеніемъ маршаловъ *объ ограниченіи права евреевъ разоряющихъ крестьянъ* и духовенства, притѣсняющаго ихъ неумѣренными поборами, такъ какъ и о продолженіи срока арендамъ".

Неизвѣстно, чѣмъ было вызвано это распоряженіе государя: тѣмъ ли, что онъ получилъ увѣренность, что евреи, наряду съ духовенствомъ, особенно вредно дѣйствуютъ на состояніе края, или тѣмъ—это болѣе вѣроятно—что подобныя мѣры легче было, какъ могло казаться, осуществить, нежели рядъ хозяйственныхъ мѣропріятій—какъ бы ни было оставивъ въ сторонѣ важнѣйшія причины бѣдствія крестьянъ, не остановившись даже на томъ стѣсненіи, отмѣченномъ минскими дворянами (а потомъ и сенатомъ), которое населеніе испытывало не имѣя права, по корыстолюбію нѣкоторыхъ помѣщиковъ, продавать въ уѣздѣ свои продукты никому другому, какъ арендатору,—указъ Павла I придалъ въ

глазахъ сената доменирующее значеніе *вреду,* наносимому населенію *евреями* (хотя бы наряду съ духовенствомъ и краткосрочной арендой). Въ связи съ этимъ, выслушавъ высочайшій указъ, сенатъ началъ собирать новыя данныя о минскихъ евреяхъ, и тогда дворяне, освѣдомленные о государевомъ повелѣніи, составили, какъ видно, свои новыя заключенія еще въ болѣе неблагопріятномъ для евреевъ смыслѣ, чѣмъ первыя объясненія; на основаніи этихъ документовъ сенатъ постановилъ, что „минской губерніи поселяне находятся въ крайней бѣдности *не столько* отъ *ежечастныхъ неурожаевъ,* сколько отъ того, что владѣльцы держатъ въ селеніяхъ своихъ евреевъ на арендахъ и шинкахъ, которые дачею крестьянамъ въ долгъ вина подъ закладъ необходимо нужныхъ имъ вещей, приводятъ ихъ въ убожество и неспособными дѣлаютъ къ хозяйствованію".

Вредъ, причиняемый военными постоями, „перемѣнами и революціями", невѣжествомъ и лѣнію населенія, — все это было отвергнуто сенатомъ, какъ причины бѣдствій, но вмѣстѣ съ тѣмъ было поставлено на видъ, что зло, проистекающее отъ евреевъ, пагубнѣе даже ежечастныхъ неурожаевъ. Тогда же, преслѣдуя якобы ту цѣль, чтобы „учрежденіе хозяйственной части на лучшемъ и полезнѣйшемъ основаніи послѣдовало *и въ прочихъ губерніяхъ отъ Польши пріобрѣтенныхъ*", сенатъ испросилъ[1]) высочайшее разрѣшеніе отобрать у надлежащихъ губернаторовъ какъ ихъ мнѣнія, такъ и отзывы дворянъ по вопросу о благосостояніи мѣстныхъ крестьянъ. Въ дѣйствительности же сенатъ имѣлъ въ виду евреевъ; стремясь воздѣйствовать въ этомъ направленіи на доклады губернаторовъ и дворянъ, онъ разослалъ кому слѣдовало объясненіе минскихъ дворянъ, удостоенное высочайшаго одобренія[2]), которое поневолѣ должно было побудить губернаторовъ и дворянъ остановить свое вниманіе главнымъ образомъ на вопросѣ о евреяхъ.

Это давленіе произвело свое дѣйствіе и, какъ говоритъ С. А. Бершадскій, общій характеръ всѣхъ поступившихъ въ сенатъ документовъ опредѣлился именно этимъ минскимъ

---

[1]) „Арх. Сената „Минскіе евреи" Апр. 1798 г.

[2]) „... по разсмотрѣніи положенія учиненнаго въ минской губерніи... которое удостоено Высочайшаго благоволѣнія..." писали литовскіе дворяне въ своемъ донесеніи.

винъ, выступившій вслѣдъ за тѣмъ въ роли еврейскаго реформатора, какъ авторъ представленнаго имъ правительству „Мнѣнія объ отвращеніи въ бѣлоруссіи недостатка хлѣбнаго обузданіемъ корыстныхъ промысловъ евреевъ, о ихъ преобразованіи и о прочемъ“ [1]). Это произошло такимъ образомъ.

16 іюня 1800 г. Державинъ получилъ рескриптъ Павла I, въ которомъ было сказано, что, по дошедшимъ до государя свѣдѣніямъ, въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ обнаружился недостатокъ въ хлѣбѣ и что „нѣкоторые помѣщики изъ безмѣрнаго корыстолюбія оставляютъ своихъ крестьянъ безъ помощи къ прокормленію“ [2]), вслѣдствіе чего Державину предписывалось отправиться туда, произвести разслѣдованіе и въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщики дѣйствительно окажутся виновными въ приписываемыхъ имъ дѣйствіяхъ, отобрать у нихъ имѣнія въ опеку. Въ рескриптѣ ни слова не говорилось о евреяхъ; между тѣмъ въ тотъ же день Державинъ получилъ отъ генералъ-прокурора Обольянинова офиціальное письмо касавшееся поѣздки въ Бѣлоруссію, въ концѣ котораго было прибавлено: „PS. А такъ какъ по свѣдѣніямъ не малою причиною истощенія Бѣлорусскихъ крестьянъ суть жиды, по оборотамъ ихъ въ извлеченіи изъ нихъ своей корысти, то Высочайшая воля есть, чтобы Ваше Превосходительство обратили особливое вниманіе и примѣчаніе на промыселъ ихъ въ томъ, и къ отвращенію такого общаго отъ нихъ вреда подали свое мнѣніе по надлежащемъ всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ соображеніи“ [3]).

Невольно рождается сомнѣніе, дѣйствительно ли высочайшая воля была, чтобы Державинъ спеціально обратилъ вниманіе на вопросъ о вредѣ, приносимомъ еврейскимъ населеніемъ; въ это время сенатъ былъ уже занятъ разборомъ матеріаловъ по еврейскому вопросу, имѣя между прочимъ и данныя отъ бѣлорусскихъ властей; слѣдовательно, въ ближайшемъ будущемъ должно было выясниться, какія мѣры нужно принять въ отношеніи не только бѣлорусскихъ, но всѣхъ вообще русскихъ евреевъ.

---

[1]) 2-ое Академ. изданіе соч. Державина, т. 7.
[2]) 2-ое Акад. изд. сочиненій Державина, т. 6 стр. 113.
[3]) Тамъ же стр. 114.

Вспомнивъ, что Обольяниновъ былъ тогда всесиленъ и что онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Державинымъ, можно допустить, что все дѣло было результатомъ, такъ сказать, закулисныхъ дѣйствій, и что главная роль въ этомъ принадлежала самому Державину. Онъ зналъ, что правительство выдвинуло на ближайшую очередь разсмотрѣніе еврейскаго вопроса и что появленіе его проекта будетъ вполнѣ своевременно, такъ какъ, изыскивая мѣры къ поднятію благосостоянія кореннаго населенія, сенатъ въ дѣйствительности интересовался болѣе всего тѣмъ, что касалось евреевъ.

Вѣроятно, Обольяниновъ далъ Державину дополнительную инструкцію по пріятельски, въ исполненіе его просьбы; сообщая о томъ, что, „Высочайшая воля есть", чтобы онъ обратилъ вниманіе на „промыселъ евреевъ", Обольяниновъ имѣлъ въ дѣйствительности въ виду не какое либо повелѣніе, спеціально вызванное поѣздкой Державина въ Бѣлоруссію, а вообще одобренную государемъ тенденцію охранять крестьянъ отъ эксплоатаціи евреевъ.

Это вполнѣ подтверждается тѣмъ, что когда впослѣдствіе Обольяниновъ представилъ государю докладъ по поводу донесеній Державина, то говоря о томъ, что Державинъ соберетъ свѣдѣнія „какимъ бы образомъ освободить крестьянъ отъ еврейскихъ промысловъ", Обольяниновъ не сослался на упомянутую „высочайшую волю", что онъ несомнѣнно сдѣлалъ бы, если бы она въ дѣйствительности была выражена, а сослался на лично имъ сдѣланное Державину „замѣчаніе по дошедшимъ до государя свѣдѣніямъ" [1]).

Желаніе выступить съ еврейскимъ проектомъ вызывалось у Державина, какъ это видно изъ самаго его проекта и дальнѣйшихъ его дѣйствій, надеждой выдвинуться въ

---

[1]) Арх. Сен.—Деп. Мин. Юст. 1800 г. № 251.—Докладъ 19-го Іюля „Доходя до истинныхъ началъ бѣдности сего края при малѣйшемъ неурожаѣ, находитъ онъ (т. е. Державинъ), что доселѣ не было сдѣлано къ сему прочнаго распоряженія и что жиды суть безсомнѣнія главною тому виною, что они, не работая сами, живутъ на счетъ крестьянъ. Въ слѣдствіе сообщеннаго ему на сей случай отъ меня замѣчанія по дошедшимъ до В. И. В. свѣдѣніямъ собираетъ онъ нужныя познанія отъ маршаловъ какимъ бы образомъ освободить крестьянъ отъ еврейскихъ промысловъ..."

качествѣ знатока предмета, чтобы затѣмъ главенствовать надъ евреями.

Но и помимо этого Державинъ имѣлъ основаніе направить свою дѣятельность главнымъ образомъ въ сторону евреевъ. Этого требовало общее положеніе вещей, при которомъ изъ трехъ звеньевъ соціально-экономической цѣпи, тяжело давившей край и въ экономическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ—помѣщика, еврея и крестьянина—можно было коснуться лишь одного еврея. Интересы помѣщиковъ являлись интересами государства, а потому въ глазахъ представителей власти не допускалось возможнымъ хотя бы нѣсколько измѣнить ихъ роль въ мѣстной соціально-экономической жизни; въ связи съ этимъ нельзя было распространить отеческую заботу и на крестьянъ. Status quo являлось въ глазахъ правительства основой государственнаго благополучія. Даже такой смѣлый администраторъ какъ Фризель, предложивъ рядъ мѣръ для поднятія благосостоянія крестьянъ, замѣчаетъ однако: „но какъ *приведеніе въ дѣйствіе сего намѣренія можетъ* иногда сей непросвѣщенной части народа *внушить болѣе покушеній искать себѣ свободы, нежели дозволить ему можно пользоваться оною,* въ такомъ случаѣ нужно поступить со всей осторожностью, чтобы выгоды крестьянамъ, и все что служить можетъ къ облегченію ихъ жребія, не единовременно, но частями доставляемо было„...

Но и самъ Державинъ имѣлъ случай убѣдиться, что малѣйшая попытка, направленная къ улучшенію условій крестьянской жизни, являлась безнадежной.

Въ 1799 году Павелъ I повелѣлъ Державину отправиться въ Шкловъ, чтобы на мѣстѣ разсмотрѣть, на сколько были основательны жалобы о „самовольныхъ поступкахъ... противъ евреевъ и *прочихъ* въ Бѣлорусской губерніи обитающихъ учиненныхъ, происходящихъ отъ отставнаго генералъ-лейтенанта Зорича“ [1]), владѣльца Шклова (бывшаго любимца Екатерины II). Но здѣсь, на мѣстѣ, узнавъ о претензіяхъ къ Зоричу, со стороны крестьянъ и другихъ обывателей - христіанъ, Державинъ смутился: принимать-ли

---

[1]) Рескриптъ этотъ сообщенъ Шильдеромъ въ „Вѣстникѣ Всемірной Исторіи“ и перепечатанъ въ „Будущности“, 1900, № 2.

такія жалобы. И онъ обратился за разъясненіемъ къ государю. Высочайшимъ указомъ „велѣно мнѣ,—писалъ онъ тогда же генералъ-прокурору, — принимать жалобы на г. Зорича отъ евреевъ и прочихъ людей, въ Бѣлорусской губерніи жительствующихъ, но не сказано именно *отъ его подданныхъ*, то, въ противность законовъ, принимать ихъ я не осмѣлился". Но изъ отвѣта ген.-прокурора оказалось, что, въ противорѣчіе съ точнымъ смысломъ высочайшаго повелѣнія, было признано нежелательнымъ принимать жалобы не только отъ крестьянъ, но и отъ другихъ обывателей, кромѣ однихъ евреевъ. „Государь Императоръ,— писалъ генералъ-прокуроръ Державину,—повелѣть соизволилъ, 1) чтобы ваше превосходительство, держась точной силы высочайшаго указа, единственнымъ предметомъ отправленія вашего поставили изслѣдованіе жалобъ, приносимыхъ *отъ евреевъ* на притѣсненія Зорича... 3) жалобы крестьянъ на ихъ помѣщика, составляя для васъ обстоятельство побочное, не могутъ быть вами принимаемы, тѣмъ болѣе, что... примѣръ ихъ *можетъ произвесть волнованіе*" [1]).

Этотъ эпизодъ не могъ не придти на память Державину, когда государь поручилъ ему позаботиться о благополучіи бѣлорусскихъ крестьянъ; причина ихъ бѣдности лежала въ общихъ условіяхъ ихъ жизни, неподлежавшихъ измѣненію; слѣдовательно, оставалось дѣйствовать въ сторону наименьшаго сопротивленія—евреевъ, и Державинъ такъ и поступилъ.

Во время той-же поѣздки Державина въ Шкловъ, въ 1799 году, случился и другой эпизодъ, весьма характерный для выясненія отношенія Державина къ еврейскому народу.

Дѣло Зорича было сложное; большинство поступковъ, въ которыхъ обвинялся Зоричъ, относились къ прежнимъ годамъ; многихъ свидѣтелей не было налицо и потому трудно было провѣрить показанія Зорича и обиженныхъ имъ жалобщиковъ. Однако многія обстоятельства приводили Державина къ заключенію, что дѣятельность Зорича была преступна; тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ частнымъ соображеніямъ, онъ щадилъ Зорича; ему казалось, что дѣй-

---

[1]) Арх. Сената. Деп. Мин. Юст. 1799 г. № 1326.

ствительной причиной его командировки въ Шкловъ была не защита населенія отъ произвола Зорича, а желаніе царскаго любимца Кутайсова пріобрѣсти дешево его имѣніе при посредствѣ Державина, такъ какъ если бы жалобы оказались справедливыми, Державинъ долженъ былъ взять имѣніе подъ опеку, а затѣмъ продать его съ торговъ; подозрѣнія Державина были не безосновательны; жалобы евреевъ, какъ оказалось впослѣдствіи изъ разбора этого дѣла сенатомъ, были вполнѣ справедливы [1]), но странно, что отмѣченныя евреями дѣянія Зорича относились, главнымъ образомъ, не къ послѣднимъ годамъ, а къ болѣе раннему времени; является вопросъ: почему евреи, въ теченіе ряда лѣтъ терпѣвшіе молча наиболѣе суровыя насилія со стороны Зорича, вдругъ почему-то смѣло выступили съ запоздалыми обвиненіями въ 1798 году. Вѣроятно, на этотъ шагъ они рѣшились потому только, что при содѣйствіи, повидимому, извѣстнаго петербургскаго откупщика Абрама Перетца они нашли себѣ покровителя въ Кутайсовѣ, въ интересахъ котораго было оказать покровительство жалобщикамъ и который, вѣроятно, и довелъ до высочайшаго свѣдѣнія о притѣсненіяхъ Зорича. Перетцъ былъ посвященъ въ планы Кутайсова и вступалъ по этому поводу даже въ личные переговоры съ Державинымъ: „И господинъ Перетцъ,—отмѣчаетъ Державинъ въ своихъ запискахъ, — извѣстный нынѣ славный откупщикъ неоднократно прихаживалъ“. Боясь сыграть въ руку Кутайсова, Державинъ рѣшилъ быть снисходительнымъ къ самому Зоричу; онъ писалъ, что „сколько ни старался“ не нашелъ „такихъ правильныхъ причинъ притѣсненія жидовъ Зоричемъ, по коимъ можно было бы подвергнуть его не только лишенію имѣнія, но и суду“. Но евреи свидѣтельскими показаніями установили, что Зоричъ лишалъ ихъ имущества, подвергалъ тѣлесному наказанію, и взималъ съ нихъ такіе поборы, что „оставилъ безъ платежа одинъ только воздухъ“ и проч., и вотъ, чтобы спасти Зорича, Державинъ прибѣгнулъ къ исключительной мѣрѣ, воспользовавшись происходившемъ въ то время въ витебской губерніи первымъ въ Россіи процессомъ по обвиненію евреевъ въ употребленіи христіан-

---

[1]) Бершадскій. Положеніе о евреяхъ 1804 г.

ской крови. Чтобы уничтожить силу свидѣтельскихъ показаній евреевъ, онъ написалъ государю, что, въ виду тяготѣющаго надъ евреями обвиненія, онъ „по совѣсти" не можетъ принимать показанія евреевъ-свидѣтелей „доколѣ еврейскій народъ не оправдается" передъ государемъ „въ ясно доказываемомъ на нихъ общемъ противу христіанъ злодѣйствѣ", и просилъ Павла I разрѣшить отвергнуть показанія евреевъ. Государь отвѣтилъ[1]) отрицательно, и такимъ образомъ открытой фанатической враждѣ Державина былъ положенъ нѣкоторый предѣлъ. Но въ извѣстные моменты Державинъ и въ дальнѣйшемъ обнаруживалъ такое же отношеніе къ евреямъ.

Отправляясь въ 1800 г. въ Бѣлоруссію, Державинъ не могъ не замѣтить, что въ сущности ему предстояла та же задача, которая, какъ видно изъ предыдущаго, выпала на долю польскаго дворянства; а ставъ на точку зрѣнія польскихъ дворянъ, Державинъ долженъ былъ впасть въ своихъ дѣйствіяхъ въ такую же, какъ они, непослѣдовательность.

Заявляя, что поляки лѣнивы, „въ работахъ не проворны,... нерадѣтельны въ земледѣліи, не заботятся о будущемъ, но ищутъ какъ бы прогулять время и отлынить отъ трудовъ; въ праздничные дни, коихъ они сверхъ установленныхъ множество выдумали сами, обращаются въ пьянствѣ и просиживаютъ въ корчмахъ" [2]); далѣе сообщая въ „Мнѣніи", что въ одной части Бѣлоруссіи сряду 9 лѣтъ продолжался неурожай, — Державинъ все же развилъ свой проектъ изъ того положенія, что „многочисленность евреевъ въ губерніи есть *единственно изъ главнѣйшихъ*" причинъ бѣдствія. Все зло онъ видѣлъ въ томъ, что евреи „будучи здѣсь въ великомъ числѣ,

---

[1]) Арх. Сената. Деп. М. Юст. 1799, № 1326.

[2]) Губернаторъ Северинъ писалъ: „о народѣ бѣлорусскомъ можно сказать вообще, что лѣнивъ, не предпріимчивъ, не рѣшителенъ, и наполненъ предразсужденіемъ, склоненъ къ праздности и пьянству, хитрости и къ ропоту. Въ самое лучшее рабочее время занимается болѣе праздностью, нежели трудами; праздниковъ весьма много почитаютъ, напр., для предохраненія себя отъ пожаровъ до половины дня не работаютъ, для предохраненія отъ болѣзней послѣ полудни въ другой день празднуютъ, въ иные дни не жнутъ, въ иные не косятъ... Въ зимнее время кромѣ рубки дровъ, продажи оныхъ... другихъ промысловъ изыскать не умѣютъ".

своими руками не напахиваютъ для себя хлѣба, а достаютъ оный отъ крестьянъ". По существу это замѣчаніе было правильно; но указанное Державинымъ обстоятельство не являлось причиной бѣдствія въ краѣ, оно являлось однимъ изъ результатовъ общаго положенія вещей.

Изъ имѣвшагося матеріала Державинъ могъ понять и дѣйствительно понялъ, что корни зла таились исключительно въ самой основѣ общественнаго строя прежней Польши. Если даже самые пристрастные дворяне, указывая на *различныя* причины народнаго бѣдствія, предлагали, между прочимъ, и такія мѣры, правда не очень существенныя, которыя вовсе не касались евреевъ, то болѣе вдумчивые категорически заявляли, что для поднятія благосостоянія крестьянъ „недовольно одно то, чтобы охранить ихъ отъ всѣхъ обмановъ евреевъ". Между тѣмъ Державинъ рѣшилъ произвести самыя глубокія реформы въ быту *евреевъ*, лишь робко намѣтивъ тѣ мѣропріятія, которыя должны были непосредственно коснуться коренныхъ обитателей. Имѣя предъ собою еврейское населеніе, Державинъ смѣлъ, настойчивъ, грозенъ, рѣдко смѣняетъ гнѣвъ на милость, а предъ лицемъ бѣлорусскихъ крестьянъ,—вѣрнѣе помѣщиковъ, интересы которыхъ должны были быть затронуты при улучшеніи положенія крестьянъ, — онъ остороженъ, кротокъ, доходя въ этомъ отношеніи до изумительнаго добродушія, которое не дѣлало бы чести его государственному уму, если бы не были извѣстны причины, которыя вынуждали его такъ дѣйствовать.

Вступивъ на путь особой „политики" въ отношеніи еврейскаго вопроса, заключавшейся въ признаніи евреевъ источникомъ всѣхъ золъ, Державинъ перешелъ всякія границы: достойно вниманія, что приписывая въ оффиціальныхъ документахъ пьянство крестьянъ и ихъ бѣдность исключительно евреямъ, Державинъ въ то же время частнымъ образомъ говорилъ совсѣмъ иное. „*Трудно безъ погрѣшенія и по справедливости кого-либо строго обвинять*, — писалъ онъ Обольянинову,—крестьяне пропиваютъ хлѣбъ жидамъ, и оттого терпятъ недостатокъ въ ономъ. Владѣльцы не могутъ воспретить пьянства для того, что *они отъ продажи вина весь доходъ имѣютъ*. А и жидовъ въ полной мѣрѣ обвинять также не можно, что они *для пропитанія своего* извлекаютъ

послѣдній отъ крестьянъ кормъ. Словомъ, *надобно бы всѣмъ сохранить умѣренность* и чрезъ то воспользоваться общимъ благоденствіемъ. Но гдѣ же, и кто таковъ, кто бы въ полной мѣрѣ соблюлъ оную? Всякъ себѣ желаетъ больше выгодъ" [1]).

Есть основаніе утверждать, какъ было выше указано, что взявъ на себя задачу устроить судьбу всего еврейскаго населенія, Державинъ руководился если не корыстными цѣлями, на которыхъ не хотѣлось бы остановиться, то властолюбивыми замыслами... Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, несомнѣнно, сознавалъ важность и трудность принятой на себя задачи: „Жидовъ преобразовать въ новый родъ жизни и какими средствами доставить имъ пропитаніе—вещь не бездѣльная, чтобы дать о томъ мнѣніе", — пишетъ онъ своей женѣ, торопившей его возращеніемъ въ Петербургъ. Придавъ еврейскому вопросу значеніе первой важности, Державинъ выдѣлилъ его въ своей запискѣ изъ массы другихъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣло экономическое состояніе края. Соотвѣтственно этому онъ сталъ дѣйствовать и практически. Ссылаясь на высочайшую волю (въ дѣйствительности бывшей лишь волей Обольянинова и самого Державина), Державинъ обратился къ властямъ и дворянамъ съ „предложеніемъ" объ „освобожденія сей губерніи отъ множества евреевъ".

Впрочемъ, въ только что упомянутомъ „предложеніи" Державина мысль объ освобожденіи губерніи отъ евреевъ была въ скрытомъ состояніи, она выражалась въ привлеченіи евреевъ къ производительному труду (земледѣлію, скотоводству и проч.), требовавшему отвода земли въ другихъ губерніяхъ. „Поелику же я,—писалъ Державинъ въ своемъ предложеніи бѣлорусскому губернскому правленію отъ 1 іюля 1800 г., желая составить „безъ ошибочное" мнѣніе, — по нынѣ по краткимъ моимъ разслѣдованіямъ и примѣчаніямъ, которыя описывать здѣсь почитаю излишнимъ, не безъ основанія

[1]) Арх. Сената. Деп. Мин. Юст. 1800. № 251.—Характерно, что на основаніи этого письма Державина Обольяниновъ доложилъ государю, будто „доходя до истинныхъ началъ бѣдности сего края, находитъ оный (Державинъ), что доселѣ не было сдѣлано къ сему прочнаго распоряженія и что жиды суть безъ сомнѣнія главною тому виною, что не работая сами, живутъ на счетъ крестьянъ".

заключить могу, что дошедшіе до государя императора слухи суть справедливы — въ разсужденіе чего губернскому правленію предлагаю отобрать отъ владѣльцевъ чрезъ господъ уѣздныхъ и губернскихъ маршаловъ, а отъ евреевъ чрезъ кагалы и подкагалки извѣстія,—отъ первыхъ: какимъ образомъ крестьяне ихъ освободиться могутъ отъ жидовскихъ корыстныхъ промысловъ такъ, чтобъ у нихъ хлѣбъ для ихъ прокормленія довольный оставался, а отъ вторыхъ: какимъ образомъ могутъ они доставить прокормленіе своими собственными трудами, т. е. хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и рукодѣліемъ, а не извлекали бы онаго отъ крестьянъ,—словомъ, чтобы не содержа по деревнямъ ни корчмъ, ни арендъ, имѣли своими собственными руками, а не переторжкою, пищу и содержаніе".

Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ Державинъ, какъ надо заключить, видѣлъ лишь одинъ путь для рѣшенія вопроса о евреяхъ—по мѣрѣ возможности освободить отъ нихъ край, т. е. онъ намѣревался слѣдовать по стопамъ прежней мѣстной администраціи. Но въ дальнѣйшемъ онъ подробнѣе ознакомился съ предметомъ и это расширило программу реформы.

Державинъ вычиталъ кое что о евреяхъ изъ нѣсколькихъ историческихъ произведеній на нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ; ознакомился съ прусскимъ законодательствомъ о евреяхъ, равно съ цѣннымъ матеріаломъ, имѣвшимся въ сенатѣ, а также съ различными записками первыхъ русскихъ администраторовъ въ краѣ; онъ собралъ во время своего пребыванія въ Бѣлоруссіи „свѣдѣнія отъ благороднѣйшихъ обывателей, отъ Іезуитскихъ академій, всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и купечества и самихъ казаковъ относительно образа жизни жидовъ, ихъ промысловъ, обмановъ и всѣхъ ухищреній и уловокъ". Словомъ, какъ онъ самъ говоритъ, „прочитывалъ и развѣдывалъ все, что только до сихъ предметовъ принадлежитъ".

Онъ также вступилъ въ сношенія съ евреями.

Въ это время въ Шкловѣ проживалъ сперва могилевскій купецъ, а потомъ польскій надворный совѣтникъ Нота Хаимовичъ, или, какъ его называли, Натанъ Ноте Шкловеръ, по названію его города, извѣстный по своимъ крупнымъ дѣловымъ оборотамъ и значительнымъ поставкамъ

для арміи Потемкина, у котораго онъ пользовался большимъ расположеніемъ. Нота Хаимовичъ является однимъ изъ наиболѣе раннихъ и видныхъ ратоборцевъ русскаго еврейства; онъ былъ, кажется, первымъ, который направилъ свои усилія къ тому, чтобы *внѣшне*, помощью правительственной власти, улучшить положеніе евреевъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, которыя удалось собрать объ этомъ видномъ еврейскомъ дѣятелѣ, скудны и отрывочны.

Шкловъ принадлежалъ упомянутому выше Зоричу, и хотя между Зоричемъ, отличавшимся своей необузданностью, и евреями, жившими на его землѣ, происходили часто печальныя столкновенія, тѣмъ не менѣе въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ Зоричъ пользовался услугами евреевъ; онъ (какъ и его братъ) былъ въ тѣсныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ Нотой Хаимовичемъ; его рижскимъ комиссіонеромъ былъ также еврей—Шмуль Цѣтлинъ (Цейтлинъ).

Въ маѣ 1797 г. Нота Хаимовичъ отправился въ Петербургъ и Зоричъ снабдилъ его нижеслѣдующимъ письмомъ на имя генералъ-прокурора кн. Куракина отъ 24 мая:

„Милостивый Государь мой князь Алексѣй Борисовичъ! Подноситель сего, шкловскій обыватель Нота Хаимовичъ подалъ мнѣ письмо, въ коемъ изъясняетъ: что онъ, будучи вызванъ въ армію, съ 1788 года служилъ отечеству со всевозможнымъ усердіемъ; употребленъ будучи по секретнымъ коммиссіямъ, неоднократно рисковалъ потерять жизнь; поставлялъ для войскъ провіантъ и фуражъ, а на флотъ и гошпитали потребную провизію въ такое время, когда никто другой кромѣ его приступить къ сему не хотѣлъ, о чемъ онъ имѣетъ атестаты отъ главнокомандующихъ; а какъ онъ не только за сіе не награжденъ, но даже и собственныя его деньги около двухъ сотъ тысячъ рублей за казною состоявшія чрезъ долгое время и поднесь не выданы, то онъ проситъ въ таковыхъ обстоятельствахъ моего ходатайства. По содержанію дѣла его онъ будетъ имѣть нужду утруждать Ваше Сіятельство, въ такомъ случаѣ прошу васъ покорнѣйше принять его въ особенное ваше покровительство; я знаю весьма хорошо о всѣхъ его трудахъ въ пользу казну (ы) сдѣланныхъ и по сей единственно причинѣ за него васъ прошу. Подавъ ему руку помощи, возстановите цѣлую его фамилію и множество другихъ, коихъ участь по

заключить могу, что дошедшіе до госу[illegible] дѣлъ, а вмѣстѣ и суть справедливы — въ разсужденіе [illegible] что либо будетъ вленію предлагаю отобрать отъ вл[illegible] къ вамъ многочисленуѣздныхъ и губернскихъ маршал[illegible] всепокорнѣйше не кагалы и подкагалки извѣстія,—[illegible] и милосердіемъ. Съ зомъ крестьяне ихъ освободит[illegible] имѣю честь быть корыстныхъ промысловъ так[illegible] зашего сіятельства поихъ прокормленія довольный [illegible] [1]).

кимъ образомъ могутъ они [illegible] Хаимовича, которыя онъ собственными трудами, т[illegible] части въ товариществѣ ствомъ и рукодѣліемъ, а [illegible]ымъ и Иконниковымъ, достьянъ,—словомъ, чтобы [illegible] его матеріальное положени арендъ, имѣли своими [illegible] и, какъ кажется, главнымъ торжкою, пищу и содер[illegible] смерти Потемкина, его

Такимъ образомъ, [illegible] своевременно приведены къ надо заключить, виді[illegible] банкротомъ (одинъ разъ, въ проса о евреяхъ — [illegible] купцами), причемъ это обстояних край, т. е. он[illegible]ія ни со стороны евреевъ, ни прежней мѣстной [illegible]ковъ. Судя по письму Зорича, подробнѣе ознак[illegible] Нота Хаимовичъ воспользуется программу рефор[illegible] въ собственныхъ интересахъ.

Державинъ [illegible] воспользовался знакомствомъ съ кихъ историч[illegible] общихъ интересахъ, представивъ ему скомъ и рус[illegible] евреевъ колоніями на плодородныя законодатель[illegible]тамъ овецъ, земледѣлія и прочаго: ломъ, имѣю[illegible] близости черноморскихъ портовъ, записками [illegible] парусной, канатной и парусной, на онъ собр[illegible] были бы обучены изъ сего на- „свѣдѣні[illegible]

скихъ [illegible] Хаимовичъ самъ напалъ на мысль объ ства и [illegible] по своему характеру соотвѣтствовавшемъ ихъ [illegible]ку въ коммерческихъ предпріятіяхъ; но Слов[illegible] проекта могло находиться въ связи съ тѣмъ валъ.

[illegible] Мин. Юст. № 475—103. Любопытно, что къ [illegible] было приписано „*хотя и еврей но преблагодарный* [illegible] письма Куракинъ отмѣтилъ: „Изъяснить готов- [illegible] подателю сего письма").

[illegible] Нота Хаимовичъ выдалъ въ Москвѣ три векселя [illegible] Воспитательному дому и Фабрикантской конторѣ. [illegible] № 1.

тельствомъ, что въ это-же время (въ серединѣ 1797 г). ское дворянство (о чемъ сенатъ извѣстилъ всѣ „еврей-ія" губерніи) объявило предъ лицомъ русскаго правитель-ства главнымъ виновникомъ экономическаго бѣдствія края шинкаря-еврея, и, быть можетъ, Нота Хаимовичъ именно поэтому и задумалъ освободить евреевъ отъ сосѣдства поляковъ и удалить ихъ отъ „горячаго вина".

Весьма возможно, что Нота Хаимовичъ выступилъ въ 1797 г. со своимъ проектомъ еврейской реформы познакомившись съ прусскимъ законодательствомъ о евреяхъ, обнародованномъ въ апрѣлѣ того же года и что онъ оттуда заимствовалъ идею о привлеченіи евреевъ къ земледѣлію и фабричной дѣятельности. Ему также могло быть извѣстно, что Іосифъ II еще ранѣе, въ 1786 г., разрѣшилъ австрійскимъ евреямъ заниматься земледѣліемъ и ремеслами. Во всякомъ случаѣ чрезвычайно характерно для личности Ноты Хаимовича самый фактъ, что онъ предложилъ привлечь евреевъ къ земледѣлію: возвысивъ голосъ въ защиту земледѣльческаго труда, онъ выступилъ противъ прочно укоренившагося въ еврейскомъ обществѣ предразсудка, будто этотъ родъ занятій не пристоенъ для евреевъ: по свидѣтельству Державина, всѣ кагалы въ Бѣлоруссіи, уѣздные и губернскіе, были того мнѣнія, что евреи „способности и привычки къ хлѣбопашеству не имѣютъ и въ законѣ своемъ находятъ къ тому препятствіе".

Проекту Ноты Хаимовича не было тогда дано движеніе, и когда въ 1800 г. въ Бѣлоруссіи стало извѣстно, что Державинъ собираетъ свѣдѣнія о евреяхъ—Нота Хаимовичъ не замедлилъ предложить его вниманію свой проектъ[1]),

---

[1]) Когда „Мнѣніе" появилось впервые въ сокращенномъ видѣ въ 1860 г. въ „Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній о Россіи", Державинскія «приложенія» не были напечатаны; въ академическомъ же изданіи сочиненій Державина, подъ ред. Я. Грота, за полнымъ текстомъ „Мнѣнія" слѣдуетъ и „проектъ" Ноты Хаимовича; этотъ документъ былъ извлеченъ Гротомъ изъ собранія „проектовъ общаго преобразованія и устройства евреевъ", принадлежавшаго гр. Д. А. Толстому, который, будучи въ 1851—3 гг. вице-директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, распорядился о снятіи копій со всѣхъ бумагъ по вопросу о евреяхъ въ Россіи, хранившихся въ архивѣ департамента. Въ 1862 г.

скаго населенія, ни для окружающаго народа и общаго государственнаго порядка; но въ затронутый моментъ, въ виду новыхъ условій еврейской жизни, онъ нуждался въ соотвѣтствующемъ преобразованіи, а между тѣмъ въ польско-русскомъ еврействѣ, обезсиленномъ и деморализованномъ, какъ условіями его вѣковаго быта въ Польшѣ, такъ и религіозной борьбой, не было общественныхъ силъ для подобной творческой работы, и кагалъ, въ своей старой формѣ, не гармонировавшей съ потребностью времени, являлся поработителемъ народа въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи. Извѣстная часть еврейскаго общества сознала это и высказалась за сокращеніе функцій кагала. Но и безсознательно, въ пылу религіозной борьбы, еврейское общество наносило власти кагала ударъ за ударомъ. На ряду съ этимъ и правительство неоднократно напоминало, что кагалъ предназначенъ лишь для религіозныхъ дѣлъ; но одновременно правительство создавало силу кагала, предоставляя ему, изъ фискальныхъ цѣлей, собираніе податей, изъ чего кагалъ, въ свою очередь, умѣлъ выковывать для себя новыя права. Сборъ податей представлялъ собою въ рукахъ кагала орудіе, которымъ онъ легко приводилъ въ повиновеніе народную массу. Велѣніемъ же кагала сохранился старый порядокъ, по которому судебныя дѣла между евреями рѣшались кагаломъ. Въ частности, ограниченія, существовавшія относительно участія евреевъ въ сословно-городскомъ общественномъ управленіи, препятствуя евреямъ находить тамъ справедливое отношеніе, а въ Литвѣ полное устраненіе евреевъ отъ общественной самодѣятельности усиливали значеніе кагала.

Выводъ изъ этого самъ собою напрашивался, и Фризель имъ воспользовался. Онъ слѣдующимъ образомъ намѣтилъ дальнѣйшую судьбу еврейскаго населенія:

„Купцамъ позволить, наравнѣ съ прочими, пользоваться всѣми преимуществами, купечеству предоставленными“.

„Равномѣрно и ремесленниковъ соединить въ правахъ съ прочими, приписавъ ихъ къ цехамъ, въ которые принимались безъ разбору всякой націи люди, кромѣ однихъ только евреевъ“.

„Первые два класса, по пребыванію своему въ городахъ, пользовались бы предоставленными прочимъ городскимъ жи-

ралъ-прокурору Обольянинову [1]), отсылая ему свое „Мнѣніе“.

Этимъ вдохновителемъ Державина былъ нѣкій докторъ Франкъ, духовный ученикъ знаменитаго философа Мендельсона, жившій въ мѣстечкѣ Креславлѣ (Вит. губ.), которое Державинъ посѣтилъ во время [2]) своей поѣздки по Бѣлоруссіи (въ концѣ іюля 1800 г.).

„Разъ промыслъ сохранилъ до сихъ поръ этотъ маленькій разсѣянный народъ — сказалъ Державинъ въ бесѣдѣ Франку—то и мы должны позаботиться объ его сохраненіи“. Эти слова внушили Франку довѣріе къ поэту-сановнику и побудили его послать ему записку „Можетъ ли еврей стать хорошимъ и полезнымъ гражданиномъ?“ [3]).

Исходя изъ убѣжденія, что для нравственнаго возрожденія евреевъ нужно ихъ „вернуть къ первоначальной чистотѣ ихъ религіи, такъ какъ народные учителя, пользуясь невѣжествомъ массы, наполнили ее суевѣріемъ и обособили ее отъ другихъ народовъ“, Франкъ, выступая противъ талмуда, указывалъ, что для еврейскаго народа важнѣе всего знаніе еврейскаго языка и общее образованіе; поэтому,— говорилъ онъ,—„еврейская реформа должна начаться съ открытія общественныхъ школъ, въ которыхъ еврейская молодежь обучалась бы русскому, нѣмецкому и еврейскому языкамъ“. „Правда,—замѣчалъ далѣе Франкъ,—такимъ путемъ только будущее поколѣніе просвѣтится, и государство при этомъ увидитъ пользу отъ еврейскихъ подданныхъ лишь впослѣдствіи, послѣ долгаго времени и послѣ значительныхъ затратъ; правда, я знаю, что существуютъ другіе планы реформы, которые, какъ кажется съ перваго взгляда могутъ легче и скорѣе привести къ цѣли, тѣмъ не менѣе знаніе натуры человѣка вообще, и въ особенности вѣрное пониманіе характера евреевъ, даютъ мнѣ основаніе утверждать, что всякая быстрая и насильственная реформа, хотя и приноситъ мгновенную, кажущуюся пользу, не можетъ

---

[1]) См. приложеніе № 5.

[2]) Единственное имѣющееся извѣстіе о Франкѣ относится къ 1823 г.; одна изъ подсудимыхъ по велижскому ритуальному процессу доказывала свое alibi тѣмъ, что лечилась въ то время у доктора Франка въ Креславлѣ.

[3]) См. приложеніе № 2.

въ дѣйствительности внести прочное улучшеніе, а именно къ таковому должно стремиться наше благоразумное человѣколюбивое правительство".

Въ распоряженіи Державина оказался обильный матеріалъ; въ этомъ матеріалѣ было, конечно, много противорѣчиваго, невѣрнаго, пристрастнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заключалъ въ себѣ данныя, на основаніи которыхъ Державинъ могъ бы выработать тотъ или иной взглядъ на евреевъ и, сообразно этому, составить проектъ цѣльнаго, выдержаннаго характера. А между тѣмъ трудъ Державина, поражая своей непослѣдовательностью, представляетъ собою рядъ мѣръ, не связанныхъ общностью цѣли. Правда, у Державина не могло быть достаточно времени, чтобы подвергнуть тщательной разработкѣ матеріалы; выѣхавъ 19-го іюня 1800 г. изъ Петербурга, онъ вернулся обратно въ серединѣ октября уже съ готовымъ проектомъ, три—четыре мѣсяца, конечно, малый срокъ для столь сложнаго труда, тѣмъ болѣе что Державинъ тогда же былъ занятъ другими дѣлами.

Подавленный разнохарактерностью матеріала, онъ не сумѣлъ разобраться въ немъ. Но помимо этого, выработать цѣльный, планомѣрный проектъ Державину помѣшало главнымъ образомъ предубѣжденіе противъ евреевъ; онъ не могъ согласовать своихъ личныхъ чувствъ къ евреямъ съ той тенденціей, которая проходила чрезъ извѣстныя группы данныхъ и съ которой онъ по необходимости долженъ былъ считаться.

Выяснить въ точности, каковы были взгляды Державина по вопросу о гражданскомъ устройствѣ евреевъ очень трудно и это потому, что сама личность Державина представляетъ собою много неяснаго и противорѣчиваго. Если Державинъ, по словамъ благоволившаго къ нему біографа Грота, выдѣлялся „по своей энергіи, честности, человѣчности и гражданскому мужеству", то по свидѣтельству того-же Грота, Державинъ снисходилъ до такихъ поступковъ, которые „съ точки зрѣнія нравственнаго достоинства, конечно, не могутъ быть оправданы"; ему въ заслугу можно поставить твердость и откровенную простоту, съ которой онъ отстаивалъ свои мнѣнія; однако эта смѣлая настойчи-

вость, переходя въ тупое упрямство, укрѣпляла его нерѣдко въ явно несправедливыхъ дѣйствіяхъ. Если Державинъ былъ достаточно смѣлъ, чтобы идти порою наперекоръ желанію людей, отъ которыхъ зависѣла его судьба, то въ то же время, льстивый и хитрый царедворецъ, онъ умѣлъ находить себѣ еще болѣе сильныхъ защитниковъ, и не былъ чуждъ той особой осторожности, благодаря которой, окруженный тайными врагами, онъ благополучно лавировалъ въ водоворотѣ придворной жизни. Эта осторожность заставляла его чутко относиться къ окружающему настроенію и общественнымъ явленіямъ и, въ связи съ его природнымъ умомъ, дѣлала то, что своенравный и самолюбивый, Державинъ въ извѣстныхъ случаяхъ добровольно подчинялся вліянію извнѣ, разъ онъ находилъ это для себя выгоднымъ. И думается, что Державинъ явился бы въ своей запискѣ носителемъ лишь грубой ненависти къ евреямъ, которая требовала однѣхъ отрицательныхъ суровыхъ мѣръ въ отношеніи ихъ, если бы онъ не зналъ, что уже раздался голосъ въ пользу прогрессивной реформы еврейской жизни, если бы онъ не понялъ, что евреи представляютъ собою извѣстную общественную силу и если бы онъ не убѣдился, что Павелъ I совершенно не питаетъ къ евреямъ недружелюбія и, въ частности, религіозной непріязни.

Въ основѣ отношенія Державина къ евреямъ лежала религіозная непріязнь; онъ не только не могъ отказаться отъ нея подъ вліяніемъ необходимости прогрессивно реформировать еврейскій бытъ, но даже старался внушить ее будущимъ читателямъ-сановникамъ его проекта.

„Такимъ образомъ — заключалъ Державинъ свое „Мнѣніе“ — евреевъ родъ строптивый и изувѣрный, *враги Христіанъ*, хотя по опредѣленію вѣчныхъ судебъ и останутся въ непремѣнномъ своемъ разсѣяніи дондеже угодно Всевышнему; но и въ семъ своемъ печальномъ состояніи получатъ образъ благоустройства. А Павлу Первому предоставится въ родъ и родъ незабвенная слава, что онъ первый изъ Монарховъ Россійскихъ исполнилъ сію великую заповѣдь: „Любите *враги ваша*, добро творите *ненавидящимъ васъ*“.

Этотъ взглядъ на евреевъ какъ на враговъ христіанъ Державинъ особенно силился внушить правительству и

съ этой цѣлью онъ готовъ дать превратное толкованіе даже тому хорошему, что самъ нашелъ въ евреяхъ; такъ, напр., говоря, что нѣкоторые христіане обращаются къ суду раввиновъ, онъ замѣчаетъ, что раввины давали имъ удовлетвореніе „не изъ свойственнаго имъ правосудія, но для дальнѣйшихъ своихъ видовъ и ослѣпленія прочихъ простолюдиновъ, *ибо въ дѣлѣ съ христіаниномъ у нихъ правды быть не можетъ, сіе запрещено талмудами*".

Къ тому же Державинъ, такъ или иначе, придавалъ нѣкоторую вѣру легендѣ о ритуальныхъ преступленіяхъ евревъ. Правда, онъ писалъ „хотя я, съ моей стороны, о сихъ кровопролитіяхъ думаю, что если они и бывали гдѣ либо въ древности то не иначе, какъ только по изступленію нѣкоторыхъ изъ фанатиковъ", но надо помнить, что хитрый царедворецъ считался въ данномъ случаѣ лишь съ отрицательнымъ отношеніемъ Павла I къ этому вопросу; въ томъ же „Мнѣніи" Державинъ писалъ, что въ кагалахъ „бываютъ защищаемы" эти преступленія, и неудивительно, что добавляя по поводу кровавыхъ обвиненій „но счелъ однако за нужное не выпускать ихъ изъ виду", онъ препровождаетъ при „Мнѣніи" такіе документы, которые безъ надлежащаго объясненія должны были вызвать самое дикое представленіе о фанатической преступности евревъ.

Въ связи съ этимъ отношеніемъ къ евреямъ, какъ къ врагамъ христіанъ, и получилось основное различіе между проектами Державина и Фризеля.

Сознавая нравственные недостатки еврейскаго населенія, Фризель искренно желалъ ихъ уничтожить путемъ гуманныхъ просвѣтительныхъ мѣръ,—эти недостатки не вызывали въ немъ недовѣрія къ евреямъ. Прекрасно зная отрицательныя стороны еврейской жизни, онъ все же смотрѣлъ на евреевъ, какъ на русско-подданныхъ, которые съ проведеніемъ необходимыхъ реформъ, станутъ равноправными, просвѣщенными гражданами, полезными для государства.

Совсѣмъ иное замѣчается въ отношеніи Державина. Онъ утверждалъ, что *въ данный моментъ* евреевъ „не можно признать собственно принадлежащими россійскому государству"; по его мнѣнію, только тогда, когда просвѣщеніе евреевъ „въ послѣдующія времена, по крайней мѣрѣ чрезъ нѣсколько поколѣній, непримѣтнымъ образомъ дастъ плоды,

пріятные христіанству; тогда только, а не прежде развращенные евреи, если перемѣнятъ свои суевѣрные обычаи, будутъ россійскаго престола прямыми подданными".

Державинъ сомнѣвается, вообще, „могутъ ли быть жиды полезными государству"; отмѣчая же нравственные изъяны евреевъ, онъ стремился вселить въ правительствѣ недовѣріе къ нимъ. Въ запискѣ перваго могилевскаго губернатора Каховскаго Державинъ прочиталъ: „что еврей — то новый видъ обмана", и, слѣдуя такой аксіомѣ, онъ извращаетъ смыслъ самыхъ невинныхъ дѣйствій евреевъ, доходя въ этомъ случаѣ, какъ замѣтилъ Оршанскій, — до смѣшного; всюду ему мерещится злой умыселъ и какая-то подозрительная таинственность. Такъ, указывая, что евреи ходятъ всегда съ покрытой головою, онъ объясняетъ это тѣмъ, будто они „чтутъ себя предъ всѣми другими народами превосходнѣйшими". Евреи копятъ богатства не по тѣмъ побужденіямъ, какъ всѣ люди, а „для созиданія храма (въ Палестинѣ) или для плотскихъ своихъ удовольствій нужныхъ"; они занимаются торговлей, факторствомъ и проч. не просто, а какъ „тонкими вымыслами" для обиранія народа. Но любопытнѣе всего, что, по словамъ Державина, „должно отнести также къ ихъ (евреевъ) хитрости" и то, что среди евреевъ много „единообразныхъ, единоимянныхъ, какихъ нибудь Мовшевъ, Абрамовъ, Лейбовъ, Хаймовичевъ, Лейзаровичевъ и тому подобныхъ; да къ тому же всѣ одѣты въ одинаковое черное платье, то и теряется память и смѣшивается понятіе при случаѣ ихъ счета и различія, а особливо по дѣламъ исковымъ и слѣдственнымъ" [1]).

При такой фанатической подозрительности и враждѣ къ евреямъ Державинъ не могъ искренне сочувствовать тѣмъ мѣрамъ, въ основѣ благодѣтельнымъ для евреевъ, которыя, какъ минимумъ необходимой реформы, онъ былъ вынужденъ

---

[1]) Въ іюнѣ Державинъ получилъ анонимную записку о вредѣ евреевъ, въ концѣ которой было сказано, что если Державинъ хочетъ ознакомиться съ характеромъ евреевъ—то онъ можетъ собрать соотвѣтствующія свѣдѣнія „изъ книжицы у полоцкихъ іезуитовъ печатанной подъ заглавіемъ Жидъ Давидекъ". Эту записку Державинъ отправилъ Обольянинову при письмѣ отъ 15 Іюля, и это письмо, равно и анонимную записку доставилъ Обольянинову ассесоръ Шостькевичъ, который, кажется, и былъ авторомъ записки.

городах [illegible] и еврейкамъ“ упо-
примуч [illegible] и христіанокъ ни подъ
что [illegible]
ніях [illegible] изъ предложенныхъ Дер-
при [illegible] ческій характеръ, должна
шир [illegible] вѣтно отразиться также и
Дер [illegible] евреевъ — это уничтоженіе
из [illegible]
хр [illegible] гражданскимъ положені-
ев [illegible] объ ихъ просвѣщеніи, како-
[illegible] ся съ вопросомъ объ ихъ
су [illegible] бытѣ.
[illegible] свою записку съ того, что „обра-
[illegible] ейскаго народа должно начать съ
[illegible] предмета, отъ котораго все про-
[illegible] еврейское, не будучи противно
[illegible] мъ, терпимо въ Россійской Импе-
[illegible] и поелику всѣ вѣры одну имѣютъ
[illegible] власть не можетъ предпринять
[illegible] судительно для правительства, то,
[illegible] быть исключены и евреи...“. И
[illegible] „Разсмотрѣть и изслѣдовать, въ чемъ
[illegible] ихъ вѣра, искоренить всѣ секты, суе-
[illegible] вводить новости, которыми обман-
[illegible] погружаютъ ее въ большее невѣ-
[illegible] у нихъ послѣднее ихъ имущество,
[illegible] также обманомъ. Установить, чтобы
[illegible] ой Имперіи была одна, какъ и въ
[illegible] хъ. Чтобы не могла она имѣть ничего
[illegible] ленiямъ и предписаніямъ главнаго пра-
[illegible] стиженія сего надлежитъ учредить, чтобы
[illegible] ское производило всѣ дѣла на польскомъ
[illegible] ней мѣрѣ, назначенъ былъ особый над-

[illegible] законѣ 1797 г. нѣсколько разъ подтверждается,
[illegible] пользоваться услугами христіанъ (напр. въ каче-
[illegible] фабричныхъ рабочихъ и проч.).
[illegible] запрещеніе евреямъ держать христіанскую прислугу
[illegible] въ 1887 г.
[illegible] Пруссіи были уравнены въ податяхъ; сохранилась
[illegible] школьная» подать.

ніи отъ окружающаго населенія. Фризель имѣлъ въ виду фактически произвести коренную реформу въ еврейской жизни—внутренней и внѣшней, внеся въ эту реформу созидательный элементъ, Державинъ же, сохранивъ то гражданско-политическое положеніе евреевъ въ государствѣ, которымъ обусловливался общій характеръ еврейской жизни, изъ котораго вытекали ея нежелательныя явленія, направилъ свои удары—разрушительные удары—противъ отдѣльныхъ сторонъ еврейскаго быта. При этомъ, въ проектѣ Фризеля созидательной силой въ дѣлѣ реформы должна была служить сама обновленная гражданско-политическая жизнь евреевъ, въ запискѣ же Державина реформѣ предстояло осуществиться подъ давленіемъ принудительныхъ мѣръ, подъ градомъ уголовныхъ каръ.

Мысль о еврейской реформѣ была рождена, какъ было выше указано, вопросомъ объ экономическомъ и моральномъ вредѣ для христіанскаго населенія, проистекавшемъ отъ чрезмѣрнаго скопленія евреевъ въ уѣздахъ, неразрывно связаннаго съ ихъ дѣятельностью, какъ арендаторовъ и корчмарей,—и этотъ вопросъ долженъ былъ конечно занять видное мѣсто въ будущей еврейской реформѣ. Уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ этотъ вопросъ привлекалъ вниманіе правительства — но только съ точки зрѣнія интересовъ крестьянъ. Правда, общій голосъ администраціи и дворянства бывшихъ польскихъ губерній былъ таковъ, что евреевъ не должно удалять изъ уѣздовъ, предоставивъ имъ, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, заниматься старыми промыслами, причемъ была высказана мысль о привлеченіи части евреевъ къ производительному труду. Но такое рѣшеніе подсказывалось съ одной стороны сознаніемъ, что нарушеніе установившагося вѣками хозяйственнаго строя гибельно отразится на интересахъ дворянъ, съ другой стороны—возникавшимъ недоумѣніемъ: что сдѣлать съ многочисленной еврейской массой, которая лишилась бы средствъ къ жизни. Такимъ образомъ, крестьянскіе интересы, въ сущности, не играли роли въ отвѣтахъ администраціи и дворянства на запросъ центральнаго правительства объ огражденіи крестьянъ отъ вредоноснаго сосѣдства евреевъ. На ряду съ этимъ, когда бѣлорусскія власти, въ заботѣ объ однихъ крестьянахъ, настаивая на совершенномъ

освобожденіи уѣздовъ отъ евреевъ, съ одобренія высшей власти, прибѣгли къ принудительному переселенію евреевъ въ города — условія дѣйствительной жизни воспрепятствовали осуществленію этой мѣры.

Въ иныхъ условіяхъ относительно рѣшенія этого вопроса находились Фризель и Державинъ, которымъ предстояло разсмотрѣть его какъ частный случай общей *еврейской* реформы, когда на ряду съ нуждами крестьянъ стояли и потребности еврейской массы. Державинъ и Фризель одинаково рѣшили въ принципѣ, что евреи должны быть устранены отъ виннаго промысла, при чемъ Державинъ начерталъ широкій планъ принудительнаго выселенія евреевъ изъ селъ и деревень вообще, и переселенія части населенія изъ Бѣлоруссіи на пустопорожнія мѣста въ другихъ губерніяхъ. Излишне остановиться здѣсь на этомъ вопросѣ и на ошибочномъ разрѣшеніи его обоими авторами проектовъ— объ этомъ имѣется въ настоящей книгѣ особый очеркъ—но необходимо разсмотрѣть, во первыхъ, насколько были созданы для евреевъ такія условія жизни, соотвѣтствовавшія требованію дѣйствительности, которыя естественнымъ ходомъ вещей привели бы евреевъ къ возможности покинуть свои старыя занятія и насиженныя мѣста въ уѣздахъ, и, во вторыхъ, въ какомъ соотношеніи со всей реформой оказалось предложенное въ обоихъ проектахъ принудительное устраненіе евреевъ отъ виннаго промысла, грозившее имъ величайшимъ экономическимъ переворотомъ.

Евреи были приписаны къ двумъ сословіямъ русскаго населенія—купеческому и мѣщанскому, и въ силу этого, по общему порядку, они должны были проживать въ городахъ, и лишь въ видѣ исключенія, въ силу мѣстныхъ условій, сложившихся до русскаго господства, правительство терпѣло проживаніе евреевъ въ уѣздахъ, расчитывая, что съ теченіемъ времени это положеніе измѣнится. И вотъ, связавъ этотъ общій законъ о проживаніи торгово-промышленныхъ сословій въ городахъ съ желаніемъ привлечь еврейское населеніе къ производительному труду,—Державинъ и Фризель распредѣлили евреевъ по классамъ, и проживаніе въ томъ или иномъ мѣстѣ должно было впредь зависѣть отъ рода занятія. По проекту Фризеля, еврейскіе купцы и ремесленники проживали бы въ городахъ; тѣ же, которые

„не занимаются ни торговлей, ни художествами должны непремѣнно упражняться въ хлѣбопашествѣ“ и сообразно этому жить внѣ городовъ. У Державина это вышло сложнѣе. Купцы могли жить въ городахъ и мѣстечкахъ, мѣщане только въ городахъ; а засимъ созданные Державинымъ классы: сельскіе мѣщане (съ капиталомъ отъ 500 до 100 р.) могли жить на казенныхъ и владѣльческихъ земляхъ и „заводить разныя мануфактуры, фабрики“; поселяне-хозяева (съ капиталомъ не менѣе 50—100 р.) могли на казенныхъ и владѣльческихъ земляхъ, при наличности не менѣе 4 работниковъ, заниматься земледѣліемъ [1]). Такимъ образомъ бѣднѣйшій, который могъ найти пріютъ, долженъ былъ имѣть капитала не менѣе 50 р. А остальнымъ неимущимъ суждено было быть переселенными на пустопорожнія земли [2]).

О привлеченіи евреевъ къ фабричному и земледѣльческому труду рѣчь будетъ далѣе, теперь же другой вопросъ останавливаетъ на себѣ вниманіе: и Державинъ и Фризель шли до сихъ поръ, въ общемъ, по одному пути: сущность мѣропріятія была одна—чтобы каждый имѣлъ мѣсто жительства сообразно своему занятію, дабы такимъ образомъ евреи были разрѣжены въ уѣздахъ и удалены отъ виннаго промысла—въ этомъ случаѣ евреи должны были понести извѣстную жертву для блага остальнаго населенія.— Но что же ждало далѣе новыхъ городскихъ еврейскихъ поселенцевъ, новыхъ еврейскихъ земледѣльцевъ? Чѣмъ должна была быть связана эта мѣра съ общей реформой, которою Державинъ, какъ онъ писалъ, имѣлъ въ виду „устроить ихъ (евреевъ) политически и нравственно подобно просвѣщеннымъ народамъ“?..

Являясь такимъ-же, по общей схемѣ, общественнымъ учрежденіемъ, какъ русскіе органы сословно-городского самоуправленія, но съ бо́льшимъ кругомъ функцій и съ большей силой воздѣйствія на общество, кагалъ, по своей природѣ, не таилъ въ себѣ ничего вреднаго ни для еврей-

---

[1]) Державинъ поясняетъ, что „хозяевами поселяне еврейскіе для того названы, что наименованіе крестьянина по сходству со словомъ христіанина они терпѣть не могутъ, и отъ сего единаго въ состояніи разбѣжаться или никогда не быть хлѣбопашцемъ“.

[2]) Такое же распредѣленіе евреевъ на классы, по роду ихъ занятій, имѣется въ прусскомъ законодательствѣ 1797 г.

какъ вра[illegible] евреевъ въ правѣ
надѣяле[illegible] возрастомъ!
ихъ „ро[illegible] стороны еврейской жизни, то
этого то[illegible] требовалъ, чтобы была
свѣтит[illegible] не оставилъ, подобно
вѣрны[illegible]ей подъ надзоромъ прави-
Вв[illegible] особому „протектору“—хри-
къ хр[illegible]
чиком[illegible], касавшимися обрядовъ вѣры,
тель[illegible] евреевъ, сосредоточивалось по
чтоб[illegible]ріонѣ, находившемся подъ не-
нар[illegible] протектора. Синедріону были
про[illegible]агоги“, этимъ же послѣднимъ—
шал[illegible] губерніи. „Раббины“ въ шко-
от[illegible]стомъ, а „судьи синагогъ“ — шко-
„м[illegible]ріона, то четверо изъ его членовъ,
вр[illegible] протекторомъ по собствен-
ко[illegible] нѣмецкой земли или изъ благово-
р[illegible]ихъ русскій и прочіе европейскіе
[illegible] „верховный раббинъ или патріархъ
[illegible]ся главою еврейской религіи, выби-
[illegible] голосовъ всѣхъ школъ и всѣхъ си-
[illegible] членовъ синедріона“ и утверждался госу-
[illegible] былъ предусмотрѣнъ надзоръ за этими
[illegible], напр., школы въ городахъ подлежали
[illegible], въ уѣздахъ—земской полиціи, правда—
[illegible] того, чтобы въ тѣхъ школахъ не отпра-
[illegible] гражданскихъ дѣлъ и ничего вреднаго
[illegible]рительнаго другимъ вѣрамъ“; а синагоги
[illegible] присмотромъ „надзирателя изъ губернскихъ
[illegible]“.

[illegible]ніе надзора за внутренней жизнью евреевъ
[illegible] естественнымъ шагомъ со стороны русскаго
[illegible]тора, но Державинъ руководствовался въ дан-
[illegible] не однимъ соображеніемъ о государственной
[illegible] и своимъ личнымъ предубѣжденіемъ противъ
[illegible] онъ не могъ освободиться отъ недовѣрія даже
[illegible] представителямъ еврейскаго народа, не могъ
[illegible] отъ представленія о нихъ, какъ о зловредныхъ
[illegible]. Постановляя, что кандидатъ въ патріархи могъ

не быть утверждаемъ властью не болѣе трехъ разъ, а потомъ утверждался кто бы ни былъ выбранъ, Державинъ угрожаетъ еврейскому обществу штрафомъ, если выбранный патріархъ „обличится въ какихъ либо поступкахъ противъ правилъ честности и вѣрности государству", мотивируя эту мѣру такъ: „сіе полагается для того, дабы всѣми средствами побудить евреевъ къ справедливости, вѣрности, честолюбію и отличности"! Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „протекторъ неусыпно стараться долженъ, чтобъ главнаго раббина и прочихъ его сочленовъ (т. е. просвѣщеннѣйшихъ евреевъ) всѣми ласкательными способами (склонить?) къ тому, дабы они, какъ при рѣшеніяхъ своихъ духовныхъ дѣлъ, такъ и поученіяхъ держась правилъ кротости, человѣколюбія и прочихъ гражданскихъ добродѣтелей, распространяли въ свой народъ просвѣщеніе". Какъ будто все доброе и честное было чуждо еврею! [1])

Таковы были, въ главныхъ чертахъ, проекты Фризеля и Державина. Кратко характеризуя ихъ, можно кажется сказать, что проектъ Фризеля долженъ былъ сотворить новую еврейскую жизнь, проектъ Державина разрушить старую; въ первомъ случаѣ евреи возродились бы въ атмосферѣ равенства, во второмъ—еще ниже пали бы въ экономическомъ и въ нравственномъ отношеніи подъ тяжестью безправія и общественнаго униженія...

Слѣдуетъ еще сказать, какимъ образомъ должна была осуществиться реформа по обоимъ проектамъ.

„Подробнѣйшее разсмотрѣніе состоянія евреевъ,—заканчивалъ Фризель свой проектъ—приведеніе въ дѣйствіе вышеописанныхъ пунктовъ, какъ и изысканіе новыхъ надежнѣйшихъ средствъ къ поправленію состоянія евреевъ возложить можно на нѣсколькихъ опытныхъ особъ", которыя и

[1]) Какъ и въ прусскомъ законодательствѣ 1797 г., Державинъ предложилъ, чтобы при переписи за евреями, по обычаю называвшимися по имени и мѣсту жительства, были установлены фамиліи; въ Пруссіи евреямъ было предоставлено самимъ „принять имя колѣна", Державинъ же предложилъ „присовокупить" евреямъ прозвища, какъ напр., Дикій, Промышленный, Замысловатый и др. — Въ это время принялъ фамилію, между прочимъ, и Ноткинъ.

Не лишне отмѣтить, что Державинъ не пожелалъ воспользоваться прусскими узаконеніями, ограничивавшими въ отношеніи евреевъ право вступать въ бракъ.

ношеніи уплаты податей, равно и подсудности, на евреевъ были распространены общіе законы.

Но въ дѣйствительности Державинъ былъ весьма далекъ отъ той отправной точки и конечной цѣли, которыми опредѣлился проектъ Фризеля! Сохранивъ до нѣкоторой степени внѣшнюю форму программы Фризеля, онъ лишилъ ее ея внутренней цѣнности. Предложенныя обоими реформаторами мѣры были внѣшне схожи, но, подсказанныя побужденіями противоположнаго характера, онѣ должны были привести къ противоположнымъ результатамъ.

Фризель желалъ „привести сей народъ въ полезное для государства положеніе“ и онъ предпринялъ соотвѣтствующія мѣры; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упустилъ изъ виду благо евреевъ,—и, идя по пути, который прокладывался самой жизнью и опредѣлялся развитіемъ намѣченныхъ мѣръ, онъ пришелъ къ гражданскому уравненію евреевъ съ христіанами. Иначе дѣйствовалъ Державинъ.

Упомянутое только что упраздненіе кагала явилось однимъ изъ логическихъ послѣдствій проекта Фризеля; упраздненіе кагала служило лишь частной мѣрой къ уничтоженію обособленности евреевъ, вотъ почему взамѣнъ этого выброшеннаго изъ зданія еврейской жизни камня былъ вставленъ другой—сословное уравненіе съ христіанами. За разрушительнымъ ударомъ послѣдовалъ такимъ образомъ созидательный. Державинъ-же поставилъ цѣлью реформы—разрушить старую основу еврейской жизни, уничтожить кагалъ, не создавая новаго фундамента.

Фризель считалъ кагалъ учрежденіемъ, не соотвѣтствовавшимъ условіямъ еврейской и обще-государственной жизни, даже, пожалуй, опаснымъ для государства. Державинъ-же, признавая его вреднымъ особливо для христіанъ, видѣлъ въ немъ нѣчто значительно худшее. „Въ сихъ кагалахъ,—заявлялъ онъ,—исполняются, или, по крайности, теперь только защищаемы, бываютъ тѣ христіанскія кровопролитія, въ коихъ іудеи по разнымъ временамъ и царствамъ подозрѣвались“... Кагалъ представлялся его воображенію мѣстомъ дикихъ, спеціально-еврейскихъ преступленій. Упраздняя кагалъ, онъ не былъ побуждаемъ къ этому желаніемъ ввести еврейскую жизнь въ общій гражданскій правопорядокъ, какъ это было съ Фризелемъ; Державинымъ

руководило одно лишь намѣреніе—спасти христіанъ отъ еврейской силы—подсказанное пугливо-фанатическимъ отношеніемъ къ незнакомому ему еврейскому народу.

Уничтожая старое еврейское зданіе, такъ запугавшее его воображеніе, Державинъ думалъ лишь о томъ, чтобы дать спокойствіе окружающему населенію; ненавидя евревъ, онъ не остановился предъ мыслью, что они могутъ погибнуть отъ его разрушительной работы.

Упраздняя кагалъ, Державинъ, какъ онъ самъ говоритъ [1]), имѣлъ въ виду „поставить евреевъ, относительно общежительныхъ *обязанностей* наравнѣ съ прочими Россіи подвластными народами и подвергнуть единственному государственному правленію". Полное подчиненіе и всѣ обязанности—но безъ тѣхъ правъ, которыми пользовались христіане.

Въ уничтоженіи кагала заключалась основа реформы Державина и его отношеніемъ къ этому вопросу опредѣлился характеръ всего проекта.

Державинъ, надо повторить, видѣлъ въ кагалѣ установленіе, вредное не столь для евреевъ, сколько для христіанъ; вѣдь именно кагалы, по его мнѣнію, сплачивая евреевъ, даютъ имъ единство и силу, опасныя для христіанъ, и потому, уничтожая эту сплоченность евреевъ — единственное орудіе ихъ въ борьбѣ съ всеобщей враждою—онъ, въ противоположность Фризелю, не стремится устранить взаимнаго недовѣрія; спасая христіанъ, онъ не помышляетъ о томъ, что и евреевъ нужно оградить отъ вражды окружающаго населенія; онъ не пытается слить евреевъ съ христіанами, создать взаимную дружбу; не хочетъ внушить современникамъ, что евреи — ихъ сограждане.

Различіе во взглядахъ Фризеля и Державина на еврейскую реформу особенно рельефно выразилось въ вопросѣ о предоставленіи евреямъ-купцамъ и евреямъ-мѣщанамъ выборнаго права. Фризель рѣшилъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ; его не остановило то, что въ Литвѣ евреи никогда не пользовались такимъ правомъ, стоя въ сторонѣ отъ общественнаго самоуправленія христіанъ; онъ даже выступилъ съ ходатайствомъ объ учрежденіи въ литовскихъ

---

[1]) „Мнѣніе". Стр. 319.

городахъ магистратовъ и ратушъ, имѣя въ виду, что евреи примутъ въ нихъ участіе. А Державинъ, несмотря на то, что въ Бѣлоруссіи, какъ и въ другихъ польскихъ губерніяхъ, евреи пользовались избирательнымъ правомъ, правда, при извѣстныхъ ограниченіяхъ, и принимали участіе въ широкой сферѣ городского общественнаго самоуправленія,— Державинъ, несмотря на это, потребовалъ лишенія евреевъ избирательнаго права: „право выбора и засѣданія съ христіанами въ ратгаузахъ, въ магистратахъ и ратушахъ евреямъ съ прочими преимуществами дарованное, польскими же конституціями запрещенное, а по указу 1797 [1]) подъ сумнѣніемъ остающееся, въ разсужденіи вышеобъявленныхъ соблазновъ и предубѣжденій жидовъ противъ христіанъ, дабы судьбы сихъ послѣднихъ не предавать въ руки ненавидящихъ ихъ, необходимо слѣдуетъ отмѣнить“ [2]).

И мотивомъ, какъ онъ самъ объясняетъ, было то, что евреи ненавидятъ христіанъ!

Питая недовѣріе къ евреямъ и раздѣляя предразсудки, царившіе относительно нихъ въ русскомъ обществѣ, Державинъ не могъ довести до конца даже имъ самимъ же предложенное уравненіе евреевъ съ христіанами въ сферѣ труда и занятій. Такъ, указывая, что евреи-купцы „оставаться

---

[1]) Неизвѣстно, что это за указъ.

[2]) Въ прусскомъ законѣ 1797 г. этотъ вопросъ разрѣшенъ слѣдующей статьей, приводимой здѣсь въ переводѣ, представленномъ въ сенатъ Державинымъ: „Какъ по правилу, въ разсужденіи внутренняго расположенія евреевъ, принятому, дани и обязанности взыскиваются съ нихъ не пообщественно, и даже добровольныя ручательства кагаловъ въ долгахъ синагогъ, при первомъ удобномъ и возможномъ случаѣ, сняты будутъ, то за симъ и въ старшинахъ, каковые нынѣ у нихъ находятся, не будутъ имъ необходимости. По сей причинѣ предполагается: дабы по смерти нынѣшнихъ старшинъ, или по выбытіи ихъ въ въ другое жительство, новые выбираемы и утверждаемы не были; вмѣсто же ихъ по соразмѣрности числа жителей еврейскаго народа, выбрать изъ нихъ одного и болѣе комиссаровъ или депутатовъ такъ, какъ ихъ городскіе обыватели (т. е. христіане) имѣютъ. Магистратъ имѣетъ назначать и перемѣнять таковыхъ по предварительному отъ каморы позволенію, тѣмъ же образомъ и съ тѣми же обязательствами, какія на христіанскихъ наложены депутатовъ. Избранные на таковомъ основаніи, еврейскіе коммиссары, сверхъ общихъ депутатскихъ обязанностей, должны въ особенности исполнять дѣятельно всѣ порученія магистрата къ евреямъ относящіеся и представляя магистрату о дѣлахъ своего кагала, имѣютъ о нихъ смотрѣніе“.

будутъ безотмѣнно по торговлѣ и выгодамъ сему состоянію свойственнымъ", онъ въ дальнѣйшемъ, однако, оговариваетъ, что если евреямъ на основаніи гильдейскихъ правилъ разрѣшенъ оптовый торгъ въ Россіи, то „отпускъ или ввозъ внутрь оной изъ товаровъ, какъ то: въ столицы и на ярмонки, не иначе быть долженъ, какъ съ *крайней осторожностью*, [1]) только чрезъ повѣренныхъ русскихъ купцовъ, а лично имъ самимъ въ предѣлы Великой Россіи отнюдь въѣзжать не позволять", и это потому, какъ онъ самъ объясняетъ въ подстрочномъ примѣчаніи, что „политики" доказываютъ, будто евреи не могутъ быть полезными государству „какъ по вѣроломству", такъ и потому, что они отсылаютъ свои капиталы въ другія государства, особливо въ Палестину, [2]) а русскіе повѣренные могутъ „воздержать" ихъ отъ этого и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщать правительству о размѣрахъ еврейскихъ капиталовъ!

Конечно, при такихъ условіяхъ не могло возникнуть между христіанами и евреями взаимное довѣріе и уваженіе, не могло произойти сліяніе, но вѣдь Державинъ къ этому и не стремился; онъ видѣлъ въ евреѣ прежде всего врага христіанъ, поэтому, если онъ въ одномъ мѣстѣ уничтожалъ сплоченность евреевъ, считая ее пагубной для христіанъ, то въ другомъ мѣстѣ онъ ее самъ создавалъ, опасаясь, что, разсѣявшись, евреи принесутъ еще большій вредъ коренному населенію („даже въ Сибирь на каторгу за преступленія—съ женами не отправлять жидовъ, дабы не размножалися и не развращали сердце Имперіи, то есть коренныхъ жителей"), и въ этомъ случаѣ онъ особенно страшился за судьбу простыхъ классовъ, опасаясь совращенія ихъ съ пути истины: „наистрожайше возобновить — предлагалъ Державинъ — запрещеніе евреямъ склонять христіанъ въ свою вѣру"; вотъ почему онъ, между прочимъ, потребовалъ, чтобы сельскіе мѣщане-евреи селились во владѣльческихъ мѣстечкахъ *въ особыхъ отъ христіанъ улицахъ*, а чтобы оградить низшій слой христіанъ отъ соприкосновенія съ

[1]) Въ прусскомъ положеніи сказано: „на большихъ и маленькихъ ярмонкахъ жиды не иначе должны отправлять торговлю, какъ по предписаннымъ исключеніямъ и ограниченіямъ".

[2]) Эта молва принималась на вѣру многими современниками Державина.

евреями, онъ запретилъ „евреямъ и еврейкамъ“ употреблять въ услугу „христіанъ и христіанокъ ни подъ какимъ видомъ и поводомъ“ [1])!

Слѣдуетъ отмѣтить, что одна изъ предложенныхъ Державинымъ мѣръ, нося экономическій характеръ, должна была въ извѣстной степени благопріятно отразиться также и на гражданскомъ положеніи евреевъ — это уничтоженіе двойной подати [2]).

Въ тѣсной связи съ будущимъ гражданскимъ положеніемъ евреевъ находился вопросъ объ ихъ просвѣщеніи, каковой въ свою очередь соприкасался съ вопросомъ объ ихъ религіозно-нравственномъ бытѣ.

Фризель такъ и началъ свою записку съ того, что „образованіе (т. е. реформу) еврейскаго народа должно начать съ религіи, этого главнѣйшаго предмета, отъ котораго все прочее зависитъ. Исповѣданіе еврейское, не будучи противно государственнымъ узаконеніямъ, терпимо въ Россійской Имперіи наравнѣ съ прочими, и поелику всѣ вѣры одну имѣютъ цѣль, и ни одна духовная власть не можетъ предпринять того, чтобы было предосудительно для правительства, то, безъ сомнѣнія, не должны быть исключены и евреи...“. И Фризель предложилъ: „Разсмотрѣть и изслѣдовать, въ чемъ состоитъ настоящая ихъ вѣра, искоренить всѣ секты, суевѣрія, запретить настрого вводить новости, которыми обманщики, обольщая чернь, погружаютъ ее въ большее невѣжество и вымогаютъ у нихъ послѣднее ихъ имущество, снисканное трудами или также обманомъ. Установить, чтобы духовная власть въ цѣлой Имперіи была одна, какъ и въ прочихъ исповѣданіяхъ. Чтобы не могла она имѣть ничего противнаго постановленіямъ и предписаніямъ главнаго правительства. Для достиженія сего надлежитъ учредить, чтобы начальство еврейское производило всѣ дѣла на польскомъ языкѣ, или, по крайней мѣрѣ, назначенъ былъ особый над-

---

[1]) Въ прусскомъ законѣ 1797 г. нѣсколько разъ подтверждается, что евреи не должны пользоваться услугами христіанъ (напр. въ качествѣ подмастьерьевъ, фабричныхъ рабочихъ и проч.).

Въ Россіи запрещеніе евреямъ держать христіанскую прислугу было отмѣнено лишь въ 1887 г.

[2]) Евреи въ Пруссіи были уравнены въ податяхъ; сохранилась лишь особая «школьная» подать.

зоръ, дабы власть духовная не могла присвоивать себѣ дѣлъ непринадлежащихъ. Поелику мало случается дѣлъ, относящихся до разсмотрѣнія духовной власти, то достаточнымъ кажется для цѣлой губерніи одного духовнаго суда".

Познакомившись съ еврейскимъ населеніемъ какъ разъ тогда, когда оно дошло до апогея въ своемъ религіозномъ междуусобіи, полномъ самыхъ дикихъ проявленій ожесточеннаго фанатизма, Фризель не могъ не составить себѣ такого представленія о еврейской автономіи, которое требовало вмѣшательства правительства въ религіозныя дѣла евреевъ и установленія надзора за ними Но ясно, что мѣры, предложенныя Фризелемъ, въ смыслѣ очищенія религіознаго ученія, не могли быть осуществлены по тѣмъ общимъ причинамъ, по которымъ правительству не удавалось побороть всякія секты, „новости" и многочисленныхъ „обманщиковъ" въ самой православной церкви, и тутъ не могло помочь то, что къ этой работѣ были бы привлечены, по предложенію Фризеля, просвѣщеннѣйшіе и ученѣйшіе евреи. Но несомнѣнно, что зло, выбивавшееся въ то время изъ нѣдръ еврейской жизни, въ значительной мѣрѣ ослабѣло бы подъ вліяніемъ другой мѣры, отъ которой самъ же Фризель ожидалъ благодѣтельныхъ результатовъ. „Правительство,—говорилъ онъ—приступая къ образованію народа сего, долженствуетъ, во первыхъ, обратить вниманіе свое на его воспитаніе. Предоставивъ имъ самимъ изученіе токмо вѣры, нужно непремѣнно учредить, чтобы обучались они и прочимъ наукамъ въ публичныхъ школахъ. Когда получатъ они нѣкоторое просвѣщеніе и нравственность ихъ образуется, тогда они, безъ сомнѣнія, станутъ гнушаться тѣми пороками, которые имъ вообще приписываются".

Державинъ, подъ вліяніемъ своего совѣтчика Франка, включилъ въ свою реформу умственно-нравственное перевоспитаніе еврейскаго народа, но и здѣсь сказалось его фанатически-подозрительное отношеніе къ евреямъ и желаніе направить реформу на благо окружающаго населенія, а не самихъ евреевъ, — онъ питалъ надежду, что евреи „дадутъ плоды, пріятные *христіанству*", если „перемѣнятъ свои суевѣрные обычаи", т. е. просвѣтятся. Поэтому-то, обособляя ихъ до поры до времени въ гражданской жизни

какъ враговъ христіанъ, онъ лишь въ далекомъ будущемъ надѣялся пріобщить ихъ къ общерусской жизни, сдѣлать ихъ „россійскаго престола прямыми подданными". Для этого то и „надобно—какъ рекомендовалъ Державинъ—просвѣтить евреевъ, *истребивъ изъ нихъ ненависть къ иновѣрнымъ*".

Впрочемъ, надо отмѣтить, что мысль о враждѣ евреевъ къ христіанамъ была внушена Державину тѣмъ же совѣтчикомъ, который увѣрилъ его, что еврейскіе народные учителя привили массѣ глубокую ненависть къ чужой религіи, чтобы держать еврея обособленнымъ отъ окружающихъ народовъ. Легко понять, какое впечатлѣніе должны были произвести такія слова на Державина, совершенно не знавшаго еврейской жизни и потому лишеннаго возможности отнестись критически къ увлеченіямъ, такъ называемыхъ, „мендельсоновскихъ" учениковъ; и до того считая евреевъ врагами христіанъ, онъ еще болѣе утвердился въ этомъ, когда прочиталъ записку Франка; картина глубокой деморализаціи еврейской массы въ Бѣлоруссіи не могла не усугубить въ немъ враждебно-подозрительнаго отношенія къ евреямъ, и если Державинъ все же не отказался отъ мысли возродить ихъ, то это должно быть поставлено въ особую заслугу, какъ ему самому, такъ и его вдохновителю Франку, обратившему вниманіе Державина на просвѣтительное движеніе въ Германіи, съумѣвшему внушить ему уваженіе къ творцу этого движенія и, вообще, къ нѣмецкимъ просвѣщеннымъ евреямъ, „равняющимся — какъ выражается Державинъ—съ самыми просвѣщенными мужами Европы", съумѣвшему убѣдить Державина въ томъ, что лучшій путь къ нравственному перевоспитанію народа — это путь просвѣщенія.

Вообще, взглядъ на просвѣщеніе евреевъ былъ всецѣло воспринятъ Державинымъ отъ Франка — даже фразы изъ записки Франка встрѣчаются въ „Мнѣніи". „Нигдѣ — писалъ Державинъ—не было предпринимаемо о ихъ (евреевъ) нравственности и политическомъ просвѣщеніи, никто не изыскивалъ средствъ, коими извлечь бы ихъ изъ глубокаго невѣжества и ожесточенія. Въ позднѣйшія только времена славный ученостію своею въ нѣмецкой землѣ еврей Мендельсонъ сдѣлалъ тому первоначальный опытъ. Труды его,

сколько слышно, благополучнымъ успѣхомъ увѣнчаны. Онъ, въ изобличеніи суевѣрствъ изступленныхъ толковниковъ своей вѣры, то есть обманутыхъ обманщиковъ, научилъ нѣсколько, изъ своей собратіи, чистому еврейскому языку; перевелъ священное писаніе на простой нѣмецкій языкъ и переведенныя имъ книги сообщилъ для чтенія простому народу. Ихъ поняли, завѣса свѣта открылась, владычество талмуда упало. Съ тѣхъ поръ показалось болѣе въ нѣмецкой землѣ ученыхъ общежительныхъ евреевъ, равняющихся съ самыми просвѣщенными мужами Европы. Сей самый который подалъ мнѣ мысль сію — изъ того общества; онъ утверждаетъ, что нравы его народа испортились единственно отъ древнихъ и новыхъ талмудистовъ, которые для своихъ корыстныхъ видовъ ослѣпляли простолюдиновъ; что должно открыть іудейскому народу глаза и обратить его къ тому чистому источнику, откуда его первоначальное богопочитаніе проистекло. Словомъ, надобно просвѣтить евреевъ, и, истребивъ изъ нихъ ненависть къ иновѣрнымъ, сблизить ихъ съ ними. На семъ основано прусское учрежденіе, сообразно которому полагаю: 1-е „Дѣтей еврейскихъ до 12-ти только лѣтъ позволить обучать въ школахъ ихъ религіи, удаляя елико возможно вредные толки; преподавать имъ на чистомъ еврейскомъ языкѣ истинныя основанія ихъ вѣры. 2-е. Потомъ въ нормальныхъ школахъ обучать русскому, нѣмецкому и польскому языкамъ, читать и писать“ и т. д.[1])

Сопоставляя эти два пункта съ мѣрами, указанными Фризелемъ, легко замѣтить здѣсь различіе, проходящее красной нитью по всѣмъ отдѣламъ проектовъ. Фризель открылъ предъ евреями къ просвѣщенію новый путь, который соотвѣтствовалъ его „освободительной“ реформѣ, — общія школы, предоставляя евреямъ полную свободу въ дѣлѣ вѣроученія. Державинъ же, суля обученіе въ нормальныхъ школахъ—каковое общеніе съ христіанами такъ противорѣ-

---

[1]) Въ Пруссіи было постановлено учредить публичныя еврейскія училища; обученіе въ нихъ дѣтей было сдѣлано обязательнымъ учителя должны были получать жалованье отъ казны, но еврейское общество было обложено спеціальной для сего податью. Въ случаѣ же еслибы не нашлись образованные евреи, то еврейскія дѣти ходили бы въ христіанскія школы въ особо назначенные для нихъ часы.

чило всей его реформѣ—ограничиваетъ евреевъ въ правѣ обучать дѣтей вѣрѣ 12-ти лѣтнимъ возрастомъ!

Что касается религіозной стороны еврейской жизни, то Державинъ, по примѣру Фризеля, требовалъ, чтобы была единая духовная власть, но онъ ее не оставилъ, подобно Фризелю, свободно дѣйствующей подъ надзоромъ правительства — онъ ее подчинилъ особому „протектору"—христіанину.

Высшее завѣдываніе дѣлами, касавшимися обрядовъ вѣры, богослуженія и воспитанія евреевъ, сосредоточивалось по проекту Державина въ синедріонѣ, находившемся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ протектора. Синедріону были подчинены „губернскія синагоги", этимъ же послѣднимъ— всѣ „школы" (т. е. синагоги) губерніи. „Раббины" въ школахъ выбирались обществомъ, а „судьи синагогъ" — школами. Что касается синедріона, то четверо изъ его членовъ, „патріарховъ", приглашались протекторомъ по собственному усмотрѣнію „изъ нѣмецкой земли или изъ благовоспитанныхъ здѣсь, знающихъ русскій и прочіе европейскіе языки", пятый же членъ „верховный раббинъ или патріархъ жидовскій", являвшійся главою еврейской религіи, выбирался „по большинству голосовъ всѣхъ школъ и всѣхъ синагогъ и самихъ членовъ синедріона" и утверждался государемъ. При этомъ былъ предусмотрѣнъ надзоръ за этими учрежденіями: такъ, напр., школы въ городахъ подлежали вѣдѣнію городничаго, въ уѣздахъ—земской полиціи, правда— лишь „касательно того, чтобы въ тѣхъ школахъ не отправлялось никакихъ гражданскихъ дѣлъ и ничего вреднаго обществу и поругательнаго другимъ вѣрамъ"; а синагоги находились подъ присмотромъ „надзирателя изъ губернскихъ чиновниковъ".

Установленіе надзора за внутренней жизнью евреевъ было вполнѣ естественнымъ шагомъ со стороны русскаго администратора, но Державинъ руководствовался въ данномъ случаѣ не однимъ соображеніемъ о государственной пользѣ, но и своимъ личнымъ предубѣжденіемъ противъ евреевъ; онъ не могъ освободиться отъ недовѣрія даже къ лучшимъ представителямъ еврейскаго народа, не могъ отказаться отъ представленія о нихъ, какъ о зловредныхъ людяхъ. Постановляя, что кандидатъ въ патріархи могъ

не быть утверждаемъ властью не болѣе трехъ разъ, а потомъ утверждался кто бы ни былъ выбранъ, Державинъ угрожаетъ еврейскому обществу штрафомъ, если выбранный патріархъ „обличится въ какихъ либо поступкахъ противъ правилъ честности и вѣрности государству", мотивируя эту мѣру такъ: „сіе полагается для того, дабы всѣми средствами побудить евреевъ къ справедливости, вѣрности, честолюбію и отличности"! Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „протекторъ неусыпно стараться долженъ, чтобъ главнаго раббина и прочихъ его сочленовъ (т. е. просвѣщеннѣйшихъ евреевъ) всѣми ласкательными способами (склонить?) къ тому, дабы они, какъ при рѣшеніяхъ своихъ духовныхъ дѣлъ, такъ и поученіяхъ держась правилъ кротости, человѣколюбія и прочихъ гражданскихъ добродѣтелей, распространяли въ свой народъ просвѣщеніе". Какъ будто все доброе и честное было чуждо еврею! [1])

Таковы были, въ главныхъ чертахъ, проекты Фризеля и Державина. Кратко характеризуя ихъ, можно кажется сказать, что проектъ Фризеля долженъ былъ сотворить новую еврейскую жизнь, проектъ Державина разрушить старую; въ первомъ случаѣ евреи возродились бы въ атмосферѣ равенства, во второмъ—еще ниже пали бы въ экономическомъ и въ нравственномъ отношеніи подъ тяжестью безправія и общественнаго униженія...

Слѣдуетъ еще сказать, какимъ образомъ должна была осуществиться реформа по обоимъ проектамъ.

„Подробнѣйшее разсмотрѣніе состоянія евреевъ,—заканчивалъ Фризель свой проектъ—приведеніе въ дѣйствіе вышеописанныхъ пунктовъ, какъ и изысканіе новыхъ надежнѣйшихъ средствъ къ поправленію состоянія евреевъ возложить можно на нѣсколькихъ опытныхъ особъ", которыя и

[1]) Какъ и въ прусскомъ законодательствѣ 1797 г., Державинъ предложилъ, чтобы при переписи за евреями, по обычаю называвшимися по имени и мѣсту жительства, были установлены фамиліи; въ Пруссіи евреямъ было предоставлено самимъ „принять имя колѣна", Державинъ же предложилъ „присовокупить" евреямъ прозвища, какъ напр., Дикій, Промышленный, Замысловатый и др. — Въ это время принялъ фамилію, между прочимъ, и Ноткинъ.

Не лишне отмѣтить, что Державинъ не пожелалъ воспользоваться прусскими узаконеніями, ограничивавшими въ отношеніи евреевъ право вступать въ бракъ.

преобразовали бы еврейскую жизнь „съ помощію просвѣщеннѣйшихъ и ученнѣйшихъ евреевъ“.

Державинъ иначе разрѣшилъ эту задачу. Громадную работу по еврейской реформѣ, отягченную къ тому же въ его проектѣ грандіознымъ переселеніемъ значительной части еврейскаго населенія изъ уѣздовъ въ города—онъ сосредоточилъ въ рукахъ одного лица.

„Поелику, докладывалъ Державинъ, сіе новое устроеніе требуетъ неусыпнаго вниманія и крайняго старанія о приведеніи его къ благонамѣренному окончанію, то не угодно ли будетъ для еврейскаго народа, относительно только преобразованія его и, если возможно, просвѣщенія, опредѣлить особливаго протектора, подъ руководствомъ коего все бы дѣло сіе совершилось и который бы при всякомъ нужномъ случаѣ могъ не токмо покровительствовать ихъ по губерніямъ и въ Сенатѣ, но и представительствовать за нихъ у Его Величества“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рекомендовалъ учредить въ Бѣлоруссіи, а также другихъ губерніяхъ комиссіи, какъ для урегулированія счетовъ между христіанами и евреями, въ виду переселенія послѣднихъ, такъ и „для прочаго производства по сему дѣлу“.

Державинъ тщательно снабдилъ протектора широкой властью.

Всѣ еврейскія суммы, которыя должны были въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ собираться для осуществленія переселенія и обращенія евреевъ къ производительному труду, поступали въ зависимость отъ непосредственнаго распоряженія протектора. Подчинивъ ему синедріонъ, Державинъ этимъ самымъ передалъ ему руководительство всей религіозно-бытовой и духовной жизнью еврейскаго населенія, тѣмъ болѣе, что протекторъ по своему усмотрѣнію назначалъ членовъ синедріона. Этому же контролю подчинялось все дѣло просвѣщенія, какъ напр., переводы различныхъ еврейскихъ книгъ, для чего предполагалось дать протектору въ помощь „ученнѣйшихъ людей русскихъ, духовныхъ или свѣтскихъ, человѣка 3 или 4, въ томъ числѣ нѣсколько другихъ христіанскихъ религій, для соучаствованія въ совѣтахъ и примѣчаніяхъ философскихъ на еврейскія книги и цензуры оныхъ“. Подъ наблюденіемъ того же протектора эти книги печатались бы въ типографіи при синедріонѣ. Въ довершеніе же

всего, какъ было указано, протекторъ получилъ отъ Державина право доклада государю по еврейскимъ дѣламъ. Такъ заботиться о прерогативахъ протектора Державинъ могъ, какъ кажется, лишь въ собственныхъ интересахъ, полагая самому занять этотъ постъ! [1]).

Не трудно предвидѣть что проектъ Державина долженъ былъ встрѣтить въ сенатѣ и вообще въ правительственныхъ сферахъ бо́льшее сочувствіе, нежели проектъ Фризеля. Плодъ смѣлаго, самостоятельнаго ума, проектъ Фризеля, въ корнѣ противорѣчившій и правительственному взгляду на евреевъ, и отношенію къ нимъ общества, слѣдуетъ разсматривать какъ исключительное явленіе—лишь единичныя лица могли отнестись сочувственно къ мыслямъ Фризеля.

Совсѣмъ иное представляло собою „Мнѣніе" Державина; въ немъ менѣе всего сказалась самостоятельная мысль автора: результатъ взаимодѣйствія различныхъ общественныхъ силъ, результатъ борьбы мнѣній, возникшей вокругъ еврейскаго вопроса, въ которой на ряду съ русскимъ обществомъ, въ лицѣ администраторовъ, принялъ участіе и польскій элементъ, равно и сами русскіе евреи—въ этомъ то и заключается значеніе „Мнѣнія" какъ историко-общественнаго памятника—трудъ Державина таилъ въ себѣ прогрессивный элементъ въ томъ минимумѣ, безъ котораго ни въ какомъ случаѣ невозможно было хотя бы нѣсколько приблизиться къ еврейской реформѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ Державинъ сохранилъ до извѣстной степени „чувство мѣры" и въ вопросѣ объ отрицательныхъ мѣропріятіяхъ въ отношеніи евреевъ. Своимъ проектомъ Державинъ занялъ какъ бы „золотую середину" между двумя крайними путями разрѣшенія еврейскаго вопроса, намѣченными—съ одной стороны гуманнымъ проектомъ Фризеля, съ другой стороны — условіями неприглядной дѣйствительности.

Надо думать, что такой образъ дѣйствія былъ бы принятъ и правительствомъ, типичнымъ дѣятелемъ котораго являлся Державинъ.

Но помимо этихъ общихъ причинъ, были и частныя, благодаря которымъ Державинъ могъ расчитывать на осущест-

---

[1]) Голицынъ (стр. 404) выражаетъ такое же предположеніе.

ленiе своего проекта. Былъ моментъ, когда, проектъ Державина долженъ былъ, казалось, сыграть рѣшительную роль.

Въ противоположность Фризелю, выступившему со своимъ проектомъ открыто, Державинъ, опасаясь, что составленный имъ по собственной инициативѣ проектъ общей еврейской реформы навлечетъ на него непрiятности, дѣйствовалъ съ особой осторожностью: онъ старался какъ бы замаскировать характеръ своего труда; выработавъ проектъ общей еврейской реформы, Державинъ однако замѣчаетъ по поводу учрежденiя переселенческой коммиссiи въ Бѣлоруссiи: „сiе разумѣется, ежели только по одной Бѣлоруссiи дѣлать о жидахъ реформу, а ежели и по прочимъ губернiямъ прiобрѣтеннымъ отъ Польши, то нужно во всѣхъ губернскихъ городахъ таковыя учредить коммиссiи". Высшiя власти такъ и полагали, что „Мнѣнiе" касается исключительно Бѣлоруссiи, и Державинъ въ этомъ ихъ не разувѣрялъ, и любопытно, что въ высочайшемъ повелѣнiи объ учрежденiи еврейскаго комитета 1802 г., контрасигнированномъ самимъ Державинымъ, какъ министромъ юстицiи, записка Державина именуется „мнѣнiе.. объ отвращенiи въ *Бѣлоруссiи* недостатка въ хлѣбѣ и *объ устроенiи евреевъ* на пользу государственную и ихъ собственную *въ томъ краю обитающихъ*".

Однако, держа въ невѣдѣнiи высшiя власти относительно дѣйствительнаго характера своего труда, Державинъ позаботился о томъ, чтобы таковой былъ принятъ съ особеннымъ вниманiемъ въ сенатѣ, разсматривавшемъ еврейскiй вопросъ; ему помогъ Обольяниновъ, испросившiй у государя разрѣшенiя (10 декабря 1800 г.) препроводить записку Державина со всѣми приложенiями въ третiй департаментъ сената, чтобы „разсмотрѣть во всей подробности"; когда же нѣсколько позже Державинъ сталъ министромъ юстицiи, предъ его „Мнѣнiемъ" открылась еще болѣе широкая дорога.

Въ 1802 г. 25 Iюня сенатъ постановилъ „всѣ собранныя свѣдѣнiя прiобщить" къ „Мнѣнiю", отведя ему такимъ образомъ первенствующее мѣсто.

Въ этотъ моментъ явилась серьезная опасность для еврейскаго народа. Проектъ Державина былъ противопоставленъ проекту Фризеля, и на тревожный вопросъ: что будетъ положено сенатомъ въ основу реформы—желанiе только

„обезвредить“ еврея или вмѣстѣ съ тѣмъ дать ему самому достойную жизнь, не могло быть успокоительнаго отвѣта.

Но дѣятельность сената въ отношеніи еврейской реформы была въ самомъ началѣ внезапно прервана. Разработка реформы была предоставлена особому комитету, но и здѣсь за державинскимъ проектомъ осталась въ первое время прежняя исключительная роль, такъ какъ въ качествѣ министра юстиціи Державинъ вступилъ въ число членовъ комитета...

Впослѣдствіи обнаружилось, что „Мнѣніе“ не получило въ комитетѣ всего того значенія, котораго ожидалъ авторъ и котораго должно было страшиться еврейское общество. Но опасеніе, что именно вліяніе Державина отразится на будущей еврейской реформѣ побудило Ноткина представить въ комитетъ новый проектъ, направленный, повидимому, противъ другихъ вообще проектовъ поступившихъ въ комитетъ и, главнымъ образомъ, противъ „Мнѣнія“ [1]).

Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что Ноткинъ, сыгравшій видную роль въ исторіи Положенія 1804 г., не возвысилъ голоса въ пользу гражданскаго уравненія евреевъ съ христіанами. Освѣдомленный о настроеніи комитета, онъ призналъ, быть можетъ, безполезнымъ хлопотать о недостижимомъ, — или же, что представляется болѣе вѣроятнымъ, Ноткинъ вовсе не смотрѣлъ на свою записку, какъ на проектъ реформы. Онъ имѣлъ въ виду сказать не что либо новое о будущей еврейской жизни, а выступить противъ того новаго въ другихъ проектахъ, что не соотвѣтствовало, по его мнѣнію, интересамъ еврейскаго населенія. Записка Ноткина касается лишь нѣкоторыхъ вопросовъ еврейской жизни, которые были разрѣшены въ нежелательномъ направленіи, и вовсе не останавливается на благопріятныхъ мѣрахъ, предложенныхъ въ указанныхъ проектахъ. Его записка должна была явиться коррективомъ къ проектамъ Державина и Фризеля.

Задача Ноткина заключалась въ томъ, чтобы „преобразовать нечувствительнымъ образомъ состояніе сего народа,

---

[1]) Ноткинъ представилъ свой проектъ въ Маѣ 1803 г.; въ это время его отношенія къ Державину, до того носившія дружественный характеръ, измѣнились.

ратить злоупотребленіе съ его стороны, а, главнѣйшимъ
азомъ, уничтожить источникъ сихъ злоупотребленій,—
нно бѣдность, происшедшую по большей части отъ того,
бывшее польское правительство не только что не поощ-
о къ промышленности евреевъ, такъ сказать, рожден-
ъ для нея, но, напротивъ того, содержало ихъ въ этомъ
наѣ въ тѣсныхъ предѣлахъ ограниченія, запрещая имъ
только торговлю, но даже и пребываніе въ нѣкоторыхъ
одахъ" [1]).

Поэтому отвергая запрещеніе евреямъ заниматься вин-
ъ промысломъ и арендами, и возставая противъ прину-
льнаго выселенія ихъ изъ уѣздовъ въ города, Ноткинъ
рался дать еврейской массѣ возможность перейти къ
изводительному труду.

Какъ уже было выше упомянуто, нѣкоторые христіане
зывали на необходимость разрѣдить еврейское населеніе
уѣздахъ и превратить ихъ въ земледѣльцевъ. Но, судя по
ющемуся матеріалу, первымъ высказался въ этомъ смыслѣ
кинъ, предложивъ еще въ 1797 г. переселить часть бѣлорус-
къ евреевъ „колоніями" на плодородныя степи. При этомъ,
го время, какъ большинство христіанъ, и между прочимъ
жавинъ, склонялись въ пользу *принудительнаго* привле-
я евреевъ къ земледѣлію, Натанъ Ноте высказался
добровольное обращеніе къ этому занятію; по его проекту
ернскія депутатскія комиссіи должны были позаботиться
отводѣ земли подъ хлѣбопашество, извѣстивъ о томъ
мущихъ евреевъ, и тѣхъ изъ нихъ, которые пожелаютъ
паться земледѣльцами, снабдить необходимымъ орудіемъ.
Но наряду съ этимъ, имѣя въ виду, что спасеніе
евъ отъ нищеты и деморализаціи заключается въ
изводительномъ трудѣ, Ноткинъ тогда же намѣтилъ
ирный планъ трудовой помощи народу, предложивъ,
имо отвода земли для землепашества, также устрой-
раэличныхъ фабрикъ, „на коихъ мастеровые люди были
обучены изъ сего народа", причемъ фабрики могли быть
дены „съ помощью казны и частныхъ людей (вѣроятно,
стіанъ) съ предохраненіемъ евреевъ отъ подданства онымъ".

) 2-ое Акад. изданіе соч. Державина т. 7, стр. 353. Экстрактъ изъ
анія бумагъ гр. Толстого.

При этомъ, не расчитывая на частную предпріимчивость и желая возложить заботу о благѣ массы на все еврейское общество, Натанъ Ноте предложилъ такую форму трудовой помощи народу, которая лишь теперь, въ наши дни, едва начинаетъ осуществляться.

Дабы попеченіе о бѣдныхъ евреяхъ лежало на евреяхъ же, и вообще съ цѣлью улучшенія матеріальнаго положенія всего еврейскаго населенія, „всякое еврейское общество каждой губерніи" должно было, по проекту Ноткина, „имѣть свои фабрики, которыя и должны считаться общею принадлежностью и собственностью. Деньги выручаемыя за произведенія фабрикъ, за вычетомъ платы фабрикантамъ и нужныхъ издержекъ, должны идти на разныя общеполезныя цѣли".

Чтобы облегчить бѣдственное положеніе массы Ноткинъ и во второмъ своемъ проектѣ (1803 г.) предложилъ, въ частности, привлечь евреевъ къ земледѣльческому труду, подчеркивая, что насильственно обращать евреевъ въ земледѣльцевъ нелѣпо—„этого нужно было бы желать тогда, когда евреи составляли бы особенное гражданское тѣло; невозможно всѣмъ вести одинаковый родъ жизни. Евреи занимаются тѣми ремеслами, въ которыхъ другіе не упражняются".

Вчитываясь въ проектъ Ноткина, нельзя не замѣтить въ немъ одной характерной черты, совершенно не соотвѣтствовавшей той роли, которую Ноткинъ сыгралъ въ исторіи Положенія 1804 г.; эта черта заключается въ томъ, что Ноткинъ какъ бы старался держать евреевъ въ отдаленіи отъ христіанъ; но въ дѣйствительности это было стремленіе лишь парализовать тѣ послѣдствія, которыя могло имѣть въ этомъ отношеніи „Мнѣніе" Державина.

Правда, весьма возможно, что евреи вообще не стремились войти въ тѣсное общеніе съ христіанами. Вѣдь въ своемъ первомъ проектѣ Ноткинъ рекомендовалъ не разселить евреевъ, а *переселить ихъ колоніями*; такимъ образомъ они на новомъ мѣстѣ не смѣшались бы съ христіанами.

Но эта тенденція обособлять еврейское населеніе съ бо́льшей силой отразилась на его второмъ проектѣ, явившемся отвѣтомъ на „Мнѣніе".

Польскіе дворяне и русскія власти единогласно признали евреевъ свободными людьми, которыхъ нельзя закрѣ-

постить, и потому, говоря о поселеніи евреевъ на владѣльческихъ мѣстахъ и усадьбахъ для фабричной дѣятельности и земледѣльческаго труда, Державинъ отмѣчаетъ, что „должны сіи поселенцы почитаемы быть людьми вольными“. Но выработанныя имъ условія этого поселенія могли сильно ограничить свободу евреевъ. Евреи обязывались заключать съ владѣльцами договоры на срокъ не менѣе 10 лѣтъ, и въ теченіе этого времени евреи-ремесленники и фабриканты или евреи-земледѣльцы не могли выйти изъ-подъ власти владѣльца; между тѣмъ эта власть, по проекту Державина, была довольно обширна, и владѣльцу предоставлялись такія права, которыя могли легко привести еврея къ полному безправію. Если владѣльцамъ и вмѣнялось въ обязанность кормить поселенцевъ-евреевъ въ годы неурожая, то въ тоже время имъ поручалось слѣдить за тѣмъ, чтобы евреи не уклонялись отъ своей прямой работы (ремеслъ, хлѣбопашества), не продавали горячаго вина, „не упражнялись въ перекупахъ“ и т. д., благодаря чему владѣлецъ получалъ возможность вторгаться въ частную жизнь поселенца; а этотъ контроль былъ крайне опасенъ для евреевъ, такъ какъ съ одной стороны за нарушеніе правилъ проектъ Державина подвергалъ евреевъ самымъ тяжкимъ наказаніямъ, какъ напр., ссылкѣ въ Сибирь, „въ вѣчную работу въ горные заводы безъ жены“, а съ другой стороны онъ предоставлялъ владѣльцамъ налагать на евреевъ-поселенцевъ штрафы и подвергать ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ. При такихъ условіяхъ для произвола открывалось широкое поле: евреи могли бы остаться по-прежнему подъ гнетомъ владѣльцевъ и поневолѣ служить орудіемъ для ихъ корыстныхъ цѣлей. Вѣроятнѣе всего, что именно поэтому Ноткинъ намѣтилъ во второмъ проектѣ такой порядокъ поселенія евреевъ, какъ земледѣльцевъ, такъ и фабричныхъ рабочихъ и мастеровыхъ, при которомъ имъ не угрожала неволя: онъ предложилъ селить евреевъ-земледѣльцевъ не на помѣщичьихъ земляхъ, а на казенныхъ, которыя правительство отвело бы въ распоряженіе депутатскихъ комиссій. Что же касается фабрикъ, то если еще въ 1797 г. Ноткинъ былъ достаточно остороженъ, чтобы оговорить „съ предохраненіемъ евреевъ отъ подданства“ устроителямъ фабрикъ, то въ проектѣ 1803 г. онъ совершенно отвергаетъ содѣйствіе со стороны не-евре-

евъ, и дабы еврейская масса не очутилась въ крѣпостной зависимости, онъ требуетъ, чтобы для устройства фабрикъ депутатскія комиссіи вызывали „охотниковъ изъ евреевъ“.

Эта предосторожность сказалась и въ дѣлѣ просвѣщенія. Ноткинъ присоединился къ желанію Державина сблизить евреевъ съ христіанами путемъ просвѣщенія, но не согласился съ его программой; поясняя, что еврейскіе родители не станутъ посылать своихъ дѣтей въ общія школы, онъ предложилъ, чтобы депутатскія коммиссіи учредили во всѣхъ мѣстечкахъ общественныя *еврейскія* школы, гдѣ бы преподавали русскій и иные языки; благодаря этому общее образованіе, по мысли Ноткина, явилось бы лишь дополненіемъ къ обычному еврейскому воспитанію и—что еще важнѣе—подростающее поколѣніе осталось бы въ религіозной атмосферѣ еврейской школы.

Такимъ образомъ различіе во взглядахъ обоихъ авторовъ на реформу заключается въ томъ, что Державинъ хотѣлъ перевоспитать еврейскихъ юношей въ общихъ школахъ съ тѣмъ, чтобы еврейскій народъ не былъ опасенъ для христіанъ при будущемъ общеніи съ ними, а Ноткинъ имѣлъ въ виду дать еврейскимъ дѣтямъ такое воспитаніе въ родной средѣ, при которомъ будущее сближеніе съ христіанскимъ обществомъ не было бы опаснымъ для ихъ религіозныхъ убѣжденій.

Наконецъ опять таки въ противовѣсъ державинскому проекту, Ноткинъ предложилъ „назначить для всѣхъ евреевъ пребывающихъ въ Россіи одного *попечителя*, который отстаивалъ бы во всѣхъ случаяхъ и имѣлъ бы доступъ къ Государю Императору“.

Неизвѣстно, желалъ ли Натанъ Ноте, чтобы этотъ постъ принадлежалъ еврею, или христіанину; возможно, что бдительно оберегая свободу своихъ единовѣрцевъ, стремясь къ самодѣятельности еврейскаго общества, Ноткинъ предполагалъ еврея-попечителя; во всякомъ случаѣ Державинскій протекторъ имѣлъ въ виду не столько охранять интересы евреевъ, сколько искоренять среди нихъ то, что на его взглядъ могло быть вреднымъ для окружающаго населенія; Ноткинъ же видѣлъ въ попечителѣ единственно защитника, который долженъ былъ и, благодаря присвоенной ему

власти могъ, фактически оберегать права евреевъ и заботиться объ ихъ благосостояніи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Учрежденіе комитета для разсмотрѣнія еврейской реформы.—Знаменательное постановленіе комитета въ сентябрѣ 1803 г.—Еврейскіе депутаты.—Петербургскіе дѣятели: Ноткинъ, Перетцъ и Неваховичъ.—Приглашеніе Ноткина въ комитетъ—письмо Державина къ Ноткину.—Совмѣстная дѣятельность тріумвирата.—„Вопль дщери Іудейской".—Обывательская литература.

9-го ноября 1802 года правительствующему сенату былъ данъ высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: „По Высочайшему повелѣнію въ Бозѣ почивающаго блаженной памяти Государя Родителя Нашего, объявленному бывшимъ генералъ-прокуроромъ Обольяниновымъ въ 1800 г., внесено Правительствующаго Сената въ 3-й департаментъ мнѣніе сенатора, что нынѣ министръ юстиціи, Державина объ отвращеніи въ Бѣлоруссіи недостатка въ хлѣбѣ и объ устроеніи евреевъ, на пользу государственную и ихъ собственную, въ томъ краѣ обитающихъ. По занятію того департамента производствомъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, Мы удобнѣйшимъ находимъ поручить разсмотрѣть оное мнѣніе и все дѣло особому Комитету; вслѣдствіе сего повелѣваемъ: генералу-отъ-инфантеріи графу Зубову, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею и министру юстиціи Державину и съ ними тайнымъ совѣтникамъ сенатору графу Северину Потоцкому и товарищу министра иностранныхъ дѣлъ князю Адаму Чарторыжскому, составя изъ себя Комитетъ, войти въ ближайшее разсмотрѣніе и соображеніе всѣхъ предметовъ въ томъ мнѣніи заключающихся, распространяя благоустройство евреевъ и въ прочихъ пріобрѣтенныхъ отъ Польши, а равно и въ полуденныхъ губерніяхъ, и обо всемъ взнесть къ Намъ докладъ на утвержденіе" [1]).

Этотъ указъ, составленный и даже контрасигнированный

---

[1]) Копія указа имѣется въ рукописномъ сборникѣ Спб. Публичной Библіотеки.

Державинымъ, какъ министромъ юстиціи, невѣрно рисовалъ положеніе вещей. Державину, по понятнымъ причинамъ, было желательно, чтобы его проектъ еврейской реформы получилъ первенствующее значеніе въ комитетѣ, и потому онъ придалъ соотвѣтствующую редакцію указу. Въ дѣйствительности же ни самъ Державинъ, ни его „Мнѣніе" не сыграли какой-либо видной роли при учрежденіи комитета. Включеніе въ составъ комитета Чарторыжскаго и Кочубея, друзей государя, являвшихся въ то время въ высшихъ сферахъ наиболѣе видными носителями либеральныхъ идей, указывало, что правительство, въ лицѣ государя и его друзей-сотрудниковъ, склонилось къ мысли провести еврейскую реформу въ прогрессивномъ духѣ, и именно съ цѣлью предотвратить торжество взглядовъ старой администраціи, (къ которой, между прочимъ, принадлежалъ и Державинъ, находившійся поэтому въ антагонизмѣ съ коллегами по комитету),—обсужденіе еврейской реформы было перенесено изъ сената въ комитетъ, гдѣ должна была царить та атмосфера гуманности и прогресса, въ которой протекла первая недолгая пора царствованія Александра I.

И точно. Судя по первымъ шагамъ комитета, его вліятельнѣйшіе члены были воодушевлены желаніемъ разрѣшить еврейскій вопросъ съ трезвой государственной мудростью, въ духѣ гуманности, съ точки зрѣнія признанія гражданскихъ правъ евреевъ.

Уже внѣшняя обстановка, въ которой началъ работать комитетъ, свидѣтельствовала, что сотрудники государя рѣшили примѣнить въ данномъ случаѣ тѣ пріемы, которые они мечтали и надѣялись провести въ болѣе широкой области государственнаго управленія: такъ, къ обсужденію реформы были привлечены и евреи.

И вотъ, въ сентябрѣ 1803 г., послѣ ряда засѣданій [1]), комитетъ занесъ въ журналъ слѣдующія знаменательныя строки:

„...Преобразованія, производимыя властью правительства, вообще не прочны, и особенно въ тѣхъ случаяхъ малонадежны, когда власть сія должна бороться съ столѣтними

[1]) Засѣданія происходили: 14 и 20 декабря 1802 г., 18 января, 20 и 28 февраля, 7 и 29 марта 1803 г. (Деп. Мин. Юст. 1804 г. № 89).

навыками, съ закоренѣлыми заблужденіями, съ суевѣріемъ неумолимымъ... Лучше и надежнѣе вести евреевъ къ совершенству, отворяя только пути къ собственной ихъ пользѣ, надзирая издалека за движеніемъ ихъ и удаляя все, что съ дороги сей совратить ихъ можетъ, не употребляя впрочемъ никакой власти... *Сколь можно менѣе запрещеній, сколь можно болѣе свободы*... Въ исчисленіи вѣроятностей, опредѣляющихъ дѣйствіе человѣка, первымъ основаніемъ должно всегда полагать частный прибытокъ, сіе внутреннее начало, нигдѣ и никогда не престающее, и отъ всѣхъ законовъ ускользающее, когда сіи законы для него стѣснительны... Можно бы было представить множество примѣровъ безплодныхъ въ семъ родѣ попытокъ, въ торговлѣ, въ ународованіи, въ просвѣщеніи: вездѣ, *гдѣ правительства мнили приказывать*, вездѣ *являлись одни только призраки успѣховъ*, кои, подержась нѣсколько времени на воздухѣ, исчезали вмѣстѣ съ началами, ихъ родившими. Напротивъ, во всѣхъ учрежденіяхъ, кои заводились нечувствительно, образовались частнымъ прибыткомъ, поддерживались свободою и были только покровительствуемы правительствомъ, была видима внутренняя сила, ихъ утверждающая, существовало непоколебимое основаніе, временемъ и личною пользою положенное... Всѣ сіи уваженія заставляютъ и въ образованіи евреевъ *предпочесть средства тихаго одобренія, возбужденія ихъ собственной дѣятельности и пресѣченія только тѣхъ препятствій, кои зависятъ непосредственно отъ правительства* и сами собою пресѣчься не могутъ" [1]).

---

[1]) Эти строки были впослѣдствіи приведены въ докладѣ комитета 1809 г., опубликованномъ въ Русск. Архивѣ (1903 г. кн. II).—И. Г. Оршанскій имѣлъ въ рукахъ этотъ документъ, но, передавая содержаніе журнала отъ 20 сент. 1803 г., онъ ошибочно предположилъ, что это было содержаніе того доклада комитета 1802 г., при которомъ Положеніе было поднесено государю. Этой ошибкой воспользовался нынѣ покойный кн. Голицынъ, чтобы вызвать сомнѣніе въ достовѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ Оршанскимъ (Ист. зак. о евреяхъ, стр. 933 и 934). Отмѣтивъ, что Положеніе было поднесено государю не при томъ докладѣ, о которомъ говоритъ Оршанскій, а при иномъ, кн. Голицынъ съ недостойной цѣлью подчеркиваетъ то обстоятельство, что Оршанскій не указалъ своихъ рукописныхъ источниковъ. Свѣтлая память Оршанскаго и его прекрасные труды выше всякихъ подозрѣній, но все же пріятно убѣдиться изъ опубликованнаго въ Р. Арх. документа, что приводимыя Оршанскимъ строки вполнѣ достовѣрны.

Этими строками комитетъ какъ бы отрекся отъ своего сочлена Державина, проектъ котораго былъ наполненъ однѣми насильственными мѣрами, и такъ какъ вслѣдъ затѣмъ Державинъ покинулъ комитетъ, то мнилось, что комитетъ осуществитъ тѣ начала обновленной еврейской жизни, которыя онъ намѣтилъ въ журналѣ. Это являлось тѣмъ болѣе возможнымъ, что высказанное тогда credo онъ сохранилъ до послѣдняго дня своей дѣятельности: завершивъ работу, комитетъ повторилъ указанный взглядъ на характеръ еврейской реформы.—Такимъ образомъ, разсмотрѣніе еврейскаго вопроса протекало, какъ могло казаться, въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, когда правильное пониманіе соціальныхъ законовъ тѣсно сплеталось съ принципами „декларацiи правъ человѣка и гражданина", вѣрными слугами которой почитались молодые сотрудники царя...

Комитетъ прибѣгъ къ новой, совершенно исключительной мѣрѣ—созыву депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ для занятій въ комитетѣ. „Продолжался ихъ съѣздъ, явки и ихъ представленія во всю почти зиму"—говоритъ о нихъ Державинъ. „Сегодня, во вторникъ 15 тамуза 563 (1803)—записано въ книгѣ братства петербургской еврейской общины—заношу на память, что въ семъ году были здѣсь уполномоченные отъ евреевъ всѣхъ губерній, (называемые по русски депутатами) для содѣйствія комитету, учрежденному по Высочайшему повелѣнію государя нашего Александра I для устройства быта евреевъ" [1]).

Еврейское населеніе взволновалось: впервые русское правительство пожелало выслушать самихъ евреевъ. „Сей Самодержецъ,—восхищенно восклицаетъ одинъ современникъ,—имѣющій самовластное право располагать участію своихъ подданныхъ, соизволяетъ еще вызвать депутатовъ изъ сихъ самихъ вѣками и другими народами уничиженныхъ несчастливцевъ для объясненія своихъ нуждъ".

Въ еврейскомъ обществѣ возникли толки о грядущемъ; слухи преувеличивались, извращались, и на ряду съ радужными надеждами стали распространяться столь тревожныя извѣстія, что 21 января 1803 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, В. П. Кочубей сообщилъ циркулярно нѣкоторымъ губер-

[1]) См. очеркъ „Еврейскіе депутаты".

наторамъ высочайшее повелѣніе, чтобы они приняли мѣры къ успокоенію еврейскаго населенія: „кагаламъ и прочимъ еврейскимъ обществамъ объявили бы и истолковали, что при учрежденіи комитета о разсмотрѣніи ихъ (евреевъ) дѣлъ, никакъ не было въ намѣреніи стѣснить ихъ состояніе или умалить существенныя ихъ выгоды; но напротивъ, разсмотрѣніемъ всѣхъ обстоятельствъ предполагается доставить имъ лучшее устройство и спокойствіе, а потому чтобъ не развлекались ложными слухами къ нимъ доходящими, продолжали бы они обращаться по прежнему въ ихъ торговлѣ и дозволенныхъ имъ промыслахъ въ твердой увѣренности къ правительству, пользу ихъ назидающему“ [1]).

Выборъ депутатовъ, а позже и разсылка заключеній комитета черезъ губернское начальство главнымъ кагаламъ, которые должны были сообщить свои замѣчанія по этому поводу [2]), внесли живительное возбужденіе въ еврейское общество.

Въ эти знаменательные часы взоры евреевъ обратились къ Петербургу, въ стѣнахъ котораго засѣдалъ комитетъ и пребывали ихъ депутаты. Пульсъ народной жизни учащенно забился.

Это настроеніе должно было сказаться и на видныхъ членахъ столичной еврейской общины, имѣвшихъ значительныя связи въ правительственныхъ сферахъ.

„Есть три или четыре еврея въ Петербургѣ съ давнихъ поръ,—писала Екатерина II одному иностранцу, отвѣчая на его вопросъ о евреяхъ въ Россіи.—Я имѣла духовника (confesseur), у котораго они помѣщаются. Ихъ терпятъ вопреки закону, дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ“ [3]).

Дѣйствительно, въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, несмотря на запрещеніе евреямъ проживать въ столицѣ, въ Петербургѣ поселилось нѣсколько евреевъ, и среди нихъ встрѣчаются въ 1802 г.: Абрамъ Перетцъ, Іегуда Лейбъ-бенъ

---

[1]) Рукописный сборникъ Спб. Публ. Библіотеки.

[2]) Всеподданнѣйшій докладъ комитета. Арх. сената 1 дек. 1804 г. № 483 „О евреяхъ“.

[3]) И. Г. Оршанскій. Русск. законод. о евреяхъ, стр. 251.

Ноахъ или Неваховичъ и рабби Натанъ Ноте, т. е. уже извѣстный намъ, какъ онъ подписывался на оффиціальныхъ бумагахъ, королевскаго польскаго двора надворный совѣтникъ Нота Хаимовичъ Ноткинъ [1]).

Пріѣзжая сюда сперва безъ семействъ на короткіе сроки, они вскорѣ остались здѣсь на постоянное жительство.

Абрамъ Перетцъ, сынъ раввина въ галиційскомъ городѣ Левертовѣ, находился въ родствѣ съ извѣстнымъ берлинскимъ раввиномъ Гиршемъ Лебель; отличаясь прекрасными умственными способностями и обѣщая стать ученымъ талмудистомъ, онъ снискалъ себѣ благоволеніе шкловскаго богача и ученаго рабби Іошуи Цейтлина, управлявшаго дѣлами Потемкина. Домъ Цейтлина въ имѣніи Устье (Могил. губ.) являлся настоящимъ центромъ духовной и финансовой аристократіи евреевъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ; многіе ученые, раввины, писатели и даже умѣренные представители „мендельсоновскаго просвѣщенія", находили пріютъ въ этомъ жилищѣ богатства и учености. [2]). Женившись на дочери Цейтлина, Перетцъ не нашелъ семейнаго счастья и когда, по совѣту Потемкина, онъ переселился еще молодымъ человѣкомъ въ Петербургъ, жена за нимъ не послѣдовала. При ней остался и ихъ сынъ Гирша, но Перетцъ потребовалъ его къ себѣ, и старикъ Цейтлинъ съ тревогой отпустилъ своего внука въ Петербургъ въ сопровожденіи одного изъ наиболѣе раннихъ ратоборцевъ просвѣщенія между евреями въ Россіи, Менделя Левина, извѣстнаго въ еврейской литературѣ многочисленными сочиненіями [3]).

Въ Петербургѣ Перетца вскорѣ узнали, какъ богатаго откупщика и подрядчика по кораблестроенію; онъ славился своимъ умомъ и много лѣтъ спустя, потерявъ все состояніе былъ „долго памятенъ столицѣ по своимъ достоинствамъ и по своимъ огромнымъ дѣламъ" [4]).

---

[1]) Эти свѣдѣнія, какъ и нѣкоторыя другія, заимствованы изъ статьи Л. Гордона: „Къ исторіи поселенія евреевъ въ Петербургѣ" см. Восх. 1881, кн. I и II.

Я также воспользовался устными сообщеніями и указаніями библіографа С. Е. Винера.

[2]) Исторія хасид.-раскола. С. Дубновъ Восх. 1891 г. кн. I.

[3]) С. Станиславскій. Мендель Левинъ. Восходъ. 1881 г. кн. 3.

[4]) Баронъ Корфъ. Жизнь и дѣятельность гр. Сперанскаго.

Еще въ царствованіе Павла I Перетцъ заключилъ въ товариществѣ съ херсонскимъ купцомъ Штиглицемъ (братомъ родоначальника бароновъ Штиглицъ) контрактъ съ правительствомъ на откупъ крымской соли; контрактъ этотъ обсуждался въ сенатѣ и былъ собственноручно утвержденъ государемъ. Тогда же, вѣроятно, Перетцъ познакомился съ Державинымъ, который, смотря по обстоятельствамъ, то хорошо относился къ нему, то выражалъ явную непріязнь.

„Откупщикъ Перетцъ, жидъ, но человѣкъ добрый и истинно благородный",—какъ его аттестуетъ Гречъ [1]), въ званіи коммерціи совѣтника, пожалованномъ ему 4 марта 1801 г., велъ въ Петербургѣ открытый домъ, принимая у себя, по словамъ барона Корфа, „весь городъ"; въ годы царствованія Павла I онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ любимцемъ государя Кутайсовымъ; нѣсколько лѣтъ спустя въ числѣ его разныхъ гостей былъ гр. Канкринъ (впослѣдствіи министръ финансовъ), но особенно близокъ былъ онъ къ Сперанскому. Эта дружба многимъ не нравилась въ высшемъ обществѣ, особливо Державину. „Сперанскій совсѣмъ былъ преданъ жидамъ чрезъ извѣстнаго Перетца, котораго онъ открытымъ образомъ считался пріятелемъ и жилъ въ его домѣ",—говоритъ Державинъ въ своихъ „Запискахъ", а баронъ Корфъ, замѣчая по этому поводу, что, не смотря на свои старанія, онъ не могъ раскрыть ничего достовѣрнаго ни о происхожденіи этихъ отношеній, ни объ ихъ значеніи, добавляетъ: „всего вѣроятнѣе, что нашъ государственный человѣкъ поддерживалъ эту связь потому болѣе, что въ огромныхъ финансовыхъ знаніяхъ Перетца онъ почерпалъ

---

[1]) Въ запискахъ Греча встрѣчаются слѣдующія любопытныя строки. Извѣстный въ свое время въ столицѣ Безакъ, бывшій начальникъ Сперанскаго и его другъ „зажилъ въ Петербургѣ бариномъ, который, имѣя хорошій достатокъ, безпрерывно боится умереть съ голода, впалъ въ большое недоумѣніе. Въ это время богатый откупщикъ Перетцъ... зная умъ, способность и опытность Безака, предложилъ ему мѣсто помощника въ конторѣ, съ жалованьемъ въ 20.000 р. въ годъ и сверхъ того подарилъ ему каменный домъ. Безакъ рѣшился принять эту должность, поправилъ свое состояніе и испортилъ всю карьеру званіемъ жидовскаго приказчика. Подумаешь, какъ несправедливы сужденія свѣта. Что тутъ дурного и предосудительнаго. Онъ пробылъ у Перетца три года, а затѣмъ разошлись".

тѣ практическія свѣдѣнія, которыхъ и по воспитанію и, по кругу своей дѣятельности не могъ имѣть. Впрочемъ, связь съ Перетцомъ ни для кого не могла быть зазорной".

Вообще, Державинъ въ своихъ „Запискахъ" не разъ говоритъ о взяткахъ, широко распространенныхъ въ современномъ ему высшемъ чиновничествѣ. Онъ между прочимъ отмѣчаетъ, что и евреи устраивали такимъ путемъ свои дѣла. Можно думать, что Перетцъ дѣйствительно приходилъ къ нему, какъ онъ сообщаетъ, съ такой миссіею по дѣлу Зорича. Но, конечно, подобныя подозрѣнія недопустимы въ отношеніи Сперанскаго.

Независимо отъ дружбы съ Перетцемъ, Сперанскій былъ „другъ евреевъ по убѣжденію, а не но какимъ либо разсчетамъ"; такъ, будучи въ опалѣ, живя въ Пензѣ, онъ ходатайствовалъ о предоставленіи евреямъ-винокурамъ права повсемѣстнаго жительства.

Вмѣстѣ съ Перетцемъ въ Петербургъ пріѣхалъ его другъ и бывшій учитель Лейба Неваховичъ, родомъ изъ Летичева (род. 26 Іюня 1776.)

О коммерческихъ предпріятіяхъ Неваховича въ столицѣ ничего не извѣстно. Повидимому, имѣя сильное влеченіе къ самообразованію и литературной дѣятельности и находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ Перетцомъ, онъ могъ беззаботно отдаваться любимымъ занятіямъ.

Что касается Ноты Хаимовича, то пользуясь расположеніемъ „великолѣпнаго князя Тавриды", онъ былъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ Державинымъ. Ихъ знакомство, начавшееся во время пребыванія Державина въ Бѣлоруссіи, продолжалось и въ Петербургѣ; оно даже здѣсь окрѣпло, но позже ихъ отношенія обострились, и въ свои „Записки", составленныя отъ третьяго лица, Державинъ заноитъ тогда, когда уже былъ въ отставкѣ, на „покоѣ", что „еврей Нотка, бывшій у Державина въ довѣренности, якобы по ревности его къ благоустройству евреевъ, соглашаясь съ его, Державина, мнѣніемъ, подававшій разные проэкты о учрежденіи фабрикъ и прочее", хотѣлъ дать ему взятку въ суммѣ 200,000 руб.

Ноткинъ, Перетцъ и Неваховичъ были, повидимому, связаны узами взаимной пріязни. Но наряду съ личными хорошими отношеніями между Перетцемъ, Ноткинымъ и Не-

ваховичемъ замѣчается болѣе глубокая связь—*духовная*, и она именно, а не узы дружбы или матеріальной зависимости, сплотила этихъ трехъ столь разнородныхъ по натурѣ людей; она то заставила ихъ выйти рука объ руку на общій путь борьбы. Всматриваясь въ ихъ жизнь, легко замѣтить, что они далеко не походили другъ на друга, ни по характеру и наклонностямъ, вообще по своему духовному облику, ни по своей практической дѣятельности.

Натанъ Ноте представлялъ собою цѣльную натуру; въ немъ слово сочеталось съ дѣломъ; послѣдовательный въ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ опредѣленно намѣченной цѣли, убѣжденный „защитникъ своего народа",— Натанъ Ноте вмѣнялъ себѣ въ обязанность дѣлать все, что было въ его силахъ на пользу всѣхъ ли русскихъ евреевъ, или же небольшой ихъ части. Считаясь съ дѣйствительностью, онъ не ставилъ единственной цѣлью своей дѣятельности добиться равноправія для евреевъ.

Въ 1797 г. онъ представляетъ правительству извѣстный уже намъ проектъ; въ 1800 г. онъ старается воздѣйствовать на Державина, какъ на автора „Мнѣнія". Въ 1801 г. онъ выступаетъ съ проектомъ объ учрежденіи еврейской купеческой торговой компаніи въ Черномъ морѣ [1]).

Натанъ Ноте не остается бездѣятельнымъ и на склонѣ своихъ лѣтъ, въ знаменательные въ жизни русскихъ евреевъ 1802—4 гг. „Пламенѣя ревностнымъ желаніемъ видѣть при старости лѣтъ единоплеменниковъ моихъ на томъ (й) степени благополучія, на которую Всемилостивѣйшій Государь нашъ соизволяетъ ихъ возвести,—пишетъ онъ 20 января 1803 г. [2]) гр. Кочубею,—я употребляю нынѣ неусыпные труды къ поспѣшествованію сей священнѣйшей воли Августѣйшаго Монарха. Нѣкій патріотическій духъ побуждаетъ и ободряетъ меня принять на себя ходатайство за пользу общую!"[3]).

---

[1]) См. приложеніе № 6.

[2]) См. приложеніе № 4.

[3]) Одинъ изъ потомковъ Ноткина, д-ръ М. де-Ноткинъ, сообщаетъ нѣкоторыя данныя о Нотѣ Хаимовичѣ, хотя и не исторически вѣрныя, но все же любопытныя. У внука Нота Хаимовича, Ноты Шефтелевича, хранилась копія документа (дата неизвѣстна), гласившаго, что государь объявляетъ Ноткину благодарность и жалуетъ золотой, осыпанный бриллiантами, табакеркой за исправную доставку продовольствія для арміи

Въ это время передъ Ноткинымъ открылось новое поприще для защиты интересовъ еврейскаго народа—онъ получаетъ приглашеніе принять участіе въ работахъ комитета. Вслѣдъ за учрежденіемъ комитета Державинъ обращается къ Ноткину—9 декабря 1802 г.—со слѣдующимъ письмомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чрезвычайно любопытнымъ.

Государь мой Нота Хаимовичъ! По случаю поднесеннаго мною въ прошломъ 1800 году мнѣнія о живущихъ въ Бѣлорусской губерніи евреяхъ, Государь Императоръ Высочайше учредить изволилъ комитетъ относительно устройства ихъ на общую государственную и частную самихъ ихъ пользу. Члены комитета, каковымъ и я Высочайше удостоенъ, испросили всеподданнѣйшимъ докладомъ у Его Императорскаго Величества позволеніе избрать себѣ, сверхъ предположенныхъ изъ губерній депутатовъ, по одному такому же изъ просвѣщеннѣйшихъ и извѣстныхъ въ честности евреевъ. Я, будучи уже нѣсколько лѣтъ извѣстенъ объ усердіи вашемъ къ общему благу и полезныхъ для еврейскаго народа предположеніяхъ, которыя удостоены Высочайшаго вниманія и препровождены на разсмотрѣніе сего комитета, желалъ бы, чтобы вы были между прочихъ вашихъ депутатовъ отъ меня

и флота. У того же Ноты Шефтелевича было золотое блюдо, будто бы подаренное Ноткину Александромъ I; вѣроятно, это былъ подарокъ Потемкина или Зорича. Есть также извѣстіе, что Павелъ I подарилъ Ноткину имѣніе въ Могилевской губ. Д-ръ М. де-Ноткинъ слышалъ отъ одного „почтеннаго раввина" слѣдующій разсказъ: Когда Александръ I былъ въ Шкловѣ, онъ посѣтилъ Ноткина; будучи нездоровъ, Ноткинъ лежалъ въ кровати; увидя царя онъ вдругъ воскликнулъ: „Остановись". Государь въ удивленіи спросилъ, что это значитъ, и Ноткинъ объяснилъ, что счастье человѣческое имѣетъ границы и, когда оно доходитъ до крайняго предѣла, оно начинаетъ убывать; счастье Ноткина, съ приходомъ царя въ домъ, достигло апогея и онъ крикнулъ ему „остановись", чтобы оно не стало убывать. Во всемъ этомъ есть много легендарнаго, но все же эти данныя свидѣтельствуютъ, что Ноткинъ пользовался исключительнымъ положеніемъ въ правительственныхъ сферахъ.

Замѣчу, что въ еврейской средѣ было, повидимому, извѣстно о связяхъ Ноткина въ высшихъ административныхъ сферахъ; такъ напр., каменецъ-подольскій купецъ Мошка Ароновичъ, невинно страдая въ одномъ тяжебномъ дѣлѣ, просилъ Ноткина о содѣйствіи, и Ноткинъ обратился (апрѣль 1803 г.) по этому поводу съ прошеніемъ къ Державину, какъ министру юстиціи, который и удовлетворилъ его ходатайство.

власти могъ, фактически оберегать права евреевъ и заботиться объ ихъ благосостояніи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Учрежденіе комитета для разсмотрѣнія еврейской реформы.—Знаменательное постановленіе комитета въ сентябрѣ 1803 г.—Еврейскіе депутаты.—Петербургскіе дѣятели: Ноткинъ, Перетцъ и Неваховичъ.—Приглашеніе Ноткина въ комитетъ—письмо Державина къ Ноткину.—Совмѣстная дѣятельность тріумвирата.—„Вопль дщери Іудейской".—Обывательская литература.

9-го ноября 1802 года правительствующему сенату былъ данъ высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: „По Высочайшему повелѣнію въ Бозѣ почивающаго блаженной памяти Государя Родителя Нашего, объявленному бывшимъ генералъ-прокуроромъ Обольяниновымъ въ 1800 г., внесено Правительствующаго Сената въ 3-й департаментъ мнѣніе сенатора, что нынѣ министръ юстиціи, Державина объ отвращеніи въ Бѣлоруссіи недостатка въ хлѣбѣ и объ устроеніи евреевъ, на пользу государственную и ихъ собственную, въ томъ краѣ обитающихъ. По занятію того департамента производствомъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, Мы удобнѣйшимъ находимъ поручить разсмотрѣть оное мнѣніе и все дѣло особому Комитету; вслѣдствіе сего повелѣваемъ: генералу-отъ-инфантеріи графу Зубову, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею и министру юстиціи Державину и съ ними тайнымъ совѣтникамъ сенатору графу Северину Потоцкому и товарищу министра иностранныхъ дѣлъ князю Адаму Чарторыжскому, составя изъ себя Комитетъ, войти въ ближайшее разсмотрѣніе и соображеніе всѣхъ предметовъ въ томъ мнѣніи заключающихся, распространяя благоустройство евреевъ и въ прочихъ пріобрѣтенныхъ отъ Польши, а равно и въ полуденныхъ губерніяхъ, и обо всемъ взнесть къ Намъ докладъ на утвержденіе" [1]).

Этотъ указъ, составленный и даже контрасигнированный

---

[1]) Копія указа имѣется въ рукописномъ сборникѣ Спб. Публичной Библіотеки.

Безшумно и безпрерывно, спокойно и равномѣрно работаетъ онъ на пользу русскихъ евреевъ, впервые проявивъ свою дѣятельность еще тогда, когда не было надежды на благопріятное отношеніе правительства къ евреямъ, когда евреи могли расчитывать лишь на свои собственныя силы. Подобно неумолчной волнѣ, выбрасывающей съ глубокаго дна на берегъ моря груды песку и камней, Натанъ Ноте въ теченіе ряда лѣтъ выкладывалъ передъ правительствомъ въ своихъ проектахъ и письмахъ горе и слезы, извлеченныя изъ глубины еврейской жизни. Знакомя правительство съ нуждами еврейской массы, намѣчая желанныя реформы, Натанъ Ноте посильно *творилъ* исторію положенія 1804 г. и въ этомъ его громадная заслуга.

Переселившись въ Петербургъ, Натанъ Ноте становится во главѣ мѣстныхъ единовѣрцевъ и принимаетъ живое участіе въ ихъ дѣлахъ: онъ заботится объ ихъ нуждахъ, хлопочетъ объ устройствѣ еврейскаго кладбища,—и [1]) потому-то въ книгѣ священнаго братства (за 1803 г.) въ спискѣ представителей мѣстной общины на первомъ мѣстѣ значится: „Уважаемый и почтенный Натанъ Ноте изъ Шклова". Пользуясь уваженіемъ со стороны одногорожанъ, онъ, однако, держится въ отношеніи къ нимъ чрезвычайно скромно, и кажется, что ничто такъ не рисуетъ этой черты, какъ указанный списокъ въ которомъ вслѣдъ за именемъ Натана Ноте слѣдуетъ „басонщикъ Хаимъ" и другіе члены общества, и лишь на послѣднемъ мѣстѣ записанъ „Р. Саббатай, сынъ уважаемаго Р. Натана Ноте".

Увы! именъ Перетца и Неваховича не оказывается въ книгѣ братства.

Крупный въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ, воз-

Мин. Юст. 1804 г. № 89). О какихъ-то неизвѣстныхъ намъ „предположеніяхъ" Ноткина, представленныхъ государю, говорится и въ приведенномъ выше письмѣ Державина,—не былъ ли это его проектъ?

[1]) Въ началѣ XIX в. въ Петербургѣ образовалась еврейская колонія въ нѣсколько десятковъ душъ; не имѣя права на открытое проживаніе, поселенцы, однако, кое какъ устроились здѣсь: они имѣли своихъ рѣзниковъ, mohel'a; только кладбища у нихъ не было, и первые три покойника были поэтому преданы землѣ на иновѣрческомъ кладбище. Тогда община вошла въ сдѣлку съ совѣтомъ евангелическо-лютеранской церкви и пріобрѣла площадь земли въ раіонѣ нынѣшняго Волкова кладбища.

навыками, съ закоренѣлыми заблужденіями, съ суевѣріемъ неумолимымъ... Лучше и надежнѣе вести евреевъ къ совершенству, отворяя только пути къ собственной ихъ пользѣ, надзирая издалека за движеніемъ ихъ и удаляя все, что съ дороги сей совратить ихъ можетъ, не употребляя впрочемъ никакой власти... *Сколь можно менѣе запрещеній, сколь можно болѣе свободы*... Въ исчисленіи вѣроятностей, опредѣляющихъ дѣйствіе человѣка, первымъ основаніемъ должно всегда полагать частный прибытокъ, сіе внутреннее начало, нигдѣ и никогда не престающее, и отъ всѣхъ законовъ ускользающее, когда сіи законы для него стѣснительны... Можно бы было представить множество примѣровъ безплодныхъ въ семъ родѣ попытокъ, въ торговлѣ, въ ународованіи, въ просвѣщеніи: вездѣ, *гдѣ правительства мнили приказывать*, вездѣ *являлись одни только призраки успѣховъ*, кои, подержась нѣсколько времени на воздухѣ, исчезали вмѣстѣ съ началами, ихъ родившими. Напротивъ, во всѣхъ учрежденіяхъ, кои заводились нечувствительно, образовались частнымъ прибыткомъ, поддерживались свободою и были только покровительствуемы правительствомъ, была видима внутренняя сила, ихъ утверждающая, существовало непоколебимое основаніе, временемъ и личною пользою положенное... Всѣ сіи уваженія заставляютъ и въ образованіи евреевъ *предпочесть средства тихаго одобренія, возбужденія ихъ собственной дѣятельности и пресѣченія только тѣхъ препятствій, кои зависятъ непосредственно отъ правительства* и сами собою пресѣчься не могутъ" [1]).

[1]) Эти строки были впослѣдствіи приведены въ докладѣ комитета 1809 г., опубликованномъ въ Русск. Архивѣ (1903 г. кн. II).—И. Г. Оршанскій имѣлъ въ рукахъ этотъ документъ, но, передавая содержаніе журнала отъ 20 сент. 1803 г., онъ ошибочно предположилъ, что это было содержаніе того доклада комитета 1802 г., при которомъ Положеніе было поднесено государю. Этой ошибкой воспользовался нынѣ покойный кн. Голицынъ, чтобы вызвать сомнѣніе въ достовѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ Оршанскимъ (Ист. зак. о евреяхъ, стр. 933 и 934). Отмѣтивъ, что Положеніе было поднесено государю не при томъ докладѣ, о которомъ говоритъ Оршанскій, а при иномъ, кн. Голицынъ съ недостойной цѣлью подчеркиваетъ то обстоятельство, что Оршанскій не указалъ своихъ рукописныхъ источниковъ. Свѣтлая память Оршанскаго и его прекрасные труды выше всякихъ подозрѣній, но все же пріятно убѣдиться изъ опубликованнаго въ Р. Арх. документа, что приводимыя Оршанскимъ строки вполнѣ достовѣрны.

бы интересы, касавшіеся всего еврейскаго общества; такую же безславную роль, какъ въ общинной жизни, съиграли бы они, вѣроятно, и въ жизни русскаго еврейства, если бы чрезвычайныя обстоятельства не вынудили ихъ выйти на сцену нашей исторіи.

Имя Перетца, а вмѣстѣ съ нимъ и Неваховича, какъ еврейскихъ дѣятелей, впервые встрѣчается лишь въ 1803 г. [1]), когда вмѣсто прежней кропотливой, не встрѣчавшей сочувствія работы предъ народными дѣятелями открылся болѣе широкій и къ тому же почетный трудъ.

И выступилъ Перетцъ изъ тѣни, повидимому, не столько по собственному желанію, сколько въ силу своего положенія. Вызванная въ Петербургъ еврейская депутація обращалась, конечно, за содѣйствіемъ къ столь вліятельнымъ единовѣрцамъ, какъ Натанъ Ноте и Перетцъ; въ то же время къ нимъ обращались за разъясненіями, какъ къ компетентнымъ лицамъ, и члены комитета, и, вѣроятнѣе всего, что, подобно Ноткину, приглашеніе въ комитетъ получилъ [2])

---

[1]) Впрочемъ, Перетцъ, какъ кажется, имѣлъ случай проявить свою дѣятельность на „пользу еврейства" въ болѣе ранній періодъ, именно въ 1798 г., когда извѣстный хасидъ Залманъ, по доносу миснагдимъ, былъ арестованъ и заточенъ въ С.-Петербургѣ. По словамъ С. Дубнова, Перетцъ сыгралъ тогда мало симпатичную роль. Однако, это сообщеніе не достовѣрно.

Въ исторіи съ Залманомъ фигурировалъ и Натанъ Ноте, но его роль была иная. Когда Павелъ I скончался и молодой государь въ первые же дни своего царствованія сталъ освобождать многихъ заключенныхъ „друзья Залмана въ Петербургѣ,—какъ передаетъ Дубновъ,—воспользовались этимъ и черезъ посредство вліятельнаго еврея Ноты Шкловера добились того, что дѣло Залмана поступило однимъ изъ первыхъ на Высочайшее усмотрѣніе". Слѣдуетъ отмѣтить, что послѣднее извѣстіе не достаточно достовѣрно; оно къ тому же и не вполнѣ точно; въ моментъ смерти Павла I Залманъ находился уже на свободѣ и вопросъ шелъ лишь о разсмотрѣніи его дѣла въ сенатѣ и о дозволеніи ему покинуть столицу.

[2]) Къ сожалѣнію, неизвѣстно, кто кромѣ Ноткина былъ приглашенъ въ комитетъ. Однако, въ виду имѣющагося извѣстія, что то были лица „свѣдующія", получившія образованіе въ Германіи, можно предположить, что помимо Ноткина и Перетца къ участію въ работѣ комитета были также привлечены Неваховичъ, упомянутый выше Мендель Левинъ, пользовавшійся расположеніемъ кн. Адама Чарторыжскаго, а также прусскій еврей Леонъ Элканъ, бывшій рижскій цензоръ, хлопотавшій въ 1802 г. о принятіи его на службу въ сенатъ или въ комитетъ.

и Перетцъ; не заявивъ себя до сихъ поръ никакими трудами на пользу еврейскаго народа, Перетцъ, какъ кажется, сразу занимаетъ видное мѣсто въ ходѣ событій; въ этомъ случаѣ ему значительно помогла дружба Сперанскаго.

Подробности возникновенія проекта Сперанскаго [1]), представленнаго на разсмотрѣніе комитета, не извѣстны, но нѣтъ сомнѣнія, что Перетцъ въ той или другой формѣ содѣйствовалъ или вліялъ на своего друга въ его трудѣ. Впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что если Перетцъ и помогалъ Сперанскому въ выработкѣ проекта положенія о евреяхъ, то и Сперанскій, съ своей стороны, какъ кажется, могъ воздѣйствовать на Перетца, заставивъ его принять участіе въ общей работѣ. Одно то обстоятельство, что „Вопль дщери Іудейской", появившійся въ свѣтъ одновременно съ проектомъ Сперанскаго, посвященъ гр. Кочубею, (а еврейскій переводъ книжки, принадлежащій перу самого же Неваховича—Перетцу и Ноткину) бросаетъ свѣтъ на дѣятельность Перетца. Вспомнивъ, что гр. Кочубей засѣдалъ въ комитетѣ и что онъ чрезвычайно благоволилъ Сперанскому, можно уловить связь между проектомъ послѣдняго и книгой Неваховича, и надо думать, что именно Перетцъ, другъ Сперанскаго и Неваховича, явился главнымъ звеномъ въ этой цѣпи взаимныхъ отношеній, хотя, какъ видно, наиболѣе кипучую дѣятельность проявилъ въ это время Натанъ Ноте, который можетъ быть и сыгралъ въ этотъ моментъ роль центральной личности, руководившей Перетцемъ и Неваховичемъ.

Недостатокъ матеріаловъ не даетъ возможности прослѣдить условія, въ которыхъ протекла жизнь Неваховича до его переселенія въ Петербургъ, и если легко уяснить себѣ общественную атмосферу, въ которой онъ образовалъ себя въ мендельсоновскомъ духѣ, то трудно представить себѣ, какія именно исключительно-благопріятныя обстоятельства толкнули его на путь русскаго просвѣщенія. Пріѣхалъ ли Неваховичъ изъ Шклова въ Петербургъ уже подготовленный къ своей будущей литературной дѣятельности [2]), или же здѣсь,

---

[1]) Нѣкоторыя данныя по этому вопросу приведены въ V главѣ.

[2]) Шкловъ представлялъ собою въ то время культурный центръ. Тамъ проживалъ, между прочимъ, писатель Шульманъ, хорошо владѣвшій русскимъ языкомъ, что въ ту пору было рѣдкимъ явленіемъ. Финнъ передаетъ въ своей исторіи виленской общины, что, по слу-

очутившись въ новомъ, до того невѣдомомъ ему мірѣ, онъ быстро усвоилъ русскую рѣчь и сталъ ревностно изучать русскую литературу?

Свободный отъ матеріальныхъ заботъ, Неваховичъ посвящаетъ свое время въ Петербургѣ литературнымъ занятіямъ и литературнымъ связямъ; онъ владѣлъ нѣсколькими языками, но писалъ, какъ онъ самъ говоритъ, лишь по русски, на „языкѣ болѣе извѣстномъ и употребительномъ въ моемъ отечествѣ".—Неваховичъ былъ въ полномъ смыслѣ человѣкомъ пера и книги; философъ по натурѣ, онъ сочеталъ въ себѣ тихое созерцательное настроеніе съ бурными порывами общительности, съ непреодолимымъ, какъ бы стихійнымъ желаніемъ излить на бумагѣ все, что волновало его сердце; спокойствіе ума боролось въ немъ съ пылкостью сердца. „Счастливѣйшія минуты нашей жизни,—говоритъ Неваховичъ въ одномъ изъ своихъ произведеній, — суть тѣ, въ которыя мы, устранясь отъ заботъ, налагаемыхъ на насъ нуждами, а иногда и предразсудками, разсматриваемъ въ тишинѣ своей природу. Пользуясь благостію такихъ минутъ, я изобразилъ встрѣчавшіяся мнѣ тогда размышленія трепещущимъ и слабымъ перомъ..." „Сердца! — восклицаетъ онъ восторженно въ другомъ мѣстѣ,—какая непостижимая сила заставляетъ его (человѣка) раздѣлить съ подобными себѣ всѣ свои радости и печали, слезы радости и слезы горести... Во время прилива сердечныхъ ощущеній онъ не можетъ удержаться, чтобы не излить ихъ въ другія сердца!" [1]). Эти „сердечныя ощущенія", какъ и „встрѣчавшіяся размышленія", Неваховичъ и изливалъ въ своихъ произведеніяхъ; „тайная нѣкая сила призываетъ меня къ перу"—говоритъ онъ, и эти слова лучше всего объясняютъ его глубокую привязанность, его страстное влеченіе къ литературной дѣятельности; на литературѣ сосредоточились всѣ его помыслы, и отдавшись ей всецѣло, онъ какъ бы оторвался отъ жизни, не умѣя, быть можетъ не желая, считаться съ дѣйствительностью. Для него доминирующее значеніе имѣла благородная *мысль*, сама по себѣ, независимо отъ приложимости къ жизни; въ этомъ отношенія харак-

---

хамъ, Шульманъ написалъ какое то сочиненіе на русскомъ языкѣ. Въ предисловіи къ своей книгѣ, Шульманъ указывалъ, что готовитъ къ печати русско-еврейскій словарь.

[1]) „Человѣкъ въ природѣ".

терно то, что онъ расточаетъ [1]) восхваленія мудрости и кротости Екатерины II, восхищается ея „Наказомъ“, какъ бы умышленно забывая, что провозгласивъ великій принципъ: равенства, она ограничила евреевъ въ правахъ. Несоотвѣтствіе между красивой мыслью и дѣломъ не смущало Неваховича, онъ словно этого не замѣчалъ. Провозглашеніе возвышенной мысли было ему дороже, нежели осуществленіе этой мысли въ дѣйствительности.

Въ этомъ быть можетъ и кроется причина, почему Неваховичъ стоялъ въ сторонѣ отъ еврейской жизни, пока увлеченный торжественностью и знаменательностью минуты, когда на очередь былъ поставленъ вопросъ о судьбѣ всѣхъ русскихъ евреевъ, взволнованный общей тревогой, онъ не ощутилъ потребность защитить своимъ *перомъ*, еврейскій народъ отъ вражды согражданъ. Но какъ же мощно, съ какимъ взрывомъ искреннихъ чувствъ вылилась его любовь къ еврейскому народу въ „Воплѣ дщери Іудейской“. „Я не для того вѣщаю,—восклицаетъ онъ—чтобы вывести себя въ пышности на сцену. Можетъ ли тщеславіе имѣть мѣсто въ сердцѣ уныломъ и сокрушенномъ? Нѣтъ, я изливаю токмо ту горесть, которою чрезъ мѣру наполнена душа моя!“.

Важность переживаемаго времени сплотила видныхъ членовъ столичной общины, и эта духовная связь сказалась въ дружной совмѣстной работѣ, нашедшей свое выраженіе, какъ въ личномъ участіи Перетца и Ноткина въ ходѣ исторіи Положенія 1804 г., такъ и въ произведеніи Неваховича „Вопль дщери Іудейской“.

Это былъ прекрасный моментъ, когда своевременно возвысивъ голосъ въ защиту своего человѣческаго достоинства, представители русскаго еврейства доказали право еврейскаго населенія на гражданскія права.

Не смотря на различіе обстоятельствъ, выдвинувшихъ ихъ на арену дѣятельности, не смотря на различіе въ характерѣ дѣятельности каждаго изъ нихъ, или, быть можетъ, именно вслѣдствіи этого, Натанъ Ноте, Перетцъ и Неваховичъ являютъ собою достойный памяти тріумвиратъ, вызванный къ жизни „воплемъ дщери Іудейской“—воплемъ еврейскаго на-

---

[1]) „Вопль дщери Іудейской“.

рода; въ этомъ воплѣ каждый изъ нихъ нашелъ стимулъ для своей дѣятельности, въ немъ же слились ихъ сердца, и выразителемъ ихъ скорбныхъ и оскорбленныхъ чувствъ явился Неваховичъ, выступивъ со своимъ апологетическимъ произведеніемъ „Вопль дщери Іудейской". Принадлежа перу Неваховича, это сочиненіе принадлежало, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сердцу его друзей. И дѣйствительно, посвятивъ переводъ своего труда —вѣрнѣе, передѣлку—на еврейскомъ языкѣ одновременно Натану Ноте и Перетцу [1]), Неваховичъ засвидѣтельствовалъ эту духовную связь.

„По что сѣтуешь нынѣ, дщерь Іаковля? Чего тебѣ не достаетъ?—возвѣсти!—Не созерцаешь ли ты того же солнца, какъ и иноплеменные? Стопы твои не попираютъ ли ту же злачную землю, какъ другіе? Не пользуешься ли ты тѣмъ же воздухомъ, той же жизнью, тѣмъ же общежитіемъ, какъ и иные обитатели полушара земнаго?—возвѣсти!—Ахъ! нѣтъ, не сіе смущаетъ меня,—вопіетъ дщерь Іаковля,—увы! я упадаю духомъ, я уничижена предъ лицомъ земли, я исключена изъ той связи, каковою пользуются другіе подсолнечные обитатели; я теперь себя не узнаю!"—такъ начинается „Вопль дщери Іудейской".

Книга Неваховича заключаетъ въ себѣ три отдѣльныхъ небольшихъ сочиненія: „Вопль дщери Іудейской", „Собесѣдованіе между Синатъ-Гадатомъ, Эметомъ и Шалумомъ" [2]) и „Чувствованіе вѣрноподданнаго на случай учрежденія по Высочайшему Его Величества Государя Императора Александра I Самодержца Всероссійскаго повелѣнію комитета о устроеніи евреевъ на пользу государственную и ихъ собственную", [3]) но эти три произведенія столь тѣсно связаны

---

[1]) „Вопль дщери Іудейской" составляетъ библіографическую рѣдкость; въ сборникѣ „Будущность" за 1902 г. полностью перепечатанъ „Вопль". Еврейская книга напечатана въ Шкловѣ въ 1804 году подъ названіемъ „Колъ Шаватъ батъ Іегуда". По словамъ библіографа С. Е. Винера, почти во всѣхъ экземплярахъ этой книги уцѣлѣло лишь посвященіе Натану Ноте; страницы же съ посвященіемъ Перетцу недостаютъ. Не вырваны-ли онѣ умышленно послѣ того, какъ онъ перемѣнилъ религію?

[2]) По объясненію Неваховича, Синатъ - Гадатъ означаетъ нетерпимость, Эметъ—истину, Шалумъ—терпимость и миролюбіе.

[3]) Первыя 11—49 стр. занимаетъ „Вопль", 50—56—„Собесѣдованіе",—57—60—„Чувствованіе вѣрноподданнаго".

между собою общностью цѣли, что могутъ быть разсматриваемы какъ одно; появившись въ 1803 г., они должны были въ своей совокупности вызвать въ русскомъ обществѣ гуманныя чувства къ евреямъ, напомнить о томъ, что евреи лишены гражданскихъ правъ, а главнымъ образомъ внѣдрить въ русскихъ людяхъ взглядъ на евреевъ, какъ на *„соотчичей"*.

Касаясь столь житейскаго вопроса, какъ улучшеніе положенія евреевъ, Неваховичъ остается вѣренъ самому себѣ, Его вниманіе не останавливается на явленіяхъ повседневной жизни; не ужасные факты дѣйствительности, какъ результатъ исключительнаго положенія евреевъ, водили его перомъ, а жажда вызвать торжество гуманныхъ чувствъ самихъ по себѣ. Нравственное униженіе евреевъ было для него тягостнѣе реальныхъ послѣдствій общественнаго остракизма.

Вглядываясь въ жизнь русскихъ евреевъ, Неваховичъ словно не замѣчаетъ потрясающихъ картинъ дѣйствительности; онъ не слышитъ вопля народа, страдающаго отъ экономическаго и правового гнета, но его душа „унижается прискорбіемъ единоплеменниковъ, отвергаемыхъ отъ *сердецъ* соотчичей"; не пытаясь, поэтому, познакомить читателя съ бытомъ единовѣрцевъ, Неваховичъ обнажаетъ ихъ душевныя раны, чтобы вызвать сочувствіе въ читателѣ. Какъ эхо вырывается изъ его произведенія вопль униженнаго народа: „Быть презрѣннымъ—сего не довольно! О, мученіе превосходящее всякую горесть на свѣтѣ! О, мученіе, мѣры котораго ни одинъ смертный изъяснить не можетъ! Если бы громы, вѣтры, бури и шумное треволненіе океана, смѣшиваясь съ воплемъ человѣка презрѣннаго, составили единый гласъ: то развѣ бы тогда уже такой ужасный вопль могъ выразить великость страданія онаго!".

Нищета и невѣжество, превратившія евреевъ въ паріевъ не столь смущаютъ Неваховича, какъ презрительное отношеніе къ нимъ со стороны христіанскаго населенія, и это быть можетъ потому, что самъ Неваховичъ, испытывая на себѣ, какъ еврей, общественный остракизмъ, не зналъ матеріальныхъ лишеній. „Я чувствую всю тяжесть этого мученія,—говоритъ онъ,—и прошу облегченія". Но и скорбя о томъ, что русскій народъ, живя бокъ о бокъ съ евреями, не знаетъ ихъ *сердца*, Неваховичъ не останавливается на тѣхъ причинахъ, которыя вызвали это явленіе. Поставивъ разрѣшеніе еврейскаго вопроса главнымъ образомъ въ зави-

симость отъ побѣды гуманныхъ чувствъ надъ нетерпимостью разсудка надъ предубѣжденіями, Неваховичъ не требуетъ въ категорической формѣ гражданскаго равноправія для евреевъ; онъ лишь аппелируетъ къ сердцу христіанскаго населенія: „О христіане, славящіеся кротостью и милосердіемъ, имѣйте къ намъ жалость, обратите къ намъ нѣжныя сердца ваши!“, отмѣчая при этомъ: „Есть-либъ мы и отвергли свой законъ, чтобы уравняться въ правахъ, то сдѣлались ли бы чрезъ то достойными?

Все зло, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что предразсудки и нетерпимость, внушаемые людямъ въ раннемъ возрастѣ путемъ воспитанія, съ трудомъ искореняются, и потому Неваховичъ ставитъ своей задачей реабилитировать еврейскій народъ въ глазахъ христіанъ, разбивъ ложныя сужденія о евреѣ, отъ которыхъ не были свободны даже лучшіе люди того времени. „Одно имя *Іудей* производитъ уже въ произносителѣ и слушателѣ онаго нѣкое странное и необычайное движеніе. Имя сіе учинилось поноснымъ, презрѣннымъ, поруганнымъ и нѣкіимъ страшилищемъ для дѣтей и скудоумныхъ“. Полный искренняго негодованія, Неваховичъ разражается горячей отповѣдью клеветникамъ еврейскаго народа и въ страстныхъ выраженіяхъ опровергаетъ взводимыя ложныя обвиненія...

„Вѣки—народы обвиняютъ Іудеевъ... то обвиняютъ ихъ въ чародѣйствѣ, то въ невѣріи, то въ суевѣріи... Вѣки еще не успѣли открыть тщеты умысловъ противъ нихъ, какъ уже наступали новые. Подобно звеньямъ неразрывной цѣпи соединены оные къ утѣсненію только сего народа, подобнаго жребіемъ своимъ несчастному сыну страждующему среди семейства ненавидящаго его. Братья его толкуютъ всѣ его поступки въ худую сторону, и если когда открывается предъ ними его невиновность, то они, какъ бы стыдясь прежнихъ своихъ ошибокъ, стараются навлечь на страдальца новыя обвиненія, дабы продолжать его мученія и заглушать укоризны совѣсти“... „Ахъ, христіане!.. вы ищете въ человѣкѣ Іудея, нѣтъ, ищите въ Іудеѣ человѣка, и вы безъ сомнѣнія его найдете. Примѣчайте только... Я не сомнѣваюсь, что между вами находится множество такихъ, которые имѣя сношеніе по дѣламъ съ Іудеями, были свидѣтелями великодушныхъ ихъ поступковъ и благодарственныхъ чувствованій; горе! горе только то, что

ваховичемъ замѣчается болѣе глубокая связь—*духовная*, и она именно, а не узы дружбы или матеріальной зависимости, сплотила этихъ трехъ столь разнородныхъ по натурѣ людей; она то заставила ихъ выйти рука объ руку на общій путь борьбы. Всматриваясь въ ихъ жизнь, легко замѣтить, что они далеко не походили другъ на друга, ни по характеру и наклонностямъ, вообще по своему духовному облику, ни по своей практической дѣятельности.

Натанъ Ноте представлялъ собою цѣльную натуру; въ немъ слово сочеталось съ дѣломъ; послѣдовательный въ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ опредѣленно намѣченной цѣли, убѣжденный „защитникъ своего народа",— Натанъ Ноте вмѣнялъ себѣ въ обязанность дѣлать все, что было въ его силахъ на пользу всѣхъ ли русскихъ евреевъ, или же небольшой ихъ части. Считаясь съ дѣйствительностью, онъ не ставилъ единственной цѣлью своей дѣятельности добиться равноправія для евреевъ.

Въ 1797 г. онъ представляетъ правительству извѣстный уже намъ проектъ; въ 1800 г. онъ старается воздѣйствовать на Державина, какъ на автора „Мнѣнія". Въ 1801 г. онъ выступаетъ съ проектомъ объ учрежденіи еврейской купеческой торговой компаніи въ Черномъ морѣ [1]).

Натанъ Ноте не остается бездѣятельнымъ и на склонѣ своихъ лѣтъ, въ знаменательные въ жизни русскихъ евреевъ 1802—4 гг. „Пламенѣя ревностнымъ желаніемъ видѣть при старости лѣтъ единоплеменниковъ моихъ на томъ (й) степени благополучія, на которую Всемилостивѣйшій Государь нашъ соизволяетъ ихъ возвести,—пишетъ онъ 20 января 1803 г. [2]) гр. Кочубею,—я употребляю нынѣ неусыпные труды къ поспѣшествованію сей священнѣйшей воли Августѣйшаго Монарха. Нѣкій патріотическій духъ побуждаетъ и ободряетъ меня принять на себя ходатайство за пользу общую!" [3]).

---

[1]) См. приложеніе № 6.

[2]) См. приложеніе № 4.

[3]) Одинъ изъ потомковъ Ноткина, д-ръ М. де-Ноткинъ, сообщаетъ нѣкоторыя данныя о Нотѣ Хаимовичѣ, хотя и не исторически вѣрныя, но все же любопытныя. У внука Нота Хаимовича, Ноты Шефтелевича, хранилась копія документа (дата неизвѣстна), гласившаго, что государь объявляетъ Ноткину благодарность и жалуетъ золотой, осыпанный бриллiантами, табакеркой за исправную доставку продовольствія для арміи

Въ это время передъ Ноткинымъ открылось новое поприще для защиты интересовъ еврейскаго народа—онъ получаетъ приглашеніе принять участіе въ работахъ комитета. Вслѣдъ за учрежденіемъ комитета Державинъ обращается къ Ноткину—9 декабря 1802 г.—со слѣдующимъ письмомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чрезвычайно любопытнымъ.

Государь мой Нота Хаимовичъ! По случаю поднесеннаго мною въ прошломъ 1800 году мнѣнія о живущихъ въ Бѣлорусской губерніи евреяхъ, Государь Императоръ Высочайше учредить изволилъ комитетъ относительно устройства ихъ на общую государственную и частную самихъ ихъ пользу. Члены комитета, каковымъ и я Высочайше удостоенъ, испросили всеподданнѣйшимъ докладомъ у Его Императорскаго Величества позволеніе избрать себѣ, сверхъ предположенныхъ изъ губерній депутатовъ, по одному такому же изъ просвѣщеннѣйшихъ и извѣстныхъ въ честности евреевъ. Я, будучи уже нѣсколько лѣтъ извѣстенъ объ усердіи вашемъ къ общему благу и полезныхъ для еврейскаго народа предположеніяхъ, которыя удостоены Высочайшаго вниманія и препровождены на разсмотрѣніе сего комитета, желалъ бы, чтобы вы были между прочихъ вашихъ депутатовъ отъ меня

и флота. У того же Ноты Шефтелевича было золотое блюдо, будто бы подаренное Ноткину Александромъ I; вѣроятно, это былъ подарокъ Потемкина или Зорича. Есть также извѣстіе, что Павелъ I подарилъ Ноткину имѣніе въ Могилевской губ. Д-ръ М. де-Ноткинъ слышалъ отъ одного „почтеннаго раввина“ слѣдующій разсказъ: Когда Александръ I былъ въ Шкловѣ, онъ посѣтилъ Ноткина; будучи нездоровъ, Ноткинъ лежалъ въ кровати; увидя царя онъ вдругъ воскликнулъ: „Остановись“. Государь въ удивленіи спросилъ, что это значитъ, и Ноткинъ объяснилъ, что счастье человѣческое имѣетъ границы и, когда оно доходитъ до крайняго предѣла, оно начинаетъ убывать; счастье Ноткина, съ приходомъ царя въ домъ, достигло апогея и онъ крикнулъ ему „остановись“, чтобы оно не стало убывать. Во всемъ этомъ есть много легендарнаго, но все же эти данныя свидѣтельствуютъ, что Ноткинъ пользовался исключительнымъ положеніемъ въ правительственныхъ сферахъ.

Замѣчу, что въ еврейской средѣ было, повидимому, извѣстно о связяхъ Ноткина въ высшихъ административныхъ сферахъ; такъ напр., каменецъ-подольскій купецъ Мошка Ароновичъ, невинно страдая въ одномъ тяжебномъ дѣлѣ, просилъ Ноткина о содѣйствіи, и Ноткинъ обратился (апрѣль 1803 г.) по этому поводу съ прошеніемъ къ Державину, какъ министру юстиціи, который и удовлетворилъ его ходатайство.

веденный судьбою на значительную высоту богатства и общественнаго положенія, Перетцъ не отказался въ благопріятный моментъ отъ широкой общественной дѣятельности на пользу евреевъ и, какъ надо думать, отъ воздѣйствія на Сперанскаго, когда тотъ составилъ въ 1803 г. проектъ еврейской реформы, но снисходить съ этой высоты къ мелкимъ вопросамъ еврейскаго муравейника, хлопотать объ уступкѣ клочка земли для кладбища, подписываться на протоколѣ о состоявшейся сдѣлкѣ, — все это было слишкомъ маловажно, ничтожно въ его глазахъ.

Очень характерно при сопоставленіи Натана Ноте и Перетца то обстоятельство, что Державинъ, близко знавшій ихъ обоихъ, говоря о евреяхъ приводитъ лишь имя Натана Ноте, когда-же рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ коммерческихъ предпріятіяхъ и денежныхъ счетахъ, онъ вспоминаетъ о Перетцѣ. Эту паралелль можно продолжить. *Еврейскія* дѣла связали имя Натана Ноте съ именемъ князя Куракина, *денежныя*— сблизили Перетца съ царскимъ любимцемъ Кутайсовымъ. Перетцъ пользовался знакомствомъ съ вліятельными сановниками лишь въ видахъ собственной выгоды, а Натанъ Ноте—въ интересахъ народа. Прекрасной иллюстраціей къ этому служитъ посвященіе Неваховичемъ своего труда обоимъ друзьямъ; Перетца Неваховичъ титулуетъ въ посвященіи „коммерціи совѣтникомъ", а Натана Ноте онъ называетъ „защитникомъ своего народа"; дѣйствительно, Перетцъ болѣе всего былъ коммерціи совѣтникомъ, а Натанъ Ноте менѣе всего надворнымъ совѣтникомъ.

Столь-же нестоющими вниманія, какъ Перетцу, казались общинныя дѣла и Неваховичу. Подобно Перетцу, онъ не отказался отъ работы, которой онъ самъ, и его друзья придавали важное значеніе, но написавъ въ защиту своего народа столь пламенное произведеніе, какъ „Вопль дщери Іудейской", носящее на себѣ яркіе слѣды его пылкаго „еврейскаго" сердца, онъ, какъ и Перетцъ, неиграетъ никакой роли въ повседневной жизни общины, а между тѣмъ оба они имѣли полное право, болѣе того, были обязаны, въ силу своихъ личныхъ качествъ и своего общественнаго положенія въ столицѣ, стоять во главѣ мѣстныхъ единовѣрцевъ наряду съ Натаномъ Ноте.

Такъ же, какъ общинные интересы, они игнорировали

Безшумно и безпрерывно, спокойно и равномѣрно работаетъ онъ на пользу русскихъ евреевъ, впервые проявивъ свою дѣятельность еще тогда, когда не было надежды на благопріятное отношеніе правительства къ евреямъ, когда евреи могли расчитывать лишь на свои собственныя силы. Подобно неумолчной волнѣ, выбрасывающей съ глубокаго дна на берегъ моря груды песку и камней, Натанъ Ноте въ теченіе ряда лѣтъ выкладывалъ передъ правительствомъ въ своихъ проектахъ и письмахъ горе и слезы, извлеченныя изъ глубины еврейской жизни. Знакомя правительство съ нуждами еврейской массы, намѣчая желанныя реформы, Натанъ Ноте посильно *творилъ* исторію положенія 1804 г. и въ этомъ его громадная заслуга.

Переселившись въ Петербургъ, Натанъ Ноте становится во главѣ мѣстныхъ единовѣрцевъ и принимаетъ живое участіе въ ихъ дѣлахъ: онъ заботится объ ихъ нуждахъ, хлопочетъ объ устройствѣ еврейскаго кладбища,—и [1]) потому-то въ книгѣ священнаго братства (за 1803 г.) въ спискѣ представителей мѣстной общины на первомъ мѣстѣ значится: „Уважаемый и почтенный Натанъ Ноте изъ Шклова". Пользуясь уваженіемъ со стороны одногорожанъ, онъ, однако, держится въ отношеніи къ нимъ чрезвычайно скромно, и кажется, что ничто такъ не рисуетъ этой черты, какъ указанный списокъ въ которомъ вслѣдъ за именемъ Натана Ноте слѣдуетъ „басонщикъ Хаимъ" и другіе члены общества, и лишь на послѣднемъ мѣстѣ записанъ „Р. Саббатай, сынъ уважаемаго Р. Натана Ноте".

Увы! именъ Перетца и Неваховича не оказывается въ книгѣ братства.

Крупный въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ, воз-

Мин. Юст. 1804 г. № 89). О какихъ-то неизвѣстныхъ намъ „предположеніяхъ" Ноткина, представленныхъ государю, говорится и въ приведенномъ выше письмѣ Державина,—не былъ ли это его проектъ?

[1]) Въ началѣ XIX в. въ Петербургѣ образовалась еврейская колонія въ нѣсколько десятковъ душъ; не имѣя права на открытое проживаніе, поселенцы, однако, кое какъ устроились здѣсь: они имѣли своихъ рѣзниковъ, mohel'a; только кладбища у нихъ не было, и первые три покойника были поэтому преданы землѣ на иновѣрческомъ кладбище. Тогда община вошла въ сдѣлку съ совѣтомъ евангелическо-лютеранской церкви и пріобрѣла площадь земли въ раіонѣ нынѣшняго Волкова кладбища.

и Перетцъ; не заявивъ себя до сихъ поръ никакими трудами на пользу еврейскаго народа, Перетцъ, какъ кажется, сразу занимаетъ видное мѣсто въ ходѣ событій; въ этомъ случаѣ ему значительно помогла дружба Сперанскаго.

Подробности возникновенія проекта Сперанскаго [1]), представленнаго на разсмотрѣніе комитета, не извѣстны, но нѣтъ сомнѣнія, что Перетцъ въ той или другой формѣ содѣйствовалъ или вліялъ на своего друга въ его трудѣ. Впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что если Перетцъ и помогалъ Сперанскому въ выработкѣ проекта положенія о евреяхъ, то и Сперанскій, съ своей стороны, какъ кажется, могъ воздѣйствовать на Перетца, заставивъ его принять участіе въ общей работѣ. Одно то обстоятельство, что „Вопль дщери Іудейской", появившійся въ свѣтъ одновременно съ проектомъ Сперанскаго, посвященъ гр. Кочубею, (а еврейскій переводъ книжки, принадлежащій перу самого же Неваховича—Перетцу и Ноткину) бросаетъ свѣтъ на дѣятельность Перетца. Вспомнивъ, что гр. Кочубей засѣдалъ въ комитетѣ и что онъ чрезвычайно благоволилъ Сперанскому, можно уловить связь между проектомъ послѣдняго и книгой Неваховича, и надо думать, что именно Перетцъ, другъ Сперанскаго и Неваховича, явился главнымъ звеномъ въ этой цѣпи взаимныхъ отношеній, хотя, какъ видно, наиболѣе кипучую дѣятельность проявилъ въ это время Натанъ Ноте, который можетъ быть и сыгралъ въ этотъ моментъ роль центральной личности, руководившей Перетцемъ и Неваховичемъ.

Недостатокъ матеріаловъ не даетъ возможности прослѣдить условія, въ которыхъ протекла жизнь Неваховича до его переселенія въ Петербургъ, и если легко уяснить себѣ общественную атмосферу, въ которой онъ образовалъ себя въ мендельсоновскомъ духѣ, то трудно представить себѣ, какія именно исключительно-благопріятныя обстоятельства толкнули его на путь русскаго просвѣщенія. Пріѣхалъ ли Неваховичъ изъ Шклова въ Петербургъ уже подготовленный къ своей будущей литературной дѣятельности [2]), или же здѣсь,

---

[1]) Нѣкоторыя данныя по этому вопросу приведены въ V главѣ.

[2]) Шкловъ представлялъ собою въ то время культурный центръ. Тамъ проживалъ, между прочимъ, писатель Шульманъ, хорошо владѣвшій русскимъ языкомъ, что въ ту пору было рѣдкимъ явленіемъ. Финнъ передаетъ въ своей исторіи виленской общины, что, по слу-

бы интересы, касавшіеся всего еврейскаго общества; такую же безславную роль, какъ въ общинной жизни, съиграли бы они, вѣроятно, и въ жизни русскаго еврейства, если бы чрезвычайныя обстоятельства не вынудили ихъ выйти на сцену нашей исторіи.

Имя Перетца, а вмѣстѣ съ нимъ и Неваховича, какъ еврейскихъ дѣятелей, впервые встрѣчается лишь въ 1803 г. [1]), когда вмѣсто прежней кропотливой, не встрѣчавшей сочувствія работы предъ народными дѣятелями открылся болѣе широкій и къ тому же почетный трудъ.

И выступилъ Перетцъ изъ тѣни, повидимому, не столько по собственному желанію, сколько въ силу своего положенія. Вызванная въ Петербургъ еврейская депутація обращалась, конечно, за содѣйствіемъ къ столь вліятельнымъ единовѣрцамъ, какъ Натанъ Ноте и Перетцъ; въ то же время къ нимъ обращались за разъясненіями, какъ къ компетентнымъ лицамъ, и члены комитета, и, вѣроятнѣе всего, что, подобно Ноткину, приглашеніе въ комитетъ получилъ [2])

[1]) Впрочемъ, Перетцъ, какъ кажется, имѣлъ случай проявить свою дѣятельность на „пользу еврейства" въ болѣе ранній періодъ, именно въ 1798 г., когда извѣстный хасидъ Залманъ, по доносу миснагдимъ, былъ арестованъ и заточенъ въ С.-Петербургѣ. По словамъ С. Дубнова, Перетцъ сыгралъ тогда мало симпатичную роль. Однако, это сообщеніе не достовѣрно.

Въ исторіи съ Залманомъ фигурировалъ и Натанъ Ноте, но его роль была иная. Когда Павелъ I скончался и молодой государь въ первые же дни своего царствованія сталъ освобождать многихъ заключенныхъ „друзья Залмана въ Петербургѣ,—какъ передаетъ Дубновъ,—воспользовались этимъ и черезъ посредство вліятельнаго еврея Ноты Шкловера добились того, что дѣло Залмана поступило однимъ изъ первыхъ на Высочайшее усмотрѣніе". Слѣдуетъ отмѣтить, что послѣднее извѣстіе не достаточно достовѣрно; оно къ тому же и не вполнѣ точно; въ моментъ смерти Павла I Залманъ находился уже на свободѣ и вопросъ шелъ лишь о разсмотрѣніи его дѣла въ сенатѣ и о дозволеніи ему покинуть столицу.

[2]) Къ сожалѣнію, неизвѣстно, кто кромѣ Ноткина былъ приглашенъ въ комитетъ. Однако, въ виду имѣющагося извѣстія, что то были лица „свѣдующія", получившія образованіе въ Германіи, можно предположить, что помимо Ноткина и Перетца къ участію въ работѣ комитета были также привлечены Неваховичъ, упомянутый выше Мендель Левинъ, пользовавшійся расположеніемъ кн. Адама Чарторыжскаго, а также прусскій еврей Леонъ Элканъ, бывшій рижскій цензоръ, хлопотавшій въ 1802 г. о принятіи его на службу въ сенатъ или въ комитетъ.

и Перетцъ; не заявивъ себя до сихъ поръ никакими трудами на пользу еврейскаго народа, Перетцъ, какъ кажется, сразу занимаетъ видное мѣсто въ ходѣ событій; въ этомъ случаѣ ему значительно помогла дружба Сперанскаго.

Подробности возникновенія проекта Сперанскаго [1]), представленнаго на разсмотрѣніе комитета, не извѣстны, но нѣтъ сомнѣнія, что Перетцъ въ той или другой формѣ содѣйствовалъ или вліялъ на своего друга въ его трудѣ. Впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что если Перетцъ и помогалъ Сперанскому въ выработкѣ проекта положенія о евреяхъ, то и Сперанскій, съ своей стороны, какъ кажется, могъ воздѣйствовать на Перетца, заставивъ его принять участіе въ общей работѣ. Одно то обстоятельство, что „Вопль дщери Іудейской", появившійся въ свѣтъ одновременно съ проектомъ Сперанскаго, посвященъ гр. Кочубею, (а еврейскій переводъ книжки, принадлежащій перу самого же Неваховича—Перетцу и Ноткину) бросаетъ свѣтъ на дѣятельность Перетца. Вспомнивъ, что гр. Кочубей засѣдалъ въ комитетѣ и что онъ чрезвычайно благоволилъ Сперанскому, можно уловить связь между проектомъ послѣдняго и книгой Неваховича, и надо думать, что именно Перетцъ, другъ Сперанскаго и Неваховича, явился главнымъ звеномъ въ этой цѣпи взаимныхъ отношеній, хотя, какъ видно, наиболѣе кипучую дѣятельность проявилъ въ это время Натанъ Ноте, который можетъ быть и сыгралъ въ этотъ моментъ роль центральной личности, руководившей Перетцемъ и Неваховичемъ.

Недостатокъ матеріаловъ не даетъ возможности прослѣдить условія, въ которыхъ протекла жизнь Неваховича до его переселенія въ Петербургъ, и если легко уяснить себѣ общественную атмосферу, въ которой онъ образовалъ себя въ мендельсоновскомъ духѣ, то трудно представить себѣ, какія именно исключительно-благопріятныя обстоятельства толкнули его на путь русскаго просвѣщенія. Пріѣхалъ ли Неваховичъ изъ Шклова въ Петербургъ уже подготовленный къ своей будущей литературной дѣятельности [2]), или же здѣсь,

---

[1]) Нѣкоторыя данныя по этому вопросу приведены въ V главѣ.

[2]) Шкловъ представлялъ собою въ то время культурный центръ. Тамъ проживалъ, между прочимъ, писатель Шульманъ, хорошо владѣвшій русскимъ языкомъ, что въ ту пору было рѣдкимъ явленіемъ. Финнъ передаетъ въ своей исторіи виленской общины, что, по слу-

очутившись въ новомъ, до того невѣдомомъ ему мірѣ, онъ быстро усвоилъ русскую рѣчь и сталъ ревностно изучать русскую литературу?

Свободный отъ матеріальныхъ заботъ, Неваховичъ посвящаетъ свое время въ Петербургѣ литературнымъ занятіямъ и литературнымъ связямъ; онъ владѣлъ нѣсколькими языками, но писалъ, какъ онъ самъ говоритъ, лишь по русски, на „языкѣ болѣе извѣстномъ и употребительномъ въ моемъ отечествѣ".—Неваховичъ былъ въ полномъ смыслѣ человѣкомъ пера и книги; философъ по натурѣ, онъ сочеталъ въ себѣ тихое созерцательное настроеніе съ бурными порывами общительности, съ непреодолимымъ, какъ бы стихійнымъ желаніемъ излить на бумагѣ все, что волновало его сердце; спокойствіе ума боролось въ немъ съ пылкостью сердца. „Счастливѣйшія минуты нашей жизни,—говоритъ Неваховичъ въ одномъ изъ своихъ произведеній, — суть тѣ, въ которыя мы, устранясь отъ заботъ, налагаемыхъ на насъ нуждами, а иногда и предразсудками, разсматриваемъ въ тишинѣ своей природу. Пользуясь благостію такихъ минутъ, я изобразилъ встрѣчавшіяся мнѣ тогда размышленія трепещущимъ и слабымъ перомъ..." „Сердца! — восклицаетъ онъ восторженно въ другомъ мѣстѣ,—какая непостижимая сила заставляетъ его (человѣка) раздѣлить съ подобными себѣ всѣ свои радости и печали, слезы радости и слезы горести... Во время прилива сердечныхъ ощущеній онъ не можетъ удержаться, чтобы не излить ихъ въ другія сердца!" [1]). Эти „сердечныя ощущенія", какъ и „встрѣчавшіяся размышленія", Неваховичъ и изливалъ въ своихъ произведеніяхъ; „тайная нѣкая сила призываетъ меня къ перу"—говоритъ онъ, и эти слова лучше всего объясняютъ его глубокую привязанность, его страстное влеченіе къ литературной дѣятельности; на литературѣ сосредоточились всѣ его помыслы, и отдавшись ей всецѣло, онъ какъ бы оторвался отъ жизни, не умѣя, быть можетъ не желая, считаться съ дѣйствительностью. Для него доминирующее значеніе имѣла благородная *мысль*, сама по себѣ, независимо отъ приложимости къ жизни; въ этомъ отношенія харак-

---

лямъ, Шульманъ написалъ какое то сочиненіе на русскомъ языкѣ. Въ предисловіи къ своей книгѣ, Шульманъ указывалъ, что готовитъ къ печати русско-еврейскій словарь.

[1]) „Человѣкъ въ природѣ".

терно то, что онъ расточаетъ [1]) восхваленія мудрости и кротости Екатерины II, восхищается ея „Наказомъ", какъ бы умышленно забывая, что провозгласивъ великій принципъ: равенства, она ограничила евреевъ въ правахъ. Несоотвѣтствіе между красивой мыслью и дѣломъ не смущало Неваховича, онъ словно этого не замѣчалъ. Провозглашеніе возвышенной мысли было ему дороже, нежели осуществленіе этой мысли въ дѣйствительности.

Въ этомъ быть можетъ и кроется причина, почему Неваховичъ стоялъ въ сторонѣ отъ еврейской жизни, пока увлеченный торжественностью и знаменательностью минуты, когда на очередь былъ поставленъ вопросъ о судьбѣ всѣхъ русскихъ евреевъ, взволнованный общей тревогой, онъ не ощутилъ потребность защитить своимъ *перомъ*, еврейскій народъ отъ вражды согражданъ. Но какъ же мощно, съ какимъ взрывомъ искреннихъ чувствъ вылилась его любовь къ еврейскому народу въ „Воплѣ дщери Іудейской". „Я не для того вѣщаю,—восклицаетъ онъ—чтобы вывести себя въ пышности на сцену. Можетъ ли тщеславіе имѣть мѣсто въ сердцѣ уныломъ и сокрушенномъ? Нѣтъ, я изливаю токмо ту горесть, которою чрезъ мѣру наполнена душа моя!".

Важность переживаемаго времени сплотила видныхъ членовъ столичной общины, и эта духовная связь сказалась въ дружной совмѣстной работѣ, нашедшей свое выраженіе, какъ въ личномъ участіи Перетца и Ноткина въ ходѣ исторіи Положенія 1804 г., такъ и въ произведеніи Неваховича „Вопль дщери Іудейской".

Это былъ прекрасный моментъ, когда своевременно возвысивъ голосъ въ защиту своего человѣческаго достоинства, представители русскаго еврейства доказали право еврейскаго населенія на гражданскія права.

Не смотря на различіе обстоятельствъ, выдвинувшихъ ихъ на арену дѣятельности, не смотря на различіе въ характерѣ дѣятельности каждаго изъ нихъ, или, быть можетъ, именно вслѣдствіи этого, Натанъ Ноте, Перетцъ и Неваховичъ являютъ собою достойный памяти тріумвиратъ, вызванный къ жизни „воплемъ дщери Іудейской"—воплемъ еврейскаго на-

---

[1]) „Вопль дщери Іудейской".

рода; въ этомъ воплѣ каждый изъ нихъ нашелъ стимулъ для своей дѣятельности, въ немъ же слились ихъ сердца, и выразителемъ ихъ скорбныхъ и оскорбленныхъ чувствъ явился Неваховичъ, выступивъ со своимъ апологетическимъ произведеніемъ „Вопль дщери Іудейской". Принадлежа перу Неваховича, это сочиненіе принадлежало, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сердцу его друзей. И дѣйствительно, посвятивъ переводъ своего труда — вѣрнѣе, передѣлку — на еврейскомъ языкѣ одновременно Натану Ноте и Перетцу [1]), Неваховичъ засвидѣтельствовалъ эту духовную связь.

„По что сѣтуешь нынѣ, дщерь Іаковля? Чего тебѣ не достаетъ?—возвѣсти!—Не созерцаешь ли ты того же солнца, какъ и иноплеменные? Стопы твои не попираютъ ли ту же злачную землю, какъ другіе? Не пользуешься ли ты тѣмъ же воздухомъ, той же жизнью, тѣмъ же общежитіемъ, какъ и иные обитатели полушара земнаго?—возвѣсти!—Ахъ! нѣтъ, не сіе смущаетъ меня,—вопіетъ дщерь Іаковля,—увы! я упадаю духомъ, я уничижена предъ лицомъ земли, я исключена изъ той связи, каковою пользуются другіе подсолнечные обитатели; я теперь себя не узнаю!"—такъ начинается „Вопль дщери Іудейской".

Книга Неваховича заключаетъ въ себѣ три отдѣльныхъ небольшихъ сочиненія: „Вопль дщери Іудейской", „Собесѣдованіе между Синатъ-Гадатомъ, Эметомъ и Шалумомъ" [2]) и „Чувствованіе вѣрноподданнаго на случай учрежденія по Высочайшему Его Величества Государя Императора Александра I Самодержца Всероссійскаго повелѣнію комитета о устроеніи евреевъ на пользу государственную и ихъ собственную", [3]) но эти три произведенія столь тѣсно связаны

---

[1]) „Вопль дщери Іудейской" составляетъ библіографическую рѣдкость; въ сборникѣ „Будущность" за 1902 г. полностью перепечатанъ „Вопль". Еврейская книга напечатана въ Шкловѣ въ 1804 году подъ названіемъ „Колъ Шаватъ батъ Іегуда". По словамъ библіографа С. Е. Винера, почти во всѣхъ экземплярахъ этой книги уцѣлѣло лишь посвященіе Натану Ноте; страницы же съ посвященіемъ Перетцу недостаютъ. Не вырваны-ли онѣ умышленно послѣ того, какъ онъ перемѣнилъ религію?

[2]) По объясненію Неваховича, Синатъ-Гадатъ означаетъ нетерпимость, Эметъ—истину, Шалумъ—терпимость и миролюбіе.

[3]) Первыя 11—49 стр. занимаетъ „Вопль", 50—56—„Собесѣдованіе",—57—60—„Чувствованіе вѣрноподданнаго".

никто таковыхъ примѣчаній не открываетъ. А ежели и случилось кому замѣтить въ нѣкоторыхъ изъ нихъ что-нибудь противное, то по сему еще не можетъ судить обо всѣхъ вообще... Клянусь, что Іудей сохраняющій чистымъ образомъ свою религію не можетъ быть злымъ человѣкомъ, ниже худымъ гражданиномъ!!!".

Въ этой отповѣди заключалась вся сила произведенія Неваховича; сомнительно, однако, чтобы оно имѣло успѣхъ среди современной читающей публики. И Положеніе 1804 г., и дальнѣйшія событія въ жизни русскихъ евреевъ показали, что „Вопль дщери Іудейской" остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Тѣмъ не менѣе должно съ благодарностью вспоминать имя Неваховича: въ своей книгѣ онъ первый изъ русскихъ евреевъ произнесъ во всеуслышанье горячее слово въ защиту единовѣрцевъ.

И если произведеніе Неваховича не привело въ то время къ какому либо практическому результату, то оно и по сію пору сохраняетъ извѣстное значеніе, какъ историко-литературный памятникъ.

Отдавъ въ апологетической части „Вопля дщери Іудейской" должную дань, быть можетъ, вліянію Ноткина, удѣливъ нѣсколько строкъ надеждамъ на полученіе гражданскихъ правъ, воодушевлявшимъ, повидимому, Перетца, Неваховичъ посвящаетъ остальныя страницы выраженію такихъ чувствъ и желаній, которыя, будучи раздѣляемы даже самой незначительной частью русскаго еврейства, все же несомнѣнно свидѣтельствуютъ о новомъ вѣяніи среди передовыхъ русскихъ евреевъ, вызванномъ ихъ сближеніемъ съ просвѣщенными русскими людьми. Вчитываясь въ эти страницы, можно предположить, что въ первые ряды борцовъ Неваховича толкнуло главнымъ образомъ пламенное желаніе, чтобы русское общество приняло въ свою среду евреевъ, если и не какъ полноправныхъ гражданъ, то хотя бы какъ „соотчичей", свободныхъ отъ презрѣнія и оскорбленій со стороны господствующаго населенія; пусть русское еврейство, согбенное подъ тяжестью правовыхъ ограниченій, влачитъ жалкое существованіе, но пусть русское общество признаетъ хотя бы за отдѣльными представителями еврейства въ Россіи завидное право считать и именовать себя *русскими*; общественное сближеніе и равенство въ образованныхъ слояхъ—вотъ

что, кажется, плѣняло больше всего Неваховича, какъ это плѣняло въ свое время прусскихъ евреевъ!

Неизвѣстно, когда именно пробудилась впервые въ Неваховичѣ симпатія ко всему русскому, но въ тотъ моментъ, когда онъ взялся за перо, чтобы написать „Вопль дщери Іудейской", онъ былъ *русскимъ гражданиномъ* не менѣе, чѣмъ евреемъ, и любовь его къ русскимъ не уступала по своей силѣ, если не превышала, его привязанности къ родному племени. „Любовь къ Государю и къ Отечеству, восхищеніе о нынѣшнихъ просвѣщенныхъ временахъ, удовольствіе и нѣкоторый родъ любочестія и гордыни, что могу наименовать Россіянъ соотчичами, и соболѣзнованіе, снѣдающее мою душу въ разсужденіи моихъ единоплеменниковъ—вотъ изображеніе духа, который водитъ здѣсь слабымъ перомъ моимъ" читаемъ мы въ предисловіи „отъ сочинителя".

При такой двойственности ничто не могло мѣшать Неваховичу, выразивъ въ прочувствованныхъ словахъ свое соболѣзнованіе несчастному Израилю, излить также свою любовь и привязанность, нѣсколько рабскую привязанность, къ сынамъ „народа знаменитаго, народа великаго", къ сынамъ столь нетерпимымъ къ евреямъ. Сомнѣваться въ искренности Неваховича нѣтъ основанія: сама раздвоенность, которая замѣчается въ его произведеніи, говоритъ за нее,—и это выгодно отличаетъ Неваховича отъ его прусскихъ собратьевъ; никто изъ прусскихъ евреевъ, получившихъ на паперти берлинскихъ церквей право гражданства, не обнаружилъ такой сыновней любви къ своему „отечеству", какъ Неваховичъ.

Въ 1803 г. Неваховичъ былъ уже вполнѣ подготовленъ къ своей будущей писательской дѣятельности; къ этому времени онъ успѣлъ познакомиться съ русской литературой; онъ читалъ и „Наказъ" Екатерины II, и сочиненія Карамзина; онъ зналъ также видныхъ нѣмецкихъ писателей, цитировалъ охотно Лессинга, но любимымъ его писателемъ былъ, очевидно, Мендельсонъ; въ 1804 г. Неваховичъ выпускаетъ книжку „Человѣкъ въ природѣ или переписка двухъ просвѣщенныхъ друзей", а въ 1805 г. печатаетъ въ „Лицеѣ" „Примѣчанія на рецензію касательно опыта Россійской исторіи Елагина". Возможно, что и въ 1803 г. Неваховичъ уже

печатался въ журналахъ [1]): „г. издатель принялъ уже нѣкоторые труды мои съ одобреніемъ“—говоритъ Неваховичъ въ „Примѣчаніяхъ“, вышедшихъ въ 1806 г. отдѣльнымъ изданіемъ [2]); онъ вращался, повидимому, въ литературныхъ кружкахъ, поддерживалъ литературныя знакомства,—нѣсколько лѣтъ спустя мы его видимъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ однимъ изъ наиболѣе популярныхъ драматическихъ писателей той эпохи—кн. А. А. Шаховскимъ, въ домѣ котораго часто собирались писатели и артисты. — Увлеченный новой для него жизнью, потерявъ въ ея водоворотѣ видимыя связи со своими единовѣрцами, даже съ членами столичной общины, Неваховичъ сталъ себя чувствовать русскимъ гражданиномъ, русскимъ писателемъ; въ его духовной жизни, повидимому, совершался переломъ, какъ вдругъ событія заставили его вспомнить, что онъ еврей. Доводы ли Натана Ноте и Перетца вынудили Неваховича выступить на защиту своихъ братьевъ по крови, или на него подѣйствовали нахлынувшія въ этотъ знаменательный для евреевъ моментъ воспоминанія дѣтства,—„Въ младенчествѣ моемъ,—говоритъ онъ,—слезы мои смѣшивались со слезами матери моей, разсказывавшей мнѣ съ горестію о тѣхъ ужасныхъ происшествіяхъ, сокрушавшихъ сердце народа“,—какъ бы нибыло, главнымъ стимуломъ послужили надежды на благопріятный результатъ комитетской работы. „Воображеніе мое объемлетъ дивную перемѣну жребія гонимаго до селѣ народа іудейскаго, порученнаго нынѣ промысломъ Всевышняго отеческому попеченію кроткаго генія Россіи“,—восклицаетъ Неваховичъ, и въ этомъ случаѣ становится понятнымъ, почему въ своемъ произведеніи онъ говоритъ болѣе всего объ общественной эмансипаціи евреевъ; въ связи съ законодательной эмансипаціей и даже частичнымъ улучшеніемъ правового положенія,—а объ этомъ хлопотали Натанъ Ноте и Перетцъ,—должны были измѣниться къ лучшему также условія экономической и духов-

---

[1]) Въ то время большинство статей появлялось въ журналахъ анонимно.

[2]) Книга „Прим. на рецензію касат. опыта Россійской исторіи Елагина„ издана по тому времени очень изящно; находящійся въ Пет. Пуб. Библ. экземпляръ, съ золотымъ обрѣзомъ, переплетенъ въ шелковую матерію, нынѣ выцвѣтшую, съ золотымъ тисненіемъ; очевидно онъ предназначался для какой либо высокой особы.

ной жизни евреевъ, и слѣдовательно единственно, что оставалось внѣ сферы правительственной власти—это отношеніе общества, въ особенности высшаго, къ представителямъ русскаго еврейства. Надеждами на лучшее отношеніе со стороны русскихъ людей можно объяснить тотъ заискивающій и льстивый тонъ, въ который Неваховичъ впадаетъ, когда обращается къ русскому обществу: „предъ вами, снисходительные и непоставляющіе себѣ за стыдъ быть собесѣдникомъ съ несчастной дщерію Израиля, не взирая на то, что я другаго племени, закона и униженнаго жребія; передъ вами, которые лишь только узрѣли лучи просвѣщенія, то въ то же самое мгновеніе исполнились духа терпимости, предъ вами я изливаю сердце мое“,—говоритъ дщерь Іаковля, обращаясь „къ Россіянамъ“.

„Никогда, никогда не перестану прославлять тѣхъ благотвореній Россійской державы,—торжественно обѣщаетъ Неваховичъ,—которыми осыпанъ народъ іудейскій...“

Трудно сказать, умышленно ли закрывалъ Неваховичъ глаза передъ дѣйствительностью, вѣря, что русское общество въ связи съ законодательной реформой станетъ терпимымъ по отношенію къ евреямъ,—вѣдь „отъ народа знаменитаго по быстрымъ и чрезвычайнымъ успѣхамъ, отъ народа великаго ожидаютъ великаго и чрезвычайнаго“—или же, въ восторженномъ преклоненіи предъ Россіей, онъ пересталъ видѣть правду.

Подобно любому русскому человѣку, Неваховичъ считалъ Россію своимъ отечествомъ. Личное сближеніе или дружба съ нѣкоторыми русскими людьми, возникшія на почвѣ просвѣщенія и литературы, вызвали въ Неваховичѣ глубокую привязанность ко всему русскому; Неваховичъ сталъ *русскимъ Моисеева закона* [1]). „Кто ясно понимаетъ и чувствуетъ, кому онъ обязанъ всѣмъ своимъ блаженствомъ и свободою,

---

[1]) Быть можетъ Натанъ Ноте, самъ владѣвшій русской грамотой, включилъ по собственной иниціативѣ въ программу еврейскихъ школъ изученіе русскаго языка, но настойчивость, съ которой онъ требуетъ распространенія русской рѣчи среди евреевъ, наводитъ на мысль, что онъ въ данномъ случаѣ находился подъ вліяніемъ восторженнаго поклонника всего русскаго—Неваховича. Любопытно, что Державинъ и Фризель уравняли для евреевъ русскій и польскій языки, проектъ же Ноткина требуетъ употребленія одной лишь русской рѣчи.

тотъ можетъ ли не пламенѣть любовью къ своему Государю и отечеству",—говоритъ онъ,—и дѣйствительно, не только настоящее и будущее Россіи, но и все ея прошлое ему дорого и свято; когда въ заграничномъ журналѣ появляется замѣтка, нѣсколько оскорбительная для исторіи Россіи, онъ пишетъ свои „Примѣчанія", въ которыхъ между прочимъ укоряетъ русскихъ въ томъ, что они „до сихъ поръ допускали еще иноземцамъ думать о нихъ такъ превратно и предосудительно". Переходя-же къ событіямъ внутренней жизни Россіи, онъ, какъ русскій патріотъ, съ энтузіазмомъ взираетъ на „возвышеніе державы на блистательнѣйшую степень торжества и благоденствія". И невольно кажется, что, призывая русскій народъ къ гуманности, онъ болѣе скорбитъ о томъ, что эта нетерпимость является пятномъ на свѣтломъ обликѣ Россіи, нежели о страданіяхъ евреевъ. Во всякомъ случаѣ и чувства русскаго патріота, и братская любовь къ евреямъ вызвали въ немъ страстное желаніе, чтобы правительство, даровавъ евреямъ гражданскія права, проложило путь къ сближенію сердецъ, „вѣками и свойствами разрозненыхъ".

Еврейская жизнь обратила на себя въ это время широкое вниманіе [1]),—авторы-христіане стали присылать разные „прожекты" еврейской реформы: большіе и малые по размѣрамъ, на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Литовско-гродненскій гражданскій губернаторъ Дмитрій Кошелевъ, отставной премьеръ-маіоръ Горновскій, коллежскій ассесоръ Крамеръ, коллежскій протоколистъ Северинъ Вихерскій, купецъ Шукрафтъ изъ Штудгардта, какой то „неизвѣстный"—представили государю плоды своихъ размышленій о евреяхъ, переданные въ комитетъ; при этомъ любопытно отмѣтить, что нѣкоторыя изъ указанныхъ записокъ были составлены до указа объ учрежденіи комитета, изъ чего можно заключить что въ

[1]) Въ письмѣ отъ 18 Апрѣля 1804. гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ просилъ изъ Москвы Державина прислать „Мнѣніе". (Ак. изд. Державина, письмо № 1033).—Въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 28 февраля 1809 г. Карамзинъ упоминаетъ о евреяхъ; по этому поводу Тургеневъ отмѣчаетъ въ выноскѣ, что онъ въ то время занимался вопросомъ о евреяхъ, интересовавшемъ правительство. (Москвитянинъ. 1855. № 1, стр. 56).

ціальномъ мірѣ обвинитель евреевъ, Державинъ, признался въ частномъ письмѣ, что „жидовъ въ полной мѣрѣ обвинять также не можно, что они для пропитанія своего извлекаютъ послѣдній отъ крестьянъ кормъ“.

Такимъ образомъ, комитетъ не могъ не замѣтить, что обстоятельства, сопровождавшія проживаніе значительной части еврейскаго населенія въ уѣздахъ, требовали своего изученія не только съ точки зрѣнія крестьянскихъ, но и еврейскихъ интересовъ, ибо это скопленіе евреевъ въ уѣздѣ влекло за собою для нихъ такія же послѣдствія, какъ и для крестьянъ.

Передъ взоромъ комитета бурлила во всемъ своемъ стихійномъ ужасѣ мутная жизнь, уносившая добро крестьянъ и топившая самихъ евреевъ, и можно было ожидать, что основываясь на совокупности всѣхъ ея явленій, комитетъ предложитъ мѣры къ спасенію, какъ крестьянъ, такъ и евреевъ. Но нѣтъ — комитетъ остался глухъ къ стонамъ гибнувшихъ евреевъ, остался равнодушенъ къ еврейской массѣ, безсильной бороться съ заливавшей ее волной нищеты. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ комитетъ не повѣдалъ повѣсти еврейскихъ страданій, а скрывъ правду жизни, оставилъ еврея въ представленіи правительства тѣмъ злонамѣреннымъ виновникомъ бѣдствія крестьянъ, безнаказанно пользовавшимся обильными плодами своей вредоносной дѣятельности, какимъ рисовали его тѣ, кто не зналъ сущности еврейскаго вопроса въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ.

Это было злое дѣло, и тѣмъ ужаснѣе, что оно было совершено людьми, не настроенными враждебно въ отношеніи евреевъ, людьми образованными, обнаружившими въ другіе моменты благородныя стремленія:—если эти люди не совладали съ возложенной на нихъ общественной задачей, которой, несомнѣнно, соотвѣтствовалъ ихъ культурно-нравственный уровень, то только вслѣдствіе недостатка въ нихъ гражданскаго мужества.

Комитетъ не рѣшился остановить вниманія правительства на основной причинѣ бѣдствія — крѣпостничествѣ, и вотъ почему въ фокусѣ всѣхъ крестьянскихъ бѣдъ оказался еврей. И такое извращеніе соціально-экономической перспективы было допущено комитетомъ не только изъ поли-

по благородству личности, такъ и по качествамъ его трудовъ. Конечно, евреи въ Россіи и до него излагали на бумагѣ свои нужды, но эти документы, написанные отъ лица цѣлаго общества, носятъ характеръ жалобъ.

Вскорѣ вслѣдъ за Натаномъ Ноте выступили въ 1799—800 гг. со своими проектами нѣкіе Вольвицицъ и Исаакъ Авраамъ; эти труды по своему содержанію мало касаются евреевъ, но они именно тѣмъ и любопытны, что въ запискѣ Вольвицица, на ряду съ пунктами, трактующими о еврейскихъ интересахъ, имѣются и такіе, которые относятся къ вопросамъ общегосударственнаго свойства, проектъ же Исаака Авраама всецѣло посвященъ общегосударственной мѣрѣ—искорененію ложныхъ банкротствъ.

Если вообще появленіе проектовъ, принадлежащихъ перу евреевъ, свидѣтельствуетъ, что русскіе евреи жили далеко не такъ оторвано отъ русской жизни, какъ принято утверждать, то обстоятельство, что уже въ концѣ 18-го в. еврей Вольвицицъ написалъ проектъ, „сравнительно обширный по объему и весьма разнообразнаго содержанія", обнимающій „цѣлый рядъ смѣло задуманныхъ мѣръ фискально-экономическаго свойства", [1]) еще болѣе подтверждаетъ мнѣніе, что неблагопріятныя условія быта евреевъ не могли убить въ послѣднихъ естественнаго стремленія *сжиться* съ окружающимъ населеніемъ; каковы бы ни были мотивы, вызвавшіе указанные проекты, ихъ авторы должны были быть знакомы по крайней мѣрѣ съ торгово-промышленной стороной русской жизни, а чтобы подать на высочайшее имя трудъ по обще-государственному вопросу—нужно было чувствовать себя не чужимъ въ странѣ, имѣть благопріятное мнѣніе о предержащей власти, быть увѣреннымъ, что принадлежность автора къ еврейству не будетъ служить помѣхой для труда въ высшихъ сферахъ.

Незначительность матеріаловъ не позволяетъ сдѣлать твердые выводы о взаимоотношеніи между евреями и ихъ сосѣдями, но всматриваясь въ событія этого прошлаго, можно все же замѣтить, что религіозная нетерпимость и непріязнь, такъ печально отражавшіяся на юридическомъ положеніи евреевъ, не могли нарушить тѣхъ чисто-

---

[1]) Ibid.

житейскихъ отношеній, которыя вызывались сожитіемъ на одной и той же территоріи; внѣ синагоги и церкви еврей и нееврей становились мирными сосѣдями; вотъ почему религіозная нетерпимость рѣдко выражалась въ то время въ какихъ либо насильственныхъ дѣйствіяхъ и тогдашняя жизнь евреевъ не оглашалась страшными раскатами погромовъ. Пусть еврей былъ смѣшенъ въ глазахъ сосѣдей, и даже ненавистенъ—его терпѣли, съ нимъ уживались, хотя, конечно, не изъ гуманныхъ чувствъ, а изъ утилитарныхъ цѣлей.

Нѣкоторый свѣтъ на затронутую эпоху бросаютъ два рукописныхъ произведенія обывателей-христіанъ: „Мнѣніе отставного премьеръ-маіора и кавалера Горновскаго объ употребленіи евреевъ и якутовъ для пользы государственной“ и „Проектъ о евреяхъ коллежскаго протоколиста Северина Вихерскаго“.

Личность этихъ радѣтелей не должна вызывать въ евреяхъ благодарной памяти о нихъ. Вопреки увѣреніямъ авторовъ въ своемъ „искреннѣйшемъ усердіи ко благу Россійскаго государства“, ихъ гражданскіе подвиги были вызваны соображеніями, не свободными отъ корысти; премьеръ-маіоръ Горновскій „не почитая, въ отставкѣ будучи, себя уволеннымъ отъ долга вѣрноподданнаго быть отечеству полезнымъ въ чемъ можно“, не забываетъ „поручить и себя высокомонаршему благоволѣнію“; Вихерскій, правда, не высказываетъ такъ прозрачно своихъ вожделѣній, но характеръ его труда наводитъ на мысль, что, подобно Горновскому онъ преднамѣренно писалъ свой проектъ въ духѣ времени, расчитывая заслужить благоволеніе правительства.

И достойно вниманія то обстоятельство, что эти записки, по своему происхожденію относящіяся къ болѣе раннему періоду, чѣмъ Положеніе 1804, носятъ на себѣ ту-же характерную окраску, какъ и этотъ законодательный памятникъ.

Нельзя, конечно, даже на мгновенье допустить мысль, чтобы въ основу дѣятельности комитета были положены эти двѣ записки никому неизвѣстныхъ обывателей; но увидя въ дальнѣйшемъ, что еврейскій комитетъ не выполнилъ принятой на себя задачи и въ своей работѣ не возвысился надъ окружающей средой, можно будетъ придти къ заключенію, что тождественная тенденція, проходящая красной нитью чрезъ Положеніе и сочиненія обоихъ ра-

дѣтелей, являлась вообще характерной для того времени что она лежала въ основѣ отношенія къ евреямъ какъ со стороны правительства, такъ и общества. Поэтому, хотя реформы, предложенныя авторами, не блещутъ оригинальностью, точка зрѣнія, съ которой они разсматриваютъ положеніе евреевъ, не указываетъ на ихъ пріязнь къ нимъ, и, вообще, поверхностно знакомые съ затронутымъ вопросомъ авторы, не мудрствуя, излагали на бумагѣ лишь одни ходячія мнѣнія и представленія о евреяхъ,—тѣмъ не менѣе,—вѣрнѣе: именно потому,—эти записки являются любопытнымъ памятникомъ того времени.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, задумавъ измѣнить положеніе евреевъ, правительство руководилось не столько желаніемъ улучшить бытъ самихъ евреевъ, сколько стремленіемъ воспользоваться ими для выгоды остального населенія еврей не разсматривался какъ человѣкъ, имѣющій право на болѣе или менѣе сносное экономическое и нравственное существованіе; онъ интересовалъ правительство лишь на столько, на сколько съ одной стороны—онъ являлся вреднымъ, съ другой—полезнымъ для своихъ сосѣдей; было признано, что по существу еврей—благодѣтельная для страны производительная сила, которая, однако, при отсутствіи особенно строгаго регулированія, можетъ стать пагубной. Поэтому, предоставивъ еврейскому населенію незначительныя права, которыми оно фактически не могло воспользоваться комитетъ выработалъ въ то же время рядъ постановленій имѣвшихъ цѣлью „обезвредить“ еврея, иначе говоря—рядъ ограничительныхъ мѣръ; въ ту эпоху врядъ ли искренняго либерализма въ Россіи, дарованіе евреямъ ничтожныхъ правъ должно было служить фиговымъ листомъ. плохо скрывавшимъ, однако, непріязнь и недовѣріе къ нимъ со стороны правительства.

Эта съ трудомъ сдерживаемая враждебность и склонность вводить въ жизнь евреевъ такія реформы, которыми достигались не ихъ, а чужіе интересы—наложили свой отпечатокъ и на записки обоихъ авторовъ. Зная „обычаи, нравственность и пристрастіе евреевъ, народа остающагося по нынѣ безъ вниманія относительно общественной пользы“, Вихерскій предлагаетъ средство для „содѣланія ихъ полезнѣйшимъ для общественной государственной пользы“. Та же заботливость

воодушевляла Горновскаго, замѣчающаго, что „какъ отъ оной (еврейской націи) не токмо нѣтъ государству тѣхъ пользъ, которыя быть бы могли, но напротивъ того во многихъ частяхъ величайщій вредъ, то и побуждаюсь я, долгомъ усерднаго вѣрноподданнаго, представить о томъ слабое мое замѣчаніе“.

Обоимъ авторамъ мнилось, что евреи въ Россіи находятся въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Съ первыхъ же словъ нашъ премьеръ-маіоръ подчеркиваетъ, что въ Россіи „сдѣлалась терпима нація (еврейская), по прежнимъ узаконеніямъ нетерпимая“, а нѣсколькими строками ниже онъ гнѣвно скорбитъ, что евреи, преимущественно предъ другими, не несутъ воинской повинности натурою, а избавляются отъ нея выкупомъ, и это обстоятельство приводитъ его въ такое негодованіе противъ евреевъ, что, отбросивъ ранѣе употребленное слово „еврей“, онъ обрушивается на нихъ презрительной кличкой „жидъ“. „Я дѣлаю заключеніе,—пишетъ Горновскій,—когда всѣ націи въ Россіи даютъ рекрутъ, то почему съ однихъ жидовъ взимаютъ въ двое деньгами за рекрута? И за что они таковыми выгодами пользуются противъ Россіянъ? Россіянинъ въ четверо заплатитъ противъ жида, освободи только его отъ рекрутства: но какъ сего безъ крайней разстройки арміи сдѣлать нельзя, то уже кажется и натуральный законъ долженъ дать Россіянину противъ жида преимущество слѣдующее. Если во всемъ государствѣ *изъ пятисотъ человѣкъ должно будетъ поставить одного рекрута, то непремѣнно будетъ брать отъ толикаго же числа пятерыхъ жидовъ*“; и обрекая въ сравненіи съ христіанами много лишнихъ тысячъ евреевъ на такую жизнь, отъ которой коренной русскій хотѣлъ бы избавиться заплативъ въ четверо болѣе, чѣмъ платилъ по принужденію еврей, — авторъ съ трогательной заботливостью указываетъ на тѣ выгоды, которыя произойдутъ отъ сего для самихъ евреевъ; между прочимъ онъ отмѣчаетъ, что еврейскія семейства „съ умаленіемъ своихъ членовъ возъимѣютъ меньше тягостей къ продовольствію своему“, какъ бы забывая что рекрутчина вырветъ изъ еврейскихъ рядовъ самыхъ сильныхъ и молодыхъ людей, т. е. лучшихъ работниковъ и кормильцевъ.

Впрочемъ, рекомендуя усиленный наборъ евреевъ, премьеръ-

маіоръ спѣшитъ оговорить, что „ежели по робкимъ сей націи свойствамъ нельзя надѣяться (на) способности къ военнымъ ополченіямъ“, то можно ихъ опредѣлять на различныя нестроевыя службы; Вихерскій также не пытается ввести ихъ въ строй, замѣчая, что евреи могутъ быть полезны „при артиллерійскихъ подводахъ, лошадяхъ и обозахъ“.

Вихерскому положеніе евреевъ кажется еще болѣе благопріятнымъ; еврейская нація въ Россіи „не только что терпится, но подобно всякому другому гражданству имѣетъ для себя защиту. Каждая часть гражданствъ въ государствѣ—продолжаетъ авторъ,—имѣя свои права и преимущества, стяжаетъ оныя не подъ видомъ гостепріимства, но взаимными за то обязательствами. Сихъ послѣднихъ, то есть какова они рода и въ чемъ состоятъ въ разсужденіи всѣхъ сохранительныхъ и обогащающихъ государство связей не встрѣчаемъ мы со стороны евреевъ“; выходитъ, что все ихъ право на покровительство „имѣетъ совершенно видъ единаго гостепріимства“. Очевидно, платя двойныя подати, принимая участіе во внутренней и внѣшней торговлѣ, занимаясь ремесленнымъ трудомъ, еврей, на взглядъ сосѣдей, все еще не исполнялъ своего долга предъ государствомъ: ему ставилось въ вину, что онъ уклоняется отъ земледѣлія и скотоводства, мало учавствуетъ въ фабричной дѣятельности страны и не несетъ военныхъ тягостей, и потому ему вмѣнялось въ обязанность обратиться къ этимъ отраслямъ труда и надѣть солдатскую шинель. Тогда онъ станетъ полезнымъ!

Исходя изъ такой общей точки зрѣнія, оба автора одинаково, словно по трафарету, сперва описываютъ матеріальное и нравственное убожество евреевъ, вредно вліяющее на остальное населеніе, засимъ излагаютъ необходимыя реформы и въ заключеніе выражаютъ увѣренность, что „государство почувствуетъ ощутительную пользу“ отъ евреевъ.

Можно было бы думать, что желая произвести впечатлѣніе на правительство, авторы, рисуя экономическое положеніе евреевъ, сгустили краски, дабы тѣмъ самымъ стала очевиднѣе польза, ожидавшаяся отъ предложенныхъ ими мѣръ, но, сравнивая эти записки съ другими современными документами, нужно заключить, что набросанная авторами картина бѣдствій евреевъ соотвѣтствовала дѣйствительности.

Однако, мрачно изображая жизнь евреевъ, авторы имѣ-

ютъ въ виду не еврея-страдальца. Не зная историческаго прошлаго евреевъ въ Польшѣ, они, какъ и другіе русскіе люди, напр. Фризель, полагали, что лишь „праздность служитъ колыбелью“ ихъ бѣдности; они полагали, что евреи уклонялись отъ заботъ правительства „дабы усредоточить въ себѣ“ эту праздность. Такимъ образомъ, принося вредъ странѣ, евреи являлись въ глазахъ окружающихъ какъ бы злонамѣренными преступниками; поэтому-то нищета и невѣжество евреевъ интересовали авторовъ лишь настолько, насколько таковыя вредно отзывались на прочемъ населеніи; страданія евреевъ, отмѣченныя въ запискахъ, не вызывали сочувствія въ нашихъ двухъ радѣтеляхъ.

Съ такими то чувствами къ еврейскому населенію приступили авторы къ изложенію желанныхъ на ихъ взглядъ мѣропріятій. Ихъ предложенія не отличаются новизной; если исключить рекрутчину, въ обѣихъ запискахъ останется лишь то, что встрѣчается въ другихъ документахъ, посвященныхъ вопросу о евреяхъ. Авторы предлагаютъ поселить евреевъ-земледѣльцевъ на казенныхъ земляхъ „при хозяйственномъ присмотрѣ“, „при строгомъ наблюденіи“ за ними; что же касается купцовъ, то въ зависимости отъ размѣра капитала, какой у каждаго имѣется, однимъ евреямъ разрѣшить повсемѣстную торговлю, другимъ—только въ указанныхъ границахъ; остальныхъ же евреевъ или обратить въ земледѣльцевъ, или же раздѣлить на партіи сообразно ремесламъ, и опредѣлить „въ число казенныхъ работниковъ“ [1]) (повидимому закрѣпостить).

---

[1]) Какъ бы для того, чтобы отдать дань времени и не выставить себя врагомъ евреевъ, Горновскій, говоря о поселеніи евреевъ на пустопорожнихъ казенныхъ земляхъ, замѣчаетъ въ скобкахъ: „отнюдь безъ принужденія, а съ добраго согласія“. Вообще оба автора пекутся о добротѣ тѣхъ людей, отъ которыхъ будутъ зависѣть евреи на казенныхъ земляхъ и заводахъ, и это, повидимому, потому, что оба радѣтеля считали себя подходящими для этихъ должностей. По словамъ Горновскаго, все дѣло переселенія евреевъ будетъ зависѣть „отъ выбора дѣятельныхъ и добродѣтельныхъ надзирателей, посредствомъ чего при строгомъ наблюденіи сколько за новыми поселенцами, а не менѣе того и за самими приставленными къ онымъ смотрителями, чтобъ были они прямыми и усердными попечителями и такъ сказать отцомъ чадъ своихъ, а не утѣснителями изъ какихъ либо стяжательныхъ своихъ видовъ“.

Утилитарный взглядъ на евреевъ сразу охватываетъ широкій горизонтъ: какія только выгоды не произойдутъ отъ этого народа! По словамъ одного автора—предстоитъ „открытіе чрезъ хлѣбопашество въ нѣдрахъ земныхъ совершенныхъ и неисчерпаемыхъ богатствъ"; страна покроется,—рисуетъ грядущее другой авторъ,—суконными, шелковыми и другими фабриками; изъ евреевъ можно будетъ „завесть въ государствѣ (особую) вѣтвь рукодѣлія и весьма избыточную", оказывается, что среди евреевъ имѣются „рѣзчики, вышиватели золотомъ и серебромъ, скорняки, мѣдники, литейныхъ дѣлъ мастера, сѣдельники, слесари, ткачи", и, слѣдовательно, можно устроить разныя фабрики и заводы, распредѣливъ по нимъ евреевъ въ качествѣ казенныхъ рабочихъ. Тутъ автора охватываетъ патріотическій экстазъ и, блюдя казенный интересъ, онъ немедленно же принимаетъ мѣры къ охранѣ казеннаго имущества, т. е. самихъ евреевъ, и приставляетъ къ нимъ надсмотрщиковъ, обязанныхъ защищать ихъ отъ казенныхъ рабочихъ-христіанъ.

Однако, въ перспективѣ имѣются еще и другія выгоды. „Распредѣленіе евреевъ по фабрикамъ Россіи умножило бы современемъ и число народу во внутренности Россіи и они бы не столь удобно какъ теперь ускальзывать могли отъ платежа податей (!)... Многія земли, которыя до сихъ поръ въ разсужденіи своихъ избытковъ остаются такъ сказать еще неисчерпаемыми, какъ напр., содержащія въ себѣ фарфоровую глину, разныя красильныя травы и тому подобное, будутъ евреями при разрываніи оныхъ обнаружены... Частыя вновь появляющіяся мѣстечки или поселенія и тѣмъ уже выгоды принесутъ для государства, что проходящіе войска чрезъ степи или гдѣ деревни весьма рѣдки не будутъ уже претерпѣвать нужды... Убавленіе же сего народа въ Польшѣ сдѣлало бы тамъ крестьянъ самихъ ремесленниками отъ чего совершенно по сіе время евреи ихъ отвращали"... Даже отъ еврея-солдата проистекутъ выгоды для государства; евреи оказываются очень полезными при артиллерійскихъ лошадяхъ и обозахъ; „природная способность евреевъ обращаться съ лошадьми" служитъ „поручительствомъ о возможности и о успѣхѣ сего упражненія", Помимо сего, евреи служили бы „расторопнѣйшими" деньщиками, „проворными и дѣло свое знающими погоньщиками"

и „курьерами для посылокъ“, а засимъ „прибудетъ изъ нихъ въ полкъ всякаго рода искусныхъ ремесленниковъ“.

Въ результатѣ оказывается, что эта „зловредная“ нація можетъ принести государству многообразную пользу. Вообще евреи, „кромѣ того, что законъ не воспрещаетъ имъ быть земледѣльцами, рукомесленными людьми и фабрикантами, имѣютъ въ себѣ врожденныя дарованія (можно такъ сказать) ко всему способны“. Такихъ людей и плоды ихъ трудовъ, принадлежащія имъ деньги, надо, конечно, удержать въ странѣ. А между тѣмъ носятся слухи, что евреи ежегодно отправляютъ заграницу значительныя суммы и, какъ говорятъ, въ Іерусалимъ, иначе „куда дѣваются тѣ страшныя суммы золота и серебра, которыя переходятъ чрезъ ихъ руки и которыя, достигнувъ Польши, нѣкоторымъ образомъ какъ бы въ нѣкоей пропасти исчезаютъ?“.— Автору становится очевиднымъ, что евреи только и помышляютъ о томъ, какъ бы выселиться изъ Россіи; онъ забываетъ, что бѣдственное положеніе евреевъ дѣлало эти слухи неправдоподобными. Къ тому же автору рисуется, что евреи избѣгаютъ заботъ правительства—„дабы усредоточить въ себѣ непричастіе и заслоняемую старыми обрядами и завѣщаніемъ праотцевъ несоотвѣтственность положеніямъ тѣхъ государствъ“, въ коихъ они обрѣтаются; ему мнится, что евреи всѣхъ государствъ такъ тѣсно сплочены между собою, что они считаютъ себя чужими въ той странѣ, гдѣ живутъ, и что поэтому русскіе евреи не сблизятся съ окружающимъ ихъ населеніемъ. И вотъ, въ виду всего указаннаго Вихерскій и рекомендуетъ насильственную мѣру, „пресѣченіе или лучше уменьшеніе ихъ сношеній съ иностранными государствами, а особливо не выпуская евреевъ болѣе за предѣлы, кромѣ единственно тѣхъ, коихъ торги подобно россійскимъ купцамъ не подвержены сомнѣнію. Для сего бы нѣкоторымъ образомъ нужно было нѣсколько поотдалить отъ предѣловъ болѣе во внутрь земли“ [1]).

[1]) Авторамъ казалось, что еврейскій народъ „уже природную имѣетъ склонность къ новостямъ“ и поэтому „сопредѣльнымъ сосѣдямъ можетъ подать всякія извѣстія“; поэтому одинъ изъ нихъ предлагаетъ при удаленіи евреевъ отъ границы „оставить при таможняхъ нѣсколько изъ такихъ, которыхъ преданность будучи извѣстна, можно бы къ выгодѣ государственной употребить въ развѣдываніи о заповѣдныхъ товарахъ и тому подобнаго“.

тѣхъ причинъ, которыя заставляли евреевъ опасливо относиться къ новшеству, и отъ измѣненія гражданскаго быта евреевъ въ такомъ направленіи, которое привело бы ихъ къ необходимости примкнуть къ общему просвѣщенію.

Комитетъ это понималъ. Успокоивъ еврейское общество постановленіемъ, чтобы никто изъ еврейскихъ дѣтей не былъ въ школахъ „ни подъ какимъ видомъ отвлекаемъ отъ своей религіи, ни принуждаемъ учиться тому, что ей противно и даже несогласно съ нею быть можетъ", комитетъ даже пообѣщалъ, что евреи, „кои способностями своими достигнутъ въ университетахъ извѣстныхъ степеней отличія въ медицинѣ, хирургіи, физикѣ, математикѣ и другихъ знаніяхъ, будутъ въ оныхъ признаваемы и производимы въ университетскія степени наравнѣ съ прочими россійскими подданными", — но кромѣ этой бѣдной дани—дани въ будущемъ—комитетъ ничего не сдѣлалъ для осуществленія просвѣтительной мѣры. Правда, чтобы принудить евреевъ усвоить одну изъ „европейскихъ" грамотъ—русскую, польскую или нѣмецкую—комитетъ постановилъ, чтобы черезъ три года на городскія должности, а черезъ восемь лѣтъ въ раввины и члены кагала избирались лишь тѣ евреи, которые читали и писали на одномъ изъ указанныхъ языковъ—какъ будто можно было ожидать, что въ теченіе этого срока взрослое дѣловое еврейское населеніе сумѣетъ изучить грамоту чуждаго языка. Единственный же путь привлеченія евреевъ къ общему просвѣщенію—улучшеніе ихъ гражданскаго и общественнаго положенія,—оказался въ глазахъ комитета загроможденнымъ чужими „интересами".

Въ отношеніи преобразованія общественно-гражданскаго быта евреевъ документы комитета выдвигали два вопроса: объ участіи ихъ въ широкой области сословно-городского общественнаго управленія и о податяхъ.

Впервые ограниченіе евреевъ въ выборномъ правѣ послѣдовало, какъ было выше указано, при Екатеринѣ II, когда въ нѣкоторыхъ губерніяхъ евреямъ было разрѣшено участвовать въ органахъ общественнаго самоуправленія лишь въ одной трети голосовъ. Позже сенатъ распространилъ такой порядокъ на всѣ губерніи съ еврейскимъ населеніемъ, при чемъ одновременно было установлено новое ограниченіе

въ отношеніи занятія евреями должностей въ сословно-городскихъ учрежденіяхъ; тогда же евреи были выдѣлены въ особую избирательную группу: избирая только своихъ немногочисленныхъ представителей, они утратили вліяніе на выборы болѣе многочисленныхъ христіанскихъ представителей. Въ результатѣ роль и общественная сила евреевъ въ сословно-городскомъ самоуправленіи были значительно умалены. Но въ исключительномъ положеніи оказались евреи въ литовскихъ губерніяхъ: по ходатайству мѣстныхъ христіанскихъ городскихъ обществъ, ссылавшихся на свои старинныя привилегіи, мѣстные евреи были совершенно устранены отъ общественной самодѣятельности.

Вопросъ о правахъ евреевъ, какъ членовъ торгово-промышленнаго класса, находился въ тѣсной связи съ вопросомъ объ ихъ автономіи; только потому, что со вступленіемъ всей своей массой въ составъ торгово промышленнаго класса евреи получили извѣстныя гражданскія права, которыми, такъ сказать, покрывались права, вытекавшія изъ автономіи, послѣдняя была въ значительной степени урѣзана. При такомъ условіи, имѣй комитетъ въ виду лишь „упорядочить“ еврейскую жизнь, возстановить въ ней равновѣсіе, нарушенное безсистемнымъ законодательствомъ Екатерины II, онъ могъ бы сдѣлать выборъ между двумя путями: или укрѣпить внутреннюю силу еврейскаго населенія, т. е., возсоздать автономію его, или же дать еврейскому населенію внѣшнюю силу, именно расширить его гражданскія права. Если же комитетъ желалъ дать евреямъ тѣ „выгоды и уваженіе“, которыми пользовались христіане, то предъ нимъ былъ только второй путь, такъ какъ возрожденіе стараго кагала не соотвѣтствовало задачѣ комитета сблизить евреевъ съ христіанами въ общественной и гражданской жизни. Дѣйствительно, комитетъ вмѣсто прежнихъ полномочій кагала возложилъ на него одну только функцію: собирать съ евреевъ подать и бездоимочно вносить ее въ казну,—и предоставилъ кагалу лишь одно право: распоряжаться, подъ контролемъ правительства, суммами, принадлежавшими еврейскимъ обществамъ. Такимъ образомъ, во внѣшней еврейской жизни кагалъ объединялъ евреевъ—вѣрнѣе сковывалъ ихъ круговой порукой—въ одномъ лишь податномъ отношеніи; во внутренней же жизни кагалъ

„Надлежало, наконецъ, положить мѣру симъ злоупотребленіямъ. Надлежало взойти къ самому первому ихъ началу, исправить зло въ самомъ его корнѣ, и средствами, сколь можно, умѣренными, но дѣйствительными, остановить вредное его распространеніе. Сіе было основаніемъ Высочайшаго указа 9 ноября 1802 года и главнымъ предметомъ установленія комитета".

Вполнѣ естественно, что правительство, не зная дѣйствительнаго положенія вещей въ бывшемъ польскомъ краѣ, обратило вниманіе комитета главнымъ образомъ на послѣдствія, которыя имѣло для крестьянъ скопленіе евреевъ въ уѣздахъ и ихъ занятія виннымъ промысломъ. Въ иныхъ условіяхъ находился въ этомъ отношеніи комитетъ; документы, поступившіе въ его распоряженіе, рисовали печальную картину не одной лишь крестьянской, но и еврейской жизни.

Мѣстныя власти съ рѣдкимъ единодушіемъ констатировали нищету еврейскаго населенія. Винокуреніе и корчемство, вызывавшія столько нареканій и, вѣроятно, проклятій на евреевъ, не спасало ихъ отъ голода. Волынскій, подольскій и минскій генералъ-губернаторъ сообщалъ, что въ его краѣ шинкари „не имѣютъ насущнаго съ семействами ихъ пропитанія"; литовскій губернаторъ указывалъ, что въ корчмахъ сидятъ женщины, такъ какъ мужчины уходятъ на другіе промыслы, „поелику доходъ съ шинка часто бываетъ недостаточенъ на ихъ содержаніе"; кіевскій губернаторъ обращалъ вниманіе высшей власти на то, что евреи не только не могутъ уплачивать подать, „но и сами содержать себя не могутъ", а Державинъ свидѣтельствовалъ, что бѣлорусская еврейская масса находится „въ крайнемъ изнуреніи и нищетѣ и таковыхъ суть большая часть".

Ясно было, что евреи являлись такой же жертвой мѣстныхъ и общихъ соціально-экономическихъ условій, какъ и крестьяне; факты жизни, собранные въ документахъ, вполнѣ достовѣрно и краснорѣчиво говорили о томъ, что если обвиненіе евреевъ въ причиненіи вреда крестьянамъ и не было ложнымъ, то во всякомъ случаѣ евреи это дѣлали не по злой волѣ, а въ силу необходимости, въ состояніи самообороны противъ голодной смерти, что они нуждались въ сочувствіи и помощи. Даже самый суровый въ оффи-

шенно „внѣ закона и общества“ оказались литовскіе евреи, ничего не получившіе взамѣнъ былой автономіи.

Какъ и въ дѣлѣ просвѣщенія, комитетъ пообѣщалъ евреямъ *въ будущемъ* самые ничтожные плоды гражданскаго обновленія: „евреи, отличившіеся знаніями или важными государству заслугами, будутъ соразмѣрно тому отличаемы и награждаемы“,—а, между тѣмъ, въ цѣляхъ того же культурнаго подъема еврейскаго общества, комитетъ не остановился предъ такимъ требованіемъ, какъ напр., чтобы избираемые на городскія должности евреи знали русскую, польскую, или нѣмецкую грамоту,—требованіемъ, крайне несправедливымъ, такъ какъ сплошь да рядомъ общественныя должности занимались неграмотными христіанами.

Такимъ же образомъ комитетъ поступилъ и въ вопросѣ о двойной еврейской подати.

Эта подать влекла за собою двоякое зло для евревъ: она давила ихъ не только матеріально, но и нравственно. Но съ одной стороны уравненіе евреевъ съ христіанами въ податномъ отношеніи уменьшило бы рессурсы страны и ихъ пришлось бы пополнить средствами остального мѣстнаго населенія,—съ другой стороны, какъ можно думать, комитетъ рѣшилъ воспользоваться двойной податью, какъ орудіемъ для привлеченія евревъ къ производительному труду, долженствовавшему, по мысли комитета, устранить ихъ отъ винокуренія и корчемства, вредныхъ для христіанъ, — и онъ оставилъ на евреяхъ несправедливую и обидную тяготу, пообѣщавъ, что „когда всѣ вообще евреи въ земледѣліи, мануфактурахъ и купечествѣ окажутъ постоянное направленіе и прилежаніе (какъ будто торговля не находилась въ томъ краѣ почти всецѣло въ рукахъ евреевъ!) правительство пріиметъ тогда мѣры уравнять ихъ подать со всѣми другими подданными“.

Та же система отступленія предъ чужими „интересами“ и принятія принудительныхъ мѣръ противъ евреевъ, хотя бы это въ корнѣ подрывало будущую реформу, была примѣнена комитетомъ и въ отношеніи евреевъ, жившихъ на помѣщичьихъ земляхъ.

Евреи никогда не были въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, и такъ какъ общее политическое настроеніе либеральныхъ друзей государя противорѣчило крѣпостни-

тическихъ соображеній, запрещавшихъ касаться того, на чемъ покоилось благополучіе государства, но изъ опасенія выступить противъ извѣстной общественной силы, которую представляли собою землевладѣльцы.

Признавъ евреевъ виновниками бѣдственнаго положенія крестьянскаго населенія, виновниками сытыми и жадными, комитетъ нанесъ имъ—глубокій и длительный—нравственный и матеріальный ударъ.

„По жалобамъ многократно къ Намъ и въ Правительствующій Сенатъ доходившимъ на разныя злоупотребленія и безпорядки во вредъ земледѣлія и промышленности обывателей въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ евреи обитаютъ, происходящія—гласилъ именной указъ о введеніи въ дѣйствіе. Положенія [1])—признали мы нужнымъ... составить особый Комитетъ... для избранія средствъ къ исправленію настоящаго евреевъ положенія".

Необходимость еврейской реформы была такимъ образомъ громогласно объяснена не тяжкими условіями, въ которыхъ жили евреи, а тѣмъ вредомъ, который евреи по злой волѣ наносили сосѣдямъ, или по меньшей мѣрѣ — редакція указа неясна—тѣми печальными послѣдствіями, которыя еврейская жизнь влекла за собою для христіанъ. И это оскорбительное для евреевъ игнорированіе ихъ насущной потребности, эта забота правительства о евреяхъ, не простирающаяся далѣе того, чтобы сдѣлать ихъ безвредными для другихъ, на долгое время легла съ этого времени въ основу русскаго законодательства о евреяхъ. При такихъ условіяхъ еврейская реформа должна была естественно направляться въ сторону не еврейскихъ, а чужихъ интересовъ, и, подобно тому, какъ въ мышеловку кладутъ кусокъ жира, чтобы заманить звѣрька, а не накормить его, въ еврейскую реформу вносился „благожелательный элементъ"—обѣщаніе культурнаго возрожденія—лишь для болѣе успѣшнаго достиженія цѣли и маскированія дѣйствительнаго характера новаго законодательнаго акта.

Такъ было съ реформой 1804 г., такъ было и съ позднѣйшими.

Правда, принимая во вниманіе, что комитетъ зналъ дѣй-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXVIII, № 21547.

Изъ отдѣльныхъ моментовъ еврейской жизни, разсмотрѣнныхъ комитетомъ съ точки зрѣнія моральнаго и общественнаго обновленія еврейскаго населенія, два момента— привлеченіе евреевъ къ производительному труду и сохраненіе двойной подати—носили по преимуществу экономическій характеръ. Но комитетъ, не коснувшись вовсе въ своемъ докладѣ матеріальнаго положенія евреевъ, разрѣшилъ эти вопросы лишь въ смыслѣ принятія въ отношеніи евреевъ исправительной мѣры. Между тѣмъ экономическое значеніе этихъ мѣропріятій, самихъ по себѣ важныхъ въ дѣлѣ еврейской реформы, усугублялось тѣмъ, что они находились въ тѣсной связи съ другой, еще болѣе сложной и важной мѣрой, долженствовавшей лечь въ основу будущаго законодательства о евреяхъ, мѣрой, по существу экономической, къ которой однако комитетъ подошелъ опять таки только со стороны ея „исправительнаго" значенія.

Рѣчь идетъ о проживаніи евреевъ въ селахъ и деревняхъ и о питейныхъ промыслахъ и арендахъ.

Въ матеріалахъ комитета этотъ вопросъ имѣлъ свою исторію. Запретивъ русскому купечеству и мѣщанству, въ видахъ развитія торговыхъ центровъ и охраненія блага крестьянъ, проживать внѣ городовъ, правительство распространило эту мѣру и на бѣлорусскихъ евреевъ (въ то время другія губерніи не были еще присоединены). Уже въ отношеніи русскихъ купцовъ и мѣщанъ, проживавшихъ въ уѣздахъ сравнительно съ евреями въ незначительномъ числѣ, было трудно осуществить указанное правило,—въ отношеніи же евреевъ оно оказалось на практикѣ совершенно неисполнимымъ. Обнаружившееся противорѣчіе между закономъ и установившимся въ краѣ государственно-хозяйственнымъ строемъ побудило правительство прервать начавшееся было выселеніе евреевъ изъ уѣздовъ. Точно такъ же было отмѣнено распоряженіе бѣлорусскихъ властей, чтобы евреи, въ качествѣ купцовъ и мѣщанъ, не курили водку и даже не торговали ею.

Позже, съ присоединеніемъ къ Россіи новыхъ земель съ многочисленнымъ еврейскимъ населеніемъ, проживавшимъ въ большей своей части въ деревняхъ и селахъ, мысль объ освобожденіи уѣздовъ отъ евреевъ вновь ожила, но уже въ болѣе мягкой формѣ: Екатерина II предложила мѣстнымъ

мягкими дѣйствіями, постепеннымъ измѣненіемъ условій еврейской жизни,—но Положеніе обрушилось на евреевъ жестокой, до безразсудства поспѣшной мѣрой.

Это противорѣчіе можно объяснить лишь тѣмъ, что докладъ былъ, повидимому, составленъ изъ тѣхъ журнальныхъ записей, которыми закрѣплялись на бумагѣ мысли и предположенія, высказывавшіяся членами комитета при теоретическомъ обсужденіи реформы,—въ этомъ случаѣ красивыя слова занимали свое мѣсто въ журналѣ комитета безъ особой борьбы съ противными мнѣніями. Когда же въ дальнѣйшемъ рѣчь зашла о практическихъ мѣропріятіяхъ—тогда свѣтлыя мысли и добрыя пожеланія, расточавшіяся комитетомъ въ отношеніи евреевъ, стали встрѣчать противодѣйствіе со стороны частныхъ интересовъ и вожделѣній, властно ковавшихъ волю комитета.

Впрочемъ, для выясненія указаннаго противорѣчія необходимо разрѣшеніе вопроса о томъ, какую роль сыгралъ въ комитетѣ Сперанскій. Управляя канцеляріей министерства внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго въ то время стоялъ Кочубей, Сперанскій былъ имъ назначенъ дѣлопроизводителемъ комитета; нельзя ни на минуту усомниться въ томъ, что занимая въ комитетѣ сравнительно скромный постъ, Сперанскій игралъ въ немъ дѣятельную роль; [1]) ближайшій сотрудникъ Кочубея и душа всякаго дѣла, въ которомъ работалъ, Сперанскій могъ въ значительной степени повліять на характеръ журнальныхъ записей комитета, можно даже думать, судя по ихъ характеру, что онѣ принадлежали его перу. Но на ряду съ этимъ имѣются указанія, будто Положеніе 1804 г. было выработано Сперанскимъ. Какъ сообщаетъ Державинъ, чиновникъ комитета, Барановъ, передавалъ ему, что „о жидахъ написанный имъ (Барановымъ) приговоръ, согласно мнѣніемъ Державина, велѣно было отдать г. Сперанскому, который передѣлалъ его по своему“ [2]). А біографъ Сперанскаго, говоря о его

[1]) Любопытно, не лишенное извѣстнаго значенія, то обстоятельство, что приложенія къ мнѣнію Державина, заключавшія въ себѣ много нападокъ на евреевъ, не были представлены членамъ комитета, а переданы, по распоряженію Кочубея, Сперанскому. Арх. Сен. Деп. Мин. Юст. 1804. № 89.

[2]) 2-ое акад. изд. соч. Державина, т. 6, стр. 767. Бесѣда происходила по выходѣ Державина изъ комитета.

упражненіямъ, дотолѣ общее негодованіе къ нимъ не прекратится и жалобы на притѣсненія ихъ отъ обывателей приносимыя, не умолкнутъ; дотолѣ сами они, увлекаясь минутными выгодами сего промысла, не возстанутъ изъ сего унизительнаго положенія, въ коемъ общее мнѣніе ихъ постановило".

Что-же побудило комитетъ прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, какъ запрещенію евреямъ заниматься виннымъ промысломъ и арендами, суровость и трудность которой комитетъ сознавалъ? Жалобы, раздававшіяся изъ глубины крестьянской жизни были не безосновательны, но развѣ онѣ относились къ евреямъ? Развѣ въ политическомъ и мѣстномъ хозяйственномъ строѣ господиномъ являлся еврей? Пусть въ глазахъ крестьянина еврей представлялся властнымъ „паномъ", въ дѣйствительности еврей являлся рабомъ настоящаго пана. Несомнѣнно, еврей угнеталъ экономически крестьянина, но и онъ самъ былъ не въ меньшей мѣрѣ экономически угнетаемъ землевладѣльцемъ,—и ясно, что центромъ заколдованнаго круга былъ помѣщикъ. Это было извѣстно комитету, точно такъ какъ же и то, что страданія закрѣпощеннаго крестьянства не ограничивались притѣсненіемъ, которое оно терпѣло отъ еврея-корчмаря и арендатора—и несомнѣнно, что желаніемъ реабилитировать въ глазахъ правительства польскихъ дворянъ, на которыхъ падало обвиненіе въ томъ, что они поощряли, вѣрнѣе вызывали питейные промыслы и интенсивную арендаторскую дѣятельность евреевъ, и слѣдуетъ объяснить предложеніе комитета (въ которомъ засѣдали и поляки-землевладѣльцы) запретить евреямъ продолжать вѣковое занятіе.

Возможно, что устраненіемъ евреевъ отъ арендъ и питейнаго промысла, комитетъ искренне надѣялся съ одной стороны заставить помѣщиковъ смягчить суровую долю крестьянина, а съ другой стороны облагородить еврея привлеченіемъ его къ болѣе достойнымъ занятіямъ; все же, однако,—и это наиболѣе важно въ данномъ случаѣ,—„исправительную" мѣру рѣшено было направить на одного лишь еврея.

Каково ни было „воспитательное" послѣдствіе этой мѣры, осуществленіе ея должно было произойти на экономической почвѣ. Лишаясь вѣковаго источника пропитанія,

Представивъ соціально-экономическій строй края въ одностороннемъ освѣщеніи и сосредоточивъ общее злобное вниманіе на евреѣ, какъ виновникѣ всѣхъ бѣдствій, комитетъ принялъ въ соображеніе интересы помѣщиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интересы государственной власти, покоившейся на благополучіи и единеніи землевладѣльцевъ и правительства. Но комитетъ оказался слабымъ не только предъ подобнымъ соображеніемъ, казавшимся ему вопросомъ государственной важности. Даже малѣйшее обстоятельство, такъ или иначе касавшееся христіанскаго — вѣрнѣе польскаго—общества, или же правительства, составляло препятствіе, которое комитетъ не считалъ возможнымъ устранить со своего пути и которое онъ обходилъ, поневолѣ топча при этомъ рѣдкіе колосья гражданскихъ правъ евреевъ, сиротливо росшіе у дороги русской жизни.

При такихъ условіяхъ комитетъ, при всемъ желаніи, не могъ сдѣлать для евреевъ ничего добраго и полезнаго.

По словамъ комитета задача реформы должна была заключаться въ томъ, чтобы „1) Извлечь евреевъ, сколь можно, изъ настоящаго унизительнаго ихъ состоянія, предоставивъ имъ способы и нравственную необходимость обратиться къ трудолюбію, снискивать себѣ пропитаніе способами честными и безвредными. 2) Привести въ надлежащіе предѣлы особенное внутреннее ихъ управленіе и соединить ихъ пользы подъ одно управленіе, всѣмъ подданнымъ общее. 3) Открыть имъ всѣ способы къ просвѣщенію, представя имъ всѣ нужныя къ тому одобренія и надежды и положивъ для нихъ неоходимостію употреблять общій языкъ. 4) Пресѣченіемъ мелкихъ злоупотребительныхъ промысловъ и одобреніемъ въ общеполезныхъ упражненіяхъ, привлечь ихъ, сколь можно, къ земледѣлію, фабрикамъ, ремесламъ и общежительности".

Эти строки, въ связи съ другими въ докладѣ комитета, указываютъ, что видя причину дефектовъ въ нравственномъ обликѣ—(и вообще унизительнаго состоянія) еврейскаго населенія—въ питейномъ промыслѣ и въ отчужденности евреевъ отъ христіанъ въ гражданской и общественной жизни, комитетъ поставилъ своей задачей привлечь евреевъ къ производительному труду, просвѣтить ихъ и пріобщить ихъ къ общерусской жизни.

При этомъ комитетъ, судя по его докладу, рѣшилъ про-

вести реформу „средствами умѣренными и постепенными“, и если вѣрить искренности комитета—то онъ находился въ увѣренности, что выработанное имъ Положеніе соотвѣтствовало намѣченной цѣли и носило желанный характеръ.

Всѣ постановленія Положенія, какъ свидѣтельствовалъ комитетъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, „не что другое суть какъ приложеніе способовъ тихихъ, умѣренныхъ, постепенныхъ, на личной пользѣ евреевъ и на усовершеніи политическаго бытія ихъ основанныхъ“; „вездѣ комитетъ желалъ имъ (евреямъ) показать—гласилъ далѣе докладъ,—что правительство, простирая имъ руку благодѣтельнаго своего о нихъ промысла, не хочетъ исторгнуть ихъ сильнымъ дѣйствіемъ власти изъ настоящаго ихъ состоянія, но вывести ихъ путемъ собственныхъ ихъ пользъ къ состоянію лучшему, надежнѣйшему, для нихъ самихъ выгоднѣйшему, что охраняя спокойствіе ихъ совѣсти, не дѣлая ни малѣйшаго прикосновенія къ ихъ религіи, щадя самые предразсудки ихъ, оно во всемъ ищетъ одной и той же цѣли, чтобы удостовѣрить и обезпечить состояніе ихъ законною промышленностью, пріобщить ихъ ко всѣмъ выгодамъ и уваженію, коими пользуются прочія состоянія, подъ общимъ покровительствомъ законовъ, терпимости и благоустройства“.

Этой тирадой комитетъ показалъ, что онъ имѣлъ правильное представленіе о томъ, каковой должна была быть еврейская реформа; въ этой тирадѣ вылились искреннія, надо думать, желанія комитета, но тѣмъ рѣзче она обозначила пропасть между его словомъ и дѣломъ.

Изъ всѣхъ его благихъ намѣреній было осуществлено лишь одно: не было нарушено „спокойствіе совѣсти“ евреевъ и пощажены „самые предразсудки ихъ“. Для этого комитету не нужно было имѣть гражданскаго мужества. Хотя правовыя ограниченія и толкали отдѣльныхъ евреевъ на путь прозелитизма, и русское правительство было радо такимъ случаямъ, тѣмъ не менѣе обращеніе евреевъ въ христіанство, насколько можно судить по сохранившимся даннымъ, не являлось для правительства самодовлѣющей цѣлью; комитету поэтому не представлялось необходимымъ сообразоваться въ дѣлѣ реформы съ подобными миссіонерскими тенденціями; къ тому же если бы комитетъ и таилъ миссіонерскіе замыслы, то самый моментъ преобразованія еврей-

мыслы въ уѣздахъ, комитетъ постановилъ, чтобы по истеченіи трехъ лѣтъ *ни одинъ еврей не остался на жительствѣ въ селахъ и деревняхъ.*

Какимъ образомъ создалась эта мѣра, трудно сказать: въ матеріалахъ, использованныхъ комитетомъ, ясно говорилось, что экономическій строй края не допускалъ совершеннаго устраненія евреевъ отъ виннаго промысла и арендъ, тѣмъ болѣе удаленія ихъ изъ уѣздовъ, и что для устраненія нежелательныхъ послѣдствій отъ чрезмѣрнаго скопленія евреевъ въ уѣздахъ достаточно *разрѣдить* тамъ еврейское населеніе; на ряду съ этимъ въ докладѣ комитета вовсе не была указана подобная суровая мѣра; напротивъ, касаясь вопроса о запрещеніи евреямъ вести прежнія занятія въ селахъ и деревняхъ, комитетъ отмѣчалъ, что онъ „принялъ ту снисходительную предосторожность, чтобъ дать извѣстное время размѣститься, такъ сказать, дѣятельности сего народа по другимъ частямъ промышленности прежде, нежели запрещеніе сіе его постигнетъ",—нельзя допустить мысли, чтобы комитетъ полагалъ, что достаточно трехъ лѣтъ для того, чтобы болѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ кореннымъ образомъ перемѣнили свой образъ жизни и нашли пропитаніе въ узкихъ предѣлахъ черты осѣдлости!.. И приходится думать, что предлагая такую исключительную мѣру, не сопровождаемую другими мѣрами, направленными къ ея достиженію, комитетъ дѣлалъ только дипломатическій шагъ, что, вынужденный принять эту мѣру, онъ самъ не вѣрилъ въ ея осуществленіе.

Я не остановлюсь здѣсь на описаніи тѣхъ бѣдствій и страданій евреевъ, которыя были вызваны массовымъ выселеніемъ ихъ изъ селъ и деревень [1]). Напрасно, спасаясь отъ голодной смерти, тысячи евреевъ обращались къ правительству съ мольбою переселить ихъ на казенныя земли и дать имъ возможность заняться земледѣльческимъ трудомъ—правительство не было въ состояніи оказать даже ту скромную помощь, которую оно обѣщало. А въ это время уже тысячи семействъ, лишенныя крова, бродили по краю и не находили себѣ пропитанія: голодные, нравственно истерзанные—эти

[1]) О дальнѣйшей судьбѣ мѣры выселенія евреевъ см. очеркъ „Выселенія".

люди становились опасными для общественнаго спокойствія. Пришлось пріостановить выселеніе и разрѣшить евреямъ продолжать на прежнихъ мѣстахъ старыя занятія.

Насильственное выселеніе евреевъ изъ селъ и деревень, въ корнѣ расшатавъ тогдашнюю еврейскую жизнь, должно было задержать до извѣстной степени дѣйствіе реформы; но не одно это обстоятельство имѣло рѣшающее значеніе для ея дальнѣйшей судьбы.

Не давъ евреямъ выйти изъ предѣловъ „черты", не предоставивъ „частному прибытку" побѣдоносно вести евреевъ къ болѣе достойнымъ и полезнымъ занятіямъ, не открывъ предъ евреями арены, на которой европейское просвѣщеніе и званіе гражданина имѣли бы свое примѣненіе, комитетъ напрасно ждалъ, чтобы на старой, загрязненной и прогнившей почвѣ выросъ цвѣтъ новой еврейской жизни.

Вырабатывая Положеніе комитетъ менѣе всего думалъ о благѣ евреевъ; и по своей задачѣ, и по способу осуществленія, „еврейская" реформа должна была произойти *не для евреевъ*, а лишь *чрезъ нихъ;* естественно, что евреи, съ своей стороны, отнюдь не ожидая блага для себя отъ реформы, не имѣли побудительныхъ причинъ идти навстрѣчу преобразовательной дѣятельности правительства. Комитетъ, впрочемъ, и не разсчитывалъ на ихъ содѣйствіе, на ихъ добрую волю. Принудительныя мѣры—такова была сила, помощью которой комитетъ желалъ повести евреевъ къ новой экономической и культурной жизни, и такимъ образомъ будущность реформы оказалась въ зависимости отъ того, что одержитъ верхъ: принудительныя ли мѣры въ отношеніи евреевъ или совокупность условій еврейской и общей мѣстной жизни, оставленныхъ комитетомъ безъ всякаго вниманія.

Принудительное выселеніе евреевъ изъ селъ и деревень оказалось, какъ было указано выше, неосуществимымъ, и главный ударъ, который должно было нанести Положеніе вѣковому строю еврейской жизни, остался безрезультатнымъ; съ меньшей видимостью, но съ полной несомнѣнностью столь же безрезультатными оказались и тѣ мѣропріятія, которыя были предприняты комитетомъ съ „культурной" цѣлью—исключительныя условія, въ которыя была поставлена гражданская и общественная жизнь евреевъ, яви-

тѣхъ причинъ, которыя заставляли евреевъ опасливо относиться къ новшеству, и отъ измѣненія гражданскаго быта евреевъ въ такомъ направленіи, которое привело бы ихъ къ необходимости примкнуть къ общему просвѣщенію.

Комитетъ это понималъ. Успокоивъ еврейское общество постановленіемъ, чтобы никто изъ еврейскихъ дѣтей не былъ въ школахъ „ни подъ какимъ видомъ отвлекаемъ отъ своей религіи, ни принуждаемъ учиться тому, что ей противно и даже несогласно съ нею быть можетъ", комитетъ даже пообѣщалъ, что евреи, „кои способностями своими достигнутъ въ университетахъ извѣстныхъ степеней отличія въ медицинѣ, хирургіи, физикѣ, математикѣ и другихъ знаніяхъ, будутъ въ оныхъ признаваемы и производимы въ университетскія степени наравнѣ съ прочими россійскими подданными", — но кромѣ этой бѣдной дани—дани въ будущемъ—комитетъ ничего не сдѣлалъ для осуществленія просвѣтительной мѣры. Правда, чтобы принудить евреевъ усвоить одну изъ „европейскихъ" грамотъ—русскую, польскую или нѣмецкую—комитетъ постановилъ, чтобы черезъ три года на городскія должности, а черезъ восемь лѣтъ въ раввины и члены кагала избирались лишь тѣ евреи, которые читали и писали на одномъ изъ указанныхъ языковъ—какъ будто можно было ожидать, что въ теченіе этого срока взрослое дѣловое еврейское населеніе сумѣетъ изучить грамоту чуждаго языка. Единственный же путь привлеченія евреевъ къ общему просвѣщенію—улучшеніе ихъ гражданскаго и общественнаго положенія,—оказался въ глазахъ комитета загроможденнымъ чужими „интересами".

Въ отношеніи преобразованія общественно-гражданскаго быта евреевъ документы комитета выдвигали два вопроса: объ участіи ихъ въ широкой области сословно-городского общественнаго управленія и о податяхъ.

Впервые ограниченіе евреевъ въ выборномъ правѣ послѣдовало, какъ было выше указано, при Екатеринѣ II, когда въ нѣкоторыхъ губерніяхъ евреямъ было разрѣшено участвовать въ органахъ общественнаго самоуправленія лишь въ одной трети голосовъ. Позже сенатъ распространилъ такой порядокъ на всѣ губерніи съ еврейскимъ населеніемъ, при чемъ одновременно было установлено новое ограниченіе

въ отношеніи занятія евреями должностей въ сословно-городскихъ учрежденіяхъ; тогда же евреи были выдѣлены въ особую избирательную группу: избирая только своихъ немногочисленныхъ представителей, они утратили вліяніе на выборы болѣе многочисленныхъ христіанскихъ представителей. Въ результатѣ роль и общественная сила евреевъ въ сословно-городскомъ самоуправленіи были значительно умалены. Но въ исключительномъ положеніи оказались евреи въ литовскихъ губерніяхъ: по ходатайству мѣстныхъ христіанскихъ городскихъ обществъ, ссылавшихся на свои старинныя привилегіи, мѣстные евреи были совершенно устранены отъ общественной самодѣятельности.

Вопросъ о правахъ евреевъ, какъ членовъ торгово-промышленнаго класса, находился въ тѣсной связи съ вопросомъ объ ихъ автономіи; только потому, что со вступленіемъ всей своей массой въ составъ торгово промышленнаго класса евреи получили извѣстныя гражданскія права, которыми, такъ сказать, покрывались права, вытекавшія изъ автономіи, послѣдняя была въ значительной степени урѣзана. При такомъ условіи, имѣй комитетъ въ виду лишь „упорядочить“ еврейскую жизнь, возстановить въ ней равновѣсіе, нарушенное безсистемнымъ законодательствомъ Екатерины II, онъ могъ бы сдѣлать выборъ между двумя путями: или укрѣпить внутреннюю силу еврейскаго населенія, т. е., возсоздать автономію его, или же дать еврейскому населенію внѣшнюю силу, именно расширить его гражданскія права. Если же комитетъ желалъ дать евреямъ тѣ „выгоды и уваженіе“, которыми пользовались христіане, то предъ нимъ былъ только второй путь, такъ какъ возрожденіе стараго кагала не соотвѣтствовало задачѣ комитета сблизить евреевъ съ христіанами въ общественной и гражданской жизни. Дѣйствительно, комитетъ вмѣсто прежнихъ полномочій кагала возложилъ на него одну только функцію: собирать съ евреевъ подать и бездоимочно вносить ее въ казну,—и предоставилъ кагалу лишь одно право: распоряжаться, подъ контролемъ правительства, суммами, принадлежавшими еврейскимъ обществамъ. Такимъ образомъ, во внѣшней еврейской жизни кагалъ объединялъ евреевъ—вѣрнѣе сковывалъ ихъ круговой порукой—въ одномъ лишь податномъ отношеніи; во внутренней же жизни кагалъ

регулировалъ только религіозно-общественный бытъ; при такихъ условіяхъ кагалъ совершенно не имѣлъ значенія представительнаго учрежденія и потому въ общей гражданской жизни евреи не являлись сплоченной группой, снабженной орудіемъ самозащиты; это были разрозненныя общественныя единицы, нуждавшіяся въ охранѣ своихъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ наравнѣ и одинаково съ христіанами. И несомнѣнно, что комитетъ, въ принципѣ, пошелъ бы навстрѣчу такой потребности евреевъ,—если бы онъ при этомъ не столкнулся съ вожделѣніями христіанскихъ обществъ.

Стремленія христіанъ въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ—за исключеніемъ литовскихъ—насколько эти стремленія вылились въ конкретныя формы, сводились къ тому, чтобы евреи участвовали въ органахъ самоуправленія въ одной только трети голосовъ, чтобы они не занимали главныхъ должностей и т. д. Подобныя ограниченія, впрочемъ, дѣйствовали не всюду въ одинаковой степени,—и комитетъ отнюдь не обнаружилъ попытки установить, единообразія ради, болѣе строгія ограниченія тамъ, гдѣ христіанскія общества довольствовались менѣе выгоднымъ положеніемъ; однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, комитетъ не воодушевился желаніемъ, хотя бы опять-таки единообразія ради, смягчить ограничительныя мѣры тамъ, гдѣ онѣ проводились съ особенной рѣзкостью. Status quo — такова была формула, которую комитетъ счелъ въ данномъ случаѣ наиболѣе подходящей для себя; эту же формулу онъ рѣшилъ примѣнить и къ вопросу о выборномъ правѣ евреевъ въ Литвѣ. Не внеся въ Положеніе какихъ либо правилъ по указанному вопросу, онъ оставилъ въ силѣ старый порядокъ.

Опасеніе нарушить эгоистическіе интересы христіанскихъ обществъ заставило такимъ образомъ комитетъ отказаться отъ своей задачи предоставить евреямъ одинаковыя съ христіанами „выгоды и уваженіе", каковыя, въ сущности, должны были явиться фундаментомъ для всей реформы въ смыслѣ гражданскаго и общественнаго возрожденія еврейскаго населенія. Если утративъ свою былую автономную организацію, евреи не могли, при ограниченномъ выборномъ правѣ, защищать свои интересы и слѣдовательно не могли имѣть въ глазахъ христіанъ общественной силы, вызывавшей общественное уваженіе, то совер-

шенно „внѣ закона и общества“ оказались литовскіе евреи, ничего не получившіе взамѣнъ былой автономіи.

Какъ и въ дѣлѣ просвѣщенія, комитетъ пообѣщалъ евреямъ *въ будущемъ* самые ничтожные плоды гражданскаго обновленія: „евреи, отличившіеся знаніями или важными государству заслугами, будутъ соразмѣрно тому отличаемы и награждаемы“,—а, между тѣмъ, въ цѣляхъ того же культурнаго подъема еврейскаго общества, комитетъ не остановился предъ такимъ требованіемъ, какъ напр., чтобы избираемые на городскія должности евреи знали русскую, польскую, или нѣмецкую грамоту,—требованіемъ, крайне несправедливымъ, такъ какъ сплошь да рядомъ общественныя должности занимались неграмотными христіанами.

Такимъ же образомъ комитетъ поступилъ и въ вопросѣ о двойной еврейской подати.

Эта подать влекла за собою двоякое зло для евревъ: она давила ихъ не только матеріально, но и нравственно. Но съ одной стороны уравненіе евреевъ съ христіанами въ податномъ отношеніи уменьшило бы рессурсы страны и ихъ пришлось бы пополнить средствами остального мѣстнаго населенія,—съ другой стороны, какъ можно думать, комитетъ рѣшилъ воспользоваться двойной податью, какъ орудіемъ для привлеченія евревъ къ производительтому труду, долженствовавшему, по мысли комитета, устранить ихъ отъ винокуренія и корчемства, вредныхъ для христіанъ,—и онъ оставилъ на евреяхъ несправедливую и обидную тяготу, пообѣщавъ, что „когда всѣ вообще евреи въ земледѣліи, мануфактурахъ и купечествѣ окажутъ постоянное направленіе и прилежаніе (какъ будто торговля не находилась въ томъ краѣ почти всецѣло въ рукахъ евреевъ!) правительство пріиметъ тогда мѣры уравнять ихъ подать со всѣми другими подданными“.

Та же система отступленія предъ чужими „интересами“ и принятія принудительныхъ мѣръ противъ евреевъ, хотя бы это въ корнѣ подрывало будущую реформу, была примѣнена комитетомъ и въ отношеніи евреевъ, жившихъ на помѣщичьихъ земляхъ.

Евреи никогда не были въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, и такъ какъ общее политическое настроеніе либеральныхъ друзей государя противорѣчило крѣпостни-

ческимъ тенденціямъ, комитету ничто не мѣшало отмѣтить въ Положеніи, что никто не можетъ „укрѣплять лично" евреевъ; но эта законодательная санкція не обезпечивала за ними необходимой свободы; въ полномъ противорѣчіи съ основой русской государственной власти, въ силу польскихъ пережитковъ, польскіе помѣщики нерѣдко выступали судьями по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ евреевъ, жившихъ на ихъ земляхъ: правительство уже имѣло случай высказаться по этому поводу въ томъ смыслѣ, что въ отношеніи евреевъ не должны болѣе примѣняться польскіе законы, и комитетъ поэтому подтвердилъ, что „помѣщики, на земляхъ коихъ они (евреи) живутъ, не имѣютъ надъ ними права суда ни въ тяжебныхъ дѣлахъ, ни въ уголовныхъ". Но при этомъ, въ интересахъ помѣщиковъ, комитетъ сдѣлалъ такое постановленіе, которое совершенно сковывало свободу евреевъ и уничтожало силу предыдущаго постановленія. „При переходѣ евреевъ съ одного мѣста на другое, они обязаны,—гласило Положеніе, [1]) — представить свидѣтельства отъ помѣщиковъ, на земляхъ коихъ они жительство имѣли, что они удовлетворили всѣмъ обязанностямъ своимъ въ разсужденіи ихъ". Будучи подчинены, такимъ образомъ, въ отношеніи права передвиженія, даже въ предѣлахъ самой черты осѣдлости, исключительному закону, евреи утратили свободу, предоставленную остальному населенію одинаковаго съ ними состоянія: они были отданы во власть помѣщиковъ, которые могли широко использовать свое право на выдачу свидѣтельствъ.

Такова была культурная реформа, выработанная комитетомъ. Какъ ясно видно, она не пошла далѣе чисто внѣшняго сближенія евреевъ съ христіанами, при чемъ это сближеніе должно было произойти не путемъ расширенія гражданскихъ правъ евреевъ и поднятіемъ ихъ общественнаго достоинства, а примѣненіемъ къ еврейскому населенію извѣстнаго рода принудительныхъ мѣръ. Старыя правовыя ограниченія—а вмѣстѣ съ нимъ общественное униженіе—оставались въ силѣ, болѣе того—къ нимъ присоединились еще новыя, хотя и не столь рѣзкія, ограничительныя мѣры.

---

[1]) Ст. 46.

Изъ отдѣльныхъ моментовъ еврейской жизни, разсмотрѣнныхъ комитетомъ съ точки зрѣнія моральнаго и общественнаго обновленія еврейскаго населенія, два момента— привлеченіе евреевъ къ производительному труду и сохраненіе двойной подати—носили по преимуществу экономическій характеръ. Но комитетъ, не коснувшись вовсе въ своемъ докладѣ матеріальнаго положенія евреевъ, разрѣшилъ эти вопросы лишь въ смыслѣ принятія въ отношеніи евреевъ исправительной мѣры. Между тѣмъ экономическое значеніе этихъ мѣропріятій, самихъ по себѣ важныхъ въ дѣлѣ еврейской реформы, усугублялось тѣмъ, что они находились въ тѣсной связи съ другой, еще болѣе сложной и важной мѣрой, долженствовавшей лечь въ основу будущаго законодательства о евреяхъ, мѣрой, по существу экономической, къ которой однако комитетъ подошелъ опять таки только со стороны ея „исправительнаго“ значенія.

Рѣчь идетъ о проживаніи евреевъ въ селахъ и деревняхъ и о питейныхъ промыслахъ и арендахъ.

Въ матеріалахъ комитета этотъ вопросъ имѣлъ свою исторію. Запретивъ русскому купечеству и мѣщанству, въ видахъ развитія торговыхъ центровъ и охраненія блага крестьянъ, проживать внѣ городовъ, правительство распространило эту мѣру и на бѣлорусскихъ евреевъ (въ то время другія губерніи не были еще присоединены). Уже въ отношеніи русскихъ купцовъ и мѣщанъ, проживавшихъ въ уѣздахъ сравнительно съ евреями въ незначительномъ числѣ, было трудно осуществить указанное правило,—въ отношеніи же евреевъ оно оказалось на практикѣ совершенно неисполнимымъ. Обнаружившееся противорѣчіе между закономъ и установившимся въ краѣ государственно-хозяйственнымъ строемъ побудило правительство прервать начавшееся было выселеніе евреевъ изъ уѣздовъ. Точно такъ же было отмѣнено распоряженіе бѣлорусскихъ властей, чтобы евреи, въ качествѣ купцовъ и мѣщанъ, не курили водку и даже не торговали ею.

Позже, съ присоединеніемъ къ Россіи новыхъ земель съ многочисленнымъ еврейскимъ населеніемъ, проживавшимъ въ большей своей части въ деревняхъ и селахъ, мысль объ освобожденіи уѣздовъ отъ евреевъ вновь ожила, но уже въ болѣе мягкой формѣ: Екатерина II предложила мѣстнымъ

властямъ лишь „стараться переселять евреевъ въ города“, при чемъ ею имѣлись въ виду главнымъ образомъ интересы городовъ. Но это распоряженіе не привело къ какому либо результату. Сами помѣщики, путемъ заключенія разнообразныхъ контрактовъ съ проживавшими на ихъ земляхъ евреями, препятствовали удаленію послѣднихъ. Евреи остались на своихъ мѣстахъ при старыхъ занятіяхъ. Это произошло главнымъ образомъ потому, что землевладѣльцы, евреи (какъ арендаторы и корчмари) и крестьяне составляли въ польскомъ краѣ одну неразрывную, такъ сказать, государственно-хозяйственную цѣпь и не представлялось возможнымъ удалить одно звено—еврея—безъ того, чтобы не былъ разрушенъ весь хозяйственный строй края. И вотъ почему, когда въ послѣдніе годы 18-го вѣка правительство, желая ознакомиться съ положеніемъ затронутаго вопроса во всѣхъ бывшихъ польскихъ губерніяхъ, обратилось за свѣдѣніями къ представителямъ мѣстной власти и польскихъ дворянъ, то оказалось, какъ уже было выше отмѣчено, что не одни помѣщики, но и русскія власти не только не высказались въ пользу удаленія евреевъ изъ уѣздовъ, такъ какъ отъ этого пострадали бы какъ помѣщики и евреи, такъ и сами крестьяне, но даже не сочли возможнымъ отстранить ихъ отъ торговли водкой и отъ аренды.

Но комитетъ не принялъ во вниманіе этого голоса и требованія жизни.

Говоря о разныхъ своихъ мѣропріятіяхъ, имѣвшихъ, будто, „свойство снисхожденія и умѣренности“, комитетъ писалъ въ докладѣ: „одно изъ нихъ на первый взглядъ могло бы показаться различнымъ отъ сего общаго понятія. Сіе есть подтвердительное *ограниченіе евреевъ въ содержаніи шинковъ и арендъ*, (въ селахъ и деревняхъ) давно уже имъ запрещаемыхъ, но силою злоупотребленій доселѣ поддерживаемыхъ. Комитетъ самою необходимостью принужденъ былъ поставить сіе ограниченіе. Онъ разсуждалъ, что доколѣ отверстъ будетъ евреямъ сей промыслъ, коего злоупотребленія столько разъ были предъ правительствомъ оглашаемы, противъ коего столь много приносимо было жалобъ, который, наконецъ, столь общему подвергаетъ ихъ самихъ нареканію, презрѣнію и даже ненависти обывателей,—дотолѣ невозможно будетъ привлечь ихъ къ другимъ

упражненіямъ, дотолѣ общее негодованіе къ нимъ не прекратится и жалобы на притѣсненія ихъ отъ обывателей приносимыя, не умолкнутъ; дотолѣ сами они, увлекаясь минутными выгодами сего промысла, не возстанутъ изъ сего унизительнаго положенія, въ коемъ общее мнѣніе ихъ постановило".

Что-же побудило комитетъ прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, какъ запрещенію евреямъ заниматься виннымъ промысломъ и арендами, суровость и трудность которой комитетъ сознавалъ? Жалобы, раздававшіяся изъ глубины крестьянской жизни были не безосновательны, но развѣ онѣ относились къ евреямъ? Развѣ въ политическомъ и мѣстномъ хозяйственномъ строѣ господиномъ являлся еврей? Пусть въ глазахъ крестьянина еврей представлялся властнымъ „паномъ", въ дѣйствительности еврей являлся рабомъ настоящаго пана. Несомнѣнно, еврей угнеталъ экономически крестьянина, но и онъ самъ былъ не въ меньшей мѣрѣ экономически угнетаемъ землевладѣльцемъ,—и ясно, что центромъ заколдованнаго круга былъ помѣщикъ. Это было извѣстно комитету, точно такъ какъ же и то, что страданія закрѣпощеннаго крестьянства не ограничивались притѣсненіемъ, которое оно терпѣло отъ еврея-корчмаря и арендатора—и несомнѣнно, что желаніемъ реабилитировать въ глазахъ правительства польскихъ дворянъ, на которыхъ падало обвиненіе въ томъ, что они поощряли, вѣрнѣе вызывали питейные промыслы и интенсивную арендаторскую дѣятельность евреевъ, и слѣдуетъ объяснить предложеніе комитета (въ которомъ засѣдали и поляки-землевладѣльцы) запретить евреямъ продолжать вѣковое занятіе.

Возможно, что устраненіемъ евреевъ отъ арендъ и питейнаго промысла, комитетъ искренне надѣялся съ одной стороны заставить помѣщиковъ смягчить суровую долю крестьянина, а съ другой стороны облагородить еврея привлеченіемъ его къ болѣе достойнымъ занятіямъ; все же, однако,—и это наиболѣе важно въ данномъ случаѣ,—„исправительную" мѣру рѣшено было направить на одного лишь еврея.

Каково ни было „воспитательное" послѣдствіе этой мѣры, осуществленіе ея должно было произойти на экономической почвѣ. Лишаясь вѣковаго источника пропитанія,

шестьдесятъ тысячъ семействъ—шестьдесятъ тысячъ голодныхъ семействъ, обремененныхъ двойной податью—должны были искать новыя средства къ жизни. Гдѣ же они могли ихъ найти? О, комитетъ въ этомъ отношеніи рисовалъ въ своемъ докладѣ прекраснѣйшія перспективы.

„И въ прочемъ—говорилъ комитетъ по поводу запрещенія евреямъ заниматься прежними промыслами—можно-ли назвать мѣру сію для нихъ стѣснительною, когда вмѣстѣ съ тѣмъ открывается евреямъ множество другихъ способовъ не только содержать себя въ безбѣдномъ состояніи, но дѣлать пріобрѣтенія—въ земледѣліи, фабрикахъ, ремеслахъ, когда вмѣстѣ съ симъ открывается имъ способъ даже владѣть землею въ собственность! Какимъ образомъ ограниченіемъ одной вѣтви промышленности можетъ быть стѣсненъ сей народъ въ такомъ государствѣ, гдѣ тысячи другихъ для него отверсты; гдѣ удобныя къ хлѣбопашеству и разнымъ заведеніямъ земли въ губерніяхъ плодородныхъ и мало населенныхъ представляютъ источникъ богатствъ вѣрныхъ, постоянныхъ и закономъ покровительствуемыхъ, гдѣ отечественныя произведенія призываютъ только руку дѣятельности и трудолюбія, чтобы основать фабрики, столь же прибыточныя, какъ и твердыя!“

Эта заманчивая картина, озаривъ въ глазахъ комитета будущую еврейскую жизнь, ослѣпила его взоръ и скрыла отъ него дѣйствительность. Можно было подумать, что достаточно одного разрѣшенія правительства покупать земли и строить фабрики, чтобы тотчасъ многотысячная нищая масса превратилась въ землевладѣльцевъ и фабрикантовъ. Можно было подумать, что достаточно купцу и ремесленнику предложить свои товары и произведенія, чтобы тотчасъ нашлись выгодные покупатели. Ни одно изъ экономическихъ условій во времени и пространствѣ не было принято во вниманіе комитетомъ, когда онъ рѣшилъ произвести взмахомъ пера глубочайшій экономическій переворотъ въ жизни многотысячной еврейской массы.

Характерно, что даже въ этотъ моментъ, критическій не только для тѣхъ, кто проживая въ селахъ и деревняхъ занимался до сего времени питейнымъ промысломъ и арендами, но и для прочаго еврейскаго населенія, такъ какъ многотысячная масса, лишенная средствъ къ жизни, должна

была остаться въ предѣлахъ черты и поневолѣ лечь громадной тяжестью на плечи остальнаго еврейскаго населенія,—даже въ этотъ критическій моментъ комитетъ не освободилъ евреевъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, кому грозила нищета, отъ двойной подати—ибо тутъ вновь выступили интересы правительства. Даже теперь, когда еврею, оторванному отъ стараго занятія, предстояло искать работу для удовлетворенія насущныхъ потребностей, комитетъ, словно не желая знать, какую нищенскую жизнь вели евреи-корчмари, словно не желая возиться съ экономическими вопросами, не попытался облегчить ихъ матеріальное положеніе. Единственно, что было обѣщано, это то, что евреи-которые оснуются на арендованной землѣ особыми поселеніями, будутъ освобождены отъ подати на 5 лѣтъ, а поселившіеся на казенной землѣ—на 10 лѣтъ. Но вѣдь обратиться къ тяжелому незнакомому земледѣльческому труду могла лишь самая незначительная часть еврейскаго населенія, голоднаго, измореннаго; еще меньшее число евреевъ могло разсчитывать на полученіе отъ казны пособія на устройство фабрикъ. Въ массѣ же—евреи, въ силу вѣковаго склада своей жизни, должны были обратиться къ ремесленному труду и мелкой торговлѣ. Но тутъ уже для нихъ не было сдѣлано никакого облегченія, не оказано никакой помощи. Даже разрѣшивъ ремесленникамъ записываться въ цехи, Положеніе сдѣлало оговорку „если то не будетъ противно привиллегіямъ, особенно нѣкоторымъ городамъ присвоеннымъ". Впрочемъ, какъ мы видѣли выше, комитетъ охотно пообѣщалъ освободить евреевъ отъ двойной подати *въ будущемъ*, когда уже всѣ евреи окажутся за новыми занятіями, т. е. когда они будутъ имѣть источникъ пропитанія! Упраздненіе двойной подати должно было явиться для евреевъ наградой за то, что они перестали быть „вреднымъ" элементомъ.

Но закрывая глаза на экономическую сторону предложенной мѣры, комитетъ понималъ, что не видя предъ собою того „частнаго прибытка", который руководитъ дѣйствіями человѣка, евреи не оставятъ вѣковыхъ источниковъ пропитанія въ поискахъ за новыми, и онъ рѣшилъ замѣнить эту естественную силу—„частный прибытокъ"—силой иного характера; дабы лишить евреевъ возможности продолжать старые про-

мыслы въ уѣздахъ, комитетъ постановилъ, чтобы по истеченіи трехъ лѣтъ *ни одинъ еврей не остался на жительствѣ въ селахъ и деревняхъ.*

Какимъ образомъ создалась эта мѣра, трудно сказать: въ матеріалахъ, использованныхъ комитетомъ, ясно говорилось, что экономическій строй края не допускалъ совершеннаго устраненія евреевъ отъ виннаго промысла и арендъ, тѣмъ болѣе удаленія ихъ изъ уѣздовъ, и что для устраненія нежелательныхъ послѣдствій отъ чрезмѣрнаго скопленія евреевъ въ уѣздахъ достаточно *разрѣдить* тамъ еврейское населеніе; на ряду съ этимъ въ докладѣ комитета вовсе не была указана подобная суровая мѣра; напротивъ, касаясь вопроса о запрещеніи евреямъ вести прежнія занятія въ селахъ и деревняхъ, комитетъ отмѣчалъ, что онъ „принялъ ту снисходительную предосторожность, чтобъ дать извѣстное время размѣститься, такъ сказать, дѣятельности сего народа по другимъ частямъ промышленности прежде, нежели запрещеніе сіе его постигнетъ“,—нельзя допустить мысли, чтобы комитетъ полагалъ, что достаточно трехъ лѣтъ для того, чтобы болѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ кореннымъ образомъ перемѣнили свой образъ жизни и нашли пропитаніе въ узкихъ предѣлахъ черты осѣдлости!.. И приходится думать, что предлагая такую исключительную мѣру, не сопровождаемую другими мѣрами, направленными къ ея достиженію, комитетъ дѣлалъ только дипломатическій шагъ, что, вынужденный принять эту мѣру, онъ самъ не вѣрилъ въ ея осуществленіе.

Я не остановлюсь здѣсь на описаніи тѣхъ бѣдствій и страданій евреевъ, которыя были вызваны массовымъ выселеніемъ ихъ изъ селъ и деревень [1]). Напрасно, спасаясь отъ голодной смерти, тысячи евреевъ обращались къ правительству съ мольбою переселить ихъ на казенныя земли и дать имъ возможность заняться земледѣльческимъ трудомъ—правительство не было въ состояніи оказать даже ту скромную помощь, которую оно обѣщало. А въ это время уже тысячи семействъ, лишенныя крова, бродили по краю и не находили себѣ пропитанія: голодные, нравственно истерзанные—эти

[1]) О дальнѣйшей судьбѣ мѣры выселенія евреевъ см. очеркъ „Выселенія“.

люди становились опасными для общественнаго спокойствія. Пришлось пріостановить выселеніе и разрѣшить евреямъ продолжать на прежнихъ мѣстахъ старыя занятія.

Насильственное выселеніе евреевъ изъ селъ и деревень, въ корнѣ расшатавъ тогдашнюю еврейскую жизнь, должно было задержать до извѣстной степени дѣйствіе реформы; но не одно это обстоятельство имѣло рѣшающее значеніе для ея дальнѣйшей судьбы.

Не давъ евреямъ выйти изъ предѣловъ „черты", не предоставивъ „частному прибытку" побѣдоносно вести евреевъ къ болѣе достойнымъ и полезнымъ занятіямъ, не открывъ предъ евреями арены, на которой европейское просвѣщеніе и званіе гражданина имѣли бы свое примѣненіе, комитетъ напрасно ждалъ, чтобы на старой, загрязненной и прогнившей почвѣ выросъ цвѣтъ новой еврейской жизни.

Вырабатывая Положеніе комитетъ менѣе всего думалъ о благѣ евреевъ; и по своей задачѣ, и по способу осуществленія, „еврейская" реформа должна была произойти *не для евреевъ*, а лишь *чрезъ нихъ;* естественно, что евреи, съ своей стороны, отнюдь не ожидая блага для себя отъ реформы, не имѣли побудительныхъ причинъ идти навстрѣчу преобразовательной дѣятельности правительства. Комитетъ, впрочемъ, и не разсчитывалъ на ихъ содѣйствіе, на ихъ добрую волю. Принудительныя мѣры—такова была сила, помощью которой комитетъ желалъ повести евреевъ къ новой экономической и культурной жизни, и такимъ образомъ будущность реформы оказалась въ зависимости отъ того, что одержитъ верхъ: принудительныя ли мѣры въ отношеніи евреевъ или совокупность условій еврейской и общей мѣстной жизни, оставленныхъ комитетомъ безъ всякаго вниманія.

Принудительное выселеніе евреевъ изъ селъ и деревень оказалось, какъ было указано выше, неосуществимымъ, и главный ударъ, который должно было нанести Положеніе вѣковому строю еврейской жизни, остался безрезультатнымъ; съ меньшей видимостью, но съ полной несомнѣнностью столь же безрезультатными оказались и тѣ мѣропріятія, которыя были предприняты комитетомъ съ „культурной" цѣлью—исключительныя условія, въ которыя была поставлена гражданская и общественная жизнь евреевъ, яви-

лась въ этомъ случаѣ непреодолимымъ препятствіемъ для поступательнаго культурнаго шествія евреевъ. Въ итогѣ Положеніе 1804 года не двинуло еврейское населеніе по пути прогресса и не ослабило силу тѣхъ явленій, неблагопріятныхъ для христіанъ и евреевъ, которыя вытекали изъ ненормальныхъ условій еврейской жизни.

Все осталось по старому...

Такъ закончился первый въ Россіи обширный многолѣтній коллективный трудъ по еврейской реформѣ.

Какъ прекрасныя, многообѣщавшія слова, занесенныя въ свое время въ журналъ комитета, такъ и созывъ еврейскихъ депутатовъ, возбудившій въ еврейскомъ обществѣ не мало надеждъ на лучшее будущее—все это было лишь блестящимъ фейерверкомъ, послѣ котораго на поверхности еврейской жизни остались однѣ дымно-тлѣвшія гильзы.

И охватывая обильный, разнообразный матеріалъ—сырыя данныя и продуманныя мнѣнія, высказанныя по этому вопросу лицами, различными по своему отношенію къ евреямъ, по своему политическому развитію и проч.,—невозможно, какъ кажется, рѣшить, чья мысль оказала рѣшительное вліяніе въ комитетѣ.

Идея Фризеля превратить евреевъ въ довольныхъ и полезныхъ гражданъ путемъ широкой соціально-культурной реформы, не была принята комитетомъ. Такая же участь постигла, повидимому, и проектъ Сперанскаго, покоившійся на прогрессивныхъ началахъ. Осуществленіе идеи Фризеля и Сперанскаго требовало, конечно, особой энергіи и смѣлости,—члены же комитета, какъ извѣстно, не отличались этими качествами, и подчиняясь общественному настроенію, они, самимъ ходомъ вещей, ближе всего подошли къ Державину, отнюдь не пользуясь его трудомъ, какъ опорой для будущаго законодательнаго акта. По своимъ идеямъ Фризель и Сперанскій были родственнѣе комитету, нежели Державинъ, но его трудъ отвѣчалъ властному духу времени, и въ этомъ таилась причина торжества „державинской" реформы: сдѣлать евреевъ безвредными, не уничтожая тѣхъ условій, пагубно отражавшихся—морально и экономически—на еврейскомъ населеніи, наличностью которыхъ обезпечи-

валось преимущественное положеніе христіанскихъ обществъ Подобно Державину, комитетъ принялъ рѣшительныя мѣры противъ вредоносности евреевъ, не открывъ предъ ними естественнаго пути къ экономическому и нравственному возрожденію.

Здѣсь умѣстно дать посильный отвѣтъ на вопросъ: каково было въ комитетѣ положеніе еврейскихъ представителей и какъ отразилось ихъ присутствіе въ комитетѣ на Положеніи.

Депутаты имѣли, конечно, лишь совѣщательный голосъ; при этомъ, тѣ изъ нихъ, которые были приглашены членами комитета, высказывали свое личное сужденіе, присутствовавшіе же въ качествѣ депутатовъ соображались съ мнѣніемъ пославшихъ ихъ кагаловъ. Неизвѣстно ни число, ни имена всѣхъ евреевъ, засѣдавшихъ въ комитетѣ, тѣмъ не менѣе, судя по уровню умственно-нравственнаго развитія тогдашняго еврейскаго общества, нельзя сомнѣваться, что въ своемъ отношеніи къ вопросамъ еврейской реформы они разбились на два лагеря — просвѣщенные евреи, приглашенные членами комитета, не могли быть одного взгляда на реформу съ тѣми депутатами, которыхъ прислалъ кагалъ. Если первые клали во главу угла новаго зданія еврейской жизни—просвѣщеніе, не заботясь о жгучихъ требованіяхъ минуты, то вторые—оберегая неприкосновенность внутренняго быта евреевъ и тѣхъ условій ихъ жизни, съ которыми связывались экономическіе интересы господствовавшаго еврейскаго класса—пренебрежительно относились къ вопросамъ культуры. И думается, что одинъ только Ноткинъ могъ до извѣстной степени объединить въ общей работѣ этихъ различныхъ представителей еврейскаго общества.

Анонимная записка позднѣйшаго происхожденія рельефно рисуетъ обликъ депутатовъ обоихъ лагерей [1]).

„По нынѣшнему состоянію тамошнихъ евреевъ—говоритъ авторъ по поводу пріѣзда въ Петербургъ изъ провинціи депутатовъ—весьма мало такихъ людей, которые бы о вещахъ сего рода могли судить порядочно, кольми паче имѣть понятіе о истинномъ благѣ народномъ. Хотя

---

[1]) Арх. Мин. Земл., 1808 г. № 15063.

бы и могли сыскаться нѣкоторые способные къ тому люди, но, какъ образъ мыслей таковыхъ евреевъ не согласуется съ общимъ мнѣніемъ нынѣшнихъ ихъ единоплеменниковъ, которые и кромѣ того не имѣютъ прямого понятія о вещахъ, то и нельзя считать выбора послѣднихъ въ разсужденіи депутатовъ основательнымъ и соотвѣтствующимъ желанію правительства [1]). Напротивъ того, выборъ ихъ руководимъ былъ однимъ суевѣріемъ и страстью богачей, которымъ порабощена воля собратій, зависящихъ отъ первыхъ по промысламъ, по расположенію податей и по духовнымъ отношеніямъ, поелику богачи, по родственной связи ихъ, съ учеными суевѣрными [2]), имѣющими самый сильный перевѣсъ между евреями, а сіи по нуждѣ своей въ первыхъ имѣютъ другъ на друга величайшее во всемъ вліяніе. Сверхъ того, еслибы и находился между депутатами человѣкъ просвѣщенный, то также не могъ бы принести никакой пользы, потому что депутаты имѣли родъ инструкціи отъ своихъ довѣрителей держаться извѣстныхъ правилъ, и слѣдственно не могли говорить или предпринимать всего того, что мыслили, а только говорили то, что имъ поручено. Подлинность всего вышеписаннаго доказали какъ ограниченныя мнѣнія присланныхъ депутатовъ, такъ и сдѣланный ими на вопросъ комитета нерѣшительный отзывъ.

Что-же принадлежитъ до приглашенныхъ господами членами комитета частныхъ евреевъ, то хотя оные и были свѣдущіе, но получа воспитаніе и просвѣтившись въ Германіи, не могли равнымъ образомъ правильно судить о тѣхъ евреяхъ, кои живучи въ бывшей Польшѣ, совершенно отличны отъ германскихъ евреевъ, какъ образомъ мыслей, такъ и обстоятельствами".

При такихъ условіяхъ присутствовавшіе въ комитетѣ евреи не могли дѣйствовать солидарно; къ тому же было обстоятельство, которое должно было усугубить разобщенность между еврейскими представителями по назначенію и по выбору. Дѣло въ томъ, что приглашеніе просвѣщенныхъ евреевъ послѣдовало сейчасъ же по учрежденіи комитета,

---

[1]) Авторъ вѣритъ въ искреннее желаніе правительства улучшить положеніе евреевъ.

[2]) Т. е. раввинами.

между тѣмъ къ депутатамъ комитетъ обратился позже. Лишь послѣ разсмотрѣнія собраннаго матеріала комитетъ призналъ нужнымъ вызвать уже ранѣе предположенныхъ депутатовъ изъ провинціи, и пока происходили выборы комитетъ „составилъ главное начертаніе началъ, на коемъ усовершенствованіе сіе должно быть основано". Благодаря этому одни лишь приглашенные евреи получили возможность воздѣйствовать на выработку этихъ началъ, депутаты же увидѣли предъ собою проектъ, санкціонированный, въ извѣстной степени, представителями просвѣщеннаго еврейства, и такимъ образомъ задача кагальныхъ гонцовъ, клонившаяся къ сохраненію стараго порядка во внутренне-бытовомъ отношеніи, должна была осложниться. „Послѣ долговременной нерѣшимости—какъ сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ комитета—депутаты отозвались, что не могутъ они безъ кагаловъ ихъ поступить на какія либо по сему дѣлу заключенія и просили дать имъ для совѣщанія сего полугодичное время". Въ этотъ моментъ функціи депутатовъ прекратились. Комитетъ прибѣгъ къ иной мѣрѣ—главныя статьи проекта были сообщены чрезъ губернскія начальства кагаламъ съ тѣмъ, чтобы „не дѣлая въ статьяхъ ихъ никакой отмѣны, представили отвѣты свои къ дополненію ихъ новыми средствами, кои бы къ пользѣ ихъ по мѣстнымъ уваженіямъ принять было можно".

Такое требованіе было конечно не исполнено. Не соглашаясь съ основнымъ принципомъ реформы, кагалъ не имѣлъ надобности заботиться еще о „новыхъ средствахъ": большинство кагальныхъ отзывовъ состояло въ просьбѣ отложить реформу на 10—15 лѣтъ, а особливо не касаться занятій виннымъ промысломъ и арендами.

Такимъ образомъ надо думать, что вліяніе депутатовъ отразилось на Положеніи въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ. Напротивъ же того—воздѣйствіе присутствовавшихъ въ комитетѣ просвѣщенныхъ евреевъ ярко сказалось въ „просвѣтительномъ" характерѣ законодательнаго памятника.

Проектъ новаго закона, выработанный комитетомъ, прошелъ безъ измѣненія чрезъ государственный совѣтъ, гдѣ онъ разсматривался 14 Ноября 1804 г., и, высочайше утвер-

жденный 9 Декабря 1804 г., онъ былъ опубликованъ подъ названіемъ „*Положенія для евреевъ*“ [1]).

Миражъ, къ которому стремились еврейскіе дѣятели, разсѣялся и предъ лицемъ русскаго еврейства обнажился скорбный путь, на которомъ евреямъ суждено было подъ гнетомъ непріязни и презрѣнія влачить свое существованіе въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Разочарованіе и тоска должны были охватить тѣхъ, кому была дорога судьба русскихъ евреевъ. Дѣятельность борцовъ за эмансипацію прервалась...

Натанъ Ноте скончался еще до завершенія работъ комитета. „Высокопоставленный и знатный господинъ Натанъ Ноте сынъ Хаима изъ Шклова,—гласитъ запись въ книгѣ братства—скончался въ субботу 11 элула 564 (1804) въ 7 час. утра и похороненъ въ воскресеніе 12 элула въ I ряду“ [2]). Но до вѣчнаго успокоенія на имъ-же самимъ созданномъ кладбищѣ Ноткинъ, быть можетъ, успѣлъ испытать тяжкое сознаніе безплодности своей долгой работы.

Неваховичъ и послѣ „Вопля дщери Іудейской“ продолжалъ выступать на литературномъ поприщѣ, но параллельно съ появленіемъ въ свѣтъ новыхъ произведеній видоизмѣняется, такъ сказать, внѣшній видъ автора. На „Воплѣ дщери Іудейской“ какъ бы въ гордомъ сознаніи, что борется за свой народъ, Неваховичъ выставилъ полностью свое имя: „Лейба Неваховичъ“; на вышедшемъ въ 1804 г. „Человѣкъ въ природѣ“, какъ и на вышедшихъ въ 1806 г. „Примѣчаніяхъ на рецензію касательно опыта Россійской исторіи“ нѣсколько стыдливо значится „Л. Не-

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XXVIII, № 21547.—Докладъ комитета былъ подписанъ кн. Лопухинымъ (замѣстившемъ Державина) гр. В. Кочубеемъ, кн. Адамомъ Чарторыжскимъ и гр. Северинымъ Потоцкимъ.

[2]) Эта запись даетъ возможность твердо установить, что Натанъ Ноте, встрѣчающійся въ литературныхъ матеріалахъ подъ разными именами—одно и тоже лицо. У Державина упоминается „еврей надворный совѣтникъ *Нота Хаимовичъ*“, съ которымъ онъ встрѣтился въ Бѣлоруссіи; въ другомъ мѣстѣ Державинъ въ сердцахъ называетъ его просто *Ноткой*; въ рукописныхъ документахъ имѣются три собственноручныя подписи Ноткина: „*Нота Хаимовичъ Ноткинъ*“, „польско-королевскаго двора надворный совѣтникъ *Нота Хаимовичъ Ноткинъ*“, „*Нота Хаимовичъ* королевскій польскій надворный совѣтникъ“. У Неваховича встрѣчается „*Натанъ Ноте*“; въ спискѣ представителей столичной общины: „*Натанъ Ноте изъ Шклова*“, упомянутая же запись гласитъ: „*Натанъ Ноте сынъ Хаима изъ Шклова*“.

ваховичъ", а на драмѣ „Суліоты" [1]), изданной въ 1810 г. уже безъ всякаго стыда красуется новое имя „Левъ Неваховичъ". Не возвращаясь болѣе въ своихъ произведеніяхъ къ еврейскому народу, онъ совершенно уходитъ отъ него и, принимая христіанство, становится исключительно русскимъ гражданиномъ. Прекративъ на время литературную дѣятельность, Неваховичъ съ 1817 года служилъ въ Варшавѣ при министрѣ финансовъ Цар. Польскаго въ чинѣ

---

[1]) Драма „Суліоты или Спартанцы XVIII в." „посвященная М. А. Нарышкиной, по словамъ Греча, „одно изъ превосходнѣйшихъ сочиненій въ своемъ родѣ", имѣла на сценѣ Императорскаго театра въ Петербургѣ значительный успѣхъ. Впервые она была поставлена 30 мая 1809 г. Интересныя подробности о второмъ представленіи драмы, состоявшемся въ присутствіи государя 26 октября того же года, сообщаетъ въ своихъ запискахъ извѣстный актеръ Каратыгинъ. „Въ 1809 г. 26 октября была представлена на Большомъ театрѣ драма „Суліоты или спартанцы XVIII в." соч. Льва *Александровича* Неваховича. Въ этой драмѣ матушка моя играла роль Амасеки, жены предводителя Сули, которая во время его плѣна у албанцевъ, предводительствовала суліотами и, какъ героиня, спасла свою отчизну. Одновременно съ представленіемъ этой драмы, пріѣхалъ въ Петербургъ тогдашній правитель Сули просить у Императора Александра Павловича защиты отъ новаго нападенія албанцевъ на его владѣнія. Онъ былъ приглашенъ на второе представленіе этой драмы въ императорскую ложу... Драма имѣла громадный успѣхъ, чему способствовали и современный интересъ и прекрасное исполненіе участвующихъ въ ней артистовъ; къ тому же вѣрность костюмовъ, декорацій и вообще вся постановка піесы были самыя тщательныя и роскошныя. На другой день Государь приказалъ объявить свое благоволеніе артистамъ, участвовавшимъ въ драмѣ, и выдать каждому изъ нихъ годовой окладъ жалованья"...

Интересное свѣдѣніе о Неваховичѣ имѣется въ театральной лѣтописи Арапова. „Въ 1810 г. 24 января кн. Шаховской поставилъ свою трагедію „Дебору". Въ это время жилъ у Шаховскаго Левъ *Николаевичъ* Неваховичъ, который тоже занимался драматическими сочиненіями; говорили тогда, что часть трагедіи принадлежала Неваховичу". (Неваховичъ именуется по отчеству въ однихъ источникахъ Николаевичемъ, въ другихъ Александровичемъ). По этому поводу ходилъ стишокъ (Ист. Вѣстн. 1883, кн. 7, стр. 150).

Еврей мой написалъ Дебору
А я ее списалъ.
Въ моихъ писаньяхъ много вздору—
Кто-же ихъ читалъ?

Въ Энц. Слов. Ефрона говорится, будто Неваховичъ былъ одно время начальникомъ репертуарной части Имп. театра, но это невѣрно.

титулярнаго совѣтника, а потомъ занимался коммерческими дѣлами; впрочемъ въ 1829 г. онъ перевелъ „Мысли объ исторіи человѣчества“ Гердера; въ 1831 г. мы его вновь встрѣчаемъ въ Петербургѣ; онъ пріѣхалъ сюда вѣроятно, чтобы поставить на сценѣ свою новую драму „Мечъ правосудія“, но 1 августа 1831 г. его застигла смерть, и его произведеніе увидѣло рампу, впрочемъ безъ всякаго успѣха, въ слѣдующемъ году [1]).

Перетцъ послѣдовалъ примѣру Неваховича; онъ крестился послѣ смерти своей жены, ни разу не пріѣхавшей къ мужу въ Петербургъ, и вступилъ въ бракъ со своей давней подругой-нѣмкой. Съ паденіемъ Сперанскаго судьба перестала улыбаться Перетцу; его дѣла пошатнулись и онъ вскорѣ раззорился. Въ 1825 г. его постигло еще большее

Сынъ Льва Неваховича, Александръ, правая рука извѣстнаго директора театровъ, Гедеонова, былъ театральнымъ чиновникомъ. Зотовъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Ист. Вѣстн. 1890 г. Апрѣль стр. 103—5) писалъ, что Алекс. Неваховичъ занялъ въ театрѣ „мѣсто *моего* отца“ т. е. отца Зотова, а составитель статейки въ Словарѣ ошибочно отмѣтилъ „своего отца“ т. е., будто Льва Неваховича.

У Неваховича было два сына Александръ и Михаилъ, оба причастные къ литературѣ; Михаилъ, человѣкъ гибкаго ума и неисчерпаемой фантазіи, былъ очень даровитъ; талантливый каррикатуристъ, онъ издавалъ первый въ Россіи каррикатурный журналъ „Ералашъ“. Зотовъ передаетъ, что сыновья не любили говорить о своемъ отцѣ.

Извѣстный ученый Мечниковъ приходится внукомъ Неваховичу.

[1]) Неваховичъ перешелъ въ лютеранство. На лютеранскомъ Волковомъ кладбищѣ, на надгробномъ памятникѣ Неваховича имѣются слѣдующія надписи:

„Hier ruhet in Gott der titularraht und Ritter Leo v. Newachowitz-geb. 26 Iuni 1776 ges. 1 Aug. 1831“.

„Auch ruhet hier Catharine Galawinsky verwittwete Newachovitz-geb. Michelson geb.-den 24 Märtz 1790 ges. 5 Okt. 1837“.

„Тамъ обители, міры, пространства—они блистаютъ въ полной юности, послѣ истеченія тысящелѣтій; перемѣна временъ не лишаетъ ихъ лучезарнаго свѣту.

Здѣсь-же подъ нашими взорами все истлѣваетъ, время угрожаетъ разрушеніемъ земному великолѣпію и земному щастію. Соч. Гердера, изъ трудовъ покойнаго“.

Неваховичемъ напечатанъ въ „Сынѣ Отечества“ (1817 г. № 30—31) переводъ „Рѣчи, говоренной покойнымъ Г. Генералъ-Суперинтендентомъ Рейнботомъ“.

горе: его сынъ Григорій, будучи уже въ чинахъ, замѣшанный въ декабрьскомъ дѣлѣ, былъ сосланъ въ Сибирь [1]).

И Неваховичъ и Перетцъ обрѣли на лонѣ новой религіи давно желанную свободу.

Какъ бы утративъ вѣру въ будущее Израиля, они, спасаясь отъ оскорбленій, наносимыхъ окружающей толпой, поспѣшили смѣшаться съ нею, нарядившись для этого въ чуждыя имъ одежды.

---

[1]) Одинъ изъ декабристовъ, Глинка, давая показанія слѣдственной комиссіи о своемъ знакомствѣ съ Григоріемъ Перетцемъ сообщилъ между прочимъ, о немъ слѣдующее. „Въ одно утро онъ (Перетцъ) очень много напѣвалъ о необходимости *общества къ высвобожденію* евреевъ, разсѣянныхъ по Россіи и даже Европѣ, и къ поселенію ихъ гдѣ нибудь въ Крыму или даже на Востокѣ въ видѣ отдѣльнаго народа. Онъ говорилъ, что кажется отецъ его, когда былъ еще богатъ, имѣлъ мысль о собраніи евреевъ; но что для сего нужно сообщество капиталистовъ и содѣйствіе ученыхъ людей и пр. Тутъ распѣлся онъ о томъ, какъ евреевъ собирать, съ какими тріумфами ихъ вести и проч. и проч. Мнѣ помнится, что на все сіе говореніе я сказалъ: „Да видно вы хотите придвинуть *преставленіе свѣта?* Говорятъ, что въ писаніи сказано (тогда я почти не зналъ еще писанія), что когда жиды выйдутъ на свободу, то свѣтъ кончится“. (Изъ рукописныхъ матеріаловъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Религіозная борьба

(въ концѣ 18 и началѣ 19 в.)

Религіозный расколъ, возникшій въ 18-мъ вѣкѣ въ польско-русскомъ еврействѣ, и по своему внутреннему содержанію, и по своему внѣшнему характеру принадлежитъ къ числу знаменательнѣйшихъ явленій, нарушавшихъ когда-либо обычное теченіе внутренней еврейской жизни. Правда, хасидизмъ не распространился на большую часть Зап. Европы, но, охвативъ польско-русское еврейство, онъ тѣмъ самымъ потрясъ жизнь наиболѣе многочисленной группы евреевъ, и это обстоятельство не менѣе, чѣмъ внутреннее значеніе событія:—раздѣленіе милліоннаго народа на двѣ религіозныя и вмѣстѣ съ тѣмъ на двѣ общественныя, порой враждебныя другъ другу, группы,—дѣлаетъ этотъ расколъ достояніемъ всеобщей еврейской исторіи.

Наши историки—Іостъ, а особливо Гретцъ, не оставили безъ вниманія раскола; о немъ писали и другіе, но несомнѣнно, что званіе историка раскола единственно и всецѣло принадлежитъ С. М. Дубнову; его изслѣдованія: „Введеніе въ исторію хасидизма", „Возникновеніе хасидизма", „Возникновеніе цадикизма", „Исторія хасидскаго раскола", „Религіозная борьба среди русскихъ евреевъ", въ своей совокупности, занимаютъ видное мѣсто во всеобщей еврейской исторической литературѣ [1]). На долю С. М. Дубнова выпала тяжелая задача возсоздать картину раскола на основаніи ма-

---

[1]) Эти труды печатались въ теченіе многихъ лѣтъ въ „Восходѣ" и такъ какъ полный комплектъ журнала сталъ библіографической рѣдкостью, то они почти недоступны читателю.

лодостовѣрнаго, хаотическаго матеріала. Полный измышленій, подсказанныхъ партійными интересами, и росказней, рожденныхъ мистическимъ настроеніемъ толпы, облекавшей событія въ дымку таинственности и легендарности, этотъ матеріалъ требовалъ тщательной и умѣлой историко-критической оцѣнки.

Тенденціознымъ характеромъ отличаются особенно данныя, касающіяся того момента борьбы, когда противники хасидовъ рѣшили прекратить „домашній споръ" не силою своего оружія или миролюбивымъ соглашеніемъ, а грознымъ veto русской власти; но о послѣднемъ взрывѣ междуусобной борьбы (1796—1801) сохранились и болѣе достовѣрные, оффиціальные документы.

Ознакомившись съ этими данными слѣдуетъ признать, что хотя С. М. Дубновъ имѣлъ подъ рукою малоблагодарный матеріалъ, онъ съ удивительнымъ чутьемъ выдѣлилъ изъ груды преднамѣренной и, такъ сказать, стихійно-создавшейся лжи, цѣлый рядъ исторически-вѣрныхъ фактовъ. Тѣмъ не менѣе, страницы его труда, посвященныя интересующему моменту, неполны и заключаютъ въ себѣ порою неточности; настоящій очеркъ внесетъ въ нихъ дополненія и поправки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я попытаюсь намѣтить новую точку зрѣнія на характеръ этого событія [1]).

---

[1]) Нижеуказанные документы изъ архива сената не приводятся полностью, а лишь цитируются, или на нихъ дѣлается только ссылка,— они будутъ отмѣчены въ текстѣ соотвѣтствующимъ нумеромъ.

№ 1.	Всеподданнѣйшее прошеніе Авигдора Хаимовича	(начало 1800 г.)	Деп. Мин. Юст. 1800 г. № 85.
№ 2.	Донесеніе литовск. военн. губ. Голенищева-Кутузова	12 іюля 1800 „	
№ 3.	тоже	30 іюля 1800 „	
№ 4.	Жалоба Авигдора Хаимовича на евр. языкѣ	декаб. 1800 „	1 Отд. 3 деп. 1801 г. № 413.
№ 5.	Донесеніе бѣлорусск. гражд. губ. Северина	13 нояб. 1800 „	
№ 6.	Жалоба Авигдора Хаимовича	декаб. 1800 „	
№ 7.	Прошеніе Залмана Борухова	мартъ 1801 „	
№ 8.	тоже	май 1801 „	
№ 9.	тоже	авг. 1801 „	
№ 10.	Отрывокъ изъ донесенія Фризеля	20 авг. 1800 „	1 Отд. 3 деп. 1800 года № 329.
№ 11.	Прошеніе Моисея Ошеровича	20 февр. 1799 „	
№ 12.	тоже	11 февр. 1799 „	
№ 13.	Опред. I Отд. 3 деп. Прав. Сената № 43	11 іюля 1800 „	

Хасидизмъ возникъ на Украйнѣ въ серединѣ 18-го в. Въ это время польское и литовское еврейство представляло собою печальную картину духовнаго вырожденія. Въ нынѣшнемъ сѣверо-западномъ краѣ, на Литвѣ, масса влачила жалкое существованіе, придавленная талмудической схоластикой, которою были скованы всѣ отправленія религіозно-бытовой и общественной жизни; въ юго-западномъ краѣ населеніе, полное религіознаго пыла, искало утѣшенія въ разныхъ мистическихъ ученіяхъ, не находя у раввиновъ-книжниковъ отвѣта на свои духовные запросы. Новое ученіе хасидизма должно было встрѣтить въ этой массѣ глубокое сочувствіе. Основатель хасидизма, *Израиль Бештъ*, провозгласилъ, что человѣка спасаетъ не талмудическая ученость, а искреннее благочестіе, душевная чистота да горячая молитва, и эта проповѣдь, освобождавшая еврея отъ излишнихъ мелочныхъ обрядовъ, въ изобиліи внесенныхъ раввинами въ еврейскую жизнь, и дававшая послѣднему бѣдняку утѣшеніе, что при всемъ своемъ духовномъ убожествѣ онъ можетъ быть угоденъ Богу, собрала вокругъ новаго учителя громадную толпу, жаждавшую простого, искренняго слова; къ Бешту примкнули также многіе изъ украинскихъ раввиновъ и также ученые талмудисты, ученость которыхъ не особенно цѣнилась въ этомъ темномъ краѣ. Бештъ не уничтожилъ раввината, но онъ подчинилъ этотъ институтъ верховному духовенству—цадикамъ, которые получили власть назначать и смѣщать раввиновъ. За цадикомъ, этимъ посредникомъ между Богомъ и обыкновеннымъ человѣкомъ, была признана чудодѣйственная сила, и паства обязана была предъ нимъ благоговѣть. Ближайшіе ученики Бешта, Беръ Межерицкій и Яковъ-Іосифъ Когенъ въ Полонномъ, усилили въ новомъ ученіи начало цадикизма, и число цадиковъ стало быстро возростать. Нѣкоторые изъ нихъ стояли на высотѣ своего призванія, являясь духовными пастырями народа, большинство же ограничивались ролью чудодѣевъ, основывая свой авторитетъ на невѣжествѣ и суевѣріи массы. Эта отрицательная сторона ученія вскорѣ скрыла за собою положительныя; исцѣляя якобы отъ недуговъ, давая житейскіе совѣты, цадики стали необходимы народу, и они-то главнымъ образомъ способствовали распространенію хасидизма; нерѣдко достаточно было появленія цадика въ новомъ мѣстѣ,

чтобы все населеніе перешло въ станъ хасидовъ. Съ теченіемъ времени хасидизмъ принялъ различныя направленія, благодаря измѣненіямъ, которыя были внесены нѣкоторыми виднѣйшими цадиками. Особенно рѣзкая грань легла между южнымъ хасидизмомъ и сѣвернымъ, литовско-бѣлорусскимъ. Лучшимъ представителемъ новаго ученія на сѣверѣ явился Залманъ Боруховичъ; отвергая чудодѣйственный элементъ, онъ признавалъ только истинныхъ вѣроучителей; само слово „цадикъ" было долго неизвѣстно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, и Залмана Боруховича называли „раввиномъ" даже его враги. Въ ученіи Залмана хасидизмъ вообще освободился отъ многихъ суевѣрныхъ представленій.

Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій 18-го в. хасидизмъ завоевалъ значительную часть населенія Подоліи, Волыни и Украины; что же касается Бѣлоруссіи и Литвы, то новое ученіе проникло вскорѣ и сюда, но къ нему примкнули лишь немногочисленныя группы, скрывавшія свою принадлежность къ сектѣ; только къ концу 18-го в., послѣ долгой упорной борьбы съ раввинизмомъ, хасидизмъ получилъ здѣсь широкое распространеніе. Во главѣ литовскаго раввината стоялъ въ то время знаменитый ученый талмудистъ Илія Виленскій, удостоившійся рѣдкаго титула „гаона"; наиболѣе энергичный противникъ хасидизма, онъ возсталъ противъ него еще тогда, когда въ Литвѣ только начали возникать хасидскіе кружки. Это было въ 1772 г.; съ разрѣшенія гаона виленскій раввинско-кагальный судъ предалъ херему сектантовъ и обратился къ другимъ общинамъ съ воззваніемъ принять сообща мѣры противъ вѣроотступниковъ; тогда же были схвачены нѣкоторые мѣстные главари хасидскихъ кружковъ и подвергнуты тяжкимъ наказаніямъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1781 г., возобновились опять гоненія; собравшись въ м. Зельвѣ во время обычной ярмарки, литовскіе раввины вновь обратились съ прокламаціями ко всѣмъ еврейскимъ общинамъ, приглашая ихъ принять рѣшительныя мѣры противъ хасидовъ; въ связи съ этимъ начались усиленныя гоненія на Залмана, объявленнаго ересіархомъ. Но старанія раввиновъ ни къ чему не привели— хасидизмъ все болѣе и болѣе распространялся, и его противники, казалось, рѣшили сложить оружіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Обостреніе религіозной борьбы съ 1796 г.—Внесеніе въ борьбу элемента общественной гегемоніи.—Событіе въ Пинскѣ.—Раввинскій съѣздъ въ Вильнѣ.—Походъ противъ хасидовъ.—Смерть виленскаго гаона.—„Совѣтъ пяти мужей".—Борьба хасидовъ съ кагалами.—Дѣйствія виленскихъ хасидовъ.

Послѣ относительнаго затишья, продолжавшагося около 14-ти лѣтъ, 1796 годъ открываетъ собою періодъ новой борьбы. За эти 14 лѣтъ столкновенія между хасидами и ихъ противниками не прекращались, но они происходили лишь въ отдѣльныхъ пунктахъ, и въ нихъ принимали участіе лишь небольшія группы населенія. Борьба-же, начавшаяся въ 1796 г., охватила болѣе широкіе слои общества въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, и отчасти на Волыни и въ Подоліи.

Историкъ Дубновъ объясняетъ это затишье тѣмъ, что политическія смуты и внутреннія войны, охватившія Польшу и Литву, а также неурядицы въ большинствѣ кагаловъ, особенно въ виленскомъ, нарушившія согласіе въ средѣ противниковъ хасидизма, отвлекли вниманіе „ревнителей вѣры" отъ религіозной распри. Къ этимъ общимъ причинамъ историкъ присоединяетъ и то обстоятельство, что миснагдимъ убѣдились въ недѣйствительности отлученій и другихъ мѣръ, не остановившихъ распространенія сектантства, и что многіе противники хасидизма рѣшили воздержаться отъ искорененія ереси: одни—изъ опасенія нарушить общественное спокойствіе, другіе—не желая наносить ущербъ своимъ личнымъ интересамъ; къ числу послѣднихъ принадлежали, между прочимъ, духовные пастыри, нерѣдко зависѣвшіе матеріально отъ хасидовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти послѣдніе утвердились. Когда-же край былъ умиротворенъ, миснагдимъ должны были убѣдиться, что за это время хасидская партія численно возросла, и что ихъ бездѣйствіе, особенно-же молчаніе виленскаго гаона, дало хасидамъ поводъ толковать въ свою пользу затишье; хасиды стали распространять ложные слухи, будто самъ гаонъ смѣнилъ гнѣвъ на милость [1]), вслѣдствіе чего иные раввины вздумали даже

[1]) Хасиды дошли до того, что одинъ изъ нихъ (1796 г.), облекшись въ одѣяніе кающагося грѣшника, сталъ бродить по западному краю

вступать въ компромиссы съ сектантами. Тогда-то противники хасидизма рѣшили вновь ополчиться на враговъ.

Конечно, политическія смуты и неурядицы въ кагалахъ могли вызвать затишье въ дѣлѣ преслѣдованія хасидовъ; съ другой стороны, умиротвореніе края было благопріятнымъ условіемъ для возобновленія внутренней борьбы, и въ этомъ случаѣ какая-нибудь необузданная выходка хасидовъ могла послужить casus'омъ belli. Но вѣрнѣе то, что основная причина возобновленія борьбы была болѣе глубокая: хотя каждая изъ партій по прежнему стремилась къ своей конечной цѣли—водворить защищаемое ею религіозное ученіе—эта борьба и по своему характеру, и по своему содержанію отлична была отъ прежнихъ столкновеній.

Въ интересахъ миснагдимъ было не допускать хасидовъ къ участію въ общественныхъ дѣлахъ и надо думать, что это не представляло для миснагдимъ особенныхъ трудностей, такъ какъ сами хасиды, вѣроятно, не надѣясь на свои силы, не обнаруживали особаго стремленія вступить въ составъ кагаловъ. Но вскорѣ въ хасидской средѣ нашлись люди, которые, понявъ значеніе общественной, точнѣе—общинной власти, овладѣли ею въ интересахъ своей партіи. Это именно обстоятельство и придало новый характеръ борьбѣ. Дѣло было такъ.

Послѣ 1772 г. пинскій раввинъ Леви-Ицхокъ Бердичевскій, перешедшій на сторону хасидовъ, долженъ былъ покинуть городъ, и его мѣсто занялъ Авигдоръ Хаимовичъ (сынъ раввина въ Каличѣ) [1]). Ревностный слуга гаона, Авигдоръ именовалъ себя „оберъ-раббиномъ" Пинска и принадлежащихъ къ нему тридцати городовъ, въ дѣйствительности же Авигдоръ взялъ на откупъ раввинскіе доходы [2]) лишь въ

выдавая себя за сына гаона и увѣряя всѣхъ, что будь гаонъ моложе, онъ самъ сталъ-бы вербовать приверженцевъ ученію хасидизма. Ист. рел. раскола, гл. XII.

[1]) Авигдоръ разсказываетъ о себѣ, что онъ съ раннихъ лѣтъ готовился быть раввиномъ, и что впервые онъ занялъ постъ раввина въ Лесли; онъ часто бывалъ въ Варшавѣ, гдѣ приходилъ въ близкое соприкосновеніе съ польской аристократіей.

[2]) Док. № 8 и 4. Раввинъ утверждался владѣльцами имѣній, которымъ Авигдоръ, человѣкъ богатый, заплатилъ за это извѣстную сумму. Кагалу Авигдоръ внесъ 400 червонныхъ, которые онъ впослѣдствіи потребовалъ обратно, объясняя, что это была лишь безпроц. ссуда.

четырехъ пунктахъ и только о нихъ онъ и упоминаетъ, а именно: въ Пинскѣ и въ близь лежащихъ Злобинѣ, Столинѣ, а также въ Добровичахъ.

Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, въ особенности начиная съ 90-хъ годовъ, хасидизмъ сталъ быстро распространяться въ Минской губ., главенство надъ партіей (съ 1792 г.) сосредоточилось въ рукахъ двухъ лицъ: Мордохая Ляховицкаго и Ошера Карлинскаго, имѣвшаго свою резиденцію сперва въ Карлинѣ (предмѣстьѣ Пинска), а затѣмъ въ Столинѣ [1]).

Воспользовавшись своей многочисленностью, хасиды произвели переворотъ, свидѣтельствующій, что они представляли собою значительную организованную общественную силу. Но пусть разскажетъ объ этомъ самъ потерпѣвшій Авигдоръ Хаимовичъ. „Когда я (былъ) избранъ оберъ-раббиномъ въ Пинскѣ и въ тридцати къ оному принадлежащихъ городахъ,—повѣствуетъ Авигдоръ въ своей всеподданнѣйшей жалобѣ,—долженъ я признаться, что я съ явившеюся тамъ сектою никакого обращенія имѣть не хотѣлъ, что и было мнѣ особенно пріятно. Я старался даже крайне моими къ нимъ дѣланными штрафными проповѣдьми [2]) вывести ихъ изъ заблужденій, дабы ихъ привести опять на путь истины. Но, какъ я послѣ того увидѣлъ, что сіе ни малѣйшаго дѣйствія въ нихъ не производитъ, а попались мнѣ въ руки ихъ тайно напечатанныя книги [3]), въ которыхъ они съ особенной вольностью изъясняли противу всѣхъ законовъ, то привело меня въ смятеніе, поелику не зналъ я про себя, какъ бы ихъ уничтожить, ибо хотя я и былъ ихъ оберъ-раббиномъ, но какъ во всѣхъ вѣдомству моему принадлежавшихъ городахъ большая часть была уже той секты, то и не могъ я себѣ присвоить столько власти, дабы сжечь ихъ книги публично. Но я былъ принужденъ увѣдомить о семъ приключеніи покойнаго высокоученаго Эліаса въ Вильнѣ, поелику онъ былъ разумнѣйшій изъ всѣхъ нашихъ ученыхъ, какъ въ священномъ писаніи, такъ и въ тайномъ писаніи [4]). Я объявилъ ему содержаніе книгъ

[1]) Ист. Хасид. раскола, гл. XII.

[2]) Всюду сохраняется орѳографія подлинниковъ.

[3]) Т.-е. не снабженныя разрѣшеніемъ раввиновъ къ выпуску.

[4]) Т.-е. каббалѣ.

оной секты и просилъ его, дабы онъ сдѣлалъ мнѣ помощь добрымъ своимъ совѣтомъ, ибо я опасался, поелику они столько дурнаго и такія вольности помѣстили въ книгахъ своихъ, называя себя нашими собратіями, чтобы сіе не дошло до высокаго правленія и чтобы не пострадалъ тогда невинный за виннаго. Кромѣ того доказалъ я ему, что поелику въ книгахъ ихъ помѣщено отводить добродѣтельнаго съ пути истиннаго, то по законамъ нашимъ надлежало оныя книги публично сжечь. Сіе и исполнили они въ Вильнѣ и велѣли книги оной секты публично передъ домомъ молитвы сжечь [1]). Когда секта сіе узнала и примѣтила, что я вельмо противу ихъ мыслей, возстали они всѣ однимъ союзомъ противъ меня, разстроили мои доходы и уговорили напослѣдокъ другихъ, дабы они не отдавали мнѣ принадлежащее мнѣ, и кто бы такой не учинилъ къ таковому совѣту вниманіе? Оттого обнищалъ я наикрайнѣйше, даже въ трехъ городахъ, а именно въ Злобинѣ, Столинѣ и Добровичѣ, которые были подъ моимъ надзоромъ, но коихъ были старшины оной секты [2]), исходатайствовали они отъ господъ оныхъ городовъ свободу, что мнѣ запрещено многажды пріѣзжать туда. Послѣ того умножились они въ Пинскѣ весьма, и прежде еще, нежели время мое пришло къ смѣнѣ мѣста оберъ-раббина, отняли они у меня оное насильно, и съ величайшимъ мнѣ сдѣланнымъ стыдомъ взяли подобающій мнѣ въ домѣ молитвы стулъ, положили на мѣсто онаго песокъ и землю,—что имѣло подобіе съ тѣми, которые извѣстны о томъ, какъ они поступили, ибо по іудейской религіи введено, что тотъ, кто оберъ-раббинское мѣсто занимаетъ, хотя бы и на опредѣленное время принятъ былъ никогда не можетъ быть отставленъ отъ онаго: но оная секта не уважила того, но свергнули меня съ величайшимъ стыдомъ за два года еще передъ истеченіемъ принятаго мною срока и отняли у меня всѣ доходы [3])". По жалобѣ

[1]) Изъ документа № 3 видно, что это было „Завѣщаніе Бешта".

[2]) Очевидно, что въ этихъ пинскихъ прикагалкахъ хозяйничали хасиды.

[3]) Залманъ говоритъ, что хасиды „не хотѣли по истеченіи срока далѣе его къ торгу допустить, ибо излишнее вынуждалъ и перебиралъ и въ разсужденіе частаго употребленія горячихъ напитковъ, о чемъ изъ повальнаго обыска, тамъ учиненнаго, дѣйствительно значится". Док. № 8.

Авигдора магистратъ предписалъ, „дабы въ нашемъ домѣ молитвы публично вызовомъ было извѣщено, чтобы я мое прежнее мѣсто оберъ-раббина столь долго занималъ, пока дѣло не кончено будетъ судомъ. Дабы сіе исполнить, послалъ магистратъ своего секретаря въ домъ молитвы, дабы въ его присутствіи сіе повелѣніе извѣщено было. Когда узнала о томъ секта, то заклялись они между собою уничтожить рѣшеніе магистрата и избрали между собою одного, яко старшину; и какъ секретарь съ симъ взвѣщеніемъ хотѣлъ войти въ домъ молитвы, то всѣ воспротивились они тому наикрайнѣйше и не впустили его".

Хасиды, однако, не удовлетворились этимъ успѣхомъ: „А какъ по высочайшему вашего Императорскаго Величества повелѣнію — повѣствуетъ далѣе Авигдоръ — постановлено, чтобы въ каждомъ городѣ, гдѣ нашей религіи кто находится, были бы изъ іудеевъ судьи, дабы судить дѣла, касающіяся до религіи. Симъ же людямъ надлежитъ быть въ религіи учеными. Но таковыхъ отвергнула секта, а избрали по ихъ угодности людей такихъ, которые ни малѣйшаго опыта въ томъ не имѣютъ, и избрали въ старшины *Гершеля Колоднера*—единственно для того, что онъ со всею его фамиліею есть той же секты".

Это произошло не позже, чѣмъ въ началѣ 1796 г. [1]).

Смѣщеніе духовнаго суда, составленнаго изъ миснагдимъ, было блестящей побѣдой хасидовъ; не говоря о томъ, что при новомъ судѣ хасидизмъ могъ въ этомъ раіонѣ свободно развиваться, событіе это должно было внушить всей партіи мысль о борьбѣ съ противниками на почвѣ *общинной власти*. И надо думать, что подобная борьба и происходила въ ближайшіе годы въ Минской губерніи съ благопріятными

[1]) Въ документѣ не указана дата, но я потому останавливаюсь на началѣ 1796 г., что Авигдоръ принесъ жалобу на хасидовъ ген.-губернатору Тутолмину, который былъ на этомъ посту до декабря 1796; при этомъ есть указаніе, что Авигдоръ обратился къ ген.-губернатору не ранѣе, чѣмъ черезъ полгода послѣ избранія Колоднера; видно также, что до жалобы ген.-губернатору Авигдоръ просилъ содѣйствія у губернатора, что также потребовало извѣстнаго времени. Кромѣ того, въ 1800 г. Авигдоръ писалъ, что дѣло его съ пинскими хасидами тянется „около 6 лѣтъ". Если же даже допустить, что избраніе Колоднера произошло позже, чѣмъ я указываю, то смѣщеніе Авигдора несомнѣнно произошло въ 1795 или 1794 г.

результатами. Въ 1800 г. минскій губернаторъ Карнѣевъ доносилъ, что каролинская секта „отправляетъ молитвы свои и прочее *безъ всякаго препятствія отъ древней*“ [1]) (т.-е. миснагдимъ). Вышеупомянутое пинское событіе вмѣстѣ съ тѣмъ должно было обнаружить предъ „ревнителями вѣры“, какую общественную силу они встрѣтили въ лицѣ противника. О бѣдствіяхъ, которыя претерпѣлъ Авигдоръ и представители пинскихъ миснагдимъ, не могъ не знать гаонъ, и трудно думать, чтобы захватъ хасидами власти не вызвалъ въ немъ опасенія за будущее. Если теперь хасидамъ удалось потрясти хотя бы въ незначительной, сравнительно, части духовную власть раввинской партіи, то не удастся ли имъ захватить въ свои руки и свѣтскую, вѣрнѣе, административную власть?

Возможно, что именно это событіе заставило миснагдимъ воспрянуть отъ 14-ти-лѣтняго покоя. Во всякомъ случаѣ въ дальнѣйшемъ борьба велась вокругъ вопроса объ общинной власти.

Весною 1796 г. въ Вильнѣ состоялось подъ предсѣдательствомъ гаона засѣданіе раввиновъ и представителей кагаловъ, постановившее призвать къ борьбѣ противъ хасидовъ всѣ вліятельныя общины Литвы и Бѣлоруссіи и вступить съ ними въ переговоры относительно общихъ мѣръ противодѣйствія распространенію сектантства. Былъ разосланъ циркуляръ виленскаго гаона, призывавшаго всѣхъ къ борьбѣ съ шайкой „людей злыхъ и преступныхъ, именующихъ себя хасидами“; такой циркуляръ былъ между прочимъ доставленъ и въ Минскъ, но здѣсь хасиды распространили слухъ, что циркуляръ подложенъ; этого было достаточно, чтобы раввины воздержались отъ его обнародованія. Тогда послѣдовалъ второй, болѣе суровый циркуляръ (нижеприводимый съ нѣкоторыми пропусками). Это посланіе гаона выясняющее атмосферу, въ которой происходила религіозная борьба, было обращено ко всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ вождямъ евреевъ Литвы, Бѣлоруссіи, Подоліи и Волыни [2]).

---

[1]) Док. № 2.

[2]) Истор. хасид. раскола, гл. XII. Оттуда же заимствовано посланіе гаона.

„Вѣрные сыны Израиля, благоговѣйно покорные слову Божію, идущіе на проломъ, дабы отстоять домъ Израилевъ, очистить сердца отъ камней, охранить паству Божію, какъ пастырь—стадо свое; вы, предводители губернскаго кагала г. Минска,—да охранитъ васъ Богъ за то, что вы первые вышли на священную борьбу! Пламя вашего рвенія прорвалось и охватило сухіе сучья, которые слѣдуетъ искоренить изъ вертограда Господня—изъ народа, избраннаго Богомъ, какъ наслѣдіе Его. Если они (хасиды) издѣваются (надъ закономъ), то сокрушите имъ голову! Пусть безумцы, строющіе козни, поймутъ, что ждетъ ихъ, и не вернутся къ своему безумію.

„Первыми должны выступить въ походъ вы, герои, избранники означеннаго города, а съ вами должны раздѣлить трудъ ваши пастыри, избранные въ губернскомъ кагалѣ. Вы же, горы Израиля, духовные пастыри каждой губерніи, свѣтскіе вожди каждой губерніи, вы, предводители губернскихъ кагаловъ Могилева, Полоцка, Житоміра, Винницы, Каменца-Подольска,—въ вашихъ рукахъ есть молотъ, которымъ вы можете разбить злоумышленниковъ, противниковъ свѣта, враговъ народа, и обратить ихъ въ бѣгство! Вы, воины слова Божія, имѣете силу искоренить тѣхъ, которые окажутъ сопротивленіе справедливому приговору, который вы произнесете надъ виновными.

„..... Горе этому роду (хасидовъ), проклинающему своего отца (Бога) и не благословляющему своей матери (св. Торы)! Тяжко провинились они передъ вами, отвернувшись отъ васъ... Они нарушили законы, отвергли постановленія своего Создателя и дѣлаютъ въ божественномъ ученіи открытія, несогласныя съ истиною... На это камни изъ стѣнъ вопіютъ, и небо облекается въ трауръ, ибо вѣнецъ закона оскверненъ, и высокое унижено... Горе ихъ дурнымъ пастырямъ, измыслившимъ отъ себя новый законъ и новое ученіе... Между ними (хасидами) есть люди, запятнавшіе себя кровью невинныхъ бѣдняковъ. Всякому дурному дѣлу они содѣйствуютъ, всякаго злодѣя и грѣшника они поддерживаютъ... Нужно всенародно наказывать скорпіонами этихъ безумцевъ, для ихъ же исправленія. Пусть никто не сжалится надъ ними и не пріютитъ ихъ. Пусть общество лицемѣровъ останется всѣми покинутымъ. Тотъ, кто послѣдуетъ за ними,

пусть будетъ выставленъ къ позорному столбу.. Облекитесь рвеніемъ во имя Бога, пусть искры летятъ изъ-подъ вашихъ ногъ, пусть пламя пышетъ изъ устъ вашихъ, пусть сверкаетъ мечъ,—мечъ-мститель за божественный законъ, за священный завѣтъ....."

Этотъ циркуляръ, въ отличіе отъ предыдущихъ подобныхъ посланій, былъ обращенъ, по словамъ С. Дубнова, главнымъ образомъ къ „губернскимъ кагаламъ", а не къ духовнымъ пастырямъ, причемъ онъ призывалъ вѣрующихъ къ открытой *административной борьбѣ* [1]) съ хасидами. Не произошло ли это именно потому, что случай въ Пинскѣ поколебалъ довѣріе къ мощи духовныхъ пастырей, и что ревнители убѣдились въ захватѣ хасидами административной, иначе говоря, общинной власти?

Судьба, однако, жестоко посмѣялась надъ посланіемъ гаона; призывъ къ борьбѣ былъ обращенъ ко всѣмъ губернскимъ кагаламъ, за исключеніемъ виленскаго—вѣдь въ Вильнѣ пребывалъ самъ гаонъ! А между тѣмъ, именно этотъ кагалъ не только не разбилъ хасидовъ, но наоборотъ хасидамъ удалось, хотя лишь на нѣкоторое время, разстроить сомкнутый рядъ кагала, введя въ его составъ своихъ сторонниковъ.

Въ сентябрѣ 1797 г. умеръ гаонъ, и въ то время, какъ его многочисленная паства, рыдая, опускала его тѣло въ могилу, хасиды, торжествуя кончину ненавистнаго врага, предавались веселью и пиршеству. Объ этомъ стало извѣстно миснагдимъ, и они, возмущенные этимъ дикимъ глумленіемъ надъ святостью смерти, поклялись отомстить сектантамъ. Смерть гаона была великимъ ударомъ для миснагдимъ: если этотъ гигантъ былъ безсиленъ бороться съ сектантами, то кто же могъ его замѣстить? Преемника, конечно, не нашлось, и веденіе борьбы перешло изъ рукъ гаона въ руки пяти человѣкъ. Раввинъ Лейбель—сынъ Бера, голова Давидъ—сынъ Якова, голова Мойсей—сынъ Ошера, голова Айзикъ сынъ Авраама Сегаль и правитель Рафаилъ—сынъ Мордохая—эти лица были снабжены неограниченнымъ полномочіемъ по веденію религіозной борьбы; въ ихъ же распоряженіе была предоставлена касса. Одновременно съ избра-

---

[1]) Истор. хасид. раскола, гл. XII.

ніемъ ихъ виленскій кагалъ занесъ въ общинную актовую книгу запись, касавшуюся этой борьбы и, между прочимъ, гласившую: „Если на кого-нибудь будетъ показано, что онъ принадлежитъ къ означенной сектѣ, а подавно, если станетъ извѣстно, что онъ идетъ по путямъ ихъ (сектантовъ) и слѣдуетъ ихъ обрядамъ,—то такой человѣкъ не только отлучается и отвергается отъ всѣхъ и считается чуждымъ всего святого въ еврействѣ, но вовсе не признается сыномъ Израиля и приравнивается къ самаритянину и саддукею. Его вино и хлѣбъ запрещено вкушать, онъ совершенно изгоняется изъ нашего города, *лишается здѣсь всякаго права владѣнія*, и подавно *не имѣетъ права занимать какую бы то ни было должность въ кагалѣ*, участвовать въ собраніяхъ или въ какомъ-нибудь братствѣ. Все это дѣлается чрезъ тайнаго преслѣдователя... Всякій изъ нашей общины, который пожелаетъ взять на себя роль преслѣдователя въ означенномъ дѣлѣ, имѣетъ на то полное право, какъ если бы былъ уполномоченъ всѣмъ духовнымъ собраніемъ“ [1]).

Этимъ преслѣдователемъ сталъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, Мойсей—сынъ Ошера.

На другой день послѣ того, какъ состоялось означенное постановленіе, виленскія синагоги, по случаю праздника Гашанна-Раба, были переполнены молящимися. Въ одинъ изъ перерывовъ богослуженія во всѣхъ синагогахъ раздались вдругъ потрясающіе звуки „шофера“, всѣ свѣчи были погашены, и среди водворившагося мрака и тишины, громогласно было прочитано все постановленіе, иначе говоря,—херемъ, отлученіе. Молящихся охватилъ священный ужасъ, „еретики“ были осуждены [2])...

Предпринятыя миснагдимъ мѣры, имѣвшія въ виду воздѣйствовать на противниковъ путемъ физическихъ и нравственныхъ страданій, въ особенности матеріальныхъ лишеній, значительно посодѣйствовали тому, что борьба была перенесена съ религіозной почвы на общественно-житейскую.

Въ силу порядка, сперва установленнаго русской властью, а затѣмъ продолжавшагося вопреки послѣдовав-

---

[1]) Ист. хасид., гл. XIII.—Это постановленіе состоялось 10 окт. 1797 г. „по Римскому исчисленію“. Док. № 12.

[2]) Ibid.

шей законодательной отмѣнѣ, кагалъ пользовался судебными функціями въ дѣлахъ гражданскаго характера, возникавшихъ между евреями; если къ этому присовокупить, что кагалъ вѣдалъ финансами общины и раскладкой податей, распоряжался различными статьями доходовъ и въ сферу его власти входило все, что такъ или иначе было связано съ религіозной жизнью общины: благотворительныя учрежденія, молельни, школы, рѣшеніе вопросовъ о разводѣ и проч.—то станетъ понятнымъ, какъ легко было виленскому кагалу поражать хасидовъ въ ихъ правахъ и вредить ихъ матеріальнымъ интересамъ. Ясно, что хасиды изъ чувства самозащиты должны были направить свои усилія къ тому, чтобы лишить кагалъ права провозглашать херемы и рѣшать духовныя и гражданскія дѣла. А для этого представлялся одинъ очень легкій путь: обратиться за содѣйствіемъ къ русской власти. Хасиды такъ и поступили.

Мѣры, которыя намѣревался теперь провести „совѣтъ пяти мужей", ничѣмъ не отличались отъ мѣръ, предпринимавшихся нерѣдко и до того въ отношеніи хасидовъ; какъ теперь, удары и тогда обрушивались на матеріальное благосостояніе и нравственныя чувства сектантовъ. И невольно возникаетъ вопросъ: не прибѣгали ли хасиды и до этого за помощью къ внѣшней власти?

Прослѣдить этотъ вопросъ въ Польшѣ весьма трудно. Начиная со второй четверти 18-го в., борьба „рядовыхъ" евреевъ съ кагальной организаціей принимаетъ широкіе размѣры [1]), и очень возможно, что по мѣрѣ распространенія хасидизма преобладающимъ элементомъ среди рядовыхъ евреевъ были хасиды, которые болѣе другихъ страдали отъ кагала и настойчивѣе могли защищать свои права благодаря своей сплоченности. Къ сожалѣнію, данныя о жизни евреевъ въ Польшѣ въ 18 го в. весьма скудны и, обходя этотъ моментъ молчаніемъ, можно лишь отмѣтить, что въ указанномъ отношеніи имѣется одно только свидѣтельство Авигдора (жившаго въ Минской губерніи во время польскаго владычества), который говоритъ, что „какъ напослѣдокъ блаженныя памяти его величества король Понятовскій въ правленіе въ Польшѣ вступилъ, довела сія секта

---

[1]) С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи, гл. I.

(т.-е. хасидская) чрезъ другихъ (?) столь далеко, что у іудеевъ отнято ихъ право имѣть старшинъ и судей между собою" [1]).

Что же касается Россіи [2]), то вѣроятно, что именно хасиды ослабили въ минской губерніи власть кагаловъ и духовныхъ судовъ. Минская губернія была присоединена къ Россіи въ 1793 г., и первое время кагалъ дѣйствовалъ подъ русскимъ господствомъ съ тѣми же широкими полномочіями, какія были присущи ему въ Польшѣ; но уже въ началѣ 1795 года ген.-губернаторъ Тутолминъ, посвященный въ распрю между хасидами и ихъ противниками, которая здѣсь, какъ отмѣчено выше, постепенно стала клониться въ пользу сектантовъ—представилъ государынѣ свои заключенія касательно губерніи, вслѣдствіе чего именнымъ указомъ [3]) (5 мая 1795 г.) было установлено, чтобы губернскіе и уѣздные кагалы не касались „ни до какихъ иныхъ дѣлъ, кромѣ обрядовъ закона и богослуженія ихъ". Это распоряженіе и имѣлъ, по всей вѣроятности, въ виду Авигдоръ, говоря: „прежде всегда было у насъ въ обыкновеніи, чтобы токмо наши уче-

---

[1]) Док. № 1.

[2]) По присоединеніи бѣлорусскихъ губерній къ Россіи (1772 г.) за евреями было сохранено ихъ внутреннее самоуправленіе, и кагалу былъ предоставленъ какъ духовный судъ, такъ и разборъ гражданскихъ дѣлъ между евреями, причемъ губернскій кагалъ служилъ апелляціонной инстанціей. Между тѣмъ уже въ 1782 г. было обращено вниманіе сената на то, что въ виду отсутствія указанія, куда могутъ быть обжалованы рѣшенія губернскихъ кагаловъ, „принуждены обвиненные иногда невинно страдать", а вслѣдъ затѣмъ въ виду уравненія евреевъ въ сословно-городскомъ самоуправленіи съ евреями,—и кагалы были лишены судебныхъ функцій. Это распоряженіе было противно интересамъ правящаго класса; въ 1784 году представители полоцкихъ и могилевскихъ евреевъ обратились къ государынѣ съ просьбой объ учрежденіи гражданскихъ еврейскихъ судовъ, но имъ было отказано. Кто же были эти невинно страдавшіе отъ власти губернскаго кагала и пытавшіеся освободиться отъ этого гнета и замѣнить еврейскій судъ общегосударственнымъ? Вспомнивъ, что именно въ это время (1782 г.) среди бѣлорусскихъ хасидовъ началось новое движеніе и что усиленіе хасидской партіи вызвало новый походъ миснагдимъ (С. М. Дубновъ. Ист. хас. раскола), и сопоставивъ эти данныя съ подобными же обстоятельствами, о которыхъ рѣчь будетъ дальше, можно кажется съ нѣкоторымъ основаніемъ предположить, что тутъ былъ отголосокъ борьбы хасидовъ съ кагаломъ.

[3]) П. С. З., т., XXIII № 17327.

ные рѣшали дѣла... Что и покойная государыня утвердила при вступленіи на престолъ (?) [1]), дабы іудейскія спорныя дѣла были рѣшены учеными іудеями. Но богатые люди [2]), которымъ сіе не нравилось, довели происками до того, что сила іудейскаго суда въ спорныхъ дѣлахъ осталась тщетна" [3]). Спустя же короткое время въ Пинскѣ, какъ выше указано, была поколеблена сила духовнаго суда, когда миснагдимъ, засѣдавшіе въ судѣ, должны были уступить мѣсто своимъ противникамъ.

Наконецъ, хасиды вступили въ борьбу съ оплотомъ миснагидской партіи—виленскимъ кагаломъ.

Успѣхъ литовскихъ сектантовъ за время съ 1781 по 1796 г. выразился главнымъ образомъ въ ихъ количественномъ усиленіи въ минской губерніи, но несомнѣнно, что и въ самой Вильнѣ, и въ ея окрестностяхъ, хасидовъ было болѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Мовша Ошеровичъ говоритъ, что въ Вильнѣ было только 12—15 „хозяевъ" хасидовъ; повидимому, ему были извѣстны лишь наиболѣе вліятельные, богатые члены хасидской партіи, не очень-то скрывавшіе своей принадлежности къ новому ученію и являвшіеся главарями отдѣльныхъ кружковъ.

Но кромѣ нихъ были и такіе, которые только изъ страха передъ гаономъ носили маску, выдавая себя за миснагдимъ и лишь ждали случая, чтобы присоединиться открыто къ своимъ единомышленникамъ. Смерть гаона придала смѣлость хасидамъ; это видно даже изъ нѣсколькихъ легендарныхъ сказаній о дерзкихъ безчинствахъ, учиненныхъ хасидами въ день погребенія гаона; характерно въ этомъ отношеніи

---

[1]) Прошеніе Авигдора, поданное государю, было „словеснымъ переводомъ", т. е. Авигдоръ устно изложилъ на еврейскомъ языкѣ (вѣрнѣе на жаргонѣ) свои претензіи, а переводчикъ, мѣщанинъ Петръ Бернгардтъ, съ его словъ писалъ по-русски; ясно, что переводчикъ неправильно выразился, говоря о восшествіи на престолъ; онъ имѣлъ въ виду переходъ минской губ. подъ скипетръ государыни, такъ сказать, воцареніе государыни въ минской губ.

[2]) Говоря „богатые люди", Авигдоръ хотѣлъ сказать, что богатые хасиды подкупили мѣстныя власти; это видно изъ общаго содержанія записки.

[3]) Изъ одного документа, который будетъ ниже приведенъ, видно, что минское губернское правленіе выступило въ защиту преслѣдуемыхъ хасидовъ.

также преданіе, гласящее будто видный виленскій хасидъ Мееръ Рафаловичъ осмѣлился на самой могилѣ гаона высказать миснагдимъ всю правду объ образѣ дѣйствій почившаго въ отношеніи сектантовъ [1]). Дѣйствительно, сейчасъ-же послѣ смерти Иліи виленскаго хасиды стали обнаруживать кипучую дѣятельность,—объ этомъ свидѣтельствуетъ и Мовша Ошеровичъ. Говоря въ своей запискѣ на имя ген. прокурора, что при переходѣ края къ Россіи евреи, какъ и прочее населеніе, были оставлены при своихъ правахъ, онъ замѣчаетъ, что такими „прерогативами оное еврейское общество пользовалось спокойно и за Августѣйшаго царствованія Его Императорскаго Величества до октября мѣсяца 1797 г, то есть до того времени", пока каролины „не сыскали протекціи и покровительства у совѣтника Литовскаго Правленія господина Еліашевича" [2]).

Еще въ 1797 г. виленскому кагалу былъ нанесенъ нѣкоторый ударъ тѣмъ, что правившій тогда виленской губерніей Фризель запретилъ объявлять херемы, что, быть можетъ, произошло еще при жизни гаона вслѣдствіе ходатайства сектантовъ; но видя, что совѣтъ пяти мужей предпринимаетъ новыя суровыя мѣры, хасиды рѣшили прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ борьбы. И вотъ, подъ покровительствомъ Еліашевича, каролины,—какъ разсказываетъ Мовша Ошеровичъ,—„начали насъ, составляющхъ виленскій кагалъ евреевъ, всячески обезпокоивать своими нововыдуманными обрядами въ богомоленіи и прочемъ. Стараясь они, каролины, подкрѣпить то свое отступленіе отъ насъ, взнесли жалобу въ Литовское губернское правленіе о причиняемыхъ яко-бы нами для нихъ притѣсненіяхъ, которое, удовлетворяя оную ихъ жалобу во всемъ, въ противность нашихъ привиллегій и рѣшеній бывшаго литов-

---

[1]) Мееръ Рафаловичъ встрѣчается также подъ именемъ „Мееръ Рафаельсъ" (док. № 1) и Мееръ Рефоэльсъ (у Дубнова); онъ устроилъ у себя въ домѣ хасидскую молельню, которая впослѣдствіи была переведена въ домъ хасида Ицки Абрамовича. Этому Ицкѣ Абрамовичу Мовша Ошеровичъ съ товарищами „для отвращенія соблазна сдѣлали въ Божницѣ предъ народомъ напоминовеніе по обряду своего еврейскаго закона и по силѣ привиллегіи отъ прежнихъ польскихъ королей евреямъ жалованныхъ, дозволяющихъ въ преступленіи религіи чинить наказанія". Док. № 12.

[2]) Док. № 11.

скаго королевскаго задворнаго и литовскаго надворнаго судовъ (которыя совсѣмъ отмѣнило), 26-ой день апрѣля 1798 г. запретило намъ по нашимъ духовнымъ законамъ наказывать евреевъ, нарушающихъ обряды религіи, позволило каролинамъ отправлять богомоленіе не по правиламъ праотцевъ нашихъ и не велѣно кагалу и духовному суду принимать и судить между евреями дѣлъ" [1]).

Эти дѣйствія виленскихъ хасидовъ находились въ тѣсной связи съ тѣмъ, что сдѣлали ихъ пинскіе собратья, и явились подготовительнымъ шагомъ къ тому coup d'état, который произвели виленскіе хасиды спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

Благопріятное отношеніе мѣстной власти къ хасидамъ не давало миснагдимъ надежды на успѣхъ борьбы, и они рѣшили прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, именно къ доносамъ на своихъ противниковъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Доносъ виленскихъ миснагдимъ (1798 г.).—Арестъ Залмана и заточеніе въ Петропавловской крѣпости.—Повелѣніе Павла I о терпимости секты.—Coup d'etat въ виленскомъ кагалѣ (1799 г.).—Протестъ виленскихъ старшинъ.—Новый походъ противъ хасидовъ.

Первый доносъ былъ сдѣланъ въ 1798 г. виленскими миснагдимъ; онъ долженъ былъ поразить главу бѣлорусскихъ хасидовъ, Залмана, и видныхъ мѣстныхъ сектантовъ; подъ доносомъ подписался нѣкій Гиршъ Давидовичъ изъ Вильны, но его тамъ впослѣдствіи не нашли: вѣроятно это было вымышленное лицо, или-же, въ виду неблагопріятнаго исхода доноса, миснагдимъ скрыли доносчика. Обвиненіе выставило Залмана и его послѣдователей не религіозными сектантами, а политическими преступниками; въ доносѣ говорилось не объ ихъ дѣйствіяхъ, вредныхъ для еврейскаго общества, а о „вредныхъ для государства поступкахъ". Въ результатѣ—

---

[1]) Док. № 11. Т. е. кагалу запрещено введеніе гражданскихъ дѣлъ, духовному суду—религіозныхъ. Изъ док. № 12 видно, что хасиды указывали властямъ на то, что миснагдимъ, вопреки запрещенію, вновь предаютъ херему сектантовъ.

бѣлорусскій губернаторъ получилъ предписаніе доставить въ Петербургъ Залмана, а литовскому гражданскому губернатору было приказано произвести разслѣдованіе и „главнѣйшихъ здѣшнихъ сообщниковъ рабина Боруховича прислать за крѣпкимъ карауломъ“ въ Петербургъ. Вслѣдствіе этого въ Вильнѣ и ближайшихъ повѣтахъ было арестовано 22 еврея, изъ коихъ семеро были признаны „главными сообщниками начальника ихъ“ и потому тотчасъ отправлены въ Петербургъ, остальные же, по снятіи съ нихъ допроса, были оставлены на мѣстѣ подъ стражею [1]). Было предписано захватить еще Орлика Мовшевича въ Островичѣ, но его не нашли. Принятіе правительствомъ такихъ чрезвычайныхъ мѣръ легко, конечно, объясняется общимъ характеромъ павловской эпохи; однако, надо думать, что въ данномъ случаѣ сыграло роль и то обстоятельство, что литовскій губернаторъ Я. И. Булгаковъ „увѣдомилъ дворъ въ 1798 г., что тамошніе обыватели дѣлаютъ потаенныя стачки, неблагопріятныя для Россіи, а полезныя для французовъ“ и Павелъ I „тотчасъ велѣлъ таковыхъ заговорщиковъ ловить и привозить въ петербургскую крѣпость, гдѣ ихъ въ тайной канцеляріи допрашивали, а по допросѣ присланы на судъ Сенату“ [2]). Повидимому, миснагдимъ воспользовались этимъ броженіемъ въ краѣ и представили Булгакову хасидовъ, какъ политически ненадежныхъ людей, и губернаторъ далъ знать объ этомъ въ Петербургъ [3]).

Залманъ предсталъ предъ тайной экспедиціей и изложилъ свои объясненія въ запискѣ на еврейскомъ языкѣ; за отсут-

---

[1]) Док. № 3.

[2]) 2-ое Акад. изд. соч. Державина т. 6. стр. 708.

[3]) Въ док. № 1 сказано: „поступки оной секты, соединенные съ вольностью и съ союзомъ между собою, усмотрѣлъ и бывшій въ Вильнѣ губернаторъ, о чемъ и сюда (Петербургъ) далъ знать“. „Надо полагать,—говоритъ по этому поводу С. М. Дубновъ,—что главнымъ дѣятелемъ въ этой темной исторіи и дѣйствительнымъ орудіемъ миснагидской партіи былъ Абрамъ Перетцъ... Какъ уроженецъ Бѣлоруссіи и зять знаменитаго „ревнителя“ Іошуи Цейтлина изъ Шклова, онъ, конечно, былъ хорошо посвященъ въ еврейскія общественныя дѣла; какъ бывшій талмудистъ и свѣтски образованный человѣкъ, онъ не могъ не питать непріязни къ хасидской партіи; наконецъ по своимъ постояннымъ сношеніямъ съ высшими государственными сановниками, и особенно съ Кутайсовымъ, любимцемъ Павла I, онъ одинъ могъ довести до Высочайшаго свѣдѣнія то, что нужно было въ видахъ миснагидской, партіи“.

стніемъ въ Петербургѣ еврейскаго переводчика записка была послана въ Вильну; здѣсь ее перевели на французскій языкъ и 1 ноября 1798 г. отослали въ Петербургъ.

Вполнѣ понятно, что правительство Павла I должно было успокоиться, увидѣвъ предъ собою не политическое сообщество, а еврейскую религіозную секту, и вскорѣ литовскому губернатору было сообщено, что государь, не усмотрѣвъ „въ поведеніи евреевъ, коихъ считаютъ въ сектѣ той, ничего вреднаго для государства, ниже развратнаго въ нравахъ и нарушающаго общее спокойствіе", повелѣлъ освободить всѣхъ заключенныхъ, если „не откроется чего подозрительнаго въ дѣяніяхъ ихъ или злонамѣреній противу пользъ государства" [1]). Подозрительнаго ничего не было найдено, вслѣдствіе чего семеро евреевъ, успѣвшіе доѣхать лишь до Риги, были остановлены, возращены къ мѣсту жительства и вмѣстѣ съ другими, содержавшимися подъ стражею, отпущены на свободу. Однако изъ предосторожности за ними и вообще за хасидами былъ установленъ надзоръ „нѣтъ-ли и не будетъ-ли отъ нихъ какихъ потаенныхъ сношеній или переписокъ съ развратно толкующими о правительствѣ и образѣ правленія" [2]).

Изъ приведеннаго ясно видно, что правительство интересовалось лишь однимъ вопросомъ—не заключала-ли въ себѣ хасидская секта чего-либо опаснаго для государственнаго спокойствія, и разъ явилось убѣжденіе въ полной безвредности въ этомъ отношеніи секты—правительству не

---

[1]) Эти строки заключены въ документѣ въ кавычки, какъ взятыя изъ другого, болѣе ранняго документа.

[2]) Док. № 3. Эти слова подтверждаютъ связь между арестомъ Залмана и броженіемъ въ краѣ.

С. М. Дубновъ сообщаетъ любопытный отрывокъ изъ рукописной легендарной біографіи Залмана, относящійся къ тому времени, когда Залмана выпустили изъ Петропавловской крѣпости и чиновникъ отвелъ его въ первую попавшуюся квартиру еврея, которая, какъ оказалось, принадлежала „крайнему миснагиду Перетцу, зятю Іошуи Цейтлина". „Когда Перетцъ,—гласитъ рукопись,—къ своему огорченію, увидѣлъ, что Залманъ вышелъ на свободу и явился къ нему въ домъ, онъ велѣлъ поставить самоваръ и самъ сталъ перетирать стаканы и въ промежутки началъ грозно говорить съ нимъ: „Вы воображаете,—сказалъ онъ ему,—что вы спасены, такъ знайте, что вы еще не на свободѣ—вы попали теперь въ мои руки и я васъ не выпущу, пока вы соб-

оставалось ничего другого, какъ разрѣшить дальнѣйшее существованіе секты, и вотъ 15 декабря 1798 г. бѣлорусскій губернаторъ Семенъ Жегулинъ далъ слѣдующій ордеръ витебскому земскому коммиссару: „По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, объявленному мнѣ въ отношеніи его высокопревосходительства господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника генералъ-прокурора и кавалера Петра Васильевича Лопухина, взятый предъ симъ изъ мѣстечка Ліозны проживающій тамъ раввинъ Зелманъ Боруховичъ, по разсмотрѣніи обстоятельствъ, учиненъ свободнымъ и секта евреевъ, каролины именуемая, остается при прежнемъ ея существованіи"...

Подобный успѣхъ хасидовъ долженъ быть приписанъ, на мой взглядъ, не только подкупу сановниковъ, какъ обыкновенно полагаютъ, а также и тому, что миснагдимъ обвинили хасидовъ въ политической неблагонадежности, и обнаружившаяся лживость этого утвержденія должна была охладить интересъ правительства и къ той части доноса—если такая вообще была,—которая говорила о вредѣ, наносимомъ хасидами еврейскому обществу. Не меньшее значеніе имѣло и то обстоятельство, что литовскія власти хорошо относились къ хасидамъ; что же касается Залмана, то, повидимому, начальству была извѣстна его добрая, миролюбивая натура; въ этомъ отношеніи любопытно, что не задолго до ареста Залмана (18 февраля 1798 г.) бѣлорусскій губернаторъ Жегулинъ снабдилъ его письменнымъ документомъ, гласившимъ, что Залманъ рѣшилъ къ обоюдному согласію споръ

ственноручной подписью не подтвердите, что вы уничтожаете новое ученіе и прочія вещи, которыя не были въ обычаѣ у нашихъ предковъ"; и т. д. Залманъ былъ очень опечаленъ и не зналъ, какъ ему быть. Хасиды ждали весь вторникъ прибытія Залмана, но о немъ не было никакихъ извѣстій; они пошли искать его у миснагидовъ, а хасидъ Мордка Лепольскій пришелъ въ домъ Перетца,—и каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ; что Залманъ тамъ сидитъ, а миснагидъ стоитъ и оскорбляетъ его. Послѣ этого Залманъ пошелъ къ Мордко въ домъ, говоря ему: „Вы меня оживили, ибо, повѣрите-ли вы мнѣ, что время, проведенное мною тамъ, было хуже, чѣмъ въ тайной канцеляріи". Въ той же рукописи злорадно отмѣчается, что гонители Залмана печально кончили свои дни. „А что касается доносчика Перетца, да будетъ проклято его имя, то его низость стала всѣмъ извѣстна, когда онъ, къ стыду и позору миснагидовъ, перемѣнилъ религію".

между двумя евреями; Залманъ рѣшалъ много подобныхъ дѣлъ, и сомнительно, чтобы отзывъ о немъ губернатора былъ неблагопріятенъ. Къ тому же, судя по дальнѣйшему, надо думать, что въ это время хасиды заняли извѣстное положеніе и въ бѣлорусскомъ кагалѣ.

Какъ бы то ни было, торжество, выпавшее на долю хасидовъ, внушило имъ смѣлость какъ въ распространеніи своего ученія, такъ и въ борьбѣ съ врагами, и хотя Залманъ убѣждалъ свою паству быть сдержаннѣе, дабы миролюбіемъ привлечь къ себѣ противниковъ, его приверженцы, и именно виленскіе, избѣгнувшіе грозившей имъ опасности, рѣшили сокрушить власть враговъ; это было имъ тѣмъ легче теперь, что секта ихъ была легализована.

И вотъ 4 февраля 1799 г. члены виленскаго кагала были внезапно взяты подъ стражу на одинъ день и въ это время всѣ бумаги, какъ принадлежащія кагалу, такъ и его членамъ, были опечатаны [1]), „а къ вечеру того-же числа—жаловался впослѣдствіи Моисей Ошеровичъ,—господинъ комендантъ Канцевичъ, совѣтникъ Еліашевичъ, губернскій казначей Сербиновичъ, плацъ-маіоръ Палкинъ, квартальный надзиратель Гестно съ десятскими и каролинами, не взирая на высокоторжественный праздникъ, прибыли въ храмъ нашего богомоленія, гдѣ совѣтникъ Еліашевичъ, остановя наше богомоленіе, объявилъ громогласно, что нѣтъ кагала и духовнаго суда, потомъ, простирая далѣе свое неудовольствіе и прикрывъ однихъ собственноручными ударами и другихъ палкою, отозвался, что насъ проучитъ". „Мѣсяца 6-го числа—писалъ въ другой жалобѣ Моисей Ошеровичъ—пришедъ въ кагальный домъ плацъ-маіоръ Палкинъ съ отступившими отъ нашей вѣры не только виленскими, да и антокольскими [2]) каролинами, составилъ новый выборъ восемь человѣкъ, древнимъ обрядамъ и обыкновеніямъ, также привиллегіямъ утвержденнымъ противный, изъ коихъ одного, самого каролинскаго члена, *Меера Рафаловича* поставили старшимъ кагальнымъ и другихъ ихъ-же фамиліи, а иныхъ, тоже не по правиламъ и обрядамъ нашимъ, сдѣлали старшинами. Словомъ, что Нохимъ Ицковичъ и Можешъ Мор-

---

[1]) Док. № 11.

[2]) Антоколь—предмѣстье Вильны.

духовичъ каролинской секты члены, при выборѣ находящіеся, приказали, то все исполнено безъ согласія общества" [1]).

Въ этихъ строкахъ событіе описано не ясно, и къ нему надо будетъ еще вернуться; теперь же слѣдуетъ остановиться на обстоятельствахъ, которыя сопровождали его. Что хасидская партія въ лицѣ своихъ вліятельныхъ членовъ представляла собою организованную общественную силу. видно изъ того, что она съумѣла выступить на арену общественной борьбы, и, конечно, только благодаря этой силѣ хасидамъ удалось занять мѣсто въ виленскомъ кагалѣ; но несомнѣнно, что самъ виленскій кагалъ своими злоупотребленіями способствовалъ торжеству соперниковъ.

Кагалъ, какъ извѣстно, былъ обязанъ заботиться о правильномъ поступленіи податей съ еврейскаго населенія; размѣръ податей опредѣлялся властью, но сборомъ ихъ завѣдывали старшины; что-же касается нуждъ самой общины, то для этого существовали подъ разными названіями особые сборы, достигавшіе въ Вильнѣ „весьма знатныхъ суммъ" [2]). На 1798 г. подать съ евреевъ Вильны и принадлежащихъ къ ней парафій была назначена въ размѣрѣ 22,000 злотыхъ, между тѣмъ кагалъ собралъ съ населенія свыше 36,000, но, несмотря на этотъ переборъ, кагалъ вмѣсто всей причитавшейся суммы внесъ въ казну лишь около 10,000 зл. Принимая во вниманіе, что казначейскія обязанности исполнялись старшими кагальными (роши) и что въ „совѣтѣ пяти мужей", въ распоряженіе котораго была предоставлена касса для борьбы съ сектантами, засѣдало трое изъ этихъ кагальныхъ [3]), легко понять, на что были израсходованы собранныя съ населенія суммы. О злоупотребленіяхъ кагала хасиды узнали еще въ началѣ 1798 г. и менѣе всего желая давать деньги кагалу на то, чтобы ихъ же преслѣдовать, хасиды донесли обо всемъ мѣстнымъ властямъ:—гу-

---

[1]) Въ другой жалобѣ это описано слѣдующимъ образомъ: „6-го числа пришедъ въ кагальный домъ плацъ-маіоръ Палкинъ съ квартальными надзирателями и каролинами сдѣлалъ новый выборъ кагальнымъ членамъ, со всѣмъ обрядамъ религіи нашей и желанію общества противный, *подъ надзираніемъ однихъ каролиновъ*". Док. № 11.

[2]) Док. № 13.

[3]) Моисей Ошеровичъ, Давидъ сынъ Якова и Айзикъ сынъ Авраама Сегаль.

бернское правленіе 26 апрѣля 1798 г., т.-е. тогда, когда состоялось вышеприведенное распоряженіе, ослабившее власть кагала, [1]) предписало старшинамъ не взимать излишнихъ денегъ съ населенія. Но это ихъ не остановило, и въ началѣ 1799 г. хасиды вновь донесли о неурядицахъ въ кагалѣ, результатомъ чего и явилось смѣщеніе старшинъ. Въ виду этого и присутствовали при смѣщеніи старшинъ какъ Еліашевичъ, такъ и губернскій казначей.

Въ чемъ же однако состоялъ переворотъ, произведенный хасидами.

Главными дѣятелями кагала являлись четверо *роши* (по терминологіи Мовши Ошеровича—старшіе кагальные) и *тувы* (по его же выраженію—старшины), избиравшіеся въ числѣ 3—5 человѣкъ, которые совмѣстно и рѣшали всѣ общинныя дѣла и вообще представляли собою исполнительный органъ. Эти-то семь—восемь членовъ были лишены губернскимъ правленіемъ полномочій, въ связи съ чѣмъ въ пополненіе личнаго состава кагала были избраны 8 хасидовъ.

Неизвѣстно, были ли всѣ главныя мѣста въ кагалѣ заняты хасидами, но странно, что, устроивъ этотъ переворотъ, хасиды не постарались смѣстить весь старый кагалъ а ограничились тѣмъ, что заняли всего восемь вакансій, хотя всѣхъ кагальныхъ было 17 [2]). Это, кажется, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что назначеніе хасидовъ не только не было насильственнымъ актомъ, а, напротивъ, произошло на вполнѣ законныхъ основаніяхъ. Мовша Ошеровичъ нѣсколько разъ указываетъ, что тогда имѣли мѣсто *выборы,* хотя и прибавляетъ „подъ наблюденіемъ *каролиновъ однихъ*", но нужно вспомнить, что „совѣтъ пяти мужей" лишилъ хасидовъ права занимать какую бы то ни было должность въ кагалѣ, и поэтому вполнѣ понятно, что хасиды позаботились о томъ, чтобы выборы происходили подъ ихъ руководствомъ.

Согласно обычаямъ, выборы происходили въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ назначенный день собирались члены кагала, срокъ полномочій которыхъ истекалъ; шамесы клали въ урну записки съ именами *всѣхъ лицъ, несущихъ бремя*

---

[1]) См. выше стр. 160.

[2]) Док. № 13

податей и нуждъ общины (слѣдовательно, на этотъ разъ попали и имена каролиновъ) и вынимали оттуда девять именъ лицъ, не находящихся въ родствѣ. Эти девять „довѣренныхъ" избирали изъ среды кагала пять почтеннѣйшихъ представителей, которые въ качествѣ избирателей назначали, путемъ голосованія или бросанія жребія, новыхъ кагальныхъ членовъ [1]). При такихъ условіяхъ было необходимо лишь одно: чтобы хасиды нашли поддержку со стороны „довѣренныхъ" и нѣкоторыхъ членовъ кагала, а въ этомъ отношеніи хасидамъ могло помочь слѣдующее обстоятельство.

Въ казну не были кагаломъ внесены 13,000 злот., слѣдовавшіе съ еврейскаго населенія; съ согласія литовскаго правленія и губернатора Фризеля, требованіе объ уплатѣ этой суммы было предъявлено, еще до упомянутаго переворота, къ тѣмъ именно старшинамъ, „кои давали записки на незаконныя издержки", т.-е. къ рошамъ и тувамъ, Мовшѣ Ошеровичу и его товарищамъ: но потомъ, вслѣдствіе ходатайства этихъ лицъ, младшій совѣтникъ правленія и Фризель рѣшили взыскать невнесенныя деньги со всего населенія, такъ какъ деньги были истрачены на общія нужды [2]). Тогда-то хасиды, повидимому, пообѣщали населенію, что если въ кагалъ будутъ избраны хасиды, то они, пользуясь покровительствомъ Еліашевича, добьются того, чтобы сумма въ 13,000 злотыхъ была взыскана съ Мовши Ошеровича и его товарищей. Дѣйствительно, Еліашевичъ не согласился съ рѣшеніемъ Фризеля объ уплатѣ недоимки всѣмъ населеніемъ; вслѣдствіе его протеста дѣло перешло въ литовскій надворный судъ и наконецъ въ сенатъ, который и постановилъ взыскать недоимки только съ отрѣшенныхъ старшинъ.

Характерно, что такимъ путемъ хасиды внесли расколъ даже среди членовъ стараго кагала: отрѣшенные старшины были уличены, какъ „въ самовольномъ сборѣ съ евреевъ денегъ и въ таковомъ же ихъ употребленіи", такъ и „въ утайкѣ при ревизіи не малаго числа душъ, и другихъ злоупотребленіяхъ", а между тѣмъ кагалъ даже не

[1]) С. Дубновъ. Историч. сообщен. „Восходъ", 1894, кн. 11.

[2]) Мовша Ошеровичъ не могъ указать, на что именно были израсходованы деньги, и въ кагальныхъ книгахъ не были сдѣланы соотвѣствующія записи. Док. № 13.

шей законодательной отмѣнѣ, кагалъ пользовался судебными функціями въ дѣлахъ гражданскаго характера, возникавшихъ между евреями; если къ этому присовокупить, что кагалъ вѣдалъ финансами общины и раскладкой податей, распоряжался различными статьями доходовъ и въ сферу его власти входило все, что такъ или иначе было связано съ религіозной жизнью общины: благотворительныя учрежденія, молельни, школы, рѣшеніе вопросовъ о разводѣ и проч.—то станетъ понятнымъ, какъ легко было виленскому кагалу поражать хасидовъ въ ихъ правахъ и вредить ихъ матеріальнымъ интересамъ. Ясно, что хасиды изъ чувства самозащиты должны были направить свои усилія къ тому, чтобы лишить кагалъ права провозглашать херемы и рѣшать духовныя и гражданскія дѣла. А для этого представлялся одинъ очень легкій путь: обратиться за содѣйствіемъ къ русской власти. Хасиды такъ и поступили.

Мѣры, которыя намѣревался теперь провести „совѣтъ пяти мужей", ничѣмъ не отличались отъ мѣръ, предпринимавшихся нерѣдко и до того въ отношеніи хасидовъ; какъ теперь, удары и тогда обрушивались на матеріальное благосостояніе и нравственныя чувства сектантовъ. И невольно возникаетъ вопросъ: не прибѣгали ли хасиды и до этого за помощью къ внѣшней власти?

Прослѣдить этотъ вопросъ въ Польшѣ весьма трудно. Начиная со второй четверти 18-го в., борьба „рядовыхъ" евреевъ съ кагальной организаціей принимаетъ широкіе размѣры [1]), и очень возможно, что по мѣрѣ распространенія хасидизма преобладающимъ элементомъ среди рядовыхъ евреевъ были хасиды, которые болѣе другихъ страдали отъ кагала и настойчивѣе могли защищать свои права благодаря своей сплоченности. Къ сожалѣнію, данныя о жизни евреевъ въ Польшѣ въ 18 го в. весьма скудны и, обходя этотъ моментъ молчаніемъ, можно лишь отмѣтить, что въ указанномъ отношеніи имѣется одно только свидѣтельство Авигдора (жившаго въ Минской губерніи во время польскаго владычества), который говоритъ, что „какъ напослѣдокъ блаженныя памяти его величества король Понятовскій въ правленіе въ Польшѣ вступилъ, довела сія секта

---

[1]) С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи, гл. I.

(т.-е. хасидская) чрезъ другихъ (?) столь далеко, что у іудеевъ отнято ихъ право имѣть старшинъ и судей между собою" [1]).

Что же касается Россіи [2]), то вѣроятно, что именно хасиды ослабили въ минской губерніи власть кагаловъ и духовныхъ судовъ. Минская губернія была присоединена къ Россіи въ 1793 г., и первое время кагалъ дѣйствовалъ подъ русскимъ господствомъ съ тѣми же широкими полномочіями, какія были присущи ему въ Польшѣ; но уже въ началѣ 1795 года ген.-губернаторъ Тутолминъ, посвященный въ распрю между хасидами и ихъ противниками, которая здѣсь, какъ отмѣчено выше, постепенно стала клониться въ пользу сектантовъ—представилъ государынѣ свои заключенія касательно губерніи, вслѣдствіе чего именнымъ указомъ [3]) (5 мая 1795 г.) было установлено, чтобы губернскіе и уѣздные кагалы не касались „ни до какихъ иныхъ дѣлъ, кромѣ обрядовъ закона и богослуженія ихъ". Это распоряженіе и имѣлъ, по всей вѣроятности, въ виду Авигдоръ, говоря: „прежде всегда было у насъ въ обыкновеніи, чтобы токмо наши уче-

---

[1]) Док. № 1.

[2]) По присоединеніи бѣлорусскихъ губерній къ Россіи (1772 г.) за евреями было сохранено ихъ внутреннее самоуправленіе, и кагалу былъ предоставленъ какъ духовный судъ, такъ и разборъ гражданскихъ дѣлъ между евреями, причемъ губернскій кагалъ служилъ апелляціонной инстанціей. Между тѣмъ уже въ 1782 г. было обращено вниманіе сената на то, что въ виду отсутствія указанія, куда могутъ быть обжалованы рѣшенія губернскихъ кагаловъ, „принуждены обвиненные иногда невинно страдать", а вслѣдъ затѣмъ въ виду уравненія евреевъ въ сословно-городскомъ самоуправленіи съ евреями,—и кагалы были лишены судебныхъ функцій. Это распоряженіе было противно интересамъ правящаго класса; въ 1784 году представители полоцкихъ и могилевскихъ евреевъ обратились къ государынѣ съ просьбой объ учрежденіи гражданскихъ еврейскихъ судовъ, но имъ было отказано. Кто же были эти невинно страдавшіе отъ власти губернскаго кагала и пытавшіеся освободиться отъ этого гнета и замѣнить еврейскій судъ общегосударственнымъ? Вспомнивъ, что именно въ это время (1782 г.) среди бѣлорусскихъ хасидовъ началось новое движеніе и что усиленіе хасидской партіи вызвало новый походъ миснагдимъ (С. М. Дубновъ. Ист. хас. раскола), и сопоставивъ эти данныя съ подобными же обстоятельствами, о которыхъ рѣчь будетъ дальше, можно кажется съ нѣкоторымъ основаніемъ предположить, что тутъ былъ отголосокъ борьбы хасидовъ съ кагаломъ.

[3]) П. С. З., т., XXIII № 17327.

цѣлью убѣдить правительство въ томъ, что хасиды представляютъ собою элементъ, вредный и опасный для государства.

Душою этого заговора явился Авигдоръ Хаимовичъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Доносъ Авигдора.—Передача дѣла ген.-прокурору (1800 г.).—Вторичный арестъ Залмана и тайная экспедиція.—Встрѣча Залмана съ Державинымъ.—Обвинительные пункты противъ секты.—Отвѣтъ Залмана.—Сущность междуусобной борьбы.—Освобожденіе Залмана.—Отношеніе къ событіямъ со стороны еврейскаго комитета.—Законодательныя постановленія.

Лишившись раввинскихъ доходовъ въ Пинскѣ, Авигдоръ сталъ добиваться того, чтобы хасиды возмѣстили убытки, причиненные ему смѣщеніемъ съ раввинскаго поста,—но его претенціи не были удовлетворены; тогда онъ пріѣхалъ въ Вильну, къ членамъ кагала, среди коихъ, по его словамъ, было много враговъ секты [1]), и здѣсь-то, повидимому, создался планъ связать личные, матеріальные интересы Авигдора съ интересами миснагидской партіи. Выступить противъ сектантовъ отъ имени кагала было невозможно въ виду присутствія въ немъ хасидовъ; отъ имени общества—было рискованно послѣ неудачи, постигшей прошенія Моисея Ошеровича и его товарища; удобнѣе было, чтобы Авигдоръ, какъ-бы защищая только свои личные интересы и преслѣдуя лишь своихъ противниковъ, выступилъ также въ защиту всей миснагидской партіи противъ общаго врага. Подобная комбинація была тѣмъ цѣлесообразнѣе, что Авигдоръ вполнѣ годился для предстоявшей ему роли. Это былъ до извѣстной степени „опытный" человѣкъ; ему удалось уже два раза представить Павлу I свои сочиненія [2]). Бывшіе члены кагала

---

[1]) Док. № 4.

[2]) „Токмо великая милость, которою уже имѣлъ я счастье дважды насладиться по малой учености моей, даетъ мнѣ поводъ и сей разъ представить подданнѣйше мою просьбу Вашему Императорскому Величеству съ нѣкоторой ученостью". Док. № 1.

Среди документовъ въ дѣлѣ, касающемся Авигдора, сохранилось еврейское анонимное „сочиненіе", принадлежащее, пови-

снабдили Авигдора документами, говорившими о зловредныхъ дѣйствіяхъ хасидовъ, и Авигдоръ, захвативъ съ собою „Завѣщаніе Бешта", отправился въ началѣ 1800 г. въ Петербургъ, чтобы представить государю свою обширную записку.

Авигдоръ хорошо зналъ характеръ государя; объ этомъ свидѣтельствуетъ тонъ его прошенія; онъ нѣсколько разъ говоритъ о томъ, что государева власть не должна знать границъ, при чемъ отождествляетъ ее съ божеской властью. Такъ, объясняя причину своего обращенія къ государю, Авигдоръ замѣчаетъ, что онъ мыслилъ такъ, какъ Давидъ, который однажды, „когда дана ему была воля избирать родъ раскаянія за согрѣшенія его, то рекъ онъ: „да впадемъ въ руцѣ Господни, а не въ руцѣ человѣчески: яко бо Его величество, тако и милость Его" [1]). А въ другомъ мѣстѣ, ссылаясь на книгу Самуила (I кн. гл. 8), въ которой пророкъ предупреждалъ, что будущій царь поработитъ народъ, возьметъ его богатства и раздастъ своимъ слугамъ, Авигдоръ заявляетъ: „И все, что тамъ написано о поступкахъ и свободѣ царствующихъ императоровъ и королей, все имъ позволено безпрекословно; а кто изъ подданныхъ противится повелѣніямъ царствующаго, заслуживаетъ смерть, и для того почитаніе и повиновеніе должно быть введено царствующимъ наистрожайше,—ибо ежели-бы не было царствующихъ императоровъ и королей, то моглобы произойти много злоупотребленій... Тысяча кратъ счастливѣе можемъ мы почесть себя—добавляетъ Авигдоръ—что Всемогущій осчастливилъ насъ и для царствованія намъ поставилъ нашего государя великомощнаго императора Павла

димому, перу Авигдора. Выбравъ изъ библіи 24 слова, заключавшія въ себѣ 96 буквъ, авторъ составилъ изъ тѣхъ же 96 буквъ, путемъ перестановки ихъ, новую фразу опять таки въ 24 слова, гласившую: «Главари мятежниковъ французскихъ сперва будутъ преуспѣвать, но въ концѣ будутъ посрамлены, ибо цари (царь?) истинный отмститъ имъ, заколетъ ихъ мечемъ и покоритъ, и погибнетъ мужъ Бонапартъ. Тогда міръ отдохнетъ, радуясь и ликуя". Это „пророчество", относящееся не позже, какъ къ началу 1800 г., должно было быть особенно пріятно Павлу I, который, какъ извѣстно, до середины 1800 г. былъ весьма непріязненно настроенъ къ Наполеону.

[1]) Т. е. да судитъ насъ Господь, а не человѣкъ, такъ какъ Его милость безгранична, подобно Его величію.

перваго, который можетъ себя также назвать первымъ и премудрѣйшимъ надъ всѣми на землѣ царствующими императорами и королями".

Но еще лучше рисуетъ Авигдора, какъ дипломата, то обстоятельство, что въ своей обширной запискѣ онъ ни разу не упомянулъ о „каролинахъ"; живя много лѣтъ въ Пинскѣ, гдѣ собственно и возникла эта кличка, онъ не могъ не знать, что хасиды называются въ краѣ каролинами; но дѣло въ томъ, что въ виду запрещенія безпокоить каролиновъ, было безполезно и, пожалуй, не безопасно вновь жаловаться на нихъ; поэтому Авигдоръ обошелся безъ этого названія, пользуясь выраженіемъ „новая секта"; правительство такъ и предположило, что рѣчь идетъ о новой сектѣ, когда-же, послѣ нѣкоторой переписки съ мѣстными властями, стало извѣстнымъ, что Авигдоръ жалуется на каролиновъ, дѣло уже нельзя было пріостановить, и Авигдоръ въ дальнѣйшихъ прошеніяхъ уже не стѣснялся называть своихъ противниковъ настоящимъ именемъ.

Въ жалобѣ государю, обильно уснащенной библейскими цитатами, Авигдоръ требовалъ, чтобы виновники его бѣдствій возмѣстили ему матеріальные убытки, причиненные лишеніемъ его раввинскаго поста, но главная цѣль Авигдора была очернить хасидовъ въ глазахъ правительства [1]).

Какъ многіе въ то время, Авигдоръ указываетъ, что хасиды—это тѣ-же саббатіанцы и франкисты [2]), сообщая при этомъ, будто основатель секты „Шабзусъ-Цви" (т. е. Саббатай-Цеви) былъ казненъ султаномъ, а затѣмъ, говоря, что его послѣдователи въ Польшѣ (т. е. франкисты) долны были принять католическую вѣру, онъ добавляетъ, что изъ нихъ трое успѣли уклониться отъ перехода въ католичество, а именно Израиль изъ Межбича, Берель изъ Мезрича и Яковъ

---

[1]) Авигдоръ опредѣлилъ свои убытки въ 13000 злотыхъ; такую же сумму взыскивали съ отрѣшенныхъ старшинъ; повидимому, Авигдоръ, какъ ходокъ миснагидской партіи, стремился получить съ хасидовъ ту сумму, которую отрѣшенные старшины должны были изъ за нихъ заплатить казнѣ.

[2]) Вѣроятнѣе, что Авигдоръ преднамѣренно измышлялъ, лишь бы не назвать сектантовъ ихъ настоящихъ именемъ; такъ, отмѣчая въ одномъ мѣстѣ пороки сектантовъ, онъ прибавляетъ, что это „явно доказываетъ, что они суть отъ *прежней* Шабзисъ Цвикусовой секты".

бѣлорусскій губернаторъ получилъ предписаніе доставить въ Петербургъ Залмана, а литовскому гражданскому губернатору было приказано произвести разслѣдованіе и „главнѣйшихъ здѣшнихъ сообщниковъ рабина Боруховича прислать за крѣпкимъ карауломъ“ въ Петербургъ. Вслѣдствіе этого въ Вильнѣ и ближайшихъ повѣтахъ было арестовано 22 еврея, изъ коихъ семеро были признаны „главными сообщниками начальника ихъ“ и потому тотчасъ отправлены въ Петербургъ, остальные же, по снятіи съ нихъ допроса, были оставлены на мѣстѣ подъ стражею [1]). Было предписано захватить еще Орлика Мовшевича въ Островичѣ, но его не нашли. Принятіе правительствомъ такихъ чрезвычайныхъ мѣръ легко, конечно, объясняется общимъ характеромъ павловской эпохи; однако, надо думать, что въ данномъ случаѣ сыграло роль и то обстоятельство, что литовскій губернаторъ Я. И. Булгаковъ „увѣдомилъ дворъ въ 1798 г., что тамошніе обыватели дѣлаютъ потаенныя стачки, неблагопріятныя для Россіи, а полезныя для французовъ“ и Павелъ I „тотчасъ велѣлъ таковыхъ заговорщиковъ ловить и привозить въ петербургскую крѣпость, гдѣ ихъ въ тайной канцеляріи допрашивали, а по допросѣ присланы на судъ Сенату“ [2]). Повидимому, миснагдимъ воспользовались этимъ броженіемъ въ краѣ и представили Булгакову хасидовъ, какъ политически ненадежныхъ людей, и губернаторъ далъ знать объ этомъ въ Петербургъ [3]).

Залманъ предсталъ предъ тайной экспедиціей и изложилъ свои объясненія въ запискѣ на еврейскомъ языкѣ; за отсут-

---

[1]) Док. № 3.

[2]) 2-ое Акад. изд. соч. Державина т. 6. стр. 708.

[3]) Въ док. № 1 сказано: „поступки оной секты, соединенные съ вольностью и съ союзомъ между собою, усмотрѣлъ и бывшій въ Вильнѣ губернаторъ, о чемъ и сюда (Петербургъ) далъ знать“. „Надо полагать,—говоритъ по этому поводу С. М. Дубновъ,—что главнымъ дѣятелемъ въ этой темной исторіи и дѣйствительнымъ орудіемъ миснагидской партіи былъ Абрамъ Перетцъ...Какъ уроженецъ Бѣлоруссіи и зять знаменитаго „ревнителя“ Іошуи Цейтлина изъ Шклова, онъ, конечно, былъ хорошо посвященъ въ еврейскія общественныя дѣла; какъ бывшій талмудистъ и свѣтски образованный человѣкъ, онъ не могъ не питать непріязни къ хасидской партіи; наконецъ по своимъ постояннымъ сношеніямъ съ высшими государственными сановниками, и особенно съ Кутайсовымъ, любимцемъ Павла I, онъ одинъ могъ довести до Высочайшаго свѣдѣнія то, что нужно было въ видахъ миснагидской, партіи“.

результатами. Въ 1800 г. минскій губернаторъ Карнѣевъ доносилъ, что каролинская секта „отправляетъ молитвы свои и прочее *безъ всякаго препятствія отъ древней*“ [1]) (т.-е. миснагдимъ). Вышеупомянутое пинское событіе вмѣстѣ съ тѣмъ должно было обнаружить предъ „ревнителями вѣры“, какую общественную силу они встрѣтили въ лицѣ противника. О бѣдствіяхъ, которыя претерпѣлъ Авигдоръ и представители пинскихъ миснагдимъ, не могъ не знать гаонъ, и трудно думать, чтобы захватъ хасидами власти не вызвалъ въ немъ опасенія за будущее. Если теперь хасидамъ удалось потрясти хотя бы въ незначительной, сравнительно, части духовную власть раввинской партіи, то не удастся ли имъ захватить въ свои руки и свѣтскую, вѣрнѣе, административную власть?

Возможно, что именно это событіе заставило миснагдимъ воспрянуть отъ 14-ти-лѣтняго покоя. Во всякомъ случаѣ въ дальнѣйшемъ борьба велась вокругъ вопроса объ общинной власти.

Весною 1796 г. въ Вильнѣ состоялось подъ предсѣдательствомъ гаона засѣданіе раввиновъ и представителей кагаловъ, постановившее призвать къ борьбѣ противъ хасидовъ всѣ вліятельныя общины Литвы и Бѣлоруссіи и вступить съ ними въ переговоры относительно общихъ мѣръ противодѣйствія распространенію сектантства. Былъ разосланъ циркуляръ виленскаго гаона, призывавшаго всѣхъ къ борьбѣ съ шайкой „людей злыхъ и преступныхъ, именующихъ себя хасидами“; такой циркуляръ былъ между прочимъ доставленъ и въ Минскъ, но здѣсь хасиды распространили слухъ, что циркуляръ подложенъ; этого было достаточно, чтобы раввины воздержались отъ его обнародованія. Тогда послѣдовалъ второй, болѣе суровый циркуляръ (нижеприводимый съ нѣкоторыми пропусками). Это посланіе гаона выясняющее атмосферу, въ которой происходила религіозная борьба, было обращено ко всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ вождямъ евреевъ Литвы, Бѣлоруссіи, Подоліи и Волыни [2]).

---

[1]) Док. № 2.

[2]) Истор. хасид. раскола, гл. XII. Оттуда же заимствовано посланіе гаона.

„Вѣрные сыны Израиля, благоговѣйно покорные слову Божію, идущіе на проломъ, дабы отстоять домъ Израилевъ, очистить сердца отъ камней, охранить паству Божію, какъ пастырь—стадо свое; вы, предводители губернскаго кагала г. Минска,—да охранитъ васъ Богъ за то, что вы первые вышли на священную борьбу! Пламя вашего рвенія прорвалось и охватило сухіе сучья, которые слѣдуетъ искоренить изъ вертограда Господня—изъ народа, избраннаго Богомъ, какъ наслѣдіе Его. Если они (хасиды) издѣваются (надъ закономъ), то сокрушите имъ голову! Пусть безумцы, строющіе козни, поймутъ, что ждетъ ихъ, и не вернутся къ своему безумію.

„Первыми должны выступить въ походъ вы, герои, избранники означеннаго города, а съ вами должны раздѣлить трудъ ваши пастыри, избранные въ губернскомъ кагалѣ. Вы же, горы Израиля, духовные пастыри каждой губерніи, свѣтскіе вожди каждой губерніи, вы, предводители губернскихъ кагаловъ Могилева, Полоцка, Житоміра, Винницы, Каменца-Подольска,—въ вашихъ рукахъ есть молотъ, которымъ вы можете разбить злоумышленниковъ, противниковъ свѣта, враговъ народа, и обратить ихъ въ бѣгство! Вы, воины слова Божія, имѣете силу искоренить тѣхъ, которые окажутъ сопротивленіе справедливому приговору, который вы произнесете надъ виновными.

„..... Горе этому роду (хасидовъ), проклинающему своего отца (Бога) и не благословляющему своей матери (св. Торы)! Тяжко провинились они передъ вами, отвернувшись отъ васъ... Они нарушили законы, отвергли постановленія своего Создателя и дѣлаютъ въ божественномъ ученіи открытія, несогласныя съ истиною... На это камни изъ стѣнъ вопіютъ, и небо облекается въ трауръ, ибо вѣнецъ закона оскверненъ, и высокое унижено... Горе ихъ дурнымъ пастырямъ, измыслившимъ отъ себя новый законъ и новое ученіе... Между ними (хасидами) есть люди, запятнавшіе себя кровью невинныхъ бѣдняковъ. Всякому дурному дѣлу они содѣйствуютъ, всякаго злодѣя и грѣшника они поддерживаютъ... Нужно всенародно наказывать скорпіонами этихъ безумцевъ, для ихъ же исправленія. Пусть никто не сжалится надъ ними и не пріютитъ ихъ. Пусть общество лицемѣровъ останется всѣми покинутымъ. Тотъ, кто послѣдуетъ за ними,

пусть будетъ выставленъ къ позорному столбу... Облекитесь рвеніемъ во имя Бога, пусть искры летятъ изъ-подъ вашихъ ногъ, пусть пламя пышетъ изъ устъ вашихъ, пусть сверкаетъ мечъ,—мечъ-мститель за божественный законъ, за священный завѣтъ....."

Этотъ циркуляръ, въ отличіе отъ предыдущихъ подобныхъ посланій, былъ обращенъ, по словамъ С. Дубнова, главнымъ образомъ къ „губернскимъ кагаламъ", а не къ духовнымъ пастырямъ, причемъ онъ призывалъ вѣрующихъ къ открытой *административной борьбѣ* [1]) съ хасидами. Не произошло ли это именно потому, что случай въ Пинскѣ поколебалъ довѣріе къ мощи духовныхъ пастырей, и что ревнители убѣдились въ захватѣ хасидами административной, иначе говоря, общинной власти?

Судьба, однако, жестоко посмѣялась надъ посланіемъ гаона; призывъ къ борьбѣ былъ обращенъ ко всѣмъ губернскимъ кагаламъ, за исключеніемъ виленскаго—вѣдь въ Вильнѣ пребывалъ самъ гаонъ! А между тѣмъ, именно этотъ кагалъ не только не разбилъ хасидовъ, но наоборотъ хасидамъ удалось, хотя лишь на нѣкоторое время, разстроить сомкнутый рядъ кагала, введя въ его составъ своихъ сторонниковъ.

Въ сентябрѣ 1797 г. умеръ гаонъ, и въ то время, какъ его многочисленная паства, рыдая, опускала его тѣло въ могилу, хасиды, торжествуя кончину ненавистнаго врага, предавались веселью и пиршеству. Объ этомъ стало извѣстно миснагдимъ, и они, возмущенные этимъ дикимъ глумленіемъ надъ святостью смерти, поклялись отомстить сектантамъ. Смерть гаона была великимъ ударомъ для миснагдимъ: если этотъ гигантъ былъ безсиленъ бороться съ сектантами, то кто же могъ его замѣстить? Преемника, конечно, не нашлось, и веденіе борьбы перешло изъ рукъ гаона въ руки пяти человѣкъ. Раввинъ Лейбель—сынъ Бера, голова Давидъ—сынъ Якова, голова Мойсей—сынъ Ошера, голова Айзикъ сынъ Авраама Сегаль и правитель Рафаилъ—сынъ Мордохая—эти лица были снабжены неограниченнымъ полномочіемъ по веденію религіозной борьбы; въ ихъ же распоряженіе была предоставлена касса. Одновременно съ избра-

[1]) Истор. хасид. раскола, гл. XII.

ніемъ ихъ виленскій кагалъ занесъ въ общинную актовую книгу запись, касавшуюся этой борьбы и, между прочимъ, гласившую: „Если на кого-нибудь будетъ показано, что онъ принадлежитъ къ означенной сектѣ, а подавно, если станетъ извѣстно, что онъ идетъ по путямъ ихъ (сектантовъ) и слѣдуетъ ихъ обрядамъ,—то такой человѣкъ не только отлучается и отвергается отъ всѣхъ и считается чуждымъ всего святого въ еврействѣ, но вовсе не признается сыномъ Израиля и приравнивается къ самаритянину и саддукею. Его вино и хлѣбъ запрещено вкушать, онъ совершенно изгоняется изъ нашего города, *лишается здѣсь всякаго права владѣнія*, и подавно *не имѣетъ права занимать какую бы то ни было должность въ кагалѣ*, участвовать въ собраніяхъ или въ какомъ-нибудь братствѣ. Все это дѣлается чрезъ тайнаго преслѣдователя... Всякій изъ нашей общины, который пожелаетъ взять на себя роль преслѣдователя въ означенномъ дѣлѣ, имѣетъ на то полное право, какъ если бы былъ уполномоченъ всѣмъ духовнымъ собраніемъ“ [1]).

Этимъ преслѣдователемъ сталъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, Мойсей—сынъ Ошера.

На другой день послѣ того, какъ состоялось означенное постановленіе, виленскія синагоги, по случаю праздника Гашанна-Раба, были переполнены молящимися. Въ одинъ изъ перерывовъ богослуженія во всѣхъ синагогахъ раздались вдругъ потрясающіе звуки „шофера“, всѣ свѣчи были погашены, и среди водворившагося мрака и тишины, громогласно было прочитано все постановленіе, иначе говоря,—херемъ, отлученіе. Молящихся охватилъ священный ужасъ, „еретики“ были осуждены [2])...

Предпринятыя миснагдимъ мѣры, имѣвшія въ виду воздѣйствовать на противниковъ путемъ физическихъ и нравственныхъ страданій, въ особенности матеріальныхъ лишеній, значительно посодѣйствовали тому, что борьба была перенесена съ религіозной почвы на общественно-житейскую.

Въ силу порядка, сперва установленнаго русской властью, а затѣмъ продолжавшагося вопреки послѣдовав-

[1]) Ист. хасид., гл. XIII.—Это постановленіе состоялось 10 окт. 1797 г. „по Римскому исчисленію“. Док. № 12.

[2]) Ibid.

чтобы все населеніе перешло въ станъ хасидовъ. Съ теченіемъ времени хасидизмъ принялъ различныя направленія, благодаря измѣненіямъ, которыя были внесены нѣкоторыми виднѣйшими цадиками. Особенно рѣзкая грань легла между южнымъ хасидизмомъ и сѣвернымъ, литовско-бѣлорусскимъ. Лучшимъ представителемъ новаго ученія на сѣверѣ явился Залманъ Боруховичъ; отвергая чудодѣйственный элементъ, онъ признавалъ только истинныхъ вѣроучителей; само слово „цадикъ" было долго неизвѣстно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, и Залмана Боруховича называли „раввиномъ" даже его враги. Въ ученіи Залмана хасидизмъ вообще освободился отъ многихъ суевѣрныхъ представленій.

Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій 18-го в. хасидизмъ завоевалъ значительную часть населенія Подоліи, Волыни и Украины; что же касается Бѣлоруссіи и Литвы, то новое ученіе проникло вскорѣ и сюда, но къ нему примкнули лишь немногочисленныя группы, скрывавшія свою принадлежность къ сектѣ; только къ концу 18-го в., послѣ долгой упорной борьбы съ раввинизмомъ, хасидизмъ получилъ здѣсь широкое распространеніе. Во главѣ литовскаго раввината стоялъ въ то время знаменитый ученый талмудистъ Илія Виленскій, удостоившійся рѣдкаго титула „гаона"; наиболѣе энергичный противникъ хасидизма, онъ возсталъ противъ него еще тогда, когда въ Литвѣ только начали возникать хасидскіе кружки. Это было въ 1772 г.; съ разрѣшенія гаона виленскій раввинско-кагальный судъ предалъ херему сектантовъ и обратился къ другимъ общинамъ съ воззваніемъ принять сообща мѣры противъ вѣроотступниковъ; тогда же были схвачены нѣкоторые мѣстные главари хасидскихъ кружковъ и подвергнуты тяжкимъ наказаніямъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1781 г., возобновились опять гоненія; собравшись въ м. Зельвѣ во время обычной ярмарки, литовскіе раввины вновь обратились съ прокламаціями ко всѣмъ еврейскимъ общинамъ, приглашая ихъ принять рѣшительныя мѣры противъ хасидовъ; въ связи съ этимъ начались усиленныя гоненія на Залмана, объявленнаго ересіархомъ. Но старанія раввиновъ ни къ чему не привели— хасидизмъ все болѣе и болѣе распространялся, и его противники, казалось, рѣшили сложить оружіе.

димъ между ими раздоръ. Первые (т. е. миснагдимъ) жалуются на послѣднихъ, что они дѣтей ихъ, а особливо богатѣйшихъ купцовъ, сманивая въ свою секту, обираютъ у нихъ золото и серебро, которое остается въ неизвѣстное употребленіе вышеупомянутаго ханжи. Многіе утверждаютъ, что будто чрезъ него переводятъ они серебряныя и золотыя деньги въ Палестину на богоугодныя тамъ дѣла, чаятельно при случаѣ пришествія Мессіи, котораго всечасно ожидаютъ на созданіе имъ храма".

Это посѣщеніе Державинымъ Бѣлоруссіи было роковымъ для Залмана. Нѣтъ основанія полагать, будто Державинъ изъ личной непріязни къ Залману позаботился объ его арестѣ,—если онъ это сдѣлалъ, то скорѣе по просьбѣ миснагдимъ; но вѣроятнѣе то, что бѣлорусскіе миснагдимъ, довольные тѣмъ, что Залманъ имѣлъ непріятную встрѣчу и, кажется, даже столкновеніе съ Державинымъ, и ободренные вниманіемъ, съ которымъ Державинъ отнесся къ ихъ рѣчамъ, увѣдомили обо всемъ Авигдора, который и добился въ это время аудіенціи у государя, и въ этомъ случаѣ возможно, что ген.-прокуроръ, имѣвшій въ своихъ рукахъ всѣ дѣла, касавшіяся каролиновъ, и извѣщенный объ исполненіи государемъ ходатайства Авигдора, рѣшилъ ждать пріѣзда Державина, чтобы выяснить вопросъ о Залманѣ; возможно также и то, что узнавъ о происшедшемъ въ Бѣлоруссіи Авигдоръ обратилъ вниманіе ген.-прокурора на то, что и Державинъ неблагопріятно отзывается о Залманѣ и его послѣдователяхъ. Наконецъ, можно предположить, что ген.-прокуроръ, знакомый съ доносомъ Авигдора, самъ обратилъ вниманіе на замѣчанія Державина. Во всякомъ случаѣ, связь между посѣщеніемъ Державинымъ Бѣлоруссіи и арестомъ Залмана несомнѣнна; на нее указалъ впервые С. Дубновъ, приведя въ подтвержденіе этого мнѣнія то, что даты посѣщенія Державинымъ Бѣлоруссіи и ареста Залмана болѣе или менѣе совпадаютъ; новыя, болѣе точныя, даты вполнѣ убѣждаютъ въ справедливости этого мнѣнія. Державинъ представилъ свою записку ген.-прокурору 26 октября 1800 г., а уже 30 того-же мѣсяца ген.-прокуроръ послалъ бѣлорусскому гражданскому губернатору Северину приказъ объ арестѣ Залмана. Но еще болѣе говоритъ въ пользу указаннаго мнѣнія то обстоятельство, что во всѣхъ дѣлахъ,

вступать въ компромиссы съ сектантами. Тогда-то противники хасидизма рѣшили вновь ополчиться на враговъ.

Конечно, политическія смуты и неурядицы въ кагалахъ могли вызвать затишье въ дѣлѣ преслѣдованія хасидовъ; съ другой стороны, умиротвореніе края было благопріятнымъ условіемъ для возобновленія внутренней борьбы, и въ этомъ случаѣ какая-нибудь необузданная выходка хасидовъ могла послужить casus'омъ belli. Но вѣрнѣе то, что основная причина возобновленія борьбы была болѣе глубокая: хотя каждая изъ партій по прежнему стремилась къ своей конечной цѣли—водворить защищаемое ею религіозное ученіе—эта борьба и по своему характеру, и по своему содержанію отлична была отъ прежнихъ столкновеній.

Въ интересахъ миснагдимъ было не допускать хасидовъ къ участію въ общественныхъ дѣлахъ и надо думать, что это не представляло для миснагдимъ особенныхъ трудностей, такъ какъ сами хасиды, вѣроятно, не надѣясь на свои силы, не обнаруживали особаго стремленія вступить въ составъ кагаловъ. Но вскорѣ въ хасидской средѣ нашлись люди, которые, понявъ значеніе общественной, точнѣе—общинной власти, овладѣли ею въ интересахъ своей партіи. Это именно обстоятельство и придало новый характеръ борьбѣ. Дѣло было такъ.

Послѣ 1772 г. пинскій раввинъ Леви-Ицхокъ Бердичевскій, перешедшій на сторону хасидовъ, долженъ былъ покинуть городъ, и его мѣсто занялъ Авигдоръ Хаимовичъ (сынъ раввина въ Каличѣ) [1]). Ревностный слуга гаона, Авигдоръ именовалъ себя „оберъ-раббиномъ" Пинска и принадлежащихъ къ нему тридцати городовъ, въ дѣйствительности же Авигдоръ взялъ на откупъ раввинскіе доходы [2]) лишь въ

выдавая себя за сына гаона и увѣряя всѣхъ, что будь гаонъ моложе, онъ самъ сталъ-бы вербовать приверженцевъ ученію хасидизма. Ист. рел. раскола, гл. XII.

[1]) Авигдоръ разсказываетъ о себѣ, что онъ съ раннихъ лѣтъ готовился быть раввиномъ, и что впервые онъ занялъ постъ раввина въ Лесли; онъ часто бывалъ въ Варшавѣ, гдѣ приходилъ въ близкое соприкосновеніе съ польской аристократіей.

[2]) Док. № 8 и 4. Раввинъ утверждался владѣльцами имѣній, которымъ Авигдоръ, человѣкъ богатый, заплатилъ за это извѣстную сумму. Кагалу Авигдоръ внесъ 400 червонныхъ, которые онъ впослѣдствіи потребовалъ обратно, объясняя, что это была лишь безпроц. ссуда.

четырехъ пунктахъ и только о нихъ онъ и упоминаетъ, а именно: въ Пинскѣ и въ близь лежащихъ Злобинѣ, Столинѣ, а также въ Добровичахъ.

Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, въ особенности начиная съ 90-хъ годовъ, хасидизмъ сталъ быстро распространяться въ Минской губ., главенство надъ партіей (съ 1792 г.) сосредоточилось въ рукахъ двухъ лицъ: Мордохая Ляховицкаго и Ошера Карлинскаго, имѣвшаго свою резиденцію сперва въ Карлинѣ (предмѣстьѣ Пинска), а затѣмъ въ Столинѣ [1]).

Воспользовавшись своей многочисленностью, хасиды произвели переворотъ, свидѣтельствующій, что они представляли собою значительную организованную общественную силу. Но пусть разскажетъ объ этомъ самъ потерпѣвшій Авигдоръ Хаимовичъ. „Когда я (былъ) избранъ оберъ-раббиномъ въ Пинскѣ и въ тридцати къ оному принадлежащихъ городахъ,—повѣствуетъ Авигдоръ въ своей всеподданнѣйшей жалобѣ,—долженъ я признаться, что я съ явившеюся тамъ сектою никакого обращенія имѣть не хотѣлъ, что и было мнѣ особенно пріятно. Я старался даже крайне моими къ нимъ дѣланными штрафными проповѣдьми [2]) вывести ихъ изъ заблужденій, дабы ихъ привести опять на путь истины. Но, какъ я послѣ того увидѣлъ, что сіе ни малѣйшаго дѣйствія въ нихъ не производитъ, а попались мнѣ въ руки ихъ тайно напечатанныя книги [3]), въ которыхъ они съ особенной вольностью изъясняли противу всѣхъ законовъ, то привело меня въ смятеніе, поелику не зналъ я про себя, какъ бы ихъ уничтожить, ибо хотя я и былъ ихъ оберъ-раббиномъ, но какъ во всѣхъ вѣдомству моему принадлежавшихъ городахъ большая часть была уже той секты, то и не могъ я себѣ присвоить столько власти, дабы сжечь ихъ книги публично. Но я былъ принужденъ увѣдомить о семъ приключеніи покойнаго высокоученаго Эліаса въ Вильнѣ, поелику онъ былъ разумнѣйшій изъ всѣхъ нашихъ ученыхъ, какъ въ священномъ писаніи, такъ и въ тайномъ писаніи [4]). Я объявилъ ему содержаніе книгъ

[1]) Ист. Хасид. раскола, гл. XII.

[2]) Всюду сохраняется орѳографія подлинниковъ.

[3]) Т.-е. не снабженныя разрѣшеніемъ раввиновъ къ выпуску.

[4]) Т.-е. каббалѣ.

оной секты и просилъ его, дабы онъ сдѣлалъ мнѣ помощь добрымъ своимъ совѣтомъ, ибо я опасался, поелику они столько дурнаго и такія вольности помѣстили въ книгахъ своихъ, называя себя нашими собратіями, чтобы сіе не дошло до высокаго правленія и чтобы не пострадалъ тогда невинный за виннаго. Кромѣ того доказалъ я ему, что поелику въ книгахъ ихъ помѣщено отводить добродѣтельнаго съ пути истиннаго, то по законамъ нашимъ надлежало оныя книги публично сжечь. Сіе и исполнили они въ Вильнѣ и велѣли книги оной секты публично передъ домомъ молитвы сжечь [1]). Когда секта сіе узнала и примѣтила, что я вельмо противу ихъ мыслей, возстали они всѣ однимъ союзомъ противъ меня, разстроили мои доходы и уговорили напослѣдокъ другихъ, дабы они не отдавали мнѣ принадлежащее мнѣ, и кто бы такой не учинилъ къ таковому совѣту вниманіе? Оттого обнищалъ я наикрайнѣйше, даже въ трехъ городахъ, а именно въ Злобинѣ, Столинѣ и Добровичѣ, которые были подъ моимъ надзоромъ, но коихъ были старшины оной секты [2]), исходатайствовали они отъ господъ оныхъ городовъ свободу, что мнѣ запрещено многажды пріѣзжать туда. Послѣ того умножились они въ Пинскѣ весьма, и прежде еще, нежели время мое пришло къ смѣнѣ мѣста оберъ-раббина, отняли они у меня оное насильно, и съ величайшимъ мнѣ сдѣланнымъ стыдомъ взяли подобающій мнѣ въ домѣ молитвы стулъ, положили на мѣсто онаго песокъ и землю,—что имѣло подобіе съ тѣми, которые извѣстны о томъ, какъ они поступили, ибо по іудейской религіи введено, что тотъ, кто оберъ-раббинское мѣсто занимаетъ, хотя бы и на опредѣленное время принятъ былъ никогда не можетъ быть отставленъ отъ онаго: но оная секта не уважила того, но свергнули меня съ величайшимъ стыдомъ за два года еще передъ истеченіемъ принятаго мною срока и отняли у меня всѣ доходы [3])". По жалобѣ

[1]) Изъ документа № 3 видно, что это было „Завѣщаніе Бешта".

[2]) Очевидно, что въ этихъ пинскихъ прикагалкахъ хозяйничали хасиды.

[3]) Залманъ говоритъ, что хасиды „не хотѣли по истеченіи срока далѣе его къ торгу допустить, ибо излишнее вывуждалъ и перебиралъ и въ разсужденіе частаго употребленія горячихъ напитковъ, о чемъ изъ повальнаго обыска, тамъ учиненнаго, дѣйствительно значится". Док. № 8.

Авигдора магистратъ предписалъ, „дабы въ нашемъ домѣ молитвы публично вызовомъ было извѣщено, чтобы я мое прежнее мѣсто оберъ-раббина столь долго занималъ, пока дѣло не кончено будетъ судомъ. Дабы сіе исполнить, послалъ магистратъ своего секретаря въ домъ молитвы, дабы въ его присутствіи сіе повелѣніе извѣщено было. Когда узнала о томъ секта, то заклялись они между собою уничтожить рѣшеніе магистрата и избрали между собою одного, яко старшину; и какъ секретарь съ симъ извѣщеніемъ хотѣлъ войти въ домъ молитвы, то всѣ воспротивились они тому наикрайнѣйше и не впустили его".

Хасиды, однако, не удовлетворились этимъ успѣхомъ: „А какъ по высочайшему вашего Императорскаго Величества повелѣнію — повѣствуетъ далѣе Авигдоръ — постановлено, чтобы въ каждомъ городѣ, гдѣ нашей религіи кто находится, были бы изъ іудеевъ судьи, дабы судить дѣла, касающіяся до религіи. Симъ же людямъ надлежитъ быть въ религіи учеными. Но таковыхъ отвергнула секта, а избрали по ихъ угодности людей такихъ, которые ни малѣйшаго опыта въ томъ не имѣютъ, и избрали въ старшины *Гершеля Колоднера*—единственно для того, что онъ со всею его фамиліею есть той же секты".

Это произошло не позже, чѣмъ въ началѣ 1796 г. [1]).

Смѣщеніе духовнаго суда, составленнаго изъ миснагдимъ, было блестящей побѣдой хасидовъ; не говоря о томъ, что при новомъ судѣ хасидизмъ могъ въ этомъ раіонѣ свободно развиваться, событіе это должно было внушить всей партіи мысль о борьбѣ съ противниками на почвѣ *общинной власти*. И надо думать, что подобная борьба и происходила въ ближайшіе годы въ Минской губерніи съ благопріятными

[1]) Въ документѣ не указана дата, но я потому останавливаюсь на началѣ 1796 г., что Авигдоръ принесъ жалобу на хасидовъ ген.-губернатору Тутолмину, который былъ на этомъ посту до декабря 1796; при этомъ есть указаніе, что Авигдоръ обратился къ ген.-губернатору не ранѣе, чѣмъ черезъ полгода послѣ избранія Колоднера; видно также, что до жалобы ген.-губернатору Авигдоръ просилъ содѣйствія у губернатора, что также потребовало извѣстнаго времени. Кромѣ того, въ 1800 г. Авигдоръ писалъ, что дѣло его съ пинскими хасидами тянется „около 6 лѣтъ". Если же даже допустить, что избраніе Колоднера произошло позже, чѣмъ я указываю, то смѣщеніе Авигдора несомнѣнно произошло въ 1795 или 1794 г.

результатами. Въ 1800 г. минскій губернаторъ Карнѣевъ доносилъ, что каролинская секта „отправляетъ молитвы свои и прочее *безъ всякаго препятствія отъ древней*“ [1]) (т.-е. миснагдимъ). Вышеупомянутое пинское событіе вмѣстѣ съ тѣмъ должно было обнаружить предъ „ревнителями вѣры“, какую общественную силу они встрѣтили въ лицѣ противника. О бѣдствіяхъ, которыя претерпѣлъ Авигдоръ и представители пинскихъ миснагдимъ, не могъ не знать гаонъ, и трудно думать, чтобы захватъ хасидами власти не вызвалъ въ немъ опасенія за будущее. Если теперь хасидамъ удалось потрясти хотя бы въ незначительной, сравнительно, части духовную власть раввинской партіи, то не удастся ли имъ захватить въ свои руки и свѣтскую, вѣрнѣе, административную власть?

Возможно, что именно это событіе заставило миснагдимъ воспрянуть отъ 14-ти-лѣтняго покоя. Во всякомъ случаѣ въ дальнѣйшемъ борьба велась вокругъ вопроса объ общинной власти.

Весною 1796 г. въ Вильнѣ состоялось подъ предсѣдательствомъ гаона засѣданіе раввиновъ и представителей кагаловъ, постановившее призвать къ борьбѣ противъ хасидовъ всѣ вліятельныя общины Литвы и Бѣлоруссіи и вступить съ ними въ переговоры относительно общихъ мѣръ противодѣйствія распространенію сектантства. Былъ разосланъ циркуляръ виленскаго гаона, призывавшаго всѣхъ къ борьбѣ съ шайкой „людей злыхъ и преступныхъ, именующихъ себя хасидами“; такой циркуляръ былъ между прочимъ доставленъ и въ Минскъ, но здѣсь хасиды распространили слухъ, что циркуляръ подложенъ; этого было достаточно, чтобы раввины воздержались отъ его обнародованія. Тогда послѣдовалъ второй, болѣе суровый циркуляръ (нижеприводимый съ нѣкоторыми пропусками). Это посланіе гаона выясняющее атмосферу, въ которой происходила религіозная борьба, было обращено ко всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ вождямъ евреевъ Литвы, Бѣлоруссіи, Подоліи и Волыни [2]).

---

[1]) Док. № 2.

[2]) Истор. хасид. раскола, гл. XII. Оттуда же заимствовано посланіе гаона.

„Вѣрные сыны Израиля, благоговѣйно покорные слову Божію, идущіе на проломъ, дабы отстоять домъ Израилевъ, очистить сердца отъ камней, охранить паству Божію, какъ пастырь—стадо свое; вы, предводители губернскаго кагала г. Минска,—да охранитъ васъ Богъ за то, что вы первые вышли на священную борьбу! Пламя вашего рвенія прорвалось и охватило сухіе сучья, которые слѣдуетъ искоренить изъ вертограда Господня—изъ народа, избраннаго Богомъ, какъ наслѣдіе Его. Если они (хасиды) издѣваются (надъ закономъ), то сокрушите имъ голову! Пусть безумцы, строющіе козни, поймутъ, что ждетъ ихъ, и не вернутся къ своему безумію.

„Первыми должны выступить въ походъ вы, герои, избранники означеннаго города, а съ вами должны раздѣлить трудъ ваши пастыри, избранные въ губернскомъ кагалѣ. Вы же, горы Израиля, духовные пастыри каждой губерніи, свѣтскіе вожди каждой губерніи, вы, предводители губернскихъ кагаловъ Могилева, Полоцка, Житоміра, Винницы, Каменца-Подольска,—въ вашихъ рукахъ есть молотъ, которымъ вы можете разбить злоумышленниковъ, противниковъ свѣта, враговъ народа, и обратить ихъ въ бѣгство! Вы, воины слова Божія, имѣете силу искоренить тѣхъ, которые окажутъ сопротивленіе справедливому приговору, который вы произнесете надъ виновными.

„..... Горе этому роду (хасидовъ), проклинающему своего отца (Бога) и не благословляющему своей матери (св. Торы)! Тяжко провинились они передъ вами, отвернувшись отъ васъ... Они нарушили законы, отвергли постановленія своего Создателя и дѣлаютъ въ божественномъ ученіи открытія, несогласныя съ истиною... На это камни изъ стѣнъ вопіютъ, и небо облекается въ трауръ, ибо вѣнецъ закона оскверненъ, и высокое унижено... Горе ихъ дурнымъ пастырямъ, измыслившимъ отъ себя новый законъ и новое ученіе... Между ними (хасидами) есть люди, запятнавшіе себя кровью невинныхъ бѣдняковъ. Всякому дурному дѣлу они содѣйствуютъ, всякаго злодѣя и грѣшника они поддерживаютъ... Нужно всенародно наказывать скорпіонами этихъ безумцевъ, для ихъ же исправленія. Пусть никто не сжалится надъ ними и не пріютитъ ихъ. Пусть общество лицемѣровъ останется всѣми покинутымъ. Тотъ, кто послѣдуетъ за ними,

пусть будетъ выставленъ къ позорному столбу... Облекитесь рвеніемъ во имя Бога, пусть искры летятъ изъ-подъ вашихъ ногъ, пусть пламя пышетъ изъ устъ вашихъ, пусть сверкаетъ мечъ,—мечъ-мститель за божественный законъ, за священный завѣтъ....."

Этотъ циркуляръ, въ отличіе отъ предыдущихъ подобныхъ посланій, былъ обращенъ, по словамъ С. Дубнова, главнымъ образомъ къ „губернскимъ кагаламъ", а не къ духовнымъ пастырямъ, причемъ онъ призывалъ вѣрующихъ къ открытой *административной борьбѣ* [1]) съ хасидами. Не произошло ли это именно потому, что случай въ Пинскѣ поколебалъ довѣріе къ мощи духовныхъ пастырей, и что ревнители убѣдились въ захватѣ хасидами административной, иначе говоря, общинной власти?

Судьба, однако, жестоко посмѣялась надъ посланіемъ гаона; призывъ къ борьбѣ былъ обращенъ ко всѣмъ губернскимъ кагаламъ, за исключеніемъ виленскаго—вѣдь въ Вильнѣ пребывалъ самъ гаонъ! А между тѣмъ, именно этотъ кагалъ не только не разбилъ хасидовъ, но наоборотъ хасидамъ удалось, хотя лишь на нѣкоторое время, разстроить сомкнутый рядъ кагала, введя въ его составъ своихъ сторонниковъ.

Въ сентябрѣ 1797 г. умеръ гаонъ, и въ то время, какъ его многочисленная паства, рыдая, опускала его тѣло въ могилу, хасиды, торжествуя кончину ненавистнаго врага, предавались веселью и пиршеству. Объ этомъ стало извѣстно миснагдимъ, и они, возмущенные этимъ дикимъ глумленіемъ надъ святостью смерти, поклялись отомстить сектантамъ. Смерть гаона была великимъ ударомъ для миснагдимъ: если этотъ гигантъ былъ безсиленъ бороться съ сектантами, то кто же могъ его замѣстить? Преемника, конечно, не нашлось, и веденіе борьбы перешло изъ рукъ гаона въ руки пяти человѣкъ. Раввинъ Лейбель—сынъ Бера, голова Давидъ—сынъ Якова, голова Мойсей—сынъ Ошера, голова Айзикъ сынъ Авраама Сегаль и правитель Рафаилъ—сынъ Мордохая—эти лица были снабжены неограниченнымъ полномочіемъ по веденію религіозной борьбы; въ ихъ же распоряженіе была предоставлена касса. Одновременно съ избра-

---

[1]) Истор. хасид. раскола, гл. XII.

ніемъ ихъ виленскій кагалъ занесъ въ общинную актовую книгу запись, касавшуюся этой борьбы и, между прочимъ, гласившую: „Если на кого-нибудь будетъ показано, что онъ принадлежитъ къ означенной сектѣ, а подавно, если станетъ извѣстно, что онъ идетъ по путямъ ихъ (сектантовъ) и слѣдуетъ ихъ обрядамъ,—то такой человѣкъ не только отлучается и отвергается отъ всѣхъ и считается чуждымъ всего святого въ еврействѣ, но вовсе не признается сыномъ Израиля и приравнивается къ самаритянину и саддукею. Его вино и хлѣбъ запрещено вкушать, онъ совершенно изгоняется изъ нашего города, *лишается здѣсь всякаго права владѣнія*, и подавно *не имѣетъ права занимать какую бы то ни было должность въ кагалѣ*, участвовать въ собраніяхъ или въ какомъ-нибудь братствѣ. Все это дѣлается чрезъ тайнаго преслѣдователя... Всякій изъ нашей общины, который пожелаетъ взять на себя роль преслѣдователя въ означенномъ дѣлѣ, имѣетъ на то полное право, какъ если бы былъ уполномоченъ всѣмъ духовнымъ собраніемъ“ [1]).

Этимъ преслѣдователемъ сталъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, Мойсей—сынъ Ошера.

На другой день послѣ того, какъ состоялось означенное постановленіе, виленскія синагоги, по случаю праздника Гашанна-Раба, были переполнены молящимися. Въ одинъ изъ перерывовъ богослуженія во всѣхъ синагогахъ раздались вдругъ потрясающіе звуки „шофера“, всѣ свѣчи были погашены, и среди водворившагося мрака и тишины, громогласно было прочитано все постановленіе, иначе говоря,—херемъ, отлученіе. Молящихся охватилъ священный ужасъ, „еретики“ были осуждены [2])...

Предпринятыя миснагдимъ мѣры, имѣвшія въ виду воздѣйствовать на противниковъ путемъ физическихъ и нравственныхъ страданій, въ особенности матеріальныхъ лишеній, значительно посодѣйствовали тому, что борьба была перенесена съ религіозной почвы на общественно-житейскую.

Въ силу порядка, сперва установленнаго русской властью, а затѣмъ продолжавшагося вопреки послѣдовав-

---

[1]) Ист. хасид., гл. XIII.—Это постановленіе состоялось 10 окт. 1797 г. „по Римскому исчисленію“. Док. № 12.

[2]) Ibid.

вновь проситъ представить ему отвѣты Залмана, дабы онъ могъ дать свои объясненія и затѣмъ повторяетъ старыя обвиненія касательно отсылки денегъ въ Палестину и того, что хасиды, завлекая къ себѣ дѣтей богатыхъ людей, обираютъ ихъ [1]).

Сенаторы не спѣшили разсмотрѣніемъ дѣла, и Залманъ, томясь бездѣйствіемъ въ столицѣ, обратился въ началѣ марта 1801 г. въ сенатъ съ просьбой ускорить рѣшеніе его судьбы, и представилъ копіи съ документовъ, гласившихъ о высочайшемъ повелѣніи не преслѣдовать хасидовъ [2]). Прошеніе Залмана, судя по журнальному постановленію сената, не ускорило бы рѣшенія дѣла, но нѣсколько дней спустя скончался Павелъ I и уже въ царствованіе Александра I, въ концѣ марта, Залману было разрѣшено отправиться въ Бѣлоруссію.

Однако, нравственныя страданія Залмана еще не кончились. Авигдоръ, „не опасаясь ничего,—какъ пишетъ Залманъ,—а довольствуясь тѣмъ, что неизбѣжно будетъ причиненъ мнѣ вновь росыскъ и страданія", не хотѣлъ, повидимому, сложить оружія и вмѣстѣ съ единомышленниками рѣшилъ продолжать борьбу. И вотъ, въ маѣ мѣсяцѣ Залманъ поручаетъ еврею Мишушу Ековичу представить въ сенатъ его прошеніе, въ которомъ описавъ испытанныя

„Въ 6 главѣ между прочимъ прописываетъ онъ слѣдующее: „Есть двоякаго рода злыхъ духовъ, которые раздѣляются въ два разряда, одинъ другого ниже; нижній разрядъ состоитъ изъ трехъ особливо злыхъ духовъ, самаго злѣйшаго свойства, такъ что въ нихъ ни малѣйшаго добра не вмѣщается. Отъ сихъ то духовъ производитъ начало и основаніе свое духъ всѣхъ христіанскихъ народовъ на свѣтѣ. Сей духъ рождается отъ такихъ скверъ созданныхъ, что жидамъ не позволено употреблять въ пищу. Но тѣло евреевъ происходитъ единственно отъ весьма добраго начала".

„Въ 8-ой главѣ приводитъ онъ между прочимъ: „Мудрость другихъ народовъ еще больше содержитъ въ себѣ нечистаго нежели сквернословіе. Ибо сіе послѣднее оскверняетъ только нравы, а мудрость христіанскихъ народовъ оскверняетъ даже основаніе и корень истинной мудрости и божеской науки".

Въ источникахъ, которыми пользовался С. Дубновъ, указывается, что при допросѣ въ 1798 г. Залманъ долженъ былъ дать объясненіе по поводу приведенныхъ пунктовъ.

[1]) Док. № 6.

[2]) Док. № 7.

невзгоды, онъ какъ-бы оправдывается, что жалуется на Авигдора: „Если строгое правосудіе не заставитъ его, Хаймовича, въ своей ненависти раскаиваться, то мое спокойствіе останется навсегда неогражденнымъ и колеблющимся отъ разнообразныхъ недоброжелателей, а доносы и ненависть расплодятся“ [1]). И указывая, что „секта хасидовъ имѣя свое по правиламъ евреевъ въ молитвахъ Богу служеніе, преподанное съ начала, навсегда сохраняетъ вѣрность подданническую Самодержавной власти“, Залманъ проситъ оградить и прочихъ хасидовъ отъ дальнѣйшихъ происковъ Авигдора [2]). Вѣроятно, и въ самой Бѣлоруссіи Залману встрѣтились непріятности со стороны противниковъ, и это то побудило бѣлорусскаго гражданскаго губернатора Петра Тарбѣева снабдить его нижеслѣдующимъ „открытымъ свидѣтельствомъ“ отъ 13 Іюля 1800 г.:

„Его Высокопревосходительство Господинъ Генералъ-Прокуроръ, ген. отъ инф. и кавалеръ Александръ Андреевичъ Беклешевъ въ отношеніи ко мнѣ отъ 29 марта сего года, изъясняя, что еврей Зальманъ Боруховичъ, бывшій въ Санктпетербургѣ по нѣкоторымъ надобностямъ, нынѣ по высочайшему Государя Императора повелѣнію освобожденъ и отпущенъ въ домъ его, о чемъ, а равно и о доставленіи полной ему по прежнему его жительству и обращеніи свободы, къ исполненію сего изволитъ сообщать мнѣ; почему, исполняя вышеписанное, снабдилъ его господина рабина Боруховича симъ открытымъ свидѣтельствомъ, чтобы онъ по жительству его въ Бѣлорусской губерніи пользовался повсемѣстно въ оной по прежнему его жительству и разномъ обращеніи полною свободою, безъ малѣйшаго отъ какого-либо препятствія“ [3]).

[1]) Док. № 8. Въ это время—вѣроятно, стараніями хасидовъ—С.-Петербургскому губернатору была доставлена копія съ опредѣленія Пинскаго городоваго магистрата, въ коемъ указывалось, что Авигдоръ предавался пьянству.

[2]) Залманъ въ концѣ глухо замѣчаетъ: „За причиненное же раззореніе и обносъ во всемъ удовольствовать“; это былъ какъ-бы „встрѣчный искъ“ въ виду того, что претензію Авигдора къ хасидамъ повелѣно было удовлетворить.

[3]) Залманъ именовалъ себя въ прошеніяхъ „мѣстечка Ліозны еврей Зальманъ Боруховичъ“ и только въ послѣднемъ прошеніи—послѣ того, какъ губернаторъ назвалъ его „господиномъ рабиномъ“, онъ указалъ „Лозинскій равинъ“.

Но и это не могло спасти Залмана отъ преслѣдованія миснагдимъ; вскорѣ ему стало извѣстно, что Авигдоръ намѣревается вновь причинить ему и хасидамъ безпокойство, и онъ пишетъ въ августѣ 1801 г. новое прошеніе, схожее съ предъидущимъ [1]), которое и поручаетъ представить по назначенію полоцкому еврею Герцу Израилевичу.

Задачей настоящаго очерка было отмѣтить, что религіозная борьба, ворвавшаяся съ хасидизмомъ въ русское еврейство, пріобрѣтала въ извѣстные моменты характеръ борьбы изъ-за общественной, власти, хотя конечно, это скромное изслѣдованіе не претендуетъ на полноту; для всесторонняго ознакомленія съ указанной стороной междуусобной борьбы необходимо подробное изученіе современной внутренней жизни еврейскихъ общинъ, что находится лишь въ зачаточномъ состояніи, и мои матеріалы не могутъ восполнить этого пробѣла. Но все-же изъ очерка видно, что описанныя событія вышли за предѣлы религіозной сферы.

Всѣ использованные въ настоящемъ изслѣдованіи документы поступили въ комитетъ, выработавшій Положеніе 1804 г., но этотъ богатый бытовой матеріалъ не былъ здѣсь принятъ съ достаточнымъ вниманіемъ.

Религіозный вопросъ былъ разрѣшенъ комитетомъ въ смыслѣ Павловскаго указа. „Ежели въ какомъ нибудь мѣстѣ,—гласило Положеніе,—возникнетъ раздѣленіе сектъ и расколъ прострется до того, что одинъ толкъ съ другимъ не захочетъ быть въ одной синагогѣ; въ такомъ случаѣ позволяется одному изъ нихъ построить свою синагогу и выбрать своихъ раввиновъ“.

Это постановленіе должно было имѣть самое благодѣтельное послѣдствіе для религіозной борьбы; предоставленная естественному теченію, религіозная борьба не могла теперь

---

[1]) Док. № 9. Залманъ писалъ между прочимъ: „предписать повсемѣстно, гдѣ евреи есть, чтобы никто не осмѣлился тревожить меня и хасидовъ такими пустыми доносами, дабы я могъ спокойно жить и не доводилъ бы меня и семейство мое съ малолѣтними дѣтьми на старости лѣтъ моихъ до крайняго разоренія, равно и не лишилъ бы всѣхъ хасидовъ отъ своихъ промысловъ и торговли, а начальство осталось спокойно“.

не утратить ту остроту вражды, которая толкала оба враждующіе лагеря на путь безнравственныхъ и преступныхъ дѣйствій. Но для полнаго религіознаго умиротворенія необходимо было внести преобразованія и въ ту сферу еврейской жизни, въ которой религіозная борьба превращалась въ гражданское междуусобіе. Описанныя въ очеркѣ событія потрясли автономное существованіе еврейскихъ обществъ, подорвали власть и авторитетъ кагаловъ, и несомнѣнно, что при религіозномъ расколѣ еврейская общинная жизнь, столь тѣсно связанная съ религіозными запросами массы, не скоро могла бы возродиться въ атмосферѣ автономіи. Это сознавалось самими евреями. Съ другой стороны гражданскіе интересы еврейскаго населенія требовали пріобщенія его на началахъ равноправія къ общему самоуправленію городскихъ классовъ христіанъ.

Такимъ образомъ, самимъ ходомъ вещей комитетъ долженъ былъ придти къ мысли объ упраздненіи кагаловъ, какъ органа еврейскаго общественнаго самоуправленія, съ распространеніемъ на евреевъ общаго управленія. И комитетъ несомнѣнно пришелъ къ этой мысли. Но не имѣя, повидимому, возможности осуществить такой порядокъ, онъ обошелъ почти полнымъ молчаніемъ назрѣвшій вопросъ. Сохраняя прежнія условія участія евреевъ въ городскомъ самоуправленіи, комитетъ по необходимости оставилъ на прежнемъ положеніи кагалы. Назидательный матеріалъ изъ эпопеи религіознаго раскола, относившійся къ борьбѣ изъ за общественной гегемоніи, подвигнулъ комитетъ лишь на палліативныя мѣры: кагаламъ было воспрещено „безъ вѣдома начальства налагать новыхъ податей“, а раввинамъ, ставленникамъ кагаловъ, не дозволено было въ рѣшеніяхъ своихъ употреблять никакихъ способовъ „кромѣ увѣщанія и убѣжденія“, было запрещено „налагать всякое другое наказаніе, кромѣ обличенія и выговоровъ внутри синагоги“, причемъ Положеніе предваряло, что „раввины и другіе духовные начальники, кои дерзнутъ противъ сего правила налагать публичныя наказанія“ будутъ караемы.

Конечно, при сохраненіи старыхъ условій—религіозной борьбѣ предстояло и въ дальнѣйшемъ тлетворно отражаться на общинной и личной жизни еврейскаго населенія.

Общественное самоуправленіе.

Въ теченіе 130-лѣтняго пребыванія евреевъ въ русскомъ подданствѣ характеръ ихъ общественнаго самоуправленія нѣсколько разъ измѣнялся въ зависимости отъ условій еврейской и обще-русской жизни. Въ первое время по переходѣ Бѣлоруссіи отъ Польши къ Россіи всѣ отправленія еврейской жизни всецѣло и исключительно нормировались еврейскимъ органомъ самоуправленія—кагаломъ. Но въ 80-хъ г. г. 18 вѣка, на ряду съ кагаломъ, дѣятельность котораго въ дальнѣйшемъ то съуживалась, то расширялась, въ жизни русскихъ евреевъ начинаютъ играть роль и общерусскія учрежденія. Войдя въ составъ русскаго торгово-промышленнаго класса, евреи подчиняются въ извѣстныхъ отношеніямъ соотвѣтствующимъ органамъ самоуправленія и, принимая въ нихъ участіе въ качествѣ выборныхъ представителей, уравниваются въ сословныхъ и муниципальныхъ правахъ съ христіанскимъ населеніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, теряютъ извѣстную долю своей автономіи. Но это гражданское уравненіе евреевъ не было продолжительно; права еврейскаго населенія, какъ участника въ общественномъ самоуправленіи, стали вскорѣ урѣзываться.

Въ 1844 г. были упразднены кагалы и за евреями сохранились лишь незначительныя прерогативы отъ ихъ прежней внутренней автономіи. А затѣмъ, въ послѣднія десятилѣтія 19 вѣка, евреи постепенно были устранены отъ участія въ общерусскихъ органахъ самоуправленія.

Очеркъ первый [1]).

(Съ 1772 г. по 1804 г.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Кагалъ—органъ самоуправленія евреевъ въ Польшѣ.--Борьба съ кагаломъ недовольныхъ еврейскихъ элементовъ.—Возстановленіе кагаловъ въ Россіи.—Евреи и русскій торгово промышленный классъ. — Аналогія въ органахъ ихъ самоуправленія. — Участіе евреевъ въ возстановленіи въ Россіи кагаловъ.

Евреи, знающіе о кагалѣ лишь по наслышкѣ, нерѣдко, къ сожалѣнію, раздѣляютъ то фантастическое представленіе о немъ, какое создается у неевреевъ, черпающихъ свѣдѣнія о кагалѣ въ источникахъ, злонамѣренно загрязненныхъ. Въ воображеніи однихъ и другихъ кагалъ рисуется какой-то таинственной пещерой, полной дикихъ ужасовъ. Правда, эта пещера не изслѣдована въ подробностяхъ, но для того, кто спокойно и пытливо ее обозрѣлъ, становится яснымъ, что, подобно другимъ человѣческимъ жилищамъ, она служила въ свое время обычнымъ убѣжищемъ для людей, спасавшихся отъ преслѣдованія враговъ, и если въ ней, какъ и въ другихъ человѣческихъ обителяхъ, торжествовали порою зло и преступленіе, то подъ ея же сводами сѣялось добро и совершались благородныя дѣянія.

---

[1]) Я пользовался слѣдующими архивными документами, отмѣчаемыми нумерами для ссылокъ въ текстѣ.

№ 1. Опредѣленіе 1 отд. 3 деп. Прав. Сен. 7 октября 1802 г.

№ 2. Журналъ 1 отд. 3 деп. Прав. Сен. 13 августа 1800 г.

№ 3. 1 отд. 3 деп. Прав. Сен. 1804 г. Дѣло № 533. О выборѣ евреевъ въ члены магистрата.

№ 4. 1 отд. 3 деп. Прав. Сен. 1797 г. Дѣло № 64. Объ утвержденіи мнѣній дворянскихъ маршаловъ Минской губ. объ ограниченіи правъ евреевъ.

№ 5. 1 отд. 3 деп. Прав. Сената 1797 г. дѣло № 49. О выборахъ въ Новгородъ-Сѣверскій кагалъ.

№ 6. Рукописный сборникъ Импер. Публ. Библіотеки F. II. № 195.,

Замѣчу, что нѣкоторыя данныя, которыя я заимствовалъ изъ моихъ новыхъ документовъ, встрѣчаются также и въ документахъ опубликованныхъ С. А. Бершадскимъ.

Охраняя установившійся вѣками религіозно-бытовой порядокъ, какъ основу національной жизни, и защищаясь отъ ударовъ извнѣ, евреи, всюду въ мѣстахъ разсѣянія, добровольно подчинялись собственнымъ общиннымъ установленіямъ и своему выборному управленію, во главѣ котораго стояли духовные пастыри и вліятельные члены общины. Такъ было и въ Польшѣ, гдѣ эта организація получила къ концу 16-го вѣка прочно выработанную форму, однообразную для всѣхъ общинъ въ Польшѣ и Литвѣ. Во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ общинахъ существовали кагальныя управленія или кагалы, къ которымъ, въ качествѣ прикагалковъ, примыкали ближайшія меньшія общины; кромѣ того, существовали разнообразныя центральныя учрежденія.

Кагалъ былъ офиціально признанъ не только органомъ самоуправленія, но и представительнымъ учрежденіемъ, выступавшимъ посредникомъ между еврейскимъ населеніемъ и польскимъ правительствомъ. Внѣшняя дѣятельность кагала заключалась во взносахъ въ казну податей и въ защитѣ внѣшней безопасности еврейскаго населенія; внутренняя — касалась всѣхъ сторонъ жизни общины, распространяясь даже на семейную и частную жизнь отдѣльныхъ лицъ. Кагалъ собиралъ налоги для покрытія нуждъ общины, завѣдывалъ синагогами, благотворительными учрежденіями, школами, распоряжался различными статьями доходовъ, дѣлалъ постановленія касательно раввината, печатанія книгъ, производства торговли и ремеселъ, и т. п. Кагалу также принадлежали судебныя функціи по возникавшимъ между евреями дѣламъ, какъ религіознаго, такъ и гражданскаго, и даже уголовнаго характера; въ рукахъ кагала была и карательная власть: мѣрами наказанія служили денежные штрафы, удаленіе изъ общины, тѣлесное наказаніе, отлученіе отъ синагоги (херемъ) и проч.

При такихъ условіяхъ кагалъ являлся въ свое время учрежденіемъ, поддерживавшимъ въ еврействѣ опредѣленную соціальную, вѣрнѣе сказать, государственную дисциплину, и противопоставлявшимъ свою организованную сплоченность другимъ—сословнымъ—союзамъ въ Польшѣ, враждебно относившимся къ еврейству.

Однако, эта автономная религіозно-національная жизнь еврейскаго общества покупалась цѣною духовной и физи-

ческой свободы многихъ его отдѣльныхъ членовъ. Внѣдривъ въ общинную жизнь регламентацію, основанную на раввинскихъ кодексахъ, подчинивъ общество режиму строгаго правовѣрія, опутавшему даже частную жизнь безконечными запрещеніями, и оградивъ народъ отъ всякихъ умственныхъ вѣяній извнѣ, кагалъ совершенно обезличилъ еврея, сковалъ его по рукамъ и ногамъ.

Былъ-ли въ это время кагалъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить отвѣтъ на другой вопросъ: заключается-ли счастіе сына народа въ сознаніи, что достигнуто общее благо, т. е. что обезпечено самобытное существованіе народа?—или народное благо только тогда почитается достигнутымъ, когда всѣ сыны народа, каждый въ отдѣльности, наслаждаются полною свободой?

Съ теченіемъ времени кагально-раввинское управленіе приняло, къ несчастію, олигархическій характеръ; сознаніе возникшей такимъ образомъ неотъемлемости власти деморализовало народныхъ представителей, и тогда къ насиліямъ надъ отдѣльными личностями, совершавшимся во имя торжества и неприкосновенности религіозно-бытоваго порядка, присоединились насилія во имя честолюбивыхъ замысловъ и корыстныхъ цѣлей кагальныхъ заправилъ.

Чаша народнаго терпѣнія переполнилась; изъ среды еврейскаго общества стали выступать противники кагала. Начиная со второй половины 17 вѣка кагалу приходилось выдерживать натискъ со стороны „рядовыхъ" евреевъ, ополчавшихся на него изъ-за попранныхъ правъ свободной человѣческой личности и нарушенныхъ матеріальныхъ интересовъ. Это гражданское междуусобіе не прерывалось въ теченіе полутора вѣка, а между тѣмъ, со второй половины 18-го столѣтія, вспыхнула еще и религіозная борьба [1]). Новое религіозное ученіе (хасидизмъ), въ значительной мѣрѣ обязанное своимъ возникновеніемъ застывшему религіозно-общественному строю еврейской жизни, сулило, казалось, народу новыя, лучшія условія религіозно-общественной жизни. Сплоченные и дисциплинированные знаменемъ религіи, сектанты вышли изъ-подъ религіозно-нравственнаго

---

[1]) См. предыдущій очеркъ: Религіозная борьба.

воздѣйствія кагально-раввинскаго союза, но имъ, подобно „рядовымъ“ евреямъ, предстояло еще уничтожить свою общественную, юридическую и матеріальную зависимость отъ кагала. И они повели не только религіозную, но и гражданскую борьбу, направленную противъ кагала.

Возникновеніе этой общественной борьбы ясно указывало, что кагальная организація требовала реформы, что самоуправленіе въ той формѣ, въ какой оно существовало не соотвѣтствовало потребностямъ народа, новымъ условіямъ его жизни.

Уже для уничтоженія олигархіи необходимы были нѣкоторыя измѣненія въ системѣ кагальныхъ выборовъ. Но еще болѣе глубокой реформы въ кагальной организаціи требовала религіозная распря, расколовшая народъ на два враждебныхъ лагеря. И если-бы этой борьбѣ былъ предоставленъ естественный ходъ, еврейское самоуправленіе, рано или поздно, послѣ извѣстныхъ эволюцій, могло-бы принять новую форму, соотвѣтственную народнымъ желаніямъ и современнымъ условіямъ еврейской жизни. Но борьбѣ не было дано естественнаго теченія: съ одной стороны и кагалъ, и его противники стали обращаться за поддержкой къ внѣшней власти, сперва польской, потомъ русской, съ другой стороны—сама русская власть стала въ собственныхъ интересахъ реформировать кагальную организацію.

Въ силу перехода бѣлорусскихъ евреевъ въ русское подданство, кагальная организація, заключавшая въ себѣ, между прочимъ, также гражданское устройство и управленіе евреевъ, не будучи утверждена новой властью, была въ Бѣлоруссіи юридически временно прекращена, но уже вскорѣ—13 сентября 1772 года—государыня утвердила докладъ перваго бѣлорусскаго генералъ-губернатора, гр. Чернышева, предложившаго „приписать ихъ (евреевъ) *къ кагаламъ, которые и учредить* по разсмотрѣнію губернаторовъ и по надобности“ [1]).

Этотъ фактъ *учрежденія* кагаловъ заслуживаетъ особаго вниманія; вопреки ходячему представленію, кагалъ вовсе не проникъ въ Россію безъ вѣдома правительства: принявъ новый край, правительство устраивало гражданскій бытъ

---

[1]) П. С. З. № 13865.

евреевъ, сообразуясь съ собственными интересами, и, при желаніи, оно, конечно, могло бы отказаться отъ кагала, а между тѣмъ оно *учредило* кагалы (хотя на практикѣ это „учрежденіе“ въ извѣстныхъ случаяхъ выразилось, несомнѣнно, лишь въ простомъ утвержденіи прежде существовавшихъ кагаловъ), и это произошло, вѣроятно, потому, что сохраненіе кагальной организаціи находило свое оправданіе не только въ условіяхъ еврейской жизни, но и въ условіяхъ самой русской государственной жизни:—кагальная организація въ нѣкоторыхъ чертахъ была схожа съ системой самоуправленія русскаго торгово-промышленнаго класса.

Указъ объ учрежденіи кагаловъ по своей редакціи—„съ жидовъ сборъ положить поголовный по одному рублю съ каждой, и приписать ихъ къ кагаламъ“—заставляетъ предположить, что вводя этотъ институтъ, гр. Чернышевъ преслѣдовалъ лишь цѣли фиска, [1]) но изъ инструкціи, данной имъ губернаторамъ обѣихъ бѣлорусскихъ губерній [2]) видно, что онъ хотѣлъ воспользоваться кагаломъ не только для того, чтобы съ евреевъ сборъ „въ казну вѣрнѣе вступать могъ“, но и чтобы „въ прочемъ во всемъ сдѣлать съ ними надлежащій порядокъ“. Дѣйствительно, этотъ порядокъ былъ вскорѣ введенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ были установлены основныя черты гражданскаго быта евреевъ [3]).

Согласно манифесту о присоединеніи края, возвѣстившему, что „судъ и расправа будутъ продолжаемы въ настоящихъ ихъ мѣстахъ“, въ обѣихъ бѣлорусскихъ губерніяхъ были учреждены для разбора дѣлъ между одними евреями уѣздные кагалы и, въ качествѣ апелляціонныхъ инстанцій, по одному губернскому кагалу въ каждой губерніи [4]) Такимъ

---

[1]) Такъ полагалъ и Державинъ: „какъ думать можно, единственно для государственныхъ податей, чтобъ чрезъ нихъ удобнѣе было сбирать оныя“. 2-ое Акад. изданіе т. 7 стр. 282.

[2]) П. С. З. № 14522.

[3]) Къ сожалѣнію, распоряженія Екатерины касательно бѣлорусскихъ губерній и, въ частности, первыхъ евреевъ-подданныхъ не сохранились Добрынинъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что у гр. Чернышева была цѣлая книга такихъ повелѣній, неизвѣстно куда дѣвавшаяся.

[4]) П. С. З. № 15436. Въ этихъ судахъ разбирались всѣ духовныя и, гражданскія дѣла, за исключеніемъ дѣлъ по векселямъ; вексельныя

образомъ были возстановлены прежде существовавшіе еврейскіе суды; при этомъ однако произошли нѣкоторыя измѣненія. До 1764 г., когда послѣдовалъ декретъ польскаго правительства о закрытіи всякихъ сеймовъ, въ Бѣлоруссіи въ качествѣ центральнаго органа самоуправленія функціонировалъ областной сеймъ, являвшійся, между прочимъ, и высшей судебной инстанціей; этотъ сеймъ не имѣлъ своего постояннаго мѣстопребыванія и собирался въ разныхъ пунктахъ по мѣрѣ надобности. Теперь-же высшимъ органомъ судебной автономіи явился губернскій кагалъ, особый для каждой губерніи, съ постояннымъ мѣстопребываніемъ. Эти еврейскіе суды послужили, повидимому, ячейкой, изъ которой развилась въ дальнѣйшемъ кагальная организація въ той формѣ, какая ей была придана русской властью,—именно этимъ судамъ, т. е кагаламъ, были предоставлены административныя и финансовыя функціи [1].

Административная дѣятельность кагала носила характеръ полицейскаго контроля: никто не могъ поселиться въ какомъ-либо пунктѣ или перемѣнить мѣстожительство, и даже отлучиться по дѣламъ, не получивъ соотвѣтствующаго паспорта [2]. Фискальныя функціи кагала заключались въ томъ, что онъ долженъ былъ *платить* поголовныя деньги *и вносить ихъ въ казну* [3]; онъ являлся благодаря этому отвѣтственнымъ за бездомоичное поступленіе податей и, въ связи съ этимъ пользовался правомъ раскладки податей. [4])

Такимъ образомъ еврейское населеніе было обособлено въ отдѣльную автономную административно - гражданскую

дѣла, какъ и уголовныя, подлежали общему суду, причемъ евреи могли имѣть въ судахъ при себѣ „для наставленія и помощи изъ числа кагальныхъ судей одного".—Изъ донесенія могилевскаго магистрата Док. № 5.

[1]) Суды были тотчасъ учреждены по переходѣ края къ Россіи; общая же кагальная организаціи была введена, вѣроятно, лишь послѣ переписи, законченной въ 1776 г.

[2]) П. С. З. № 14522.

[3]) Тамъ-же.

[4]) По переходѣ края къ Россіи районъ юрисдикціи нѣкоторыхъ кагаловъ, вѣроятно, измѣнился и значеніе уѣздныхъ кагаловъ получили такіе кагалы, которые до того не пользовались какимъ-либо вліяніемъ. Гр. Чернышевъ предписалъ учредить кагалы „по разсмотрѣнію губер-

ницу, а такой порядокъ не былъ какимъ-то исключитель-
ъ явленіемъ въ русскомъ государственномъ строѣ [1]).
скій торгово-промышленный классъ, съ которымъ еврей-
ку населенію было суждено связать свою гражданскую
нь, также будучи обособленъ въ администротивно-граж-
скомъ отношеніи отъ другихъ сословій, пользовался,
обно еврейскому обществу, извѣстной автономіей, при
ть сословныя учрежденія, магистраты и ратуши [2]), вѣдав-
христіанскій торгово-промышленный классъ, покоились
тѣхъ-же началахъ, какъ и кагалы.

Магистраты и ратуши, членами коихъ являлись исключи-
льно выборные отъ торгово-промышленнаго сословія, были
новременно судебными и административно-финансовыми
чрежденіями, вѣдавшими лишь дѣла торгово-промышлен-
ого сословія [3]).

Но на ряду съ этимъ въ жизни еврейскаго населенія
была такая область, въ которой оно пользовалось полной
автономіей не въ примѣръ прочему населенію. Въ силу ма-
нифеста о присоединеніи Бѣлоруссіи, сохранившаго за евре-
ями свободу „въ разсужденіи закона", вся внутренняя, рели-
гіозно-бытовая жизнь еврейскаго населенія не претерпѣла
никакихъ измѣненій: институтъ раввиновъ, духовный судъ,
школы, самообложеніе на религіозно-общественныя нужды

паторовъ и по надобности", и приказалъ ревизорамъ отмѣтить родъ занятій и мѣсто жительства евреевъ, „дабы по соображенію всѣхъ объ нихъ свѣдѣній, можно было порядочнымъ образомъ раздѣлить ихъ на кагалы".

Административная дѣятельность кагала контролировалась провинціальными канцеляріями; туда-же кагалы вносили подати; этихъ канцелярій было нѣсколько въ каждой губерніи, изъ чего слѣдуетъ заключить, что ни въ административномъ, ни въ финансовомъ отношеніяхъ губернскій кагалъ не являлся центральнымъ органомъ; такими центральными, по районамъ, органами служили, повидимому, кагалы провинціальныхъ городовъ.

[1]) По этому поводу М. И Кулишеръ говоритъ: „Кагалъ, который служилъ для объединенія евреевъ данной мѣстности, не былъ изъ ряда вонъ выходящимъ явленіемъ, спеціально еврейской особенностью, хотя и носилъ спеціально еврейское имя, означающее „общество". Все общество было разбито на корпораціи (Екатерина II и евреи Восходъ 1896 г.).

[2]) Магистраты—въ городахъ, ратуши—въ городахъ-посадахъ.

[3]) И. Дитятинъ. Устройство и управленіе городовъ. Стр. 380.

и т. д.—все было оставлено въ силѣ и всѣ эти общественныя отправленія были предоставлены вѣдѣнію кагаловъ безъ всякаго контроля со стороны правительственной власти.

Черты, присвоенныя кагалу въ Россіи: выборное начало, полицейскій контроль, раскладка податей—были присущи ему и до русскаго господства, и это обстоятельство невольно возбуждаетъ вопросъ: не содѣйствовали-ли евреи возсозданію ихъ прежней кагальной организаціи?

Вспомнивъ, какія смуты царили въ еврейской жизни въ затронутый моментъ, легко себѣ представить, какъ всполошился еврейскій правящій классъ, узнавъ изъ манифеста о присоединеніи края, что новая власть не сохранила за еврейскимъ населеніемъ прежняго самоуправленія: въ манифестѣ ничего не говорилось о внутреннемъ бытѣ евреевъ и не упоминалось о кагалѣ. Остался въ силѣ одинъ лишь религіозный бытъ. Судя по манифесту, русская власть не желала нарушить обычное теченіе религіозно-общественной жизни евреевъ—духовные суды, поэтому, не переставали функціонировать,—но могъ-ли еврейскій правящій классъ сохранить свое значеніе, удержать въ своихъ рукахъ власть надъ народомъ хотя-бы только въ области религіознаго быта, разъ кагалъ, какъ органъ широкаго самоуправленія, былъ упраздненъ? Религіозныя смуты такъ расшатали вѣковой строй религіозно-общественной жизни, что для поддержанія его были недостаточны тѣ мѣры, къ которымъ могъ прибѣгать духовный судъ; для удержанія массы въ повиновеніи необходимо было чтобы кагалъ могъ налагать руку и на гражданскую жизнь каждаго еврея. Правда, въ этомъ отношеніи надежнымъ орудіемъ въ рукахъ правящаго класса могъ служить сохранившій свое существованіе и по переходѣ Бѣлоруссіи къ Россіи еврейскій судъ, разбиравшій гражданскія дѣла между евреями; религіозные интересы стояли съ точки зрѣнія кагала на первомъ планѣ и во имя ихъ, въ пылу борьбы, можно было нарушать гражданскіе интересы недовольныхъ элементовъ. Но особенно важно было правящему классу удержать въ своихъ рукахъ финансовыя и административныя функціи: малозначительныя съ виду обязанности въ отношеніи правительства—внесеніе податей въ казну и выдача паспортовъ—давали правящему классу широкій просторъ для господства надъ народомъ. Пользуясь правомъ выдачи

паспортовъ, при желаніи, можно было препятствовать свободѣ передвиженія недруговъ, тормозить ихъ торговую дѣятельность и проч.; а обязанность вносить подати въ казну превратившаяся въ право раскладки податей, давала возможность властвовать надъ противникомъ, поражая его въ матеріальныхъ интересахъ. И къ подобному злоупотребленію властью кагалъ впослѣдствіи не разъ прибѣгалъ.

Трудно думать, чтобы высшій классъ еврейскаго общества, сплоченный въ кагалѣ, видя грозившую ему опасность, не обратился по этому поводу съ представленіемъ къ русскимъ властямъ; и если уже черезъ мѣсяцъ по оффиціальномъ переходѣ Бѣлоруссіи къ Россіи были учреждены кагалы, не предусмотрѣнные манифестомъ, заблаговременно составленнымъ то, вѣроятно, иниціатива въ данномъ случаѣ принадлежала еврейскому обществу; графуже Чернышеву не представилось затруднительнымъ принять это предложеніе, такъ какъ кагалъ въ своихъ основахъ былъ сроденъ, какъ было выше указано, учрежденіямъ, вѣдавшимъ христіанскій торгово-промышленный классъ.

Какъ-бы то ни было, предоставивъ христіанскому торово-промышленному классу, въ видахъ государственной пользы, извѣстное самоуправленіе, правительство сохранило, въ тѣхъ-же цѣляхъ, и за евреями самоуправленіе въ лицѣ кагала. Но въ этотъ моментъ условія еврейской жизни были таковы, что еврейское общество, взволнованное религіозною борьбою, не могло разумно пользоваться предоставленнымъ ему правомъ самодѣятельности: кагалъ сталъ по прежнему порабощать народъ и преслѣдовать своихъ противниковъ.

Вскорѣ, однако, все усиливавшееся броженіе въ еврейской массѣ и реформы въ русской государственной жизни начали разрушающе дѣйствовать—хотя болѣе юридически, нежели фактически—на кагальную организацію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Распространеніе на Бѣлоруссію учрежденія о губерніяхъ. — Записка евреевъ въ купеческое и мѣщанское сословія (1780 г.) и вступленіе въ составъ русскаго торгово-промышленнаго класса.—Подчиненіе евреевъ общимъ сословнымъ учрежденіямъ съ ограниченіемъ автономіи.—Высочайшее повелѣніе отъ 13 мая 1783.—Участіе евреевъ въ сословномъ самоуправленіи (1783). — Противодѣйствіе со стороны христіанскаго общества.—Жалобы евреевъ и ходатайство ихъ о возстановленіи автономіи.

Въ 1775 г. русскій торгово-промышленный классъ былъ раздѣленъ на мѣщанъ и купцовъ [1]), при чемъ мѣщане были оставлены при подушныхъ податяхъ, а съ купцовъ, освобожденныхъ отъ таковыхъ, было положено взимать сборъ въ размѣрѣ 1% съ объявленнаго ими „по совѣсти" капитала. Въ первые годы послѣ введенія этого порядка евреи не приписывались къ купечеству; вѣроятно потому, что при существовавшихъ тогда въ Бѣлоруссіи польскихъ формахъ гражданской жизни купеческое званіе не давало какихъ либо практическихъ преимуществъ. Но въ 1778 г. [2]) на Бѣлоруссію было распространено дѣйствіе „учрежденія о губерніяхъ",—въ связи съ чѣмъ были введены органы самоуправленія торгово-промышленнаго класса,—и евреи поспѣшили выступить (въ 1779 г.) съ ходатайствомъ о принятіи ихъ въ купечество.—Какъ извѣстно, Екатерина II очень заботилась объ устроеніи и благосостояніи городовъ и придавала важное значеніе торгово-промышленному населенію, тому „среднему роду" людей, отъ котораго, по словамъ государыни, „государство много добра ожидаетъ", и который долженъ былъ служить ядромъ городского населенія. Такимъ именно „среднимъ родомъ" являлись также и евреи, занимавшіеся по преимуществу торгово-промышленной дѣятельностью и жившіе въ городахъ. Государыня это знала; еще въ плакатѣ о присоединеніи края она замѣтила, что евреи не будут

---

[1]) Манифестъ 17 марта 1775. П. С. З. № 14275 Владѣвшіе капиталомъ не свыше 500 р. стали именоваться мѣщанами, свыше 500 р.— купцами.

[2]) П. С. З. № 14691. Новое устройство введено въ серединѣ 1778 г.

исключены „изъ общей всѣмъ милости... доколѣ они, съ своей стороны, съ надлежащимъ повиновеніемъ, яко вѣрноподданные, жить и въ *настоящихъ торгахъ и промыслахъ по званіямъ* [1]) *своимъ* обращаться будутъ". Вполнѣ понятно, что государыня, при такихъ условіяхъ, удовлетворила ходатайство бѣлорусскихъ евреевъ о дозволеніи имъ записываться въ купечество [2]).

Это обстоятельство имѣло громадное значеніе для дальнѣйшей жизни евреевъ въ Россіи. Разъ одна часть еврейскаго населенія превратилась въ купеческое сословіе, остальная часть, не принадлежа ни къ крестьянамъ, ни къ дворянамъ, должна была по необходимости примкнуть къ числу тѣхъ городскихъ обывателей, которые, за недостаткомъ капитала, не могли записываться въ купечество,—т. е. къ мѣщанамъ. Такимъ образомъ всѣ евреи [3]) вошли въ составъ купечества и мѣщанства, и благодаря этому и превратились, подобно христіанскимъ купцамъ и мѣщанамъ, въ исключительно-городское населеніе. Въ сущности, евреи стали городскимъ населеніемъ сейчасъ же по переходѣ въ русское подданство, такъ какъ, независимо отъ рода занятій и мѣстожительства, они всѣ были приписаны къ кагаламъ, учрежденнымъ въ наиболѣе населенныхъ пунктахъ, т. е. городахъ и посадахъ; но тогда кагальная организація держала ихъ въ сторонѣ отъ остального населенія; теперь же они вошли въ общій составъ городского населенія. Словомъ, предоставленіе евреямъ доступа въ купечество привело къ

---

[1]) Удивительно, какъ кн. Голицынъ рѣшился заявить что словами „по званіямъ своимъ" государыня хотѣла сказать „въ качествѣ неполноправныхъ гражданъ" (см. его Русск. законодат. о евр.). Бѣлорусскія власти не извратили словъ государыни, понявъ ихъ въ такомъ смыслѣ, что евреи будутъ пользоваться милостями, пока будутъ обращаться „въ торгахъ и промыслахъ своихъ *по принадлежащему обыкновенію*" (Док. № 5). При присоединеніи Подоліи и Волыни манифестъ былъ повторенъ съ незначительными измѣненіями, и въ немъ было сказано „занимаясь *какъ до сихъ поръ* торговлею и промыслами".

[2]) Указъ 7 января 1780 г. П. С. З. № 14962. По свидѣтельству Ноты Ноткина ходатайство евреевъ было поддержано бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ гр. Чернышевымъ.

[3]) Полоцкій губ. магистратъ донесъ сенату, что „они всѣ (т. е. евреи) въ купечество и мѣщанство приняты"; то же самое донесъ и могилевскій магистратъ. Док. № 5.

тому, что будучи по роду своей дѣятельности торгово-промышленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ городскимъ населеніемъ, они стали также таковымъ въ государственномъ и гражданскомъ отношеніи.

По указу, предоставившему евреямъ доступъ въ купечество, евреи-купцы, подобно христіанамъ-купцамъ, были освобождены отъ подушной подати и обложены процентнымъ сборомъ съ капиталовъ [1]); взиманіе же процентнаго сбора съ купечества сосредоточивалось въ магистратахъ и ратушахъ, и евреи-купцы поступили въ этомъ отношеніи въ ихъ вѣдѣніе. Что же касается мѣщанъ-евреевъ, то хотя подушныя подати взимались съ нихъ не магистратами и ратушами, а кагалами [2]), все же и они вошли въ сферу компетенціи магистратовъ и ратушъ, какъ учрежденій, вѣдавшихъ пріемомъ новыхъ членовъ въ торгово-промышленное сословіе, равно доходами, поступавшими со всего этого сословія, и проч.

Въ связи съ этимъ вскорѣ послѣдовало гражданское уравненіе евреевъ съ христіанами.

По переходѣ Бѣлоруссіи къ Россіи мѣстные евреи были выдѣлены въ особую податную единицу не только тѣмъ, что еврейская подать вносилась въ казну кагаломъ, но и тѣмъ, что для евреевъ была установлена подать въ особомъ размѣрѣ; это явилось результатомъ своеобразнаго положенія евреевъ въ Польшѣ; тамъ еврей не былъ ни мѣщаниномъ, ни крестьяниномъ, онъ былъ только „евреемъ"; таковымъ ему пришлось остаться на первыхъ порахъ и въ Россіи, до введенія въ краѣ русскихъ

---

[1]) Въ указѣ (П. С. З. № 14962) было сказано, что въ отношеніи взиманія съ евреевъ сбора съ капиталовъ слѣдуетъ придерживаться 47 статьи манифеста 17 марта 1775 г., а этой статьей предписывалось брать съ купцовъ, „по одному проценту съ объявленнаго ими по совѣсти капитала поголовно, а подушные съ нихъ не брать; мѣщане же да останутся при прежнихъ податяхъ". П. С. З. № 14275.—(См. также № 15130).

[2]) Въ 1781 г. новое казенное управленіе издало правила о приходныхъ и расходныхъ книгахъ, и 7 § гласилъ: „всѣхъ евреевъ росписать по кагаламъ, и кагаламъ собирать съ нихъ поголовныя и накладныя деньги и вносить въ казначейство". Евреи-купцы не подлежали „поголовнымъ сборамъ".

государственныхъ началъ; поэтому, когда въ 1772 г. съ крестьянъ въ Бѣлоруссіи былъ положенъ сборъ въ 70 копѣекъ, съ купцовъ — въ 1 рубль 20 копѣекъ, евреи — какъ бы въ качествѣ особаго „сословія" — были огуломъ положены въ рублевый окладъ. Но теперь, со вступленіемъ въ купечество и мѣщанство, евреи могли уже не являться болѣе какимъ то особеннымъ сословіемъ „евреевъ"; отнынѣ, на ряду съ крестьянами, мѣщанами и купцами, не должна была уже фигурировать особая „сословная" группа—евреи. Если въ 1779 г. для мѣщанъ (т. е. мѣщанъ-христіанъ) была назначена одна подать, а для „евреевъ" [1]) другая, то въ 1783 г. появляется распоряженіе о томъ, что „евреи въ бѣлорусской губерніи пребывающіе, долженствуютъ обложены быть податьми по состояніямъ, въ какое они запишутся, безъ различія закона и народа" [2]),—записались же евреи, какъ уже было сказано, въ мѣщанство и купечество.

Но могла ли связь между еврейскимъ и христіанскимъ торгово-промышленными классами исчерпаться однимъ податнымъ уравненіемъ, когда этотъ „средній родъ" людей, обособленный отъ остального населенія въ финансово-административномъ и судебномъ отношеніи, имѣлъ свои особыя соотвѣтствующія учрежденія. „Сословность" евреевъ, уничтоженная въ вопросѣ о податяхъ, должна была быть уничтожена и въ отношеніи другихъ правъ и обязанностей еврейскаго населенія.

Русскій торгово-промышленный классъ вѣдали: въ городахъ — магистраты, въ посадахъ — ратуши; эти учрежденія составлялись изъ лицъ, которыхъ каждые три года выбирали купечество и мѣщанство изъ своей же среды. Магистраты (и ратуши въ большихъ посадахъ) состояли изъ двухъ бургомистровъ и четырехъ ратмановъ, а ратуши — изъ одного бургомистра и двухъ ратмановъ. Это были, какъ выше отмѣчено, одновременно финансовыя, административныя и судебныя учрежденія, но кромѣ того при магистратахъ и ратушахъ находились еще особые уѣздные и губернскіе словесные суды, прототипъ позднѣйшихъ коммерческихъ судовъ члены которыхъ выбирались еже-

---

[1]) П. С. З. № 14892. „Поголовная съ жидовъ по 50 к. съ каждой".
[2]) П. С. З. № 15724. Указъ 3 мая 1783.

годно изъ среды купечества и мѣщанства. Тотъ же торгово-промышленный классъ, жившій въ губернскихъ городахъ, посылалъ отъ себя 6 засѣдателей для присутствованія въ губернскихъ магистратахъ и двоихъ засѣдателей въ губернскіе совѣстные суды. Изъ купечества же и мѣщанства избирались городскіе головы и старосты.

Такого рода самоуправленіе должно было, по мысли Екатерины II, поднять государственное значеніе торгово-промышленнаго класса, какъ извѣстной экономической силы,— слѣдовательно, забота государыни о русскомъ торгово-промышленномъ классѣ должна была, естественно, распространиться и на еврейское населеніе.

И вотъ, 13 мая 1783 г., письмомъ на имя бѣлорусскаго генералъ-губернатора Пассека, генералъ-прокуроръ Вяземскій объявляетъ о высочайшемъ повелѣніи: „Если евреи, въ купечество [1]) записавшіеся, по добровольному согласію общества, выбраны будутъ къ каковымъ-либо должностямъ въ сходственность высочайшаго учрежденія [2]), то и не могутъ они удержаны быть отъ вступленія въ дѣйствительное возложенныхъ на нихъ должностей отправленіе“ [3]).

Это высочайшее повелѣніе создало новую эпоху въ жизни русскаго еврейства, эпоху гражданскаго равноправія.

Въ качествѣ равноправныхъ членовъ торгово-промышленнаго класса, евреи вступили теперь въ финансовомъ, административномъ и судебномъ отношеніяхъ въ вѣдѣніе общихъ соотвѣтствующихъ городскихъ учрежденій (магистратовъ, ратушъ, словесныхъ судовъ и проч.). При этомъ

---

[1]) Здѣсь не упомянуты мѣщане, но и они воспользовались новыми правами. — Отмѣчу, что И. Дитятинъ впалъ въ ошибку, указывая (т. II, стр. 146, пр. 2), будто до 1832 г. евреи не входили въ составъ городскихъ обществъ, стоя отъ него совершенно особнякомъ и подчиняясь исключительно полиціи.

[2]) Т. е. учрежденія о губерніяхъ.

[3]) Док. № 5. — Копія сенатскаго указа отъ 7 мая 1786 г. Мнѣ посчастливилось впервые обнародовать этотъ чрезвычайно важный въ историческомъ отношеніи актъ, лишь въ незначительной своей части напечатанный въ П. Собр. Зак.—Повидимому, евреи безпрепятственно приняли участіе въ первыхъ выборахъ по вступленіи ихъ въ купечество, но потомъ ихъ не допустили на выборныя должности.

еврейскіе суды были уничтожены, а кагалы, лишившись финансовыхъ и административныхъ функцій, сохранили значеніе одного лишь духовнаго суда.

Правда, принципъ гражданскаго уравненія евреевъ съ христіанами былъ вскорѣ, какъ покажутъ ближайшія строки, нарушенъ, но все же объемъ новыхъ правъ былъ сохраненъ за евреями, и они широко воспользовались предоставленной имъ общественной самодѣятельностью, хотя имъ и пришлось для этого вступить тогда же въ борьбу съ христіанскимъ обществомъ.

Въ началѣ 1784 года должны были состояться выборы бургомистровъ и ратмановъ на предстоящее трехлѣтіе, а также судей словесныхъ судовъ и старостъ на срокъ одного года. Неизвѣстно, съ разрѣшенія ли государыни или безъ таковаго, высшая мѣстная власть предписала могилевскому и полоцкому намѣстническимъ правленіямъ держаться такой системы: въ тѣхъ городахъ, гдѣ преобладаетъ еврейское населеніе — тамъ привлекать евреевъ къ выборамъ лишь въ томъ же числѣ, какъ и христіанъ—*не болѣе*, руководствуясь въ такихъ случаяхъ правилами депутатскихъ выборовъ, по которымъ избранные изъ мѣстнаго населенія 100 „выборщиковъ" сами, безъ участія остальныхъ, производили выборы; въ тѣхъ же городахъ, гдѣ евреевъ было меньше чѣмъ христіанъ—приглашать къ выборамъ все купеческое и мѣщанское населеніе [1]) по общему порядку. Вслѣдствіе этого въ могилевской губерніи, въ такихъ городахъ, какъ Могилевъ, Орша и Мстиславль, къ выборамъ были приглашены 100 „выборщиковъ" и среди нихъ евреи „съ равною, противу живущихъ въ тѣхъ городахъ христіанъ, пропорціею"; въ остальныхъ же городахъ въ выборахъ приняло участіе все купеческое и мѣщанское общество, какъ христіанское, такъ и еврейское. Эти выборы дали слѣдующій результатъ: изъ евреевъ были избраны

---

[1]) Могилевскій магистратъ писалъ въ 1786 г.: „да и къ выборамъ на должности допустить ихъ (т. е. евреевъ) въ тѣхъ городахъ гдѣ изъ нихъ евреевъ находится числомъ больше — тамъ противу христіанъ въ равной пропорціи, а въ нѣкоторыхъ городахъ меньше — въ тѣхъ столько, сколько изъ евреевъ имѣется въ жительствѣ своими домами *какъ оное и до сего происходило*". Док. № 5.

7 бургомистровъ, 9 ратмановъ, 8 судей словесныхъ судовъ и 1 староста [1]).

Противилось ли христіанское общество могилевскаго намѣстничества выборамъ евреевъ — неизвѣстно: документы молчатъ объ этомъ; но документы повѣствуютъ, что въ полоцкомъ намѣстничествѣ не только общество, но даже и нѣкоторыя власти встрѣтили весьма враждебно реформу въ гражданской жизни евреевъ, и такъ какъ жалобы по поводу возникшихъ правонарушеній, принесенныя государынѣ, были отъ имени всѣхъ бѣлорусскихъ евреевъ, то можно думать, что и въ могилевскомъ намѣстничествѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ выборы евреевъ вызвали неудовольствіе среди христіанскаго населенія.

Въ полоцкомъ намѣстничествѣ въ отношеніи выбора евреевъ была примѣнена та же система, какъ и въ могилевскомъ; и такъ какъ въ Витебскѣ преобладало, какъ видно, еврейское населеніе, то намѣстническое правленіе поручило магистрату „выбрать сто человѣкъ выборщиковъ изъ купечества и мѣщанства къ выбору бургомистровъ и ратмановъ"; вслѣдствіе этого магистратъ назначилъ 100 „выборщиковъ", но среди нихъ всего 25 евреевъ и 75 христіанъ: благодаря этому, имѣя большинство голосовъ, христіане не избрали ни одного еврея; витебскій кагалъ не замедлилъ (въ мартѣ 1784 года) обратиться съ жалобой въ намѣстническое правленіе, и оно предписало магистрату: „когда купцовъ и христіанъ и евреевъ по ровному числу находится, то бы въ выборахъ поступлено было согласно узаконенію". Но недоразумѣнія не прекратились. Вслѣдствіе новой жалобы витебскаго кагала (апрѣль 1784 г.) правленіе приказало: „не выбирая уже особливыхъ 100 человѣкъ выборщиковъ, (но) всѣмъ числящимся, изъ христіанъ и жи-

[1]) Док. № 5.

Магистраты.	Могилевъ.	Орша.	Мстиславль.	Копысь.	Чериковскъ.	Климовичи.	Рогачевъ.	Бѣлица.	Чаусы.	Бабиновичи.	Итого.
Бургомистръ	—	—	1	1	1	1	1	1	1	—	7
Ратманъ	—	—	1	1	2	2	1	2	—	—	9
Судья слов. судовъ . .	1	1	1	1	1	1	1	—	—	1	8
Староста	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Всего	1	1	3	3	4	5	3	3	1	1	25

довъ, наличнымъ обществомъ учинить выборъ новыхъ городскаго головы и судей". Когда же правленію стало извѣстно, что и въ городецкомъ магистратѣ христіанское общество стало препятствовать выбору евреевъ, правленіе разослало всѣмъ магистратамъ въ намѣстничествѣ указы „со истолкованіемъ, что по вышеупомянутому высочайшему соизволенію евреевъ не только самихъ выбирать къ должностямъ, но до выбора христіанъ допускать съ обществомъ— нѣтъ сомнѣнія".

Но эти указы, очевидно, мало помогли; во всемъ полоцкомъ намѣстничествѣ изъ евреевъ были избраны въ одномъ городѣ — бургомистръ и ратманъ [1]), а въ другомъ два ратмана. Правда, въ полоцкомъ намѣстничествѣ было меньше евреевъ нежели въ могилевскомъ [2]), но разница въ количествѣ выбранныхъ евреевъ въ обоихъ намѣстничествахъ ясно указывала, что въ полоцкомъ намѣстничествѣ евреямъ при выборахъ ставились препятствія извнѣ. Во всемъ намѣстничествѣ, какъ выше сказано, евреи были выбраны только въ двухъ магистратахъ; слѣдовательно, въ остальныхъ магистратахъ, какъ и во всѣхъ словесныхъ судахъ, евреи вовсе не имѣли своихъ представителей. А между тѣмъ, относясь враждебно къ еврейскому обществу, магистраты, благодаря отсутствію еврейскихъ представителей, стали производить неправильныя раскладки общественныхъ сборовъ, возлагая тяжесть общественныхъ повинностей на еврейское населеніе; въ судахъ же еврейскіе интересы страдали не только оттого, что евреи въ это время, по польскимъ законамъ, не принимались въ свидѣтели и не допускались къ присягѣ, но и оттого, что съ момента предоставленія евреямъ выборныхъ правъ институтъ еврейскихъ депутатовъ, присутствовавшихъ до сихъ поръ въ судахъ по уголовнымъ дѣламъ евреевъ, былъ упраздненъ.

Бѣлорусскіе евреи рѣшили защищать свои права. Въ 1784 году они отправили съ этой цѣлью депутацію въ Пе-

---

[1]) Д-ръ Лахманъ въ своей книгѣ „Beantwortung der Bemerkungen über die Duldung der Juden (Mitav. 1787) говоритъ, что въ Велижѣ еврей былъ избранъ въ бургомистры.

[2]) Въ это время въ деревняхъ и мѣстечкахъ могилевскаго намѣстничества жили 9634 еврейскихъ купцовъ и мѣщанъ, а въ полоцкомъ— лишь 5449. Док. № 5.

тербургъ [1]). „Хотя Высокомонаршимъ Ея Величества соизволеніемъ—писали депутаты въ поданномъ тогда государынѣ прошеніи—и допущены евреи къ выбору въ должности [2]) въ сходственность высочайшаго учрежденія о управленіи губерній, но какъ къ оному требуется меньшее число голосовъ еврейскихъ противъ прочихъ [3]), то и не можетъ евреинъ никогда вступить въ должность; чрезъ то евреинъ, не имѣя въ судахъ по себѣ заступника, ненадежнымъ состоитъ, за страхомъ и незнаніемъ россійскаго языка, отъ несчастія"... Поэтому жалобщики просили, чтобы евреи привлекались къ выборамъ, повидимому, даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ они составляли меньшинство, въ такомъ же количествѣ, какъ и христіане, или по крайней мѣрѣ, чтобы имъ было предоставлено имѣть своихъ засѣдателей какъ въ судахъ, такъ и при допросахъ, съ правомъ голоса, подобно другимъ членамъ судовъ. Въ дополнительной же запискѣ, представленной позже въ сенатъ, ходатаи присовокупили, что если въ магистратѣ евреи будутъ засѣдать въ равномъ числѣ съ христіанами, то они, евреи, „не столько притѣсненія и убытковъ претерпѣвать будутъ".

Защищая свои выборныя права, ходатаи стремились охранить правосудіе и матеріальные интересы еврейскаго населенія, и въ этомъ, въ сущности, заключалась ихъ единственная задача. Представители бѣлорусскаго еврейства не понимали еще общаго значенія уравненія евреевъ съ христіанами въ отношеніи гражданскихъ правъ и обязанностей; они желали этого уравненія лишь въ границахъ соб-

[1]) См. подробности. Евр. Библ. т. IV. Къ исторіи Зап. русскихъ евреевъ. Авторъ приводимыхъ въ этой статьѣ воспоминаній, Соломонъ Бенеттъ, ошибочно указываетъ 1786 г. вмѣсто 1784.

[2]) Это ходатайство въ изложеніи сената, имѣется въ моихъ документахъ, но уже ранѣе оно было, безъ другихъ относящихся до него данныхъ, опубликовано М. Шугуровымъ въ Русск. Арх. 1894 г. кн. 1—5. Точная дата ходатайства неизвѣстна, нооно, повидимому, относится къ концу 1784 г., такъ какъ уже 26 февраля 1785 г. состоялось высочайшее повелѣніе о передачѣ прошенія въ сенатъ (См. П. С. З. № 16391).

[3]) Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ выборахъ участвовало все населеніе, магистраты прибѣгали къ слѣдующимъ незаконнымъ дѣйствіямъ: они призывали къ выборамъ не всѣхъ евреевъ, приписанныхъ къ городскому обществу, хотя бы и живущихъ въ уѣздѣ, а только тѣхъ, кто проживалъ въ самомъ городѣ,

ственныхъ интересовъ; когда же уравненіе влекло за собою уничтоженіе ихъ прежнихъ автономныхъ правъ, они тотчасъ отрекались отъ этого уравненія.

Выше было указано, что вслѣдъ за вступленіемъ евреевъ въ купечество и мѣщанство были уничтожены еврейскіе суды, разбиравшіе дѣла между одними евреями; это обстоятельство не должно было отразиться на интересахъ населенія, такъ какъ если въ магистратахъ правосудіе въ отношеніи евреевъ, при отсутствіи еврейскихъ выборныхъ, не было достаточно гарантировано, ничто не мѣшало тяжущимся сторонамъ обращаться къ еврейскимъ судьямъ; извѣстно, что еще долго спустя евреи предпочитали разрѣшать свои споры третейскимъ судомъ и обращались къ своимъ судьямъ [1]). Но при существованіи религіозной борьбы и наличности вообще недовольныхъ элементовъ уничтоженіе еврейскихъ судовъ должно было ограничить сферу дѣятельности и вліяніе кагала, должно было значительно ослабить силу правящаго еврейскаго класса, такъ какъ отнынѣ кагалъ лишался возможности нарушать въ судебныхъ дѣлахъ интересы своихъ противниковъ, которые были вправѣ требовать, чтобы споры разбирались въ общихъ судахъ. И мы видимъ, что въ томъ же прошеніи, въ которомъ бѣлорусскіе евреи жаловались на нарушеніе выборныхъ правъ, они ходатайствовали также о томъ, чтобы дѣла „между одними евреями, кромѣ векселя и облиговъ, нигдѣ бы не приняты были къ производству, какъ только въ еврейскихъ судахъ", въ оправданіе чего выставлялось то, что евреи „дѣлаютъ между собою обязательства, условія и всякія сдѣлки на еврейскомъ языкѣ, по обряду и закону еврейскому, о коихъ прочіе суды неизвѣстны". А въ дополнительной запискѣ они вновь „слезно" просили удовлетворить ходатайство. Что это ходатайство вызывалось обостреннымъ отношеніемъ между правящимъ классомъ и недовольными элементами вообще и, въ частности, хасидами, подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что вслѣдъ за приведенными строками бѣлорусскіе евреи ходатайствовали, чтобы также „преступникъ ихъ законовъ и обрядовъ судимъ былъ въ еврей-

---

[1]) Державинъ отмѣтилъ, что даже христіане обращались по тяжебнымъ дѣламъ къ извѣстному хасиду Заиману.

скихъ судахъ", и просили „охранить ихъ (т. е. евреевъ) при цѣлости ихъ обрядовъ и праздниковъ по духовенству ихъ".

Ясно, что были случаи, когда по уничтоженіи еврейскихъ судовъ, сектанты стали обращаться за защитою къ русскимъ судамъ.

Однако власть кагала пострадала не только отъ одного уничтоженія еврейскихъ судовъ, но также и отъ подчиненія евреевъ въ податномъ отношеніи магистрату. Съ момента уравненія евреевъ съ христіанскимъ торгово-промышленнымъ классомъ подушныя подати съ евреевъ-мѣщанъ стали поступать въ магистратъ минуя кагалы, но еще большее значеніе имѣло то, что евреи-мѣщане, какъ и евреи-купцы, подобно христіанамъ, стали отвѣтственны лишь каждый за себя, купецъ—за свой гильдейскій сборъ, мѣщанинъ за свою подушную подать; такимъ образомъ все еврейское населеніе было освобождено отъ круговой поруки, что являлось для него благодѣяніемъ, такъ какъ еврейскому обществу не приходилось болѣе нести отвѣтственности за неимущихъ членовъ. Но такой порядокъ былъ непріятенъ кагалу, потерявшему благодаря ему право раскладки податей, право которымъ онъ нерѣдко корыстно злоупотреблялъ и которымъ пользовался для преслѣдованія своихъ недруговъ. И представители бѣлорусскаго еврейства выступаютъ въ упомянутомъ прошеніи съ ходатайствомъ о предоставленіи еврейскому обществу права самораскладки [1]) „ибо кромѣ нихъ, евреевъ, никто состоянія каждаго изъ народа знать не можетъ".

Прошеніе евреевъ государыня велѣла переслать ген.-прокурору для представленія въ сенатъ и секретарь государыни, гр. Безбородко, [2]) исполняя это порученіе, сообщилъ (26 февраля 1785 г.) ген.-прокурору, что „Ея Величество

---

[1]) Они просили о сохраненіи въ силѣ § 7 правилъ о приходныхъ и расходныхъ книгахъ, которымъ сборъ денегъ съ еврейскаго населенія предоставлялся кагалу. Принимая во вниманіе, что въ это время усилились религіозныя смуты, можно повторить высказанное уже однажды предположеніе, что къ ограниченію власти кагала стремились хасиды, какъ наиболѣе угнетенная часть населенія и что вслѣдствіе жалобъ со стороны хасидовъ власти ограничивали функціи кагала.

[2]) Въ примѣчаніи къ № 16391 П. С. З. ошибочно указанъ не гр. Безбородко, а бѣлорусскій ген.-губернаторъ Пассекъ. Ошибку обнаружилъ кн. Голицынъ. Рус. Зак. о евреяхъ, стр. 331.

примѣтить указала, что, когда означенные еврейскаго закона люди вошли уже на основаніи указовъ Ея Величества въ состояніе равное съ другими, то и надлежитъ при всякомъ случаѣ наблюдать правило, Ея Величествомъ установленное, что всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа" [1]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Городовое Положеніе (1785 г.). Участіе евреевъ въ городскомъ самоуправленіи.—Противодѣйствіе со стороны христіанъ.—Жалобы евреевъ.—Подтвержденіе выборныхъ правъ евреевъ и сохраненіе за кагаломъ финансовыхъ и административныхъ функцій (1786 г.).

Между тѣмъ, пока сенатъ собиралъ отъ бѣлорусскихъ властей свѣдѣнія по вопросамъ, затронутымъ въ прошеніи евреевъ, была издана (въ серединѣ 1785 г.) „Грамота на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи".

Грамота или „Городовое Положеніе" 1785 г., имѣя задачей устроить городъ, какъ мѣстную общину, сплотила разрозненные сословные классы, жившіе въ городахъ, *въ одногородное* общество и снадбила его извѣстными правами самоуправленія. При этомъ, однако, сословныя дѣленія городскаго населенія были не уничтожены, и торгово-промышленному классу была предоставлена главная роль въ городовой жизни, въ городовомъ самоуправленіи.

Всецѣло войдя въ составъ торгово-промышленнаго класса, евреи вмѣстѣ съ тѣмъ являлись исключительно городскимъ населеніемъ,—при такихъ условіяхъ дѣйствіе грамоты должно было значительно отразиться на ихъ гражданской жизни: въ силу грамоты евреи стали не только равноправными членами своего сословія,—купцы—купеческаго, мѣ-

---

[1]) Незадолго до этого, именно 7 января 1785 г., государыня въ указѣ на ими Рязанскаго ген.-губернатора говорила по поводу выбора мѣщанъ, что они избираются „безъ различія закона или обрядовъ церковныхъ, коимъ оные слѣдуютъ. На семъ основаніи въ другихъ губерніяхъ не только въ разсужденіи людей христіанскаго вѣроисповѣданія, но и *съ евреями*... поступаемо было". П. С. З. № 16124.

щане—мѣщанскаго,—но и равноправными, сравнительно съ христіанами, городскими обывателями.

Права и обязанности городскихъ обывателей, а слѣдовательно и евреевъ, опредѣлялись принадлежностью ихъ съ одной стороны—къ городскому обществу, съ другой—къ тому или иному сословію. Не останавливаясь въ подробностяхъ на новомъ устройствѣ городского общества и его самоуправленія, нужно отмѣтить, что всѣ городскіе обыватели были разбиты на шесть группъ, [1]) и евреи, въ зависимости или отъ рода занятій, или отъ размѣра капиталовъ, вступили въ нѣкоторыя изъ нихъ. Каждая группа являлась отдѣльнымъ обществомъ, пользовавшимся правомъ особыхъ собраній и представительства въ общегородскихъ учрежденіяхъ. Всѣ группы посылали въ *общую думу* по нѣсколько гласныхъ, а здѣсь каждая изъ нихъ выбирала своего гласнаго для присутствованія въ *шестигласной думѣ*, въ которой сосредоточивалась городская администрація. Кромѣ того каждый обыватель, имѣвшій дохода не менѣе 50 рублей, принималъ участіе въ общемъ городскомъ собраніи, избиравшемъ лицъ для занятія административно-городскихъ и сословно-судебныхъ должностей; при этомъ избиратели и избираемые были почти исключительно члены торгово-промышленнаго класса. Такимъ образомъ для евреевъ явилась возможность принимать участіе не только въ сословныхъ, но и общегородскихъ учрежденіяхъ: евреи стали избираться не только въ члены губернскихъ и городовыхъ магистратовъ, ратушъ, словесныхъ и совѣстныхъ судовъ, но также въ думу и депутатскія коммиссіи, составлявшія городскія обывательскія книги [2]).

Выше было указано, что въ нѣкоторыхъ городахъ Бѣлоруссіи христіанское населеніе противилось избранію евреевъ

---

[1]) Къ *первой* группѣ относились тѣ, кто владѣлъ недвижимою собственностью; ко *второй*—купцы всѣхъ трехъ гильдій: къ *третьей*—ремесленники, записанные въ цехъ: къ *четвертой*—иногородніе и иностранцы; къ *пятой*—именитые граждане, т. е. представители самаго крупнаго капитала и интеллектуальнаго труда; къ *шестой*—промышленное и рабочее населеніе, не вошедшее въ другую группу См. И. Дитятинъ. Устройство и управленіе городовъ Россіи. Стр. 421—3.

[2]) См. всеподданнѣйшее прошеніе 1802 г. каменецъ-подольскаго общества, цитируемое далѣе, въ пятой главѣ.

въ сословныя учрежденія: расширеніе гражданскихъ правъ евреевъ усилило недовольство христіанъ. Когда въ началѣ 1786 г. происходили выборы судей словесныхъ судовъ [1]) витебскій магистратъ, какъ и раньше, сталъ противиться избранію туда евреевъ. Напрасно полоцкое намѣстническое правленіе обращалось нѣсколько разъ къ витебскому магистрату съ требованіемъ объ избраніи одного еврея въ словесный судъ. Магистратъ продолжалъ упорствовать. Эти смуты вызвали безпорядки и въ другихъ городахъ, и тогда бѣлорусскіе евреи обратились (около іюня 1786 г.) съ новой жалобой къ государынѣ. Указавъ, что во многихъ городахъ Бѣлоруссіи евреи „не бываютъ выбраны во всякій судъ", и что витебскій магистратъ даже выгналъ евреевъ изъ собранія, не допуская ихъ вовсе къ выборамъ, повѣренный бѣлорусскихъ евреевъ выражалъ опасеніе, что при такихъ условіяхъ евреи не будутъ избираться и въ обѣ думы, долженствовавшія вскорѣ начать свои дѣйствія, и ходатайствовалъ, чтобы евреи выбирались въ ратуши и думу „къ отправленію судейскихъ и протчихъ должностей" въ томъ-же числѣ, какъ и христіане, хотя еврейское населеніе многочисленнѣе христіанскаго [2]).

Но пока происходили эти безпорядки, сенатъ успѣлъ разсмотрѣть прежнія жалобы бѣлорусскихъ евреевъ касательно лишенія ихъ выборныхъ правъ, упраздненія еврейскихъ судовъ и отнятія права самораскладки, и 7 мая 1786 г. вышелъ указъ [3]), разрѣшавшій всѣ эти сомнѣнія.

Принявъ во вниманіе приведенное выше повелѣніе государыни, сенатъ призналъ, что евреи „по запискѣ ихъ въ купечество и мѣщанство" вошли въ то-же состояніе, какъ и христіанскіе купцы и мѣщане, и потому всѣ предложенные ему вопросы онъ разрѣшилъ, согласно законамъ о торгово-промышленномъ классѣ. Вслѣдствіе этого сенатъ постановилъ допускать евреевъ, по точной силѣ грамоты 1785 г., къ выборамъ въ судейскія [4]). и другія должности,

---

[1]) Въ это время думы еще не функціонировали, а срокъ выбора бургомистровъ и ратмановъ еще не наступилъ.

[2]) Н. Голицынъ. стр. 346—356.

[3]) П. С. З. № 16391.

[4]) Тогда-же сенатъ постановилъ принимать евреевъ въ свидѣтели и допускать ихъ къ присягѣ.

равно составлять „изъ нихъ и изъ другихъ христіанскаго закона гражданъ“ магистраты, ратуши и думы, „соразмѣрно по количеству каждаго званія“, т. е. согласно количественному соотношенію евреевъ и христіанъ [1]); вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ отказалъ евреямъ въ ихъ ходатайствѣ объ учрежденіи еврейскихъ судовъ, направивъ евреевъ и по дѣламъ, между ними одними возникающимъ, если они сами между собою не разберутся, въ общія судебныя учрежденія торгово-промышленнаго класса [2]). При этомъ сенатъ отмѣтилъ что только по вопросамъ религіи евреи могутъ обращаться въ уѣздные и губернскіе кагальные суды (т. е. духовные суды).

Что-же касается права раскладки податей, то, указавъ, что не задолго до того мѣщане (а также крестьяне и казаки)

---

[1]) Однако и послѣ указа безпорядки въ Витебскѣ не прекратились и 16 іюля 1786 г. государыня послала ген.-губернатору Пассеку строгое письмо, въ которомъ говорилось: „...Повелѣваемъ подтвердить строжайше, дабы предписаніе объ нихъ (т. е. о евреяхъ) Сената Нашего, основанное на точной силѣ именнаго Нашего указа, непремѣнно и безъ всякаго отлагательства приведено было въ дѣйствіе...“ Н. Голицынъ. стр. 357.

Любопытно отмѣтить, что когда спустя 15 лѣтъ Державинъ пріѣхалъ въ Витебскъ ему тамъ говорили, что будучи уравнены въ правахъ съ христіанами, евреи обнаружили „надменіе“. Замѣчу еще что въ своемъ „мнѣніи“ (§ 27) Державинъ предложилъ лишить еврейское населеніе выборныхъ правъ „дабы судьбы сихъ послѣднихъ (т. е. христіанъ) не предавать въ руки ненавидящихъ ихъ“. Державинъ говорилъ, что по указу 1797 г. выборныя права евреевъ находятся „подъ сумнѣніемъ“—не знаю, что это былъ за указъ.

[2]) Говоря о разборѣ въ магистратѣ дѣлъ, возникающихъ между одними евреями, сенатъ сослался на 127 статью Город. Положенія. Эта статья гласила, что если въ городѣ окажется 500 или болѣе семействъ иногороднихъ или иностранцевъ, послѣднимъ разрѣшается выбрать изъ своей среды столько же бургомистровъ и ратмановъ, сколько выбрано мѣстными купцами и мѣщанами; при чемъ русскіе должны были судить на русскомъ, а иностранцы—на своемъ языкѣ. Но этой статьей сенатъ, конечно, вовсе не хотѣлъ приравнять евреевъ къ иностранцамъ или иногороднимъ, дабы предоставить имъ *только* ½ *всѣхъ голосовъ*, и то лишь при наличности 500 семействъ; если бы сенатъ желалъ установить это ограниченіе, онъ указалъ-бы его, говоря вообще о выборныхъ правахъ евреевъ. Сенатъ сослался на 127 статью по поводу частнаго случая, именно разбора еврейскихъ дѣлъ въ магистратахъ и, очевидно, что онъ привелъ 127 статью для того, что евреи, подобно иностранцамъ, разрѣшить евреямъ, не знавшимъ русской рѣчи, вести дѣла на ихъ языкѣ.

казеннаго вѣдомства въ Малороссіи были облечены этимъ правомъ, сенатъ удовлетворилъ просьбу еврейскихъ представителей, постановивъ „предоставить имъ (т. е. евреямъ) раскладывать, сколько по ихъ усмотрѣнію слѣдуетъ, безъ всякаго препятствія“ какъ подати, такъ и общественные сборы съ еврейскаго населенія, за исключеніемъ однако гильдейскихъ сборовъ съ купцовъ. Наконецъ, сенатъ подтвердилъ, что каждый еврей въ отдѣльности можетъ пользоваться правомъ передвиженія лишь съ согласія „общества“ [1]). Такимъ образомъ, сенатъ, собственно говоря, не передалъ кагалу право распоряжаться самораскладкой и передвиженіемъ еврейскаго населенія; но по условіямъ еврейской жизни и тѣхъ, глухо указанныхъ, „евреевъ“, которымъ сенатъ разрѣшилъ раскладывать подати, и то „общество“, которому онъ поручилъ завѣдывать передвиженіемъ населенія, долженъ былъ заступить кагалъ.

Изъ сказаннаго, между прочимъ, видно, что рѣшеніе сената отъ 7мая 1786 г. не установило новыхъ нормъ гражданской жизни евреевъ, оно лишь возстановило частныя правонарушенія, и потому ему вовсе не принадлежитъ нерѣдко присваиваемое ему названіе „Положеніе 1786 г.“. Глубокую перемѣну въ гражданской жизни евреевъ въ Россіи произвело введеніе въ Бѣлоруссіи учрежденія о губерніяхъ, и будущему историку евреевъ въ Россіи предстоитъ широкая задача изслѣдовать вопросъ, какъ отразились новыя условія гражданской жизни на ихъ общественномъ положеніи и культурномъ развитіи. Я-же, въ границахъ темы, отмѣчу въ общихъ чертахъ ту форму, въ которую вылилась въ это время еврейская жизнь.

Во внутренней жизни за еврейскимъ обществомъ была сохранена полная автономія; духовный судъ, школы, синагоги, самообложеніе для спеціально-еврейскихъ нуждъ и проч. находились въ безконтрольномъ вѣдѣніи еврейскаго общества. Наряду съ этимъ кагалу было предоставлено право самораскладки податей; вмѣстѣ съ тѣмъ въ его руки было передано право передвиженія еврейскаго населенія. Такимъ обра-

---

[1]) Евреямъ, заплатившимъ подати, „упражняться по уѣздамъ въ промыслахъ и работахъ, *съ дозволеніемъ общества*, по даваемымъ паспортамъ не запрещать“.

домъ, внутренняя жизнь еврейскаго народа мало чѣмъ измѣнялись. Имѣя въ своимъ услугамъ духовный судъ и распоряжаясь раскладкой податей, равно правомъ передвиженія населенія, правящій классъ сохранилъ за собою свою прежнюю широкую власть, которая въ смутную пору религіозныхъ волненій была превращена въ тяжелый гнетъ для народа. А масса получила въ это время лишь одно новое право,—право обращаться въ русскіе суды по гражданскимъ дѣламъ.

Что же касается внѣшней жизни еврейскаго общества то въ этой сферѣ евреи были уравнены съ христіанскимъ торгово-промышленнымъ классомъ: они судили и судились въ сословныхъ учрежденіяхъ, избирали и избирались на должности городского самоуправленія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Нарушеніе равноправія евреевъ (1791 г.). — Распространеніе выборныхъ правъ на евреевъ вновь образованныхъ губерній. — Ограниченіе участія евреевъ въ подольскихъ и волынскихъ магистратахъ ⅓ голосовъ. — Новое управленіе въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ (1797 г.). — Предоставленіе евреямъ въ подольскихъ и волынскихъ магистратахъ ⅓ голосовъ. — Распространеніе выборныхъ правъ на курляндскихъ евреевъ (1799 г.). — Безуспѣшное ходатайство литовскихъ евреевъ о выборы ихъ въ магистраты (1800 г.).

Съ 1791 г. гармонія, которую внесло въ гражданскую жизнь евреевъ соотвѣтствующее уравненіе христіанскаго и еврейскаго торгово-промышленныхъ классовъ, стало нарушаться.

23 декабря 1791 г. послѣдовалъ указъ о томъ, что евреи могутъ записываться въ купечество и вообще „пользоваться правомъ гражданства и мѣщанства“ не во всѣхъ губерніяхъ подобно христіанамъ, но лишь въ спеціально указанныхъ [1]) а 23 іюня 1794 г. [2]) было повелѣно взимать съ еврейскихъ купцовъ и мѣщанъ установленныя подати *въ двойномъ* противу христіанъ размѣрѣ; этимъ указомъ былъ не только

---

[1]) П. С. З. № 17606. Въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, екатеринославскомъ намѣстничествѣ и таврической области.

[2]) П. С. З. № 17224.

нанесенъ ущербъ матеріальнымъ интересамъ евреевъ, но и уронено ихъ достоинство въ глазахъ одногорожанъ-христіанъ, съ которыми они дѣлили честь и заботы по самоуправленію. Тѣмъ не менѣе государыня вовсе не намѣревалась ослабить значеніе евреевъ, какъ городского населенія; напротивъ, она повидимому желала настолько слить еврейскій торгово-промышленный классъ съ христіанскимъ, чтобы за евреями остались однѣ только прерогативы исключительно религіознаго характера.

По мѣрѣ присоединенія отъ Польши къ Россіи новыхъ земель, право гражданства евреевъ путемъ сенатскихъ или именныхъ указовъ распространилось и на нѣкоторыя вновь образованныя губерніи [1]). Изъ этихъ указовъ до насъ дошелъ лишь одинъ, отъ 3 мая 1795 г., послѣдовавшій по поводу введенія русскаго государственнаго устройства въ минской губерніи [2]), и въ этомъ указѣ государыня подтверждаетъ, что въ городовыя книги городовъ должно внести не только евреевъ, живущихъ въ городахъ и мѣстечкахъ, но и находящихся въ селеніяхъ, и что въ отношеніи выбора въ разныя гражданскія должности должно держаться указовъ „не изъемлющихъ тѣхъ, кои имѣютъ къ сему право по званію и состоянію ихъ, безъ различія рода и закона". Вмѣстѣ съ тѣмъ государыня подтвердила, что при дѣйствіи магистратовъ и словесныхъ судовъ—кагалы „не должны касаться ни до какихъ иныхъ дѣлъ, кромѣ обрядовъ закона и богослуженія ихъ". Такимъ образомъ, во вновь присоединенныхъ губерніяхъ евреи не получили тѣхъ автономныхъ правъ относительно уплаты податей [3]) и передвиженія населенія, которыя были предоставлены сенатомъ бѣлорусскимъ евреямъ и которыя имѣли для нихъ столь важное значеніе.

---

[1]) П. С. З. № 17224. Въ 1794 г. евреи пользовались правомъ „отправлять мѣщанскіе и купеческіе промыслы" въ минской, изяславской, брацловской, полоцкой, могилевской, кіевской, черниговской, новгородъ-сѣверской и екатеринославской губ., а также въ таврической области.

[2]) П. С. З. № 17317.

[3]) Намѣреваясь ввести въ Литвѣ такое-же устройство евреевъ, какъ въ другихъ бывшихъ польскихъ губерніяхъ, сенатъ (въ 1800 г.), принимая, повидимому, во вниманіе порядокъ, установленный въ этихъ губерніяхъ, указалъ, что собираніе податей принадлежитъ только магистратамъ. Док. № 2.

Вскорѣ, однако, послѣдовали ограниченія самихъ выборныхъ правъ евреевъ.

Несмотря на то, что упомянутый указъ 3 мая 1795 г., которымъ государыня подтвердила гражданское равноправіе евреевъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, былъ данъ на имя Тутолмина, управлявшаго минской, волынской и подольской губерніями [1]), этотъ администраторъ, вводя въ волынской и подольской губерніяхъ [2]) русское управленіе (во второй половинѣ 1795 г. или въ началѣ 1796 г.), предписалъ „выбирать въ городовые магистраты изъ евреевъ противу христіанъ *третью* часть, т. е. два ратмана“ [3]). Тутолминъ донесъ объ этомъ распоряженіи государынѣ, и оно было утверждено.

При такомъ порядкѣ права еврейскаго населенія значительно съузились, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ухудшилось его общественное положеніе. Не говоря о томъ, что въ виду своего незначительнаго представительства въ магистратѣ евреи отнынѣ не могли защищать своихъ интересовъ, распоряженіе Тутолмина должно было усугубить то униженіе, которое было нанесено евреямъ установленіемъ двойной подати; евреи были какъ-бы выключены изъ общаго состава торгово-промышленнаго или городского класса, они были выдѣлены въ особую категорію неравноправныхъ гражданъ, а этого было, конечно, достаточно для того, чтобы вызвать въ христіанскомъ населеніи презрительное отношеніе къ нимъ. И это, какъ свидѣтельствуетъ современный документъ, въ дѣйствительсти и произошло. Христіанское купечество и мѣщанство, по словамъ одного еврейскаго повѣреннаго, приносившаго всеподданнѣйшую жалобу, не были „исполнены духа терпимости, чтобы по дѣламъ гражданскимъ почитали равнымъ съ собою того согражданина, ко-

---

[1]) Указъ былъ данъ на имя правящаго должность минскаго, изяславскаго и брацлавскаго генералъ-губернатора Тутолмина, но брацлавская и изяславская губ. вошли вскорѣ въ составъ подольской и волынской губ.

[2]) Вѣроятно, Тутолминъ ввелъ такой порядокъ и въ минской губ., но нѣтъ никакихъ извѣстій объ этомъ. Въ то время, къ которому относятся мои документы, минская губ. находилась уже въ вѣдѣніи не каменецъ-подольскаго, а кіевскаго военнаго губернатора.

[3]) Док. № 1.

торый по дѣламъ, до религіи касающимся, не одинаковаго съ ними мнѣнія. При таковыхъ понятіяхъ, почитая оное распоряженіе Тимофея Ивановича Тутолмина нарочитымъ уничиженіемъ для евреевъ и возмня, что сіи послѣдніе лишены отъ правительства единой довѣренности и уваженія, присвоили себѣ неограниченное во всемъ преимущество предъ еврейскими членами, которые, какъ по сему самому, такъ и по малому ихъ количеству, не имѣли почти голоса въ магистратахъ [1]).

Впрочемъ, въ то время евреи имѣли представительство еще въ такихъ учрежденіяхъ, какъ губернскіе магистраты, городскія думы; они выбирались также въ старосты и проч. Но и это положеніе должно было значительно ухудшиться, когда въ началѣ 1797 г. въ волынской и подольской губерніяхъ было введено особое польское управленіе и нѣкоторые органы городского самоуправленія были упразднены [2]).

По польскимъ законамъ евреи подлежали по уголовнымъ и „прочимъ важнымъ дѣламъ“ земскому суду владѣльца той земли, на которой они жили, но сенатъ, найдя, что „при настоящемъ благоустроенномъ правленіи“ это было-бы неумѣстно, согласился съ предложеніемъ каменецъ-подольскаго военнаго губернатора Беклешева (замѣстившаго Тутолмина) подчинить евреевъ городскимъ магистратамъ, при чемъ потребовалъ (въ 1798 г.), чтобы были сохранены тѣ высочайшіе указы [3]), которые опредѣляли роль евреевъ, какъ членовъ торгово-промышленнаго класса [4]). По смыслу этихъ актовъ, какъ мы видѣли, число еврейскихъ выборныхъ зависѣло отъ совокупности мѣстныхъ условій, какъ, напр., количества еврейскаго населенія, взаимоотношенія между христіанскимъ и еврейскимъ обществомъ и проч. Но Беклешевъ, ссылаясь на распоряженіе своего предшественника Тутолмина, приказалъ, чтобы евреи выбирались лишь

---

[1]) С. А. Бершадскій, Восх. 1895 г., кн. VI, стр. 46.

[2]) П. С. З. № 17634. Указъ отъ 12 декабря 1796 г. Такое управленіе было введено и въ минской, а также въ могилевской и полоцкой губ., соединенныхъ въ одну бѣлорусскую губернію.

[3]) 29 іюля 1794 г. и 3 мая 1795 г.

[4]) Док. № 1.

въ $^1/_3$ сравнительно съ христіанами, и сенатъ одобрилъ это распоряженіе [1]).

Однако и это тяжелое ограниченіе казалось мѣстнымъ властямъ недостаточнымъ. Волынскій гражданскій губернаторъ обратился (22 іюня 1800 г.) къ ген.-губернатору съ донесеніемъ, въ которомъ между прочимъ объяснялъ „что же принадлежитъ до городовыхъ магистратовъ, то поелику въ здѣшнемъ краю составлены магистраты изъ членовъ евреевъ и мѣщанъ христіанскаго закона, изъ коихъ послѣдніе большею частью изъ таковыхъ, что не разумѣютъ грамоты, то по врожденной склонности евреевъ заводить въ городахъ между ихъ собратіями разныя въ пользу своего рода извороты, теченіе дѣлъ производится и выдается по всѣмъ вступающимъ бумагамъ резолюціи по прихотливымъ сужденіямъ однихъ евреевъ; къ сему вкралось было злоупотребленіе и въ томъ, что сборы городскихъ доходовъ опредѣлялись по опредѣленію большею частью самаго магистрата, не испросивъ прежде на то позволенія начальника губерніи. Евреи, угождая произволу одной стороны, отъ чего во всякомъ почти городѣ, гдѣ учрежденъ магистратъ—вступало множество ко мнѣ просьбъ и жалобъ о обидахъ и притѣсненіяхъ, чинимыхъ евреями". Поэтому губернаторъ просилъ, „чтобы въ магистратахъ для соблюденія порядка и

---

[1]) 1 отд. 3 деп. 1805 г. № 562.

Беклешевъ, какъ и Тутолминъ, управлялъ волынской, подольской и минской губ.; вѣроятнѣе всего, что въ минской губ. евреи также выбирались въ $^1/_2$.

Привожу списокъ мѣстъ, въ которыхъ были (1800 г.) магистраты и ратуши.

Минской губ. *Магистраты*: въ Минскѣ и повѣтовыхъ городахъ: Вилейска, Дзисна, Борисовъ, Игуменъ, Слуцкъ, Бобруйскъ, Мозырь, Пинскъ, Рѣчица. *Ратуши*: въ упраздненномъ каз. городѣ Доншица, и привилегированныхъ мѣстечкахъ Радошковичъ, Несвижъ, Друя.

Волынской губ. *Магистраты*: въ казенныхъ, бывшихъ старостинскихъ городахъ: Житоміръ, Овручъ, Кременецъ, Луцкъ, Владиміръ, Ковель; во владѣльческихъ городахъ: Дубно и Новоградоволынскъ, каковому подсудны были купечество и мѣщанство Заславля, Ровно, Константиновска. *Ратуша*—м. Олыка

Подольской губ. *Магистраты:* Каменецъ-Под., Винница, Ушица, Проскуровъ, Летичевъ, Литинъ, Брацлавскъ, Гайсинъ, Балта, (ему подсуденъ Ольгополь), Могилевъ (подсудна Цекиновка). *Ратуши*: Хмѣльницы и Вербовецкъ (Арх. Сен. 1 Отд. 3 Деп. 1800 г. № 405).

ственныхъ интересовъ; когда же уравненіе влекло за собою уничтоженіе ихъ прежнихъ автономныхъ правъ, они тотчасъ отрекались отъ этого уравненія.

Выше было указано, что вслѣдъ за вступленіемъ евреевъ въ купечество и мѣщанство были уничтожены еврейскіе суды, разбиравшіе дѣла между одними евреями; это обстоятельство не должно было отразиться на интересахъ населенія, такъ какъ если въ магистратахъ правосудіе въ отношеніи евреевъ, при отсутствіи еврейскихъ выборныхъ, не было достаточно гарантировано, ничто не мѣшало тяжущимся сторонамъ обращаться къ еврейскимъ судьямъ; извѣстно, что еще долго спустя евреи предпочитали разрѣшать свои споры третейскимъ судомъ и обращались къ своимъ судьямъ [1]). Но при существованіи религіозной борьбы и наличности вообще недовольныхъ элементовъ уничтоженіе еврейскихъ судовъ должно было ограничить сферу дѣятельности и вліяніе кагала, должно было значительно ослабить силу правящаго еврейскаго класса, такъ какъ отнынѣ кагалъ лишался возможности нарушать въ судебныхъ дѣлахъ интересы своихъ противниковъ, которые были вправѣ требовать, чтобы споры разбирались въ общихъ судахъ. И мы видимъ, что въ томъ же прошеніи, въ которомъ бѣлорусскіе евреи жаловались на нарушеніе выборныхъ правъ, они ходатайствовали также о томъ, чтобы дѣла „между одними евреями, кромѣ векселя и облиговъ, нигдѣ бы не приняты были къ производству, какъ только въ еврейскихъ судахъ", въ оправданіе чего выставлялось то, что евреи „дѣлаютъ между собою обязательства, условія и всякія сдѣлки на еврейскомъ языкѣ, по обряду и закону еврейскому, о коихъ прочіе суды неизвѣстны". А въ дополнительной запискѣ они вновь „слезно" просили удовлетворить ходатайство. Что это ходатайство вызывалось обостреннымъ отношеніемъ между правящимъ классомъ и недовольными элементами вообще и, въ частности, хасидами, подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что вслѣдъ за приведенными строками бѣлорусскіе евреи ходатайствовали, чтобы также „преступникъ ихъ законовъ и обрядовъ судимъ былъ въ еврей-

[1]) Державинъ отмѣтилъ, что даже христіане обращались по тяжебнымъ дѣламъ къ извѣстному хасиду Заиману.

скихъ судахъ", и просили „охранить ихъ (т. е. евреевъ) при цѣлости ихъ обрядовъ и праздниковъ по духовенству ихъ".

Ясно, что были случаи, когда по уничтоженіи еврейскихъ судовъ, сектанты стали обращаться за защитою къ русскимъ судамъ.

Однако власть кагала пострадала не только отъ одного уничтоженія еврейскихъ судовъ, но также и отъ подчиненія евреевъ въ податномъ отношеніи магистрату. Съ момента уравненія евреевъ съ христіанскимъ торгово-промышленнымъ классомъ подушныя подати съ евреевъ-мѣщанъ стали поступать въ магистратъ минуя кагалы, но еще большее значеніе имѣло то, что евреи-мѣщане, какъ и евреи-купцы, подобно христіанамъ, стали отвѣтственны лишь каждый за себя, купецъ—за свой гильдейскій сборъ, мѣщанинъ за свою подушную подать; такимъ образомъ все еврейское населеніе было освобождено отъ круговой поруки, что являлось для него благодѣяніемъ, такъ какъ еврейскому обществу не приходилось болѣе нести отвѣтственности за неимущихъ членовъ. Но такой порядокъ былъ непріятенъ кагалу, потерявшему благодаря ему право раскладки податей, право которымъ онъ нерѣдко корыстно злоупотреблялъ и которымъ пользовался для преслѣдованія своихъ недруговъ. И представители бѣлорусскаго еврейства выступаютъ въ упомянутомъ прошеніи съ ходатайствомъ о предоставленіи еврейскому обществу права самораскладки [1]) „ибо кромѣ нихъ, евреевъ, никто состоянія каждаго изъ народа знать не можетъ".

Прошеніе евреевъ государыня велѣла переслать ген.-прокурору для представленія въ сенатъ и секретарь государыни, гр. Безбородко, [2]) исполняя это порученіе, сообщилъ (26 февраля 1785 г.) ген.-прокурору, что „Ея Величество

---

[1]) Они просили о сохраненіи въ силѣ § 7 правилъ о приходныхъ и расходныхъ книгахъ, которымъ сборъ денегъ съ еврейскаго населенія предоставлялся кагалу. Принимая во вниманіе, что въ это время усилились религіозныя смуты, можно повторить высказанное уже однажды предположеніе, что къ ограниченію власти кагала стремились хасиды, какъ наиболѣе угнетенная часть населенія и что вслѣдствіе жалобъ со стороны хасидовъ власти ограничивали функціи кагала.

[2]) Въ примѣчаніи къ № 16391 П. С. З. ошибочно указанъ не гр. Безбородко, а бѣлорусскій ген.-губернаторъ Пассекъ. Ошибку обнаружилъ кн. Голицынъ. Рус. Зак. о евреяхъ, стр. 331.

примѣтить указала, что, когда означенные еврейскаго закона люди вошли уже на основаніи указовъ Ея Величества въ состояніе равное съ другими, то и надлежитъ при всякомъ случаѣ наблюдать правило, Ея Величествомъ установленное, что всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа" [1]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Городовое Положеніе (1785 г.). Участіе евреевъ въ городскомъ самоуправленіи.—Противодѣйствіе со стороны христіанъ.—Жалобы евреевъ.—Подтвержденіе выборныхъ правъ евреевъ и сохраненіе за кагаломъ финансовыхъ и административныхъ функцій (1786 г.).

Между тѣмъ, пока сенатъ собиралъ отъ бѣлорусскихъ властей свѣдѣнія по вопросамъ, затронутымъ въ прошеніи евреевъ, была издана (въ серединѣ 1785 г.) „Грамота на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи".

Грамота или „Городовое Положеніе" 1785 г., имѣя задачей устроить городъ, какъ мѣстную общину, сплотила разрозненные сословные классы, жившіе въ городахъ, *въ одногородное* общество и снадбила его извѣстными правами самоуправленія. При этомъ, однако, сословныя дѣленія городскаго населенія были не уничтожены, и торгово-промышленному классу была предоставлена главная роль въ городовой жизни, въ городовомъ самоуправленіи.

Всецѣло войдя въ составъ торгово-промышленнаго класса, евреи вмѣстѣ съ тѣмъ являлись исключительно городскимъ населеніемъ,—при такихъ условіяхъ дѣйствіе грамоты должно было значительно отразиться на ихъ гражданской жизни: въ силу грамоты евреи стали не только равноправными членами своего сословія,—купцы—купеческаго, мѣ-

---

[1]) Незадолго до этого, именно 7 января 1785 г., государыня въ указѣ на имя Рязанскаго ген.-губернатора говорила по поводу выбора мѣщанъ, что они избираются „безъ различія закона или обрядовъ церковныхъ, коимъ оные слѣдуютъ. На семъ основаніи въ другихъ губерніяхъ не только въ разсужденіи людей христіанскаго вѣроисповѣданія, но и *съ евреями*... поступаемо было". П. С. З. № 16124.

если нужны были какія-нибудь измѣненія въ этой области, то таковыя должны были быть введены волею самого же еврейскаго общества. Эти ходатаи были несомнѣнно хасиды; въ интересахъ хасидовъ, а не ихъ противниковъ, было необходимо измѣнить систему кагальныхъ выборовъ; въ интересахъ опять-таки тѣхъ же хасидовъ было важно ограничить судебныя функціи кагала, о чемъ, какъ будетъ дальше сказано, также ходатайствовала эта группа литовскихъ евреевъ— противники хасидизма хлопотали какъ разъ въ это время о противномъ, о сохраненіи за кагалами судебныхъ функцій.

Въ отвѣтъ на упомянутую просьбу литовское правленіе предложило купцамъ-евреямъ собраться и, пригласивъ къ совѣщанію нѣсколькихъ единовѣрцевъ, „коихъ знаніе, способность и честность извѣстны", прочитать Городовое Положеніе, сообразно, которому, „не отвергая еврейскихъ постановленій", выработать положеніе о кагальныхъ выборахъ. Это собраніе состоялось [1]) и его ознакомленіе съ Городовымъ Положеніемъ привело къ мысли о другой, болѣе крупной реформѣ въ еврейской жизни: ходатаи рѣшили просить правительство дать литовскимъ евреямъ такое же гражданское устройство, какое было дано остальнымъ евреямъ въ Россіи, а именно: „по части производства дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, *присоединить* (евреевъ) *къ магистратамъ* и позволить выбрать въ оный (людей) своего закона", т. е. лишить кагалъ судебныхъ функцій и ввести евреевъ въ гражданскомъ отношеніи въ общую массу населенія. Вѣроятно, евреи потому рѣшили ходатайствовать о выборномъ правѣ,

---

[1]) Оно донесло правленію, что при прежнемъ порядкѣ „старшины кагала и духовнаго еврейскаго суда избирались обществомъ ежегодно, что порядокъ выборовъ былъ двоякій и назывался *пресновый* (неразборчивое слово) и *гминовый* (т. е. общій), что въ первомъ случаѣ производятъ выборъ тѣ только, кои купятъ или инымъ образомъ пріобрѣтутъ право голоса отъ кагала, а въ послѣднемъ участвуетъ и вся чернь безъ исключеній"; къ этому собраніе присовокупило, что при обоихъ родахъ выборовъ происходили злоупотребленія, а потому и проситъ производить впредь выборы черезъ каждые три года, на основаніи Городового Положенія, по особому, выработанному собраніемъ, порядку. Такимъ образомъ, литовскіе евреи рѣшили упразднить старую систему кагальныхъ выборовъ и замѣнить ее новою, которая, на ихъ взглядъ, гарантировала болѣе правильные выборы.

что литовскій губернаторъ Фризель самъ стоялъ за гражданское уравненіе евреевъ; въ своемъ проектѣ еврейской реформы онъ предлагалъ, чтобы евреи „принадлежали наравнѣ съ прочими до выборовъ и разныхъ публичныхъ должностей и сами бы въ нихъ выбираемы были, ежели только кто окажется, что имѣетъ къ тому способность". И характерно, что именно въ ожиданіи того, что евреямъ будетъ разрѣшено участвовать въ городскомъ самоуправленіи—онъ исходатайствовалъ у сената право на учрежденіе магистратовъ и ратушъ въ цѣломъ рядѣ городовъ [1]).

Ходатайство евреевъ было удовлетворено: 13 августа 1800 г. [2]) сенатъ постановилъ разрѣшить выборъ евреевъ въ магистраты на основаніи Городового Положенія, съ тѣмъ, чтобы магистраты собирали съ еврейскаго общества казенныя подати и хранили ихъ общественныя суммы [3]).

Однако, литовскимъ евреямъ не суждено было освободиться отъ гнета кагала и уравняться въ гражданскомъ отношеніи съ остальными евреями въ Россіи. Въ это время сенатъ приступалъ къ разрѣшенію многихъ вопросовъ, касавшихся всего еврейскаго населенія, и потому онъ вслѣдъ за тѣмъ постановилъ (15 октября 1800 г.) не приводить пока въ исполненіе перваго рѣшенія [4]).

А между тѣмъ незадолго до этого послѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, что „кагалъ долженствуетъ заниматься единственно дѣлами обрядовъ закона и богослуженія, не вмѣшиваясь въ гражданскія дѣла, для коихъ установлены закономъ особенныя мѣста", что евреи должны „терпѣть" хасидскую секту; такимъ образомъ для литовскихъ евреевъ получилось слѣдующее положеніе: они потеряли свою автономію—судебную, финансовую и административную; право же кагала вѣдать дѣла „обрядовъ закона и богослуженія" было, въ сущности, приведено почти къ нулю, разъ кагалъ не смѣлъ преслѣдовать религіозныхъ сектантовъ. Взамѣнъ же

---

[1]) 1 отд. 3 деп. 1804 г. Въ 1803 г. новый губернаторъ просилъ объ упраздненіи этихъ учрежденій, т. к. евреи по прежнему вѣдаются въ городскихъ судахъ, а изъ мѣщанъ-христіанъ рѣдко кто грамотенъ.

[2]) Данныя о ходатайствѣ литовскихъ евреевъ почерпнуты изъ док. № 2.

[3]) Док. № 2.

[4]) Док. № 4.

отнятыхъ правъ литовское еврейство не получило новыхъ, какъ въ другихъ губерніяхъ.

Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ всѣ группы литовскаго еврейства, забывъ о междуусобной борьбѣ, должны были выступить въ защиту своихъ выборныхъ правъ. Нужно было только дождаться случая.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ограниченіе участія евреевъ въ магистратахъ въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ—$^1/_3$ голосовъ (1802).—Жалобы евреевъ.—Выборы литовскихъ евреевъ въ магистраты.—Отмѣна этихъ выборовъ (1804).—Положеніе 1804 г.

Мы видѣли, что въ концѣ 18 в. выборныя права еврейскаго населенія стали подвергаться частичнымъ ограниченіямъ; въ 19 в. этимъ ограниченіямъ былъ приданъ общій характеръ.

Въ августѣ 1802 г., вмѣсто прежнихъ ежегодныхъ выборовъ въ магистраты, въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ должны были состояться выборы на трехлѣтній срокъ [1]. Воспользовавшись этимъ нововведеніемъ, управляющій волынской и подольской губерніями, генералъ Розенбергъ обратился въ сенатъ съ предложеніемъ, чтобы впредь евреи составляли въ магистратахъ ввѣренныхъ ему губерній не половину голосовъ, а лишь одну треть. Въ подкрѣпленіе своего ходатайства Розенбергъ указывалъ, что по словамъ подольскаго губернскаго правленія, вслѣдствіе незнанія „евреями ни россійской, ни польской грамоты, на каковыхъ языкахъ производится теченіе дѣлъ по магистратамъ, не токмо не происходитъ никакой успѣшности въ дѣлахъ отъ присутствующихъ изъ евреевъ въ половинной части противу христіанъ, но всегда болѣе происходитъ затрудненій и замѣшательствъ; ибо по состоянію евреевъ въ подольской губерніи какъ по городамъ, мѣстечкамъ, такъ и по селеніямъ въ превосходнѣйшемъ гораздо противу христіанъ количествѣ, когда во время выборовъ бываютъ собранія оныхъ баллотированія христіанскаго и еврейскаго закона мѣщанъ,

---

[1]) Съ 1796 г. происходили ежегодные выборы.

евреи всегда имѣютъ перевѣсъ и, дѣлая свои партіи, стараются избирать изъ христіанъ такихъ, кои ни судопроизводства, ни грамоты не знаютъ, дабы симъ предоставить способъ управлять однимъ евреямъ магистратами; и на сей конецъ, сколько уже замѣчено, избираютъ между собою не по убѣжденію о безпорочномъ и честномъ поведеніи, но по примѣчаніямъ оборотливости и искусству кого-либо къ разнымъ пронырствамъ, которые по симъ качествамъ могли бы обѣщевать своей собратіи дѣйствовать единственно въ ихъ пользу при всякихъ случаяхъ; отъ сего всегда по городамъ магистраты бываютъ въ рукахъ одного или двухъ человѣкъ изъ еврейскихъ членовъ и при томъ часто родствомъ соединенныхъ, кои постановляютъ предметомъ: во всѣхъ дѣлахъ, къ службѣ относящихся, соблюдать только свои и собратіи ихъ выгоды, не почитая даже обязанностью входить въ общественную и городскую пользу. Каковое управленіе евреевъ магистратами сколько есть не совмѣстно и не сходственно съ узаконеніями, столько наводитъ и затрудненій и безпорядокъ; хотя же бывшій генералъ-губернаторъ Гудовичъ въ предложеніи своемъ сослался на 127 статью Городового Положенія (говорившую о правѣ иногороднихъ и иностранцевъ имѣть *половину* голосовъ въ магистратѣ), но евреи, яко изъ древнѣйшихъ временъ въ тѣхъ мѣстахъ обитающіе, суть коренные тамошніе жители, и никакъ не могутъ почитаться иностранными, а потому и подводить ихъ подъ силу онаго узаконенія не слѣдуетъ“ [1]).

Несомнѣнно, губ. правленіе справедливо указало Розенбергу, что евреи не могутъ почитаться иностранцами, а должны быть признаны коренными жителями, но оно это сдѣлало не для того, чтобы предоставить имъ соотвѣтствующія права; нѣтъ, правленіе включило евреевъ въ число коренныхъ съ той цѣлью, чтобы отнять у нихъ права, присвоенныя „гостямъ“, а сдѣлавъ это, оно спокойно рѣшило поставить этихъ коренныхъ жителей, въ отношеніи выборныхъ правъ, ниже „гостей“, оставивъ за ними въ магистратахъ лишь *одну треть* голосовъ, „такъ какъ отъ сего долженствуетъ быть ощутительный порядокъ въ храненіи и успѣшность въ отправленіи судопроизводствомъ дѣлъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ

---

[1]) Док. № 1.

прекращенія разныхъ недоразумѣній между христіанскимъ и еврейскимъ обществами, правленіе предложило „предоставить: христіанскихъ членовъ избирать самимъ христіанамъ, а еврейскихъ членовъ—евреямъ“, такъ какъ „по взаимнымъ связямъ и по религіи, поведеніе каждаго и образъ жизни и способности, какъ первымъ, такъ и послѣднимъ, могутъ быть между собою извѣстнѣе“.

Волынское губернское правленіе высказало подобный же взглядъ, и, такимъ образомъ, Розенбергъ усмотрѣлъ изъ донесеній обоихъ правленій, что „евреи по свойственному имъ искательству, желая находить вездѣ свои корысти, и по наклонности, внушаемой имъ ихъ преданіями и религіей, подкрѣплять всѣми способами свою собратію, даже самый случай выборовъ въ магистраты и пребываніе свое при отправленіи общественныхъ дѣлъ, обращаютъ къ сей цѣли, во вредъ прочихъ жителей и справедливости по дѣламъ“. Эти замѣчанія губ. правленій Розенбергъ нашелъ совершенно справедливыми, тѣмъ болѣе, что и онъ самъ „примѣтилъ въ нѣкоторыхъ тамошнихъ городахъ въ употребленіи городскихъ суммъ упущеніе порядка, закономъ предписываемаго... и что самые даже выборы по магистратамъ имѣли столько замѣшательствъ, что въ иныхъ городахъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ не могли быть кончены безъ того, что принужденъ онъ былъ, для пресѣченія безпорядковъ, нѣкоторыхъ евреевъ подвергнуть законному сужденію...“ [1]).

Здѣсь не приходится защищать волынскихъ и подольскихъ евреевъ отъ обвиненій, выставленныхъ противъ нихъ мѣстной властью. Если евреи въ дѣйствительности игнорировали интересы остального населенія, то и христіане, по свидѣтельству еврейскаго повѣреннаго, не щадили интересовъ евреевъ. Къ тому же, защитникомъ каменецъ-подольскихъ евреевъ явится, какъ дальше будетъ видно, ихъ же собратъ. Но по поводу замѣчанія Розенберга, что евреи злоупотребляли своимъ оффиціальнымъ положеніемъ и что по ихъ винѣ выборы порою затягивались на цѣлые мѣсяцы, не лишне привести нѣсколько строкъ изъ труда русскаго изслѣдователя, отчетливо доказывающія, что злоупотребленіе магистратской властью и выборныя замѣшательства

---

[1]) Док. № 1.

имѣли мѣсто и тогда, когда въ магистратахъ евреи вовсе еще не принимали участія. „Избранные въ члены магистрата получали,—говоритъ А. А. Кизеветтеръ въ своемъ изслѣдованіи, доведенномъ лишь до 80-хъ годовъ 18 вѣка,—весьма обширную власть надъ „гражданами“ посада, которая могла превратиться въ ихъ рукахъ—что и бывало часто на самомъ дѣлѣ — въ опасное орудіе всевозможныхъ злоупотребленій, дорого стоившихъ посадскимъ жителямъ... Нерѣдко избирательная борьба принимала до дикости рѣзкія формы и затягивалась на нѣсколько лѣтъ подрядъ...“ [1]).

Согласившись съ мнѣніями губернскихъ правленій объ ограниченіи еврейскихъ голосовъ въ магистратѣ одной третью и объ избираніи евреевъ — евреями, христіанъ — христіанами, Розенбергъ сдѣлалъ соотвѣтствующее представленіе; сенатъ утвердилъ таковое, постановивъ вмѣстѣ съ тѣмъ распространить новый порядокъ на всѣ бывшія польскія губерніи, [2]) и 9 декабря 1802 г. былъ разосланъ соотвѣтствующій указъ.

Это ограниченіе выборныхъ правъ, лишивъ евреевъ возможности охранять свои интересы, умалило вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ общественное значеніе и ухудшило ихъ общественное положеніе. Но еще, быть можетъ, болѣе печальныя послѣдствія для внѣшне-гражданской и для внутренне-общинной жизни еврейскаго населенія принесъ съ собою самый порядокъ выборовъ. Уже одинъ фактъ раздѣленія общества на евреевъ и христіанъ долженъ былъ вызвать взаимный антагонизмъ: христіане могли отнынѣ вполнѣ открыто выражать полное презрѣніе и ненависть къ ограниченному въ

---

[1]) А. Кизеветтеръ. Посадскіе избирательные сходы. — „Русское Богатство“, 1901 г., кн. 9, стр. 55.

[2]) Док. № 1. Рѣшеніе сената состоялось 7 октября 1802 г. Указъ былъ посланъ, кромѣ волынской и подольской, также въ минскую, кіевскую, гродненскую, виленскую, витебскую и могилевскую губ.— Бѣлорусскій военный губернаторъ Михельсонъ разъяснилъ витебскому губернскому правленію. 1) что въ числѣ $^1/_3$ могъ быть избранъ одинъ еврей-бургомистръ (какъ мы видѣли, въ волынской и подольской губ. изъ евреевъ выбирались лишь два ратмана), 2) „что лежитъ до городскихъ головъ, какъ голова есть членъ думы, а въ указѣ говорится объ однихъ магистратахъ, слѣдственно и остается на прежнемъ порядкѣ“. Это разъясненіе было утверждено сенатомъ и сообщено всѣмъ подлежащимъ губернскимъ правленіямъ. Док. № 3.

правахъ еврейству, отъ котораго они болѣе не зависѣли на выборахъ; еврейству ничего не оставалось, какъ платить той же монетой. Но кромѣ этого, не выбирая болѣе должностныхъ лицъ сообща съ христіанами, евреи потеряли возможность вліять на личный составъ христіанскаго представительства, препятствовать вступленію въ магистраты лицъ, враждебно относившихся къ еврейскому населенію. Съ другой стороны устраненіе христіанъ отъ участія въ выборахъ еврейскихъ представителей вредно отразилось на интересахъ еврейской массы, такъ какъ участіе христіанъ въ выборахъ евреевъ значительно парализовало власть правящаго еврейскаго класса, сосредоточеннаго въ кагалахъ, имѣвшаго своихъ излюбленныхъ людей, — теперь выборъ должностныхъ лицъ не могъ на практикѣ не перейти въ вѣдѣніе кагаловъ. Наконецъ, новый порядокъ не соотвѣтствовалъ интересамъ и самого христіанскаго общества; если евреи дѣйствительно выбирали изъ своей среды, какъ ихъ въ этомъ обвиняли, недостойныхъ людей, то теперь, по устраненіи христіанъ отъ выборовъ, они получали въ этомъ отношеніи еще большую свободу.

Какъ же отнеслись евреи къ появленію сенатскаго указа?

Наши архивы, какъ извѣстно, почти вовсе не разработаны; неудивительно поэтому, что до насъ не дошли подробныя извѣстія о томъ, какъ встрѣтили евреи этотъ указъ; но отсутствіе такихъ свѣдѣній не должно внушать мысль, будто евреи отнеслись пассивно къ ограниченію ихъ правъ. Еврейскія общины чрезъ посредство кагаловъ находились во взаимномъ тѣсномъ общеніи, и если каменецъ-подольскіе евреи выступили, какъ мы сейчасъ увидимъ, съ протестомъ противъ несогласнаго съ законами указа, то и другіе общины, надо думать, послѣдовали этому примѣру [1].

Каменецъ-подольскіе евреи начали дѣйствовать еще до

[1]) Въ октябрѣ 1803 г. копыйскій 1-ой гильдіи купецъ и депутатъ бѣлорусскаго еврейскаго общества, Хононъ Лейзеровичъ, обратился со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о томъ, чтобы въ сенатѣ была разсмотрѣна его просьба о выдачѣ ему копіи съ сенатскаго распоряженія, послѣдовавшаго по поводу представленія бѣлорусскаго военнаго губернатора; а съ этимъ представленіемъ бѣлорусскій военный губернаторъ обратился въ сенатъ по поводу интересующаго насъ сенатскаго указа. Такимъ образомъ имѣется указаніе, что и бѣлорусское еврейство не бездѣйствовало въ это время. Док. № 3.

появленія сенатскаго указа; пославъ въ сенатъ свое донесеніе объ ограниченіи выборныхъ правъ евреевъ, Розенбергъ предписалъ тотчасъ произвести выборы на предстоявшее трехлѣтіе по новому порядку, и каменецъ-подольскіе евреи-мѣщане тогда же уполномочили своего одногорожанина, мѣщанина Ицку Гельмановича, выступить со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ въ защиту ихъ интересовъ.

Отмѣтивъ, что Екатерина II позволила евреямъ пользоваться купеческими и мѣщанскими правами и преимуществами и повелѣла въ отношеніи выбора евреевъ въ городскія должности придерживаться общихъ законовъ, Ицка Гельмановичъ останавливается на отмѣченныхъ выше перемѣнахъ, которыя вносились въ эту сферу мѣстными администраторами [1]), и поясняя далѣе, что мѣстное еврейское торгово-промышленное населеніе превышаетъ въ три-четыре раза христіанское, благодаря чему евреи несутъ на себѣ расходы по содержанію городовыхъ магистратовъ, и что дѣла, поступающія въ магистратъ, главнымъ образомъ еврейскія, Ицка Гельмановичъ заключаетъ свою жалобу строками, которыхъ нельзя не воспроизвести, — такъ и кажется, что еще не высохли чернила, которыми онѣ написаны.

„Вѣрители мои недоумѣваютъ, какая бы могла быть причина таковому исключенію ихъ народа изъ общихъ законовъ, ибо нельзя приписать сіе какому либо замѣченному правительствомъ злоупотребленію, въ каковомъ они почитаютъ себя совершенно невинными, поелику никогда не требовано было отъ общества евревъ какое либо по таковому случаю объясненіе; вѣдая же, что правительство россійское столь человѣколюбиво, что и важнѣйшаго преступника не позволяетъ наказывать, не выслушавъ прежде его изъясненія противъ преступленія, въ которомъ его обвиняютъ, твердо увѣрены, что менѣе попуститъ сіе самое правительство осуждать цѣлый народъ за что либо, не истребовавъ прежде отъ него объясненій. Да и какіе могутъ быть проступки, которые бы обвиняли цѣлый народъ, когда

---

[1]) Говоря о выборахъ въ подольской и волынской губ., я пользовался прошеніемъ Гельмановича, дополнивъ содержащіяся въ немъ свѣдѣнія данными изъ другихъ архивныхъ источниковъ.

пороки частныхъ людей не доказываютъ еще относительно ихъ къ цѣлому народу? Пороки же цѣлаго народа—если таковые суть—должны быть исправлены, а не наказываемы, поелику не можетъ быть, чтобы въ немъ не находились люди невинные, которыхъ не слѣдуетъ истязать за поступки другихъ. Сверхъ того, надлежало бы прежде изслѣдовать погрѣшности, въ коихъ обвиняютъ одинъ народъ; не суть ли они всѣмъ общія, но замѣчаемы больше у того, противъ котораго употребляютъ особенное примѣчаніе и о которомъ всѣ уже расположены вѣрить, что онъ подверженъ онымъ. Напротивъ того, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше ссылаться на опытъ, доказывающій, что... случалось множество такихъ дѣлъ, при рѣшеніи коихъ въ магистратахъ происходило разногласіе между членами христіанскими и еврейскими и по пересмотрѣніи оныхъ въ высшей инстанціи утверждены были мнѣнія послѣднихъ..." И Ицка Гельмановичъ проситъ „выбирать евреевъ въ магистры по числу душъ, или же хотя половинное число. А дабы *не подать вида отъ правительства къ различенію народовъ* по дѣламъ гражданскимъ, то, не раздѣливъ общества купцовъ и мѣшавъ на двѣ части при выборахъ, то есть на христіанскія и еврейскія, велѣть обоимъ вообще избирать какъ христіанскіе, такъ и еврейскіе члены" [1]).

Ходатайство каменецъ-подольскихъ евреевъ запоздало; оно было подано въ ноябрѣ 1802 г., а между тѣмъ уже 7 октября послѣдовало рѣшеніе сената, изложенное въ упомянутомъ выше указѣ отъ 9 декабря. Ицкѣ Гельмановичу было отказано въ просьбѣ [2]).

Среди прочихъ губерній, сенатскій указъ былъ посланъ и въ обѣ литовскія, вслѣдствіе чего, хотя евреи не принимали тамъ участія въ общемъ самоуправленіи, литовскій военный губернаторъ, баронъ Бенигсенъ, предписалъ произвести соотвѣтствующіе выборы, что и было одобрено министромъ внутреннихъ дѣлъ [3]).

Трудно описать, какой взрывъ негодованія вызвало это распоряженіе въ польскомъ обществѣ. Виленское, гродненское

---

[1]) С. А. Бершадскій. Восх. 1895 г. кн. 6.

[2]) Журналъ сената 23 ноября 1802 г. Док. № 3.

[3]) Док. № 3.

ское, а затѣмъ и ковенское христіанскія общества выступили съ горячими протестами—оффиціальнаго и частнаго характера—противъ нововведенія. Во главѣ оппозиціи стали виленскіе христіане: 1 февраля 1803 г. они подписали всеподданнѣйшее прошеніе объ отмѣнѣ выбора евреевъ и въ тотъ же день ихъ голова обратился къ неизвѣстному вліятельному лицу съ письменною просьбою оказать поддержку этому ходатайству [1]).

Ссылаясь на свои привилегіи, виленскіе христіане указывали что городъ „черезъ допущеніе евреевъ къ должностямъ, терялъ бы свои права, свободу и прерогативы, и граждане его христіане принуждены были бы современемъ подпасть подъ разные, свойственные евреямъ, происки такъ, что сіи могли бы взять надъ ними и верхъ". Отмѣчая далѣе, что евреи всегда были ограничены „въ разсужденіи своего и мѣстопребыванія, и образа жизни", что они лишены права быть свидѣтелями въ судахъ, что по своей неопрятности бываютъ причиной заразы, виленское общество заявляло: „Къ тому же не имѣютъ они никакой идеи о морали, и образъ ихъ внутренняго воспитанія не пріуготовляетъ ихъ званію судьи, а вообще содержитъ себя сей народъ посредствомъ однихъ происковъ, не имѣя впрочемъ положительнаго и непремѣннаго для себя состоянія. Напротивъ того, христіане отъ времени основанія города Вильны, будучи всегда вѣрными подданными и нося, по правамъ и привилегіямъ, по выбору обязанности урядниковъ, старались долгъ свой выполнить, какъ вѣрноподданническая присяга требуетъ и для своего и для потомковъ добраго имени. Нынѣ же съ прискорбіемъ видя, что евреи смѣшаны съ ними, стѣсненъ ихъ духъ уныніемъ и отнята вовсе изъ нихъ у каж-

[1]) Это частное письмо президента извлечено изъ разрозненныхъ бумагъ (изъ уничтоженныхъ дѣлъ), присланныхъ, автографовъ ради, изъ сената въ рукописное отдѣленіе Петерб. Публ. Библіотеки. При письмѣ была копія всеподданнѣйшаго прошенія. Прося о предстательствѣ, президентъ такъ заключилъ свое письмо: Мы, дѣти наши и потомки первымъ долгомъ всегда поставимъ прославлять имя Ваше, возсылая теплыя молитвы предъ престоломъ Всевышняго за здравіе и долгоденствіе ихъ благотворителя". Въ іюнѣ 1803 г. президентъ обратился къ одному вліятельному лицу съ подобнымъ же французскимъ письмомъ.

даго охота къ принятію публичнаго служенія тогда, когда евреямъ дана воля возрастать надъ христіанами, а особенно если ихъ начальствованіе—сколько унижаетъ уваженіе къ судилищу, въ которомъ православная религія имѣетъ наиболѣе вліянія и есть нерушимымъ основаніемъ для каждаго судьи служить вѣрно престолу, блюсти законы и исполнять обязанности—столько содѣлается слѣдствіемъ, что пришельцы изъ границы, желающіе водвориться въ Вильнѣ, видя евреевъ въ урядахъ, въ магистратѣ, чего ни въ одномъ заграничномъ городѣ нѣтъ, потеряютъ конечно охоту селиться въ Вильнѣ, и черезъ то городъ, лишась гражданъ, наполненъ будетъ одними евреями. Болѣе же всего довѣріе публичное и довѣріе къ людямъ, правосудіе наблюдающимъ, падутъ; послушаніе черни обратится въ поруганіе, когда приходящій въ мѣсто, такъ сказать, освященное, обрѣтетъ еврея и въ немъ своего начальника и судью, которому подчинену быть несвойственно ни по состоянію, ни по религіи". И потому виленское общество просило отмѣны указа сената [1]).

Всеподданнѣйшая жалоба гродненскаго христіанскаго общества (отъ 16 февраля 1803 г.) въ общихъ чертахъ схожа съ жалобой виленскаго общества: та же ссылка на привилегіи; то же указаніе, будто евреи не подготовлены къ общественной дѣятельности; но все же гродненское общество нашло еще одно—и весьма курьезное—обстоятельство, препятствовавшее выбору евреевъ [2]).

Уже въ теченіе 200 лѣтъ, по словамъ гродненскаго общества, между гродненскими евреями и христіанами тянулась тяжба по поводу того, что евреи, вопреки ассесорскому рѣшенію, вели торговлю въ городѣ и что они „присвоили" себѣ почти всѣ художества (т. е. ремесла), чѣмъ „сдѣлали христіанамъ подлогъ;" христіане требовали отъ евреевъ, между прочимъ, возмѣщенія всѣхъ судебныхъ издержекъ за это время, а равно наказаніе евреевъ „за сопротивленіе" вышеупомянутому ассесорскому рѣшенію. Эта тяжба не была еще завершена и это-то, по мнѣнію христіанскаго общества, препятствовало евреямъ занять должно-

---

[1]) С. А. Бершадскій. Восходъ 1895 г. кн. 6.

[2]) Док. № 3.

сти въ магистратахъ: тамъ хранились относящіеся до тяжбы акты „по большей части противные евреямъ“, а эти документы нельзя было „безъ опасности и совершенной разстройки христіанъ повѣрить противной сторонѣ“.

Казалось бы, что дальше этого нельзя было пойти, но ковенское христіанское общество все же пошло еще дальше. Повторивъ въ своей жалобѣ (отъ 24 іюня 1803 г.) [1]) многое изъ того, что указывало виленское общество, ковенскіе христіане, подобно своимъ гродненскимъ собратьямъ, нашли особое препятствіе для выборовъ евреевъ; это препятствіе заключалось въ томъ, что „для приведенія на вѣрность Господу Богу и Государю къ присягѣ, на судейскомъ столѣ поставленъ крестъ съ изображеніемъ распятія Іисуса Христа даетъ всякому видѣть и почитать сіе за святость... а еврей себя при сей святой фигурѣ распятія (отъ чего ихъ самая религія отвлекаетъ) уповательно, что будучи невѣрный, не будетъ на оную смотрѣть, но противно, по своему обряду, противъ оной думать, а потому вмѣсто судейской справедливости насмѣиваться только будутъ съ христіанскаго закона“.

Эти жалобы не остались безъ результата: въ августѣ 1803 г. сенатъ сообщилъ что указъ отъ 9 декабря 1802 г. имѣетъ силу лишь для тѣхъ губерній, гдѣ евреи и до того пользовались выборными правами. Вслѣдствіи этого Бенигсенъ въ началѣ сентября пріостановилъ выборы евреевъ.

Тогда отъ лица всѣхъ литовскихъ евреевъ выступилъ со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ Гиршъ Давидовичъ [2]): ссы-

---

[1]) Док. № 6.

[2]) Гиршъ Давидовичъ былъ снабженъ слѣдующимъ полномочіемъ: „Я нижеподписавшійся, Виленскаго еврейскаго кагала сындыкъ, еврей Еремiанъ Нахимовичъ, въ силу данной мнѣ отъ Виленскаго еврейскаго кагала, купечества, обывателей и цѣлаго Литовско-Виленской губ. еврейскаго общества, о выбраніи одного достойнаго и вѣрнаго человѣка къ хожденію по дѣламъ кагальнымъ, купеческимъ, обывательскимъ и цѣлого общества въ Правительствующій Сенатъ или другія какія-либо присутственныя мѣста сколько нужда потребовать будетъ, отъ имени цѣлаго общества прошенія подавать, вслѣдствіе того полномочія признаю достойнымъ къ хожденію по вышеозначеннымъ дѣламъ еврея Гиршу Давидовича, Гродненской губ. въ Бржестскомъ повѣтѣ жительствующаго, который властенъ есть, отъ имени цѣлаго общества Литовско-Виленской губ., по дѣламъ кагальнымъ, купеческимъ, обыватель-

лаясь на примѣръ другихъ губерній, онъ ходатайствовалъ о предоставленіи евреямъ литовской губ. выборныхъ правъ [1]).

Между тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубей, ознакомившись съ прошеніями христіанскихъ обществъ, отказался отъ прежде высказаннаго мнѣнія, что указъ сената долженъ быть распространенъ и на Литву, и въ запискѣ, поданной государю, онъ предложилъ объяснить особымъ высочайшимъ указомъ на имя литовскаго военнаго губернатора, что рѣшеніе сената не относится къ литовской губерніи. Но государь не пожелалъ, очевидно, ограничить права евреевъ столь шумливымъ актомъ; онъ повелѣлъ передать все дѣло въ сенатъ съ тѣмъ, чтобы оно было разсмотрѣно въ связи съ представленіемъ Бенигсена, а это представленіе подтверждало что евреи въ Литвѣ никогда не пользовались выборными правами. Въ виду этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что сенатъ постановилъ „начатые (въ Литвѣ) выборы въ магистратскія судилища изъ евреевъ“ прекратить (21 Апр.). Вмѣстѣ съ этимъ сенатъ постановилъ дать обо всемъ знать министру внутреннихъ дѣлъ, какъ лицу, присутствующему въ тогдашнемъ комитетѣ, вырабатывавшемъ положеніе о евреяхъ, дабы при общей еврейской реформѣ былъ принятъ во вниманіе и указанный частный вопросъ.

Въ матеріалахъ, собранныхъ комитетомъ, вопросъ объ участіи евреевъ въ сословно-городскомъ управленіи встрѣтилъ два рѣзко-противоположные отвѣта: одинъ проектъ еврейской реформы, составленный въ Бѣлоруссіи, гдѣ евреи пользовались избирательнымъ правомъ, потребовалъ безъ всякого фактическаго оправданія, только въ виду „ненависти евреевъ къ христіанамъ“, лишенія еврейскаго населенія этого права; другой же проектъ, написанный въ Литвѣ, былъ основанъ на полномъ равенствѣ евреевъ съ христіанами.

И комитетъ, не желая умалить права евреевъ, а съ другой стороны, опасаясь затронуть „интересы“ христіанскаго

скимъ и всего еврейскаго общества въ Правительствующій Сенатъ и прочія присутственныя мѣста прошенія подавать сколько нужда требовать будетъ и что бы показанный Давидовичъ ни просилъ, за важно приниматься должно; въ чемъ удостовѣряя при прошенныхъ отъ мен свидѣтеляхъ собственноручно утверждается. Г. Вильно. Августа 13 дн. 1803 г.“. Эта довѣренность была занесена въ земскую книгу.

[1]) Прошеніе приведено у Бершадскаго. Восходъ 1895 г. кн. VI.

общества въ Литвѣ распространеніемъ на этотъ край порядка, установившагося во всѣхъ прочихъ губерніяхъ черты, — рѣшилъ обойти этотъ вопросъ молчаніемъ; онъ ограничился тѣмъ, что указалъ, какое платье должны носить евреи, выбранные въ магистраты, и постановилъ, что съ 1808 г. для нихъ обязательна грамота русская, нѣмецкая или польская.

Такимъ образомъ, вопросъ о евреяхъ въ городскомъ управленіи остался и послѣ 1804 г. въ своемъ прежнемъ хаотическомъ состояніи.

Очеркъ второй [1])

(съ 1804 г.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Избирательное право евреевъ въ началѣ 19 вѣка.—Проектъ распространенія избирательнаго права на евреевъ литовскихъ губерній.— Уравненіе евреевъ въ избирателномъ правѣ съ христіанами Положеніемъ 1835 г. — Противодѣйствіе со стороны ген.-губ. Долгорукова. — Жалобы евреевъ.

Изъ предыдущаго очерка видно, что въ началѣ 19 в. участіе евреевъ въ ратушахъ и магистратахъ было повсемѣ-

---

[1]) При составленіи настоящаго очерка я пользовался матеріалами изъ архивовъ:

1) *Бывшаго Новороссійскаго генер.-губернаторства*:

Новор. ген. губ.: 1857 г. № 707. О порядкѣ избранія евреями лицъ въ городскія и общественныя должности.

1859 г. № 8. О Керченскомъ комм. судѣ.

1862 г. № 104. Объ избраніи въ должность городского головы въ Херсонѣ одного изъ почетныхъ купцовъ-евреевъ.

1863 г. № 183. О выборѣ въ должности предсѣдателя, старосты и членовъ комм. суда въ бессар. губ.

1869 г. № 64. О допущеніи евреевъ участвовать въ выборѣ членовъ комм. судовъ.

Бессар. обл. 1857 г. № 50. По жалобѣ кишиневскихъ евреевъ за недопущеніе ихъ къ выборамъ городского головы и другихъ

1847 г. № 8. Объ измѣненіи порядка выборовъ евреевъ въ члены хотинскаго словеснаго суда.

2) *Прав. Сената*: 1-е Общее собраніе. 1839 г. № 37.

„ „ 1843 г. № 53.

1-й департаментъ. „Объ устройствѣ присутственныхъ мѣстъ въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ“.

стно ограничено *одной третью* голосовъ; въ связи съ этимъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ изъ числа 2 бургомистровъ и 4 ратмановъ, составлявшихъ магистраты, евреямъ были предоставлены лишь должности двухъ ратмановъ; въ бургомистры было запрещено избирать ихъ. Это послѣднее распоряженіе было впрочемъ отмѣнено сенатомъ, однако вмѣстѣ съ тѣмъ было сохранено постановленіе о томъ, чтобы въ ратушахъ съ однимъ бургомистромъ евреи не занимали этой должности.

Одновременно подвергся измѣненію и порядокъ выбора должностныхъ лицъ; съ 1802 г. христіанское и еврейское общества должны были избирать своихъ представителей не совмѣстно, какъ раньше, а каждое въ отдѣльности.

Литовскіе же евреи вовсе не получили избирательнаго права.

Въ качествѣ членовъ торгово-промышленнаго класса, евреи могли избираться также въ городскіе старосты, въ словесные судьи и въ гласные думы. Надо полагать, что и здѣсь послѣдовали, по волѣ мѣстной власти, извѣстныя ограниченія. И возможно, что когда въ 1807 г. въ бѣлостокской области вводилось русское управленіе, то именно въ видѣ исключенія, въ противовѣсъ установившемуся всюду порядку было постановлено выбирать въ повѣтовыхъ городахъ изъ двухъ старостъ одного, а изъ четырехъ гласныхъ — двухъ евреевъ [1]), при чемъ евреямъ было предоставлено участвовать въ выборѣ городского головы, хотя сами на эту должность они не избирались.

Однако всякія такого рода постановленія касательно избирательнаго права евреевъ, исходившія или отъ мѣстной, или отъ центральной власти, являлись частными мѣропріятіями [2]); въ Положеніи 1804 г. и въ Сводѣ законовъ 1832 г. упомянуто одно лишь постановленіе объ обязательности грамоты [3]).

---

[1]) Подобное пропорціональное соотношеніе было установлено и для заштатныхъ городовъ, въ которыхъ было меньшее число должностныхъ лицъ.

[2]) Эти мѣропріятія являлись, за рѣдкимъ исключеніемъ, своевольными. Насколько извѣстно, законнымъ порядкомъ было введено ограниченіе избирательнаго права евреевъ одной третью голосовъ въ волынской и подольской губерніяхъ; точно также законнымъ путемъ были установлены ограниченія въ бѣлостокской области.

[3]) Статья 948 св. зак. 1832 г. гласитъ: „Въ городахъ, гдѣ по роду населенія допускаются выборы въ должности изъ евреевъ, за

А между тѣмъ благодаря отсутствію единообразнаго, законнаго порядка въ указанной сферѣ—ограниченія въ избирательномъ правѣ евреевъ постепенно все больше усугублялись мѣстной властью.

Такъ, въ Положеніи объ управленіи бѣлостокской областью было сказано: „бургомистры и ратманы избираются... депутатами отъ христіанскаго и еврейскаго обществъ изъ гражданъ"; очевидно, что евреи могли избираться въ бургомистры и ратманы безъ всякаго ограниченія (вѣдь объ ограниченіи числа гласныхъ и старостъ изъ евреевъ, а также о неизбраніи евреевъ въ городскіе головы въ Положеніи былъ сдѣлано особое постановленіе!), но на практикѣ было совсѣмъ иное. Ссылаясь на то же Положеніе объ управленіи бѣлостокской областью, мѣстные власти предоставили евреямъ быть только гласными, а въ нѣкоторыхъ городахъ области, вопреки закону, евреи не избирались и въ гласные.

Однако въ сосѣдней минской губерніи евреи участвовали въ одной трети голосовъ, какъ въ ратушахъ и магистратахъ, такъ и въ думахъ [1]), и, вообще, избирались, какъ свидѣтельствуетъ одинъ оффиціальный документъ, „во всѣ городскія мѣста".

Въ виленской и гродненской губерніяхъ евреи, какъ уже было сказано, вовсе не участвовали въ выборахъ. Литовскій военный губернаторъ Римскій-Корсаковъ допустилъ въ свое время назначеніе евреевъ въ виленскую думу, но христіане выступили противъ этого распоряженія и, не смотря на объясненія Римскаго-Корсакова, жалоба христіанъ была удовлетворена [2]). Въ кіевской, волынской и подольской губер-

---

сѣдатели палатъ быть избираемы изъ нихъ не могутъ; въ члены же магистратовъ только тѣ изъ нихъ могутъ быть избираемы, кои умѣютъ читать и писать на одномъ изъ языковъ: русскомъ, нѣмецкомъ или польскомъ, и сверхъ того, желающіе поступить въ сіе званіе въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, должны носить польское или русское платье, если носить нѣмецкаго не пожелаютъ, а въ губерніяхъ Россійскихъ ... они въ случаѣ таковаго выбора въ члены магистрата должны носить платье нѣмецкое".

[1]) Въ минской губ. думы существовали во всѣхъ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ.

[2]) „Комитетъ министровъ,—писалъ впослѣдствіе объ этомъ ген.-губ. кн. Долгоруковъ,—двукратно вникалъ во всѣ статьи спора обѣихъ сторонъ и, не взирая на объясненія ген. Римскаго-Корсакова, евреи

ніяхъ, за исключеніемъ г. Кіева, евреи всюду избирались въ магистраты и ратуши, а также и въ думы [1]). Въ бѣлорусскихъ же губерніяхъ евреи пользовались избирательнымъ правомъ въ такомъ же, повидимому, объемѣ, какъ въ минской губ. Извѣстно, что въ 20-хъ гг. 19 в. евреи занимали здѣсь должности и бургомистровъ, и словесныхъ судей.—А въ остальныхъ, южныхъ, губерніяхъ, гдѣ евреевъ было значительно меньше, нежели въ западныхъ губерніяхъ, ограниченій, за малымъ исключеніемъ, вовсе не существовало.

Въ 30-хъ гг. 19 в., въ Петербургѣ функціонировалъ комитетъ по дѣламъ западныхъ губерній. Среди прочихъ вопросовъ мѣстной жизни, онъ остановилъ свое вниманіе, конечно, и на еврейскомъ; въ частности, онъ долженъ былъ обсудить вопросъ объ участіи евреевъ въ органахъ городского управленія; но въ виду того, что одновременно существовалъ особый комитетъ, спеціально занятый разработкой положенія о евреяхъ вообще, комитетъ по дѣламъ зап. губерній постановилъ (журналомъ 26 октября 1831 г.) отложить свое рѣшеніе касательно евреевъ впредь до того, когда станетъ извѣстнымъ результатъ работы еврейскаго комитета.

Но послѣ того комитету по дѣламъ зап. губерній было высочайше повелѣно разсмотрѣть предположенія гродненскаго губернатора (Муравьева) объ устройствѣ присутственныхъ мѣстъ въ его губерніи, а въ этомъ проектѣ, между прочимъ, 7-ой пунктъ гласилъ: „Подчинивъ распоряженію *магистратовъ* еврейскіе кагалы, *допустить въ составъ оныхъ еврейскихъ членовъ*. Таковымъ распоряженіемъ, давно существующемъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, начальство будетъ имѣть болѣе возможности сохранить единство и правильность въ дѣйствіяхъ кагаловъ“.

не получили Высочайшаго соизволенія на участіе въ дѣйствіяхъ магистрата“.

Кн. Голицынъ въ своей исторіи русск. законодательства о евреяхъ сообщаетъ, что, напротивъ, евреи не пожелали участвовать въ думѣ и выступили съ жалобами. При этомъ кн. Голицынъ ссылается на архивное дѣло минист. внутр. дѣлъ. Повидимому, кн. Голицынъ не ознакомился съ самимъ дѣломъ, а вывелъ свое заключеніе лишь изъ названія дѣла.

[1]) Думы существовали во всѣхъ казенныхъ городахъ кіевской губерн.; въ волынской губерн. дума была только въ одномъ Новоградволынскѣ, а въ подольской губерніи лишь въ Каменецъ-Подольскѣ.

Комитетъ нашелъ, что проектъ гродненскаго губернатора можетъ быть принятъ при условіи, чтобы всѣ предложенныя имъ мѣры были осуществлены вообще въ западныхъ губерніяхъ, а не только въ одной гродненской, и поэтому комитетъ постановилъ передать проектъ министру юстиціи съ тѣмъ, чтобы онъ, по сношеніи съ мѣстными властями и министромъ внутр. дѣлъ, высказалъ свое заключеніе [1]).

Въ представленномъ министру юстиціи отзывѣ объ указанномъ проектѣ виленскій, гродненскій и бѣлостокскій ген.-губернаторъ, кн. Долгоруковъ ничего не сказалъ по существу по вопросу о евреяхъ. Ошибочно указавъ, будто предоставленное евреямъ Положеніемъ 1804 г. право засѣдать въ магистратахъ было впослѣдствіе отмѣнено [2]) и отмѣтивъ, что не смотря на заступничество губернатора Римскаго-Корсакова евреи не получили доступа въ виленскую думу, кн. Долгоруковъ ограничился напоминаніемъ, что комитетъ по дѣламъ зап. губерній уже рѣшилъ однажды выждать появленія новаго Положенія о евреяхъ, которое вырабатывалось особымъ комитетомъ.

Кіевскій, волынскій и подольскій ген.-губернаторъ Левашовъ заявилъ, что „порядокъ, по которому и изъ евреевъ избираются члены въ магистраты и ратуши въ губерніяхъ существуетъ постоянно, исключая г. Кіева... Что относится до подчиненія магистратамъ и ратушамъ еврейскихъ кагаловъ, то оные въ сихъ губерніяхъ и нынѣ имъ подчинены“, и при этомъ ген.-губернаторъ предложилъ нѣкоторые кагалы съ малочисленнымъ населеніемъ причислить къ болѣе крупнымъ.

Минскій губернаторъ, указавъ, что евреи выбираются во всѣ городскія должности въ одной трети голосовъ, высказался въ пользу того, „чтобы въ магистраты избирались члены не токмо изъ христіанскихъ, но и изъ еврейскихъ обывателей“.

Рѣчь о евреяхъ должна была, естественно, зайти и при обсужденіи предложенія гродненскаго губернатора объ устрой-

---

[1]) Это постановленіе комитета было Высочайше утверждено 25 мая 1832 г.

[2]) Повидимому, кн. Долгоруковъ судилъ по тому, что въ Бѣлостокской области были отмѣнены, въ силу какого-то распоряженія, выборы евреевъ въ магистраты и даже въ думы.

ствѣ думъ въ западныхъ губерніяхъ. Но въ минской губ. онѣ уже существовали, при чемъ евреи избирались тамъ во всѣ городскія учрежденія, и потому минскій губернаторъ, принципіально высказавшійся въ пользу такого порядка, не остановился особо на вопросѣ объ участіи евреевъ въ думахъ. — По этой же, повидимому, причинѣ указаннаго вопроса не коснулся и ген.-губернаторъ Левашовъ [1]).

А кн. Долгоруковъ, ничего не говоря объ избраніи евреевъ въ уже существовавшія думы, предложилъ, чтобы губернаторы, совѣщаясь съ административными лицами, и представителями нѣкоторыхъ обществъ объ условіяхъ открытія новыхъ думъ, приглашали въ собранія также депутатовъ отъ евреевъ [2]).

---

[1]) Давая историческую справку о думахъ въ ввѣренномъ ему краѣ, Левашовъ, между прочимъ, писалъ, что каменецъ-подольская дума была въ 1809 г. преобразована въ „Экономическую коммиссію", отличавшуюся отъ думы тѣмъ, что ея предсѣдатель назначался правительствомъ, при чемъ поводомъ къ этому послужили „простота, невѣденіе въ дѣлахъ и безграмотность членовъ думы, а въ особенности *проворство* избираемыхъ въ оные изъ *евреевъ*, отъ чего произошла во всѣхъ счетахъ и въ употребленіи городскихъ суммъ совершенная запутанность".

Левашовъ не воспользовался этимъ эпизодомъ, чтобы устранить евреевъ отъ избранія въ гласные; но враги евреевъ не прочь при случаѣ сослаться на подобный „историческій" матеріалъ, а потому не лишне отмѣтить, что Левашовъ тогда-же сообщилъ, что въ другой думѣ, въ которой евреи вовсе не участвовали, именно въ кіевской, почти одновременно, произошли не одни только безпорядки, но и злоупотребленія, также потребовавшія реформу во внутренней организаціи думы.

[2]) Въ это время магистраты представляли собою учрежденія, преимущественно, судебнаго характера; поэтоту министру внутр. дѣлъ, къ которому министръ юстиціи также обратился за отзывомъ, предстояло высказаться лишь по поводу думъ. Дѣйствительно, онъ представилъ соотвѣтствующее объясненіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратился (20 іюля 1833 г.) къ кн. Долгорукову съ слѣдующимъ вопросомъ: „Поелику въ нѣкоторыхъ городахъ западныхъ губерній, особенно уѣздныхъ, большая часть обывателей состоитъ изъ евреевъ, то слѣдуетъ ли допускать ихъ къ присутствію въ думу, сиротскій судъ и магистратъ и на какомъ основаніи они должны обсуждать дѣла гражданъ-христіанъ?". Но кн. Долгоруковъ не далъ прямого отвѣта, сославшись на то, что онъ уже представилъ свой отзывъ министру юстиціи.

Отзывы мѣстныхъ властей были одобрены въ Петербургѣ и дѣло пошло въ сенатъ.

Но пока этотъ законопроектъ совершалъ свой длинный путь, появилось Положеніе о евреяхъ 1835 г., выработанное еврейскимъ комитетомъ, и 77-ая статья его гласила: „Еврейскія городскія сословія участвуютъ въ выборахъ въ общественныя должности, при чемъ евреи, умѣющіе читать и писать по-русски, могутъ быть избираемы въ члены городскихъ думъ, магистратовъ и ратушъ *на томъ же основаніи, какъ* избираются на сіи дожности *лица другихъ вѣроисповѣданій*“ [1]).

Неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ была введена 77-ая статья въ Положеніе. Дѣйствительно ли законодатель имѣлъ въ виду уравнять евреевъ съ христіанами въ широкой области городского и сословнаго самоуправленія, или авторы статьи ввели ее въ новый законодательный актъ, не имѣя точнаго представленія о значеніи, которое она получитъ на практикѣ, въ особенности въ губерніяхъ съ преобладающимъ еврейскимъ населеніемъ.

Допустимо, что сопоставленіе 77-ой статьи съ общимъ отношеніемъ правительства къ евреямъ могло вызвать въ мѣстныхъ властяхъ сомнѣніе: точно ли новый законъ имѣлъ въ виду именно то, что вытекло изъ его редакціи и принялъ ли законодатель, въ частности, во вниманіе то обстоятельство, что въ губерніяхъ съ многочисленнымъ еврейскимъ населеніемъ, всецѣло принадлежащимъ къ торгово-промышленному классу, роль христіанскаго общества въ городскихъ учрежденіяхъ будетъ при новомъ порядкѣ значительно умалена? Въ связи съ этимъ мѣстныя власти могли возбудить вопросъ: дѣйствительно ли евреи уравниваются съ христіанами въ отношеніи избирательнаго права и не представляется ли необходимымъ, въ мѣстахъ скопленія еврейскаго населенія, установить извѣстное соотношеніе между числомъ должностныхъ лицъ, выбранныхъ изъ христіанскаго и еврейскаго обществъ?

Однако никто изъ начальниковъ южныхъ, бѣлорусскихъ и даже кіевской, волынской и подольской губерній, не возбудилъ подобныхъ вопросовъ по поводу новаго закона.

---

[1]) В. С. З. т. X. № 8054.

Правда, въ иныхъ городахъ этихъ губерній евреи составляли меньшинство и тамъ новый законъ не влекъ за собою никакихъ послѣдствій, но было не мало городовъ, гдѣ евреи являлись преобладающимъ элементомъ; къ тому же и при меньшинствѣ, благодаря новому закону, евреи получали сравнительно съ прошлымъ бо́льшее общественное значеніе,— но все же, повторяю, новый законъ былъ молчаливо принятъ въ этихъ губерніяхъ.

Тревогу по поводу этого закона забилъ единственно— это весьма знаменательно — кн. Долгоруковъ, управлявшій теперь кромѣ виленской, гродненской и бѣлостокской губерній, также минской, причемъ, какъ можно думать, онъ перешагнулъ въ своемъ замыслѣ, такъ сказать, предѣлы ввѣреннаго ему края.

Въ своемъ донесеніи министру вн. д. (1836 г.) кн. Долгоруковъ писалъ, что по мнѣнію начальниковъ губерній, „хотя въ новомъ Положеніи и не сказано, чтобы евреи не могли быть выбираемы въ бургомистры и городскіе головы, но таковое дозволеніе едва ли можетъ имѣть мѣсто, такъ какъ бургомистръ есть въ судилищѣ предсѣдатель, а градскій глава, бывъ представителемъ всего общества, обязанъ въ день открытія выборовъ... *вести обывателей въ церковь* для выслушанія Божественной литургіи и приведенія затѣмъ къ присягѣ, и что *избраніе изъ евреевъ даже въ члены городовыхъ магистратовъ и ратушъ нѣкоторымъ образомъ не соотвѣтствуетъ приличію и святости судилищъ,* въ коихъ нерѣдко при зерцалѣ и крестѣ совершаются присяги, а равно требуются судьи изъ людей, за честность и безпорочность которыхъ ручалась бы, по крайней мѣрѣ, нравственность, внушаемая имъ воспитаніемъ и правилами религіи; въ особенности же не соотвѣственно предоставить евреямъ право голоса по дѣламъ, собственно между лицами христіанскаго вѣроисповѣданія“...

Судя по нѣкоторымъ документамъ, можно заключить, что походъ противъ евреевъ, клонившійся къ полному устраненію ихъ отъ общественной дѣятельности, былъ предпринятъ однимъ литовскимъ христіанскимъ обществомъ, которое не только во времена польскаго господства привыкло видѣть евреевъ выброшенными изъ круга общественныхъ и государственныхъ интересовъ, но которое

добивалось и добилось того, (1803 г.) что евреи въ Литвѣ и въ русскія времена, въ видѣ исключенія, не получили избирательнаго права.

Ссылка въ донесеніи кн. Долгорукова на крестъ, находящійся въ судилищѣ — это тотъ доводъ, которымъ ковенскіе христіане тогда воспользовались; тогда же виленскіе поляки признали за христіанами монопольное право на „честность и безпорочность", за которыя „ручалась бы по крайней мѣрѣ нравственность, внушаемая воспитаніемъ и правилами религіи"...

Вожделѣнія литовскаго общества христіанъ были, какъ видно, восприняты мѣстными властями (быть можетъ изъ политическихъ цѣлей?) и такимъ-то образомъ противъ евреевъ и былъ предпринятъ походъ во имя престижа господствующей религіи и ея послѣдователей; въ этотъ моментъ было, повидимому, предано забвенію то обстоятельство, что въ самой той религіи, во славу которой теперь шли противъ евреевъ, ходатаи не были солидарны съ властями... Не охрана христіанскаго населенія отъ вреда, угрожаемаго евреями, а единственно престижъ христіанскаго населенія явился стимуломъ для лишенія евреевъ избирательнаго права... Свое величіе литовское общество христіанъ искало на днѣ униженія евреевъ...

Законъ 1835 г.,— какъ писалъ князь Долгоруковъ въ своемъ донесеніи, — возбудилъ въ ввѣренномъ ему краѣ вопросы: должны ли евреи участвовать въ выборахъ въ равномъ съ христіанами числѣ и въ общей съ ними массѣ? И могутъ ли евреи быть *избираемы въ томъ же числѣ* какъ и христіане? Ясно, что даже при осуществленіи закона 1835 г. мѣстныя власти не предполагали допустить евреевъ въ городскія учрежденія въ числѣ, превышающемъ христіанъ, хотя уже и такой порядокъ являлся для евреевъ ограниченіемъ тамъ, гдѣ они количественно преобладали. Слѣдовательно, новый законъ, въ сущности, не могъ поставить христіанъ въ такое положеніе, чтобы евреи овладѣли властью въ городскихъ учрежденіяхъ.

Но допустимъ, что христіанское общество, какъ хотѣли думать мѣстныя власти, дѣйствительно не съумѣло бы охранить въ должной мѣрѣ свои интересы даже и при равномъ съ евреями числѣ голосовъ, что еврейскіе представители оказались бы

сильнѣе христіанскихъ, что они воспользовались бы своей властью во вредъ христіанамъ. Это были одни лишь предположенія властей; но такъ какъ власти при всемъ желаніи не могли бы представить по этому поводу какихъ либо реальныхъ доказательствъ, ибо, кромѣ нѣкоторыхъ бѣлостокскихъ думъ, евреи въ послѣднія десятилѣтія нигдѣ въ городскихъ собраніяхъ не участвовали въ равномъ съ христіанами числѣ голосовъ, то согласимся, что, требуя для христіанъ *обязательное большинство* голосовъ, власти руководствовались не враждебнымъ отношеніемъ къ евреямъ, а соображеніями, логически вытекавшими изъ дѣйствительнаго положенія вещей; болѣе того, чтобы оказать поддержку властямъ, отмѣтимъ, что въ данномъ случаѣ могло играть извѣстную роль то обстоятельсто, что евреи имѣли за собою сплоченное кагаломъ общество, а христіанскіе представители дѣйствовали отъ имени болѣе разрозненнаго общества

Но говоря о полномъ устраненіи евреевъ отъ общественнаго самоуправленія, т. е. о лишеніи ихъ тѣхъ правъ, которыя они осуществляли въ теченіе 50 лѣтъ, нельзя было ограничиться однимъ „предположеніемъ"; пятидесятилѣтняя общественная дѣятельность еврейскаго населенія оставила по себѣ замѣтные слѣды въ жизни мѣстнаго городского и, въ частности, торгово-промышленнаго населенія; при такомъ условіи для того, чтобы лишить евреевъ права на эту дѣятельность, если подобное намѣреніе вызывалось не злобой противъ евреевъ, а заботами о справедливыхъ интересахъ христіанъ, слѣдовало представить изъ этой прошлой дѣятельности евреевъ такіе факты, которые говорили бы о невозможности дальнѣйшаго участія евреевъ въ органахъ самоуправленія.

Повторю, что христіанскія общества и власти минской губерніи и бѣлостокской области, повидимому, не присоединились всецѣло къ походу, предпринятому въ Литвѣ; они выступили лишь съ частными ограничительными мѣрами. Но если бы случилось, что ихъ дѣйствительно охватило общее боевое увлеченіе, то тѣмъ достойнѣе вниманія то обстоятельство, что бѣлостокскія и минскія власти, видѣвшія предъ собою евреевъ на поприщѣ общественнаго самоуправленія, не нашли возможнымъ указать на вредную, будто бы, дѣя-

тельность еврейскихъ выборныхъ; на всемъ пути, пройденномъ еврейскими общественными представителями, они не нашли кома грязи, чтобы запятнать еврейское общество, чтобы выставить его врагомъ христіанъ, угрожающимъ благополучію послѣднихъ.

Кн. Долгоруковъ предложилъ вниманію министра вн. д. вопросъ о *полномъ* устраненіи евреевъ отъ общественнаго самоуправленія, но, — писалъ князь Долгоруковъ въ своемъ донесеніи, — „если высшимъ правительствомъ признано будетъ совмѣстнымъ (т. е. возможнымъ) дозволить участвовать евреямъ въ городскихъ выборахъ, то допустить сіе съ слѣдующими ограниченіями", именно: чтобы евреи избирались, хотя и совмѣстно сь христіанами и равнымъ числомъ депутатовъ, но лишь въ одной трети общаго числа членовъ учрежденія; чтобы еврейскіе представители имѣли голосъ только по дѣламъ между евреями, или евреемъ и христіаниномъ; чтобы въ бургомистры и городскіе головы евреи не избирались; наконецъ, чтобы они носили нѣмецкое или русское платье.

Итакъ, на случай, если главная цѣль — лишеніе евреевъ избирательнаго права — не будетъ достигнута, кн. Долгоруковъ предложилъ не выбирать евреевъ въ бургомистры и не предоставлять имъ голоса по дѣламъ однихъ христіанъ, хотя пользованіе евреями этимъ правомъ ничѣмъ не могло угрожать христіанамъ, разъ участіе евреевъ въ городскихъ общественныхъ учрежденіяхъ было уже ограничено одной третью голосовъ.

Ссылаясь на возникшія такимъ образомъ сомнѣнія, кн. Долгоруковъ не привелъ въ дѣйствіе закона 1835 г.

Тогда въ февралѣ и въ іюнѣ 1836 г. повѣренный гродненскаго еврейскаго общества Берка Ланда и члены Новогрудскаго и Кобринскаго кагаловъ обратились съ соотвѣтствующими жалобами къ министру вн. д; эти жалобы были пересланы на заключеніе кн. Долгорукову, а между тѣмъ появился новый законъ объ избирательномъ правѣ евреевъ въ западныхъ губерніяхъ, давшій кн. Долгорукову возможность оставить ходатайства евреевъ безъ удовлетворенія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Законъ 1836 г. объ избирательномъ правѣ евреевъ въ западныхъ губерніяхъ.—Дальнѣйшее противодѣйствіе со стороны кн. Долгорукова.— Отрицательное отношеніе министра внутр. дѣлъ къ вопросу объ избирательномъ правѣ евреевъ.— Ограничительный законъ 1839 г.—Законъ 1843 г. о выборѣ оцѣнщиковъ. — Дальнѣйшія ограниченія въ избирательномъ правѣ евреевъ.

Въ 1834 г. сенату, какъ выше отмѣчено, было поручено разсмотрѣть вопросъ объ устройсгвѣ присутственныхъ мѣстъ въ западныхъ губерніяхъ и, между прочимъ, объ участіи евреевъ въ городскомъ самоуправленіи; вслѣдствіе этого въ 1835 г. состоялось нижеслѣдующее опредѣленіе I-го департамента сената. „Какъ порядокъ,—гласилъ п. 4,— по которому изъ евреевъ избираются члены въ магистраты и ратуши, во всѣхъ западныхъ губерніяхъ существуетъ постоянно, исключая гор. Кіева, гдѣ жительство евреямъ воспрещено . . . то и впредь въ магистраты и ратуши, *третью часть* членовъ избрать изъ евреевъ, кромѣ городовъ Кіева и Вильны“ [1]).

По этому опредѣленію министръ юстиціи представилъ записку въ комитетъ по дѣламъ зап. губерній, который и утвердилъ предположеніе сената; таковое было вслѣдъ за тѣмъ высочайше утверждено (18 мая 1836 г.) и получило силу закона.

Законопроектъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ высочайше утвержденъ, съ полной точностью воспроизвелъ опредѣленіе сената и поэтому, согласно рѣшенію сената, новый законъ предоставилъ евреямъ право участія въ магистратахъ и ратушахъ въ одной трети голосовъ во всѣхъ западныхъ губерніяхъ, за исключеніемъ лишь городовъ Кіева и Вильны; но редакціонная поправка, внесенная въ статью, касавшуюся евреевъ, гдѣ-то по пути дальнѣйшаго слѣдованія закона, затемнила ея смыслъ и открыла просторъ для противорѣчивыхъ толкованій. „Согласно существующему порядку, — гласилъ обнародованный законъ, — третью часть членовъ въ магистраты и ратуши избирать изъ евреевъ во всѣхъ тѣхъ городахъ западныхъ губерній, *гдѣ сіе*

[1]) О невыборѣ евреевъ въ Вильнѣ уже состоялось однажды рѣшеніе сената, именно по поводу ходатайства губернатора Римскаго-Корсакова.

до нынѣ дѣлалось, исключая городовъ Кіева и Вильны, въ которыхъ избраніе не допускается"[1]).

Читая эти строки, не зная отмѣченныхъ выше обстоятельствъ, сопровождавшихъ появленіе закона, трудно понять: имѣлъ ли законодатель въ виду—какъ это было въ дѣйствительности — предоставить евреямъ избирательное право всюду, за исключеніемъ только указанныхъ двухъ городовъ,—въ такомъ случаѣ лишней является фраза: „гдѣ сіе до нынѣ дѣлалось". Или предполагалось привлечь евреевъ къ общественному самоуправленію лишь тамъ, гдѣ они до сего времени пользовались этимъ правомъ — тогда неумѣстны слова: „за исключеніемъ Кіева и Вильны", такъ какъ евреи и раньше не пользовались тамъ избирательнымъ правомъ.

Этой явной несообразностью въ текстѣ закона кн. Долгоруковъ воспользовался въ своихъ цѣляхъ. Отвѣчая впослѣдствіе министру внутреннихъ дѣлъ (18 ноября 1837 г.) на запросъ по поводу жалобы новогрудскихъ и кобринскихъ евреевъ, онъ объяснилъ, что ходатайство евреевъ должно быть отвергнуто, такъ какъ закономъ 1836 г. предоставлено евреямъ лишь тамъ участвовать въ выборахъ, гдѣ они и раньше пользовались такимъ правомъ, въ литовскихъ же губерніяхъ евреи не участвовали въ органахъ самоуправленія. И министръ вн. дѣлъ нашелъ это правильнымъ, а между тѣмъ этотъ законъ имѣлъ цѣлью именно ввести евреевъ въ магистраты въ литовскихъ губерніяхъ,—изъ-за гродненской губерніи и началось все дѣло.

Точно такъ же, разсмотрѣвъ извѣстное уже намъ предложеніе кн. Долгорукова о полномъ устраненіи евреевъ изъ сферы общественнаго самоуправленія, или по меньшей мѣрѣ объ отмѣнѣ закона 1835 г., расширившаго ихъ избирательное право, министръ вн. д. призналъ, „что представляемыя ген.-губернаторомъ причины, по коимъ онъ находитъ неудобнымъ предоставить евреямъ одинаковыя съ христіанами права... нельзя не признать совершенно справедливыми; равно основательны и даже необходимы предполагаемыя имъ къ отвращенію тѣхъ *неудобствъ* ограниченія".

Однако, чтобы уяснить себѣ вопросъ объ избирательномъ правѣ евреевъ, затемненный тѣмъ обстоятельствомъ, что

[1]) В. С. З. т. XI. № 9226 п. IV. 27 мая 1836 г.

законъ 1835 г. уравнялъ евреевъ съ христіанами, а законъ 1836 г. ограничилъ участіе евреевъ въ магистратахъ и ратушахъ одной третью голосовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ пожелалъ узнать, ознакомился ли въ свое время министръ юстиціи при выработкѣ закона 1836 г. съ мнѣніемъ кн. Долгорукова; изъ отвѣта министра юстиціи стало извѣстнымъ, что, составляя проектъ закона, министерство приняло во вниманіе сужденія мѣстныхъ властей объ участіи евреевъ въ магистратахъ. Казалось бы, что если при такомъ условіи законъ 1836 г. все же предоставилъ евреямъ право повсемѣстнаго участія въ магистратахъ и ратушахъ въ одной трети голосовъ (не говоря о томъ, что законы 1835 и 1836 гг., въ совокупности, прочно установили принципъ участія евреевъ въ общественномъ самоуправленіи), то кн. Долгорукову не представлялось основанія возбуждать вопросъ о новыхъ ограниченіяхъ въ избирательномъ правѣ евреевъ вообще; крайнее, что онъ могъ сдѣлать—это потребовать сохраненія прежняго порядка:—въ литовскихъ губерніяхъ—устранявшаго евреевъ отъ выборовъ вообще, а въ бѣлостокской области—отъ участія въ магистратахъ. Но министръ юстиціи, усмотрѣвъ изъ запроса министра вн. д., что при введеніи въ дѣйствіе закона 1835 г. возникли недоразумѣнія, отмѣтилъ, что въ такихъ случаяхъ главному начальнику предоставляется созвать палаты и губернскія правленія для совѣщанія, а затѣмъ войти съ ходатайствомъ въ сенатъ.

Это указаніе министра юстиціи окрылило надеждами кн. Долгорукова. Вопросъ о томъ, чтобы совершенно лишить евреевъ избирательнаго права, хотя бы въ предѣлахъ однѣхъ литовскихъ губерній, не былъ болѣе поднятъ. Но кн. Долгоруковъ предложилъ такія ограниченія, которыя должны были привести избирательное право еврейскаго общества почти что къ нулю.

Разъ, согласно закону 1836 г., евреи могли имѣть лишь опредѣленное число своихъ выборныхъ, т. е. треть общаго числа, то принимая въ соображеніе, что предоставленное евреямъ Положеніемъ 1835 г. (ст. 77) право „участвовать въ выборахъ,—писалъ кн. Долгоруковъ сенату,—и порядокъ, по коимъ они производили выборы членовъ изъ своего сословія отдѣльно не отмѣнены“, то слѣдуетъ выборы членовъ въ магистраты и думы изъ евреевъ производить на

прежнемъ основаніи, т. е. отдѣльно отъ христіанъ. Дѣйствительно, право, предоставленное евреямъ закономъ 1835 г. относительно участія въ выборахъ, не было отмѣнено, но вѣдь этотъ законъ гласилъ, что „еврейскія городскія сословія участвуютъ въ выборахъ въ общественныя должности, при чемъ евреи... могутъ быть избираемы въ члены городскихъ думъ, магистратовъ, и ратушъ на томъ основаніи, какъ избираются на сіи должности лица другихъ вѣроисповѣданій“, а лица не-еврейскаго исповѣданія разбивались на группы отнюдь не сообразно различнымъ вѣроученіямъ, а въ зависимости отъ рода занятія и имущественнаго ценза, и именно входя въ общій составъ городского населенія, „еврейскія городскія сословія“, т. е. купцы и мѣщане должны были, наряду и совмѣстно съ прочими, участвовать въ выборахъ.

Такимъ образомъ, выдѣленіе евреевъ въ особое „сословіе“ избирателей не имѣло въ прошломъ законной почвы, какъ хотѣлъ увѣрить кн. Долгоруковъ. Но этимъ достигалось его желаніе, чтобы „сословіе сіе (т. е. евреи) на общіе выборы городскіе, по большинству онаго, не имѣло особеннаго вліянія“.

Цѣль оправдывала средства.

Вотъ почему рѣшивъ далѣе преградить евреямъ доступъ въ бургомистры, кн. Долгоруковъ счелъ возможнымъ прибѣгнуть къ своеобразному, „ариѳметическому“ рѣшенію задачи. Дѣло въ томъ, что въ магистратахъ засѣдали двое бургомистровъ и четверо ратмановъ, при чемъ одна треть голосовъ принадлежала евреямъ; и вотъ, чтобы устранить евреевъ отъ должности бургомистра, кн. Долгоруковъ пишетъ, что этого числа членовъ „на три части раздѣлить не можно и тѣ члены имѣютъ равный при рѣшеніи голосъ, посему полагаетъ: избирать бургомистровъ изъ христіанъ, а ратмановъ изъ христіанъ и евреевъ по равному числу“. Такимъ образомъ, только потому, что число бургомистровъ—2, и число ратмановъ—4, не дѣлится на три, евреи не могли, по мнѣнію кн. Долгорукова, быть бургомистрами, но могли быть ратманами даже въ размѣрѣ половины общаго числа ратмановъ. Нельзя предположить, чтобы кн. Долгоруковъ, а вслѣдъ за нимъ сенатъ упустили изъ виду, что общее число должностныхъ лицъ магистрата—6—очень легко дѣ-

лится на три, и вслѣдствіе этого предоставленіе евреямъ въ магистратѣ должности одного бургомистра и ратмана ничуть не нарушило бы установленной для евреевъ одной трети голосовъ!

Но въ томъ то и суть дѣла: разъ вопросъ шелъ объ ограниченіи правъ евреевъ—любая мотивировка, хотя бы самая абсурдная, принималась, какъ заслуживающая вниманія, какъ вполнѣ основательная...

Предложивъ еще цѣлый рядъ ограниченій [1]), кн. Долгоруковъ указалъ, что евреи не должны быть допускаемы къ участію въ выборѣ христіанъ на такія должности, которыя замѣщаются одними христіанами.

Въ этомъ донесеніи сенату еще отчетливѣе, нежели въ предыдущемъ представленіи министру вн. д., сказалась характернѣйшая черта ограничительныхъ мѣръ, предложенныхъ кн. Долгоруковымъ: главной цѣлью было лишить евреевъ общественнаго достоинства, неразрывно связаннаго съ избирательнымъ правомъ. Въ этомъ отношеніи любопытно устраненіе евреевъ отъ должности бургомистра. Разъ бурго-

---

[1]) Сославшись далѣе въ своемъ донесеніи сенату на то, что въ законахъ 1835 и 1836 гг., указавшихъ должности, на которыя евреи могутъ избираться, не были упомянуты ратманы городской полиціи и словесные судьи, кн. Долгоруковъ нашелъ, что „нѣтъ основаній" предоставить евреямъ эти должности. Умолчаніемъ о словесныхъ судьяхъ законодатель несомнѣнно не имѣлъ въ виду лишить евреевъ права на эту должность. Словесные судьи занимались разборомъ дѣлъ, возникавшихъ на почвѣ торговыхъ сношеній, т. е. дѣлъ, касавшихся главнымъ образомъ евреевъ, т. к. они составляли ядро торгово-промышленнаго класса въ „чертѣ осѣдлости",—и если законъ предоставилъ евреямъ право быть бургомистрами и гласными, то не было основанія запретить выборы въ сл. судьи, являвшіеся менѣе важными лицами, нежели бургомистры и гласные. Надо заключить, что должность сл. судьи только потому не была особо упомянута, что она служила, такъ сказать, придаткомъ къ главнымъ городскимъ должностямъ, доступнымъ евреямъ. Долгоруковъ согласился лишь на то, чтобы евреи занимали такія должности, какъ напр., торговыхъ депутатовъ отъ купечества, ремесленныхъ старшинъ и товарищей, при соблюденіи однако правила объ одной трети голосовъ и съ тѣмъ, чтобы ремесленный голова былъ непремѣнно христіанинъ. Отъ должности городовыхъ старостъ кн. Долгоруковъ устранилъ евреевъ на томъ основаніи, что обязанности старосты въ отношеніе евреевъ исполняютъ кагалы, а отъ должности депутата для раскладки земскихъ повинностей—„потому что равному евреи и христіане подвергаются платежу!"

мистры и ратманы, какъ указывалъ самъ кн. Долгоруковъ, пользовались одинаковымъ голосомъ въ магистратахъ, то назначеніе одного еврея бургомистромъ, а другого ратманомъ, вмѣсто того, чтобы двое евреевъ были ратманами, не могло бы усилить еврейское вліяніе на дѣятельность магистрата, и ясно, что эта ограничительная мѣра была подсказана однимъ лишь желаніемъ воспрепятствовать общественному возвеличенію евреевъ.

Сенатъ передалъ (сентябрь 1837 г.) докладъ кн. Долгорукова на разсмотрѣніе министру вн. д., который и на этотъ разъ высказался въ томъ смыслѣ, что предположенія ген.-губернатора „съ пользою могли бы быть приведены въ исполненіе". Тогда „принимая въ соображеніе, что представленныя ген.-губернаторомъ предположенія... основаны на ближайшихъ мѣстныхъ соображеніяхъ и бывъ примѣнены къ существующимъ правиламъ и выборамъ евреевъ въ западныхъ губерніяхъ, заключаютъ въ себѣ болѣе подробныя и основанныя на мѣстныхъ обстоятельствахъ правила", сенатъ также склонился въ пользу мнѣнія кн. Долгорукова.—Дѣло перешло на разрѣшеніе общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ.

Здѣсь 9 сенаторовъ утвердили ограниченія, предложенныя кн. Долгоруковымъ, найдя ихъ „правильными и основанными на мѣстныхъ обстоятельствахъ". И лишь двое сенаторовъ замѣтили, что „не представляется никакого правильнаго основанія къ отказу евреямъ участвовать въ общественныхъ выборахъ должностныхъ людей изъ сословія, къ которымъ принадлежатъ евреи, и въ должности, отъ которыхъ зависѣть должно управленіе и судебная расправа не однихъ христіанъ, но вмѣстѣ и евреевъ"; поэтому оба сенатора признали не нужнымъ вносить измѣненіе въ существующіе законы и сочли достаточнымъ пояснить, что такъ какъ евреи избираются только въ одной трети, то они не могутъ занимать мѣста городского головы и бургомистровъ.

Тогда указанный вопросъ, возбужденный въ сенатѣ лишь касательно виленской, гродненской и бѣлостокской губерній, перешелъ въ госуд. совѣтъ, и здѣсь въ 1839 г. послѣдовало слѣдующее постановленіе, распространенное на *всѣ западныя* губерніи [1]).

[1]) Выс. утв. мнѣніе госуд. совѣта 29 іюля 1839 г. (В. С. З. т. XIV·

1. Выборы евреевъ въ предоставленныя имъ, въ мѣстахъ постоянной осѣдлости, общественныя городскія должности, производятся исключительно ихъ обществомъ, *отдѣльно* отъ выборовъ, производимыхъ въ тѣ же должности, обществомъ христіанъ.

2. Евреи могутъ быть избираемы: *а.* въ члены городскихъ думъ, магистратовъ и ратушъ (но въ магистраты Кіева и Вильны... не допускаются), *б.* въ депутаты квартирныхъ коммиссій, *в.* въ депутаты отъ городовъ для раскладки земскихъ повинностей, *г.* въ должности, зависящія отъ нѣкоторыхъ городскихъ сословій, какъ-то: торговыхъ депутатовъ отъ купечества, ремесленныхъ старшинъ и товарищей и прочія, какія должности сего рода могутъ частно существовать по городамъ.

3. Общимъ правиломъ для выбора евреевъ постановляется, что въ составѣ присутствій члены отъ ихъ общества должны образовать *не болѣе третьей части*, такъ, чтобы другіе двѣ трети съ предсѣдателемъ были изъ христіанъ.

4. Какъ по штатамъ магистратовъ положено въ нихъ или по 2 бургомистра и 4 ратмана, или по одному бургомистру и 2 ратмана, то бургомистры во всякомъ случаѣ выбираются изъ христіанъ, а ратманы по ровному числу, т. е. по два или по одному изъ христіанъ и евреевъ.

6. ...По тяжебнымъ дѣламъ присутствуютъ они при рѣшеніи тѣхъ только дѣлъ, къ которымъ имѣютъ прикосновенность евреи же.

8. Въ засѣдатели палатъ, уѣздныхъ и совѣстныхъ судовъ, въ городскіе головы, въ ратманы городской полиціи и въ словесные судьи евреи не избираются. Не допускаются они также и въ другія могущія быть по городамъ должности, которыя, или исключительно предоставлены христіанамъ, или, по роду обязаностей, не могутъ быть съ удобностію и приличіемъ поручены евреямъ.

№ 12486) „О участвованіи евреямъ въ западныхъ губерніяхъ въ городскихъ выборахъ наравнѣ съ христіанами". (Эти ограниченія нашли себѣ мѣсто въ Свод. Зак. 1842 г. ст, 462, 463, 464, 465 и 467). Указанный законъ распространилъ избирательное право на евреевъ литовскихъ губерній

Евреи, какъ извѣстно, были сконцентрированы въ нѣсколькихъ губерніяхъ, главнымъ образомъ, въ городахъ; поэтому въ иныхъ пунктахъ они являлись преобладающимъ элементомъ вообще, а еще чаще они составляли большинство даннаго городского торгово-промышленнаго класса. При такомъ условіи, участвуя въ магистратахъ, ратушахъ и думахъ лишь въ одной трети голосовъ и не занимая должности головы, бургомистра и словесныхъ судей, еврейскіе выборные были лишены возможности охранять матеріальные и духовные интересы еврейскаго населенія. Но это унизительное, почти безправное положеніе усугублялось еще тѣмъ, что общественные выборы производились отдѣльно христіанами и евреями [1]). Тутъ важно было не одно то, что евреи, благодаря этому, не могли вліять на выборъ большинства должностныхъ лицъ, а то, что они были совершенно устранены отъ общенія съ христіанами-одногорожанами, выдѣлены въ особую группу, если и не опасныхъ, то во всякомъ случаѣ— на взглядъ христіанъ—презрѣнныхъ людей.

Впрочемъ, былъ случай,—весьма характерный и потому на немъ слѣдуетъ остановиться,—когда система общественнаго остракизма евреевъ была нарушена; это произошло тогда, когда обнаружилось, что при извѣстныхъ условіяхъ указанная система являлась убыточной для казны и христіанскаго общества. Рѣчь шла объ „оцѣнщикахъ". Законъ 1839 г. ничего не говорилъ о нихъ, а такъ какъ эту должность занимали и евреи, и христіане, то по установившемуся порядку выборы производились евреями и христіанами отдѣльно. „Но какъ должность эта,—писалъ правитель бѣлостокской области сенату, — сопряжена бываетъ съ немаловажною отвѣтственностью, лежащею на цѣломъ обществѣ, особенно при оцѣнкѣ домовъ, подвергаемыхъ залогу по подрядамъ и поставкамъ, и какъ градскія общества края состоятъ по-

---

[1]) Было высказано мнѣніе, что при отдѣльныхъ выборахъ евреи были обезпечены, что ихъ представители войдутъ въ городскія учрежденія, при общихъ же выборахъ, въ случаѣ большинства христіанъ, они могли бы оказаться забаллотированными; но въ дѣйствительности въ чертѣ осѣдлости еврейскій торгово-промышленный классъ превосходилъ количественно христіанскій, а потому отдѣльными выборами устранялась лишь возможность, чтобы христіанскіе кандидаты не были забаллотированы.

большей части изъ евреевъ, то *дабы общества сихъ послѣднихъ не могли отказаться отъ отвѣтственности за оцѣнщиковъ изъ христіанъ*, областное правленіе сдѣлало временно распоряженіе, *чтобы выборы въ сію должность производились евреями и христіанами совокупно*".

Ген.-губернаторъ нашелъ такой порядокъ „весьма основательнымъ"; министръ внутр. дѣлъ также высказался въ пользу этой мѣры. „Принимая въ соображеніе, — писалъ министръ вн. д.,—что... городское общество подвергается отвѣтственности за избираемыхъ оцѣнщиковъ, въ случаѣ недостатка къ пополненію налагаемыхъ на нихъ взысканій за неправильную оцѣнку, и что по малочисленности христіанскаго общества въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ большую часть торгующаго населенія составляютъ евреи, таковыя *взысканія* на оцѣнщиковъ изъ христіанъ *могутъ быть обременительны для христіанскаго общества* и даже *ненадежны для казны*", то министръ „полагалъ бы возможнымъ разрѣшить производить выборъ оцѣнщиковъ обществомъ христіанъ совокупно съ обществомъ евреевъ, тѣмъ болѣе, что... перевѣсъ большинства евреевъ при выборѣ оцѣнщиковъ не можетъ представлять никакихъ вредныхъ для христіанъ послѣдствій".

Въ этомъ смыслѣ и состоялся вскорѣ новый законъ [1]).

Ограниченія, установленныя закономъ 1839 г., стали на практикѣ, какъ это всегда бываетъ, еще болѣе расширяться. Въ этомъ отношеніи большое значеніе для евреевъ имѣло то обстоятельство, что въ связи съ отдѣльными выборами, производившимися евреями и христіанами, евреи вопреки закону были устранены отъ участія въ выборѣ христіанъ на такія должности, которыя были предоставлены однимъ христіанамъ, [2]) и такимъ образомъ они были лишены возможности вліять на составъ высшихъ представителей городского

---

[1]) В. С. З. т. XVIII. № 16783. 26 мая 1843 г. „Въ дополненіе къ подлежащимъ установленіямъ, постановить: въ мѣстахъ постоянной осѣдлости евреевъ выборъ присяжныхъ оцѣнщиковъ производится городскимъ обществомъ христіанъ совокупно съ обществомъ евреевъ".—Въ этомъ выс. утвержд. мнѣніи госуд. совѣта, какъ мы видимъ, не отмѣченъ мотивъ, вызвавшій новый законъ.

[2]) „Выборы евреевъ въ *предоставленныя имъ*... общественныя городскія должности производятся,—гласилъ законъ 1839 г.—исключи—

общества, а это не могло не отразиться на отношеніи этихъ должностныхъ лицъ къ еврейскому населенію.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что благодаря устраненію евреевъ отъ нѣкоторыхъ должностей и соотвѣтствующихъ выборовъ, во многихъ мѣстахъ, гдѣ христіанское торгово-промышленное сословіе было малочисленно, на иныя общественныя должности избирались христіане низшихъ сословій, не принадлежавшіе къ торгово-промышленному классу [1]), совершенно неспособные исполнять возлагавшіяся на нихъ обязанности, что, конечно, вредно отражалось на интересахъ не только однихъ евреевъ, а всего городского общества; въ дальнѣйшемъ будетъ видно, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводилъ подобный порядокъ.

Такимъ образомъ, участіе евреевъ въ органахъ городского и сословнаго управленія было доведено до минимума, а между тѣмъ съ 1844 г., когда былъ упраздненъ кагалъ [2]), эти учрежденія получили для евреевъ особое значеніе, такъ какъ по дѣламъ полицейскимъ евреи были поставлены въ непосредственную зависимость отъ городской или земской полиціи (евреи были устранены отъ должности ратмана городской полиціи), а по дѣламъ о правахъ состоянія, хозяйственнымъ и податнымъ — въ зависимость отъ думъ и ратушъ, или магистратовъ (въ городахъ, гдѣ эти послѣдніе вѣдали хозяйственную часть); напр., этимъ учрежденіямъ было передано завѣдываніе коробочнымъ сборомъ, а также другими сборами и расходами еврейскихъ общинъ. По дѣламъ же суднымъ евреи опять-таки должны были находиться

тельно ихъ обществомъ отдѣльно отъ выборовъ, производимыхъ *въ тѣ-же* должности обществомъ христіанъ". Ясно, что рѣчь шла лишь о должностяхъ, которыя были доступны евреямъ, а не о всѣхъ городскихъ должностяхъ. Въ законѣ вовсе не было сказано, чтобы евреи были устранены отъ участія въ выборахъ на городскія должности, занимавшіяся однимъ христіанами, и чтобы послѣдніе пользовались въ этомъ отношеніи монопольнымъ правомъ.

[1]) Любопытно отмѣтить, что въ Быховѣ, гдѣ христіане составляли всего одну *пятидесятую* часть городского населенія, никакъ нельзя было выбрать изъ христіанъ, кромѣ бургомистра, еще ратмана, вслѣдствіе чего пришлось исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе, чтобы должности обоихъ ратмановъ, въ видѣ исключенія, были замѣщены евреями. В. С. З. т. XX. № 18727. 12 февраля 1845 г.

[2]) В. С. З. т. XIX. № 18546. 19 декабря 1844 г.

въ вѣдѣніи магистрата или ратуши (или уѣздныхъ судовъ, въ которыхъ евреи не засѣдали въ качествѣ представителей сословнаго общества; это право принадлежало лишь христіанамъ).

Но и это положеніе нѣсколько ухудшилось, когда въ 1866 г. магистраты и ратуши были упразднены [1]), вслѣдствіе чего судебныя дѣла перешли въ вѣдѣніе уѣздныхъ судовъ или другихъ установленій, доступъ въ которая евреямъ, въ качествѣ сословныхъ представителей, былъ прегражденъ.

Тогда же завѣдываніе еврейскими дѣлами было всецѣло сосредоточено въ городскихъ думахъ или же въ упрощенномъ общественномъ управленіи.

Что касается евреевъ, какъ купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, то они стали вѣдаться соотвѣтствующими учрежденіями, въ которыхъ они участвовали въ качествѣ выборныхъ, при соблюденіи прежняго условія, чтобы число выборныхъ евреевъ не превышало одной трети и чтобы христіанское и еврейское общества производили выборы каждое отдѣльно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Распространеніе ограничительныхъ законовъ на все еврейское населеніе.—Избирательное право евреевъ въ Новороссіи.—Ходатайство новороссійскаго губернатора о расширеніи избирательныхъ правъ евреевъ (1858 г.).—Ходатайство властей объ избраніи еврея въ городскіе головы г. Херсона (1862 г.). — Евреи въ словесныхъ и коммерческихъ судахъ.

Законъ 1835 г., уравнявшій евреевъ въ избирательномъ правѣ съ христіанами, относился ко всему населенію Россіи; что касается ограничительныхъ законовъ 1836 и 1839 гг., то они были установлены лишь для западныхъ губерній. Такимъ образомъ, эти ограниченія, съ точки зрѣнія закона, не должны были быть распространены на остальныя губерніи; для этого не было и логическаго основанія, такъ какъ

---

[1]) В. С. З. № 43183. 13 апрѣля 1866 г.

ограниченія были введены вслѣдствіи преобладанія въ западныхъ губерніяхъ еврейскаго населенія, чего не было въ другихъ губерніяхъ. Но оказалось, что въ сводѣ законовъ 1842 г. была выпущена отмѣтка, что упомянутыя ограниченія имѣли силу для однѣхъ западныхъ губерній, и повидимому, вслѣдствіе этого указанныя выше ограниченія стали примѣняться въ другихъ губерніяхъ.

Новороссійскій край явился поистинѣ новымъ россійскимъ краемъ для евреевъ въ Россіи. Здѣсь надъ ними не тяготѣло то общественное униженіе, которое въ теченіе вѣковъ культивировалось христіанскимъ населеніемъ въ западныхъ губерніяхъ. Здѣсь, въ пестрой смѣси различныхъ національностей, они не стояли лицемъ къ лицу, какъ въ Польшѣ, со своимъ старымъ властелиномъ-недругомъ. Конечно, и въ Новороссіи матеріальные интересы и религіозные предразсудки вызывали въ отдѣльныхъ случаяхъ нерасположеніе (вѣроятно, взаимное) къ евреямъ со стороны окружающаго населенія, но все же общественная атмосфера была здѣсь значительно чище и спокойнѣе, чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ, и поэтому ограниченія стали здѣсь вводиться позже, медленнѣе, и то—не всюду. Даже разосланный сенатомъ, по иниціативѣ министра внутр. дѣлъ, по всѣмъ губерніямъ, гдѣ жили евреи, указъ о томъ, чтобы евреи не участвовали въ выборѣ головы, не былъ всюду принятъ на югѣ.

Въ Одессѣ евреи наравнѣ съ христіанами избирали городского голову. Это обстоятельство побуждало и кишиневскихъ евреевъ добиваться такого права, но, повидимому, безуспѣшно. Еще въ 1845 г. кишиневскіе евреи потребовали допущенія ихъ къ выборамъ головы, но мѣстное *греческое* населеніе выступило съ протестомъ и областное правленіе отказало евреямъ. Но въ 1856 г., минуя мѣстное начальство, евреи Кишинева направили ходатайство непосредственно къ новороссійскому ген.-губернатору, гр. Строганову. Желая ознакомиться съ вопросомъ, гр. Строгановъ обратился за свѣдѣніями въ одесскую думу, и когда дума пояснила [1]), что въ выборахъ городского головы участвуетъ

[1]) Дума сослалась на нижеслѣдующія статьи устава о службѣ по выборамъ:

319. Участвуютъ въ собраніи общества для выборовъ... „налич-

все городское и мѣщанское общество, какъ христіане, такъ и евреи, потому что голова избирается для управленія всѣми городскими сословіями, ген.-губернаторъ (23 января 1857 г.) предписалъ бессарабскому областному правленію допустить евреевъ къ выборамъ городского головы.

Быть можетъ такой порядокъ получилъ право гражданства во всемъ новороссійскомъ краѣ, — во всякомъ случаѣ онъ не отвѣчалъ желанію высшаго правительства. И вдругъ, 15 іюля 1857 г. министръ вн. д. С. Ланской предложилъ новороссійскому ген.-губернатору высказать свое мнѣніе по вопросу „не должно ли, сохраняя существующія правила о выборѣ головъ и опредѣленнаго числа членовъ изъ христіанъ, производить всѣ общественные выборы совокупно всѣми городскими обывателями безъ различія вѣроисповѣданій". При этомъ С. Ланской писалъ ген.-губернатору: „Евреямъ предоставлено составлять отдѣльныя общества отъ христіанъ. Раздѣленіе это послѣдовало еще во время существованія отдѣльнаго еврейскаго управленія подъ названіемъ кагаловъ, въ то время евреи не участвовали въ выборѣ городскихъ головъ . . . Теперь же кагалы уничтожены". . .

Дѣйствительно, евреевъ устранили отъ выбора городского головы между прочимъ подъ тѣмъ предлогомъ, что при существованіи кагаловъ голова не имѣлъ непосредственныхъ сношеній съ еврейскимъ обществомъ, и такъ какъ кагалы были упразднены въ 1844 г., то въ интересахъ еврейскаго населенія было необходимо предоставить теперь евреямъ участіе въ выборѣ головы. Но вопросъ, предложенный ген.-губернатору, не былъ вызванъ подобнымъ соображеніемъ. Въ томъ-то и характерная черта исторіи евреевъ

ные купцы, мѣщане и цѣховые, внесенные установленнымъ порядкомъ въ городовую обывательскую книгу того города".

367. Для произведенія выборовъ, составляется всѣмъ наличнымъ городскимъ обывателемъ, имѣющимъ право въ оныхъ участвовать, именной списокъ.

371. Выборъ головы и въ прочія должности совершается баллотированіемъ . . . въ основу же баллотированія принимается именной списокъ всѣмъ обывателямъ . . .

Эти статьи свода законовъ 1842 г. соотвѣтствуютъ 345, 406 и 410, св. закон. 1857 г.

въ Россіи, что къ нимъ, какъ къ еврейскимъ рекрутамъ, примѣняется особая мѣрка. Тутъ повторился эпизодъ съ оцѣнщиками. Дѣло въ томъ, что Еврейскій комитетъ обратилъ вниманіе С. Ланского на то, что евреи, „не принимая участія въ общихъ выборахъ, *не раздѣляютъ и отвѣтственности за послѣдствія*", и это-то обстоятельство и побудило министра внутр. дѣлъ выступить съ предложеніемъ о пріобщеніи евреевъ къ общимъ выборамъ.

Такимъ образомъ, новая мѣра, долженствовавшая несомнѣнно поднять общественное значеніе евреевъ, не была рождена прогрессивнымъ стремленіемъ правительства.

Получивъ отношеніе С. Ланского, новороссійскій ген-губернаторъ обратился за свѣдѣніями къ мѣстнымъ властямъ, и представленныя ими мнѣнія являются тѣмъ болѣе интересными, что они были высказаны не только въ связи съ вопросомъ объ „отвѣтственности" евреевъ.

Керчь-еникальскій градоначальникъ заявилъ, что „было бы *справедливо*, сохраняя существующія правила о выборѣ головъ и опредѣленнаго числа членовъ изъ христіанъ, допустить еврейскія общества къ общему участію въ городскихъ выборахъ совокупно со всѣми городскими обывателями". Херсонскій губернаторъ высказался въ томъ смыслѣ, что „хотя евреи и не могутъ ни въ какомъ случаѣ избираться въ должности городского головы . . . но какъ дѣла евреевъ, такъ-же какъ и прочихъ обывателей, подлежатъ разсмотрѣнію и обсужденію лицъ, служащихъ по выборамъ, то въ избраніи ихъ евреи должны имѣть право голоса наравнѣ съ христіанами". Такого же мнѣнія была одесская дума [1]), равно одесскій градоначальникъ. Въ пользу совмѣстныхъ выборовъ должностныхъ лицъ высказался и таганрогскій градоначальникъ, отмѣтившій, что такимъ образомъ „можно надѣяться во-первыхъ, что избираемые въ общественныя и городскія общества евреи всегда будутъ люди болѣе того достойные и вмѣстѣ съ тѣмъ и народъ этотъ, участвуя въ выборахъ, обязанъ будетъ раздѣлять и послѣд-

[1]) Одесская дума указала, что еврейскіе представители избираются одними евреями, но вмѣстѣ съ тѣмъ евреи участвовали въ выборѣ должностныхъ лицъ, коими могли быть одни христіане (напр. гор. головы), и такимъ образомъ получалась несправедливость въ отношеніи христіанъ.

ствія оныхъ наравнѣ съ христіанами", а екатеринославскій губернаторъ привелъ въ пользу совмѣстныхъ выборовъ то обстоятельство, что евреи мало знаютъ русскую грамоту и въ иныхъ мѣстахъ ихъ слишкомъ мало.

И только одинъ крикливо-злобный голосъ кишиневской думы нарушилъ хоръ доброжелательныхъ и справедливыхъ мнѣній. Кишиневъ, ставшій съ нѣкоторыхъ временъ для евреевъ въ Россіи символомъ беззаконія и нечеловѣческаго варварства, уже давно отличался своей враждой къ евреямъ. Когда за нѣсколько лѣтъ до того мѣстныя власти новороссійскаго края были запрошены о „вредномъ фанатизмѣ" евреевъ, отовсюду получились самыя успокоительныя извѣстія, но бессарабское областное правленіе авторитетно заявило, что евреи ложно присягаютъ, укрываютъ грабителей-евреевъ и проч. [1]).

И теперь кишиневская дума не могла отказать себѣ въ насущной потребности оскорбить еврейское населеніе и предложила въ „отвращеніе могущихъ произойти злоупотребленій, по склонности евреевъ къ проискамъ, участіе евреевъ въ выборѣ городскихъ головъ и членовъ предоставить въ тѣхъ городахъ, гдѣ населеніе евреевъ значительнѣе сравнительно съ христіанами, и то только третью часть голосовъ".

Такимъ образомъ общее мнѣніе мѣстныхъ властей было таково, что евреевъ слѣдуетъ пріобщить къ общимъ выборамъ должностныхъ лицъ. Новороссійскій ген.-губернаторъ также призналъ это необходимымъ. Болѣе того: онъ обратился къ министру (2 іюня 1858 г.) также съ представленіемъ о *„расширеніи правъ евреевъ* въ отношеніи выбора лицъ въ общественныя должности", при чемъ это расширеніе правъ должно было распространиться не только на участіе евреевъ въ производствѣ выборовъ, но и на участіе ихъ въ городскихъ учрежденіяхъ [2]).

Надо думать, что гр. Строгановъ руководствовался въ

---

[1]) См. Изъ прошлаго. О фанатизмѣ евреевъ. Восходъ 1904 г. № 3.

[2]) Когда въ Одессѣ была образована коммиссія для выработки новаго городового положенія для Одессы—въ коммисію былъ назначенъ извѣстный русско-еврейскій писатель О. А. Рабиновичъ. Онъ былъ также впослѣдствіи назначенъ членомъ временной коммиссіи, которой было поручено провести эту реформу.

данномъ случаѣ не только чувствами справедливости, но что онъ принялъ во вниманіе и то обстоятельство, что съ устраненіемъ евреевъ отъ нѣкоторыхъ должностей во многихъ городахъ, гдѣ евреи составляли главную часть торгово-промышленнаго класса, кандидатами на указанныя должности являлись, какъ было уже отмѣчено выше, лица, совершенно непригодныя къ общественной дѣятельности, которыя и закономъ не были призваны дѣйствовать на поприщѣ городского и сословнаго самоуправленія.

Такъ, по сообщенію ревизора, обозрѣвавшаго въ концѣ 50-хъ годовъ могилевскую губернію, во всѣхъ городахъ, за исключеніемъ Могилева и Мстиславля, на постъ городского головы избирались изъ „*мѣщанъ-хлѣбопашцевъ*, не имѣющихъ никакого понятія о возлагаемыхъ на нихъ обязанностяхъ“ [1]). Причина этого заключалась несомнѣнно въ томъ, что евреи, являвшіеся въ городахъ могилевской губерніи преобладающимъ торгово-промышленнымъ элементомъ, устранялись отъ выбора въ городскіе головы. Могилевская губернія, впрочемъ, не составляла въ этомъ отношеніи какого-либо исключенія—такъ происходило и въ другихъ губерніяхъ; но особенно вредно на интересахъ города и его населенія отражалось указанное положеніе въ болѣе крупныхъ торговыхъ центрахъ, гдѣ евреи не только въ количественномъ, но и въ культурномъ отношеніи являлись ядромъ мѣстнаго торгово-промышленнаго класса и гдѣ, такимъ образомъ, сложное городское хозяйство и другія функціи городскихъ и сословныхъ учрежденій, по необходимости, поступали въ руки наименѣе достойныхъ и пригодныхъ людей.

И намъ извѣстенъ случай, когда въ заботѣ о благосостояніи города, губернаторъ увидѣлъ себя вынужденнымъ ходатайствовать о томъ, чтобы на должность городского головы былъ избранъ еврей.

Въ виду предстоявшихъ въ Херсонѣ выборовъ головы, херсонскій губернаторъ обратился 7 мая 1862 г. къ министру вн. д. съ представленіемъ, въ которомъ онъ указывалъ, что „городское хозяйство находится въ Херсонѣ въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, доходы очень скудны; отъ неправильности въ производствѣ въ дѣлѣ по городскому

---

[1]) Дитятинъ. Устройство и управленіе городовъ; т. II, стр. 250.

хозяйству вкрались весьма важные безпорядки и даже, можетъ быть, и злоупотребленія; распредѣленіе и отправленіе повинностей такъ запутано, что почти невозможно ожидать необходимаго порядка. Между тѣмъ городскія потребности увеличиваются, а средствъ нѣтъ, хотя Херсонъ торговый пунктъ и можно было бы имѣть больше дохода... Въ купеческомъ сословіи христіанъ въ г. Херсонѣ лица, которыя могли быть избираемы на должность градского главы, не получили образованія и вообще не развиты въ такой степени, чтобы, принявъ на себя обязанности представителя городского общества, могли постигнуть назначеніе свое и, управляя обширнымъ городскимъ хозяйствомъ, принести дѣйствительную пользу обществу и городу. Въ еврейскомъ же купеческомъ обществѣ въ г. Херсонѣ многіе купцы, имѣя значительное состояніе, получивъ воспитаніе и неоднократными поѣздками заграницу пріобрѣвъ разнообразныя познанія, пользуются общественнымъ уваженіемъ; избраніе изъ среды ихъ вполнѣ достойнаго лица въ должность градского главы принесло бы существенную пользу". Правда, по закону евреи не могутъ быть избираемы въ эти должности, — но такъ какъ евреямъ, получившимъ образованіе, предоставлены преимущества,— писалъ губернаторъ,— то „на этомъ основаніи и въ видахъ общественной пользы, по крайней необходимости, для улучшенія городского хозяйства въ г. Херсонѣ, я долгомъ считаю всѣ вышеизложенныя обстоятельства представить на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства, испрашивая разрѣшенія при предстоящихъ въ г. Херсонѣ городскихъ выборахъ *допустить избраніе одного изъ почетнѣйшихъ купцовъ евреевъ въ должность градского главы*".

Херсонскій губернаторъ одновременно представилъ копію своего ходатайства исполняющему обязанности новороссійскаго ген.-губернатора, который, съ своей стороны, также обратился по этому поводу къ министру вн. д. „Вполнѣ раздѣляя мнѣніе д. с. с. Клушина,—писалъ ген.-губернаторъ, —о пользѣ предоставленія херсонскому городскому обществу права выбора въ городскіе головы изъ еврейскаго общества, по крайней мѣрѣ въ видѣ опыта, я имѣю честь покорно просить ваше высокопревосходительство о благосклонномъ вниманіи къ ходатайству по сему предмету г. губернатора"...

Несмотря на то, что законъ 1839 г. лишилъ евреевъ права занимать должность словесныхъ судей, въ хотинскомъ словесномъ судѣ вплоть до 1845 г. засѣдали двое евреевъ; но въ этомъ году христіанское общество возбудило вопросъ о законности такого порядка. Хотинская дума объяснила, что закономъ воспрещено избирать евреевъ въ словесные судьи, о старостахъ же ничего нигдѣ не сказано, а именно въ эти должности и выбирались евреи, которые и участвовали поэтому въ словесномъ судѣ; при этомъ дума указала, что „какъ въ словесномъ судѣ разбираются *большей частью дѣла еврейскія*, возникающія по торговымъ между ними оборотамъ, то поэтому весьма необходимо для участія въ разбирательствѣ ихъ споровъ имѣть въ томъ судѣ и съ ихъ стороны старостъ, ибо населенное въ г. Хотинѣ христіанское общество, изъ коего выбираются судьи, не имѣя понятія о коммерческихъ оборотахъ, *будучи простыми хлѣбопашцами*, не могутъ имѣть правильнаго сужденія въ дѣлахъ, къ разбирательству ихъ поступающихъ“.

Однако объясненіе хотинской думы не привело къ цѣли. Видя противорѣчіе между закономъ и жизнью, ген.-губернаторъ представилъ вопросъ на разсмотрѣніе министра юстиціи, который и далъ отрицательный отвѣтъ.

И хлѣбопашцы стали по прежнему судить въ торговыхъ судахъ!

Указанное положеніе являлось особенно стѣснительнымъ и оскорбительнымъ для евреевъ въ тѣхъ крупныхъ торговыхъ центрахъ, гдѣ еврейское купечество стояло на извѣстной степени просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи интересно ходатайство, съ которымъ обратились (23 февраля 1859 г.) къ новороссійскому ген.-губернатору херсонскіе еврейскіе купцы, далеко опередившіе своихъ коллегъ-христіанъ въ отношеніи образованности, какъ это видно изъ представленія херсонскаго губернатора по поводу выбора головы изъ евреевъ. Отмѣтивъ въ прошеніи, что евреи въ Херсонѣ составляютъ не менѣе одной трети населенія и что они преимущественно принадлежатъ къ торговому классу, херсонскіе купцы указывали, что за отсутствіемъ коммерческаго суда „ощущается крайняя необходимость устроить хотя словесный судъ въ такомъ видѣ, чтобы торговые люди, безъ потери времени, могли находить расправу по своимъ дѣ-

ламъ, и главное, чтобы составъ словесныхъ судей пользовался довѣріемъ общества, а слѣдовательно, чтобы избранные для судейскихъ должностей отличались способностью и доброю нравственностью... До настоящаго времени,—жаловались еврейскіе купцы,—должность словеснаго судьи въ Херсонѣ почиталась одною изъ самыхъ незначительныхъ должностей; на эти мѣста христіанское общество избираетъ обыкновенно людей низшаго сословія, даже *простыхъ кузнецовъ*, неимѣющихъ никакихъ свѣдѣній о коммерческихъ дѣлахъ, а нерѣдко и вовсе безграмотныхъ"... И херсонскіе еврейскіе купцы просили ген.-губернатора исходатайствовать для нихъ право на избраніе изъ ихъ среды членовъ словеснаго суда, а также „обратить вниманіе христіанскаго общества на сіе важное для него учрежденіе, чтобы и оно избирало въ должности словесныхъ судей людей почетныхъ, отличившихся уже способностями и благонамѣренностью".

Изъ полученнаго отвѣта (13 марта 1859 г.) херсонскіе евреи узнали, что ген.-губернаторъ уже въ свое время вошелъ съ представленіемъ къ министру внутр. дѣлъ о расширеніи избирательнаго права евреевъ и о разрѣшеніи, между прочимъ, засѣдать въ словесныхъ судахъ.

Въ связи съ указанными обстоятельствами находился вопросъ объ участіи евреевъ въ коммерческихъ судахъ.

Когда въ 1846 г. бессарабское обл. правленіе запросило сенатъ, могутъ ли евреи и караимы быть избираемы въ члены коммерческихъ судовъ, сенатъ отвѣтилъ (8 августа 1846 г.) отрицательно, такъ какъ ни евреи, ни караимы не допускаются закономъ (1828 г.) [1]) къ замѣщенію судебныхъ должностей. Однако это рѣшеніе сената получило значеніе лишь для даннаго случая. Такъ, въ керченскомъ комм. судѣ (обслуживавшемъ весь таврическій полуостровъ) на двухлѣтіе 1859—60 гг. кандидатами были избраны два еврея, и новороссійскій ген.-губернаторъ утвердилъ ихъ. Но когда, два года спустя, на новыхъ выборахъ одинъ изъ этихъ евреевъ былъ избранъ въ члены суда, ген.-губернаторъ, не находя закона, „коимъ предоставлено бы избирать евреевъ",

---

[1]) Это было единственное ограниченіе по выборной службѣ евреевъ, предусмотрѣнное закономъ до появленія закона 1839 г. (В. П. С. З. т. III. № 1861, 1828 г.).

обратился за руководствомъ къ министру юстиціи, который и сообщилъ (13 сент. 1861 г.), что, по сношеніи съ министромъ финансовъ, онъ призналъ, что евреи не могутъ участвовать въ коммерческомъ судѣ. Объ этомъ были оповѣщены таганрогскій, керченскій и одесскій градоначальники. Но въ 1863 г. въ керченскомъ судѣ опять былъ избранъ въ члены суда еврей, и ген.-губернаторъ вновь не утвердилъ выбора не только потому, что собраніе баллотировало еврея, но и потому, что въ собраніи участвовали евреи [1]).

А между тѣмъ въ Кишиневѣ, не будучи избираемы въ члены суда, евреи все же и въ дальнѣйшемъ участвовали въ выборномъ собраніи въ числѣ одной трети всего количества избирателей. Подобный порядокъ установился съ 1857 г., когда послѣдовало распоряженіе ген.-губернатора о допущеніи евреевъ къ выбору должностныхъ лицъ, управляющихъ дѣлами не однихъ христіанъ, но и евреевъ.

Такъ продолжалось до 1866 г.; въ этомъ году въ кишиневскомъ коммерческомъ судѣ были избраны евреи: одинъ — въ члены суда, другой—въ кандидаты, но новороссійскій ген.-губ. Коцебу объявилъ выборы недѣйствительными и опять не только потому, что баллотировали евреевъ, но и потому, что въ выборномъ собраніи участвовали евреи. Тогда кишиневскіе евреи обратились къ нему съ ходатайствомъ, чтобы за ними было сохранено хотя бы право быть избирателями; они указывали, между прочимъ, на то, что христіанскіе купцы въ бессарабской губ. составляли всего 5% общаго числа купцовъ (вслѣдствіе чего большинство дѣлъ, вступавшихъ въ судъ, касались еврейскаго населенія), а между тѣмъ къ выборамъ были призваны лишь 24 купца изъ христіанъ, которые и выберутъ изъ своей среды 6 человѣкъ въ коммерческій судъ. Кромѣ того кишиневскіе евреи отмѣчали, что евреи до сего времени участвовали также въ выборѣ предсѣдателя суда и его товарища и эти выборы высочайше утверждались.

Вслѣдствіе этого ходатайства ген.-губернаторъ, вновь заглянувъ въ законы, счелъ нужнымъ обратиться за разъясненіемъ къ министру юстиціи, такъ какъ не нашелъ въ

---

[1]) Въ собраніи участвовали 34 купца, изъ нихъ 21 — христіанинъ, остальные 13 — евреи. Избранный еврей получилъ 24 избират. голоса.

нихъ „прямого и положительнаго указанія“ на то, чтобы евреи не могли принимать участія въ выборахъ, но при этомъ онъ все же рекомендовалъ министру устранить, на основаніи законовъ, евреевъ отъ выборовъ.

Ссылаясь на прецедентъ 1861 г., министръ сообщилъ ген.-губернатору, что евреи не должны принимать участія въ выборѣ членовъ коммерческаго суда.

Въ связи съ описанными обстоятельствами возникло замѣшательство и въ одесскомъ коммерческомъ судѣ.

Здѣсь евреи не только выступали въ качествѣ избирателей, но и сами избирались въ судъ: по установившемуся порядку, двое членовъ были христіане, а третій—еврей. Но въ 1869 г., въ виду приближавшихся выборовъ, ген.-губернаторъ сообщилъ городской думѣ [1]), что таковые должны произойти безъ участія евреевъ. Тогда одесскій городской голова Новосельскій обратился къ министру юстиціи съ запиской о допущеніи евреевъ къ выборамъ, а городская дума представила градоначальнику объясненіе, почему распоряженіе ген.-губернатора не можетъ быть исполнено.

Дѣло въ томъ, что до 1863 г. выборъ предсѣдателя и членовъ коммерческаго суда производился на основаніи соотвѣтствующихъ статей учрежд. комм. судовъ [2]).

Потомъ вступило въ силу особое положеніе объ общественномъ управленіи г. Одессы, согласно которому, — объясняла дума градоначалнику, — „выборы въ должности отъ купечества производятся собраніемъ выборныхъ подлежащаго сословія, безъ различія вѣроисповѣданій. Въ составѣ выборныхъ текущаго трехлѣтія отъ купечества (всего 48 душъ) участвуютъ 15 евреевъ. Выборные избираются обществомъ, къ которому принадлежатъ по сословію, а не по исповѣданію, и положеніе не указываетъ случая, гдѣ бы не допускались выборные отъ купеческаго разряда евреевъ; также

---

[1]) Это предписаніе отъ 10 марта было, очевидно, вызвано запросомъ керченскаго градоначальника, слѣдуетъ ли допускать евреевъ къ выбору въ коммерческіе суды. Того же 10 марта 1869 г. ген.-губернаторъ далъ отрицательный отвѣтъ керченскому градоначальнику.

[2]) Ст. 1274—1280. 2 ч. XI т. Св. Зак. изд. 1857 г. (позже 1892 г.). Содержаніе этихъ статей перенесено изъ Учр. Комм. Судовъ 1832 г.

нѣтъ правила, которымъ бы ограничивалось число евреевъ, могущихъ поступить въ составъ выборныхъ".

Одесскій градоначальникъ донесъ объ этомъ (6 іюня 1869 г.) ген.-губернатору, но въ это время ген.-губернаторъ утвердился въ иномъ, благопріятномъ для евреевъ взглядѣ на возбужденный вопросъ. „Нельзя не допускать евреевъ— писалъ ген.-губернаторъ 27 мая 1869 г. министру юстиціи— въ общемъ составѣ собранія купеческихъ выборныхъ къ избранію предсѣдателя и членовъ коммерческаго суда, тѣмъ болѣе, что это дѣлалось здѣсь до сего времени...

„Что же касается избранія евреевъ въ члены коммерческаго суда, то по силѣ же закона, дозволяется въ мѣстахъ постоянной осѣдлости евреевъ имѣть имъ въ составѣ присутствія не болѣе третьей части членовъ; я не вижу препятствія и полагаю справедливымъ допустить, чтобы изъ трехъ членовъ коммерческаго суда одинъ былъ изъ евреевъ, что и допускается уже въ Одессѣ съ давняго времени... Нужнымъ считаю присовокупить, что за изложеннымъ разъясненіемъ дѣла, едва ли предстоитъ надобность въ испрошеніи разрѣшенія вопроса законодательнымъ порядкомъ".

Однако не смотря на такое представленіе ген.-губернатора, министръ юстиціи не спѣшилъ отвѣтомъ: 5 іюня 1870 г. и 17 марта 1871 г. одесскій городской голова просилъ объ ускореніи отвѣта, но таковаго не получалось...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Реформа въ городскомъ управленіи (1862 г.).—Мнѣнія коммиссій объ участіи евреевъ въ гор. управленіи.—Проектъ министерства внутр. дѣлъ. — Законопроектъ новаго министра внутр. дѣлъ Тимашева. — Мнѣнія министерства финансовъ и канцеляріи е. и. в.—Городовое Положеніе 1870 г.

Въ мартѣ 1862 г. министру внутр. дѣлъ было поручено принять мѣры къ возможно скорому улучшенію городского общественнаго управленія, въ сущности—къ коренному его измѣненію. Въ основу предстоявшей реформы былъ положенъ принципъ, въ силу котораго органы городского управленія должны были вѣдать лишь дѣла, относящіяся до

благосостоянія города и его населенія. Влѣдствіе этого представители городского и общественнаго управленія освобождались отъ судебныхъ и полицейскихъ функцій, которыя несли до этого времени члены ратушъ и магистратовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ сферы компетенціи общественныхъ городскихъ учрежденій исключались дѣла сословнаго характера, для которыхъ имѣлись особыя, спеціальныя учрежденія, какъ, напр., купеческія, мѣщанскія управы и др.

Имѣя въ виду выработать проектъ новаго Городового Положенія, министерство вн. дѣлъ пожелало ознакомиться съ мнѣніемъ общества по указанному вопросу. Съ этой цѣлью въ городахъ (въ числѣ нѣсколькихъ сотъ) были образованы коммиссіи изъ мѣстныхъ людей, которыя и должны были высказать свои заключенія касательно реформы городского управленія.

Можно было предвидѣть, что въ отзывахъ коммиссій не будетъ обойденъ молчаніемъ вопросъ о роли евреевъ въ новомъ городскомъ управленіи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ коммиссіяхъ [1]) засѣдали депутаты отъ еврейскаго населенія, поэтому можно думать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ они могли оказать извѣстное вліяніе на сужденіе коммиссій, но въ общемъ отзывы коммиссій явились, конечно, голосомъ русскаго общества.

Принимая во вниманіе условія исторической жизни евреевъ въ Россіи, легко было ожидать, что русское общество разрѣшитъ теперь вопросъ о евреяхъ въ крайне неблагопріятномъ для нихъ направленіи. Но нѣтъ.

Духовный подъемъ, охватившій Россію въ тотъ исторически-важный моментъ, парализовалъ въ значительной степени непріязненное отношеніе къ евреямъ, которое въ теченіе десятилѣтій прививалось правительствомъ русскому обществу путемъ многочисленныхъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ гражданскому униженію еврейскаго населенія. Конечно, здѣсь не было мѣста для особой любви и дружбы къ евреямъ, но вѣдь общественная и государственная жизнь крѣпка не любовью и дружбой, столь измѣнчивыми, а равенствомъ гражданъ въ правахъ и обязанностяхъ

---

[1]) Данныя заимствованы изъ „Матеріаловъ, относящихся до новаго общ. устройства въ городахъ Имперіи“, изд. мин. внутр. дѣлъ.

предъ лицомъ закона и страны. А именно сознаніе этого принципа, хотя и не вошедшаго въ кровь и плоть русскаго общества, но все же являвшагося въ его представленіи чѣмъ-то возвышенно-прекраснымъ и необходимымъ, руководило мѣстными коммиссіями при обсужденіи вопроса о правахъ и обязанностяхъ евреевъ въ области городского общественнаго управленія.

Уже знаменательно то обстоятельство, что ни одна изъ коммиссій изъ числа свыше 170, созванныхъ въ губерніяхъ съ еврейскимъ населеніемъ, не высказалась за совершенное устраненіе евреевъ отъ дѣятельности, связанной съ городскимъ управленіемъ, и очень немногія, повидимому, только двѣ — въ Суражѣ и Острѣ черниговской губ. — сочли возможнымъ лишить евреевъ „права участія въ общественныхъ дѣлахъ", сохранивъ за ними, однако, право участія въ выборахъ [1]).

Вообще коммиссіи отнеслись къ предоставленію евреямъ общественной дѣятельности, какъ къ явленію, вполнѣ естественному, не вызывающему никакихъ сомнѣній, но при этомъ, все-же, не была совершенно исключена система извѣстнаго отчужденія евреевъ отъ христіанскаго общества и ограниченія ихъ въ избирательномъ правѣ.

Были коммиссіи, которыя не предложили никакихъ ограниченій для евреевъ, но житомірская коммиссія не удовольствовалась такимъ пассивнымъ отношеніемъ къ возбужденному вопросу; она смѣло и открыто заявила, что „существующія донынѣ ограниченія въ отношеніи права евреевъ на избраніе въ общественную службу слѣдуетъ устранить совершенно; евреямъ необходимо открыть доступъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ если, разумѣется, они, особенно изъ купцовъ, при извѣстной степени умственнаго и нравственнаго развитія заслуживаютъ довѣрія общества". Точно также стародубская коммиссія нашла, что „только исключительностью обстановки, при неполнотѣ гражданскихъ правъ, и можно объяснить невыгодное отношеніе къ общему

---

[1]) Это видно изъ того, что суражская коммиссія, раздѣляя избирателей по участкамъ, предложила составить избирательные списки отдѣльно для христіанъ и евреевъ. Такого свѣдѣнія о коммиссіи въ Острѣ не сохранилось, поэтому возможно предположить, что она совершенно исключила евреевъ изъ сферы городского управленія.

благу энергической дѣятельности евреевъ, и посему необходимо уничтожить изолированность послѣднихъ, призвавъ ихъ *къ равному* съ прочими обывателями участію въ городскомъ общественномъ управленіи". Такое же мнѣніе высказалъ и подольскій губернаторъ.

Многія коммиссіи, раздѣляя обывателей на разряды, предложили выдѣлить изъ общей массы городского населенія опредѣленныя „національныя" группы (армянъ, грековъ и друг.). По проекту 69 коммиссій въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ (изъ числа около 85 коммиссій въ этихъ губерніяхъ) подобныя группы должны были составить и евреи, которые, по мнѣнію коммиссій, „изолированы отчасти религіозными, не мирящимися съ христіанствомъ взглядами, а главнымъ образомъ,—способомъ отбыванія повинностей и ограниченіемъ гражданскихъ правъ ихъ"; при этомъ, въ виду того, что отдѣленіе евреевъ отъ христіанъ было чаще всего обусловлено именно особымъ порядкомъ уплаты евреями повинностей, проектируемое обособленіе евреевъ въ городскомъ управленіи было предложено большинствомъ коммиссій только въ отношеніи мѣщанъ, но не купцовъ-евреевъ. Между прочимъ кременецкая коммиссія такъ и заявила, что если бы не это обстоятельство, то „евреи могли бы быть соединены съ христіанами".

Къ подобной классификаціи городского населенія по вѣроисповѣданію прибѣгли и тѣ иныя коммиссіи, которыя въ ряду общей реформы городского управленія предложили разбивать избирателей по участкамъ [1]). Но начальники нѣкоторыхъ губерній, среди нихъ и подольскій губернаторъ, признали доводы коммиссій въ пользу отдѣленія евреевъ отъ христіанъ неосновательными.

Большинство коммиссій западныхъ губерній и вообще городовъ со смѣшаннымъ населеніемъ нашли необходимымъ

---

[1]) Курьеза ради отмѣчу, что мстиславльская коммиссія заявила: „необходимо, чтобы выборы еврейскіе не смѣшивались съ христіанскими даже по мѣсту собранія, потому что соединеніе христіанскаго и еврейскаго общества послужитъ къ гибели и совершенному паденію г. Мстиславля". А балтская коммиссія, касаясь имущественнаго ценза, потребовала отъ евреевъ, „какъ болѣе зажиточныхъ", чтобы доходъ съ собственности или промысла былъ не менѣе 60 р.,—для христіанъ же было достаточно 40 р.

„постановить, чтобы между сословными представителями непремѣнно было *опредѣленное* число выборныхъ и гласныхъ отъ инородцевъ, какъ-то: евреевъ и др.“ [1]).

Что касается должности городского головы, то большинство коммиссій обошло молчаніемъ этотъ вопросъ; 21 коммиссія заявили, что голова долженъ непремѣнно быть выбранъ изъ среды христіанъ; гродненская коммиссія согласилась допустить къ занятію этой должности лишь тѣхъ евреевъ, которые получили университетское образованіе, а 8 коммиссій [2]) предложили избирать въ головы, безъ различія, евреевъ и христіанъ, лишь бы первые знали русскій языкъ и „не заставляли бы объясняться съ собой по-еврейски“ [3]).

Особенно затруднительнымъ оказалось рѣшеніе этого вопроса для пружанской коммиссіи. „Избрать головою мѣщанина-христіанина?. Но при его крайней бѣдности онъ затруднится служитъ въ этой должности безъ жалованія. Дворянина?. Тоже, потому что состоятельные изъ дворянъ состоять большей частью на государственной службѣ. Еврея? Но при замкнутости и корпоративности еврейскаго племени, это значило бы дать явный перевѣсъ евреямъ во вліяніи на общественныя дѣла, между тѣмъ христіане по своему бѣдному положенію и безъ того нуждаются въ поддержкѣ“. И коммиссія постановила: „Ужъ если неизбѣжно будетъ избрать когда либо еврея въ должность городского головы, въ такомъ случаѣ необходимо, по крайнѣй мѣрѣ, наблюсти, чтобы претендентъ на эту должность окончилъ курсъ не ниже гимназіи, чтобы въ образѣ домашней жизни онъ согласовался съ христіанами, исключительно торговалъ въ городѣ и чтобы пользовался общимъ довѣріемъ“.—Новоградволынская коммиссія предложила сперва избрать дворянина, если онъ откажется — купца-христіанина, и лишь послѣ от-

---

[1]) Неизвѣстно, какое соотношеніе между христіанами и не-христіанами было установлено коммиссіями.

[2]) Житомірская, кишиневская, лидская (вил. губ.), острожская (вол. губ.), кременчугская, кобелякская, зеньковская (пол. губ.), сальницкая (харьк. губ.).

[3]) Депутаты еврейскаго населенія протестовали противъ постановленія заславльской коммиссіи объ избраніи головы только изъ дворянъ и чиновниковъ, требуя, чтобы избирались и купцы.

каза послѣдняго — избрать купца-еврея, знающаго основательно русскій языкъ.

Таковъ былъ матеріалъ по вопросу о евреяхъ, представленный мѣстными коммиссіями министерству внутр. дѣлъ.

А здѣсь этотъ вопросъ, какъ казалось, могъ расчитывать на благопріятное разрѣшеніе. Еще въ 1862 г., когда были предприняты первые шаги въ дѣлѣ реформированія городского управленія, министерство въ отвѣтъ на ходатайство новороссійскаго ген.-губернатора объ избраніи въ гор. головы въ Херсонѣ еврея, сообщило, что это ходатайство не можетъ быть удовлетворено „впредь до разрѣшенія законодательнымъ порядкомъ *возбужденнаго уже* въ министерствѣ внутр. дѣлъ вопроса о допущеніи къ участію въ замѣщеніи общественныхъ должностей всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ городскихъ обществъ, *безъ различія вѣроисповѣданій*".

Дѣйствительно, въ своемъ проектѣ реформы городского управленія министерство Валуева отнеслось отрицательно къ предложенію коммиссій о выдѣленіи евреевъ въ особую избирательную, вѣрнѣе обывательскую группу. Но министерство вмѣстѣ съ тѣмъ признало, что „опасенія, выраженныя большинствомъ мѣстныхъ коммиссій относительно послѣдствій совершеннаго уравненія въ правахъ по участію въ общественныхъ дѣлахъ евреевъ съ христіанами, нельзя не признать въ нѣкоторой степени основательными, особенно въ отношеніи тѣхъ мѣстностей, гдѣ большая часть населенія состоитъ изъ евреевъ. Потому было бы необходимо при новомъ устройствѣ городского общественнаго управленія относительно участія въ ономъ евреевъ установить правила, могущія служить огражденіемъ правъ христіанъ. Въ этихъ видахъ казалось бы соотвѣтственнымъ, во-первыхъ, принять за правило, что въ тѣхъ городахъ, населеніе которыхъ состоитъ изъ лицъ христіанскаго и еврейскаго вѣроисповѣданій, число гласныхъ евреевъ въ думѣ[1]) не должно превышать *половины* общаго числа. Затѣмъ существующее нынѣ правило о недопущеніи евреевъ къ занятію должности городского головы должно сохранить

---

[1]) Въ проектѣ мин. вн. дѣлъ дума названа „общей думой", а городская управа „распорядительной думой".

свою силу, но въ избраніи этого должностнаго лица должны участвовать всѣ гласные общей думы, не исключая и евреевъ, и, такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи будетъ удовлетворено возникшее во многихъ мѣстностяхъ ходатайство евреевъ, въ сущности *вполнѣ справедливое*, о неустраненіи ихъ отъ участія въ избраніи городского головы, которое принадлежитъ нынѣ однимъ христіанамъ".

Руководствуясь такимъ взглядомъ на участіе евреевъ въ городскомъ управленіи, министерство въ своемъ проектѣ новаго Городового Положенія постановило, что (п. 47) если населеніе города состоитъ изъ христіанъ и евреевъ, то число гласныхъ евреевъ не должно превышать половины общаго числа и (п. 56) что евреи не могутъ быть избираемы въ городскіе головы, а въ составѣ городскихъ управъ ихъ число также не должно превышать половины общаго числа членовъ управы; тамъ же, гдѣ вмѣсто управы, городскія дѣла вѣдались городскимъ головою и его двумя товарищами, евреямъ предоставлялось занять должность лишь одного помощника головы [1]).

Легко понять, какое коренное улучшеніе въ общественной жизни евреевъ обѣщалъ проектъ министерства. Разъ евреямъ было предоставлено участвовать совмѣстно съ христіанами въ выборѣ *всѣхъ* должностныхъ лицъ, они не могли не возвыситься въ глазахъ всего городского населенія, пріобрѣсти общественное значеніе и силу.

Этотъ законопроектъ былъ переданъ на обсужденіе второго отдѣленія е. и. в. канцеляріи, а также министерства финансовъ, и оба учрежденія оставили пункты, касавшіеся евреевъ, безъ измѣненія. При такомъ условіи надо было ожидать, что и гос. совѣтъ, куда вслѣдъ затѣмъ перешелъ проектъ, приметъ постановленіе относительно евреевъ.

Но новый министръ вн. д. А. Е. Тимашевъ, вытребовавъ изъ гос. совѣта обратно законопроектъ своего предшественника, подвергъ Городовое Положеніе новому разсмотрѣнію. Образованная при министерствѣ особая коммиссія внесла въ проектъ поправки, но при этомъ ничего не возразила противъ предоставленія евреямъ избирательнаго права въ

[1]) Примѣчаніе къ статьѣ 75 гласило, что при раздѣленіи обывателей по участкамъ „не должно быть принимаемо въ основаніе различіе ихъ по племенамъ или вѣроисповѣданіямъ".

томъ объемѣ, какой былъ указанъ въ проектѣ министерства Валуева. Точно такъ же отнесся къ этому вопросу и совѣтъ министра, но на журналѣ совѣта А. Е. Тимашевъ положилъ, между прочимъ, слѣдующую резолюцію (п. 4). „Долю участія евреевъ въ общественномъ управленіи опредѣлить третьею частью, какъ то требуется дѣйствующими законами, къ измѣненію коихъ не представляется достаточныхъ основаній".

Въ связи съ этими новый проектъ Городового Положенія, составленный министерствомъ вн. д., гласилъ (пп. 49 и 56), что евреи не могутъ избираться ни въ гласные, ни въ члены управы въ числѣ, превышающемъ *треть* состава думы или управы.

По требованію госуд. совѣта новый проектъ былъ представленъ на разсмотрѣніе канцеляріи е. и. в. и министерства финансовъ. Это обстоятельство, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, осталось въ результатѣ безъ какого-либо благопріятнаго послѣдствія, но само по себѣ достойно вниманія то, что канцелярія е. и. в. и министерство финансовъ не обошли молчаніемъ новаго ограниченія въ отношеніи евреевъ, которое было введено въ Городовое Положеніе Тимашевымъ.

Канцелярія е. и. в. довольно, впрочемъ, кратко высказалась (26 окт. 1869 г.) въ томъ смыслѣ, что „измѣненіе въ правилѣ прежнихъ проектовъ не объяснено въ представленіи министерства вн. д., и могло бы оказаться не вполнѣ удобнымъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ евреи составляютъ самую многочисленную и зажиточную часть населенія".

Болѣе подробно остановилось на указанномъ вопросѣ министерство финансовъ. „Правило это (т. е. ограниченіе $^1/_3$ голосовъ), хотя и существовало доселѣ, но едва ли удобно было бы сохранить его на будущее время, особенно въ виду тѣхъ преобразованій, которыя нынѣ получаетъ общественное управленіе. Многіе города наши западнаго края имѣютъ значительное еврейское населеніе и, слѣдовательно, предполагаемое ограниченіе можетъ быть во многихъ случаяхъ стѣснительнымъ. Съ другой стороны оно едва ли можетъ быть оправдано дѣйствительною въ томъ необходимостью. Очевидно, рѣшенія общественныхъ собраній (т. е. думъ) будутъ относиться одинаковымъ образомъ и къ евреямъ и къ христіанамъ, не взирая на то, будетъ ли въ собраніи гласныхъ болѣе христіанъ или евреевъ, такъ какъ всякое

одностороннее направленіе дѣлъ тотчасъ можетъ возбудить протестъ обиженной стороны. Кромѣ того, нельзя упустить изъ виду, что правительство въ послѣднее время постепенно стремилось къ отмѣнѣ разныхъ ограниченій, постановленныхъ прежде по отношенію къ евреямъ, и посему было бы вполнѣ справедливымъ допустить и въ семъ случаѣ измѣненіе доселѣ дѣйствовавшихъ правилъ. Во всякомъ случаѣ, если бы уже признано было совершенно необходимымъ сохранить еще какую-либо норму для числа гласныхъ въ общественныхъ собраніяхъ изъ евреевъ, то, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы назначить эту норму не въ размѣрѣ третьей, а половинной части, такъ какъ и при этомъ условіи интересы лицъ прочихъ исповѣданій будутъ достаточно обезпечены, тѣмъ болѣе, что по ст. 56 полагается не допускать къ выбору въ городскіе головы евреевъ, а въ число членовъ думы (т. е. городской управы) не дозволено избирать болѣе трети евреевъ, на что и можно было бы согласиться при изъясненномъ расширеніи правъ для евреевъ".

Вслѣдъ затѣмъ гос. совѣтъ образовалъ особую коммиссію, которая вновь разсмотрѣла весь проектъ министерства внутр. дѣлъ и замѣчанія другихъ учрежденій.

Согласно первому журнальному постановленію этой коммиссіи, статьи, касавшіяся евреевъ, должны были быть выпущены изъ законопроекта, такъ какъ вырабатывалось нормальное положеніе для управленія городовъ, и если бы встрѣтилась необходимость ввести ограниченія для евреевъ, то этотъ вопросъ могъ бы быть особо разсмотрѣнъ. Но затѣмъ, когда въ коммисію были приглашены представители отъ городскихъ общественыхъ управленій, было признано неотложнымъ разрѣшить вопросъ о евреяхъ.

Представитель министерства финансовъ, статсъ-секретарь Гротъ, представитель канцеляріи е. и. в. сенаторъ Брукъ и гласный петербургской общей думы Лихачевъ заявили, что по ихъ мнѣнію „казалось бы справедливымъ и непротивнымъ предположеніямъ по городскому общественному устройству расширить права евреевъ по общественному представительству, допущеніемъ ихъ въ составъ городского собранія (думы) по крайней мѣрѣ въ размѣрѣ половины общаго числа гласныхъ, такъ какъ: а) въ мѣстахъ постоянной осѣдлости евреевъ нерѣдко можно встрѣтить примѣры, что наи-

болѣе состоятельное и, слѣдовательно, болѣе платящее городское населеніе составляютъ евреи; между тѣмъ, съ принятіемъ ограниченія представительства ихъ одной третью гласныхъ, имущественные интересы евреевъ могли бы быть поставлены въ зависимость отъ вліяній менѣе уплачивающаго въ доходъ города большинства другихъ двухъ третей гласныхъ; б) городское общественное управленіе, ближайшимъ образомъ, назначено для завѣдыванія хозяйственными дѣлами города, которыя по самому существу своему не имѣютъ тѣсной связи съ обособляющими евреевъ дѣлами религіозными, и посему едва ли слѣдовало бы опасаться какихъ-либо неблагопріятныхъ послѣдствій отъ допущенія евреевъ въ составъ городского собранія въ болѣе или менѣе значительномъ размѣрѣ; в) если правомъ общественнаго представительства безъ особыхъ ограниченій пользуются другія нехристіанскія вѣроисповѣданія, то уже по этому одному, независимо отъ проводимаго нашимъ законодательствомъ принципа вѣротерпимости, было бы послѣдовательно и своевременно если не совершенно устранить, то по крайней мѣрѣ ослабить подобныя ограниченія и относительно евреевъ".

Весьма широко поставилъ вопросъ о гражданскомъ положеніи евреевъ, вообще, одесскій городской голова Новосельскій, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ крайне односторонне рѣшилъ вопросъ о еврейскомъ представительствѣ въ городскомъ управленіи. Новосельскій высказалъ тотъ взглядъ, что евреевъ необходимо уравнять во всѣхъ гражданскихъ правахъ съ остальнымъ населеніемъ при одновременномъ, однако, уничтоженіи всего того, что такъ или иначе обособляло евреевъ; еврейскія школы, даже больницы и другія подобныя учрежденія должны были быть упразднены, сироты и дряхлые находили бы пріютъ въ общихъ учрежденіяхъ. А еврейское вѣроученіе преподавалось бы евреямъ не только въ нисшихъ и среднихъ, но и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ путемъ, по мысли Новосельскаго, было бы достигнуто обрусеніе евреевъ; они освободились бы отъ двухъ главнѣйшихъ элементовъ своей жизни: гражданскихъ ограниченій, вредныхъ для нихъ самихъ, и племенной корпоративности, вредной для государства.

Но подобная гражданская реформа выходила, конечно,

за предѣлы компетенціи коммиссіи, и поэтому коммиссіи пока оставалось лишь одно: считаться съ корпоративностью евреевъ; „къ дѣятельности евреевъ,—говорилъ Новосельскій—хотя бы и въ составѣ общественно-хозяйственнаго управленія города нельзя относиться безразлично; всѣмъ извѣстная корпоративность и упорная настойчивость евреевъ въ проведеніи своихъ мыслей и въ охраненіи общественныхъ, обособленныхъ въ ихъ преимущественно средѣ, интересовъ даетъ имъ и безъ того немаловажное значеніе—вліяніе евреевъ на рѣшеніе городскихъ дѣлъ, которыя соприкасаются съ ихъ интересами, довольно замѣтно при дѣйствующихъ и нынѣ ограниченіяхъ“ [1]). Поэтому ограниченія правъ евреевъ необходимы, но „таковыя едва ли достигли бы въ дѣйствительности какой либо цѣли, если бы число гласныхъ изъ евреевъ было только опредѣлено въ томъ или иномъ меньшинствѣ, ибо у нихъ есть много постороннихъ, неуловимыхъ для закона средствъ къ вліянію на дѣла“. Въ связи съ этимъ Новосельскій обратилъ вниманіе на то, что 1) опасные въ настоящемъ случаѣ фанатизмъ и пропаганда (?) коренятся преимущественно въ необразованной массѣ населенія и 2) что въ настоящее время, въ виду напряженнаго ожиданія евреями расширенія своихъ правъ, въ виду направленія нашего законодательства къ постепенному ослабленію существующихъ ограниченій въ сихъ правахъ, едва ли могло бы быть признано соотвѣтственнымъ оставленіе, въ томъ или другомъ видѣ, сказанныхъ ограниченій. Поэтому Новосельскій предложилъ, „не ограничивая представительства евреевъ опредѣленнымъ числомъ ихъ, открыть доступъ въ составъ городского собранія всѣмъ вообще евреямъ, которые, удовлетворяя общимъ установляемымъ въ проектѣ условіямъ для полученія избирательнаго голоса, достигли извѣстной степени образованія и при томъ *фак-*

---

[1]) Новосельскій отмѣтилъ, что на дѣятельность евреевъ-гласныхъ нельзя смотрѣть съ одной хозяйственной точки зрѣнія, внѣ отношенія къ политической и религіозной пропагандѣ, т. к. гласнымъ предоставлено, напр., избирать мировыхъ судей. Но вѣдь тамъ, гдѣ евреи преобладали, т. е. въ зап. губерніяхъ—судьи назначались правительствомъ, а по сообщенію Оршанскаго, несмотря на многочисленность евреевъ въ Одессѣ, ни одинъ еврей не былъ избранъ въ участк. мировые судьи и лишь одинъ въ почетн. мировые судьи.

тически отдѣлились отъ массы еврейства въ отношеніи обрядовыхъ его особенностей,—присоединивъ, такимъ образомъ, къ имущественному цензу—цензъ образованія".

Итакъ, вмѣсто указаннаго въ законопроектѣ количественнаго ограниченія, Новосельскій предложилъ своего рода „качественное" ограниченіе, опредѣлявшееся не только аттестатомъ учебнаго заведенія, но и „фактическимъ„ отдѣленіемъ гласнаго-еврея отъ еврейскаго народа въ отношеніи его религіозно-обрядовой жизни. Не говоря о томъ, что для контроля „фактическаго отдѣленія" еврея пришлось бы заглянуть даже въ кухонный горшокъ, нѣтъ ли тамъ кошернаго мяса, спросимъ: что было бы достигнуто при такомъ порядкѣ? А то, что въ менѣе культурныхъ пунктахъ, гдѣ обрядовыя особенности дольше сохраняются въ своей неприкосновенности, евреи вовсе не участвовали бы въ городскомъ управленіи—чего авторъ проекта отнюдь не желалъ, въ болѣе же культурныхъ центрахъ, при наличности среди христіанъ (для которыхъ не существовало „качественнаго„ ограниченія) менѣе образованныхъ гласныхъ, евреи пріобрѣли бы значительное вліяніе на городскія дѣла, чего Новосельскій опять таки не желалъ.

Противъ расширенія избирательнаго права евреевъ выступилъ московскій городской голова кн. Черкасскій. Онъ находилъ, что уравненію евреевъ въ гражданскихъ правахъ съ христіанами должно предшествовать „или по крайней мѣрѣ сопутствовать довольно полное національное сліяніе евреевъ съ русскими". А между тѣмъ евреи въ Россіи „являются или безусловно старыми, закоренѣлыми евреями, притомъ болѣе склонны къ полонизму или германизму (?), чѣмъ къ обрусѣнію, или при развитіи въ нихъ образованія они являются у насъ чистыми почти нѣмцами или поляками". Кн. Черкасскій, впрочемъ, сознавалъ, что въ данномъ случаѣ виновато само правительство, не заботившееся о сближеніи евреевъ съ русскими, но все же онъ не намѣревался разрушить стѣну, отчуждавшую евреевъ отъ остальныхъ гражданъ; на его взглядъ „было бы сдѣлано и то весьма много, если бы для защиты своихъ интересовъ, они (евреи) были бы допущены въ составъ городского собранія въ количествѣ одной трети".

Ограниченіе одной третью голосовъ было поддержано

также товарищемъ министра вн. д. кн. Лобановымъ-Ростовскимъ и директоромъ хозяйственнаго департамента Шумахеромъ, который въ пользу ограниченій привелъ между прочимъ тотъ, знаменитый въ своемъ родѣ, доводъ, что „въ то время, какъ прочіе гласные при свойственномъ имъ равнодушіи къ общественнымъ дѣламъ явятся едва въ половинномъ числѣ, евреи при обсужденіи дѣлъ, близко касающихся ихъ интересовъ, явятся всѣ, и такимъ образомъ, особенно при вліяніи ихъ на часть гласныхъ изъ христіанъ, въ силу торговыхъ сношеній, легко могутъ имѣть численный первѣсъ голосовъ въ собраніи".

Такимъ образомъ, евреи, по мысли Шумахера, должны были уподобиться тѣмъ дѣтямъ, которыхъ въ доброе старое время сѣкли за провинности малолѣтняго принца, не подлежавшаго наказанію.

Вопросъ о евреяхъ былъ подвергнутъ въ коммиссіи (17 февраля 1870 г.) баллотировкѣ и большинствомъ голосовъ (13 противъ 7) было постановлено сохранить ограниченіе, внесенное въ законопроектъ министромъ Тимашевымъ, т. е. предоставить евреямъ лишь треть голосовъ. Впрочемъ, въ слѣдующемъ засѣданіи (24 февр.) редакція соотвѣтствующей статьи была измѣнена въ томъ смыслѣ, чтобы не евреи, а *нехристіане* пользовались одной третью голосовъ [1]); при такомъ условіи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кромѣ евреевъ жили караимы или татары, число еврейскихъ выборныхъ должно было уменьшиться.

Такимъ образомъ, евреи въ группѣ нехристіанъ, согласно проекту, могли избираться въ гласные и въ члены управы въ числѣ одной трети, при чемъ евреи, только они одни, не имѣли права быть городскими головами или занимать ихъ

---

[1]) Матеріалы и проч. т. III, стр. 246.—Тогда же былъ особо разсмотрѣнъ вопросъ объ избраніи евреевъ въ городскіе головы. Гласные московской думы Шумахеръ и петербургской Лихачевъ считали ненужнымъ установить какое-либо ограниченіе; т. с. Брукъ предложилъ избирать тѣхъ евреевъ, которые имѣютъ право на государственную службу. Новосельскій, какъ и ранѣе, высказался въ пользу „качественнаго" ценза. Но чины министерства вн. дѣлъ, кн. Лобановъ-Ростовскій и Шумахеръ, а также кн. Черкасскій требовали устраненія евреевъ отъ должности головы. Это и было принято коммиссіей.

должность. И это ограниченіе было введено госуд. совѣтомъ въ новое Городовое Положеніе (11 іюля 1870 г. [1]).

Отмѣчу здѣсь, что Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ (1 янв. 1864 г.) не заключало въ себѣ никакихъ ограниченій для евреевъ и потому въ дальнѣйшемъ евреи не разъ выступали въ качествѣ гласныхъ земства и членовъ земскихъ управъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Значеніе Городового Положенія 1870 г. для евреевъ.—Новое Город. Положеніе 1892 г. и устраненіе евреевъ отъ городского управленія.—Демонстративный отказъ евреевъ-гласныхъ отъ участія въ думѣ.

Новое Городовое Положеніе сохранило, какъ мы видимъ, прежде дѣйствовавшія правила о неизбраніи евреевъ въ городскіе головы и о привлеченіи ихъ въ органы городского управленія въ одной трети голосовъ. Но тѣмъ не менѣе Положеніе 1870 г. открыло въ исторіи евреевъ въ Россіи страницу извѣстнаго общественнаго возвышенія еврейскаго населенія.

Несомнѣнно, что, какъ и до сего времени, благодаря ограниченію въ отношеніи числа голосовъ, евреи и впредь, при новомъ городовомъ положеніи, должны были находиться въ смыслѣ защиты своихъ интересовъ въ неблагопріятныхъ условіяхъ въ сравненіи съ христіанами. Но важно было то, что отнынѣ евреи переставали быть той обособленной группой, члены которой не могли не встрѣчать со стороны окружающаго населенія пренебреженія и отчужденія.

Евреи были теперь включены въ общую массу городского населенія, они получили голосъ въ дѣлѣ избранія гласныхъ-христіанъ и городского головы: этого было достаточно, чтобы христіане стали относиться къ евреямъ, какъ къ *согражданамъ*. Въ этотъ моментъ евреи получили общественную силу, а она, какъ всякая сила, заставляла считаться съ собою...

Вообще вліяніе евреевъ на ходъ городского управленія, какъ это явствуетъ изъ данныхъ приведенныхъ въ настоя-

---

[1]) Ст. 35 и 88.

щемъ очеркѣ, никѣмъ не было признано вреднымъ. Даже самыя крайнія мнѣнія, высказанныя какъ въ мѣстныхъ и петербургскихъ коммиссіяхъ, такъ и въ государственныхъ учрежденіяхъ, были направлены противъ *преобладанія* евреевъ въ городскомъ управленіи, лишавшаго, будто, христіанъ возможности охранять свои интересы; вопросъ же объ устраненіи евреевъ, какъ вреднаго элемента, отъ общественной самодѣятельности вовсе не обсуждался ни при введеніи ограничитильныхъ законовъ 1836 и 1839 г., ни при разработкѣ Город. Положенія 1870 г.

Еще менѣе, чѣмъ раньше, возможно было, чтобы евреи отрицательно вліяли на городское управленіе при новомъ Положеніи. Правда, евреи участвовали теперь въ выборѣ всѣхъ гласныхъ, а не только евреевъ, какъ раньше, но вѣдь и христіане получили теперь возможность устранять нежелательныхъ еврейскихъ представителей; кромѣ того, Положеніе 1870 г. создало условія, которыя въ значительной степени должны были ослабить незаконные поступки недостойныхъ выборныхъ: особое городское присутствіе принимало жалобы на неправильныя или несправедливыя дѣйствія думы, губернская администрація также пользовалась въ этомъ отношеніи правомъ veto, наконецъ, и гласность призывала къ закону...

Но случилось, что въ 1890 году „впредь до пересмотра дѣйствующихъ о евреяхъ узаконеній", евреи были устранены отъ участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ и съѣздахъ[1]), при чемъ министерство внутр. дѣлъ мотивировало эту мѣру не только основаніями земской реформы, но имѣвшимися въ министерствѣ „свѣдѣніями о *вредномъ вліяніи* еврейскаго элемента *на ходъ городского управленія*". Министерство руководилось той мыслью, что „съ признаніемъ государственнаго значенія земскаго управленія, къ участію въ завѣдываніи этимъ дѣломъ должны быть призываемы впредь лишь наиболѣе къ тому пригодные и благонадежные слои мѣстнаго населенія. Условію этому не отвѣчаютъ евреи, обыкновенно преслѣдующіе на почвѣ общественной *исключительно свои личныя выгоды*. Вслѣдствіе сего допущеніе евреевъ къ

---

[1]) Т. II. ч. I. изд. 1892 г. Полож. о губ. и уѣздн. земск. учрежд. Прим. 3 къ ст. 16.

какому-либо участію въ земскомъ дѣлѣ представляется въ высшей степени нежелательнымъ"[1]).

Теперь еще не наступило время, чтобы можно было съ необходимой полнотой разсмотрѣть тотъ слѣдственный матеріалъ, въ силу котораго на евреевъ было возведено тяжелое обвиненіе во вредномъ вліяніи на ходъ городского управленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить, что уже одинъ сравнительно недолгій срокъ дѣйствія новаго Городового Положенія[2]) не позволяетъ думать, чтобы этотъ матеріалъ представлялъ собою провѣренныя, убѣдительныя данныя. Да и общій характеръ того времени, когда евреи были устранены отъ земской дѣятельности, времени, полнаго катастрофъ въ гражданской жизни еврейскаго населенія, убѣждаетъ въ мысли, что при объявленіи евреевъ вреднымъ элементомъ въ городскомъ управленіи менѣе всего имѣлось въ виду благосостояніе города и его населенія.

Укажу вмѣстѣ съ тѣмъ, что евреи вообще не могли особенно вліять на ходъ дѣлъ въ городскомъ и земскомъ управленіи уже по тому одному, что выборы производились большинствомъ голосовъ, и евреи, участвуя въ составѣ гласныхъ лишь въ одной трети, не имѣли рѣшающаго значенія при выборѣ должностныхъ лицъ [3]).

Какъ бы ни было, евреямъ было предъявлено обвиненіе во вредномъ вліяніи на городское управленіе и вскорѣ ихъ постигла жестокая кара. Согласно мнѣнію гос. совѣта (11-го іюня 1892 г.), евреи были лишены муниципальныхъ правъ, что за собою повлекло и утрату гражданскаго достоинства. Этотъ новый законъ 1892 г. установилъ, чтобы евреи не допускались къ участію въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ, а также къ занятію должностей по городскому общественному управленію и къ завѣдыванію отдѣльными отраслями городского хозяйства и управленія. Иначе говоря — евреи были устранены отъ выбора гласныхъ, членовъ управы, городского головы, и сами были лишены права быть избирае-

---

[1]) Мышъ. Руководство къ русск. зак. о евр. 1898 г., стр. 401.

[2]) Въ Одессѣ Положеніе было введенно въ 1872 г., въ другихъ городахъ въ 1875 г.

[3]) Труды черниговской коммиссіи по еврейскому вопросу. Черниговъ. 1881 г., стр. 93—94. Въ общемъ черниговская коммиссія разрѣшила обсуждавшійся ею вопросъ неблагопріятно для евреевъ.

мыми на указанныя общественныя должности. Имъ была предоставлена лишь одна крохотная, „выходная“ роль въ городскомъ управленіи: они были допущены „къ исполненію обязанностей городскихъ гласныхъ“ на особыхъ основаніяхъ; городскія управы должны были вести списки евреевъ, которые на основаніи общихъ правилъ Положенія могли бы избираться (не будь они евреями) въ гласные, и изъ этого списка присутствіе по городскимъ дѣламъ, по своему усмотрѣнію, назначало гласныхъ въ числѣ, опредѣляемомъ министромъ внутр. дѣлъ, но не свыше *одной десятой* части общаго состава думы [1]).

Эти статисты-гласные явили собою печальные остатки зданія, воздвигнутаго Екатериной II и разрушеннаго стихіей. Казалось что они были сохранены лишь съ назидательной цѣлью: sic transit...

Лишенные общественнаго значенія, общественной силы, еврейскіе гласные перестали быть фактическими представителями еврейскаго населенія, и послѣднее осталось безъ защиты. Можно было бы привести много примѣровъ, какъ гибельно отразилось такое положеніе на интересахъ еврейскаго городского населенія, но достаточно остановиться лишь на двухъ-трехъ.

Думѣ предоставлено составлять постановленія о возложеніи на каждаго домовладѣльца обязанности содержать въ исправности и чистотѣ улицы. „Нынѣ,—сообщаетъ одинъ изслѣдователь интересующаго насъ вопроса, — нѣкоторыя думы юго-западнаго края постановили, что эта обязанность возлагается только на домовладѣльцевъ тѣхъ улицъ, гдѣ живутъ исключительно бѣдняки-евреи, а содержаніе улицъ, отдаленныхъ отъ центра, гдѣ живутъ христіане, производить на городскія средства“.

Согласно позднѣйшему разъясненію сената, евреи могутъ быть членами только подготовительныхъ комиссій, а не исполнительныхъ. Поэтому евреевъ не избираютъ въ коммиссіи, учреждаемыя для раскладки суммы налога, слѣдуе-

---

[1]) Эти правила были распространены и на городскія поселенія, въ которыхъ дѣйствовало упрощенное городское управленіе. Здѣсь вмѣсто думъ существовали собранія домохозяевъ, вмѣсто управы завѣдываніе дѣлами города лежало на городскихъ старостахъ. Обязанности гласныхъ исполнялись уполномоченными.

маго съ каждаго города, и въ результатѣ получилось, по словамъ того же изслѣдователя, что во многихъ уѣздныхъ городахъ еврейскіе дома облагаются налогомъ несравненно большимъ, чѣмъ полагалось бы по ихъ доходности.

Наконецъ, въ виду сосредоточенія въ управахъ завѣдыванія еврейскими дѣлами „во многихъ уѣздныхъ городахъ секретари городскихъ управъ и начальники тѣхъ столовъ, въ которыхъ сосредоточиваются еврейскія дѣла, начали вымогать съ евреевъ мзду на каждомъ шагу“ [1]).

Но какъ ни великъ этотъ матеріальный ущербъ, новое Положеніе 1892 г. глубже, больнѣе поразило евреевъ тѣмъ, что лишило ихъ, такъ сказать, гражданскаго облика.

Освободительное движеніе, которымъ Россія ознаменовала конецъ режима Плеве, не осталось безъ участія еврейскаго общества; еврейское населеніе не замедлило обнаружить свою солидарность съ оппозиціоннымъ элементомъ русскаго общества. Но присоединивъ свой голосъ къ общему протесту противъ современнаго государственнаго строя, еврейское общество не преминуло протестовать и противъ того исключительнаго положенія, въ которое поставлено еврейское населеніе. Это оппозиціонное настроеніе было внесено, между прочимъ, и въ сферу городского управленія. По иниціативѣ Союза для достиженія полноправія еврейскаго народа въ Россіи евреи-гласные, ссылаясь на то, что они не избраны населеніемъ, а назначены администраціей, стали (начиная съ Апрѣля 1905 г.) одинъ за другимъ слагать съ себя званіе гласныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ еврейскія общества заявляли думамъ, что не признаютъ евреевъ-гласныхъ за своихъ представителей.

Въ связи съ этимъ многія городскія управленія выступили предъ правительствомъ съ ходатайствомъ объ уравненіи евреевъ съ христіанами въ муниципальныхъ правахъ.

---

[1]) См. статью Я. Грушевскаго. „Восходъ“ 1902 г. № 41.

Выселеніе.

Очеркъ первый.

Выселеніе изъ деревень и селъ.

Вопросъ о выселеніи евреевъ изъ селъ и деревень получилъ особенно жгучій характеръ въ началѣ 19 вѣка, когда „Положеніе“ 1804 г. санкціонировало эту мѣру, облекло ее въ законодательную форму. Но исторія выселеній зародилась до того, и этотъ грозный вопросъ въ теченіе многихъ десятилѣтій страшилъ и терзалъ еврейскую массу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Выселеніе купцовъ и мѣщанъ изъ уѣздовъ и запрещеніе курить вино.—Распространеніе этой общей мѣры на бѣлорусскихъ евреевъ (1783 г.).—Жалоба евреевъ.—Отзывы бѣлорусскихъ властей.—Указъ сената о пріостановленіи выселенія и разрѣшеніи евреямъ курить вино (1786 г.).—Возобновленіе вопроса о выселеніи евреевъ изъ уѣздовъ во всѣхъ бывшихъ польскихъ губерніяхъ (1795 г.).—Мнѣнія мѣстныхъ властей и помѣщиковъ (1798—1800 гг.). — Указъ 1801 г. о выселеніи мѣщанъ изъ уѣздовъ.—Новая жалоба бѣлорусскихъ евреевъ.—Пріостановленіе выселеній (1801 г.).

Когда русское правительство впервые прибѣгло къ переселенію части населенія изъ уѣздовъ въ города, оно менѣе всего имѣло въ виду евреевъ.

Екатерина II, какъ извѣстно, желала во что бы ни стало создать большіе торговые города. Съ этой цѣлью были, между прочимъ, образованы сословія мѣщанъ и купцовъ, долженствовавшихъ, по мысли государыни, способствовать своей торгово-промышленной дѣятельностью развитію городовъ. Между тѣмъ, разсматривая въ 1782 г. причины „непорядковъ“ въ олонецкой губерніи (въ которой евреи вовсе не проживали), государыня обратила вниманіе на то, что

„записавшіеся по городамъ въ мѣщанство и купечество, не переселяясь на отведенныя по городамъ земли, остаются въ селеніяхъ крестьянскихъ, пользуясь прибытками сихъ послѣднихъ съ крайнимъ ихъ утѣсненіемъ“, въ виду чего государыня предписала сенату распорядиться о томъ, чтобы всѣ купцы и мѣщане, проживающіе въ уѣздахъ, были переселены въ города,—и сенатъ разослалъ соотвѣтствующій указъ всѣмъ губернскимъ правленіямъ [1]).

Среди прочаго промышленнаго сословія эта мѣра должна была, конечно, распространиться и на евреевъ, жившихъ въ то время въ бѣлорусскихъ губерніяхъ: полоцкой и могилевской.

Требованіе о проживаніи всѣхъ купцовъ и мѣщанъ въ городахъ было, вообще, трудно провести на практикѣ, и правительство не разъ впослѣдствіи повторяло упомянутое распоряженіе, такъ какъ христіанскіе купцы и мѣщане попрежнему оставались въ уѣздахъ. Но особенно суровымъ и въ полномъ несоотвѣтствіи съ условіями жизни оказалось это требованіе въ примѣненіи къ бѣлорусскимъ евреямъ.

Когда въ Бѣлоруссіи было введено русское управленіе и торгово-промышленный классъ былъ разбитъ на категоріи купцовъ и мѣщанъ, евреи, не имѣя права владѣть землею и стать такимъ образомъ крестьянами, по необходимости записались, всѣ безъ изъятія, въ купечество и мѣщанство, въ связи съ чѣмъ, хотя и не фактически, а только формально, они стали исключительно городскимъ населеніемъ. Это вступленіе въ составъ торгово-промышленнаго класса было для евреевъ, вообще, благодѣтельно [2]), но въ данномъ случаѣ оно угрожало имъ, какъ мы увидимъ дальше, неисчислимыми бѣдствіями: отнынѣ, вслѣдствіе упомянутаго указа, ни одинъ еврей не былъ вправѣ жить внѣ города. И мѣра, являвшаяся для христіанскаго населенія частнымъ ограниченіемъ, превращалась для евреевъ *въ общее правовое ограниченіе*.

---

[1]) Арх. Сената 1 Отд. 3 Деп. Дѣло № 49. 1797 г.—Указъ сенату послѣдовалъ 7 февр. 1782 г. Разосланный же сенатомъ указъ датированъ 31 янв. 1783 г.

[2]) См. очеркъ: Общественное самоуправленіе.

Это же зачисленіе евреевъ въ купечество и мѣщанство должно было нанести имъ еще одинъ ударъ. Въ качествѣ мѣщанъ и купцовъ, евреи были въ это время лишены права курить и продавать водку, а также брать въ аренду имѣнія или отдѣльныя отрасли хозяйства, т. е. продолжать то занятіе, которое въ теченіе десятковъ и даже сотенъ лѣтъ служило источникомъ пропитанія значительной части еврейскаго населенія; и опять поголовное вступленіе въ купечество и мѣщанство привело къ тому, что мѣра, коснувшаяся лишь части христіанскаго населенія, стала правовымъ ограниченіемъ для всего еврейскаго населенія.

Вопросъ о винокуреніи и арендахъ былъ поставленъ правительствомъ въ тѣсную связь съ вопросомъ о выселеніи евреевъ изъ уѣздовъ; и дѣйствительно, между ними существовала исторически-сложившаяся связь, поэтому и слѣдуетъ разсмотрѣть указанные вопросы въ ихъ совокупности.

Никто не станетъ отрицать, что въ затронутый моментъ евреи проживали въ чрезмѣрномъ количествѣ въ деревняхъ и въ корчмахъ, по дорогамъ, и принимали широкое участіе въ куреніи и продажѣ водки. Это явленіе съ грустью констатировалъ, между прочимъ, и еврейскій печальникъ Нота Хаимовчъ Ноткинъ. Но возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ произошло это скопленіе еврейскаго населенія и сосредоточеніе въ его рукахъ куренія и продажи водки? Явилось ли это результатомъ корыстныхъ вожделѣній и происковъ евреевъ? Нѣтъ. Евреи пришли сюда по приглашенію, вѣрнѣе по принужденію, и занялись они винокуреніемъ, чтобы не умереть голодной смертью... „Въ сей губерніи (т. е. Бѣлоруссіи),—писалъ Нота Хаимовичъ Ноткинъ,—жительствующіе евреи, и по городамъ и по мѣстечкамъ, упражняяся въ оныхъ въ непосредственной торговлѣ, мастерствахъ и разныхъ промыслахъ, а по селеніямъ содержа отъ помѣщиковъ на арендѣ винную продажу съ прочими питіями, свободное курили вино... При первобытномъ ихъ поселеніи въ Польшу... помѣщики, желая только заводить мѣстечки, *приглашали* евреевъ къ заселенію домовъ, предоставляя выгоды вольнаго куренія съ продажей питей, то имъ чрезъ не одно столѣтіе отъ сего пользованіе и сдѣлалось обычайно“.

Еще опредѣленнѣе высказался по этому поводу могилевскій магистратъ въ одномъ оффиціальномъ документѣ:

„...Евреи во время польскаго владѣнія не могли по правамъ имѣть никакихъ недвижимыхъ по крѣпостямъ (т. е. въ собственности) имѣній... Всякіе откупы, наймы или аренды государственныхъ сборовъ и корчмы имъ запрещены были; торги не инако имѣть могли, какъ съ согласія и по контрактамъ съ магистратами, да и въ самой куплѣ товаровъ и съѣстныхъ припасовъ не должны были упреждать христіанъ; въ селеніяхъ же и никакой торгъ имъ дозволенъ не былъ. Слѣдовательно, посему, не будучи они на равнѣ съ христіанами и не пользуясь тѣми выгодами, какія христіанамъ присвоены, *принуждены были искать своей пользы* занимаясь арендарями и шинкарями въ селеніяхъ“ [1]). Къ тому же, въ нѣкоторыхъ городахъ во время польскаго владѣнія евреи вовсе не могли проживать. Вполнѣ естественно поэтому, что въ интересующій насъ моментъ большая часть еврейскаго населенія пребывала въ уѣздахъ, занимаясь куреніемъ и продажей водки и содержаніемъ арендъ.

Мѣра выселенія, имѣвшая несомнѣнно своей цѣлью увеличить городское населеніе и развить извѣстные торговые пункты, носила общегосударственный характеръ и ничуть не была направлена спеціально противъ евреевъ, но въ то время, какъ изъ христіанъ въ уѣздахъ проживало сравнительно незначительное число купцовъ и мѣщанъ, изъ евреевъ, повторяю, проживала тамъ большая часть.

По оффиціальнымъ даннымъ въ 1785 г. въ уѣздахъ жили: въ могилевской губерніи—9634 еврейскихъ купцовъ и мѣщанъ, а въ полоцкой—5,449 [2]), всего 15,083. Считая, что каждая семья состояла изъ четырехъ человѣкъ, мы получимъ, что въ Бѣлоруссіи, въ уѣздахъ, проживали шестьдесятъ тысячъ евреевъ!

Легко понять, какъ всполошились эти тысячи людей, когда имъ было объявлено, что они, въ качествѣ мѣщанъ и купцовъ, должны покинуть насиженныя мѣста и переселиться въ города.

Для переселенія былъ данъ извѣстный срокъ, а между тѣмъ надъ бѣлорусскими евреями разразилось и другое бѣдствіе.

---

[1]) 1 Отд. 3 Деп. 1797 г. Дѣло № 49.

[2]) Въ *городахъ* полоцкой губерніи проживали всего 1,997 евр. купцовъ и мѣщанъ.

Не слѣдуетъ думать, будто одни евреи пользовались „прибытками“ отъ производства и продажи водки. „Курятъ вино, владѣльцы—говоритъ Державинъ,—курятъ панцырные бояре, окольная шляхта, попы, разныхъ орденовъ монахи и жиды“. Винокуреніе—это была прекрасная вакханка, ласки которой добивались даже тѣ, кто въ минуту наплыва добродѣтельныхъ чувствъ называли ее безнравственной женщиной. Вслѣдствіе доклада особаго комитета „о пріумноженіи Государственныхъ доходовъ по Бѣлорусскимъ губерніямъ“ указомъ отъ 3 мая 1783 г. право винокуренія и продажи вина (водки) было предоставлено въ Бѣлоруссіи: въ деревняхъ казеннаго вѣдомства—казнѣ, въ городахъ—магистратамъ, а въ частныхъ деревняхъ—помѣщикамъ. Этотъ указъ никому изъ частныхъ лицъ не возбранялъ брать на откупъ обѣ упомянутыя доходныя статьи, но бѣлорусскій ген.-губернаторъ Пассекъ велѣлъ опубликовать (29 сент. 1783 г.), что „прямое правило предлежитъ каждому гражданину *употребить себя къ торговлѣ и ремеслу*, состоянію его приличному, а не куренію вина, яко промыслу совсѣмъ для него несвойственному“, при чемъ было указано, что „если кто изъ помѣщиковъ на аренду отдастъ или инымъ какимъ образомъ уступитъ въ своихъ деревняхъ куреніе вина *купцу, мѣщанину* или *жиду*, тотъ сочтенъ будетъ яко преступникъ узаконеній, *не брегущій собственной своей пользы* дарованнаго отъ Ея Имп. Величества права винокуренія“ [1]).

Такимъ образомъ, тысячи евреевъ должны были сразу бросить вѣковое занятіе и мѣстожительство, и на собственныя средства перейти въ города [2]). Это, конечно, было неисполнимо. Евреи обратились съ ходатайствомъ къ государынѣ, прося, чтобы они „не были никогда отъ магистратовъ принуждаемы строиться въ городахъ“, и „буде помѣщикъ пожелаетъ отдавать по уѣздамъ винокуреніе на откупъ евреямъ, чтобы ему невозбранно было по прежнему“.

---

[1]) Арх. Сената 1 Деп. 1804 г. Дѣло № 423.

[2]) Въ это время и въ городахъ евреи, на основаніи общаго закона, были лишены права куренія вина, и многіе изъ нихъ, не имѣя средствъ къ жизни, вынуждены были переселиться въ уѣзды. Въ городахъ Могилевской губ. были закрыты 28 винокурень, а въ Полоцкой—50 „ветхихъ“ и 100 „здоровыхъ“ винокурень, изъ коихъ нѣкоторыя „съ солодовнями, избами и амбарами“.

Прошеніе евреевъ было передано на разсмотрѣніе сената. Не имѣя понятія о жизни бѣлорусскихъ евреевъ, сенатъ потребовалъ отъ мѣстныхъ властей подробныхъ донесеній.

Изъ этихъ донесеній можно заключить, что нѣкоторые помѣщики отнеслись сочувственно къ запретительнымъ распоряженіямъ властей; предводители дворянства обратились даже къ Пассеку съ просьбой принять мѣры къ строгому исполненію его предписаній и просили его передать государынѣ благодарность отъ дворянства „за возобновленіе древняго *дворянскаго права пользоваться* исключительно предъ другими *винокуреніемъ*“! Однако, очень многіе помѣщики продолжали отдавать евреямъ на откупъ какъ винокуреніе, такъ и винную продажу.

Но болѣе значительный интересъ представляютъ отзывы мѣстныхъ властей.

Могилевскій магистратъ, указывая, какъ выше отмѣчено, что евреи въ теченіе многихъ лѣтъ поселялись въ уѣздахъ *по нуждѣ*, все-же предложилъ заставить ихъ переселиться въ города и заниматься тамъ торговлей и ремеслами.—А полоцкій магистратъ замѣтилъ, что не видя пользы отъ подобнаго массоваго переселенія евреевъ въ города, онъ „усматриваетъ для нихъ (евреевъ) неотвратимую бѣдность“ (т. е. раззореніе); но такъ какъ все же законъ требуетъ пребыванія купцовъ и мѣщанъ въ городахъ, то магистратъ „самъ собою не можетъ положить мнѣнія“.

Могилевское намѣстническое правленіе настаивало на переселеніи евреевъ, какъ членовъ торгово-промышленнаго класса. Полоцкое же правленіе, признавая, что евреи наносятъ крестьянамъ вредъ винокуреніемъ, не сочло, однако, возможнымъ рѣшить этотъ сложный вопросъ принудительнымъ переселеніемъ. Полоцкое правленіе заявило, что необходимо „изыскивать всѣ мѣры“, дабы удалить евреевъ отъ „вреднаго того промысла“, и, указавъ такимъ образомъ, что для достиженія цѣли требуется болѣе широкій планъ рефомы, оно признало необходимымъ разрѣшить евреямъ (повидимому, впредь до реформы), проживать въ уѣздахъ.

Что-же касается виновника ограничительныхъ мѣръ, Пассека, то не находя опоры въ законѣ, онъ объяснилъ, что распорядившись о неотдачѣ евреямъ виннаго откупа, онъ имѣлъ въ виду тѣ мотивы, по которымъ была введена мо-

нополія въ пользу казны, городовъ и помѣщиковъ, именно, чтобы будто „сокращеніемъ (?) винокуренія подать средство каждаго обратить имѣть себѣ пропитаніе торговлею и рукодѣліемъ"; требуя до сихъ поръ выселенія евреевъ изъ уѣзда и неотдачи имъ виннаго откупа, онъ въ докладѣ сенату ограничился указаніемъ на то, что печальные результаты отъ куренія вина тѣми, кто по его мнѣнію, на это не имѣетъ права, заслуживаютъ вниманія, и что „весьма было бы полезно, ежели бы евреи, записавшіеся въ купечество и мѣщанство... обратились ко всѣмъ, свойственнымъ званію, выгодамъ и промысламъ, и переселились въ города"...[1]).

Вопросъ о винокуреніи представился сенату яснымъ; распоряженіе Пассека было незаконно, и указомъ отъ 7 Мая 1786 г.[2]) сенатъ постановилъ таковое отмѣнить, предоставивъ помѣщикамъ въ этомъ отношеніи полную свободу дѣйствія.

Болѣе сложнымъ и затруднительнымъ оказалось для сената разрѣшеніе вопроса о принудительномъ переселеніи евреевъ. Изъ донесеній мѣстныхъ властей онъ могъ усмотрѣть, что власти были правы, требуя, на основаніи закона, переселенія евреевъ въ города, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, власти совершенно ошибочно полагали, будто достаточно одного приказанія начальства, чтобы десятки тысячъ людей могли на собственныя средства переселиться на новыя мѣста, чтобы тысячи купцовъ и мѣщанъ сразу нашли въ бѣдномъ краѣ поприще для торгово-промышленной дѣятельности. *И въ этомъ противорѣчіи между закономъ и условіями дѣйствительной жизни и заключалась вся трудность рѣшенія вопроса.* Эту трудность не могъ побороть и сенатъ, зная что по высшимъ экономическимъ соображеніямъ государыня требовала сконцентрированія въ городахъ торгово-промышленнаго класса. Вотъ почему въ отвѣтъ на прошеніе евреевъ сенатъ тѣмъ-же указомъ отъ 7 Мая 1786 г. по-

---

[1]) Арх. сената. 1 Отд. 3. Деп. 1797 г. Дѣло № 49.

[2]) Выдержки изъ этого сенатскаго указа, являющагося, какъ уже выше отмѣчено, (стр. 206 прим. 3) важнымъ историческимъ матеріаломъ—см. прилож. № 7.

становилъ: „записавшихся въ купечество и мѣщанство, живущихъ въ мѣстечкахъ и деревняхъ, евреевъ *безвременно* селиться въ городахъ *не принуждать* . . . Упражняться по уѣздамъ въ промыслахъ и работахъ . . . не запрещать, особливо когда нѣтъ для нихъ въ городахъ свободныхъ, подъ строеніе домовъ, мѣстъ, да и не извѣстно, могутъ ли они въ городахъ всѣ найти себѣ пропитаніе“ . . .

Такимъ образомъ сенатъ не далъ отвѣта на возникшій вопросъ, онъ лишь отсрочилъ его рѣшеніе.

Дамокловъ мечъ по прежнему угрожалъ евреямъ. Слово „безвременно“, которое мѣстныя власти прочитали въ указѣ сената, сохранило прежній просторъ для административныхъ распоряженій, и это держало евреевъ въ постоянной тревогѣ за завтрашній день.

Къ тому же часть евреевъ все же была вынуждена покинуть насиженныя мѣста, такъ какъ изъ корыстной цѣли, нарушая контракты, „многіе помѣщики—по словамъ Ноты Ноткина—изъ своихъ деревень ихъ повысылали, а сіи таскаяся изъ мѣста на мѣсто въ крайнюю пришли бѣдность“.

А вскорѣ наступилъ моментъ, когда вопросъ о выселеніи еще болѣе обострился.

Въ 1793 г. произошелъ второй раздѣлъ Польши, въ силу котораго къ Россіи присоединились новыя земли, образовавшія минскую, волынскую и подольскую губерніи. Здѣсь, какъ и въ Бѣлоруссіи, да и по тѣмъ-же причинамъ, евреи проживали въ уѣздахъ, занимались шинкарствомъ и арендой, и государыня указомъ отъ 3 Мая 1795 г на имя ген-губернатора новаго края Тутолмина предписала *„стараться переселять* (евреевъ) въ уѣздные города, дабы сіи люди не скитались во вредъ обществу, но производя торги, и размножая рукодѣлія и ремесла, и себѣ прибыль и обществу пользу приносили . . .“ [1]). Такія надежды, возлагавшіяся на евреевъ, были безосновательны. Малонаселенные, бѣдные тогдашніе города не могли дать пропитаніе новымъ пришельцамъ, такъ какъ и безъ нихъ въ городахъ было болѣе, чѣмъ достаточно, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, причемъ боль-

---

[1]) П. С. З. т. 23, № 17327.

шая ихъ часть были евреи [1]). (Правительство, повидимому, само вскорѣ это сознало; правда, и впослѣдствіи при выселеніи евреевъ имѣлось въ виду, что они почти всѣ перейдутъ въ города, однако тогда уже не высказывалась надежда, что благодаря этому города обогатятся). Но Екатерина II настойчиво стремилась къ развитію городовъ путемъ увеличенія въ нихъ торгово-промышленнаго класса, и одновременно съ Тутолминымъ распоряженіе „стараться переселить" евреевъ получилъ и бѣлорусскій ген.-губ. Пассекъ [2]); въ сентябрѣ 1795 г. Пассекъ объявилъ, чтобы никто изъ „благороднаго общества не отважился бы во вредъ другимъ, самому себѣ, а паче своимъ крестьянамъ, дозволять подъ именемъ своимъ и на своихъ винницахъ курить евреямъ", ибо евреи „по званію своему купечества должны обращаться въ дозволительной торговлѣ, записавшіеся же въ мѣщанство долженствуютъ жить въ городахъ и упражняясь въ разныхъ ремеслахъ, мастерствахъ и рукодѣліяхъ, черезъ что *увеличутся и придутъ въ лучшее состояніе города*, а крестьяне избавятся отъ людей, къ пьянству соблазняющихъ . . . ".

Для переселенія евреевъ въ Бѣоруссіи былъ назначенъ всего годичный срокъ, хотя это не соотвѣтсвовало желанію государыни („стараться переселять"), не имѣвшей въ виду придать указанной мѣрѣ насильственный характеръ. Распоряженіе Пассека взволновало многотысячную еврейскую массу: ей предстояло полнѣйшее раззореніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ это распоряженіе встревожило и владѣльцевъ мѣстечекъ, такъ какъ уменьшеніе мѣстечковаго населенія грозило имъ убыткомъ. Повидимому, это послѣднее обстоятельство побудило Пассека (15 января 1796 г.) ограничиться выселеніемъ евреевъ только изъ деревень и изъ корчемъ, расположенныхъ у дорогъ, оставивъ ихъ въ мѣстечкахъ (съ тѣмъ

---

[1]) Это явствуетъ изъ имѣющихся у меня статистическихъ данныхъ, а также изъ доклада Евр. комитета 1809 г.

[2]) Изъ документовъ, опубликованныхъ С. А. Бершадскимъ, Восх. 1895 г. кн. 6, стр. 38. Оба эти распоряженія послѣдовали, несомнѣнно, не по иниціативѣ государыни; она лишь утвердила предложенія ген.-губернаторовъ. Возможно, что вступивъ въ управленіе новымъ краемъ, Тутолминъ списался съ Пассекомъ.

условіемъ, чтобы впредь евреи не поселялись вновь въ мѣстечкахъ), но и это оказалось невозможнымъ исполнить. „Входя въ разсмотрѣніе поданнаго къ нему прошенія отъ всего еврейскаго общества, и соображая всѣ обстоятельства, ими изъясняемыя, къ невозможности скоро *переселиться въ города къ наполненію ихъ жителями*, а при томъ представляя себѣ и государственныя выгоды, которыя при меньшемъ разстройствѣ таковыхъ переселенцевъ могутъ отвратить умноженіе государственныхъ недоимокъ". Пассекъ (21 ноября 1796 г.) отсрочилъ выселеніе на полтора года. Однако и это не помогло, и въ 1798 г. бѣлорусскія власти донесли, что „хотя евреи начали въ города переселяться, но еще весьма малое количество" [1]).

Въ это время, по предписанію сената, задумавшаго принять во всѣхъ „еврейскихъ" губерніяхъ мѣры къ огражденію крестьянъ отъ вредоносности евреевъ, вопросъ о причиненіи евреями крестьянамъ вреда былъ поднятъ и въ другихъ губерніяхъ съ еврейскимъ населеніемъ (1798—1800 гг.), но тамъ онъ почти вовсе не былъ связанъ съ вопросомъ о выселеніи евреевъ изъ уѣздовъ.

Маршалы минской губерніи просили подтвердить, что право винокуренія принадлежитъ однимъ помѣщикамъ, *„а евреямъ и прочимъ шинкарямъ"*—запрещено. При этомъ, однако, они вовсе не выразили желанія, чтобы евреи были удалены отъ продажи водки или отъ аренды; они сочли достаточнымъ прибѣгнуть въ данномъ случаѣ къ общей мѣрѣ,—именно, чтобы „всякій продающій вино не осмѣливался крестьянамъ вѣрить онаго въ долгъ" или продавать подъ закладъ платья, скота, хлѣба и проч., подъ страхомъ, что въ случаѣ неуплаты долга, корчмарь не найдетъ защиты въ судѣ и долженъ будетъ возвратить залогъ. Минскій же губернаторъ (З. Карнѣевъ) предложилъ лишь оповѣстить крестьянъ о томъ, что евреи наносятъ имъ матеріальный ущербъ, полагая, что послѣ этого крестьяне будутъ болѣе осторожны въ торговыхъ сдѣлкахъ съ ними.

Маршалы подольской губерніи высказались въ пользу того, чтобы винокуреніе не было отдаваемо не имѣющимъ на то права „не только евреямъ, *но и христіанамъ*". Но вмѣстѣ

---

[1]) Изъ документовъ С. А. Бершадскаго, „Восх.", кн. 6. стр. 40—41.

съ тѣмъ маршалы предложили, чтобы одна часть евреевъ осталась при шинкахъ, дабы для замѣщенія ихъ не нужно было отвлекать крестьянъ отъ хлѣбопашества, другую же часть евреевъ принудить заниматься *земледѣліемъ* и ремеслами въ казенныхъ и владѣльческихъ имѣніяхъ.

А подольскій вице-губернаторъ (Юзефовичъ) нашелъ, что по закону нужно евреямъ „внушать" переселяться въ города, но и онъ склонился въ пользу того, чтобы оставить часть еврейскаго населенія при шинкахъ при условіи не давать водку въ долгъ и чтобы помѣщики поощряли евреевъ къ земледѣльческимъ занятіямъ.

Мнѣнія маршаловъ и губернатора волынской губ. не сохранились, но имѣется заключеніе минскаго, подольскаго и волынскаго ген.-губернатора гр. Гудовича, Онъ также счелъ необходимымъ запретить „евреямъ и *другимъ состояніямъ*, не имѣющимъ къ тому права" курить вино, но вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣчая, между прочимъ, что евреи платятъ двойныя подати, онъ высказался за разрѣшеніе евреямъ торговать водкой и брать всякія аренды и въ томъ числѣ также аренду питей. И подобно подольскому вице-губернатору и минскимъ маршаламъ, онъ находилъ, что „для пресѣченія всѣхъ поводовъ, каковые донынѣ имѣли евреи къ здирству съ крестьянъ, нужно... единое ограниченіе въ ясныхъ и точныхъ условіяхъ, помѣщиками съ ними на шинкованіе или на аренду заключаемыхъ", т. е. чтобы водка не продавалась въ долгъ, или подъ закладъ хлѣба, платья и пр.

Маршалы литовской губ. (т. е. виленской и гродненской), предложили запретить евреямъ не только куреніе, но и продажу водки и, оставивъ часть ихъ по городамъ и торговымъ мѣстечкамъ, размѣстить остальныхъ по казеннымъ и владѣльческимъ имѣніямъ, предоставивъ имъ заниматься арендами [1]).

Литовскій губернаторъ Фризель, указавъ на необходимость удаленія евреевъ отъ водки, призналъ нужнымъ разрѣшить имъ проживать въ казенныхъ и владѣльческихъ селеніяхъ съ правомъ заниматься арендами, принудивъ, однако, часть евреевъ къ земледѣльческому труду съ освобожденіетъ на десять лѣтъ отъ уплаты податей. При этомъ Фри-

[1]) Они, какъ будто, въ Литвѣ не имѣли этого права.

зель предложилъ уравнять евреевъ въ правахъ съ христіанами, а въ связи съ этимъ уничтожилось бы обложеніе евреевъ двойной податью, такъ обострявшей ихъ борьбу за существованіе.

Такимъ образомъ мѣра, которую въ теченіе ряда лѣтъ старались осуществить въ Бѣлоруссіи — выселеніе всѣхъ евреевъ изъ уѣздовъ—не встрѣтила поддержки ни со стороны властей, ни со стороны помѣщиковъ другихъ губерній съ еврейскимъ населеніемъ. Въ частности же, ни помѣщики, ни администрація ничего не имѣли противъ того, чтобы при шинкахъ остались евреи и чтобы они попрежнему занимались арендами. Если же литовскіе маршалы, высказавшіе свое мнѣніе согласно съ желаніемъ губернатора Фризеля, настаивали на совершенномъ устраненіи евреевъ отъ водки, но не отъ арендъ, то это, быть можетъ, только потому, что Фризелемъ была предложена коренная реформа еврейской жизни.

Сопоставляя эти мнѣнія, высказанныя въ 1798—1800 гг., съ отзывами бѣлорусскихъ властей, представленными въ сенатъ 15 лѣтъ назадъ, видно, что позднѣйшіе документы внесли новую страницу въ рѣшеніе интересующаго насъ вопроса. Раньше правительство стремилось совершенно освободить уѣздъ отъ евреевъ и наполнить ими одни города, при чемъ вопросъ о помощи со стороны правительства вовсе не возбуждался. Теперь же возникла мысль о томъ, чтобы только *разрѣдить* еврейское населеніе въ уѣздахъ и излишекъ населенія размѣстить какъ по городамъ, такъ и по пустопорожнимъ землямъ при извѣстной матеріальной поддержкѣ со стороны правительства.

Такимъ образомъ, власти минской, волынской, подольской и литовской губерній не признали необходимымъ и возможнымъ поголовное выселеніе евреевъ изъ уѣздовъ, и случилось такъ, что именно въ это время новыя власти въ Бѣлоруссіи, въ лицѣ губернатора Северина, также высказались противъ переселенія евреевъ вообще, объяснивъ, что такая мѣра принесла бы вредъ не только евреямъ, но и помѣщикамъ и крестьянамъ.

Всѣ эти отзывы мѣстныхъ властей поступили въ сенатъ, которому въ это время было поручено составить проектъ еврейской реформы, и здѣсь къ нимъ присоединился новый

документъ, касавшійся мѣры выселеній, именно „Мнѣніе“ Державина. Лично бесѣдуя съ Ноткинымъ, имѣя его проектъ въ своихъ рукахъ, Державинъ заимствовалъ у него нѣкоторыя мѣры для улучшенія положенія евреевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ остального населенія, но придалъ имъ суровый характеръ: предложенное Ноткинымъ частичное отвлеченіе евреевъ отъ водки превратилось у Державина въ лишеніе евреевъ права шинковать и держать аренды, свободное привлеченіе евреевъ къ земледѣлію—было облечено въ принудительную форму, разрѣженіе еврейскаго населенія должно было быть достигнуто поголовнымъ выселеніемъ евреевъ изъ селъ и деревень [1]).

30 іюня 1801 г. по всѣмъ губерніямъ былъ вновь разосланъ указъ о томъ, чтобы „мѣщанъ, живущихъ по селеніямъ, непремѣнно высылать для жительства и промысловъ въ города... не допуская ихъ пользоваться по деревнямъ крестьянскими прибытками съ крайнимъ ихъ утѣсненіемъ“. Это требованіе, какъ и прежнія такія же, должно было распространиться на все русское мѣщанство, и слѣдовательно, между прочимъ, и на бѣлорусскихъ евреевъ. Но вслѣдствіе жалобы евреевъ [2]), въ Бѣлоруссіи начавшееся выселеніе было пріостановлено.

Повидимому, въ другихъ губерніяхъ съ многочисленнымъ еврейскимъ населеніемъ (т. е. въ бывшихъ польскихъ) выселеніе евреевъ въ это время не возобновилось, но достойно вниманія то обстоятельство, что новороссійское губернское правленіе само обратилось въ сенатъ съ ходатайствомъ о невыселеніи евреевъ изъ уѣздовъ, такъ какъ „нѣтъ слѣдовъ заключать, чтобы тѣ евреи составляли какое либо для крестьянъ отягощеніе; напротивъ того, ежели удалить ихъ, евреевъ, изъ селеній въ города... то лишивъ ихъ профикта,

---

[1]) Надо однако отмѣтить, что Державинъ разработалъ подробный планъ такого переселенія, осуществленіе котораго могло бы принести пользу какъ еврейскому, такъ и христіанскому населенію, но для этого требовались громадныя средства, которыхъ у евреевъ не было; поддержка же правительства, по мнѣнію Державина, должна была состоять лишь въ томъ, чтобы еврейская подать за нѣсколько лѣтъ не поступала въ казну, дабы образовать изъ нея спеціальный капиталъ для осуществленія массоваго переселенія.

[2]) См. приложеніе № 7.

„...Евреи во время польскаго владѣнія не могли по правамъ имѣть никакихъ недвижимыхъ по крѣпостямъ (т. е. въ собственности) имѣній... Всякіе откупы, наймы или аренды государственныхъ сборовъ и корчмы имъ запрещены были; торги не инако имѣть могли, какъ съ согласія и по контрактамъ съ магистратами, да и въ самой куплѣ товаровъ и съѣстныхъ припасовъ не должны были упреждать христіанъ; въ селеніяхъ же и никакой торгъ имъ дозволенъ не былъ. Слѣдовательно, посему, не будучи они на равнѣ съ христіанами и не пользуясь тѣми выгодами, какія христіанамъ присвоены, *принуждены были искать своей пользы* занимаясь арендарями и шинкарями въ селеніяхъ“ [1]). Къ тому же, въ нѣкоторыхъ городахъ во время польскаго владѣнія евреи вовсе не могли проживать. Вполнѣ естественно поэтому, что въ интересующій насъ моментъ большая часть еврейскаго населенія пребывала въ уѣздахъ, занимаясь куреніемъ и продажей водки и содержаніемъ арендъ.

Мѣра выселенія, имѣвшая несомнѣнно своей цѣлью увеличить городское населеніе и развить извѣстные торговые пункты, носила общегосударственный характеръ и ничуть не была направлена спеціально противъ евреевъ, но въ то время, какъ изъ христіанъ въ уѣздахъ проживало сравнительно незначительное число купцовъ и мѣщанъ, изъ евреевъ, повторяю, проживала тамъ большая часть.

По оффиціальнымъ даннымъ въ 1785 г. въ уѣздахъ жили: въ могилевской губерніи—9634 еврейскихъ купцовъ и мѣщанъ, а въ полоцкой—5,449 [2]), всего 15,083. Считая, что каждая семья состояла изъ четырехъ человѣкъ, мы получимъ, что въ Бѣлоруссіи, въ уѣздахъ, проживали шестьдесятъ тысячъ евреевъ!

Легко понять, какъ всполошились эти тысячи людей, когда имъ было объявлено, что они, въ качествѣ мѣщанъ и купцовъ, должны покинуть насиженныя мѣста и переселиться въ города.

Для переселенія былъ данъ извѣстный срокъ, а между тѣмъ надъ бѣлорусскими евреями разразилось и другое бѣдствіе.

---

[1]) 1 Отд. 3 Деп. 1797 г. Дѣло № 49.

[2]) Въ *городахъ* полоцкой губерніи проживали всего 1,997 евр. купцовъ и мѣщанъ.

Не слѣдуетъ думать, будто одни евреи пользовались „прибытками“ отъ производства и продажи водки. „Курятъ вино, владѣльцы—говоритъ Державинъ,—курятъ панцырные бояре, окольная шляхта, попы, разныхъ орденовъ монахи и жиды“. Винокуреніе—это была прекрасная вакханка, ласки которой добивались даже тѣ, кто въ минуту наплыва добродѣтельныхъ чувствъ называли ее безнравственной женщиной. Вслѣдствіе доклада особаго комитета „о пріумноженіи Государственныхъ доходовъ по Бѣлорусскимъ губерніямъ“ указомъ отъ 3 мая 1783 г. право винокуренія и продажи вина (водки) было предоставлено въ Бѣлоруссіи: въ деревняхъ казеннаго вѣдомства—казнѣ, въ городахъ—магистратамъ, а въ частныхъ деревняхъ—помѣщикамъ. Этотъ указъ никому изъ частныхъ лицъ не возбранялъ брать на откупъ обѣ упомянутыя доходныя статьи, но бѣлорусскій ген.-губернаторъ Пассекъ велѣлъ опубликовать (29 сент. 1783 г.), что „прямое правило предлежитъ каждому гражданину *употребить себя къ торговлѣ и ремеслу*, состоянію его приличному, а не куренію вина, яко промыслу совсѣмъ для него несвойственному“, при чемъ было указано, что „если кто изъ помѣщиковъ на аренду отдастъ или инымъ какимъ образомъ уступитъ въ своихъ деревняхъ куреніе вина *купцу, мѣщанину* или *жиду*, тотъ сочтенъ будетъ яко преступникъ узаконеній, *не брегущій собственной своей пользы* дарованнаго отъ Ея Имп. Величества права винокуренія“ [1]).

Такимъ образомъ, тысячи евреевъ должны были сразу бросить вѣковое занятіе и мѣстожительство, и на собственныя средства перейти въ города [2]). Это, конечно, было неисполнимо. Евреи обратились съ ходатайствомъ къ государынѣ, прося, чтобы они „не были никогда отъ магистратовъ принуждаемы строиться въ городахъ“, и „буде помѣщикъ пожелаетъ отдавать по уѣздамъ винокуреніе на откупъ евреямъ, чтобы ему невозбранно было по прежнему“.

---

[1]) Арх. Сената 1 Деп. 1804 г. Дѣло № 423.

[2]) Въ это время и въ городахъ евреи, на основаніи общаго закона, были лишены права куренія вина, и многіе изъ нихъ, не имѣя средствъ къ жизни, вынуждены были переселиться въ уѣзды. Въ городахъ Могилевской губ. были закрыты 28 винокурень, а въ Полоцкой—50 „ветхихъ“ и 100 „здоровыхъ“ винокурень, изъ коихъ нѣкоторыя „съ солодовнями, избами и амбарами“.

естественнымъ путемъ удалены отъ недостойныхъ занятій. Эти слова, занесенныя въ журналъ послѣ того какъ, комитетъ отвергъ принудительныя мѣры въ отношеніи мѣстечковаго еврейскаго населенія, не были очевидно, однимъ лишь полетомъ теоретической мысли. Комитетъ несомнѣнно имѣлъ въ виду дѣйствовать и на практикѣ, согласно съ теоріей . . . Но случилось иначе.

Поднося на утвержденіе проектъ реформы, комитетъ одновременно (въ октябрѣ 1804 г.) представилъ государю еще особый пояснительный докладъ. Въ этомъ докладѣ комитетъ повторилъ нѣкоторыя мысли и выраженія, записанныя въ журналѣ 20 сентября 1803 г. Такъ, комитетъ указывалъ, что „долголѣтнія привычки не иначе перемѣняются, какъ нечувствительнымъ направленіемъ пользъ къ другой и лучшей цѣли“, что всѣ преобразованія, „производимыя съ поспѣшностью и крутыми переворотами, были непрочны“, что „вести евреевъ къ усовершенію должно средствами умѣренными и постепенными“. Но это были старые мѣхи, наполненные новымъ виномъ. Комитетъ это самъ сознавалъ. Говоря, что предложенныя имъ мѣропріятія „не что другое суть, какъ приложеніе сихъ способовъ тихихъ, умѣренныхъ, постепенныхъ“, комитетъ отмѣчалъ, что одно изъ мѣропріятій „на первый взглядъ могло бы показаться различнымъ отъ сего общаго понятія. Сіе есть подтвердительное ограниченіе евреевъ въ содержаніи шинковъ и арендъ, давно уже имъ запрещаемыхъ, но силою злоупотребленій доселѣ поддерживаемыхъ“. Къ этому комитетъ присовокупилъ, что онъ „самою необходимостью принужденъ былъ поставить сіе ограниченіе“. А въ связи съ этимъ, какъ было выше указано, послѣдовало запрещеніе евреямъ даже проживать въ деревняхъ и селахъ!

Комитетъ по необходимости долженъ былъ требовать выселенія евреевъ, разъ онъ запретилъ имъ шинковать и арендовать всѣ отрасли хозяйства, Правда, въ деревняхъ и селахъ проживали и такіе евреи, которые ничего общаго не имѣли съ водкой и арендами, напр., ремесленники, мелкіе торговцы, равно довольно многочисленый классъ почтарей, жившихъ по роду своей дѣятельности при дорогахъ,—но остальная большая часть еврейскаго населенія, пребывая на старомъ мѣстѣ, ни въ какомъ случаѣ не могла

бы отказаться отъ арендъ и шинковъ, ибо другихъ занятій и источниковъ пропитанія не нашлось бы въ краѣ. Но является вопросъ, дѣйствительно ли была необходимость запретить евреямъ заниматься арендами и продажей водки?

Въ своемъ докладѣ комитетъ отмѣчалъ, что „во всѣхъ дѣлахъ и свѣдѣніяхъ, въ разсмотрѣніи его бывшихъ, находилъ онъ явные слѣды сихъ злоупотребленій и основаніе жалобъ, толикократно на нихъ приносимыхъ. Укоризны до того простираются,—замѣчалъ комитетъ,—что нѣкоторые помѣщики и люди, кои на мѣстахъ занимались разсмотрѣніемъ промысловъ еврейскихъ, *имъ особенно приписываютъ крайнюю бѣдность* и разореніе, въ коемъ находятся обыватели многихъ селеній въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ евреи обитаютъ. Содержаніе арендъ и винный промыселъ, по выраженію сихъ примѣчателей, въ рукахъ евреевъ есть зло неизъяснимое, представляющееся въ многоразличныхъ видахъ, истощающее силы народа, снѣдающее всѣ плоды трудовъ его, самое жестокое орудіе корыстолюбія, угнетенія и бѣдствія. Жалобы сіи,—добавлялъ комитетъ,—давно уже доходили до правительства. Дѣла, изъ Сената въ Комитетъ поступившія, доказываютъ, что давно уже было признано необходимымъ исправить и перемѣнить сей порядокъ вещей, ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ не терпимый. Надлежало, наконецъ, положить мѣру симъ злоупотребленіямъ. Надлежало взойти къ самому первому ихъ началу, исправить зло въ самомъ корнѣ, и средствами, сколь можно, умѣренными, но дѣйствительными, остановить вредное его распространеніе“...

Правда, многіе „примѣчатели“ указывали, что куреніемъ и продажей водки, а также арендами евреи причиняютъ крестьянамъ вредъ, но могъ ли комитетъ, состоявшій изъ просвѣщенныхъ людей, среди коихъ къ тому-же двое были крупные польскіе помѣщики, принять во вниманіе одни эти указанія и прибѣгнуть къ столь рѣшительной въ отношеніи евреевъ мѣрѣ, когда и собранные въ комитетѣ матеріалы, и опытъ помѣщиковъ-сочленовъ громко говорили, что евреи *не какъ таковые* приносили съ собою зло, что бѣдность и пьянство крестьянъ коренились въ сложныхъ соціально-экономическихъ условіяхъ тогдашней жизни, что если евреи и наносили крестьянамъ ущербъ, то это вызывалось причи-

становилъ: „записавшихся въ купечество и мѣщанство, живущихъ въ мѣстечкахъ и деревняхъ, евреевъ *безвременно* селиться въ городахъ *не принуждать*... Упражняться по уѣздамъ въ промыслахъ и работахъ... не запрещать, особливо когда нѣтъ для нихъ въ городахъ свободныхъ, подъ строеніе домовъ, мѣстъ, да и не извѣстно, могутъ ли они въ городахъ всѣ найти себѣ пропитаніе“...

Такимъ образомъ сенатъ не далъ отвѣта на возникшій вопросъ, онъ лишь отсрочилъ его рѣшеніе.

Дамокловъ мечъ по прежнему угрожалъ евреямъ. Слово „безвременно“, которое мѣстныя власти прочитали въ указѣ сената, сохранило прежній просторъ для административныхъ распоряженій, и это держало евреевъ въ постоянной тревогѣ за завтрашній день.

Къ тому же часть евреевъ все же была вынуждена покинуть насиженныя мѣста, такъ какъ изъ корыстной цѣли, нарушая контракты, „многіе помѣщики—по словамъ Ноты Ноткина—изъ своихъ деревень ихъ повысылали, а сіи таскаяся изъ мѣста на мѣсто въ крайнюю пришли бѣдность“.

А вскорѣ наступилъ моментъ, когда вопросъ о выселеніи еще болѣе обострился.

Въ 1793 г. произошелъ второй раздѣлъ Польши, въ силу котораго къ Россіи присоединились новыя земли, образовавшія минскую, волынскую и подольскую губерніи. Здѣсь, какъ и въ Бѣлоруссіи, да и по тѣмъ-же причинамъ, евреи проживали въ уѣздахъ, занимались шинкарствомъ и арендой, и государыня указомъ отъ 3 Мая 1795 г на имя ген-губернатора новаго края Тутолмина предписала *„стараться переселять* (евреевъ) въ уѣздные города, дабы сіи люди не скитались во вредъ обществу, но производя торги, и размножая рукодѣлія и ремесла, и себѣ прибыль и обществу пользу приносили...“ [1]). Такія надежды, возлагавшіяся на евреевъ, были безосновательны. Малонаселенные, бѣдные тогдашніе города не могли дать пропитаніе новымъ пришельцамъ, такъ какъ и безъ нихъ въ городахъ было болѣе, чѣмъ достаточно, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, причемъ боль-

---

[1]) П. С. З. т. 23, № 17327.

зла, запретить евреямъ курить вино, нарисовали такую картину крестьянской жизни въ краѣ: „Крестьяне, мало обрѣтая знаніе въ земледѣліи, не могутъ быть въ хорошемъ состояніи, а простолюдство ихъ есть причиною неспособности къ заведенію порядочнаго хозяйства... Проживая безъ старательства, не могутъ достигнуть хорошаго состоянія... Перемѣны и революціи въ краѣ, постои и переходы войскъ и все то, требуя разнаго иждивенія и услугъ, удаляетъ крестьянъ отъ попеченія о домѣ и земледѣліи и лишаетъ запасовъ, обезпечивающихъ доброе состояніе. Неурожай во многихъ мѣстахъ по причинѣ песчаныхъ и низкихъ земель, ежечастно повторяющійся, а къ тому и падежъ скота истребляютъ въ людяхъ поощреніе къ трудолюбію"...

Да и Державинъ, не пожалѣвшій красокъ для очерненія евреевъ, самъ объяснялъ бѣдность бѣлорусскихъ крестьянъ тѣмъ, что они лѣнивы, въ работахъ не проворны, чужды отъ всѣхъ промысловъ и нерадѣтельны въ земледѣліи, не заботятся о будущемъ, но ищутъ какъ бы прогулять время и отлынить отъ трудовъ и проч.

Для полноты приведу здѣсь также слова крупнаго бѣлорусскаго помѣщика, кн. Любомирскаго, которыя впослѣдствіи были приняты во вниманіе правительствомъ. „Если недостатокъ бываетъ хлѣба весною,—писалъ онъ Державину въ 1800 г.,—и не всякаго года, то и не во всѣхъ, а только у нерадивыхъ и лѣнивыхъ и не отъ извлеченія евреями, но отъ неурожаевъ, ибо есть многія деревни, въ коихъ евреевъ нѣтъ, а крестьяне весною нуждаются хлѣбомъ. Чтобы всѣ крестьяне были довольны и ни въ чемъ недостатка не имѣли, того предположить никакъ не возможно; есть бѣдные не отъ евреевъ, а отъ разныхъ приключеніевъ, въ свѣтѣ людямъ свойственныхъ, какъ то: отъ пожарныхъ случаевъ, скотскаго падежа, какой-либо болѣзни и прочаго..." [1]). А. Ноткинъ также увѣрялъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ проживали

---

[1]) Архивъ Сената. Деп. Мин. Юст. 1800 г. № 273.—Любомирскій между прочимъ писалъ, что крестьяне, которые, въ случаѣ выселенія евреевъ, заступятъ послѣднихъ въ корчмахъ, начнутъ пьянствовать, и это замѣчаніе было впослѣдствіе принято во вниманіе правительствомъ. Державинъ отнесся весьма недружелюбно къ запискѣ Любомирскаго, котораго онъ называлъ „великимъ охотникомъ до денегъ и жидовъ".

евреи, крестьяне „живутъ въ избыткѣ“ и наоборотъ, гдѣ евреевъ нѣтъ—крестьяне терпятъ нужду.

Приведенныя данныя свидѣтельствуютъ съ полной очевидностью, что евреи не являлись первопричиной крестьянскихъ бѣдъ.

Однако никто не станетъ отрицать, что евреи все же наносили крестьянамъ ущербъ. Но евреи, слѣдуетъ повторить, не какъ таковые подрывали благосостояніе крестьянъ. Они несли съ собою зло, какъ невольные посредники между помѣщиками и крестьянами. И мѣстныя власти прекрасно сознавали это.

Минскій губернаторъ заявилъ, что евреи наносятъ ущеръ крестьянамъ „чрезъ содержаніе по деревнямъ арендъ и чрезъ власть на закупку всѣхъ продуктовъ отъ крестьянъ *многими помѣщиками изъ жадности къ прибыли позволяемую*. .“ Минскій, волынскій и подольскій ген.-губернаторъ гр. Гудовичъ также отмѣтилъ, что „отягощаются поселяне нѣкоторыми помѣщиками, а наипаче поссессорами непозволеніемъ продавать какіе либо продукты свои иначе, какъ еврею, право сіе вмѣстѣ съ винною арендою откупившему...“

Литовскій губернаторъ Фризель, а равно Державинъ также указывали, что крестьяне принуждались покупать все необходимое у помѣщиковъ или ихъ арендаторовъ, и имъ же продавать свои продукты, и въ обоихъ случаяхъ цѣны назначались по прихоти помѣщика, причемъ крестьяне принуждались также и водку покупать въ помѣщичьихъ шинкахъ.

А съ другой стороны, помѣщикъ, пользуясь своей властью надъ евреями, заставлялъ ихъ брать опредѣленное количество водки, и евреямъ невольно приходилось принимать всѣ мѣры чтобы распродать ее. Извѣстенъ случай, когда сенатъ долженъ былъ постановить, что евреевъ нельзя принуждать къ продажѣ питей [1]).

Ясно, что если евреи-арендаторы и корчмари приносили вредъ крестьянину, то зло исходило не отъ нихъ, а отъ помѣщиковъ, во власти и въ интересахъ которыхъ было принуждать крестьянъ вступать въ обязательныя сдѣлки съ арендаторами и брать у нихъ водку. И въ этомъ случаѣ рѣшительно все равно, кто являлся представителемъ помѣщика—еврей

---

[1]) Документы Бершадскаго.

или христіанинъ. И дѣйствительно, въ указахъ 1782 и 1801 г. о выселеніи мѣщанъ изъ уѣздовъ, указахъ, имѣвшихъ въ виду христіанъ, говорилось, что пребывающіе въ уѣздахъ мѣщане пользуются „прибытками крестьянъ съ крайнимъ ихъ утѣсненіемъ". Да и мѣстныя власти въ приведенныхъ отзывахъ не разъ, подобно Державину, ставили на одну доску „мѣщанина, купца и жида" [1]) въ вопросѣ о запрещеніи имъ курить вино и брать различныя аренды. Если немногочисленному христіанскому мѣщанству, жившему въ уѣздахъ, было трудно, какъ мы видимъ, отказаться отъ корчемъ и арендъ, то какія-же затрудненія представлялись въ этомъ отношеніи для многотысячнаго еврейскаго мѣщанскаго сословія, платившаго къ тому же двойныя подати!...

Здѣсь нужно отмѣтить, что помѣщики не всегда обязывали крестьянъ покупать и продавать продукты арендатору, и въ этихъ случаяхъ евреи не только не приносили вреда, но являлись весьма полезнымъ элементомъ въ уѣздѣ. По словамъ подольскихъ маршаловъ „большей частью въ промыслѣ и рукахъ сего народа состоитъ коммерція и *чрезъ нихъ только* знатный вывозъ краевыхъ продуктовъ производится, откуда коммерческій прибытокъ чрезъ нихъ удерживаемый къ земледѣльцамъ и дворянству переходитъ".—Бѣлорусскіе помѣщики, требовавшіе, какъ сообщаетъ Державинъ, чтобы всѣ евреи были выселены изъ уѣздовъ, въ дѣйствительности доносили почти въ то же время губернатору Северину, что евреевъ нужно оставить въ деревняхъ, такъ какъ они приносятъ пользу тѣмъ, что покупаютъ продукты на мѣстѣ у крестьянъ, благодаря чему земледѣлецъ не вынужденъ терять времени и денегъ на поѣздку въ городъ для сбыта произведеній. То же самое говорилъ и кн. Любомирскій, а равно Нота Ноткинъ [2]), указывавшій, что запрещеніе евреямъ содержать на откупѣ помѣщичьи доходы, а въ томъ числѣ и продажу питей, безполезно, такъ какъ крестьяне лишатся тогда возможности безъ потери времени и безъ расходовъ сбывать свои произведенія и покупать все не-

---

[1]) „Всякія же аренды дворянскихъ имѣній купцамъ и мѣщанамъ, христіанскаго ли они закона, или жиды, вовсе запретить". Соч. Державина.

[2]) Въ своемъ второмъ проектѣ, представленномъ непосредственно въ комитетъ 1802 г.

обходимое—имъ самимъ придется ѣздить для этого въ городъ. Впрочемъ и Державинъ не могъ не отмѣтить пользы, которую евреи приносили крестьянамъ, хотя бы тѣмъ, что въ неурожайные годы снабжали ихъ, заимообразно, хлѣбомъ.

Но помимо этого, не надо забывать, что если еврей и отбиралъ у крестьянъ послѣдній кусокъ хлѣба, то онъ его отдавалъ помѣщику, оставляя себѣ въ полномъ смыслѣ слова однѣ крохи.

Къ сожалѣнію, вопросъ объ экономическомъ положеніи евреевъ вовсе не разработанъ, но все же до насъ дошли свѣдѣнія, дающія представленіе объ ужасномъ матеріальномъ положеніи евреевъ. Корчемство, вызывавшее презрѣніе къ евреямъ, превращавшее ихъ въ воображеніи русскихъ людей въ какое-то алчное, ненасытное животное—приносило евреямъ одну нищету. Гр. Гудовичъ говорилъ, что шинкари не имѣютъ „насущнаго съ семействами ихъ пропитанія, поелику по здѣшнему обыкновенію шинкарю платится изъ прибыли отъ продажи вина самая превосходная часть десятая, а по большей части — пятнадцатая". Фризель заявлялъ, что въ корчмахъ сидятъ женщины, а не мужчины, которые „выходятъ на другіе промыслы, поелику доходъ съ шинка часто бываетъ недостаточенъ на ихъ содержаніе".

Истощая крестьянина, еврей не насыщался,—онъ оставался такимъ же нищимъ, какъ и самъ крестьянинъ: все переходило къ помѣщику, и поэтому-то ген.-губ. Гудовичъ нашелъ, что отъ запрещенія евреямъ брать аренды, и въ томъ числѣ аренду питей, нѣтъ „какой-либо общей и особенно для крестьянъ пользы".

Выводъ изъ этихъ данныхъ самъ собою напрашивается. Но я его не сдѣлаю; надо предоставить это тому, чей голосъ о поголовномъ выселеніи евреевъ изъ деревень и селъ былъ услышанъ комитетомъ, тому, чей авторитетъ по сію пору непоколебимо признается нашими врагами—Державину. Въ своемъ „Мнѣніи" Державинъ упорно повторялъ, что евреи виновники бѣдствія крестьянъ; въ этой же запискѣ Державинъ выступилъ съ обвиненіемъ и противъ помѣщиковъ, и противъ самихъ крестьянъ, но эти сужденія разбросаны въ отдѣльныхъ мѣстахъ, и наши недруги выбираютъ изъ Державинскаго колчана лишь стрѣлы, направленныя противъ евреевъ. Но теперь имѣется доку-

ментъ, въ которомъ какъ нельзя яснѣе выраженъ взглядъ Державина на причины бѣдствія крестьянъ.

Вотъ что писалъ (5 іюля 1800 г.) Державинъ частнымъ образомъ Обольянинову по поводу голода въ Бѣлоруссіи: „*Трудно безъ погрѣшенія и по справедливости кого-либо строго обвинять.* Крестьяне пропиваютъ хлѣбъ жидамъ, и оттого терпятъ недостатокъ въ ономъ. Владѣльцы не могутъ воспретить пьянства для того, что *они отъ продажи вина весь доходъ имѣютъ.* А и жидовъ въ полной мѣрѣ обвинять также не можно, что они *для пропитанія своего* извлекаютъ послѣдній отъ крестьянъ кормъ. Словомъ, *надобно бы всѣмъ сохранить умѣренность* и чрезъ то воспользоваться общимъ благоденствіемъ. Но гдѣ же, и кто таковъ, кто бы въ полной мѣрѣ соблюлъ оную? Всякъ себѣ желаетъ больше выгодъ“ [1]).

Эти строки не были извѣстны комитету, но и безъ указанія Державина комитетъ, повторяю, какъ на основаніи опыта сочленовъ-помѣщиковъ, такъ и на основаніи собраннаго матеріала, не могъ не прійти къ одному съ Державинымъ выводу. Никто не сомнѣвался въ томъ, что помѣщики выпускали для продажи крестьянамъ чрезмѣрное количество водки, дабы имѣть средства и для жизни (нерѣдко весьма расточительной), и для уплаты податей; что евреи, взявшіе на себя посредничество въ силу вышеуказанныхъ историческихъ условій, шинковали, чтобы не умереть голодной смертью и чтобы платить *двойныя* противу христіанъ подати; и крестьяне, несчастные, безправные, пили водку, чтобы хоть нѣсколько скрасить свою тяжелую жизнь...

Эти три звена составляли одну неразрывную цѣпь и эта крѣпко скованная цѣпь давила страну своей непомѣрной тяжестью.

Уничтожить всю цѣпь было ни по силамъ, ни въ желаніи комитета. Крупные помѣщики, засѣдавшіе въ комитетѣ, не могли, конечно, подать голосъ въ пользу какого бы то ни было ограниченія власти помѣщика или нарушенія его матеріальныхъ интересовъ. Да и остальные члены комитета не могли, при тогдашнемъ государственномъ строѣ, высказаться за подобныя мѣропріятія: отъ благосостоянія помѣ-

---

[1]) Арх. Сената. Деп. Мин. Юст. 1800 г. № 251.

щика зависѣло благосостояніе всей страны, а власть помѣщика, казалось, поддерживала существующій государственный порядокъ.

„Не можно по справедливости не признать того,—говорилъ Фризель въ своемъ проектѣ еврейской реформы,—что состояніе здѣшнихъ крестьянъ требуетъ во многихъ частяхъ нужнаго исправленія, поелику оные, не имѣя попечительства о благѣ своемъ надзора, остаются крайне угнетенными (т. е. со стороны помѣщиковъ). Но какъ приведеніе въ дѣйствіе сего намѣренія можетъ иногда сей непросвѣщенной части народа внушить *болѣе* покушеній *искать себѣ свободы*, нежели дозволить ему можно пользоваться оною, въ такомъ случаѣ *нужно поступить со всею осторожностью*, чтобы выгоды крестьянамъ и все то, что служить можетъ къ облегченію ихъ жребія, не единовременно, но частями доставляемо было“.

Подобный взглядъ Фризеля являлся въ ту пору крайне либеральнымъ и смѣлымъ: общее мнѣніе было таково, что и „частями“ не должно улучшать положеніе крестьянъ, и комитетъ при такихъ условіяхъ рѣшился на безнадежную попытку: изъ трехъ звеньевъ, составлявшихъ неразрывную тяжелую цѣпь, „удалить одно звено: евреевъ. Изъ трехъ, быть можетъ одинаково невольныхъ, виновниковъ бѣдствій: помѣщика, еврея и крестьянина комитетъ осудилъ одного еврея!.

Такая мѣра, какъ могло казаться съ перваго взгляда, не носила общегосударственнаго характера и осуществленіе ея не должно было нарушить соціально-экономическій укладъ тогдашней жизни.

Это обстоятельство, какъ кажется, разрѣшаетъ ту загадку, которую, въ связи съ первыми словами и дѣйствіями комитета, вызываетъ самый фактъ появленія 34-й статьи.

Внести перемѣны во взаимоотношенія помѣщика и крестьянина комитетъ не могъ и не хотѣлъ. А между тѣмъ, по существу своей задачи, онъ долженъ былъ предложить какую либо реформу; онъ и предложилъ удалить еврея, считая, что это не затрагиваетъ общей государственной жизни.

Напрасно Нота Ноткинъ, принимавшій участіе въ комитетѣ, просилъ объ оставленіи евреевъ на прежнемъ жительствѣ при старыхъ занятіяхъ.

Безплодными остались и ходатайства еврейскихъ обществъ.

Еврейскіе депутаты, вытребованные въ столицу изъ губерній, не согласились выразить одобреніе предложеннымъ комитетомъ мѣрамъ; они попросили, чтобы имъ была дана возможность списаться съ кагалами; тогда комитетъ рѣшилъ сообщить кагаламъ чрезъ посредство губернскаго начальства „главныя статьи положенія“ съ тѣмъ однако, чтобы кагалы, „не дѣлая въ статьяхъ сихъ никакой отмѣны, представили они виды свои къ дополненію ихъ новыми средствами, кои бы къ пользѣ ихъ по мѣстнымъ уваженіямъ принять было можно“. Въ отвѣтъ на это кагалы представили доводы въ пользу того, чтобы евреевъ не лишали права аренды и шинкарства. Но комитетъ, „не видя въ отзывахъ кагаловъ никакихъ уваженій, могущихъ перемѣнить первыя его начала, *тѣмъ болѣе утвердился* въ нихъ и на основаніи ихъ составилъ положеніе“ [1]).

Но возникаютъ вопросы: полагалъ ли комитетъ, что предложенная имъ мѣра встрѣтитъ сочувствіе со стороны государя; надѣялся ли онъ, что къ ея осуществленію не представится затрудненій?

Докладъ комитета свидѣтельствуетъ, что онъ несомнѣнно ожидалъ препятствія: со стороны государя—въ утвержденіи, со стороны дѣйствительной жизни—въ проведеніи на практикѣ предложенной мѣры.

Ничѣмъ инымъ, какъ опасеніемъ поразить государя страшной перспективой принудительныхъ мѣръ, можно объяснить то, что говоря въ докладѣ о запрещеніи евреямъ содержать аренды, курить и продавать водку, комитетъ ни словомъ не обмолвился о другомъ, еще болѣе суровомъ запрещеніи: о запрещеніи проживать въ деревняхъ и селахъ. Предположить же, что эта мѣра не была указана въ проектѣ комитета, а была подсказана государю постороннимъ лицомъ, нѣтъ никакихъ основаній.

Ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же желаніемъ смягчить тяжелое впечатлѣніе, которое должна была произвести 34-ая статья, можно объяснить появленіе въ пояснительномъ докладѣ нижеслѣдующихъ строкъ: „Можно ли назвать мѣру

---

[1]) Изъ всеподданнѣйшаго доклада комитета.

сію (т. е. запрещеніе держать аренды, курить и продавать водку) для нихъ стѣснительною, когда вмѣстѣ съ тѣмъ открывается евреямъ множество другихъ способовъ не только содержать себя въ безбѣдномъ состояніи, но и дѣлать пріобрѣтенія въ земледѣліи, въ фабрикахъ, въ ремеелахъ,— когда вмѣстѣ съ симъ, открывается имъ способъ даже владѣть землею въ собственность [1])? Какимъ образомъ ограниченіемъ одной вѣтви промышленности можетъ быть стѣсненъ сей народъ въ такомъ государствѣ, гдѣ тысячи другихъ для него отверсты, гдѣ удобныя къ хлѣбопашеству и разнымъ заведеніямъ земли въ губерніяхъ плодородныхъ и малонаселенныхъ представляютъ источники богатствъ вѣрныхъ, постоянныхъ и закономъ покровительствуемыхъ, гдѣ отечественныя произведенія призываюъ только руку дѣятельности и трудолюбія, чтобъ основать фабрики столь же прибыточныя, какъ и твердыя? И сверхъ всѣхъ сихъ уваженій въ самомъ положеніи сей мѣры комитетъ принялъ ту снисходительную (?) предосторожность, чтобы дать извѣстное (?) время размѣститься, такъ сказать, дѣятельности сего народа по другимъ частямъ промышленности прежде, нежели запрещеніе сіе его постигнетъ".

Неужели комитетъ искренне вѣрилъ, что достаточно одного мановенія руки правительства, чтобы въ теченіе *двухъ-трехъ* лѣтъ—*десятки тысячъ людей* перемѣнили вѣковой образъ жизни, перешли отъ корчмы къ сохѣ въ безлюдномъ краѣ, и при томъ почти безъ всякой поддержки со стороны правительства? Неужети комитетъ полагалъ, что достаточно одного „разрѣшенія" правительства, чтобы нищіе люди стали „дѣлать пріобрѣтенія въ земледѣліи, въ фабрикахъ, въ ремеслахъ"?

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что комитетъ самъ не вѣрилъ въ возможность осуществленія предложенной имъ мѣры. Не напрасно въ концѣ своего пояснительнаго доклада онъ указывалъ, что „есть множество уваженій, кои одинъ опытъ можетъ во всемъ пространствѣ ихъ открыть и указать способы къ испроверженію тѣхъ *препятствій, коихъ, по необходимости должно ожидать* въ такомъ учрежденіи, которое болѣе, нежели другое, подвержено противодѣй-

[1]) До 1804 г. евреи не могли владѣть землею.

ствію навыка, упрямства, корысти, обольщенія и, наконецъ, слабости исполнителей".

И комитетъ потому именно, какъ кажется, и выступилъ съ такой мѣрой, осуществленіе которой ни для кого не было желательно, что онъ самъ не вѣрилъ въ возможность этого осуществленія. А между тѣмъ, эта мѣра, какъ могло казаться съ перваго взгляда, неминуемо должна была искоренить все зло, и такимъ образомъ получалось, что комитетъ разрѣшилъ предложенную ему задачу.

Ожиданія комитета оправдались. Осуществленіе 34-ой статьи встрѣтило непреодолимыя препятствія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Затрудненія, встрѣтившіяся при выселеніи евреевъ.—Ходатайство виленскаго кагала.—Синедріонъ въ Парижѣ.—Записка кн. Кочубея.—Еврейскій комитетъ 1807 г.—Рескриптъ сенатору Алексѣеву.—Указы губернаторамъ о вызовѣ еврейскихъ депутатовъ.—Указъ 19 октября 1807 г. объ отсрочкѣ выселенія.—Неудача, постигшая новою мѣру.—Записка кн. Куракина.—Указъ 29 декабря 1808 г. о пріостановленіи выселеній.—Еврейскій комитетъ 1809 г.—Докладъ Комитета (1812 г.).—Хронологическая справка.

Выселеніе евреевъ изъ селъ и деревень должно было завершиться въ теченіе трехъ лѣтъ, т. е. къ 1 января 1808 г. Правительство рѣшило оказать поддержку еврейскому населенію предоставленіемъ пустопорожнихъ мѣстъ въ дикой въ то время новороссійской губ., освобожденіемъ переселенцевъ на 10 лѣтъ отъ податей и небольшими ссудами бѣднѣйшимъ изъ нихъ. Нѣкоторыя поощренія были обѣщаны и тѣмъ, кто займется фабричной дѣятельностью.

Конечно, такая поддержка была ничтожна въ сравненіи съ грандіозными расходами, которые въ дѣйствительности требовались перемѣщеніемъ десятковъ тысячъ людей. Физически слабые, обремененные семьями, съ трудомъ снискивавшіе пропитаніе за корчемной стойкой, мало кто изъ евреевъ могъ рѣшиться отправиться въ далекій пустынный край, чтобы взяться за плугъ. Такимъ образомъ, почти вся многотысячная масса, проживавшая въ деревняхъ, должна была на собственныя средства перейти въ города и жить

тамъ въ ожиданіи новыхъ занятій. Легко было предвидѣть, что она превратится въ скитальцевъ и попрошаекъ и ляжетъ тяжелымъ бременемъ на остальное еврейское населеніе. Но помимо сего уже вскорѣ обнаружилось, что правительство не въ силахъ оказать даже ту поддержку, которую оно обѣщало. Въ сравненіи съ массой, подлежавшей выселенію, число евреевъ, пожелавшихъ перейти въ Новороссію, было невелико, но оно оказалось чрезмѣрнымъ для слабыхъ рессурсовъ страны, и, вмѣсто поощренія, правительство было вынуждено начать ставить преграды стихійному стремленію къ переселенію, охватившему часть еврейскаго населенія [1]). Пришлось ввести очередь для переселенцевъ: небольшія партіи отправлялись, остальнымъ предлагалось... ждать, а между тѣмъ началось принудительное выселеніе изъ деревень и селъ со всѣми ужасами насилія. „Слухи и вѣсти о выгодности переселенія распрстранились по всѣмъ еврейскимъ захолустьямъ, а послѣдній срокъ выселенія... изо дня въ день все грознѣе приближался... Не выбравшихся еще добровольно изъ деревень теперь гнали изъ нихъ силою; пожитки неповиновавшихся уничтожали; осѣдлости ихъ разоряли безъ сожалѣнія!.. Евреи молили объ отсрочкѣ, вопили и стонали, но все было напрасно: ихъ безпощадно выпроваживали подъ конвоемъ крестьянъ и даже солдатъ!.. Ихъ загоняли, точно скотъ, въ мѣстечки и городишки, и тамъ, на площадяхъ, подъ открытомъ небомъ, оставляли размышлять о превратностяхъ судьбы!.. Въ пылу отчаянія они подавали всѣмъ властямъ цѣлыми кипами слезныя прошенія о безотлагательномъ переводѣ ихъ въ земледѣльцы, въ Новороссію...“ [2]).

Положеніе было критическое. Кн. Кочубей, вѣдавшій дѣло переселенія, лучше всѣхъ сознавалъ безсиліе правительства предъ напоромъ переселенческой волны и вытекавшую изъ сего необходимость пріостановить массовое выселеніе.

Но могъ-ли онъ донести государю о несостоятельности 34-ой статьи, въ разработкѣ которой онъ самъ принималъ участіе, какъ членъ комитета 1802 г.? И могло-ли прави-

---

[1]) В. Никитинъ. Евреи-земледѣльцы.

[2]) Тамъ-же.

тельство безъ ущерба для своего престижа пріостановить выселеніе по собственной иниціативѣ?—Два обстоятельства облегчили затруднительное положеніе правительства.

Въ это время виленскій кагалъ обратился къ государю съ прошеніемъ, въ которомъ, изъясняя „разныя затрудненія, предстоящія въ исполненіи Положенія", просилъ объ отсрочкѣ выселенія [1]), и это ходатайство, надо думать, дало толчекъ къ возбужденію указаннаго вопроса. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ найденъ фиговый листъ, которымъ можно было прикрыть дѣйствительныя причины неудачи, постигшей принудительное выселеніе. Какъ сообщаетъ Оршанскій—очевидно, цитатой изъ современнаго документа—„Государь Императоръ повелѣлъ по случаю того, что Бонапартъ созвалъ въ Парижѣ собраніе представителей евреевъ, имѣющее главной цѣлью дать евреямъ разныя преимущества и связать евреевъ всей Европы, созвать особый Комитетъ для обсужденія того, не требуетъ ли это обстоятельство принятія какихъ либо особыхъ мѣръ относительно русскихъ евреевъ" [2]). Въ составъ вновь образованнаго Комитета вошли Кочубей, Чарторыжскій и министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Будбергъ.—Послѣдній не нашелъ никакой связи между созывомъ въ Парижѣ Синедріона и выселеніемъ евреевъ изъ деревень. Онъ высказался за то, чтобы, не взирая ни на какія обстоятельства, Положеніе было исполнено въ строгости [3]), но кн. Кочубей (а вмѣстѣ съ нимъ и Чарторыжскій) былъ другого мнѣнія, и 10 февраля 1807 г. онъ представилъ по этому поводу записку государю. Указывая въ ней, что „сомнѣнія въ томъ никакого быть не можетъ, что правительство всѣми мѣрами должно удерживать постановленія свои", кн. Кочубей вмѣстѣ съ тѣмъ обращалъ вниманіе на то, что „нельзя отрицать, чтобы оно (правительство) не могло найтисъ въ необходимости отступить иногда отъ правила сего", и потому онъ полагалъ бы необходимымъ „дать отсрочку къ переселенію

---

[1]) I Департ. Сената. 1804 г. № 423. Виленскій кагалъ, а за нимъ и другія еврейскія общества, ходатайствуя объ отсрочкѣ выселенія, просили одновременно и объ измѣненіи другихъ статей Положенія, и въ дальнѣйшемъ правительство совокупно разсматривало эти просьбы.

[2]) Русск. Закон. о евреяхъ ст. 271.—Указъ объ учрежденіи комитета послѣдовалъ 24 августа 1806 г. См. Акад. изд. сочин. Державина.

[3]) Оршанскій. Русск. Зак. о евреяхъ.

евреевъ изъ деревень въ города и мѣстечки, поставивъ вообще націю сію въ осторожность противъ намѣреній французскаго правительства“ [1]).

Повидимому, ссылка на намѣренія французскаго правительства должна была лишь замаскировать дѣйствительное положеніе вещей; если созывъ Синедріона и внушалъ нѣкоторыя опасенія (въ этомъ смыслѣ былъ разосланъ циркуляръ начальникамъ западныхъ губерній), то все-же при разрѣшеніи вопроса о выселеніи евреевъ принимались во вниманіе обстоятельства совсѣмъ иного характера, и о намѣреніяхъ французскаго правительства не только ничего не говорится въ позднѣйшихъ документахъ, но и въ запискѣ самого кн. Кочубея въ оправданіе отсрочки выселенія приведены весьма вѣскіе мотивы, ничего общаго не имѣющіе съ парижскимъ событіемъ.

Кн. Кочубей указывалъ, что евреи могли бы быть *частью* переселены въ города и мѣстечки, но значительное число мѣстечекъ носитъ одно только такое названіе, въ дѣйствительности-же въ нѣкоторыхъ изъ нихъ „нѣтъ ни промысловъ, ни торговъ и никакихъ другихъ къ пропитанію способовъ“ и что переселенцы не могли бы найти тамъ даже убѣжища „а тѣмъ менѣе могутъ по бѣдности сами себѣ выстроить дома“. Кочубей также заявлялъ, что нѣкоторые города и мѣстечки, населенные главнымъ образомъ евреями, выгорѣли, и евреи-погорѣльцы не только не въ силахъ оказать гостепріимство единовѣрцамъ, выселяемымъ изъ деревень, но сами вынуждены направляться въ деревни, а такъ какъ ихъ туда не пускаютъ, то они “бродятъ и скитаются“.

Наряду съ этимъ не представлялось возможнымъ дать источники пропитанія тѣмъ, кто, согласно видамъ правительства, желалъ обратиться къ фабричной дѣятельности, такъ какъ фабрикъ казенныхъ не было и „правительство не могло еще сдѣлать о семъ никакого особаго распорядка“; что касается частныхъ фабрикъ, то ихъ было такъ мало, „что только развѣ нѣсколько евреевъ могли бы въ иныхъ найти пристанище“.

Столь-же печально обстояло дѣло и съ переселеніемъ

---

[1]) Русск. Архивъ, 1903 г. кн. II Докладъ Комитета 1809 г.

евреевъ на казенныя земли. „Удовлетвореніе требованій изъявившихъ желаніе перейти на казенныя землю не только потому неудобно,—говорилъ кн. Кочубей,—что казна должна бы была сдѣлать весьма знатное для сего пожертвованіе въ виду невѣрнаго еще успѣха, но и совсѣмъ невозможно: въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ евреи жительствуютъ, нѣтъ совсѣмъ почти казенныхъ свободныхъ земель". Въ видѣ примѣра Кочубей указывалъ, что въ гродненской губерніи имѣлось свободныхъ земель всего 200 десятинъ, между тѣмъ въ первый же годъ о переводѣ на казенныя земли просило нѣсколько сотъ семействъ. Что же касается переселенія въ Новороссію, то, какъ это видно изъ другихъ источниковъ,—ген.-губернаторъ Воронцовъ находилъ возможнымъ поселить въ годъ не болѣе 200 семействъ, а молившихъ о переводѣ въ Новороссію были тысячи семействъ. „Вообще,—добавлялъ кн. Кочубей,—ни сами они (т. е. евреи) не могутъ имѣть способовъ, оставивъ нынѣшнія жилища по селамъ, деревнямъ и корчмамъ, найти оныя себѣ въ иныхъ мѣстахъ, ни правительство не можетъ въ томъ имъ подать никакого пособія" [1]).

Записка кн. Кочубея была высочайше утверждена и вслѣдъ затѣмъ былъ образованъ особый комитетъ для разсмотрѣнія указаннаго вопроса. Кромѣ Кочубея, Чарторыжскаго и Будберга, въ этотъ комитетъ вошли бывшіе члены комитета 1802 г., Лопухинъ и Потоцкій, а равно гр. Чацкій и Новосильцевъ [2]).

Казалось, что обстоятельства, отмѣченныя кн. Кочубеемъ, должны были склонить правительство къ отмѣнѣ 34-ой статьи Положенія, требовавшей выселенія евреевъ изъ селъ и деревень, или къ временной пріостановкѣ выселенія. Но правительство не желало отказаться отъ мысли освободить во что бы то ни стало уѣздъ отъ евреевъ. Оно готово было

---

[1]) Эти строки заимствованы изъ одного позднѣйшаго документа, именно доклада кн. Куракина, замѣстившаго кн. Кочубея на посту министра вн. дѣлъ. Но, какъ сообщалъ комитетъ 1809 г., выставленныя Куракинымъ причины необходимости отсрочить выселеніе „суть почти всѣ тѣ же", на какія указалъ кн. Кочубей.

[2]) Докладъ комитета 1809 г.—Оршанскій полагаетъ, что это былъ тотъ же комитетъ, который раньше разсматривалъ вопросъ о Синедріонѣ.

въ крайнемъ случаѣ смягчить суровую мѣру, но не отмѣнить ее. Въ этомъ именно смыслѣ и былъ составленъ высочайшій рескриптъ 15 февраля 1807 г. на имя тайн. сов. сенатора Алексѣева.

„При обозрѣніи способовъ продовольствія пограничныхъ губерній, состояніе евреевъ въ нихъ обитающихъ, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя ваше вниманіе. Вамъ извѣстно Положеніе, въ 1804 г. о людяхъ сихъ изданное. По силѣ сего Положенія къ 1808 г. предназначено всѣхъ евреевъ изъ деревень вывести и предоставить имъ жительство въ однихъ городахъ и мѣстечкахъ. На сей конецъ тогда же возвѣщено имъ было, чтобъ къ сроку сему они переселялись въ другія губерніи на казенныя земли, если въ городахъ и мѣстечкахъ помѣститься не могутъ.

„Но съ того времени доселѣ переселеніе сіе не воспріяло еще своего дѣйствія, а между тѣмъ наступившая война, озаботивъ помѣщиковъ тѣхъ деревень, гдѣ евреи нынѣ обитаютъ, многими другими обязанностями, можетъ еще и болѣе затруднить исполненіе сего предположенія къ означенному сроку.

„Отъ Виленскаго еврейскаго кагала принесены уже просьбы объ отсрочкѣ сего переселенія.

„Хотя съ одной стороны причины, на коихъ мѣра сія въ Положеніи 1804 г. была основана, весьма уважительны и отмѣна или отложеніе ея вдаль можетъ имѣть великія неудобства, но съ другой стороны, нельзя не принять во вниманіе краткость остающагося къ переселенію срока, военныя обстоятельства, настоящее положеніе пограничныхъ губерній и разореніе, каковое евреи понести должны, если силою понуждены они будутъ къ переселенію.

По симъ причинамъ прежде, нежели можно будетъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ сего понужденія, Я призналъ нужнымъ удостовѣриться, до какой степени мѣстныя обстоятельства могутъ нынѣ способствовать или затруднить переселеніе евреевъ.

Возлагая на васъ пріобрѣсти на мѣстѣ сіе удостовѣреніе, Я поручаю вамъ, войдя въ разсмотрѣніе способовъ, кои могутъ имѣть евреи, чтобъ въ 1808 г. изъ деревень переселиться; если найдете вы сіе возможнымъ и съ настоящими обстоятельствами того края совмѣстнымъ, то вы не оставите

евреевъ на казенныя земли. „Удовлетвореніе требованій изъявившихъ желаніе перейти на казенныя землю не только потому неудобно,—говорилъ кн. Кочубей,—что казна должна бы была сдѣлать весьма знатное для сего пожертвованіе въ виду невѣрнаго еще успѣха, но и совсѣмъ невозможно: въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ евреи жительствуютъ, нѣтъ совсѣмъ почти казенныхъ свободныхъ земель". Въ видѣ примѣра Кочубей указывалъ, что въ гродненской губерніи имѣлось свободныхъ земель всего 200 десятинъ, между тѣмъ въ первый же годъ о переводѣ на казенныя земли просило нѣсколько сотъ семействъ. Что же касается переселенія въ Новороссію, то, какъ это видно изъ другихъ источниковъ,—ген.-губернаторъ Воронцовъ находилъ возможнымъ поселить въ годъ не болѣе 200 семействъ, а молившихъ о переводѣ въ Новороссію были тысячи семействъ. „Вообще,—добавлялъ кн. Кочубей,—ни сами они (т. е. евреи) не могутъ имѣть способовъ, оставивъ нынѣшнія жилища по селамъ, деревнямъ и корчмамъ, найти оныя себѣ въ иныхъ мѣстахъ, ни правительство не можетъ въ томъ имъ подать никакого пособія" [1]).

Записка кн. Кочубея была высочайше утверждена и вслѣдъ затѣмъ былъ образованъ особый комитетъ для разсмотрѣнія указаннаго вопроса. Кромѣ Кочубея, Чарторыжскаго и Будберга, въ этотъ комитетъ вошли бывшіе члены комитета 1802 г., Лопухинъ и Потоцкій, а равно гр. Чацкій и Новосильцевъ [2]).

Казалось, что обстоятельства, отмѣченныя кн. Кочубеемъ, должны были склонить правительство къ отмѣнѣ 34-ой статьи Положенія, требовавшей выселенія евреевъ изъ селъ и деревень, или къ временной пріостановкѣ выселенія. Но правительство не желало отказаться отъ мысли освободить во что бы то ни стало уѣздъ отъ евреевъ. Оно готово было

---

[1]) Эти строки заимствованы изъ одного позднѣйшаго документа, именно доклада кн. Куракина, замѣстившаго кн. Кочубея на посту министра вн. дѣлъ. Но, какъ сообщалъ комитетъ 1809 г., выставленныя Куракинымъ причины необходимости отсрочить выселеніе „суть почти всѣ тѣ же", на какія указалъ кн. Кочубей.

[2]) Докладъ комитета 1809 г.—Оршанскій полагаетъ, что это былъ тотъ же комитетъ, который раньше разсматривалъ вопросъ о Синедріонѣ.

другому средству, чтобы внушить представителямъ мѣстной власти, а также—и это было главной цѣлью—самому еврейскому обществу мысль о соотвѣтствующемъ ходатайствѣ предъ правительствомъ. Вслѣдъ за рескриптомъ Алексѣеву послѣдовалъ слѣдующій высочайшій указъ на имя начальниковъ западныхъ губерній.

„Отъ Еврейскаго Виленскаго кагала принесено Намъ прошеніе, въ коемъ между прочимъ изъясняются разныя затрудненія, предстоящія въ исполненіи Положенія, въ 1804 г. о евреяхъ изданнаго.

„Желая дать подданнымъ Нашимъ еврейскаго народа новое доказательство попеченія Нашего о ихъ благосостояніи, Мы признали за благо дозволить всѣмъ еврейскимъ обществамъ, въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Кіевской, Минской, Подольской, Волынской, Витебской и Могилевской существующимъ, избрать депутатовъ и представить, посредствомъ ихъ, начальникамъ тѣхъ губерній, гдѣ они живутъ, о способахъ, кои сами они признаютъ болѣе удобными къ успѣшнѣйшему исполненію мѣръ, въ Положеніи 9 декабря 1804 г. изображенныхъ, и о средствахъ, каковыя приняты быть могутъ, безъ отмѣны сего Положенія, къ лучшему ихъ устройству на будущее время.

„Поручая вамъ сію общую мѣру привести по ввѣренной вамъ губерніи въ надлежащее исполненіе, повелѣваемъ о всемъ томъ, что отъ депутатовъ сихъ къ вамъ представлено будетъ, съ замѣчаніями вашими на каждую статью, въ свое время Намъ донести“ [1]).

Вслѣдствіе этого указа евреи произвели выборы, и объясненія ихъ депутатовъ, представленныя чрезъ посредство губернаторовъ государю, были переданы въ комитетъ. Но депутаты не ограничились такого рода оффиціальнымъ ходатайствомъ; они старались и частнымъ путемъ вызвать въ правительственныхъ сферахъ сочувствіе къ несчастнымъ единовѣрцамъ. Такъ, сохранилось свѣдѣніе о томъ, что депутаты обратились за защитой къ извѣстному государственному дѣятелю, гр. Мордвинову, всегда оказывавшему евреямъ покровитель-

---

[1]) Указы приведеннаго содержанія отъ 19 февраля 1807 г. были разосланы начальникамъ губерній, упомянутыхъ въ самомъ указѣ. 1 Деп. Сената. 1804 г. Дѣло № 423.

силою сего подтвердить всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, чтобъ общее Положеніе о евреяхъ приводимо было повсемѣстно въ точное исполненіе.

„Если же вы найдете, что предположеніе сіе безъ крайняго разоренія къ назначенному сроку по настоящимъ обстоятельствамъ и среди разныхъ необходимыхъ заботъ, край сей нынѣ тяготящихъ, совершиться не можетъ, тогда вы представите Мнѣ какъ о дѣйствительныхъ причинахъ сей невозможности, такъ и о средствахъ, коими бы можно было по крайней мѣрѣ постепенно привести во исполненіе тѣ виды, кои въ Положеніи о евреяхъ для пользы края и для лучшаго ихъ самихъ устройства были поставлены"... [1])

Такимъ образомъ вопросъ о выселеніи былъ предрѣшенъ. Возможность пріостановленія дѣйствія 34-ой статьи, даже только кратковременнаго, была совершенно устранена, Предстояло одно изъ двухъ; или приступить къ „рѣшительнымъ мѣрамъ понужденія", или-же выработать новый планъ *постепеннаго* и вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывнаго переселенія. Подобный планъ долженъ былъ отдалить срокъ полнаго освобожденія деревень отъ евреевъ; это противорѣчило желанію правительства, но правительство предвидѣло неизбѣжность этой отсрочки, и чтобы таковая не была объяснена его слабостью, оно стало дѣйствовать въ такомъ направленіи, чтобы иниціатива смягченія 34-ой статьи явилась со стороны, чтобы этотъ вопросъ былъ поднятъ какъ бы помимо желанія правительства. Уже рескриптъ сенатору Алексѣеву указывалъ необходимость такого смягченія: „нельзя не принять во вниманіе краткость остающагося къ переселенію срока, военныя обстоятельства, настоящее положеніе пограничныхъ губерній и разореніе, каковое евреи понести должны, если силою понуждены они будутъ къ переселенію", и эти слова не могли не стать извѣстными начальникамъ западныхъ губерній, разъ Алексѣевъ туда отправлялся, чтобы тамъ, на мѣстѣ, ознакомиться съ положеніемъ дѣла,

Но помимо сего, правительство тогда-же прибѣгло и къ

---

[1]) Этотъ документъ, объясняющій дальнѣйшее развитіе интересующаго насъ вопроса, случайно сохранился среди постороннихъ документовъ: 1 Деп. Сената. 1804 г. Дѣло № 423.

правительственную поддержку переселенцамъ, въ виду отсутствія необходимыхъ для этого грандіозныхъ средствъ. И нельзя допустить мысли, чтобы комитетъ, подробно ознакомившійся съ богатымъ матеріаломъ, даннымъ самой жизнью, полагалъ будто правительство въ ближайшіе годы, несмотря къ тому же на тяжелое военное время, настолько разовьетъ свои экономическія силы, что съумѣетъ и построить нужныя фабрики, и найти средства для перемѣщенія многотысячнаго населенія. Комитетъ не могъ надѣяться, чтобы кратковременная отсрочка устранила противорѣчіе между требованіемъ 34-ой статьи и условіями дѣйствительной жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ границахъ возложенной на него задачи, онъ не могъ предложить ничего иного, какъ только *временно* облегчить участь еврейскаго населенія; составленный въ этомъ смыслѣ вышеупомянутый журналъ комитета отъ 19 сентября 1807 г. былъ высочайше утвержденъ, а затѣмъ 19 октября того же года указомъ на имя каменецъ-подольскаго военнаго губернатора Эссена, было повелѣно, соотвѣтственно сему, измѣнить условія переселенія евреевъ изъ деревень [1]).

„...Разныя обстоятельства, съ бывшей войною сопряженныя, — говорилось въ указѣ, — затруднили исполненіе сей мѣры (т. е. переселенія). По дошедшимъ къ Намъ о семъ донесеніямъ мѣстныхъ начальствъ и прошеніямъ, принесеннымъ отъ разныхъ еврейскихъ обществъ, признали Мы нужнымъ, собравъ въ губерніяхъ, гдѣ евреи обитаютъ, депутатовъ, истребовать чрезъ гражданскихъ губернаторовъ подробнѣйшихъ отъ нихъ объясненій о способахъ привести, сколь можно успѣшнѣе, Положеніе о евреяхъ въ точное исполненіе.

„Въ объясненіяхъ, вслѣдствіе сего отъ нихъ вышедшихъ, представляемо было между прочимъ, что помѣщики пограничныхъ губерній, гдѣ наиболѣе евреи имѣютъ жительство, бывъ заняты въ теченіе сего времени отправленіемъ разныхъ временныхъ и необычайныхъ повинностей, не могли сдѣлать никакихъ распоряженій къ переселенію людей сихъ въ назначенный срокъ; что по тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ и сами евреи, *по крайней бѣдности большей*

---

[1]) П. С. 3 т. 29 № 22651.

ихъ части, при платежѣ двойныхъ податей и при возвысившихся на хлѣбъ и другія потребности цѣнахъ, не могли среди отправленія разныхъ повинностей, войною усугубленныхъ, принять достаточныхъ мѣръ къ пріисканію земель, къ заведенію фабрикъ и къ совершенію перехода ихъ изъ селъ и деревень. Представляя сіи причины, депутаты еврейскихъ обществъ просили переселеніе евреевъ отсрочить на нѣсколько лѣтъ..."

Правительство, такимъ образомъ, не выставило дѣйствительныхъ причинъ, препятствовашихъ осуществленію 34-ой статьи:—все было объяснено условіями военнаго времени и предстоявшая новая мѣра была мотивирована, главнымъ образомъ, ходатайствомъ еврейскихъ обществъ [1]).

Согласно указу на имя Эссена, съ 1-го января 1808 г. должно было „безъ отлагательства малѣйшаго и послабленія" начаться переселеніе евреевъ *частями* съ такимъ расчетомъ, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ оно было совершенно закончено. Для успѣшнаго выполненія этого плана въ губерніяхъ были учреждены особые комитеты изъ дворянъ, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, и эти комитеты должны были *предлагать кагаламъ* дѣлать для цѣли переселенія денежныя складки, побуждать помѣщиковъ основывать на своихъ земляхъ колоніи изъ евреевъ, *поощрять богатыхъ евреевъ* къ устройству фабрикъ, а равно заботиться о томъ, чтобы казна своевременно отпускала средства, потребныя для переселенія неимущихъ...

„Слова и иллюзіи исчезаютъ. Факты остаются". Слова, обѣщавшія въ указѣ поощреніе и содѣйствіе, такъ же какъ и надежды на безпрепятственное осуществленіе новаго плана, не могли пойти, и не пошли дальше бумаги, на которую они были занесены; они оказались безсильными въ борьбѣ съ дѣйствительной жизнью: нищета еврейскаго населенія и низкій уровень экономическаго развитія страны

---

[1]) Любопытно, что правительство такъ стремилось завѣрить общество, будто смягченіе 34-й статьи было вызвано ходатайствомъ евреевъ, что оно даже допустило неточность: оно указывало, что созывъ депутатовъ послѣдовалъ вслѣдствіе прошеній разныхъ еврейскихъ обществъ, между тѣмъ, въ то время объ отсрочкѣ просилъ одинъ только виленскій кагалъ. Другія же ходатайстаа стали поступать лишь послѣ указа о созывѣ депутатовъ.

правительственную поддержку переселенцамъ, въ виду отсутствія необходимыхъ для этого грандіозныхъ средствъ. И нельзя допустить мысли, чтобы комитетъ, подробно ознакомившійся съ богатымъ матеріаломъ, даннымъ самой жизнью, полагалъ будто правительство въ ближайшіе годы, несмотря къ тому же на тяжелое военное время, настолько разовьетъ свои экономическія силы, что съумѣетъ и построить нужныя фабрики, и найти средства для перемѣщенія многотысячнаго населенія. Комитетъ не могъ надѣяться, чтобы кратковременная отсрочка устранила противорѣчіе между требованіемъ 34-ой статьи и условіями дѣйствительной жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ границахъ возложенной на него задачи, онъ не могъ предложить ничего иного, какъ только *временно* облегчить участь еврейскаго населенія; составленный въ этомъ смыслѣ вышеупомянутый журналъ комитета отъ 19 сентября 1807 г. былъ высочайше утвержденъ, а затѣмъ 19 октября того же года указомъ на имя каменецъ-подольскаго военнаго губернатора Эссена, было повелѣно, соотвѣтственно сему, измѣнить условія переселенія евреевъ изъ деревень [1]).

„...Разныя обстоятельства, съ бывшей войною сопряженныя, — говорилось въ указѣ, — затруднили исполненіе сей мѣры (т. е. переселенія). По дошедшимъ къ Намъ о семъ донесеніямъ мѣстныхъ начальствъ и прошеніямъ, принесеннымъ отъ разныхъ еврейскихъ обществъ, признали Мы нужнымъ, собравъ въ губерніяхъ, гдѣ евреи обитаютъ, депутатовъ, истребовать чрезъ гражданскихъ губернаторовъ подробнѣйшихъ отъ нихъ объясненій о способахъ привести, сколь можно успѣшнѣе, Положеніе о евреяхъ въ точное исполненіе.

„Въ объясненіяхъ, вслѣдствіе сего отъ нихъ вышедшихъ, представляемо было между прочимъ, что помѣщики пограничныхъ губерній, гдѣ наиболѣе евреи имѣютъ жительство, бывъ заняты въ теченіе сего времени отправленіемъ разныхъ временныхъ и необычайныхъ повинностей, не могли сдѣлать никакихъ распоряженій къ переселенію людей сихъ въ назначенный срокъ; что по тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ и сами евреи, *по крайней бѣдности большей*

---

[1]) П. С. 3 т. 29 № 22651.

мѣстахъ „до дальнѣйшаго впредь повелѣнія". А спустя еще нѣсколько дней, 5 января 1809 г., послѣдовалъ указъ на имя дѣйств. тайн. сов. Попова объ учрежденіи новаго комитета для разсмотрѣнія вопроса о выселеніи.

„Намѣреніе Мое,—говорилось въ указѣ,—въ томъ состоитъ, чтобъ всѣ вообще препятствія и затрудненія, въ переселеніи евреевъ встрѣтившіяся, были въ совокупности разсмотрѣны, дабы *на сихъ окончательныхъ соображеніяхъ* можно уже было основать положительныя по сему отношенію мѣры". Среди прочихъ матеріаловъ указъ предписывалъ комитету принять во вниманіе истребованныя въ свое время мнѣнія еврейскихъ депутатовъ.

Въ составъ комитета 1809 г. вошли дѣйств. тайн. сов. В. С. Поповъ, сенаторъ Алексѣевъ, ознакомившійся на мѣстѣ съ подлежащимъ вопросомъ, товарищъ министра внутр. дѣлъ Козодавлевъ, который въ теченіе многихъ лѣтъ, въ качествѣ сенатора, разрѣшалъ разнообразные вопросы еврейской жизни, графъ Потоцкій, замѣщенный впослѣдствіи бывшимъ минскимъ губернатомъ Карнѣевымъ, утверждавшимъ, что евреи не могутъ превратиться въ земледѣльцевъ, и ст. сов. Дружининъ.

Задача комитета, по словамъ указа, заключалась въ томъ, чтобы „изыскать мѣры, посредствомъ коихъ евреи, бывъ удалены отъ единственнаго ихъ промысла продажи вина по селамъ, деревнямъ, постоялымъ дворамъ и шинкамъ, могли бы себѣ доставлять пропитаніе работою". Но возникаетъ вопросъ: въ чемъ могли заключаться эти мѣры, когда по словамъ этого же указа „невозможность сія (т. е. переселеніе) не отъ чего иного главнѣйше происходитъ, какъ только отъ того, что *евреи по нищетѣ* ихъ, не имѣютъ сами способовъ, оставивъ настоящія ихъ жительства, устроиться и обзавестись въ новыхъ состояніяхъ, кои избирать они должны. *Правительство* равнымъ образомъ *не можетъ принять на себя водвореніе* всѣхъ ихъ на новыхъ мѣстахъ".

Ясно, что комитетъ имѣлъ предъ собою одинъ выходъ: отмѣнить выселеніе.

Но евреи, измученные событіями послѣднихъ лѣтъ, не могли освободиться отъ тревожнаго опасенія, что затишье, наступившее съ временнымъ пріостановленіемъ выселенія, смѣнится вскорѣ новой грозой. Къ тому же

[illegible] обязать [illegible] исполнительный указъ 29 [illegible] 1882 г. въ томъ смыслѣ, что онъ разрѣшалъ [illegible] проживать въ деревняхъ безъ права винной торговли и [illegible] лишь, оставаясь на своихъ мѣстахъ, [illegible] не имѣя исключительно пропитанія, испытывали страшную нужду. Правда, много отягчали неправильныя дѣйствія [illegible], но все это печально отражалось на матеріальномъ положеніи еврейскаго населенія. Еврейскіе „поборники" не перестаютъ обращаться къ министру внутреннихъ дѣлъ и [illegible] комитета. Помимо съ прошеніями, на которыя [illegible] большей или меньшей силою въ выраженіи [illegible] тяжкое стѣсненное положеніе и совершенное разорреніе общаго еврейскаго народа, сильно отъ долгосрочнаго нестроенія его участи, сильно отъ нарушенія его правъ"... подтверждающаго о подтвержденіи указа, разрѣшающаго евреямъ жить въ деревняхъ, занимаясь прежними промыслами"[1]).

Комитетъ работалъ въ теченіе трехъ лѣтъ и 17 марта 1886 г. онъ подносилъ обширный всеподданнѣйшій докладъ[2]).

По словамъ Ораниенскаго, этотъ докладъ „составляетъ замѣчательнѣйшее явленіе въ исторіи нашихъ законодательныхъ работъ по еврейскому вопросу: онъ отличается разносторонностью, практичностью и чрезвычайно здравыми экономическими воззрѣніями".

Дѣйствительно, докладу присущи качества, отмѣченныя Ораниенскимъ. Но главное значеніе этого документа заключается въ томъ, что онъ явился результатомъ коллективной мысли. Въ рѣшеніи поставленнаго вопроса комитетъ внесъ много справедливости и добрыхъ чувствъ, но онъ не обосновалъ своего рѣшенія новыми фактами и не пришелъ къ новымъ либо новымъ выводамъ, онъ лишь подвелъ итогъ, *[illegible] итогъ*—въ этомъ громадная заслуга членовъ комитета—старымъ матеріаламъ и выводамъ. Ознакомившись съ матеріаломъ, собиравшемся въ теченіе 25 лѣтъ и по роду

---

[1]) Надо думать, что сильную поддержку въ это время оказалъ евреямъ находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ Поповымъ графъ Мордвиновъ.

[2]) Кн. Голицынъ указываетъ, что докладъ былъ составленъ сен. Алексѣевымъ.

мѣстахъ „до дальнѣйшаго впредь повелѣнія". А спустя еще нѣсколько дней, 5 января 1809 г., послѣдовалъ указъ на имя дѣйств. тайн. сов. Попова объ учрежденіи новаго комитета для разсмотрѣнія вопроса о выселеніи.

„Намѣреніе Мое,—говорилось въ указѣ,—въ томъ состоитъ, чтобъ всѣ вообще препятствія и затрудненія, въ переселеніи евреевъ встрѣтившіяся, были въ совокупности разсмотрѣны, дабы *на сихъ окончательныхъ соображеніяхъ* можно уже было основать положительныя по сему отношенію мѣры". Среди прочихъ матеріаловъ указъ предписывалъ комитету принять во вниманіе истребованныя въ свое время мнѣнія еврейскихъ депутатовъ.

Въ составъ комитета 1809 г. вошли дѣйств. тайн. сов. В. С. Поповъ, сенаторъ Алексѣевъ, ознакомившійся на мѣстѣ съ подлежащимъ вопросомъ, товарищъ министра внутр. дѣлъ Козодавлевъ, который въ теченіе многихъ лѣтъ, въ качествѣ сенатора, разрѣшалъ разнообразные вопросы еврейской жизни, графъ Потоцкій, замѣщенный впослѣдствіи бывшимъ минскимъ губернатомъ Карнѣевымъ, утверждавшимъ, что евреи не могутъ превратиться въ земледѣльцевъ, и ст. сов. Дружининъ.

Задача комитета, по словамъ указа, заключалась въ томъ, чтобы „изыскать мѣры, посредствомъ коихъ евреи, бывъ удалены отъ единственнаго ихъ промысла продажи вина по селамъ, деревнямъ, постоялымъ дворамъ и шинкамъ, могли бы себѣ доставлять пропитаніе работою". Но возникаетъ вопросъ: въ чемъ могли заключаться эти мѣры, когда по словамъ этого же указа „невозможность сія (т. е. переселеніе) не отъ чего иного главнѣйше происходитъ, какъ только отъ того, что *евреи по нищетѣ* ихъ, не имѣютъ сами способовъ, оставивъ настоящія ихъ жительства, устроиться и обзавестись въ новыхъ состояніяхъ, кои избирать они должны. *Правительство* равнымъ образомъ *не можетъ принять на себя водвореніе* всѣхъ ихъ на новыхъ мѣстахъ".

Ясно, что комитетъ имѣлъ предъ собою одинъ выходъ: отмѣнить выселеніе.

Но евреи, измученные событіями послѣднихъ лѣтъ, не могли освободиться отъ тревожнаго опасенія, что затишье, наступившее съ временнымъ пріостановленіемъ выселенія, смѣнится вскорѣ новой грозой. Къ тому же

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ власти истолковывали указъ 29 декабря 1808 г. въ томъ смыслѣ, что онъ разрѣшалъ евреямъ проживать въ деревняхъ безъ права винной торговли, и благодаря этому, оставаясь на своихъ мѣстахъ, евреи, не имѣя источниковъ пропитанія, испытывали страшную нужду. Правда, сенатъ отмѣнялъ неправильныя дѣйствія мѣстныхъ, властей, но все это печально отражалось на матеріальномъ положеніи еврейскаго населенія. И еврейскіе „повѣренные" не переставали обращаться къ министру внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателю комитета Попову съ прошеніями, въ которыхъ „съ большей или меньшей силою въ выраженіяхъ описывая крайне стѣсненное положеніе и совершенное разореніе цѣлаго еврейскаго народа, сколько отъ долговременнаго неустроенія его участи, столько отъ нарушенія его правъ"... ходатайствовали о подтвержденіи указа, разрѣшавшаго евреямъ жить въ деревняхъ, занимаясь прежними промыслами [1]).

Комитетъ работалъ въ теченіе трехъ лѣтъ и 17 марта 1812 г. онъ подписалъ обширный всеподданнѣйшій докладъ [2]).

По словамъ Оршанскаго, этотъ докладъ „составляетъ замѣчательнѣйшее явленіе въ исторіи нашихъ законодательныхъ работъ по еврейскому вопросу: онъ отличается разносторонностью, практичностью и чрезвычайно здравыми экономическими воззрѣніями".

Дѣйствительно, докладу присущи качества, отмѣченныя Оршанскимъ. Но главное значеніе этого документа заключается въ томъ, что онъ явился результатомъ коллективной мысли. Въ рѣшеніе поставленнаго вопроса комитетъ внесъ много справедливости и добрыхъ чувствъ, но онъ не обосновалъ своего рѣшенія новыми фактами и не пришелъ къ какимъ либо новымъ выводамъ, онъ лишь подвелъ итогъ, *правильный итогъ*—въ этомъ громадная заслуга членовъ комитета—старымъ матеріаламъ и выводамъ. Ознакомившись съ матеріаломъ, собиравшемся въ теченіе 25 лѣтъ и по роду

---

1) Надо думать, что сильную поддержку въ это время оказалъ евреямъ находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ Поповымъ графъ Мордвиновъ.

2) Кн. Голицынъ указываетъ, что докладъ былъ составленъ сен. Алексѣевымъ.

ныхъ мѣстечкахъ и даже въ помѣщичьихъ, по условіямъ съ помѣщиками,

Крестьянинъ, равнымъ образомъ, привыкшій доставать подъ руками всѣ домашнія необходимости, напр., косы, посуду, желѣзо, соль и пр. (ибо въ каждомъ селеніи у еврея можно было найти все то же, что и въ мѣстечкѣ), долженъ нынѣ, при встрѣтившейся нуждѣ, иногда въ самую рабочую пору, ѣхать въ городъ покупать то же у евреевъ и пропивать деньги тоже евреямъ.

Крестьянинъ, въ случаѣ неурожая хлѣба, при недостаткѣ въ сѣменахъ, или въ какомъ-нибудь другомъ несчастномъ случаѣ не находившій иногда во многихъ помѣстьяхъ пособія у помѣщика, прибѣгалъ къ пособію еврея. Теперь крестьянинъ долженъ лишиться и сего пособія.

Польза, которую правительство извлекало изъ пребыванія евреевъ въ селахъ и деревняхъ, состояла въ томъ:

1. что хлѣбопашество годъ отъ года приходило въ лучшее состояніе, сколько отъ умножившейся нужды въ произведеніяхъ, столько и отъ того, что не отвлекались отъ земледѣлія полезные работники и классъ производительный свободно размножался;

2. что крестьяне уплачивали государственныя подати, и

3. что 60 тысячъ семействъ имѣли вѣрное содержаніе и удовлетворяли государственнымъ обязанностямъ.

Запрещеніе содержать шинки и постоялые дворы по большимъ дорогамъ лишило бы не только евреевъ, но и христіанъ всѣхъ удобностей, необходимыхъ для проѣзжающихъ и, сверхъ того, чрезвычайно ощутительно было бы для торговыхъ оборотовъ, казенныхъ поставокъ и даже для почтъ; ибо извѣстно, что никакая закупка, никакое отправленіе продуктовъ и даже никакой наемъ фурщиковъ въ Польскихъ губерніяхъ не могутъ совершаться безъ содѣйствія евреевъ и что исправнѣйшія почты содержатся евреями-корчмарями.

Не входя въ исчисленіе политическихъ причинъ, каждому въ настоящемъ положеніи дѣлъ ощутительныхъ; не останавливаясь на раздробленіи (т. е. подробномъ указаніи) послѣдствій, вредныхъ для общественнаго кредита отъ нарушеній правъ собственности и правъ личныхъ; не повторяя тѣхъ замѣшательствъ по контрактамъ и долгамъ, кои значатся въ представленіяхъ мѣстныхъ начальствъ въ дока-

зательство необходимости оставить евреевъ въ селахъ и деревняхъ попрежнему, можно сослатся на отзывы богатѣйшихъ помѣщиковъ, напр. князя Любомірскаго и пр.

Во уваженіе всѣхъ сихъ препятствій и самой невозможности, Комитетъ находитъ... необходимымъ оставить евреевъ въ селахъ и деревняхъ попрежнему:

1. по неимѣнію въ Польскихъ губерніяхъ земель ни помѣщичьихъ, ни казенныхъ, на коихъ бы можно было водворить 60 тысячъ семействъ, не имѣющихъ никакой собственности;

2. по недостатку средствъ у самой казны къ водворенію евреевъ въ губерніяхъ отдаленныхъ, ибо одной денежной ссуды потребовались бы многіе милліоны. Впрочемъ, и при пожертвованіи денегъ, казна не въ силахъ была бы пріискать въ степяхъ ни нужнаго числа работниковъ, ни скота, ни орудій, ни матеріаловъ на обстройку и первоначальное обзаведеніе;

3. по закоренѣлой неспособности еврейскаго народа къ хлѣбопашеству. Для пріобученія новаго только поколѣнія къ сему роду хозяйства нужно было бы употребить нѣсколько лѣтъ и назначить для сего, на подобіе колонистовъ, множество особыхъ конторъ или коммиссій. Ремесло земледѣльца требуетъ такъ, какъ и всякое другое ремесло, силъ и опытности;

4. потому, что евреи, съ извѣстными и положительными ограниченіями [1]), подъ надзоромъ помѣщиковъ, такъ же могутъ быть терпимы въ селеніяхъ, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ.

Оставить евреевъ въ селахъ и деревняхъ безъ разрѣшенія продажи вина Комитетъ признаетъ не только невозможнымъ, но и невыгоднымъ:

1. потому, что классъ евреевъ, существовашихъ одною продажею вина, будучи составленъ изъ людей самыхъ бѣднѣйшихъ, долженъ или пасть на содержаніе казны, или, не имѣя ни жилища, ни пропитанія, перемереть съ голоду, или ввергнуться въ отчаяніе, могущее произвести послѣдствія, вредныя для общественнаго спокойствія;

---

[1]) Какъ напр. запрещеніе давать водку въ долгъ, подъ закладъ скота и проч.

2. потому, что *недостатокъ пропитанія въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ происходитъ не отъ пребыванія евреевъ* въ селахъ и деревняхъ. Состояніе христіанъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, въ которыхъ также жительствуютъ евреи, и гдѣ въ скирдахъ болѣе сгниваетъ хлѣба, нежели родится въ Бѣлоруссіи, ясно доказываетъ, что недостатокъ пропитанія въ семъ послѣднемъ краѣ происходитъ не отъ продажи вина евреями, но отъ худого удобренія земель и отъ недостатка вообще хорошей системы хозяйства.

Доколѣ у Бѣлорусскихъ и Польскихъ помѣщиковъ будетъ существовать теперешняя система экономіи, основанная на продажѣ вина; доколѣ помѣщики не перестанутъ, такъ сказать, покровительствовать пьянству, дотолѣ зло сіе, возрастая годъ отъ году, никакими усиліями не истребится, и послѣдствія будутъ все тѣ же, кто бы ни былъ приставленъ къ продажѣ вина, еврей или христіанинъ. Въ доказательство ближе всего можно представить С.-Петербургскую губернію, не говоря ни о Лифляндіи, ни о Эстляндіи и проч. Коль же скоро со стороны правительства примутся надлежащія мѣры къ ограниченію сборовъ, происходящихъ отъ продажи вина, тогда съ уменьшеніемъ выгодъ по сей части, и упражняющіеся въ винной продажѣ обратятся сами собою къ другимъ занятіямъ, ремесламъ, мануфактурамъ, и, можетъ быть, современемъ къ земледѣлью и скотоводству, особливо когда будутъ сами въ состояніи пользоваться всемилостивѣйше дарованнымъ правомъ покупкою пріобрѣтать земли въ собственность.

3) Потому, что вмѣсто 60 тысячъ еврейскихъ семействъ необходимо должно оторвать отъ плуга, по крайней мѣрѣ, такое же число христіанскихъ семействъ, которыя со всѣмъ тѣмъ не замѣнятъ евреевъ; между тѣмъ, какъ съ другой стороны, евреи никогда не замѣнятъ крестьянъ, отъ хлѣбопашества отлученныхъ. Потеря сія тѣмъ будетъ чувствительнѣе для государства, что владѣльцы для удержанія и обезпеченія своихъ интересовъ должны будутъ опредѣлить къ винной продажѣ самыхъ лучшихъ людей и хозяевъ. Да и какую выгоду можетъ обѣщать превращеніе земледѣльцевъ въ цѣловальниковъ, а цѣловальниковъ въ земледѣльцевъ? *Помѣщики, ищущіе прибытковъ въ продажѣ вина, не пе-*

рестанутъ искать ихъ и въ то время, когда на мѣсто евреевъ будутъ имъ услуживать въ томъ христіане, которые, заступивъ мѣсто евреевъ, найдутся принужденными поступать такъ-же, какъ и евреи; извѣстно, впрочемъ, что сіи послѣдніе никогда продажею вина не обогощались, а извлекали одно только пропитаніе и удовлетвореніе лежащихъ на нихъ повинностей...

Сдѣлать изъ всѣхъ евреевъ купцовъ и ремесленниковъ, по множеству ощутительныхъ причинъ, было бы также и невозможно, и невыгодно, между прочимъ, потому,

1. что *мѣстечки и города не въ состояніи ни помѣстить всѣхъ евреевъ, ни доставить имъ упражненія и пропитанія;*

2. что отъ умноженія числа купцовъ и ремесленниковъ въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ и теперь находится число, превосходящее истинную потребность, и отъ наполненія городовъ народомъ нищимъ, ни къ какимъ ремесламъ не привыкшимъ, должны понести потерю настоящіе купцы и ремесленники и подвергнуть чрезъ то упадку самую торговлю. Впрочемъ, *все купечество и всѣ ремесла въ Польскихъ губерніяхъ большею частью и безъ того наполнены евреями, а затѣмъ къ винной продажѣ обращается одинъ только ихъ избытокъ.*

Обращеніе евреевъ въ фабрикантовъ комитетъ признаетъ однимъ только обманчивымъ средствомъ, особливо когда фабрикъ не существуетъ ни у помѣщиковъ, ни у казны, когда евреи не имѣютъ еще сами ни капиталовъ для заведенія фабрикъ, ни желанія и выгоды быть фабрикантами. Если бы казна захотѣла употребить на заведеніе фабрикъ нѣсколько милліоновъ, то и тогда государство не получило бы отъ того никакой пользы: ибо фабрики учреждаются сами собою, постепенно и по мѣрѣ надобности, и капиталы, употребляемые на насильственное устроеніе сего рода заведеній, суть капиталы, брошенные въ воду. Да и возможно ли столь многолюдный классъ народа осудить въ фабричные противъ собственной его воли и безъ всякой вины, за то только, что, онъ до изданія запрещенія упражнялся въ продажѣ вина которая до того дозволена была не только обычаями того края, но и самыми законами? Такое осужденіе несогласно съ самымъ Положеніемъ, коимъ между прочимъ въ статьѣ 42-й имянно подтверждается, что всѣ евреи, въ Россіи оби-

тающіе, суть свободны и состоятъ подъ точнымъ покровительствомъ законовъ, наравнѣ со всѣми другими Россійкими подданными.

Опыты всѣхъ сихъ лѣтъ доказали, что при всѣхъ благотворныхъ попеченіяхъ правительства и при всѣхъ поощреніяхъ, изложенныхъ въ Положеніи 1804 года декабря 9 дня, съ одной стороны *бѣдность евреевъ*, а съ другой *недостатокъ средствъ у самаго правительства* воспрепятствовали еврейскому народу воспользоваться правомъ дѣлать пріобрѣтенія въ земледѣліи, въ фабрикахъ и ремеслахъ, и цѣлый народъ не только остался въ томъ же бѣдномъ состояніи, въ которомъ и былъ, но подвергся вящшему разоренію отъ насильственнаго принужденія оставить и тотъ промыселъ, которымъ онъ снискивалъ пропитаніе въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Комитетъ, убѣждаемый симъ положеніемъ цѣлаго народа... и особенно опасаясь, чтобы вящшимъ продолженіемъ насильственныхъ мѣръ въ настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ не ожесточить сей, уже до крайности стѣсненный народъ, *признаетъ необходимымъ* вмѣсто непрерывныхъ отсрочекъ, коимъ конца предвидѣть не можно и кои кромѣ колеблемости правилъ и совершенной невозможности исполненія, ничего болѣе не обнаруживаютъ, *рѣшительнымъ образомъ пресѣчь существующія нынѣ замѣшательства оставленіемъ евреевъ на прежнихъ ихъ жительствахъ и дозволеніемъ промысловъ, статьею 34-ою остановленныхъ.*

Докладъ комитета 1809 г. не привелъ къ законодательной отмѣнѣ 34-ой статьи [1]). Возможно, что правительство, какъ

---

[1]) Впервые этотъ докладъ былъ использованъ въ печати Оршанскимъ въ статьѣ „Изъ новѣйшей исторіи евреевъ въ Россіи", которую онъ написалъ въ 1871 г. въ Одессѣ и напечаталъ въ „Еврейск. Библ." (кн. II. 1872 г.). (Этотъ томъ „Евр. Библ." вышелъ въ 1890 г. вторымъ изданіемъ безъ какихъ либо измѣненій. Указанная статья помѣщена послѣ смерти Оршанскаго въ его „Русск. Закон. о Евр." подъ заглавіемъ „Къ исторіи Положенія для евреевъ 1804 г."). Лѣтъ 15—20 спустя этимъ-же докладомъ воспользовался М. Шугуровъ въ своей „Исторіи евреевъ въ Россіи", написанной также въ Одессѣ. Работа Шугурова (проникнутая непріязнью къ евреямъ) появилась послѣ его смерти въ 1894 г. въ „Русск. Архивѣ" (кн. 1—5), причемъ въ выноскѣ было указано, что на экземплярѣ, находившемся у Шугурова, въ одномъ мѣстѣ нѣсколько словъ

предположилъ Оршанскій, не желало этого сдѣлать изъ опасенія уронить уваженіе къ закону и правительственнымъ дѣйствіямъ; возможно также, что этому помѣшали событія 12-го года. Во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что 34-ая статья не была отмѣнена законодательнымъ порядкомъ, не могло имѣть въ то время практическаго значенія, такъ какъ указомъ 29 декабря 1808 г. евреямъ было возвращено, хотя и въ видѣ временной мѣры, право жить въ деревняхъ и селахъ, занимаясь прежними промыслами.

Увы! Выселенія вскорѣ возобновились, хотя, правда, они предпринимались и не въ видѣ общей мѣры, а лишь частныхъ дѣйствій. Приведу краткую хронологическую справку.

Въ 1821 г., вслѣдствіе представленія черниговскаго военнаго губернатора о евреяхъ, какъ „перекупщикахъ", послѣдовало распоряженіе объ удаленіи ихъ изъ уѣздовъ гу-

---

подчеркнуты самимъ государемъ съ отмѣткою NB. Позже, извлеченный изъ бумагъ покойнаго Шугурова, этотъ документъ появился полностью въ „Русск. Арх." (1903 г. кн. II) и здѣсь, *вмѣсто прежней одной* помѣтки государя, *указаны десять*.

Но дѣйствительно-ли эти помѣтки принадлежатъ государю? Когда комитетъ 1809 г. былъ закрытъ—всѣ его дѣла поступили въ министерство духовныхъ дѣлъ и нар. просвѣщенія, вѣдѣнію котораго подлежалъ, между прочимъ, и вопросъ о пребываніи евреевъ въ деревняхъ и, конечно, если бы существовалъ докладъ, снабженный высочайшими помѣтками, онъ поступилъ бы въ министерство, какъ важнѣйшій документъ. Между тѣмъ экземпляръ, использованный Шугуровымъ, былъ переданъ ему, какъ мнѣ извѣстно, лицомъ (кажется, Мурзакевичемъ), въ рукахъ котораго находились разные документы изъ „Рѣшетиловскаго" архива, т. е. архива В. Попова (Попову принадлежало мѣстечко Рѣшетиловка, съ еврейскимъ населеніемъ, въ Полтавской губ.), предсѣдателя комитета 1809 г.; слѣдовательно Шугуровъ получилъ экземпляръ, принадлежавшій Попову.

То обстоятельство, что и Оршанскій, и Шугуровъ писали о докладѣ, проживая въ Одессѣ, даетъ основаніе предположить, что оба они пользовались однимъ и тѣмъ-же документомъ. Правда, Шугуровъ говоритъ о документѣ, подписанномъ членами комитета 17-го марта 1812 г., а у Оршанскаго указывается дата 17 февраля 1812 г., но если допустить, что Оршанскій просто ошибся, то черточки и знаки, приписываемые государю, были, вѣрнѣе, сдѣланы Оршанскимъ, изучавшимъ документъ; если же, судя по различнымъ датамъ, допустить, что Оршанскій и Шугуровъ имѣли каждый свой особый экземпляръ, т. е. что комитетъ изготовилъ нѣсколько экземпляровъ и снабдилъ ихъ

берніи. Въ 1822 г. эта мѣра была распространена и на полтавскую губернію. Въ слѣдующемъ году было предписано удалить евреевъ изъ уѣздовъ бѣлорусскихъ губерній, такъ какъ тамъ обнаружился недостатокъ въ продовольствіи. Въ 1827 г. стали частями выселять евреевъ изъ уѣздовъ гродненской губерніи.

Но вскорѣ, въ 1835 г., появился указъ о пріостановленіи выселенія. Впрочемъ, въ 1843 г. евреи были удалены изъ военныхъ поселеній кіевской и подольской губерній.

При упомянутыхъ выселеніяхъ мотивомъ выставлялось по прежнему спаиванье евреями русскихъ, но выселенія происходили и по другимъ мотивамъ. Такъ, въ пограничной полосѣ евреевъ выселяли въ предупрежденіе контрабанднаго промысла. Въ 1812 г. были выселены евреи, жившіе въ помѣщичьихъ селеніяхъ волынской губерніи, близъ границы; въ 1816 г. было сдѣлано распоряженіе, что кромѣ тѣхъ

подписями, то, конечно, государю поднесенъ былъ бы первый по времени экземпляръ отъ 17 февраля, но ни въ какомъ случаѣ не экземпляръ Шугурова отъ 17 марта.

Противъ принадлежности помѣтокъ государю говоритъ еще и то обстоятельство, что всѣ эти помѣтки относятся къ тѣмъ строкамъ, которыя были взяты комитетомъ, какъ это тутъ же указывается, изъ другихъ документовъ, въ свое время представленныхъ государю и имъ одобренныхъ. Неужели государь отмѣтилъ бы въ докладѣ именно тѣ мысли и выраженія, которыя, повторяю, сопровождались указаніемъ комитета, что они уже были высочайше утверждены.

Надо думать, что докладъ комитета вовсе не былъ представленъ государю или государь не прочиталъ его. Докладъ былъ подписанъ тогда, когда Россіи уже угрожало нашествіе Наполеона, и наступившія событія заслонили, сравнительно маловажный, вопросъ о выселеніи евреевъ, разрѣшенный къ тому же указомъ 29 декабря 1808 г. Быть можетъ, государю сообщили результатъ, къ которому пришелъ комитетъ, но помимо указанныхъ политическихъ обстоятельствъ, государю не представлялось необходимымъ подробнѣе ознакомиться съ докладомъ, который не измѣнялъ существовавшаго тогда порядка. Вѣроятно, докладъ и послѣ отечественной войны никѣмъ не былъ разсмотрѣнъ, иначе комитетъ, какъ исполнившій возложенную на него задачу, былъ бы упраздненъ, а между тѣмъ комитетъ 1809 г., въ полномъ бездѣйствіи, продолжалъ номинально существовать вплоть до 1818 г. (5 Мая.— П. С. З. т. XXXV № 27363), когда по высочайшему повелѣнію онъ былъ закрытъ, а его дѣла поступили въ министерство дух. дѣлъ и нар. просвѣщенія, каковому министерству и было поручено дальнѣйшее вѣдѣніе еврейскихъ дѣлъ.

предположилъ Оршанскій, не желало этого сдѣлать изъ опасенія уронить уваженіе къ закону и правительственнымъ дѣйствіямъ; возможно также, что этому помѣшали событія 12-го года. Во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что 34-ая статья не была отмѣнена законодательнымъ порядкомъ, не могло имѣть въ то время практическаго значенія, такъ какъ указомъ 29 декабря 1808 г. евреямъ было возвращено, хотя и въ видѣ временной мѣры, право жить въ деревняхъ и селахъ, занимаясь прежними промыслами.

Увы! Выселенія вскорѣ возобновились, хотя, правда, они предпринимались и не въ видѣ общей мѣры, а лишь частныхъ дѣйствій. Приведу краткую хронологическую справку.

Въ 1821 г., вслѣдствіе представленія черниговскаго военнаго губернатора о евреяхъ, какъ „перекупщикахъ", послѣдовало распоряженіе объ удаленіи ихъ изъ уѣздовъ гу-

---

подчеркнуты самимъ государемъ съ отмѣткою NB. Позже, извлеченный изъ бумагъ покойнаго Шугурова, этотъ документъ появился полностью въ „Русск. Арх." (1903 г. кн. II) и здѣсь, *вмѣсто прежней одной* помѣтки государя, *указаны десять*.

Но дѣйствительно-ли эти помѣтки принадлежатъ государю? Когда комитетъ 1809 г. былъ закрытъ—всѣ его дѣла поступили въ министерство духовныхъ дѣлъ и нар. просвѣщенія, вѣдѣнію котораго подлежалъ, между прочимъ, и вопросъ о пребываніи евреевъ въ деревняхъ и, конечно, если бы существовалъ докладъ, снабженный высочайшими помѣтками, онъ поступилъ бы въ министерство, какъ важнѣйшій документъ. Между тѣмъ экземпляръ, использованный Шугуровымъ, былъ переданъ ему, какъ мнѣ извѣстно, лицомъ (кажется, Мурзакевичемъ), въ рукахъ котораго находились разные документы изъ „Рѣшетиловскаго" архива, т. е. архива В. Попова (Попову принадлежало мѣстечко Рѣшетиловка, съ еврейскимъ населеніемъ, въ Полтавской губ.), предсѣдателя комитета 1809 г.; слѣдовательно Шугуровъ получилъ экземпляръ, принадлежавшій Попову.

То обстоятельство, что и Оршанскій, и Шугуровъ писали о докладѣ, проживая въ Одессѣ, даетъ основаніе предположить, что оба они пользовались однимъ и тѣмъ-же документомъ. Правда, Шугуровъ говоритъ о документѣ, подписанномъ членами комитета 17-го марта 1812 г., а у Оршанскаго указывается дата 17 февраля 1812 г., но если допустить, что Оршанскій просто ошибся, то черточки и знаки, приписываемые государю, были, вѣрнѣе, сдѣланы Оршанскимъ, изучавшимъ документъ; если же, судя по различнымъ датамъ, допустить, что Оршанскій и Шугуровъ имѣли каждый свой особый экземпляръ, т. е. что комитетъ изготовилъ нѣсколько экземпляровъ и снабдилъ ихъ

дены лишь лица, достигшія 70-ти-лѣтняго и болѣе возраста).

Въ дальнѣйшемъ выселеніе евреевъ въ разныхъ мѣстахъ не прерывалось.

По возникновенію войны съ Японіей было предписано временно пріостановить выселеніе евреевъ; это распоряженіе было вызвано тѣмъ, что въ Кіевѣ мѣстныя власти пытались выселить мать и жену врача-еврея, отправленнаго на театръ военныхъ дѣйствій, такъ какъ по толкованію закона мать и жена могли жить въ Кіевѣ лишь при сынѣ и мужѣ.

Очеркъ второй.

Выселеніе изъ городовъ.

Проживаніе евреевъ въ городахъ во время польскаго господства.— Исторія борьбы ковенскихъ христіанъ съ мѣстными евреями.—Повелѣніе Павла I объ оставленіи евреевъ на жительствѣ въ Каменцѣ-Подольскомъ (1797 г.).—Отклоненіе Павломъ I домогательства ковенскихъ христіанъ (1798 г.).—Ходатайство кіевскаго магистрата объ удаленіи евреевъ изъ города и высочайшее повелѣніе объ оставленіи ихъ на мѣстѣ (1801 г.).—Безуспѣшное возобновленіе домогательства ковенскихъ христіанъ (1803 г.) и кіевскаго христіанскаго общества (1810 г.).— Дальнѣйшее направленіе вопроса.

Съ переходомъ польскихъ евреевъ въ русское подданство ихъ гражданское, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное положеніе значительно улучшалось; въ этомъ отношеніи весьма важно было то, что они, въ качествѣ городскихъ жителей и членовъ торгово-промышленнаго класса, уравнивались съ христіанами въ муниципальныхъ и сословныхъ правахъ. Подобнаго рода законодательныя мѣры, освобождавшія евреевъ отъ нѣкоторыхъ унизительныхъ условій жизни въ Польшѣ, вызывали неудовольствіе со стороны мѣстнаго христіанскаго общества, и такъ какъ городское христіанское населеніе всячески старалось оставить евреевъ въ ихъ прежнемъ униженіи и безправіи, то имъ нерѣдко приходилось вступать въ борьбу со своими недругами.

Враждебныя столкновенія между христіанскимъ и еврейскимъ обществами въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ воз-

нуждены были прибѣгнуть къ разнымъ легчайшимъ побочнымъ оборотамъ, какъ напр, къ винокуренію, отдачѣ помѣстьевъ на аренды и пр. Хотя впослѣдствіи Польское хозяйство приведено было нѣсколько въ лучшее состояніе, однако же, несмотря на то, винокуреніе и арендное управленіе остались главнѣйшими отраслями помѣщичьихъ доходовъ. Такимъ образомъ евреи, сдѣлавшись необходимыми для помѣщиковъ, по собственному согласію ихъ, занялись арендами въ большой части помѣстій и, бывъ во все время Польскаго правленія лишены права пріобрѣтать покупкою земли, нашлись принужденными, изъ угожденія помѣщикамъ, на земляхъ коихъ они были поселены, предаться исключительно продажѣ вина.

Въ семъ положеніи Польскіе евреи перешли подъ Россійскую державу...

Неоспоримо, что пресѣченіемъ сего промысла (когда бы евреи имѣли возможность безъ онаго обойтиться), можно было бы произвести въ семъ народѣ необходимость обратиться къ полезнѣйшимъ отраслямъ промышленности; но равномѣрно неоспоримо, что превращеніемъ земледѣльцевъ въ цѣловальниковъ нельзя уменьшить въ крестьянахъ склонность къ напиткамъ. Превращеніе сіе не принесло бы никакой выгоды ни помѣщику, ни крестьянину, ни государству. Напротивъ, оно уменьшило бы доходъ и помѣщика чрезъ лишеніе лучшихъ работниковъ, и государства чрезъ отнятіе нужныхъ рукъ отъ земледѣлія; а крестьянинъ, въ пользу котораго мѣра сія признается нужною, не только не поправился бы, но пришелъ въ вящшее оскудѣніе.

Крестьянинъ, привыкшій издревле продавать еврею произведенія свои на мѣстѣ и чрезъ то сберегавшій какъ рабочій скотъ, такъ и время, которое могло быть употребляемо или на домашнія подѣлки, или на произведеніе какихъ либо издѣлій, долженъ нынѣ ѣхать въ городъ или мѣстечко, которое не лучше того же селенія, въ которомъ также живутъ евреи, продавать свои произведенія евреямъ же и пропить вырученныя деньги евреямъ же, или, лучше сказать, въ нѣсколько поѣздокъ въ городъ пропить все, что пропивалъ цѣлый годъ въ своемъ селеніи; ибо въ статьѣ 40-й (Положенія 1804 г.) дозволяется евреямъ заниматься винною продажею въ городахъ губернскихъ, уѣздныхъ и казен-

ныхъ мѣстечкахъ и даже въ помѣщичьихъ, по условіямъ съ помѣщиками,

Крестьянинъ, равнымъ образомъ, привыкшій доставать подъ руками всѣ домашнія необходимости, напр., косы, посуду, желѣзо, соль и пр. (ибо въ каждомъ селеніи у еврея можно было найти все то же, что и въ мѣстечкѣ), долженъ нынѣ, при встрѣтившейся нуждѣ, иногда въ самую рабочую пору, ѣхать въ городъ покупать то же у евреевъ и пропивать деньги тоже евреямъ.

Крестьянинъ, въ случаѣ неурожая хлѣба, при недостаткѣ въ сѣменахъ, или въ какомъ-нибудь другомъ несчастномъ случаѣ не находившій иногда во многихъ помѣстьяхъ пособія у помѣщика, прибѣгалъ къ пособію еврея. Теперь крестьянинъ долженъ лишиться и сего пособія.

Польза, которую правительство извлекало изъ пребыванія евреевъ въ селахъ и деревняхъ, состояла въ томъ:

1. что хлѣбопашество годъ отъ года приходило въ лучшее состояніе, сколько отъ умножившейся нужды въ произведеніяхъ, столько и отъ того, что не отвлекались отъ земледѣлія полезные работники и классъ производительный свободно размножался;

2. что крестьяне уплачивали государственныя подати, и

3. что 60 тысячъ семействъ имѣли вѣрное содержаніе и удовлетворяли государственнымъ обязанностямъ.

Запрещеніе содержать шинки и постоялые дворы по большимъ дорогамъ лишило бы не только евреевъ, но и христіанъ всѣхъ удобностей, необходимыхъ для проѣзжающихъ и, сверхъ того, чрезвычайно ощутительно было бы для торговыхъ оборотовъ, казенныхъ поставокъ и даже для почтъ; ибо извѣстно, что никакая закупка, никакое отправленіе продуктовъ и даже никакой наемъ фурщиковъ въ Польскихъ губерніяхъ не могутъ совершаться безъ содѣйствія евреевъ и что исправнѣйшія почты содержатся евреями-корчмарями.

Не входя въ исчисленіе политическихъ причинъ, каждому въ настоящемъ положеніи дѣлъ ощутительныхъ; не останавливаясь на раздробленіи (т. е. подробномъ указаніи) послѣдствій, вредныхъ для общественнаго кредита отъ нарушеній правъ собственности и правъ личныхъ; не повторяя тѣхъ замѣшательствъ по контрактамъ и долгамъ, кои значатся въ представленіяхъ мѣстныхъ начальствъ въ дока-

зательство необходимости оставить евреевъ въ селахъ и деревняхъ попрежнему, можно сослатся на отзывы богатѣйшихъ помѣщиковъ, напр. князя Любомірскаго и пр.

Во уваженіе всѣхъ сихъ препятствій и самой невозможности, Комитетъ находитъ... необходимымъ оставить евреевъ въ селахъ и деревняхъ попрежнему:

1. по неимѣнію въ Польскихъ губерніяхъ земель ни помѣщичьихъ, ни казенныхъ, на коихъ бы можно было водворить 60 тысячъ семействъ, не имѣющихъ никакой собственности;

2. по недостатку средствъ у самой казны къ водворенію евреевъ въ губерніяхъ отдаленныхъ, ибо одной денежной ссуды потребовались бы многіе милліоны. Впрочемъ, и при пожертвованіи денегъ, казна не въ силахъ была бы пріискать въ степяхъ ни нужнаго числа работниковъ, ни скота, ни орудій, ни матеріаловъ на обстройку и первоначальное обзаведеніе;

3. по закоренѣлой неспособности еврейскаго народа къ хлѣбопашеству. Для пріобученія новаго только поколѣнія къ сему роду хозяйства нужно было бы употребить нѣсколько лѣтъ и назначить для сего, на подобіе колонистовъ, множество особыхъ конторъ или коммиссій. Ремесло земледѣльца требуетъ такъ, какъ и всякое другое ремесло, силъ и опытности;

4. потому, что евреи, съ извѣстными и положительными ограниченіями [1]), подъ надзоромъ помѣщиковъ, такъ же могутъ быть терпимы въ селеніяхъ, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ.

Оставить евреевъ въ селахъ и деревняхъ безъ разрѣшенія продажи вина Комитетъ признаетъ не только невозможнымъ, но и невыгоднымъ:

1. потому, что классъ евреевъ, существовавшихъ одною продажею вина, будучи составленъ изъ людей самыхъ бѣднѣйшихъ, долженъ или пасть на содержаніе казны, или, не имѣя ни жилища, ни пропитанія, перемереть съ голоду, или ввергнуться въ отчаяніе, могущее произвести послѣдствія, вредныя для общественнаго спокойствія;

---

[1]) Какъ напр. запрещеніе давать водку въ долгъ, подъ закладъ скота и проч.

построившіеся на торговой площади, выселились на отведенную имъ другую улицу, гдѣ находился молитвенный домъ [1]), а привилегіей 1566 г. городу Велюню было разрѣшено впредь не допускать на жительство евреевъ, а ранѣе поселившихся—просто удалить... [2]).

Ко времени присоединенія къ Россіи сперва Бѣлоруссіи, а затѣмъ другихъ земель, споры изъ-за проживанія евреевъ въ городахъ, повидимому, улеглись. Все же кое-гдѣ эта борьба продолжалась и при русскомъ правительствѣ.

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія сохранились о борьбѣ изъ-за проживанія евреевъ въ Ковнѣ.

Вслѣдствіе жалобы ковенскаго христіанскаго общества литовскій надворный судъ декретомъ 14 сентября 1753 г. предписалъ „очистить отъ жительства евреевъ всѣ городскія земли и мѣста, кому бы они ни принадлежали", а равно и плацъ, на которомъ раньше находился дворецъ. При этомъ декретъ гласилъ, что его сила не распространяется на старостинскіе замковые дома, такъ какъ староста никѣмъ не былъ позванъ къ суду. Вслѣдствіе этого ковенскій староста Сырупъ, которому было поручено привести въ исполненіе декретъ, „по выводѣ евреевъ изъ города, поселилъ ихъ на грунтахъ старостинскихъ", находившихся въ стѣнахъ города, и христіанское общество ничѣмъ не выразило противъ этого протеста. Но прошло нѣсколько лѣтъ и христіане одумались. Превратно толкуя декретъ, нарушая права старосты, они выгнали въ 1761 г. евреевъ со старостинской земли. Евреи выступили съ жалобами. Но лишь въ 1782 г. надворный ассесорскій судъ предоставилъ старостѣ „изгнанныхъ христіанами изъ его юрисдики евреевъ на той же юрисдикѣ селить и держать" и вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ, чтобы христіане возвратили евреямъ отнятые у нихъ дома въ такомъ состояніи, въ какомъ таковые были въ моментъ изгнанія, присудивъ въ пользу евреевъ съ христіанъ за причиненные убытки 15000 польскихъ злотыхъ. Одновременно съ тѣмъ судъ подтвердилъ, что евреи, живущіе на старостинской землѣ, имѣютъ право во время торговъ покупать въ городѣ Ковнѣ на рынкѣ съѣстные припасы

---

[1]) Тамъ-же. Рег. № 472.

[2]) Русск. евр. архивъ Бершадскаго, III т.

для собственной надобности, а во время ярмарокъ вести торгъ, содержать лавки и шинки.

Въ силу этого декрета земскій судья, въ присутствіи представителей города, сдѣлалъ въ 1783 г. „отказъ“ (или „традицію“), коимъ засвидѣтельствовалъ, что еврейскіе дома, находившіеся на старостинской юрисдикѣ, занимали двѣ улицы: Замковую и Повилейскую, что всѣ эти дома „со всей ихъ окрестностью, обширностью, со строеніемъ и огородами“ были переданы въ собственность евреямъ; въ „отказѣ“ было также отмѣчено, что евреи могутъ селиться и на пустыхъ плацахъ, которыми они владѣли до злосчастнаго изгнанія.

Христіане молча встрѣтили возстановленіе евреевъ въ ихъ правахъ, не выразивъ своего неудовольствія... Прошло еще нѣсколько лѣтъ.

Между тѣмъ въ Ковнѣ возникло недоразумѣніе по поводу проживанія евреевъ въ городѣ.

Дѣло въ томъ, что въ 1785 г. Абель Соловейчикъ получилъ по судебному приговору, за долгъ, домъ христіанина Бортманскаго, лежавшій внѣ Замковой и Повилейской улицъ, при чемъ въ декретѣ суда было сказано, что Соловейчикъ будетъ оставленъ при владѣніи домомъ до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ выплачена присужденная сумма, но съ тѣмъ однако, чтобы ни онъ самъ, ни кто либо изъ евреевъ не жилъ въ домѣ, не торговалъ въ немъ „а только бы исправлялъ его починкою“. Но вотъ, въ 1790 г. ковенское христіанское общество задумало отнять у Соловейчика его собственность и съ этой цѣлью оно обратилось въ судъ съ жалобою на то, что Соловейчикъ торгуетъ въ принадлежащемъ ему домѣ. Позванный къ допросу, Соловейчикъ объяснилъ, что онъ сдалъ домъ въ наймы, по контракту, одному христіанину, и тогда новымъ декретомъ судъ опять призналъ за Соловейчикомъ право владѣнія домомъ, при чемъ повторилъ требованіе, чтобы „ни Абель Соловейчикъ, ни же одинъ еврей, какъ въ домѣ Бортманскаго, такъ и во всемъ городѣ Ковнѣ не жилъ, не торговалъ и товаровъ ни подъ какимъ видомъ не держалъ, въ противномъ же случаѣ дозволено тѣ товары въ пользу мѣщанъ (христіанъ) конфисковать“.

Послѣднія строки декрета разожгли аппетиты ковенскихъ

мѣщанъ, и они поспѣшили потребовать воинской помощи, чтобы удалить евреевъ изъ города и отобрать ихъ товары. Тутъ ассесорскій судъ понялъ свою ошибку; онъ увидѣлъ что его рѣшеніе внушило мысль о поголовномъ изгнаніи евреевъ изъ Ковны, чего однако судъ отнюдь не предполагалъ, иначе онъ долженъ былъ бы призвать къ объясненію представителей еврейскаго общества. Ассесорскій судъ рѣшительно отказалъ въ домогательствѣ мѣщанамъ, подъ предлогомъ, что ему неизвѣстно, дѣйствительно ли евреи владѣютъ домами въ городѣ, при чемъ рѣшеніе этого вопроса онъ отложилъ до „актората", который долженъ былъ послѣдовать при производствѣ слѣдствія по поводу заявленія Соловейчика, что онъ отдалъ свой домъ въ наемъ христіанину.

Но это слѣдствіе почему то не было произведено; къ тому же вскорѣ христіане отказались отъ обвиненія, предъявленнаго къ Соловейчику, и такимъ образомъ суду не представилось случая узнать, точно ли евреи владѣютъ домами внѣ дозволенныхъ улицъ. А не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что евреи переступили границы Замковой и Повилейской улицъ и не только владѣли домами, но и жили въ разныхъ мѣстахъ города: это вызывалось какъ насущными потребностями самихъ окрестныхъ евреевъ, торговая дѣятельность которыхъ должна была естественно сосредоточиться въ Ковнѣ, такъ и интересами многихъ христіанъ, охотно вступавшихъ съ евреями въ разнообразныя дѣловыя сношенія. И въ этомъ случаѣ одинаково безсильны были какъ декреты судовъ, такъ и „протестація" кагала (отъ 31 октября 1792 г. въ ковенскомъ земскомъ судѣ), имѣвшаго очевидно причины быть недовольнымъ тѣмъ, что христіане отдавали евреямъ дома въ запретныхъ улицахъ.

Въ 90-хъ годахъ 18-го в. Литва стала театромъ военныхъ дѣйствій и можетъ быть благодаря этому вниманіе ковенскихъ христіанъ было отвлечено отъ евреевъ. Но какъ только наступило умиротвореніе края, они вновь—уже въ дни русскаго господства — ополчились противъ своихъ одногорожанъ-евреевъ. Въ началѣ 1797 г. они выступили со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, въ которомъ, ссылась на привилегію Станислава-Августа, возбранявшую евреямъ жить въ Ковнѣ, ходатайствовали „объ изгнаніи отъ нихъ еврейскихъ обществъ, вошедшихъ къ

нимъ во время бывшаго въ Польшѣ возмущенія". При переходѣ Литвы къ Россіи за населеніемъ были сохранены его привилегіи и поэтому Павелъ I повелѣлъ препроводить прошеніе ковенскихъ христіанъ къ литовскому губернатору Булгакову, „съ тѣмъ, чтобы вы,—какъ писалъ ген.-прокуроръ кн. Куракинъ Булгакову 28 февраля 1797 г., — изслѣдовали: подлинно ли ковенскіе жители имѣютъ приписываемую имъ привилегію, если требованіе ихъ справедливо— предписали кому слѣдуетъ объ исполненіи по основанію онаго, о чемъ, равно какъ въ противномъ случаѣ, прошу васъ увѣдомить меня для донесенія Его Величеству".

Этимъ высочайшимъ повелѣніемъ была поставлена на карту судьба многочисленной части еврейскаго населенія: не мало было городовъ, которые могли разыскать давно забытыя привилегіи, закрывавшія евреямъ доступъ въ городъ или разрѣшавшія имъ селиться лишь на извѣстномъ городскомъ участкѣ, и изгнаніе евреевъ изъ Ковно повлекло бы за собою изгнаніе ихъ и изъ другихъ пунктовъ.

Булгаковъ потребовалъ объясненія какъ со стороны христіанъ, такъ и евреевъ и, убѣдившись изъ представленныхъ данныхъ, что требованіе мѣщанъ о выселеніи евреевъ основано на декретѣ 1790 года, по существу являвшемся неправильнымъ и незаконнымъ, ошибочность котораго признана была самимъ же судомъ, его постановившимъ, Булгаковъ пришелъ къ заключенію, что „требованіе города Ковны, яко несправедливое, подвергается уничтоженію". Однако, препроводивъ (18 апрѣля 1797 г.) соотвѣтствующій докладъ ген.-прокурору Куракину, Булгаковъ присовокупилъ, что если по его донесенію не послѣдуетъ окончательнаго рѣшенія, то подробное объясненіе дѣла можетъ представить литовскій губернскій надворный судъ, долженствовавшій въ то время открыть свои дѣйствія.

Донесеніе Булгакова было недостаточно ясно и убѣдительно, и кн. Куракинъ предложилъ ему (23 іюня) передать вопросъ на разсмотрѣніе литовскаго губер. надв. суда и позаботиться о скорѣйшемъ окончаніи дѣла.

Изъ представленныхъ документовъ надворный судъ усмотрѣлъ, что изъ-за „невольнаго" проживанія евреевъ на городской землѣ происходили многолѣтнія ссоры и тяжбы которыя хотя и разрѣшались прежними судами, но все же

не могли совершенно прекратиться изъ-за безпрестанной вражды между христіанами и евреями „по обоюднымъ неудовольствіямъ“, равно какъ и потому, что иные судебные приговоры вовсе не приводились въ исполненіе. Теперь надворному суду предстояло устранить поводы къ неудовольствіямъ между христіанами и евреями и съ помощью твердой исполнительной власти осуществить соотвѣтствующее рѣшеніе.

Просьба ковенскихъ христіанъ заключалась въ томъ, чтобы всѣхъ безъ изъятія евреевъ выгнать изъ стѣнъ и окрестностей города, даже съ употребленіемъ воинской силы, и чтобы ихъ товары были конфискованы въ пользу христіанскаго общества [1]). Однако, надворный судъ счелъ проживаніе евреевъ на Замковой и Повилейской улицахъ вполнѣ законнымъ (запретивъ вмѣстѣ съ тѣмъ евреямъ расширять старые дома или строить новые!): точно также онъ призналъ за евреями право покупать для себя въ Ковнѣ на рынкѣ съѣстные припасы и торговать во время ярмарокъ; „но дабы позволяя сію свободу евреямъ... не подать имъ случая умножать и простирать далѣе свои жилища въ городѣ на мѣстахъ запрещенныхъ“, надворный судъ предписалъ образовать своего рода коммиссію, которая опредѣлила бы черту еврейской осѣдлости въ городѣ. Въ связи съ этимъ судъ постановилъ „евреевъ, живущихъ въ гор. Ковнѣ по контрактамъ на городской землѣ въ домахъ христіанъ... вывесть посредствомъ тамошняго городничаго, давъ срока на тотъ выводъ 12 недѣль... И сіе исполнить, несмотря на то, что христіане сами ихъ добровольно въ тѣ дома пустили, ибо таковымъ исканіемъ своей корысти преступаютъ они привилегіи свои...“

Послѣ этого на очередь былъ поставленъ вопросъ о домахъ, находившихся въ запретной части города, которые многіе евреи, подобно Соловейчику, получили отъ христіанъ во временное или вѣчное владѣніе по судебнымъ приговорамъ и разнымъ сдѣлкамъ. Объясняя, что оставленіе въ 1785 г. Соловейчика при владѣніи домомъ вызвало

[1]) Въ это время въ ковенскомъ уѣздѣ было 2701 христіанъ-мѣщанъ и 1508 евреевъ, причемъ первые платили податей 5834 р., а евреи, число коихъ, какъ мы видимъ, было чуть-ли не вдвое меньше—платили 6633 р. И христіане жаловались, что евреи не даютъ имъ жить!

со стороны мѣщанъ „безпокойствіе“ и судебный процессъ, и потому опасаясь, что если другіе евреи будутъ оставлены при владѣніи домами безъ права жить въ нихъ, то „неминуемо и за симъ подобныя же тяжбы и съ обѣихъ сторонъ издержки послѣдуютъ“, надворный судъ нашелъ, что для предотвращенія на будущее время всякихъ споровъ и тяжбъ и для пресѣченія евреямъ возможности селиться въ запретной части города и пріобрѣтать тамъ дома — слѣдовало бы „тотчасъ отказать имъ (евреямъ) даже и отъ владѣнія тѣми домами“; но такъ какъ изъ представленныхъ евреями данныхъ видно, что они пріобрѣли дома противъ своего желанія, за неимѣніемъ другого способа обезпечить долги христіанъ, и такъ какъ по закону христіане, задолжавшіе евреямъ, также должны понести наказаніе, то, чтобы не разорить евреевъ, а мѣщанамъ „доставить отнынѣ навсегда спокойное при земляхъ ихъ владѣніе“, надворный судъ, не разрѣшая болѣе евреямъ владѣть домами внѣ Замковой и Повилейской улицъ, потребовалъ, чтобы въ теченіе полугода христіане, задолжавшіе евреямъ, расплатились съ ними и приняли обратно свои дома; въ противномъ же случаѣ христіанское общество Ковны, какъ юридическое лицо, обязано „безотговорочно“ заплатить евреямъ стоимость домовъ и вступить во владѣніе ими подъ страхомъ „неминуемаго за ослушаніе по законамъ взысканія“. Это правило должно было сохранить свою силу и на будущее время; получивъ по суду право на владѣніе домомъ христіанина въ запретныхъ улицахъ, еврей понуждался представить соотвѣтствующій декретъ магистрату и въ этомъ случаѣ христіанское общество обязано было „безъ всякихъ отговорокъ и проволочекъ“ уплатить присужденную еврею сумму и взять домъ.

Прося объ изгнаніи евреевъ, ковенскіе мѣщане имѣли въ виду извлечь двойную выгоду: избавиться отъ конкуррентовъ въ торговлѣ и, кромѣ того, конфисковать въ свою пользу товары евреевъ и воспользоваться суммами, выданными евреями подъ дома (изгнанные изъ Ковны и ея окрестностностей евреи потеряли бы возможность получить деньги обратно). Но рѣшеніе надворнаго суда не удовлетворило аппетита ковенскаго общества; товары остались при евреяхъ, а ихъ дома въ запретной части города не были безмездно возвращены христіанамъ; болѣе того, христіанское общество

должно было выплатить долги своихъ членовъ. Тогда ковенскіе мѣщане, недовольные приговоромъ, „взяли на апелляцію“ рѣшеніе литовскаго надворнаго суда.

Съ какими чувствами встрѣтили евреи рѣшеніе суда— трудно сказать. Ихъ матеріальные интересы если и пострадали, то весьма мало; къ тому-же, наученные опытомъ многовѣковой „ограничительной“ жизни, евреи знали, что ограничительные законы, нарушающіе естественныя права человѣка, противорѣчащіе его жизненнымъ потребностямъ, могутъ заставить придумать обходъ закона, но никакъ не отказаться отъ удовлетворенія этихъ насущныхъ потребностей,—и надо полагать, что ковенскіе евреи удовлетворились рѣшеніемъ суда; врядъ-ли они задумались надъ тѣмъ, что самый фактъ запрещенія евреямъ жить внѣ извѣстныхъ улицъ таитъ въ себѣ много унизительнаго и бѣдственнаго не только для однихъ ковенскихъ, но и для остальныхъ евреевъ въ Россіи – нѣтъ извѣстія о томъ, чтобы ковенскіе евреи попытались завоевать себѣ право проживанія въ городѣ. Но это право все же было вскорѣ имъ предоставлено.

Пока литовскій надворный судъ разсматривалъ ковенское дѣло, подобный же вопросъ возникъ и въ Каменцѣ-Подольскомъ. Въ августѣ 1797 г. управляющій волынской и подольской губерніями Беклешевъ обратился къ государю съ рапортомъ по поводу проживанія евреевъ въ Каменцѣ-Подольскомъ; неизвѣстно, въ какомъ смыслѣ былъ составленъ докладъ Беклешева, но весьма важнымъ актомъ явился отвѣтный указъ государя (8 сентября 1797 г.) на имя Беклешева: „По содержанію рапорта вашего отъ 29 минувшаго августа, въ резолюцію предлагаю евреевъ изъ Каменца-Подольскаго не высылать, а оставить на томъ основаніи, какъ они и въ другихъ городахъ свободное пребываніе имѣютъ“ [1]).

Этимъ указомъ былъ нанесенъ ударъ привилегіямъ [2]), охранявшимъ города отъ евреевъ; города, входившіе въ „еврейскія“ губерніи, были уравнены предъ лицомъ еврейскаго на-

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 18132.

[2]) Указанный вопросъ не былъ столь благопріятно разрѣшенъ въ бывшихъ польскихъ земляхъ, перешедшихъ къ Пруссіи.

селенія, и это обстоятельство не осталось, какъ видно, безъ вліянія и на ковенское дѣло.

Постановленіе литовскаго надворнаго суда губернаторъ Булгаковъ препроводилъ (7 декабря 1797 г.) генералъ-прокурору; оно было составлено согласно указанію, сдѣланному государемъ при возникновеніи дѣла, т. е. соотвѣтственно привилегіи города Ковны, но такое рѣшеніе стало въ противорѣчіе съ позднѣйшимъ высочайшимъ повелѣніемъ—не выселять евреевъ изъ Каменца-Подольскаго, а предоставить имъ „свободное пребываніе".

И вотъ, не рѣшаясь войти къ государю съ докладомъ, основанномъ на рѣшеніи надворнаго суда, ген.-прокуроръ препровождаетъ таковое находившемуся тогда въ Петербургѣ литовскому ген.-губернатору кн. Рѣпнину и проситъ его „опредѣлить цѣну" рѣшенія.

„Доставленное ко мнѣ при почтенномъ письмѣ вашего сіятельства отъ 9-го с. м. дѣло между ковенскими мѣщанами и евреями, равно какъ и учиненное по оному рѣшеніе,—писалъ Рѣпнинъ ген.-прокурору кн. Куракину 12-го марта 1798 г.—давно уже мнѣ обстоятельно извѣстны, и я совершенно согласенъ съ тѣмъ рѣшеніемъ литовскаго надворнаго губернскаго суда, находя, что евреевъ необходимо нужно оставить при спокойномъ владѣніи домовъ и мѣстъ на законномъ основаніи имъ въ городѣ Ковнѣ отведенныхъ по точной силѣ состоявшагося о томъ еще во время польскаго правленія въ 1782 г. декрета литовскаго ассесорскаго надворнаго суда, на который и апелляціи никакой по прежнимъ польскимъ правамъ быть не могло. Равномѣрно полагаю я, что несправедливо было бы отнимать у евреевъ и тѣ домы, кои имъ присуждены формою суда по ихъ долгамъ и претензіямъ на ковенскихъ жителяхъ, а ежели городъ ихъ имѣть хочетъ, то долженъ платить евреямъ полную сумму, за которую оные имъ судебными мѣстами присуждены. Но какъ всѣ обыватели, сей городъ составляющіе, за исключеніемъ только весьма малаго изъ нихъ числа иностранныхъ и нѣсколькихъ польскихъ купцовъ, въ такомъ бѣдномъ состояніи находятся, что даже опустошеніе городу послѣдовало бы и вредно для него было бы, чтобы евреи отъ онаго отлучены были, то потому утруждавшіе Государя Императора сами не знали, чего просили, и *слѣдовали только* за-

старѣлой ихъ, легкомысленной и, такъ сказать, *несмысленной къ евреямъ зависти*; слѣдственно, по моему мнѣнію, не заслуживаютъ просьбы и никакого вниманія".

Изъ этихъ строкъ явствуетъ, что все дѣло представилось Рѣпнину въ такомъ видѣ, что если въ разрѣшеніи вопроса и придерживаться до нѣкоторой степени привилегіи ковенскаго общества, то все же, благодаря современнымъ условіямъ мѣстной жизни, претензіи христіанъ не могли быть удовлетворены; поэтому, быть можетъ, Рѣпнинъ не остановился на принципіальномъ противорѣчіи между подобными привилегіями и строемъ русской государственной и общественной жизни.

Но этотъ пробѣлъ былъ восполненъ самой дѣйствительностью.

9-го іюня 1798 г. кн. Куракинъ сообщилъ Булгакову, что по докладѣ о ковенскомъ дѣлѣ государь повелѣлъ, „дабы поселившіеся въ Ковнѣ евреи оставлены были въ спокойномъ собственностью ихъ владѣніи, невозбранно отправляли ремесла и производили-бы торговыя дѣла безпрепятственно".

Это повелѣніе разрушило стѣны ковенскаго гетто: евреи получили полную свободу проживать во всемъ городѣ, занимаясь ремеслами и торговлей. Сгнившія ковенскія привилегіи навсегда утратили свою былую силу[1]).

Павлу I представился еще одинъ случай пренебречь привилегіями польскихъ королей.

Основываясь на томъ, что указомъ 16 сентября 1797 г. были возобновлены старыя грамоты и привилегіи, дарованныя Кіеву, и что кіевское общество было оставлено при всѣхъ прежнихъ „правахъ, вольностяхъ, преимуществахъ, городскихъ, доходахъ и выгодахъ", кіевскій магистратъ, ссылаясь на привилегію 1619 г., обратился (въ началѣ 1801 г.) къ губернатору Феньшу съ предложеніемъ выселить изъ города всѣхъ евреевъ (ихъ было 11 купцовъ и 656 мѣщанъ съ семействами). Привилегія, дѣйствительно, гласила „чтобы ни одинъ жидъ въ городѣ Кіевѣ и въ части сего города подъ правомъ мѣстныхъ не жилъ... чтобы ни

---

[1]) Сенатскій архивъ. Дѣло Мин. Юстиціи 1797 г. № 316. По просьбѣ жителей Ковны о выселеніи изъ этого города евреевъ.

одного жида никто въ городѣ Кіевѣ къ себѣ не принималъ, грунту или двора для жительства не продавалъ и квартирою стоять у себя жиду не позволялъ, и чтобы каждый жидъ, откуда либо въ городъ пріѣхавшій, имѣлъ квартированіе въ гостиномъ городскомъ домѣ, и не проживая здѣсь больше одного дня, прочь изъ города выѣзжалъ". Но подобные напѣвы были чужды тогдашнимъ русскимъ администраторамъ. Губернаторъ Феньшъ не нашелъ „никакого резона, почему бы евреямъ жительство и пребываніе въ городѣ Кіевѣ могло быть возбранено". А сообщая генералъ-прокурору Обольянинову обстоятельство дѣла, онъ отмѣтилъ, что въ городѣ „изъ мѣщанъ христіанскаго закона нѣтъ никакихъ хорошихъ и искусныхъ мастеровъ и художниковъ, а находятся разные изъ таковыхъ большею частью евреи; равнымъ образомъ и купцы здѣшніе не стараются о томъ, чтобы въ торговыхъ лавкахъ были всѣ нужные для городскихъ обывателей товары и вещи", а между тѣмъ необходимо, чтобы въ городѣ были лучшіе мастера и купцы,—слѣдовательно, надо оставить евреевъ.

Изъ другихъ примѣровъ можно заключить, что при благопріятномъ рѣшеніи вопроса о выселеніи евреевъ изъ городовъ Павломъ I принимались во вниманіе отнюдь не меркантильныя соображенія, и, какъ кажется, не указаніе губернатора на пользу, приносимую евреями въ Кіевѣ, побудило Обольянинова поддержать донесеніе губернатора: повидимому, сама мысль о выселеніи евреевъ изъ города, въ силу привилегіи даннаго городскаго общества, представлялась безцѣльной и дикой.

Государь присоединился ко взгляду Феньша и Обольянинова, повелѣвъ (февраль 1801 г.) „евреевъ, никуда не переселяя, оставить на жительствѣ въ Кіевѣ" [1]).

Однако время еще не заглушило польскихъ отголосковъ.

Въ 1803 г. три литовскихъ города выступили со всеподданнѣйшими прошеніями о томъ, чтобы евреи не избирались въ магистраты. Среди этихъ городовъ мы встрѣчаемъ и Ковну, причемъ, какъ бы воспользовавшись случаемъ, ковенское общество вновь возбудило требованіе объ изгнаніи евреевъ изъ города. Въ своемъ прошеніи (24 іюня 1803 г.)

---

[1]) Сенатскій Архивъ. Дѣло Мин. Юст. 1801 г. № 35.

ковенскіе мѣщане говорили, что, согласно многимъ привилегіямъ, евреи навсегда лишены права жить въ Ковнѣ, вести тамъ торговлю, а въ силу приведенныхъ выше декретовъ, было велѣно „не только евреевъ изъ города Ковно выгнать, съ воинской помощью, но всѣ ихъ товары забирать и конфисковать въ пользу города“, что будто и было нѣсколько разъ исполнено. Но евреи—жаловались мѣщане—вновь проникли въ городъ; благодаря же распоряженію, послѣдовавшему въ 1798 г., „евреи и жительство, коммерцію и всякій промыслъ нынѣ распространили такъ, что христіане почти лишаются дневнаго пропитанія“ (къ этому мѣщане присовокупили, что евреи являются также причиною пожаровъ и эпидемій въ городѣ). И ковенскіе мѣщане просили государя „объ изгнаніи, на основаніи вышеизъясненныхъ правъ, привилегій и опредѣленій, изъ города Ковны евреевъ“.

Прошеніе мѣщанъ было препровождено литовскому военному губернатору бар. Бенигсену; онъ объяснилъ министру внут. дѣлъ гр. Кочубею (5 ноября 1803 г.), что въ виду повелѣнія Павла I объ оставленіи евреевъ въ Ковнѣ съ правомъ свободно производить торговлю и заниматься ремеслами—просьба мѣщанъ „не можетъ имѣть мѣста“. Государь согласился съ мнѣніемъ Бенигсена „что просьба ковенскаго христіанскаго общества о выводѣ евреевъ не можетъ нынѣ имѣть мѣста...“ [1]).

Въ томъ же 1803 году стали удалять евреевъ изъ Смоленска; но по ходатайству Ноты Хаимовича выселеніе было пріостановлено.

Нѣсколько лѣтъ спустя избавиться отъ конкуррентовъ-евреевъ пожелало вновь и кіевское общество; кіевскій магистратъ выступилъ съ ходатайствомъ „о переселеніи живущихъ въ городѣ Кіевѣ евреевъ въ другіе города и о воспрещеніи имъ впредь тамъ селиться, дабы, съ одной стороны, сохранить прежнія привилегіи, которыми запрещалось имъ торговать, а съ другой прекратить происходящіе отъ нихъ безпорядки, многочисленныя тяжбы и ссоры“. Но министръ внутр. дѣлъ въ своемъ докладѣ государю указалъ,

[1]) Рукоп. Отд. Петерб. Публичной библ. F II 195.
Сообщая объ этомъ Бенигсену, Кочубей почему то прибавилъ: „тѣмъ болѣе, что о народѣ семъ происходитъ общее разсмотрѣніе“. Въ комитетѣ 1801 г. вопросъ о выселеніи евреевъ изъ городовъ, насколько извѣстно, вовсе не возбуждался.

что Павелъ I уже однажды отказалъ въ подобномъ ходатайствѣ кіевскимъ мѣщанамъ, что грамотой, данной городу въ 1801 г., были сохранены лишь тѣ права и преимущества, которыя были сообразны съ общими законами, что евреямъ предоставлено жительство именно въ городахъ, а не въ селахъ и деревняхъ, такъ какъ ихъ присутствіе въ городахъ считается болѣе полезнымъ и что, наконецъ, если происходятъ отъ евреевъ безпорядки, то таковые должны прекращаться „бдительностью начальства и дѣйствіемъ законовъ". На основаніи этого доклада министра государь повелѣлъ оставить евреевъ въ Кіевѣ на прежнемъ основаніи [1]).

Въ дальнѣйшемъ вопросъ о выселеніи евреевъ изъ городовъ получилъ неблагопріятное направленіе.

Въ 1827 г. кіевскіе христіане добились своей давней цѣли: не смотря на то, что мѣстныя власти настаивали на оставленіи евреевъ въ городѣ, послѣдніе были выселены.—Въ 1829 г. послѣдовало повелѣніе о выселеніи евреевъ изъ Николаева и Севастополя: тамъ были оставлены лишь тѣ евреи, которые служили во флотѣ и въ арміи. Но въ 1830 г. николаевскій и севастопольскій военный губернаторъ, согласно съ мнѣніемъ городской полиціи, магистрата и городской думы, обратился къ министру вн. дѣлъ съ представленіемъ въ пользу оставленія евреевъ, указывая, что городъ останется безъ ремесленниковъ если евреи будутъ удалены; въ 1832 г. губернаторъ вновь обратился съ ходатайствомъ объ отсрочкѣ; отсрочка была дана: сперва на два года, потомъ на одинъ, но все же въ концѣ концовъ евреи были выселены. Въ данномъ случаѣ правительство руководствовалось, повидимому, соображеніемъ о военномъ значеніи городовъ.—Въ 1888 г. евреи были выселены изъ Ялты (остались лишь приписанные къ мѣстному обществу), которая была выключена тогда изъ „черты осѣдлости", вѣроятно въ виду пребыванія въ то время въ лѣтніе мѣсяцы въ Крыму императорской фамиліи.—Согласно законамъ 1891 и 1892 гг., въ теченіи короткаго времени подверглись выселенію изъ Москвы около 20.000 евреевъ.

---

[1]) П. С. З. т. XXXI № 24098 1810 г.

Экономическая жизнь.

Черта осѣдлости.—Родъ занятій.—Землевладѣніе и земледѣліе.—Подати.—Евреи на помѣщичьихъ земляхъ.—Общее экономическое положеніе.

Въ своихъ важнѣйшихъ явленіяхъ еврейская жизнь въ Россіи безпрерывно протекала въ условіяхъ, созданныхъ чертой осѣдлости. Предоставленіемъ еврейскому населенію права жить не по всему пространству русскаго государства, а лишь въ границахъ извѣстныхъ губерній, уже болѣе вѣка въ значительной мѣрѣ опредѣляется форма и содержаніе еврейской жизни въ Россіи. Какъ въ культурномъ, духовно-нравственномъ, такъ и, въ особенности, въ экономическомъ отношеніи жизнь евреевъ въ Россіи складывалась въ тискахъ черты осѣдлости. И трудно себѣ даже конкретно представить то вліяніе—столь глубоко и многообразно оно—какое имѣла черта осѣдлости на характеръ еврейской жизни въ Россіи. Давя еврейскую массу экономически, отстраняя ее отъ свободнаго общенія съ окружающимъ населеніемъ, сгущая вокругъ еврейскаго населенія національно-религіозную атмосферу, черта осѣдлости превратилась до извѣстной степени въ „государство въ государствѣ". Вѣнецъ созданныхъ для еврейскаго населенія ограничительныхъ законовъ, черта осѣдлости ковала ихъ силу.

Черта осѣдлости была, однако, установлена въ такой моментъ, когда на фонѣ русской государственно-общественной жизни она не являлась тѣмъ исключительнымъ явленіемъ, какой она должна быть признана со времени раскрѣпощенія Россіи; Екатерина II — творецъ черты осѣдлости— въ условіяхъ своей эпохи не могла предвидѣть тѣхъ послѣдствій, къ коимъ привелъ изданный ею законъ о „чертѣ".

Обыкновенно зарожденіе черты осѣдлости относятъ къ

губ[illegible] [illegible] губ[illegible]. Но это едва ли основательно. Въ губ[illegible] [illegible] [illegible], что евреямъ, принявшимъ христіанство, не должно препятствовать мѣнять мѣстожительство; изъ этого нельзя трудно вывести—отъ противнаго—что евреи, не принявшіе христіанства, не пользовались правомъ передвиженія; мнѣніе сената, какъ кажется, основывалось лишь на томъ, что для евреевъ, принявшихъ христіанство, существовалъ тотъ законъ, въ силу котораго еврейское населеніе пользовалось правомъ передвиженія лишь въ разрѣшенныхъ мѣстахъ, и потому, не приписанные ни къ какому христіанскому обществу, новообращенные, въ силу исключенія, могли свободно избирать себѣ новое мѣстожительство.

Но въ губ[illegible] [illegible] сенатъ отказалъ евреямъ въ правѣ записываться въ купцы рижскаго форштата для свободной торговли, „потому что о свободной ихъ запискѣ въ купечество и мѣщанство по другимъ городамъ, кромѣ бѣлорусскихъ губерній, особаго высочайшаго повелѣнія нѣтъ". Дѣйствительно, имѣлось высочайшее разрѣшеніе только на переходъ купцовъ изъ одного города въ другой въ предѣлахъ бѣлорусскихъ губерній, но это не являлось ограниченіемъ для еврейскаго населенія, жившаго тогда въ Россіи въ одной только Бѣлоруссіи—напротивъ, это была особая привилегія, дарованная изъ финансовыхъ соображеній бѣлорусскому купечеству, а, между прочимъ, еврейскимъ купцамъ; въ остальныхъ губерніяхъ купечество не пользовалось свободнымъ передвиженіемъ; еще меньше мѣщанство, платившее подушную подать [7].

Обычаи упомянутыми законодательными актами черта осѣдлости не устанавливалась, ибо и христіане соотвѣтствующихъ классовъ были приписаны къ своимъ мѣстамъ. Когда же въ силу городового положенія 1785 г. купечество получило право передвиженія, то и еврейское купечество воспользовалось этой свободой; еврейское же мѣщанство, подобно христіанскому, могло переходить изъ города въ городъ въ предѣлахъ губерніи. Имѣющееся объ этомъ свидѣтель-

---

[7] Указъ сената 17 Октября 1776. П. С. З. № 14528.
[8] П. С. З. т. XXII № 16391.
[9] Дитятинъ. Устройство городовъ, стр. 401.

ство относится, правда, къ 1797 г.,[1]) когда „черта“ уже существовала и еврейское купечество было ограничено ея предѣлами, но ранѣе, именно до 1791 г., бѣлорусскіе купцы, какъ это извѣстно, записывались въ московское и смоленское купечество.

Черта осѣдлости была введена 23 Декабря 1791 г. „Разсматривая—гласилъ указъ Екатерины II сенату—съ одной стороны поданныя намъ прошенія отъ евреевъ, касательно незаписки ихъ въ смоленское и московское купечество, а съ другой—представленныя намъ отъ генерала, главнокомандующаго въ Москвѣ и тамошней губерніи князя Прозоровскаго обстоятельства, до сего же случая относящіяся, и соображая все то съ законами, находимъ что евреи не имѣютъ никакого права записываться въ купечество во внутренніе россійскіе города и порты, а только по указамъ нашимъ дозволено имъ пользоваться правомъ гражданства и мѣщанства въ Бѣлоруссіи . . .“ [2]).

Этимъ указомъ было положено начало черты осѣдлости; тогда же кромѣ Бѣлоруссіи евреямъ было предоставлено „пользоваться правомъ гражданства и мѣщанства“ въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ и таврической области. Вскорѣ черта увеличилась вновь пріобрѣтенными отъ Польши губерніями, также малороссійской, кіевской и курляндской [3]).

Экономическій кабинетъ

[1]) П. С. З. т. XXIV. № 17605.

[2]) П. С. З. т. XXIII № 17006.—О томъ, что это ограниченіе было введено по иниціативѣ московскаго купечества, говоритъ и Ноткинъ (См. прилож. № 1).—Въ засѣданіи 7 Октября 1790 г. Совѣтъ разсматривая это дѣло, нашелъ, что отъ допущенія евреевъ въ купечество россійскихъ городовъ „не усматривается никакой пользы“.

[3]) Нынѣ (1906 г.) дѣйствующимъ закономъ „черта“ опредѣляется 15 губерніями: Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Кіевской, Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской и Черниговской. Евреи жили и живутъ въ настоящее время массами еще въ Курляндіи а также въ привислянскихъ губерніяхъ: Варшавской, Калишской, Кѣлецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой, Радомской, Сувалкской и Сѣдлецкой, но эти губерніи не включены закономъ въ „черту“, представляя собою какъ бы особый міръ. Въ Курляндіи могутъ жить лишь поселившіеся тамъ до 1835 г.; что касается привислянскихъ, то до 1862 г. евреи этихъ губерній не могли переходить на жительство въ „черту“, и, наоборотъ, евреи изъ „черты“ лишены были права поселяться въ привислянскихъ губерн.

Въ этихъ предѣлахъ потекла историческая жизнь евреевъ въ Россіи [1]).

Впослѣдствіи, начиная съ 40-хъ годовъ 19 в., извѣстныя категоріи евреевъ стали получать право проживать внѣ черты осѣдлости: однѣ группы—постоянно, другія—временно [2]), но на рубежѣ 19 в. лишь немногимъ евреямъ удавалось переступать черту осѣдлости.

Нижеописываемый эпизодъ даетъ нѣкоторое представленіе о безуспѣшныхъ попыткахъ евреевъ вырваться изъ предѣловъ черты.

Въ началѣ 1800 г. бѣлорусскіе еврейскіе купцы первой и второй гильдій обратились въ сенатъ съ жалобой на то, что городское правленіе камеральнаго департамента препятствуетъ имъ производить въ Петербургѣ по прежнему оптовую торговлю. Сенатъ призналъ, что городское правленіе правильно поступило, не дозволяя евреямъ записываться въ петербургское купечество и мѣщанство; что же касается запрещенія евреямъ самимъ торговать въ столицѣ и разрѣшенія вести тамъ оптовую торговлю „чрезъ приказчиковъ или комиссіонеровъ *изъ русскихъ купцовъ* [3]), дабы чрезъ то воспользовался жалованьемъ или нѣкоторой частью барыша россіянинъ, а не еврей“, то это корыстное домогательство городского правленія не встрѣтило одобренія со стороны сената, который и „далъ на зачаніе“ городскому правленію указомъ 3 Августа 1800 г.: „какъ въ законѣ нѣтъ особаго положенія на производящихъ повсемѣстно торгъ, чтобы отправлять оный посредствомъ повѣренныхъ изъ русскихъ людей, то и заключеніе что барышъ въ торговлѣ

---

[1]) Измѣненіе названій губерній черты осѣдлости—см. прилож. № 10.

[2]) Правомъ выхода за черту осѣдлости, чтобы постоянно жить по всей Россійской Имперіи (за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ) пользуются купцы первой гильдіи; лица съ высшимъ образованіемъ; лица, прошедшія военную службу по старому рекрутскому уставу, и ремесленники.

Временнымъ правомъ проживанія внѣ черты пользуются лица, обучающіяся ремеслу, получающія высшее образованіе, купцы и ихъ приказчики.

Кромѣ общихъ существуютъ особыя ограниченія для евреевъ въ предѣлахъ извѣстныхъ мѣстъ, какъ напр. Финляндіи, Кавказа и проч.

[3]) Такое требованіе встрѣчается въ „Мнѣніи“ Державина.

преимущественно принадлежитъ россіянину не можетъ почесться основательнымъ"; къ тому же—отмѣчалъ сенатъ—еврейскіе купцы, платя двойныя подати, несутъ одинаково со всѣми подданными обязанности и слѣдовательно они не должны быть „отчуждаемы отъ общихъ правъ и выгодъ въ торговлѣ и промыслахъ... Посему и не можетъ быть принято во уваженіе предполагаемое... запрещеніе въ производимой купцами изъ евреевъ 1 и 2 гильдій оптовой торговлѣ".

Этотъ указъ давалъ, конечно, евреямъ право оптовой торговли, между прочимъ, и въ Москвѣ, однако здѣсь имъ иногда запрещали не только вести оптовую торговлю, „но даже и проживать временно для доправленія старыхъ долговъ, или хожденія по тяжебнымъ ихъ дѣламъ". Тогда, ссылаясь на указъ 3 Августа 1800 г., бѣлорусскіе евреи-купцы обратились (1802 г.) чрезъ посредство своего повѣреннаго Шолома Юдовича за защитою въ сенатъ. Но здѣсь ихъ встрѣтило разочарованіе. Напоминая о злоупотребленіяхъ со стороны евреевъ въ торговлѣ (контрабанда) и опираясь на екатерининскій указъ 1791 г., опредѣлившій черту осѣдлости, и 1794 г., установившій двойную подать, сенатъ нашелъ, что евреи не только не могутъ выходить за предѣлы опредѣленныхъ губерній, но и не должны пользоваться выгодами, предоставленными другимъ. Поэтому сенатъ опредѣлилъ уничтожить силу указа 3 Августа 1800 г. и отказалъ въ новомъ ходатайствѣ бѣлорусскихъ евреевъ; что же касается временнаго пребыванія во внутреннихъ губерніяхъ и въ столицахъ „для доправленія старыхъ долговъ, хожденія по тяжебнымъ дѣламъ и *для общественныхъ ихъ нуждъ*", то это пребываніе внѣ черты можетъ продолжаться столько, сколько нужно; власти должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы подъ этимъ предлогомъ евреи „жительствомъ не водворялись". Это постановленіе сената (7 Апр. 1802 г.) перешло на рѣшеніе Совѣта. Здѣсь гр. Салтыковъ, гр. Воронцовъ и Трощинскій высказались въ томъ смыслѣ, что хотя законы 1791 и 94 гг. и запрещаютъ евреямъ внѣ черты водворяться, не лишаютъ ихъ права производить повсемѣстно оптовую, торговлю; городовое положеніе поощряетъ иностранную оптовую торговлю, „кольми же паче не можно воспретить подданнымъ россійскимъ, не маловажную часть

селенія, и это обстоятельство не осталось, какъ видно, безъ вліянія и на ковенское дѣло.

Постановленіе литовскаго надворнаго суда губернаторъ Булгаковъ препроводилъ (7 декабря 1797 г.) генералъ-прокурору; оно было составлено согласно указанію, сдѣланному государемъ при возникновеніи дѣла, т. е. соотвѣтственно привилегіи города Ковны, но такое рѣшеніе стало въ противорѣчіе съ позднѣйшимъ высочайшимъ повелѣніемъ—не выселять евреевъ изъ Каменца-Подольскаго, а предоставить имъ „свободное пребываніе".

И вотъ, не рѣшаясь войти къ государю съ докладомъ, основанномъ на рѣшеніи надворнаго суда, ген.-прокуроръ препровождаетъ таковое находившемуся тогда въ Петербургѣ литовскому ген.-губернатору кн. Рѣпнину и проситъ его „опредѣлить цѣну" рѣшенія.

„Доставленное ко мнѣ при почтенномъ письмѣ вашего сіятельства отъ 9-го с. м. дѣло между ковенскими мѣщанами и евреями, равно какъ и учиненное по оному рѣшеніе,—писалъ Рѣпнинъ ген.-прокурору кн. Куракину 12-го марта 1798 г.—давно уже мнѣ обстоятельно извѣстны, и я совершенно согласенъ съ тѣмъ рѣшеніемъ литовскаго надворнаго губернскаго суда, находя, что евреевъ необходимо нужно оставить при спокойномъ владѣніи домовъ и мѣстъ на законномъ основаніи имъ въ городѣ Ковнѣ отведенныхъ по точной силѣ состоявшагося о томъ еще во время польскаго правленія въ 1782 г. декрета литовскаго ассесорскаго надворнаго суда, на который и апелляціи никакой по прежнимъ польскимъ правамъ быть не могло. Равномѣрно полагаю я, что несправедливо было бы отнимать у евреевъ и тѣ домы, кои имъ присуждены формою суда по ихъ долгамъ и претензіямъ на ковенскихъ жителяхъ, а ежели городъ ихъ имѣть хочетъ, то долженъ платить евреямъ полную сумму, за которую оные имъ судебными мѣстами присуждены. Но какъ всѣ обыватели, сей городъ составляющіе, за исключеніемъ только весьма малаго изъ нихъ числа иностранныхъ и нѣсколькихъ польскихъ купцовъ, въ такомъ бѣдномъ состояніи находятся, что даже опустошеніе городу послѣдовало бы и вредно для него было бы, чтобы евреи отъ онаго отлучены были, то потому утруждавшіе Государя Императора сами не знали, чего просили, и *слѣдовали только* за-

старѣлой ихъ, легкомысленной и, такъ сказать, *несмысленной къ евреямъ зависти*; слѣдственно, по моему мнѣнію, не заслуживаютъ просьбы и никакого вниманія".

Изъ этихъ строкъ явствуетъ, что все дѣло представилось Рѣпнину въ такомъ видѣ, что если въ разрѣшеніи вопроса и придерживаться до нѣкоторой степени привилегіи ковенскаго общества, то все же, благодаря современнымъ условіямъ мѣстной жизни, претензіи христіанъ не могли быть удовлетворены; поэтому, быть можетъ, Рѣпнинъ не остановился на принципіальномъ противорѣчіи между подобными привилегіями и строемъ русской государственной и общественной жизни.

Но этотъ пробѣлъ былъ восполненъ самой дѣйствительностью.

9-го іюня 1798 г. кн. Куракинъ сообщилъ Булгакову, что по докладѣ о ковенскомъ дѣлѣ государь повелѣлъ, „дабы поселившіеся въ Ковнѣ евреи оставлены были въ спокойномъ собственностью ихъ владѣніи, невозбранно отправляли ремесла и производили-бы торговыя дѣла безпрепятственно".

Это повелѣніе разрушило стѣны ковенскаго гетто: евреи получили полную свободу проживать во всемъ городѣ, занимаясь ремеслами и торговлей. Сгнившія ковенскія привилегіи навсегда утратили свою былую силу[1]).

Павлу I представился еще одинъ случай пренебречь привилегіями польскихъ королей.

Основываясь на томъ, что указомъ 16 сентября 1797 г. были возобновлены старыя грамоты и привилегіи, дарованныя Кіеву, и что кіевское общество было оставлено при всѣхъ прежнихъ „правахъ, вольностяхъ, преимуществахъ, городскихъ, доходахъ и выгодахъ", кіевскій магистратъ, ссылаясь на привилегію 1619 г., обратился (въ началѣ 1801 г.) къ губернатору Феньшу съ предложеніемъ выселить изъ города всѣхъ евреевъ (ихъ было 11 купцовъ и 656 мѣщанъ съ семействами). Привилегія, дѣйствительно, гласила „чтобы ни одинъ жидъ въ городѣ Кіевѣ и въ части сего города подъ правомъ мѣстныхъ не жилъ... чтобы ни

---

[1]) Сенатскій архивъ. Дѣло Мин. Юстиціи 1797 г. № 316. По просьбѣ жителей Ковны о выселеніи изъ этого города евреевъ.

рисующія соотношеніе между христіанскими и еврейскими ремесленниками [1]). Другихъ подобныхъ параллельныхъ таблицъ не сохранилось въ моихъ матеріалахъ; но имѣются вообще статистическія данныя, краснорѣчиво говорящія о широкомъ участіи еврейскаго населенія въ ремесленномъ трудѣ [2]).

Ремесленная дѣятельность евреевъ приближалась порою, по техническимъ условіямъ, къ фабричному производству. Но, кромѣ того, евреи являлись и фабрикантами [3]).

Фризель не лестно отзывается о ремесленномъ трудѣ евреевъ. „Учась какому нибудь ремеслу, они никогда своей науки не оканчиваютъ; едва только начинаютъ сами какъ нибудь работать, тотчасъ дѣлаются мастерами",—пишетъ Фризель и противопоставляетъ имъ христіанъ, болѣе основательно знакомившихся со своимъ дѣломъ. Иначе аттестуетъ еврейскихъ ремесленниковъ кіевскій губернаторъ Феньшъ: „Въ здѣшнемъ городѣ Кіевѣ изъ мѣщанъ христіанскаго закона нѣтъ никакихъ хорошихъ искусныхъ мастеровъ и художниковъ а находятся разные изъ таковыхъ большею частію евреи..."

Евреи въ теченіе вѣковъ были лишены права пріобрѣтать землю. Такъ было въ Польшѣ [4]), такъ было почти всегда и въ Россіи.

Вообще право владѣнія землею принадлежало въ Россіи лишь дворянамъ; только съ 1800 г. купцамъ и мѣщанамъ было предоставлено покупать землю, но безъ людей. Къ

---

[1]) См. приложеніе № 12.

[2]) См. приложеніе № 12.

[3]) Въ Минской губерніи около 1808 г. было 16 фабрикъ на помѣщичьей землѣ, принадлежавшія евреямъ. Въ виленской губ. въ м. Иліи было 5 стеклянныхъ заводовъ, въ Городнѣ — 2 кожевенныя фабрики, въ Друѣ—2 мыльныхъ завода (съ 1786 и 1790 г.), 1 бумажная фабрика; въ Бобовнѣ—3 суконныя фабрики.

Въ 1806 г. въ предѣлахъ Волынской, Подольской, Минской и Литовской губерній евреямъ принадлежали 7 шерстяныхъ фабрикъ.

[4]) Исключеніе, какъ кажется, дѣлалось лишь для тѣхъ немногихъ евреевъ, которые возводились королемъ въ „благородство" пожалованіемъ званія „надворнаго совѣтника". Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ заявленія польскаго надворнаго совѣтника Цетлина. Опред. 1 Отд. 3 деп. 1801 г. 4 Апрѣля.

тому же указомъ 22 февраля 1784 г. не-христіанамъ было запрещено имѣть крѣпостныхъ-христіанъ.

Однако, фактически евреи нерѣдко были крупными землевладѣльцами, выступая въ роли арендаторовъ и вообще прибѣгая къ разнаго рода фиктивнымъ сдѣлкамъ съ помѣщиками.

Такой порядокъ продолжался нѣкоторое время и въ русское господство, не обращая на себя вниманія. Напр., въ 1800 г. въ с. Островѣ, въ имѣніи адмирала Дерибаса „хозяйственное распоряженіе производилось войтами изъ крестьянъ, подъ надзоромъ сыновей польскаго надворнаго совѣтника Евсея Ноты Хаймовича", т. е помѣстье вмѣстѣ съ 225 крѣпостными душами фактически принадлежало Ноткину; такимъ же путемъ надворный совѣтникъ Цетлинъ владѣлъ вотчинами Мордвиновыхъ съ 910 душами; велижскій купецъ Копель Шмееровичъ—1627 душами; а велижскій мѣщанинъ Нисуловичъ—166 [1]).—Но потомъ, по иниціативѣ Державина, правительство выступило противъ еврейскаго землевладѣнія. Когда бѣлорусскому еврейству стало извѣстно, что Державинъ выставилъ евреевъ, какъ арендаторовъ, виновниками бѣдствія крестьянъ [2]), оно уполномочило нѣкоего Пейсаховича подать всеподданнѣйшую жалобу на Державина за оклеветаніе еврейскаго населенія. Ген.-прокуроръ объяснилъ государю, что евреи не только потому, что они не дворяне, „но и по имени своему (т. е. въ качествѣ евреевъ?) правилами польскихъ конституцій лишены арендаторскаго права" и предложилъ передать жалобу въ сенатъ [3]). Здѣсь толкованіе ген.-прокурора было принято и сенатъ въ своемъ указѣ 17 Дек. 1800 г. постановилъ, чтобы евреи „ни подъ

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) См. выше, стр. 310—311.

[3]) Отношеніе ген.-прокурора въ сенатъ (5 ноября 1800 г.) гласило „Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ прилагаемое при семъ прошеніе бѣлорусской губерніи отъ евреевъ повѣреннаго мѣщанина Пейсаховича, жалующагося, будто несправедливо господинъ сенаторъ Державинъ обнесъ ихъ предъ Е. И. В. они причиной бѣдности и истощенія тамъ крестьянъ, которые въ арендное содержаніе имъ отданы, препроводить въ Пр. Сенатъ для разсмотрѣнія съ тѣмъ, что когда показанія на господина сенатора Державина окажутся несправедливыми, то съ просителемъ поступить на основаніи законовъ". При этомъ было сдѣлано указаніе на польскія конституціи 1496 и 1775.

какимъ предлогомъ и ни подъ какія обязательства не брали отъ дворянъ крестьянъ и ихъ деревень" [1]).

Однако, и послѣ этого указа евреи продолжали владѣть помѣстьями и крѣпостными, хотя и не гласно. Напримѣръ, покупка евреемъ коллежскимъ ассесоромъ Николаемъ Штиглицемъ въ 1802 г. у кн. Вяземской 96400 десятинъ земли съ 2037 крестьянскими душами не была казенной палатой утверждена [2]), но, подъ прикрытіемъ разнообразныхъ сдѣлокъ, земли съ крестьянами по прежнему оставались въ рукахъ евреевъ. А иногда контракты на землю съ крестьянами утверждались судебными учрежденіями. Въ 1813 г. сенату пришлось повторить указъ 1800 г., но и это не измѣнило фактическаго положенія.

Въ этомъ вопросѣ центральное мѣсто занимало владѣніе евреями *христіанскими* душами; поэтому евреи одновременно не встрѣчали препятствій въ отношеніи аренды земли для личного занятія земледѣльческимъ трудомъ.

Такъ, по оффиціальному сообщенію, относящемуся къ 1808 г. [3]), въ минской губерніи значилось 56 евреевъ, „упражняющихся дѣйствительно лѣтъ отъ 5 и болѣе на земляхъ помѣщичьихъ по контрактамъ и наймамъ", (въ полтавской губерніи—2).

Болѣе того, еще до появленія Положенія 1804 г., впервые разрѣшившаго евреямъ пріобрѣтать незаселенную землю, евреи кое-гдѣ, какъ свидѣтельствуютъ отрывочныя данныя, пріобрѣтали землю для личнаго земледѣльческаго труда. Въ минской губерніи, въ Копылѣ двое владѣли землею съ 1799 г., въ Пуховичахъ—пятеро евреевъ.

Но эти земледѣльцы и землевладѣльцы являлись, конечно, рѣдкими исключеніями. Евреи представляли собою торгово-промышленный и ремесленный классъ, и соотвѣтствующей дѣятельностью они занимались какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ.

До вступленія въ купеческое и мѣщанское сословія, евреи

---

[1]) Это дѣло—„О евреѣ Пейсаховичѣ, присужденномъ за подачу ложной жалобы къ содержанію въ цейхгаузѣ"—поступило среди другихъ бумагъ въ комитетъ, выработавшій Положеніе 1804 г.

[2]) Изъ разрозненныхъ бумагъ Публ. Библіотеки.

[3]) 1 Деп. Сен. дѣло № 423, 1804 г.

облагались особой податью [1]), войдя же въ составъ купечества, евреи должны были, какъ и русскіе купцы, платить одинъ процентъ съ объявляемаго „по совѣсти“ капитала [2]), мѣщане-евреи ту же поголовную подать, что христіане-мѣщане: „... евреи, въ Бѣлорусской губерніи пребывающіе, долженствуютъ обложены быть податьми по состояніямъ, въ какое они запишутся безъ различія и народа“—гласилъ указъ 3 мая 1783 г. [3]).

Сверхъ процентнаго сбора съ капитала купцы въ то время уплачивали 12 коп.—почтоваго сбора, а мѣщане помимо подушной подати въ размѣрѣ „сорока алтына“ и 12 коп. почтоваго сбора, уплачивали еще по 2 копѣйки съ каждаго рубля подушной подати.

Но это равномѣрное обложеніе податной тяготы было нарушено повелѣніемъ Екатерины II отъ 23 Іюня 1794 года.

„Позволивъ евреямъ отправлять мѣщанскіе и купеческіе промыслы ихъ въ губерніяхъ: Минской, Изъяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Кіевской, Черниговской, Новгородской-Сѣверской, Екатеринославской и въ области Таврической, записаться по городамъ въ мѣщанство и купечество, повелѣваемъ съ тѣхъ изъ упомянутыхъ евреевъ, которые таковымъ дозволеніемъ пользоваться желаютъ, собирать съ 1 числа слѣдующаго іюля установленныя подати *вдвое* противу положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исповѣданій; которые же не похотятъ остаться, таковымъ дать свободу, на основаніи Положенія

---

[1]) П. С. З. 13 сентября 1772 г. XIX т. № 13865 п. I. Крестьяне въ семигривенный окладъ. Съ *жидовъ* сборъ положить также поголовный по одному рублю... Съ купечества по 1 р. 20 к. съ головы.—Іюля 3 1779 г. т. XX № 14892 ...съ начала будущаго 1780 г... поголовныя съ крестьянъ по 35 к., да за винную продажу по 20 к., съ городовъ поголовныя съ мѣщанъ по 60 к., да за винную продажу по рублю; съ мѣстечекъ за винную продажу по 50 к. съ головы, арендны по 50 к., да поголовныя съ *жидовъ* по 50 к.

[2]) П. С. З. т. XX № 14962, 7 янв. 1780 г. Это было повторено 10 марта 1781 (П. С. З. XXI № 15130), причемъ можно думать, что государыня отвергла предположеніе ген. прокурора о неравномѣрной подати въ зависимости отъ религіи.

[3]) П. С. З. № 15724.

о городахъ, по заплатѣ трехлѣтней двойной подати, выѣхать изъ Имперіи Нашей [1])".

---

[1]) П. С. З. т. XXIII № 17224.—Дословно такой же указъ встрѣчается и въ XXIV т. П. С. З. (№ 18015); здѣсь онъ помѣченъ 23 іюня 1797 г., т. е. относится къ царствованію Павла I. Но этотъ *указъ 1797 г. никогда не существовалъ.*

Прежде всего, сомнѣніе въ достовѣрности Павловскаго указа вызывается какъ его дословнымъ сходствомъ съ указомъ Екатерины, такъ и тѣмъ, что оба документа помѣчены однимъ числомъ: 23 іюня, и разница лишь въ годахъ: Екатерининскій относится къ 1794, а Павловскій къ 1797 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ на себя вниманіе то, что редакція Павловскаго указа не соотвѣтствуетъ его характеру. Указъ Павла I не вводилъ новаго закона, но лишь подтверждалъ уже существовавшій; въ подобныхъ случаяхъ въ то время всегда дѣлались ссылки на таковой,—въ указѣ же Павла этого нѣтъ, хотя указъ Екатерины вовсе не былъ забытъ, какъ сейчасъ будетъ видно.

Но полную увѣренность въ томъ, что упомянутаго указа Павла никогда не было, должно внушить то обстоятельство, что нѣкоторыя губерніи, поименованныя въ обоихъ указахъ и существовавшія въ 1794 г. не существовали болѣе въ 1797 году.

Любопытно также, что въ указѣ, яко-бы подписанномъ Павломъ I, фигурируетъ Екатеринославская губ. Извѣстно, какъ относился Павелъ къ памяти матери; вслѣдъ за восшествіемъ на престолъ, онъ велѣлъ переименовать Екатеринославскую губернію въ Новороссійскую и, конечно, никто не поднесъ бы государю къ подписи актъ, въ которомъ значилось непріятное государю названіе, да и государь не подписалъ бы подобной бумаги.

Фактъ несуществованія Павловскаго указа подтверждается также и тѣмъ, что въ позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ, касающихся двойной подати евреевъ и ихъ права записываться въ купечество и мѣщанство, ни разу не дѣлается ссылка на указъ 1797 года, а только на указъ 1794 года. И даже въ докладѣ сената (1799 г.), утвержденномъ самимъ Павломъ, дважды упоминается Екатерининскій указъ, а не тождественный съ нимъ Павловскій.

(П. С. З. т. XXV, № 18889. То же и въ высоч. утвержд. докладѣ сената 30 Мая 1805 г. т. XXVIII № 21766.—Еврейскіе повѣренные въ своихъ ходатайствахъ также упоминали лишь указъ Екатерины II.—Первое слово въ Екатерининскомъ указѣ—„Позволивъ", а въ указѣ Павла „позволяя". Это, повидимому, редакціонная поправка).

Въ пользу моего утвержденія говоритъ и то обстоятельство, что указъ не значится въ спеціальномъ изданіи сената „Именные указы Имп. Павла I" и не находится въ хранящейся въ архивѣ сената описи, въ которую своевременно заносились всѣ именные указы и высочайшія повелѣнія, поступавшіе въ сенатъ.

Надо думать, что среди разнообразнаго матеріала, на основаніи котораго было составлено Собраніе, помимо того экземпляра Екате-

Въ силу новаго закона [1]) еврейскіе купцы должны были платить два процента со своихъ капиталовъ и по 24 копѣйки почтоваго налога; мѣщане—и подушныя подати, и почтовый налогъ, и добавочный сборъ съ уплачиваемой суммы подушной подати—все въ двойномъ размѣрѣ; а позже евреи принуждены были платить въ двойномъ размѣрѣ и наслѣдственныя пошлины [2]).

Неизвѣстно, чѣмъ былъ вызванъ законъ 1794 года. Нота Ноткинъ указываетъ, что это „сколько можно было знать послѣдовало, дабы принудить изъ нихъ несостоятельныхъ въ платежѣ сего къ переселенію въ бывшія Екатеринославскую и Вознесенскую губерніи на пустопорожнія земли"; но возможно, что государыня руководствовалась лишь фискальными соображеніями: на этотъ шагъ ее могло толкнуть ложное ходячее представленіе о богатствѣ евреевъ [3]).

Указанными сборами не исчерпывалось платежное обложеніе значительной части еврейскаго населенія: многія тысячи евреевъ, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ, платя тѣ сборы, которые причитались съ нихъ, какъ приписанныхъ

рининскаго указа, согласно которому въ Собраніе былъ правильно занесенъ указъ 1794 года, имѣлась еще копія того же указа отъ 23 іюня 1794 г., въ которой рукописное „4" было принято за „7". Вообще документъ, на основаніи котораго въ Собраніи былъ помѣщенъ Павловскій указъ, представлялъ собою деффектную копію; именные указы сопровождаются въ Собраніи отмѣткой, кому они были даны или кѣмъ объявлены, Павловскій же указъ не снабженъ такимъ примѣчаніемъ.

[1]) Въ томъ же году евреи — купцы и мѣщане были, подобно христіанскимъ купцамъ, обложены рекрутскимъ сборомъ, по 500 р. за рекрута, слѣдовавшаго съ еврейскаго населенія. Натуральная воинская повинность для евреевъ была введена при Николаѣ I.

[2]) Сенатскій указъ 29 декабря 1796 г.

[3]) Въ 1795 г. караимы были выдѣлены въ этомъ отношеніи изъ состава еврейскаго общества — они были освобождены отъ двойной подати.

Было бы весьма интересно выяснить, какую величину представляло собою еврейское населеніе въ податномъ отношеніи—данныя объ этомъ имѣются въ сохранившихся окладныхъ книгахъ—но я ограничюсь лишь тѣми статистическими данными, которыя опредѣляютъ роль евреевъ, какъ платежной силы, въ предѣлахъ торгово-промышленнаго класса въ чертѣ осѣдлости. См. приложеніе № 11.

къ тому или другому городу, несли еще цѣлый рядъ повинностей, налагавшихся на нихъ помѣщиками.

Господа земли, помѣщики, въ теченіе вѣковъ являлись господами жившихъ у нихъ евреевъ; евреи были ихъ подданными, отъ помѣщика зависѣло само проживаніе евреевъ на его землѣ и до извѣстной степени право передвиженія; онъ же налагалъ и взыскивалъ подати, творилъ судъ и расправу, вмѣшивался въ религіозныя дѣла. Однако *еврей былъ свободенъ*, и это-то обстоятельство служило точкой опоры для равновѣсія между властью и произволомъ помѣщика, съ одной стороны, и беззащитностью евреевъ—съ другой. Вся сила еврея заключалась въ томъ, что онъ могъ быть полезенъ помѣщику и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ могъ уйти отъ него, и единственно, что сковывало власть помѣщика надъ евреемъ—это опасеніе потерять въ немъ источникъ дохода.

Былъ моментъ, когда помѣщики задумали было закрѣпостить евреевъ. На сеймѣ 1740 г., дворянскіе депутаты внесли предложеніе, чтобы евреи, живущіе въ дворянскихъ имѣніяхъ, были признаны subjecti haereditati, то есть наслѣдственною родовою собственностью владѣльцевъ, но это предложеніе было отвергнуто, такъ какъ правительство опасалось, что обращенные въ помѣщичьихъ крѣпостныхъ, евреи будутъ приносить мало доходу казнѣ [1]).

Помѣщикъ ставилъ своей задачей извлечь изъ еврея все, что возможно, но не дать ему погибнуть, дабы не изсякъ источникъ дохода, и, такимъ образомъ, и за проживаніе на чужой землѣ, и за право занятій, и за огражденіе своей личности отъ насилія со стороны помѣщика еврей долженъ былъ платить; онъ отдавалъ помѣщику и государству почти все, что могъ выработать и этой цѣною онъ покупалъ право на существованіе столь бѣдственное и жалкое, что оно едва-едва отдѣлялось отъ голодной смерти.

При такихъ условіяхъ еврей долженъ былъ направить всѣ свои усилія къ тому, чтобы тѣмъ или инымъ путемъ извлечь возможно большую цѣнность изъ своего труда; но

---

[1]) С. Дубновъ. Восходъ 1899 г. кн. 1.

естественное занятіе на чужой землѣ—мелочная торговля и ремесла—могло кормить лишь небольшую часть еврейскаго населенія; остальные должны были искать другого заработка и тутъ-то сыграло роль то обстоятельство, что помѣщики изъ личныхъ выгодъ отдавали евреямъ на откупъ различныя статьи дохода и отдавали имъ въ аренду свои имѣнія—цѣлая армія евреевъ, продавая помѣщичью водку, стала за корчемными прилавками въ деревняхъ и по дорогамъ, и наряду съ этимъ заняла мѣста надсмотрщиковъ на работахъ крестьянъ.

Евреи были рабами помѣщика; имъ приходилось испытывать на себѣ и религіозную ненависть помѣщика, и разнузданный произволъ, выливавшійся въ многообразныя формы обидъ, глумленія и насилія. Но все это, въ результатѣ, сводилось къ денежнымъ расчетамъ и жизнь еврея на помѣщичьей землѣ представляла собою, въ сущности, безпрерывную оплату подаваемыхъ счетовъ; золотомъ регулировались взаимоотношенія помѣщиковъ и жившихъ на ихъ земляхъ евреевъ, при чемъ здѣсь играла роль платежеспособность не каждаго еврея въ отдѣльности, а цѣлыхъ еврейскихъ обществъ, часто золотомъ предотвращались насилія, со стороны пановъ направлявшіяся на тѣ или другія группы еврейскаго населенія, и въ такихъ случаяхъ выкупная сумма вносилась цѣлымъ еврейскимъ обществомъ.

По переходѣ бывшихъ польскихъ губрній къ Россіи власть помѣщика надъ евреемъ должна была юридически упразднитьcя—всѣ евреи, войдя въ составъ торгово-промышленныхъ классовъ, были подчинены соотвѣтствующимъ судебнымъ установленіямъ, и такимъ образомъ помѣщикъ отнынѣ переставалъ быть судьею для жившихъ на его землѣ евреевъ; регулированіе правомъ передвиженія евреевъ также должно было перейти въ извѣстныя учрежденія, да и споры между помѣщикомъ и евреями должны были разрѣшаться въ новыхъ мѣстахъ.

Жизнь евреевъ на помѣщичьихъ земляхъ не подвергалась изслѣдованію въ литературѣ, и имѣющіеся у меня матеріалы намѣчаютъ лишь контуры этой жизни; но представляется несомнѣннымъ, что и по переходѣ въ русское подданство евреи, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ, остались въ прежнихъ польскихъ условіяхъ: они должны были

покупать у помѣщиковъ и справедливость, и милость, и право жить на его землѣ и право уйти съ нея.

На сколько мнѣ извѣстно, съ вопросомъ о судьбѣ помѣщичьихъ евреевъ русское правительство впервые познакомилось при Павлѣ I. „По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, честь имѣю—писалъ ген. прокуроръ Лопухинъ 20 марта 1799 г.—предложить правительствующему сенату, дабы немедленно и не въ очередь было разсмотрѣно сенатомъ дѣло о разныхъ злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ Литовской губерніи, новомѣстскимъ старостою Роникеромъ, оказываемыхъ евреямъ, въ томъ староствѣ живущимъ, съ тѣмъ, чтобы съ Роникеромъ, буде онъ въ предъявленныхъ на него зловредныхъ поступкахъ окажется виновнымъ, было поступлено по всей строгости законовъ, и чтобы приняты были всевозможныя мѣры къ огражденію... евреевъ отъ притѣсненія [1]).

„Старовство Хвейданское, какъ писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ сенатъ, пожаловано было въ 1765 г. Литовскому чеснику Михайлѣ Роникеру въ пожизненное, а по немъ наслѣдникамъ его въ пятидесятилѣтнее содержаніе; при владѣніи которымъ, когда зачалъ онъ дѣлать новомѣстскимъ евреямъ разныя угнетенія, возвышеніемъ подати арендной и пляцовой, браніемъ подымнаго, и прочія чинить притѣсненія, то они подали о томъ въ Виленскіе и Ковенскіе акты явочныя жалобы. По занятіи же того края войсками Вашего Императорскаго Величества, евреи не однажды жаловались управлявшему въ то время Ковенскою частію генералъ-лейтенанту князю Голицину, что со времени покупки старостою Роникеромъ собственнаго близъ того староства имѣнія Сингуты начали они испытывать съ 785 года вящшія отъ него притѣсненія, кои дѣланы имъ были на тотъ конецъ, дабы переселились они изъ Новаго Мѣста въ купленное имъ имѣніе, а не въ состояніи будучи сего́ чрезъ приказаніе исполнить, наложилъ на нихъ насильно необыкновенныя съ пропинаціи аренды; но когда и симъ ихъ не склонилъ къ переходу, то, опечатавъ въ собственныхъ ихъ домахъ шинки, запретилъ продажу питей и потомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сѣкъ, почему

[1]) Арх. Сен. т. 216 л. 139.

и принуждены они были данные имъ отъ него контракты принять и платить по волѣ его подати подымную и чоповую“ .

Вмѣшательство русскихъ властей не принесло пользы: Роникеръ совершенно игнорировалъ ихъ распоряженія. Когда полковнику Прозоровскому было вторично поручено дать евреямъ „надлежащее защищеніе“ и онъ объ этомъ увѣдомилъ Роникера—послѣдній высѣкъ двухъ евреевъ. Надворный судъ присудилъ въ пользу евреевъ съ Роникера значительную сумму денегъ и предложилъ губернскому правленію слѣдить за тѣмъ, чтобы староста Роникеръ „впредь ни подъ какимъ видомъ не притѣснялъ новомѣстскихъ жителей, не чинилъ имъ никакихъ непозволенныхъ налоговъ, обидъ, какъ личныхъ, такъ и въ имѣніи и торговлѣ, и не препятствовалъ имъ разбираться между собою въ дѣлахъ духовныхъ и партикулярныхъ въ своей синагогѣ“. Сенатъ подтвердилъ это рѣшеніе, предписавъ губернскому правленію взять съ Роникера подписку о нечиненіи евреямъ притѣсненій, и постановилъ посадить Роникера на шесть недѣль „на вѣжу“ [1]).

То же самое, что дѣло Роникера, представляетъ собою и дѣло, возникшее по жалобѣ, съ которой повѣренный еврейскаго общества м. Соколовки (кіевской губ.) Файвишъ Хаимовичъ обратился къ государю въ 1800 г. на владѣльца мѣстечка--Станислава Потоцкаго.

Въ своемъ прошеніи Файвишъ Хаимовичъ указывалъ, что евреи еще отъ польскихъ королей имѣли привилегіи, дававшія право проживать по всей Польшѣ, и такъ какъ въ старое время города не были благоустроены, то помѣщики, „льстясь на трудолюбіе и способность евреевъ къ промыслу, склоняли ихъ къ жительству въ ихъ помѣстьяхъ, обѣщая имъ всякія выгоды“; при такихъ же условіяхъ и владѣлецъ м. Соколовки „Франтишекъ“ Потоцкій пригласилъ предковъ жалобщиковъ поселиться въ мѣстечкѣ, „съ ограниченіемъ помѣщичьихъ съ нихъ сборовъ“, вслѣдствіе чего евреи и „застроились“. Но Станиславъ Потоцкій, хотя и подтвердилъ то условіе, нарушилъ его, „подати на евреевъ новыя налагая, а старыя подвышая до чрезвычайности“. По жалобамъ евреевъ возникло судебное дѣло, между тѣмъ,

---

[1]) Арх. сената. Всеподданнѣйшіе доклады.

Помѣщикъ, какъ уверяетъ Файвишъ Хаимовичъ во всеподданѣйшемъ прошеніи, „простираетъ свою власть и самовольно заставляетъ съ евреевъ своихъ налогомъ по своей волѣ и такимъ образомъ можетъ довести ихъ до такого состоянія, что они не сумѣютъ заплатить подати", а потому необходимо просить повелѣть, чтобы до рѣшенія суда Помѣщикъ не простирать своей власти надъ евреями чрезъ приставъ и не заставлять сборомъ.

Прошеніе Файвиша Хаимовича привело къ большему результату, чѣмъ онъ могъ ожидать.

Его императорское величество—гласило предложеніе генералъ-прокурора Обольянинова сенату отъ 6 декабря 1800 г. —повелѣть заставить прилагаемое при семъ прошеніе евреи Файвиша Хаимовича объ ограниченіи власти надъ вѣдомыми его, во владѣніи бѣлевской губ., м. Соколовки, Станиславъ Потоцкимъ, относящемся до налагаемыхъ на евреевъ поборовъ, отдать въ правительствующій сенатъ, съ тѣмъ, чтобы, такъ какъ въ губерніяхъ отъ Польши въ Россію присоединенныхъ на таковомъ, какъ и проситель, основаніи находится великое число евреевъ, собравъ всѣ справки по предмету случая, отъ начальниковъ губерній, гдѣ евреи находятся, съ мнѣніемъ ихъ сдѣлать постановленіе и вновь на высочайшее его величества утвержденіе" [1]).

Сенатъ не замедлилъ истребовать отъ начальниковъ губерній соотвѣтствующія свѣдѣнія—они вскорѣ поступили [2]), и когда послѣ затѣмъ сенату представился случай еще разъ познакомиться съ новымъ такимъ же дѣломъ, онъ легко установилъ, что первопричина жалобъ евреевъ лежитъ въ томъ, что помѣщики сохранили за собою ту власть надъ евреями, которою они пользовались въ польское время.

Это было дѣло Зорича, владѣльца Шклова, недолгаго

---

[1]) Опр. 1 Отд. 3 деп. сената 11 Декабря 1800 г.

[2]) Эти донесенія образовали дѣло: „По именному указу о собраніи отъ нѣкоторыхъ начальниковъ губерній и казенныхъ палатъ свѣдѣній и мнѣній относительно содержанія евреевъ въ казенныхъ и партикулярныхъ селеніяхъ на такомъ основаніи, чтобы не были отягощаемы излишними поборами и налогами отъ владѣльцевъ". Это дѣло поступило потомъ въ распоряженіе комитета 1802 г., а затѣмъ возвращено въ сенатъ. Но не смотря на тщательные поиски, мнѣ не удалось найти этотъ несомнѣнно цѣнный матеріалъ.

фаворита Екатерины II, о которомъ бѣлорусскій губернаторъ Жегулинъ выразился, что онъ „въ пышной надменности“ не признаетъ ни закона, ни властей.

Когда евреи въ 1668 г. стали „строиться“ въ Шкловѣ, въ договорѣ, заключенномъ съ шкловскимъ владѣльцемъ графомъ Сенявскимъ, было сказано, что они „во всякихъ дѣлахъ судиться имѣютъ предъ намѣстникомъ его, графа Сенявскаго, апелляцію же на опредѣленія намѣстника имѣть къ нему самому Сенявскому“. Основываясь на этомъ прошломъ, Зоричъ „оставался въ томъ мнѣніи, что онъ съ евреями, на его земляхъ живущими, въ разсужденіи суда и расправы, между его экономіею и крестьянами случающимися, можетъ употреблять власть помѣщичью надъ тѣми и другими“...

Евреи жаловались, что Зоричъ собственноручно билъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, выселилъ нѣсколькихъ евреевъ изъ Шклова, а другихъ принуждалъ выѣхать въ 24 часа, при чемъ двухъ евреевъ лишилъ имущества, а у двоихъ отобралъ дома и т. д. Подобныхъ жалобъ было много и возможно, что не всѣ онѣ были основательны.

Но это „дѣло“ служитъ любопытной иллюстраціей къ вопросу о жизни евреевъ на помѣщичьихъ земляхъ.

„Евреи показываютъ—гласилъ всеподданнѣйшій докладъ сената—что трое изъ нихъ содержаны были подъ карауломъ, одинъ въ колодкахъ, а двое въ желѣзахъ до двухъ недѣль и употреблялись на работу.—На сіе Зоричъ отозвался, что тѣ трое евреевъ оказались въ воровствѣ и дурныхъ поступкахъ, а поелико право тамошнее позволяетъ помѣщикамъ таковыхъ брать подъ караулъ и по изслѣдованіи, если окажутся достойны важнаго штрафа, отсылаются въ судъ, то и помянутые евреи содержались подъ карауломъ и, можетъ быть, употребляемы были въ работу,—все же они, трое евреевъ, меньше, нежели у хозяевъ слуги“.

По поводу жалобы на то, что рекрутскія партіи, проходившія черезъ Шкловъ, Зоричъ расположилъ въ квартирахъ однихъ евреевъ „Зоричъ на сіе отвѣтствовалъ, что онъ, живущихъ въ Шкловѣ, евреевъ не иначе считалъ, какъ *подвластными ему*, покуда на землѣ его проживаютъ“, при чемъ пояснялъ, что „всѣ еврейскіе дома, кои не имѣютъ особеннаго на каждый изъ нихъ отъ предмѣстника его

и отъ него, Зорича, права, принадлежатъ ему, Зоричу". А на цѣлый рядъ обвиненій въ лишеніи евреевъ свободы и въ томъ, что они были подвергнуты тѣлеснымъ наказаніямъ, „Зоричъ отвѣтствовалъ, что евреи за вины подлежали его и управители его разбирательству... и ежели евреи наказываемы были, то конечно за вины ихъ".

Не останавливаясь на другихъ жалобахъ евреевъ, свидѣтельствовавшихъ, что „Зоричъ оставилъ безъ платежа одинъ только воздухъ", нельзя обойти молчаніемъ еще одного пункта сенатскаго доклада. „Евреи показываютъ, что Зоричъ съ 1794 г. приневоливать началъ еврейскихъ шинкарей брать у него хлѣбное вино въ каждый годъ 16000 ведеръ и взыскивать съ нихъ по 3 р. 15 коп. за ведро, а когда таковые отказывались, что не могутъ такого числа ведеръ распродать и стоитъ оно только третью долю противъ положенной Зоричемъ цѣны, то онъ для продажи вина помѣстилъ въ домы тѣхъ шинкарей собственныхъ своихъ крестьянъ... Но какъ крестьяне его не могли продать означенной пропорціи, тогда они сведены, а вмѣсто усильнымъ (т. е. насильственнымъ) образомъ стали вино свозить въ шинки, вкатывать бочки, и, не смотря на то, продается ли оное или нѣтъ, взыскиваются съ шинкарей деньги чрезъ экзекуцію"...

Сенатъ увидѣлъ изъ дѣла, что Зоричъ „мыслитъ, что онъ, яко помѣщикъ, могъ, *по прежнимъ польскимъ установленіямъ, простирать власть надъ евреями, въ его селеніи и на его земляхъ живущими*, а какъ по законамъ вашего императорскаго величества—докладывалъ сенатъ—купцы и мѣщане, каковы суть и помянутые евреи, должны судомъ и расправою вѣдомы быть подъ магистратами и ратушами, почему и присвоеніе Зоричемъ надъ тѣми евреями помѣщичьяго распоряженія мѣсто имѣть не должно было". Вслѣдствіе чего сенатъ и постановилъ, чтобы управляющіе Шкловомъ „ни въ какой судъ и расправу надъ евреями, яко не подвластными шкловскимъ помѣщикамъ, не входили, а относились бы съ просьбами и жалобами своими къ учрежденнымъ присутственнымъ мѣстамъ".

Однако, вставалъ вопросъ, какимъ образомъ законъ могъ регулировать взаимоотношенія между помѣщикомъ и евреями, когда само проживаніе еврея зависѣло отъ усмотрѣнія помѣщика, который, пользуясь однимъ даже этимъ правомъ,

могъ безгранично господствовать надъ еврейскимъ населеніемъ.

Въ это время сенатъ приступалъ къ „генеральному постановленію о евреяхъ“, и потому указывая, что евреи въ Шкловѣ имѣли недвижимость, построенную, конечно, съ разрѣшенія владѣльцевъ имѣній, сенатъ предложилъ, какъ временную мѣру, чтобы евреи не подвергались выселенію и чтобы подать впредь уплачивалась въ средней суммѣ за послѣдніе три года до возникновенія споровъ, безъ права со стороны управляющихъ Шкловомъ увеличивать подать; тѣхъ же евреевъ, которые не уплачивали подать, должны были выселять надлежащія правительственныя мѣста.

Заняться генеральнымъ постановленіемъ, какъ извѣстно, пришлось не сенату, а комитету 1802 г.; выработаннымъ имъ Положеніемъ 1804 г. было установлено, что помѣщики не имѣютъ надъ евреями права суда ни въ тяжебныхъ дѣлахъ, ни въ уголовныхъ; что евреи могутъ выбирать въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ раввиновъ и кагальныхъ безъ участія въ томъ помѣщиковъ, „коимъ запрещается при семъ за раввинство собирать какую либо подать“. Но Положеніе сохранило одну мѣру, которая давала помѣщикамъ возможность злоупотреблять своей властью. „При переходѣ евреевъ съ одного мѣста на другое, они обязаны представить свидѣтельства отъ помѣщиковъ... что они удовлетворили всѣмъ обязанностямъ въ разсужденіи ихъ“. Депутаты еврейскихъ обществъ указывали впослѣдствіи, что помѣщики могутъ при такомъ условіи насильственно удерживать евреевъ на своихъ земляхъ и комитетъ 1809 г. (Попова) призналъ необходимымъ уничтожить это стѣсненіе евреевъ въ передвиженіи.

Сомнительно, чтобы требованіе закона о свободѣ евреевъ на помѣщичьихъ земляхъ было на практикѣ широко осуществлено—слишкомъ сильна была экономическая зависимость евреевъ отъ помѣщиковъ. Но трагически было то, что тамъ, гдѣ съ евреевъ снималась въ силу русскаго государственно-общественнаго строя, „польская“ опека помѣщика,—тамъ ихъ положеніе еще болѣе ухудшалось. „По присоединенію сего края къ Россійскому владычеству—сообщалъ кіевскій губернаторъ Панкратьевъ въ 1802 г.—понеже сей еврейскій народъ, какъ никогда помѣщикамъ не принадлежавшій, причтенъ въ

число гражданъ или мѣщанъ, и потому совершенно вышелъ изъ всякой зависимости шляхетству, а при томъ и самое шляхетство или дворянство... сами занимаются управленіемъ своей экономіей... у помѣщиковъ они, яко безполезные и *не принадлежащіе* имъ, нетерпимы".

Въ предыдущихъ очеркахъ была [1]) выяснена роль, которую играла въ экономической жизни бывшихъ польскихъ губерній главная масса евреевъ. Посредничество между помѣщикомъ и крестьяниномъ упадало на еврея всей тяжестью отвѣтственности за бѣдствіе крестьянъ, хотя фактически евреи являлись въ этой государственно-экономической машинѣ лишь передаточнымъ колесомъ. Подробное ознакомленіе съ условіями быта евреевъ на помѣщичьей землѣ, рельефно выступающими въ сенатскихъ дѣлахъ по жалобамъ евреевъ изъ Новаго Мѣста, Соколовки и Шклова, даетъ основаніе лишній разъ подчеркнуть, что евреи въ значительной степени являлись безъ вины виноватыми. Будучи и въ правовомъ, и въ экономическомъ отношеніи порабощены помѣщиками, евреи творили ихъ волю когда обирали крестьянъ, понуждаемые къ этому грознымъ вопросомъ о собственномъ существованіи.

Если вообще благосостояніе вновь переходившихъ изъ польскаго въ русское подданство евреевъ нарушалось тѣми потрясеніями мѣстной экономической жизни, которыми сопровождались раздѣлы Польши, то оно тотчасъ испытывало новые удары, когда русскія власти пытались внезапными, рѣшительными мѣрами нарушить вѣками установившійся экономическій строй, принуждая значительную часть еврейскаго населенія покинуть насиженныя мѣста въ уѣздахъ и перемѣнить унаслѣдованный изъ поколѣнія въ поколѣніе родъ занятій—аренды, винные откупы и торговлю водкой.

Эти потрясенія тяжело отзывались не только на уѣздномъ, но и на городскомъ еврейскомъ населеніи: бѣглецы изъ уѣздовъ наводняли мелкими торговцами, ремесленниками и шинкарями города, и до прихода ихъ уже чрезмѣрно наполненные торгово-промышленнымъ и ремесленнымъ людомъ. Правда, и событія во внутренней жизни евреевъ, вызванныя

---

[1]) Очерки: „Исторія Положенія 1804 г." и „Выселеніе".

религіознымъ расколомъ, и вобще порядки общественнаго быта, въ связи съ самообложеніемъ еврейскаго населенія, дававшимъ правящему классу возможность порабощать экономически массу, также разрушали матеріальное благополучіе еврейскаго населенія; но несомнѣнно, что болѣе всего еврейскую массу давили двойная подать, поборы помѣщиковъ и безпрестанныя выселенія изъ уѣздовъ.

Еврейское населеніе бѣдствовало — не сохранилось ни одного свидѣтельства о матеріальномъ довольствѣ евреевъ. Напротивъ, современники единогласно говорятъ о нищетѣ еврейскаго населенія, особенно класса шинкарей, которыхъ русское правительство столь тщетно хотѣло признать виновникомъ общаго бѣдствія.

Литовскій губернаторъ Фризель заявлялъ, что въ корчмахъ сидятъ женщины, а не мужчины, которые „выходятъ на другіе промыслы, поелику доходъ съ шинка часто бываетъ недостаточенъ на ихъ содержаніе".

Державинъ сообщалъ, чтобѣлорусская еврейская масса „въ крайнемъ изнуреніи и нищетѣ, каковыхъ суть большая часть".

Но особенно ярко о печальномъ экономическомъ положеніи еврейскаго населенія свидѣтельствуетъ всеподданнѣйшій докладъ кіевскаго губернатора Панкратьева [1]).

Изъ числа почти 20000 евреевъ мѣщанъ, по словамъ Панкратьева, „ежели не больше, то конечно не меньше $^2/_3$ находится въ такомъ состояніи, что не только положенныхъ на нихъ казенныхъ податей платить не могутъ, но съ величайшимъ усиліемъ находятъ они теперь дневное пропитаніе". Указавъ далѣе на причины бѣдствія евреевъ въ кіевской губерніи, онъ писалъ „.. справедливымъ кажется помыслить объ участи и сего презрѣннаго (т. е. презираемаго всѣми) и угнетеннаго народа, который, не получивъ отъ государства никакой въ его собственность принадлежности, платить обязанъ и казнѣ за позволеніе здѣсь жить двойную подать, и помѣщикамъ за земли и позволеніе промысловъ въ ихъ владѣніяхъ столько же или и болѣе. Отчего пришелъ онъ, кромѣ малаго количества, въ такое состояніе, что не только платить податей, но и самъ себя содержать не можетъ"... И Панкратьевъ не только не призналъ евреевъ палачами

---

[1]) Архивъ Мин. Внут. Дѣлъ Деп. Пол. Исполн. 1802 г. дѣло № 558.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Дарованіе гражданскихъ правъ евреямъ въ Курляндіи [1]).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Евреи въ Пильтенскомъ округѣ.—Постановленіе сейма 1750 г.—Появленіе евреевъ въ Курляндскомъ герцогствѣ.—Указъ 1714 г. объ удаленіи ихъ.—Отмѣна его сеймовымъ постановленіемъ 1724 г.—Дальнѣйшія сеймовыя постановленія объ удаленіи евреевъ.—Указъ регента Карла 1759 г.—Улучшеніе положенія евреевъ при Биронѣ.—Ходатайство евреевъ о предоставленіи имъ права свободнаго проживанія по всему герцогству.—Проекты гуманной еврейской реформы.—Литературная полемика. — Дѣйствія митавскихъ евреевъ.

Курляндская губернія была образована изъ присоединенныхъ къ Россіи въ 1795 г. Курляндскаго герцогства и Пильтенскаго округа, и съ этого времени еврейскимъ обществамъ

---

[1]) По исторіи евреевъ въ Курляндіи имѣется одно лишь оригинальное изслѣдованіе на нѣмецкомъ языкѣ Р. Вундербара: „Исторія евреевъ въ Лифляндской и Курляндской губерніяхъ" (Митава, 1853 г.)—Этимъ трудомъ воспользовался г. Ю. Брукцусъ въ своей статьѣ: „Исторія евреевъ въ Курляндіи до присоединенія ея къ Россіи" (Восходъ, 1895 г., кн. 7 и 9), приведя нѣкоторыя данныя и изъ другихъ источниковъ.

При составленіи настоящаго очерка я воспользовался названными сочиненіями, но при этомъ періодъ до присоединенія Курляндіи къ Россіи дополненъ новыми архивными данными, каковыя отмѣчены въ своемъ мѣстѣ; періодъ же послѣ присоединенія къ Россіи написанъ самостоятельно, на основаніи архивныхъ документовъ.

Въ моемъ распоряженіи имѣлись рукописные матеріалы: Архивъ сената. Дѣло мин. юст. 1798 г. № 558. „О евреяхъ въ Курляндіи", и Архивъ мин. земл. и гос. имущ. № 14458, 1798 г., и рѣдкая въ обращеніи книга „Auszug der wichtigsten Sachen sowohl aus den Landtäglichen als auch Conferencial-Schlüssen etc. von G. P. M. von der Recke. Mitau 1790.

въ этихъ мѣстностяхъ было суждено зажить одной жизнью. До того же ихъ судьба была различна.

Пильтенскій округъ былъ непосредственно подчиненъ польскому королю, а Курляндское герцогство, хотя и находилось съ 1561 г. въ ленной зависимости отъ польскаго короля, пользовалось самостоятельностью въ своей внутренней жизни, благодаря чему евреи въ Пильтенскомъ округѣ находились въ лучшихъ условіяхъ, нежели въ герцогствѣ.

Есть указаніе (у Вундербара), впрочемъ, непровѣренное и, на мой взглядъ, мало достовѣрное, будто уже въ концѣ 16 вѣка евреи въ Пильтенскомъ округѣ пользовались правомъ гражданства и что многіе изъ нихъ владѣли недвижимой собственностью. Однако, когда въ концѣ 17 в. Пильтенскій округъ вошелъ съ Курляндскимъ герцогствомъ въ личную унію, продолжавшуюся до 1717 г., положеніе евреевъ не было болѣе таковымъ. Можно думать, что именно тогда евреямъ было запрещено дальнѣйшее пребываніе въ странѣ, а христіанамъ не дозволено давать евреямъ пріютъ подъ страхомъ денежнаго штрафа, вслѣдствіе чего многимъ евреямъ пришлось покинуть свои мѣста.

Но земскій сеймъ 22 Августа 1750 г. [1]) единогласно согласился на ихъ возвращеніе, при чемъ освободилъ христіанъ отъ штрафа, наложеннаго на нихъ за оставленіе у себя евреевъ. Тогда же, обѣщавъ евреямъ „защиту", сеймъ вошелъ въ соглашеніе съ двумя еврейскими уполномоченными Исаемъ и Гиршемъ Каномъ, въ силу котораго эти лица являлись отвѣтственными всѣмъ своимъ имуществомъ за правильное поступленіе въ дворянское казначейство ежегодной еврейской подати—Schutzgeld—въ размѣрѣ 1000 альбертовыхъ флориновъ. Для раскладки указанной суммы евреи, по вызову уполномоченныхъ, иначе называвшихся „поручителями", должны были являться въ Газенпотъ и уплачивать подать, назначенную поручителями; ослушникамъ грозилъ штрафъ. При этомъ, такъ какъ христіане-бюргеры въ своихъ интересахъ, вслѣдствіе денежныхъ расчетовъ съ евреями, нерѣдко препятствовали имъ уплачивать подать,

---

[1]) Документъ мин. земледѣлія.

сеймъ постановилъ, чтобы „хозяева“ никоимъ образомъ не „чинили помѣшательства“ евреямъ.

Поручителямъ было предоставлено также взыскивать подать (Geleitzoll) съ митавскихъ евреевъ, пріѣзжавшихъ въ Пильтенскій округъ для торговли, въ такомъ размѣрѣ, какой уплачивали пильтенскіе евреи, пріѣзжавшіе въ Митаву, но съ тѣмъ, чтобы „чрезъ то здѣшнему округу не была тягость“. Исаю и Гиршѣ Кану было дозволено, при желаніи, представлять другихъ надежныхъ поручителей.

На томъ же сеймѣ 22 августа 1750 г. было постановлено разсмотрѣть на слѣдующемъ сеймѣ вопросъ о томъ, какимъ образомъ евреи „могли придти между собой въ лучшій порядокъ“, а также вопросъ о дозволеніи евреямъ построить синагогу и „на какихъ условіяхъ выдать такое установленіе поручителямъ въ обезпеченіе“.

Но на сеймѣ 9 сентября 1751 г. [1]) рѣшеніе вопроса о синагогѣ, какъ обезпеченіи правильнаго поступленія еврейской подати, было отложено; все же „благородное рыцарство и земство“ единогласно позволило евреямъ построить въ Газенпотѣ синагогу и пріобрѣсти съ этой цѣлью участокъ земли [2]). Тогда же евреямъ было предоставлено ввести у себя кагалъ, который вѣдалъ бы „права и обычаи, принятые по духовному и свѣтскому состоянію, и употребляемые въ Польшѣ и Литвѣ“. Иначе говоря, евреямъ было разрѣшено ввести у себя кагальное устройство на тѣхъ же началахъ, какъ въ Литвѣ и Польшѣ.

Однако отвѣтственность за поступленіе подати и впредь должны были нести поручители, и сеймъ 1751 г. подтвердилъ, что „имъ дается полная власть, безъ всякаго препятствія отъ господъ, подъ которыми евреи жительствуютъ... взыскивать недоимочныя подати съ евреевъ: закладомъ,

---

[1]) Документъ мин. земледѣлія. Въ немъ, между прочимъ, сказано: „И какъ евреи Пильтенскаго округа, которые разстояніемъ въ 5-ти миляхъ отъ Газенпота жительствуютъ, тамо называемый праздникъ Михаелисъ торжествовать обязаны, такъ и находящіеся не въ окружности онаго, потребныя къ празднику своему Михаелисъ, райскія яблоки не изъ иного мѣста, какъ изъ Газенпота брать должны“...

[2]) Въ Пильтенѣ синагога существовала уже въ 1708 г. Впослѣдствіи городъ потерялъ свое торговое значеніе и тогда еврейское населеніе стало сосредоточиваться въ Газенпотѣ.

двойнымъ штрафомъ и всякимъ, между ими обычнымъ, принужденіемъ".

Въ дальнѣйшемъ подать то уменьшалась, то вновь достигала 1000 флориновъ, пока, въ виду того, что число евреевъ въ округѣ уменьшилось и сократились источники пропитанія ихъ, земскій сеймъ 3 марта 1783 г. понизилъ размѣръ подати до 400 талеровъ. При этомъ сеймъ подтвердилъ, что такъ какъ евреи „всѣ гражданскія подати и тягости носятъ и сверхъ того ежегодно за три мѣсяца 40 талеровъ альбертовыхъ въ Градскую пользу платятъ", то они „въ гражданскомъ и домашнемъ промыслѣ ненарушимо сохраняемы будутъ" [1]).

Въ иномъ положеніи находились евреи въ Курляндскомъ герцогствѣ. Несомнѣнно, что они жили здѣсь уже въ концѣ 16 вѣка, но большими массами они начинаютъ встрѣчаться, повидимому, только въ серединѣ 17 в., и хотя съ тѣхъ поръ евреи безпрерывно проживали въ странѣ, все же имъ каждый день грозило изгнаніе; къ тому же нерѣдко часть еврейскаго населенія была вынуждаема покинуть насиженныя мѣста. Дѣло въ томъ, что въ интересахъ городовъ было избавиться отъ евреевъ, какъ конкуррентовъ въ торгово-промышленной сферѣ, но мѣстное дворянство, изъ среды котораго противъ евреевъ раздавались лишь единичные голоса, подсказанные религіозными предразсудками, находило выгоднымъ для себя пребываніе евреевъ, занимавшихся въ уѣздахъ ремеслами, мелкой торговлей, арендой корчемъ,— и именно, только благодаря этой борьбѣ интересовъ, многократно повторявшіеся указы о выселеніи евреевъ или о запрещеніи заниматься то арендами, то торговлей или ремеслами, не приводились въ исполненіе.

Болѣе того, въ концѣ 17 вѣка евреямъ были отданы на откупъ герцогскія пошлины. Это обстоятельство возстановило противъ евреевъ даже дворянство. Дворяне, въ пылу недовольства герцогомъ, выступили съ жалобой по этому поводу, указывая, что противозаконнымъ является и то, что евреи занимаются торговлей и ремеслами, и сеймъ 22 августа 1692 г. [2]) положилъ резолюцію: „Евреевъ по прошествіи

---

[1]) Докум. мин. земледѣлія.

[2]) Тамъ же. Это постановленіе указано также у v. Recke.

восьми дней послѣ св. Пасхи желаемъ отъ пошлиннаго сбора отставить, и они, отнынѣ и въ послѣдующія времена, и именно въ цѣлой землѣ, не должны брать арендъ, ни оброковъ, ни пошлинъ, ниже производить какую-либо торговлю". Оказалось, однако, что откупъ пошлинъ былъ заключенъ съ евреями на нѣсколько лѣтъ и герцогъ не пожелалъ прервать договора. Не помогло и то, что постановленіе сейма 1692 г. было повторено на сеймахъ 1698 и 1699 г.

Вдругъ въ 1714 г., вслѣдствіе ходатайства горожанъ, новый герцогъ Фердинандъ издалъ строжайшій указъ объ *удаленіи всѣхъ евреевъ* изъ страны въ 6-ти недѣльный срокъ, въ виду приносимаго ими вреда странѣ и городамъ, при чемъ за промедленіе евреевъ ожидалъ арестъ и штрафъ. Къ счастью, этотъ указъ остался мертвой буквой, такъ же, какъ и постановленіе 1717 г. „польской коммиссіи", гласившее: „Евреевъ отъ права винокуренія и содержанія корчемъ мы исключаемъ и запрещаемъ, въ силу привилегій земскихъ положеній, подъ штрафомъ, въ законахъ установленномъ, имѣть въ здѣшнемъ краѣ пребываніе" [1]).

Вслѣдъ затѣмъ евреямъ былъ данъ годичный срокъ для выселенія, при условіи взноса „въ пользу земли" 400 талеровъ. Но деньги не были внесены, и тогда, какъ сообщаетъ Вундербаръ, земскій сеймъ 14 іюля 1719 г. (ст. 21) постановилъ, чтобы помѣщики не давали у себя убѣжища евреямъ [2]). Однако, судя по сохранившемуся, къ сожалѣнію, плохому, неясному переводу съ означеннаго постановленія, можно заключить, что дѣло обстояло иначе.

Позже, въ 1732 г., для собиранія еврейской подати стали назначаться въ каждомъ гауптманствѣ особые евреи-таксаторы, но въ интересующій насъ моментъ этотъ институтъ еще не существовалъ, и при чтеніи упомянутаго документа рождается мысль, что въ то время еврейскія общества пооче-

---

[1]) Документъ мин. земледѣлія.—Вундербаръ говоритъ, что евреи были устранены отъ арендъ и что имъ было запрещено оставаться только тамъ, гдѣ имѣлись соотвѣтствующія привилегіи и постановленія. Но и у Recke говорится о совершенномъ удаленіи евреевъ. Стр. 226.

[2]) У Recke это постановленіе 1719 г. касается лишь запрещенія евреямъ брать откупы и торговать; это невѣрно. Изъ имѣющагося у меня полнаго перевода постановленія видно, что тогда рѣчь шла о взысканіи подати.

реди брали на себя отвѣтственность за бездоимочное поступленіе подати со всего еврейскаго населенія герцогства, обычный размѣръ которой не превышалъ 400 талеровъ. Если это дѣйствительно такъ, то надо думать, что сеймъ 1719 г. и сдѣлалъ соотвѣтствующее постановленіе, потребовавъ, чтобы еврейское общество Нейенбурга, чрезъ поручителя, внесло 400 талеровъ, а въ случаѣ непоступленія этихъ денегъ, чтобы было осуществлено сеймовое постановленіе, запрещающее помѣщикамъ, подъ страхомъ штрафа, держать у себя евреевъ [1]). А такъ какъ кромѣ упомянутыхъ 400 талеровъ евреи должны были еще уплатить 200 талеровъ недоимочныхъ, то сеймъ постановилъ, чтобы былъ назначенъ еврей-таксаторъ, который разложилъ бы эту сумму на всѣхъ евреевъ герцогства [2]).

Повидимому, подать все-же не была внесена евреями, а „земля" (т. е. помѣщики), какъ сообщаетъ одинъ документъ, не хотѣла взыскивать съ нихъ причитающихся денегъ, и евреи, такимъ образомъ, остались въ герцогствѣ, не платя вовсе податей. Но это обстоятельство являлось для городовъ поводомъ для возобновленія требованія о выселеніи евреевъ и послѣдніе дали въ 1724 г. обѣщаніе уплатить вскорѣ накопившіеся на нихъ за пять лѣтъ 2000 талеровъ и впредь ежегодно уплачивать 400 талеровъ,

Вслѣдствіе этого, сеймовымъ положеніемъ 5 января 1724 г. (ст. 27) было разрѣшено дальнѣйшее пребываніе евреевъ. Конечно, столь значительная сумма не могла быть внесена бѣдными евреями, и сеймъ 17 декабря 1727 г. (ст. 7) потребовалъ, по словамъ Вундербара, чтобы евреи, уплативъ всѣ причитающіяся съ нихъ деньги, покинули страну ко дню св. Іоанна 1728 г.

---

[1]) Ю. Бруцкусъ говоритъ, что обывателямъ было запрещено давать квартиры внаймы евреямъ, т. е. что рѣчь шла о городскихъ жителяхъ. Это не точно. Въ моемъ документѣ упоминаются лишь помѣщики, т. е. дѣло касалось евреевъ, жившихъ на мызахъ.

[2]) Этотъ же сеймъ постановилъ, чтобы построенная „къ неудовольствію христіанъ" синагога была снесена владѣльцемъ земли въ теченіе 4 недѣль, или же хозяинъ долженъ обязаться, „что начальство по своей власти велитъ оную сломать вооруженною рукою". Повидимому, рѣчь идетъ о синагогѣ, принадлежавшей Нейенбургской еврейской общинѣ.

Но думается, что положеніе вопроса было иное. Постановленіе сейма [1]) гласило, что „хотя на основаніи рѣшенія коммиссіи (1717 г.) и другихъ идентичныхъ заключеній, евреи и должны были бы очистить страну, они все же обязаны предварительно заплатить годичные недоимки, по 400 талеровъ". Изъ этого видно, что ландтагъ вовсе не имѣлъ желанія выселить евреевъ; напротивъ, надо заключить, что въ это время послѣдовало со стороны городовъ требованіе, чтобы евреи были удалены, и сеймъ, въ которомъ принимали участіе землевладѣльцы, заявивъ, что евреи, дѣйствительно, по закону, должны покинуть страну, преднамѣренно присвокупилъ, что это можетъ произойти лишь тогда, когда они заплатятъ недоимки. Сеймъ зналъ, что евреи, по бѣдности, не заплатятъ громадной суммы въ 2000 талеровъ, да и сами помѣщики, въ собственныхъ интересахъ, не понуждали ихъ къ заплатѣ подати.

Такой „политики" сеймъ придерживался и въ дальнѣйшемъ.

Сеймы 1729 и 1730 г. отказали евреямъ въ терпимости [2]), при чемъ на сеймѣ 1729 г. былъ даже установленъ штрафъ въ 100 талеровъ для помѣщиковъ, которые оставятъ у себя евреевъ. Несомнѣнно, отдѣльные евреи въ это время выселялись изъ герцогства, но въ массѣ евреи продолжали проживать на своихъ мѣстахъ. Наконецъ, сеймъ 6 сентября 1730 г. [3]) отмѣтивъ, что многіе евреи даже „никакого начала не сдѣлали къ выселенію", и повторивъ въ утѣшеніе городамъ требованіе, чтобы евреи вообще покинули страну, сдѣлалъ исключеніе для тѣхъ евреевъ, „не причиняющихъ вреда христіанамъ", которые живутъ въ селеніяхъ и въ мѣщанскихъ домахъ (т. е. городахъ), платя за куреніе вина, и которые занимаются ремеслами. Вмѣстѣ съ тѣмъ была обѣщана безопасность евреямъ, пріѣзжающимъ съ торго-

---

[1]) Recke, стр. 62.

[2]) Документъ мин. земледѣлія. Также у Recke (стр. 62). Въ томъ же году, 3 іюля, состоялся особый сеймъ въ Митавѣ, разрѣшившій евреямъ оставаться до будущаго сейма съ тѣмъ, чтобы они заплатили свои долги, а также уплатили 400 талеровъ, внесенные за нихъ дворянамъ поручикомъ фонъ Будбергомъ.

[3]) Тамъ же.

крестьянъ, но даже отмѣтилъ, что сами евреи являются жертвами корыстолюбія помѣщиковъ, онъ не только не потребовалъ принятія какихъ-либо принудительныхъ мѣръ въ отношеніи евреевъ, но даже выступилъ съ ходатайствомъ объ освобожденіи ихъ отъ двойной подати и объ уравненіи ихъ въ правахъ съ христіанами.

Положеніе 1804 г. не уничтожило двойной подати, оно только пообѣщало уравнять евреевъ въ податяхъ въ видѣ награды тогда, когда „всѣ вообще евреи въ земледѣліи, мануфактурахъ, и купечествѣ окажутъ постоянное направленіе и прилежаніе". Но пришлось это сдѣлать раньше. Въ 1805 г. былъ уничтоженъ двойной размѣръ общественныхъ повинностей [1]), 1807 г.—двойной размѣръ процентнаго сбора съ купеческихъ капиталовъ [2]), а въ 1812 г. было уже отмѣнена двойная подать для мѣщанъ [3]).

Приведенныя въ настоящемъ очеркѣ отрывочныя данныя далеко, конечно, не рисуютъ съ необходимой полнотой экономическаго положенія еврейскаго населенія на рубежѣ 19-го вѣка—слишкомъ скудны сохранившіяся свѣдѣнія, но несомнѣнно одно—это то, что евреи не обогащались на счетъ окружающаго населенія, они были нищими среди нищихъ.

---

[1]) П. С. З. т. XXVIII № 21766.
[2]) т. XXIX № 22678.
[3]) Докладъ комитета. 1809 г.

сти и суровости явился указъ регента Карла отъ 6 августа 1759 г. [1]), грозившій тяжкими карами евреямъ, которые не покинутъ Митаву въ теченіе четырехъ недѣль со дня указа.

20 сентября 1760 г. послѣдовалъ указъ о выселеніи евреевъ изъ всей страны въ теченіи шести недѣль [2]). Но въ 1763 г. въ управленіе опять вступилъ Биронъ, возвращенный изъ ссылки, и тогда положеніе евреевъ улучшилось.

При сынѣ Бирона, Петрѣ, евреямъ также не дѣлались притѣсненія въ отношеніи пребыванія въ герцогствѣ. Въ это время ландтагу даже было предложено на разсмотрѣніе ходатайство евреевъ о предоставленіи имъ свободнаго проживанія по всей странѣ, но возбужденный вопросъ долго не разрѣшался, и въ концѣ концовъ въ 1778 г. евреямъ было отказано въ терпимости.

Однако, вслѣдъ затѣмъ евреи вновь выступили съ такимъ же ходатайствомъ. Курляндское дворянское собраніе поручило камергеру фонъ деръ Броггену выработать проектъ еврейской реформы въ духѣ терпимости. Соотвѣтствующій проектъ былъ одобренъ; на земскомъ собраніи 24 сентября 1782 г. евреямъ было разрѣшено дальнѣйшее пребываніе, но все же реформу не осуществили. Однако, въ это время права евреевъ, благодаря ходатайству нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, были нѣсколько расширены и, вообще, евреи получили надежду на лучшее будущее [3]).

Вслѣдъ затѣмъ, въ 1786 г. фонъ-деръ Рекке [4]) представилъ правительству новый проектъ, благопріятный для евреевъ. Тогда, вновь разсматривая еврейскій вопросъ по поводу этого проекта въ земскихъ сеймахъ 1786 и 1787 годовъ, земскіе чины потребовали, чтобы евреямъ было разрѣшено жительство по всей землѣ, не исключая крестьянскихъ селеній, особенно если евреи пожелаютъ заниматься

---

[1]) См. приложеніе № 9.

[2]) Приводя это послѣднее постановленіе, Вундербаръ говоритъ и о строгихъ мѣрахъ, предпринятыхъ въ отношеніе митавскихъ евреевъ, какъ будто оба эти распоряженія были сдѣланы однимъ и тѣмъ же указомъ. Въ указѣ о митавскихъ евреяхъ ни словомъ не упомянуты евреи другихъ мѣстъ.

[3]) Въ 1784 г. на средства Калмана Боркума въ Митавѣ была построена синагога и миква.

[4]) Georg Peter Magnus von der Recke, авторъ труда, на который ссылаюсь въ настоящемъ очеркѣ „Auszug der wichtigsten Sachen etc“.

Въ отвѣтъ на эту брошюру появилась другая анонимная книжка „Bemerkungen über die Duldung der Juden etc.“, требовавшая полнаго удаленія евреевъ изъ страны какъ по мотивамъ религіознымъ, такъ и экономическимъ. Вслѣдъ затѣмъ заговорили еще двое авторовъ. Одинъ изъ нихъ, еврей, д-ръ Лахманъ, доказывалъ въ небольшой брошюркѣ „Beantwortung der Bemerkungen über die Duldung etc.“, что евреи отнюдь не враги христіанъ, и что они именно въ экономическомъ отношеніи пригодны для страны. Другой авторъ, какъ полагаютъ, пасторъ Георгъ Готфридъ Милихъ, въ книжкѣ „Meine Gedanken, bei ber Frage: ob man in unserm Vaterlande Juden dulden solle, oder nicht? etc.“ защищалъ права евреевъ въ силу этическихъ требованій, и его произведеніе можетъ занять почетное мѣсто въ ряду работъ конца XVIII в., посвященныхъ защитѣ гражданскихъ правъ евреевъ. Однако, требуя, чтобы евреи пользовались всѣми правами и несли всѣ обязанности наравнѣ съ христіанами, пасторъ Милихъ руководствовался не одними этическими требованіями, но и соображеніями экономическими, государственными. Онъ указывалъ, что въ Курляндіи евреи занимаются даже земледѣліемъ и что, вообще, ихъ дѣятельность приноситъ пользу странѣ. И, призывая христіанъ осуществить въ отношеніи евреевъ завѣты христіанской религіи, Милихъ обращался и къ евреямъ съ призывомъ содѣйствовать взаимному сближенію, заботиться о своемъ внѣшнемъ и внутреннемъ обликѣ.

Повидимому, эта литературная полемика внушила евреямъ смѣлость въ борьбѣ за свои права. Въ 1793 году члены митавской еврейской общины представили въ ландтагъ записку, въ которой, выражая благодарность за мирную жизнь, проведенную въ странѣ, они просили о дальнѣйшемъ покровительствѣ и безпрепятственномъ проживаніи на насиженныхъ мѣстахъ. Въ отвѣтъ на это имъ было предложено выработать проектъ реформы еврейской жизни и передать таковой въ коммиссію, образованную для разсмотрѣнія городскихъ дѣлъ.

Митавскіе евреи не замедлили воспользоваться этимъ предложеніемъ, но, къ сожалѣнію, девять митавскихъ евреевъ, выступившіе въ данномъ случаѣ отъ имени всего мѣстнаго еврейскаго общества, не оказались достойными возложеннаго на нихъ порученія.

Авторъ первой брошюры указалъ, что въ отношеніи терпимости нужно отдать преимущество давно поселившимся евреямъ предъ тѣми, которые явились въ страну позже, при чемъ онъ отмѣтилъ, что экономическій принципъ таковъ, что новыхъ поселенцевъ можно принимать лишь при условіи, чтобы это не являлось вреднымъ для интересовъ коренного населенія. Этотъ взглядъ и былъ усвоенъ митавскими представителями, и, ходатайствуя въ составленной ими запискѣ о терпимости, они имѣли въ виду не все еврейское населеніе въ Курляндіи, а лишь опредѣленное число: въ каждомъ городѣ, селѣ или мызѣ евреи, по проекту ходатаевъ, могли оставаться лишь въ числѣ, соотвѣтствующемъ величинѣ поселенія, его торговлѣ и проч. Остальнымъ предстояло, повидимому, покинуть страну. Что касается Митавы, то такъ какъ мѣстное еврейское населеніе было чрезмѣрно, по словамъ ходатаевъ, сравнительно съ христіанскимъ городскимъ населеніемъ, то здѣсь надлежало оставить всего 60 семействъ, списокъ коихъ митавскіе ходатаи предупредительно представили. Объ этой-то горсти ходатаи особенно позаботились: только для нея, а не для всего населенія, они испрашивали равноправія, при чемъ, въ уплату, они обѣщали кромѣ общихъ податей вносить еще особый еврейскій налогъ, т. е., тотъ налогъ, противъ котораго такъ возставалъ пасторъ Милихъ. Остальное содержаніе записки касалось предоставленія евреямъ имѣть кагальное устройство, на подобіе Газенпотскаго, и отдавать дѣтей въ общія низшія и высшія школы.

Въ этомъ же смыслѣ былъ составленъ проектъ реформы коммиссіей, учрежденной для пересмотра городскихъ дѣлъ.

Къ счастью для курляндскихъ евреевъ, ходатайство представителей митавской общины не привело къ цѣли: переходъ Курляндіи къ Россіи прервалъ обсужденіе въ ландтагѣ еврейскаго вопроса.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Переходъ курляндскихъ евреевъ въ русское подданство.—Введеніе городового положенія въ Курляндіи.—Возбужденіе вопроса о положеніи евреевъ. — Отрицательное отношеніе къ нимъ мѣстныхъ властей. — Благопріятное рѣшеніе вопроса сенатомъ.—Баронъ Гейкингъ.—Ходатайство митавскихъ евреевъ. — Превращеніе „покровительствуемаго" еврея въ гражданина-еврея.

Въ 1795 г. Курляндское герцогство съ Пильтенскимъ округомъ перешли къ Россіи. Евреи тотчасъ же поспѣшили обратиться чрезъ ген.-губернатора Палена къ государынѣ съ просьбой „сдѣлать прочное постановленіе" о нихъ. Но отвѣта не получилось. Вообще, въ началѣ все осталось по старому, и по этому не утратилось и различіе въ гражданскомъ положеніи между евреями въ герцогствѣ и Пильтенскомъ округѣ.

Въ 1796 г. въ Курляндской губерніи было введено городовое положеніе; однако въ бывшемъ Курляндскомъ герцогствѣ евреи, несмотря на ихъ ходатайство, не были допущены въ среду купечества и, вслѣдствіе этого, не получили права участія въ сословно-городскомъ общественномъ самоуправленіи, каковымъ правомъ пользовались евреи въ остальныхъ губерніяхъ. Въ иныхъ условіяхъ оказались евреи въ Пильтенскомъ округѣ. Ссылаясь на постановленіе земскаго сейма 1783 г., подтвердившаго „право мѣщанскаго и домашняго пропитанія евреевъ", намѣстническое правленіе объявило, что еврейскіе купцы въ Пильтенѣ должны записаться въ одну изъ гильдій въ Газенпотѣ. Правда, они по прежнему платили спеціальный еврейскій налогъ въ 40 талеровъ каждые 3 мѣсяца, они также не были допущены къ занятію сословно-городскихъ должностей, такъ какъ „нигдѣ не видно, чтобы они до сего времени имѣли какое право въ помянутомъ городѣ занимать судейское мѣсто" [1]), но они были по крайней мѣрѣ привлечены къ участію въ выборѣ должностныхъ лицъ.

Впрочемъ, право записываться въ газенпотское купече-

---

[1]) Вундербаръ сообщаетъ, что въ 1797 г. еврей Эйхель занималъ постъ въ газенпотскомъ городскомъ судѣ.

двойнымъ штрафомъ и всякимъ, между ими обычнымъ, принужденіемъ".

Въ дальнѣйшемъ подать то уменьшалась, то вновь достигала 1000 флориновъ, пока, въ виду того, что число евреевъ въ округѣ уменьшилось и сократились источники пропитанія ихъ, земскій сеймъ 3 марта 1783 г. понизилъ размѣръ подати до 400 талеровъ. При этомъ сеймъ подтвердилъ, что такъ какъ евреи „всѣ гражданскія подати и тягости носятъ и сверхъ того ежегодно за три мѣсяца 40 талеровъ альбертовыхъ въ Градскую пользу платятъ", то они „въ гражданскомъ и домашнемъ промыслѣ ненарушимо сохраняемы будутъ" [1]).

Въ иномъ положеніи находились евреи въ Курляндскомъ герцогствѣ. Несомнѣнно, что они жили здѣсь уже въ концѣ 16 вѣка, но большими массами они начинаютъ встрѣчаться, повидимому, только въ серединѣ 17 в., и хотя съ тѣхъ поръ евреи безпрерывно проживали въ странѣ, все же имъ каждый день грозило изгнаніе; къ тому же нерѣдко часть еврейскаго населенія была вынуждаема покинуть насиженныя мѣста. Дѣло въ томъ, что въ интересахъ городовъ было избавиться отъ евреевъ, какъ конкуррентовъ въ торгово-промышленной сферѣ, но мѣстное дворянство, изъ среды котораго противъ евреевъ раздавались лишь единичные голоса, подсказанные религіозными предразсудками, находило выгоднымъ для себя пребываніе евреевъ, занимавшихся въ уѣздахъ ремеслами, мелкой торговлей, арендой корчемъ,— и именно, только благодаря этой борьбѣ интересовъ, многократно повторявшіеся указы о выселеніи евреевъ или о запрещеніи заниматься то арендами, то торговлей или ремеслами, не приводились въ исполненіе.

Болѣе того, въ концѣ 17 вѣка евреямъ были отданы на откупъ герцогскія пошлины. Это обстоятельство возстановило противъ евреевъ даже дворянство. Дворяне, въ пылу недовольства герцогомъ, выступили съ жалобой по этому поводу, указывая, что противозаконнымъ является и то, что евреи занимаются торговлей и ремеслами, и сеймъ 22 августа 1692 г. [2]) положилъ резолюцію: „Евреевъ по прошествіи

---

[1]) Докум. мин. земледѣлія.

[2]) Тамъ же. Это постановленіе указано также у v. Recke.

восьми дней послѣ св. Пасхи желаемъ отъ пошлиннаго сбора отставить, и они, отнынѣ и въ послѣдующія времена, и именно въ цѣлой землѣ, не должны брать арендъ, ни оброковъ, ни пошлинъ, ниже производить какую-либо торговлю". Оказалось, однако, что откупъ пошлинъ былъ заключенъ съ евреями на нѣсколько лѣтъ и герцогъ не пожелалъ прервать договора. Не помогло и то, что постановленіе сейма 1692 г. было повторено на сеймахъ 1698 и 1699 г.

Вдругъ въ 1714 г., вслѣдствіе ходатайства горожанъ, новый герцогъ Фердинандъ издалъ строжайшій указъ объ *удаленіи всѣхъ евреевъ* изъ страны въ 6-ти недѣльный срокъ, въ виду приносимаго ими вреда странѣ и городамъ, при чемъ за промедленіе евреевъ ожидалъ арестъ и штрафъ. Къ счастью, этотъ указъ остался мертвой буквой, такъ же, какъ и постановленіе 1717 г. „польской коммиссіи", гласившее: „Евреевъ отъ права винокуренія и содержанія корчемъ мы исключаемъ и запрещаемъ, въ силу привилегій земскихъ положеній, подъ штрафомъ, въ законахъ установленномъ, имѣть въ здѣшнемъ краѣ пребываніе" [1]).

Вслѣдъ затѣмъ евреямъ былъ данъ годичный срокъ для выселенія, при условіи взноса „въ пользу земли" 400 талеровъ. Но деньги не были внесены, и тогда, какъ сообщаетъ Вундербаръ, земскій сеймъ 14 іюля 1719 г. (ст. 21) постановилъ, чтобы помѣщики не давали у себя убѣжища евреямъ [2]). Однако, судя по сохранившемуся, къ сожалѣнію, плохому, неясному переводу съ означеннаго постановленія, можно заключить, что дѣло обстояло иначе.

Позже, въ 1732 г., для собиранія еврейской подати стали назначаться въ каждомъ гауптманствѣ особые евреи-таксаторы, но въ интересующій насъ моментъ этотъ институтъ еще не существовалъ, и при чтеніи упомянутаго документа рождается мысль, что въ то время еврейскія общества пооче-

---

[1]) Документъ мин. земледѣлія.—Вундербаръ говоритъ, что евреи были устранены отъ арендъ и что имъ было запрещено оставаться только тамъ, гдѣ имѣлись соотвѣтствующія привилегіи и постановленія. Но и у Recke говорится о совершенномъ удаленіи евреевъ. Стр. 226.

[2]) У Recke это постановленіе 1719 г. касается лишь запрещенія евреямъ брать откупы и торговать; это невѣрно. Изъ имѣющагося у меня полнаго перевода постановленія видно, что тогда рѣчь шла о взысканіи подати.

имѣютъ дневную пищу, и они между собою никакого общества не составляютъ, большая часть не имѣетъ и постояннаго даже мѣстопребыванія, и по извѣстнымъ свойствамъ сего народа не предвидится никакого средства, чтобы большую часть сихъ бродягъ можно было принудить къ постоянной жизни или къ какому порядочному ремеслу".

Такимъ образомъ, видя изъ пріобщенныхъ къ донесенію документовъ, что евреи въ теченіи 200 лѣтъ насильственно устранялись законодательными актами отъ ремеслъ и торговли, что кочевой образъ жизни евреевъ вызывался столь часто слѣдовавшими постановленіями о выселеніи ихъ изъ страны, а еще больше запрещеніемъ жить въ городахъ, губ. правленіе высказало все же сомнѣніе въ возможности превратить евреевъ въ осѣдлыхъ, трудящихся гражданъ.

Но сенатъ не смутился этимъ донесеніемъ. „Хотя губернское правленіе и приводитъ въ рапортѣ своемъ, — гласило опредѣленіе сената отъ 18 февраля 1798 г. — многія и въ разныя времена сдѣланныя предписанія, запрещающія евреямъ не только производить въ Курляндіи какое либо ремесло, но даже имѣть жительство, но поелику изъ того же рапорта видно, что за всѣмъ тѣмъ они всегда оставались, и болѣе двухсотъ лѣтъ, какъ въ Курляндіи пребываютъ, то сенатъ и не можетъ почитать ихъ, какъ губернское правленіе пишетъ, за жителей, въ Курляндію вкравшихся, а тѣмъ менѣе лишать ихъ столь древняго ихъ жилища, когда и въ другихъ нѣкоторыхъ россійскихъ губерніяхъ евреямъ пребываніе не запрещается. Въ разсужденіе чего курляндскому губернскому правленію предписать, чтобы оно, сообразясь съ мѣстными тамошними обстоятельствами и законами, евреямъ въ другихъ губерніяхъ жительство позволяющими, представило сенату свое мнѣніе, на какомъ основаніи за лучшее признаетъ оставить тѣхъ евреевъ въ Курляндіи, какъ для пользы общей, такъ и для ихъ собственной".

Это опредѣленіе должно было кореннымъ образомъ измѣнить отношеніе общества и администраціи къ евреямъ въ Курляндіи: евреи переставали быть „вкравшимися", которымъ ежеминутно грозила перспектива быть высланными изъ страны; они становились русскими гражданами, какъ остальные евреи въ Россіи, пользовавшіеся въ то время извѣстнымъ общественнымъ значеніемъ и достоинствомъ.

Но думается, что положеніе вопроса было иное. Постановленіе сейма [1]) гласило, что „хотя на основаніи рѣшенія коммиссіи (1717 г.) и другихъ идентичныхъ заключеній, евреи и должны были бы очистить страну, они все же обязаны предварительно заплатить годичные недоимки, по 400 талеровъ“. Изъ этого видно, что ландтагъ вовсе не имѣлъ желанія выселить евреевъ; напротивъ, надо заключить, что въ это время послѣдовало со стороны городовъ требованіе, чтобы евреи были удалены, и сеймъ, въ которомъ принимали участіе землевладѣльцы, заявивъ, что евреи, дѣйствительно, по закону, должны покинуть страну, преднамѣренно присвокупилъ, что это можетъ произойти лишь тогда, когда они заплатятъ недоимки. Сеймъ зналъ, что евреи, по бѣдности, не заплатятъ громадной суммы въ 2000 талеровъ, да и сами помѣщики, въ собственныхъ интересахъ, не понуждали ихъ къ заплатѣ подати.

Такой „политики“ сеймъ придерживался и въ дальнѣйшемъ.

Сеймы 1729 и 1730 г. отказали евреямъ въ терпимости [2]), при чемъ на сеймѣ 1729 г. былъ даже установленъ штрафъ въ 100 талеровъ для помѣщиковъ, которые оставятъ у себя евреевъ. Несомнѣнно, отдѣльные евреи въ это время выселялись изъ герцогства, но въ массѣ евреи продолжали проживать на своихъ мѣстахъ. Наконецъ, сеймъ 6 сентября 1730 г. [3]) отмѣтивъ, что многіе евреи даже „никакого начала не сдѣлали къ выселенію“, и повторивъ въ утѣшеніе городамъ требованіе, чтобы евреи вообще покинули страну, сдѣлалъ исключеніе для тѣхъ евреевъ, „не причиняющихъ вреда христіанамъ“, которые живутъ въ селеніяхъ и въ мѣщанскихъ домахъ (т. е. городахъ), платя за куреніе вина, и которые занимаются ремеслами. Вмѣстѣ съ тѣмъ была обѣщана безопасность евреямъ, пріѣзжающимъ съ торго-

---

[1]) Recke, стр. 62.

[2]) Документъ мин. земледѣлія. Также у Recke (стр. 62). Въ томъ же году, 3 іюля, состоялся особый сеймъ въ Митавѣ, разрѣшившій евреямъ оставаться до будущаго сейма съ тѣмъ, чтобы они заплатили свои долги, а также уплатили 400 талеровъ, внесенные за нихъ дворянамъ поручикомъ фонъ Будбергомъ.

[3]) Тамъ же.

въ 1809 г. разсматривался вопросъ о правѣ евреевъ свидѣтельствовать въ судахъ, и когда самъ Гейкингъ доказывалъ, что евреевъ нельзя лишать этого права [1]).

Конечно, мнѣніе вліятельнаго Гейкинга, находившагося къ тому же въ добрыхъ отношеніяхъ съ ген.-прокуроромъ Куракинымъ, не могло не имѣть значенія, а Гейкингъ относился къ вопросу о евреяхъ съ точки зрѣнія гуманности и справедливости. Поэтому-то не возымѣли дѣйствія первыя донесенія курляндскаго губ. правленія, столь неблагопріятныя для евреевъ. Осталось безъ результата новое тождественное донесеніе правленія, представленное вслѣдствіе требованія сената составить проектъ гражданскаго быта евреевъ.

Дабы сенатъ „совершенно могъ быть увѣренъ... о непреоборимыхъ препятствіяхъ, встрѣчающихся при изобрѣтеніи такого проекта, который бы соотвѣтствовалъ какъ казенному интересу, такъ и общей пользѣ при нынѣшнемъ положеніи евреевъ", губ. правленіе представило объясненія, долженствовавшія, между прочимъ, дать сенату понятіе „о здѣшнихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, которыя къ образованію порядочнаго между евреями общества кажутся вовсе быть невозможными".

Какъ и въ предыдущихъ донесеніяхъ, правленіе подчеркнуло, что лишь незначительная часть евреевъ давно проживаетъ въ краѣ, что остальные—это пришельцы, кочевники, не имѣющіе съ мѣстностью никакой связи, „чрезъ которую бы имъ естественная склонность и добрая воля къ вспомоществованію общаго блага могла быть свойственна". Какъ раньше, правленіе указывало, что евреи живутъ „пребѣдно и не имѣютъ дневнаго пропитанія и потому самая большая часть ходитъ въ рубищахъ".

Дѣйствительно, когда правленіе приступило къ взысканію съ евреевъ рекрутскаго сбора, то нищета ихъ сказалась во всей своей наготѣ. Общая сумма сбора составляла 13.743 руб., но ее рѣшительно невозможно было получить непосредственно съ евреевъ, и поэтому правленіе обязало города заплатить за городскихъ евреевъ, а помѣщиковъ—

---

[1]) Гейкингъ доказывалъ, между прочимъ, что въ молитвѣ Колъ-Нидрэ нѣтъ ничего, несогласнаго съ общечеловѣческой этикой. См. мою статью: „Колъ-Нидрэ", Восходъ, 1903 г. № 38.

за тѣхъ, которые жили на ихъ земляхъ. Повидимому, города приняли энергичныя мѣры, чтобы вернуть свои деньги; что касается помѣщиковъ, то тутъ уже администрація прибѣгла „къ экзекуціи", чтобы заставить ихъ заплатить за евреевъ.

Однако, губ. правленіе не соглашалось признать бѣдность еврейскаго населенія результатомъ безконечныхъ притѣсненій, которымъ евреи подвергались все время въ Курляндіи въ отношеніи торговли, ремеслъ и самаго пребыванія въ краѣ; правленіе опять говорило объ ихъ „почти природномъ отвращеніи къ трудамъ", о томъ, что евреи занимаются недозволенной имъ мелкой торговлей и проч. Правленіе, между прочимъ, указало, что евреи занимаются ростовщичествомъ, но это обстоятельство могло дать основаніе думать, что среди евреевъ есть богатые люди, поэтому правленіе поспѣшило объяснить, что „при всемъ томъ, однако, рѣдко случается живущему въ городѣ еврею сдѣлаться богатымъ, ибо злыя дѣянія наказываются обыкновенно сами собой", и полученный „прибытокъ" теряется опять!

Что же побуждало курляндскую администрацію такъ отрицательно относиться къ евреямъ? Отвѣтъ одинъ: интересы городского христіанскаго населенія.

Въ этомъ отношеніи весьма характернымъ является то обстоятельство, что само констатируя, что торговля и ремесленныя занятія давали еврейской массѣ нищенское пропитаніе, правленіе готово было отнять у нея и эти средства къ жизни, лишь бы передать христіанскому населенію ихъ заработокъ. „Какъ въ городахъ, такъ и по мызамъ живущіе евреи,—писало губ. правленіе, — бываютъ на ярмаркахъ, а чрезъ то, какъ купцамъ, такъ и мѣщанамъ, платящимъ въ казну подати, наносятъ великій подрывъ, отчего претерпѣваетъ и казенный интересъ, ибо трудолюбивый гражданинъ и житель, платящій казнѣ подать, долженъ совершенно оттого разориться, и сей, безъ сомнѣнія, обществу наносящій великій ущербъ никогда не могъ быть отвращенъ", такъ какъ съ евреевъ невозможно взыскать подати.

Но при всемъ томъ губ. правленіе, вслѣдствіе требованія сената, было вынуждено представить проектъ дальнѣйшаго пребыванія евреевъ въ Курляндіи, и поэтому, какъ объясняло правленіе, дабы казна имѣла хотя бы нѣкоторую выгоду и

чтобы, по крайней мѣрѣ, часть евреевъ была „пріобучена къ твердому промыслу“, оно предложило всѣхъ тѣхъ евреевъ, которые имѣютъ недвижимую собственность или „надежный промыселъ“, соединить въ общество на началахъ круговой поруки. Эти евреи должны были избирать изъ своей среды старшинъ, которые одни только могли рѣшить, „кто нынѣ и впредь изъ ихъ народа *достойнымъ* найдется быть принятымъ въ сіе общество“. При этомъ всѣхъ евреевъ слѣдовало приписать къ одному лишь Газенпоту, „въ другихъ же городахъ *въ пользу христіанскаго гражданства* запретить имъ всякое гражданское ремесло“, остальныхъ же евреевъ выселить изъ губерніи, сдѣлавъ исключеніе для тѣхъ, которые представятъ поручительство въ уплатѣ податей до слѣдующей ревизіи. Такимъ путемъ, полагало привленіе, евреи будутъ „стараться о постоянной жизни и торговлѣ“ (какъ будто евреи все время не добивались права осѣдлости и торговли), а выселенные окажутся полезными въ другихъ земляхъ.

Извѣстіе о томъ, что губернскому правленію поручено представить въ сенатъ мнѣніе касательно гражданскаго устройства евреевъ, дошло до митавскихъ евреевъ, и тогда двое изъ нихъ, Соломонъ Ельокумъ и Маркусъ Якоби, обратились, 15 апрѣля 1798 г., за защитой и покровительствомъ къ ген.-прокурору кн. Куракину. Указывая въ своемъ письмѣ, что отъ правленія можетъ „воспослѣдовать одностороннее донесеніе, каковое для насъ, несчастныхъ, притѣсненныхъ, неимущихъ никакого пособія и предстательства, содѣлается пагубнымъ“, ходатаи „именемъ еврейской націи въ Курляндіи“ предложили свой проектъ гражданскаго устройства.

Въ общихъ чертахъ это было повтореніе проекта, который митавскіе евреи представили въ 1793 г.; только о Schutzgeld'ѣ теперь ничего уже не было сказано; ходатаи просили разрѣшить ввести кагальное устройство и записать евреевъ по роду ихъ занятій, съ тѣмъ, чтобы платящіе гильдію имѣли всѣ торговыя права и проч. Къ сожалѣнію, дѣйствовавшіе „именемъ еврейской націи“ не отказались отъ своихъ эгоистическихъ вожделѣній. Опасаясь, очевидно, конкурренціи, эти представители торговаго класса предложили „приказать городовому магистрату, что ежели много похотятъ чужихъ

Въ отвѣтъ на эту брошюру появилась другая анонимная книжка „Bemerkungen über die Duldung der Juden etc.“, требовавшая полнаго удаленія евреевъ изъ страны какъ по мотивамъ религіознымъ, такъ и экономическимъ. Вслѣдъ затѣмъ заговорили еще двое авторовъ. Одинъ изъ нихъ, еврей, д-ръ Лахманъ, доказывалъ въ небольшой брошюркѣ „Beantwortung der Bemerkungen über die Duldung etc.“, что евреи отнюдь не враги христіанъ, и что они именно въ экономическомъ отношеніи пригодны для страны. Другой авторъ, какъ полагаютъ, пасторъ Георгъ Готфридъ Милихъ, въ книжкѣ „Meine Gedanken, bei ber Frage: ob man in unserm Vaterlande Juden dulden solle, oder nicht? etc.“ защищалъ права евреевъ въ силу этическихъ требованій, и его произведеніе можетъ занять почетное мѣсто въ ряду работъ конца XVIII в., посвященныхъ защитѣ гражданскихъ правъ евреевъ. Однако, требуя, чтобы евреи пользовались всѣми правами и несли всѣ обязанности наравнѣ съ христіанами, пасторъ Милихъ руководствовался не одними этическими требованіями, но и соображеніями экономическими, государственными. Онъ указывалъ, что въ Курляндіи евреи занимаются даже земледѣліемъ и что, вообще, ихъ дѣятельность приноситъ пользу странѣ. И, призывая христіанъ осуществить въ отношеніи евреевъ завѣты христіанской религіи, Милихъ обращался и къ евреямъ съ призывомъ содѣйствовать взаимному сближенію, заботиться о своемъ внѣшнемъ и внутреннемъ обликѣ.

Повидимому, эта литературная полемика внушила евреямъ смѣлость въ борьбѣ за свои права. Въ 1793 году члены митавской еврейской общины представили въ ландтагъ записку, въ которой, выражая благодарность за мирную жизнь, проведенную въ странѣ, они просили о дальнѣйшемъ покровительствѣ и безпрепятственномъ проживаніи на насиженныхъ мѣстахъ. Въ отвѣтъ на это имъ было предложено выработать проектъ реформы еврейской жизни и передать таковой въ коммиссію, образованную для разсмотрѣнія городскихъ дѣлъ.

Митавскіе евреи не замедлили воспользоваться этимъ предложеніемъ, но, къ сожалѣнію, девять митавскихъ евреевъ, выступившіе въ данномъ случаѣ отъ имени всего мѣстнаго еврейскаго общества, не оказались достойными возложеннаго на нихъ порученія.

Дарованіе гражданскихъ правъ евреямъ въ Курляндіи [1]).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Евреи въ Пильтенскомъ округѣ.—Постановленіе сейма 1750 г.—Появленіе евреевъ въ Курляндскомъ герцогствѣ.—Указъ 1714 г. объ удаленіи ихъ.—Отмѣна его сеймовымъ постановленіемъ 1724 г.—Дальнѣйшія сеймовыя постановленія объ удаленіи евреевъ.—Указъ регента Карла 1759 г.—Улучшеніе положенія евреевъ при Биронѣ.—Ходатайство евреевъ о предоставленіи имъ права свободнаго проживанія по всему герцогству.—Проекты гуманной еврейской реформы.—Литературная полемика. — Дѣйствія митавскихъ евреевъ.

Курляндская губернія была образована изъ присоединенныхъ къ Россіи въ 1795 г. Курляндскаго герцогства и Пильтенскаго округа, и съ этого времени еврейскимъ обществамъ

---

[1]) По исторіи евреевъ въ Курляндіи имѣется одно лишь оригинальное изслѣдованіе на нѣмецкомъ языкѣ Р. Вундербара: „Исторія евреевъ въ Лифляндской и Курляндской губерніяхъ" (Митава, 1853 г.)—Этимъ трудомъ воспользовался г. Ю. Брукцусъ въ своей статьѣ: „Исторія евреевъ въ Курляндіи до присоединенія ея къ Россіи" (Восходъ, 1895 г., кн. 7 и 9), приведя нѣкоторыя данныя и изъ другихъ источниковъ.

При составленіи настоящаго очерка я воспользовался названными сочиненіями, но при этомъ періодъ до присоединенія Курляндіи къ Россіи дополненъ новыми архивными данными, каковыя отмѣчены въ своемъ мѣстѣ; періодъ же послѣ присоединенія къ Россіи написанъ самостоятельно, на основаніи архивныхъ документовъ.

Въ моемъ распоряженіи имѣлись рукописные матеріалы: Архивъ сената. Дѣло мин. юст. 1798 г. № 558. „О евреяхъ въ Курляндіи", и Архивъ мин. земл. и гос. имущ. № 14458, 1798 г., и рѣдкая въ обращеніи книга „Auszug der wichtigsten Sachen sowohl aus den Landtäglichen als auch Conferencial-Schlüssen etc. von G. P. M. von der Recke. Mitau 1790.

образомъ извѣдать и дойтить: нѣтъ-ли по народному слуху, засвидѣтельствованному подъ присягою многими людьми, въ законахъ еврейскихъ положенія, что евреямъ христіанская кровь нужна?". Стуковъ оказался исполнительнымъ чиновникомъ. При содѣйствіи крещенаго еврея Станислава Костинскаго онъ раздобылъ „двѣ еврейскія книги подъ названіемъ Сульханъ-Орухъ" и еще одну польскую. Костинскій перевелъ нѣкоторыя мѣста изъ Шулханъ-Аруха, исказивъ ихъ въ томъ смыслѣ, будто евреямъ дѣйствительно нужна кровь, и Стуковъ препроводилъ книги въ уголовный департаментъ при соотвѣтствующемъ докладѣ.

Въ это именно время въ Бѣлоруссію пріѣхалъ поэтъ и сенаторъ Державинъ съ цѣлью разслѣдовать жалобы шкловскихъ евреевъ на противозаконныя дѣйствія владѣльца Шклова генерала Зорина, и судьбѣ угодно было, чтобы нашъ знакомый Стуковъ былъ прикомандированъ къ Державину въ качествѣ дѣлопроизводителя.

Стуковъ посвятилъ въ подробности сѣнненскаго дѣла Державина, который и поспѣшилъ обратиться по этому поводу къ императору Павлу со слѣдующимъ секретнымъ донесеніемъ (16 іюня 1799 г.) „...Коллежскій секретарь Гавріилъ Стуковъ подалъ мнѣ своеручно имъ писанную записку, при семъ прилагаемую. Поелику содержаніе оной не малой есть важности и не могло въ свое время, яко чрезвычайное происшествіе, не достичь до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества свѣдѣнія, то и не подлежало бы до порученной мнѣ коммиссіи (т. е. дѣла Зорича). Но какъ изображаемое въ ней обвиняетъ всѣхъ евреевъ въ злобномъ пролитіи по ихъ талмудамъ христіанской крови и дѣло сіе, производясь обыкновеннымъ порядкомъ въ главномъ Витебскомъ судѣ, не можетъ быть не гласно и не имѣть вліянія на прочія дѣла губерніи въ томъ разумѣ, что по открытой враждѣ, въ присутственномъ мѣстѣ одинъ народъ противъ другого, по законамъ безпристрастнымъ, свидѣтелемъ быть не можетъ. А какъ и по жалобамъ шкловскихъ евреевъ на генералъ-лейтенанта Зорича предвидятся обстоятельства, которыя разбирать одними только свидѣтелями должно, то доколь еврейскій народъ не оправдится предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ помянутомъ ясно доказываемомъ на нихъ общемъ противу

сеймъ постановилъ, чтобы „хозяева“ никоимъ образомъ не „чинили помѣшательства“ евреямъ.

Поручителямъ было предоставлено также взыскивать подать (Geleitzoll) съ митавскихъ евреевъ, пріѣзжавшихъ въ Пильтенскій округъ для торговли, въ такомъ размѣрѣ, какой уплачивали пильтенскіе евреи, пріѣзжавшіе въ Митаву, но съ тѣмъ, чтобы „чрезъ то здѣшнему округу не была тягость“. Исаю и Гиршѣ Кану было дозволено, при желаніи, представлять другихъ надежныхъ поручителей.

На томъ же сеймѣ 22 августа 1750 г. было постановлено разсмотрѣть на слѣдующемъ сеймѣ вопросъ о томъ, какимъ образомъ евреи „могли придти между собой въ лучшій порядокъ“, а также вопросъ о дозволеніи евреямъ построить синагогу и „на какихъ условіяхъ выдать такое установленіе поручителямъ въ обезпеченіе“.

Но на сеймѣ 9 сентября 1751 г. [1]) рѣшеніе вопроса о синагогѣ, какъ обезпеченіи правильнаго поступленія еврейской подати, было отложено; все же „благородное рыцарство и земство“ единогласно позволило евреямъ построить въ Газенпотѣ синагогу и пріобрѣсти съ этой цѣлью участокъ земли [2]). Тогда же евреямъ было предоставлено ввести у себя кагалъ, который вѣдалъ бы „права и обычаи, принятые по духовному и свѣтскому состоянію, и употребляемые въ Польшѣ и Литвѣ“. Иначе говоря, евреямъ было разрѣшено ввести у себя кагальное устройство на тѣхъ же началахъ, какъ въ Литвѣ и Польшѣ.

Однако отвѣтственность за поступленіе подати и впредь должны были нести поручители, и сеймъ 1751 г. подтвердилъ, что „имъ дается полная власть, безъ всякаго препятствія отъ господъ, подъ которыми евреи жительствуютъ... взыскивать недоимочныя подати съ евреевъ: закладомъ,

---

[1]) Документъ мин. земледѣлія. Въ немъ, между прочимъ, сказано: „И какъ евреи Пильтенскаго округа, которые разстояніемъ въ 5-ти миляхъ отъ Газенпота жительствуютъ, тамо называемый праздникъ Михаелисъ торжествовать обязаны, такъ и находящіеся не въ окружности онаго, потребныя къ празднику своему Михаелисъ, райскія яблоки не изъ иного мѣста, какъ изъ Газенпота брать должны“...

[2]) Въ Пильтенѣ синагога существовала уже въ 1708 г. Впослѣдствіи городъ потерялъ свое торговое значеніе и тогда еврейское населеніе стало сосредоточиваться въ Газенпотѣ.

и отъ него, Зорича, права, принадлежатъ ему, Зоричу". А на цѣлый рядъ обвиненій въ лишеніи евреевъ свободы и въ томъ, что они были подвергнуты тѣлеснымъ наказаніямъ, „Зоричъ отвѣтствовалъ, что евреи за вины подлежали его и управителя его разбирательству... и ежели евреи наказываемы были, то конечно за вины ихъ".

Не останавливаясь на другихъ жалобахъ евреевъ, свидѣтельствовавшихъ, что „Зоричъ оставилъ безъ платежа одинъ только воздухъ", нельзя обойти молчаніемъ еще одного пункта сенатскаго доклада. „Евреи показываютъ, что Зоричъ съ 1794 г. приневоливать началъ еврейскихъ шинкарей брать у него хлѣбное вино въ каждый годъ 16000 ведеръ и взыскивать съ нихъ по 3 р. 15 коп. за ведро, а когда таковые отказывались, что не могутъ такого числа ведеръ распродать и стоитъ оно только третью долю противъ положенной Зоричемъ цѣны, то онъ для продажи вина помѣстилъ въ домы тѣхъ шинкарей собственныхъ своихъ крестьянъ... Но какъ крестьяне его не могли продать означенной пропорціи, тогда они сведены, а вмѣсто усильнымъ (т. е. насильственнымъ) образомъ стали вино свозить въ шинки, вкатывать бочки, и, не смотря на то, продается ли оное или нѣтъ, взыскиваются съ шинкарей деньги чрезъ экзекуцію"...

Сенатъ увидѣлъ изъ дѣла, что Зоричъ „мыслитъ, что онъ, яко помѣщикъ, могъ, *по прежнимъ польскимъ установленіямъ, простирать власть надъ евреями, въ его селеніи и на его земляхъ живущими*, а какъ по законамъ вашего императорскаго величества—докладывалъ сенатъ—купцы и мѣщане, каковы суть и помянутые евреи, должны судомъ и расправою вѣдомы быть подъ магистратами и ратушами, почему и присвоеніе Зоричемъ надъ тѣми евреями помѣщичьяго распоряженія мѣсто имѣть не должно было". Вслѣдствіе чего сенатъ и постановилъ, чтобы управляющіе Шкловомъ „ни въ какой судъ и расправу надъ евреями, яко не подвластными шкловскимъ помѣщикамъ, не входили, а относились бы съ просьбами и жалобами своими къ учрежденнымъ присутственнымъ мѣстамъ".

Однако, вставалъ вопросъ, какимъ образомъ законъ могъ регулировать взаимоотношенія между помѣщикомъ и евреями, когда само проживаніе еврея зависѣло отъ усмотрѣнія помѣщика, который, пользуясь однимъ даже этимъ правомъ,

что они сіе сдѣлали для полученія христіанской крови, то было бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи, по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, наравнѣ съ людьми прочихъ исповѣданій, которые уличались бы въ преступленіи дѣтоубійства“ [1]).

Это повелѣніе пріостановило въ зародышѣ нѣсколько средневѣковыхъ обвиненій, но все же въ 1823 г. возникло потрясающее велижское дѣло, хотя и завершившееся полнымъ оправданіемъ обвиняемыхъ, но продлившееся 12 тягостныхъ лѣтъ [2]). Въ послѣдующіе годы подобные процессы также заключались оправдательными вердиктами.

Однако эти отдѣльныя побѣды истины не могли уничтожить тѣ темныя силы, которыя, сѣя ненависть человѣка къ человѣку, создавали новыя кровавыя измышленія и бросали въ тюрьмы неповинныхъ людей.

Среди этихъ сѣятелей если и не дикой ненависти, то глубокаго недовѣрія къ еврейскому народу, должно съ сожалѣніемъ поставить и столь высокое просвѣтительное учрежденіе, какъ академія наукъ. Спѣшу добавить: вѣроятно, академія вступила въ эти ряды сама того не зная, довѣрившись своему члену Я. К. Гроту.

Въ 70-хъ годахъ 19-го вѣка академія наукъ издала полное собраніе сочиненій Державина подъ редакціей Грота. Желая придать изданію историко-культурную цѣнность, Гротъ весьма трудолюбиво снабдилъ сочиненія Державина многочисленными подробными примѣчаніями и напечаталъ не только то, что принадлежало перу Державина, но и другіе документы, имѣющіе какое либо отношеніе къ поэту.—Придерживаясь такого порядка, Гротъ счелъ нужнымъ пояснить и тѣ вышеприведенныя строки, которыя говорили о пролитіи христіанской крови. Когда записка Державина была впервые напечатана въ „Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній о Россіи“ (1862 г. кн. IV), къ этимъ строкамъ о ритуальныхъ убій-

---

[1]) Приведено у Хвольсона. О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ, 2-е изд. Спб. 1880. Повелѣніе состоялось 22 февраля 1817 г.

[2]) См. мою книгу: Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма. Спб. 1905 г.

число гражданъ или мѣщанъ, и потому совершенно вышелъ изъ всякой зависимости шляхетству, а при томъ и самое шляхетство или дворянство... сами занимаются управленіемъ своей экономіей... у помѣщиковъ они, яко безполезные и *не принадлежащіе* имъ, нетерпимы".

Въ предыдущихъ очеркахъ была [1]) выяснена роль, которую играла въ экономической жизни бывшихъ польскихъ губерній главная масса евреевъ. Посредничество между помѣщикомъ и крестьяниномъ упадало на еврея всей тяжестью отвѣтственности за бѣдствіе крестьянъ, хотя фактически евреи являлись въ этой государственно-экономической машинѣ лишь передаточнымъ колесомъ. Подробное ознакомленіе съ условіями быта евреевъ на помѣщичьей землѣ, рельефно выступающими въ сенатскихъ дѣлахъ по жалобамъ евреевъ изъ Новаго Мѣста, Соколовки и Шклова, даетъ основаніе лишній разъ подчеркнуть, что евреи въ значительной степени являлись безъ вины виноватыми. Будучи и въ правовомъ, и въ экономическомъ отношеніи порабощены помѣщиками, евреи творили ихъ волю когда обирали крестьянъ, понуждаемые къ этому грознымъ вопросомъ о собственномъ существованіи.

Если вообще благосостояніе вновь переходившихъ изъ польскаго въ русское подданство евреевъ нарушалось тѣми потрясеніями мѣстной экономической жизни, которыми сопровождались раздѣлы Польши, то оно тотчасъ испытывало новые удары, когда русскія власти пытались внезапными, рѣшительными мѣрами нарушить вѣками установившійся экономическій строй, принуждая значительную часть еврейскаго населенія покинуть насиженныя мѣста въ уѣздахъ и перемѣнить унаслѣдованный изъ поколѣнія въ поколѣніе родъ занятій—аренды, винные откупы и торговлю водкой.

Эти потрясенія тяжело отзывались не только на уѣздномъ, но и на городскомъ еврейскомъ населеніи: бѣглецы изъ уѣздовъ наводняли мелкими торговцами, ремесленниками и шинкарями города, и до прихода ихъ уже чрезмѣрно наполненные торгово-промышленнымъ и ремесленнымъ людомъ. Правда, и событія во внутренней жизни евреевъ, вызванныя

---

[1]) Очерки: „Исторія Положенія 1804 г." и „Выселеніе".

религіознымъ расколомъ, и вобще порядки общественнаго быта, въ связи съ самообложеніемъ еврейскаго населенія, дававшимъ правящему классу возможность порабощать экономически массу, также разрушали матеріальное благополучіе еврейскаго населенія; но несомнѣнно, что болѣе всего еврейскую массу давили двойная подать, поборы помѣщиковъ и безпрестанныя выселенія изъ уѣздовъ.

Еврейское населеніе бѣдствовало — не сохранилось ни одного свидѣтельства о матеріальномъ довольствѣ евреевъ. Напротивъ, современники единогласно говорятъ о нищетѣ еврейскаго населенія, особенно класса шинкарей, которыхъ русское правительство столь тщетно хотѣло признать виновникомъ общаго бѣдствія.

Литовскій губернаторъ Фризель заявлялъ, что въ корчмахъ сидятъ женщины, а не мужчины, которые „выходятъ на другіе промыслы, поелику доходъ съ шинка часто бываетъ недостаточенъ на ихъ содержаніе“.

Державинъ сообщалъ, чтобѣлорусская еврейская масса „въ крайнемъ изнуреніи и нищетѣ, каковыхъ суть большая часть“.

Но особенно ярко о печальномъ экономическомъ положеніи еврейскаго населенія свидѣтельствуетъ всеподданнѣйшій докладъ кіевскаго губернатора Панкратьева [1]).

Изъ числа почти 20000 евреевъ мѣщанъ, по словамъ Панкратьева, „ежели не больше, то конечно не меньше $^2/_3$ находится въ такомъ состояніи, что не только положенныхъ на нихъ казенныхъ податей платить не могутъ, но съ величайшимъ усиліемъ находятъ они теперь дневное пропитаніе“. Указавъ далѣе на причины бѣдствія евреевъ въ кіевской губерніи, онъ писалъ „.. справедливымъ кажется помыслить объ участи и сего презрѣннаго (т. е. презираемаго всѣми) и угнетеннаго народа, который, не получивъ отъ государства никакой въ его собственность принадлежности, платить обязанъ и казнѣ за позволеніе здѣсь жить двойную подать, и помѣщикамъ за земли и позволеніе промысловъ въ ихъ владѣніяхъ столько же или и болѣе. Отчего пришелъ онъ, кромѣ малаго количества, въ такое состояніе, что не только платить податей, но и самъ себя содержать не можетъ“... И Панкратьевъ не только не призналъ евреевъ палачами

---

[1]) Архивъ Мин. Внут. Дѣлъ Деп. Пол. Исполн. 1802 г. дѣло № 558.

крестьянъ, но даже отмѣтилъ, что сами евреи являются жертвами корыстолюбія помѣщиковъ, онъ не только не потребовалъ принятія какихъ-либо принудительныхъ мѣръ въ отношеніи евреевъ, но даже выступилъ съ ходатайствомъ объ освобожденіи ихъ отъ двойной подати и объ уравненіи ихъ въ правахъ съ христіанами.

Положеніе 1804 г. не уничтожило двойной подати, оно только пообѣщало уравнять евреевъ въ податяхъ въ видѣ награды тогда, когда „всѣ вообще евреи въ земледѣліи, мануфактурахъ, и купечествѣ окажутъ постоянное направленіе и прилежаніе". Но пришлось это сдѣлать раньше. Въ 1805 г. былъ уничтоженъ двойной размѣръ общественныхъ повинностей [1]), 1807 г.—двойной размѣръ процентнаго сбора съ купеческихъ капиталовъ [2]), а въ 1812 г. было уже отмѣнена двойная подать для мѣщанъ [3]).

Приведенныя въ настоящемъ очеркѣ отрывочныя данныя далеко, конечно, не рисуютъ съ необходимой полнотой экономическаго положенія еврейскаго населенія на рубежѣ 19-го вѣка—слишкомъ скудны сохранившіяся свѣдѣнія, но несомнѣнно одно—это то, что евреи не обогащались на счетъ окружающаго населенія, они были нищими среди нищихъ.

---

[1]) П. С. З. т. XXVIII № 21766.
[2]) т. XXIX № 22678.
[3]) Докладъ комитета. 1809 г.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

покупать у помѣщиковъ и справедливость, и милость, и право жить на его землѣ и право уйти съ нея.

На сколько мнѣ извѣстно, съ вопросомъ о судьбѣ помѣщичьихъ евреевъ русское правительство впервые познакомилось при Павлѣ I. „По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, честь имѣю—писалъ ген. прокуроръ Лопухинъ 20 марта 1799 г.—предложить правительствующему сенату, дабы немедленно и не въ очередь было разсмотрѣно сенатомъ дѣло о разныхъ злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ Литовской губерніи, новомѣстскимъ старостою Роникеромъ, оказываемыхъ евреямъ, въ томъ староствѣ живущимъ, съ тѣмъ, чтобы съ Роникеромъ, буде онъ въ предъявленныхъ на него зловредныхъ поступкахъ окажется виновнымъ, было поступлено по всей строгости законовъ, и чтобы приняты были всевозможныя мѣры къ огражденію... евреевъ отъ притѣсненія [1]).

„Старовство Хвейданское, какъ писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ сенатъ, пожаловано было въ 1765 г. Литовскому чеснику Михайлѣ Роникеру въ пожизненное, а по немъ наслѣдникамъ его въ пятидесятилѣтнее содержаніе; при владѣніи которымъ, когда зачалъ онъ дѣлать новомѣстскимъ евреямъ разныя угнетенія, возвышеніемъ подати арендной и пляцовой, браніемъ подымнаго, и прочія чинить притѣсненія, то они подали о томъ въ Виленскіе и Ковенскіе акты явочныя жалобы. По занятіи же того края войсками Вашего Императорскаго Величества, евреи не однажды жаловались управлявшему въ то время Ковенскою частію генералъ-лейтенанту князю Голицину, что со времени покупки старостою Роникеромъ собственнаго близъ того староства имѣнія Сингуты начали они испытывать съ 785 года вящшія отъ него притѣсненія, кои дѣланы имъ были на тотъ конецъ, дабы переселились они изъ Новаго Мѣста въ купленное имъ имѣніе, а не въ состояніи будучи сего́ чрезъ приказаніе исполнить, наложилъ на нихъ насильно необыкновенныя съ пропинаціи аренды; но когда и симъ ихъ не склонилъ къ переходу, то, опечатавъ въ собственныхъ ихъ домахъ шинки, запретилъ продажу питей и потомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сѣкъ, почему

---

[1]) Арх. Сен. т. 216 л. 139.

и принуждены они были данные имъ отъ него контракты принять и платить по волѣ его подати подымную и чоповую“ .

Вмѣшательство русскихъ властей не принесло пользы: Роникеръ совершенно игнорировалъ ихъ распоряженія. Когда полковнику Прозоровскому было вторично поручено дать евреямъ „надлежащее защищеніе“ и онъ объ этомъ увѣдомилъ Роникера—послѣдній высѣкъ двухъ евреевъ. Надворный судъ присудилъ въ пользу евреевъ съ Роникера значительную сумму денегъ и предложилъ губернскому правленію слѣдить за тѣмъ, чтобы староста Роникеръ „впредь ни подъ какимъ видомъ не притѣснялъ новомѣстскихъ жителей, не чинилъ имъ никакихъ непозволенныхъ налоговъ, обидъ, какъ личныхъ, такъ и въ имѣніи и торговлѣ, и не препятствовалъ имъ разбираться между собою въ дѣлахъ духовныхъ и партикулярныхъ въ своей синагогѣ“. Сенатъ подтвердилъ это рѣшеніе, предписавъ губернскому правленію взять съ Роникера подписку о нечиненіи евреямъ притѣсненій, и постановилъ посадить Роникера на шесть недѣль „на вѣжу“ [1]).

То же самое, что дѣло Роникера, представляетъ собою и дѣло, возникшее по жалобѣ, съ которой повѣренный еврейскаго общества м. Соколовки (кіевской губ.) Файвишъ Хаимовичъ обратился къ государю въ 1800 г. на владѣльца мѣстечка—Станислава Потоцкаго.

Въ своемъ прошеніи Файвишъ Хаимовичъ указывалъ, что евреи еще отъ польскихъ королей имѣли привилегіи, дававшія право проживать по всей Польшѣ, и такъ какъ въ старое время города не были благоустроены, то помѣщики, „льстясь на трудолюбіе и способность евреевъ къ промыслу, склоняли ихъ къ жительству въ ихъ помѣстьяхъ, обѣщая имъ всякія выгоды“; при такихъ же условіяхъ и владѣлецъ м. Соколовки „Франтишекъ“ Потоцкій пригласилъ предковъ жалобщиковъ поселиться въ мѣстечкѣ, „съ ограниченіемъ помѣщичьихъ съ нихъ сборовъ“, вслѣдствіе чего евреи и „застроились“. Но Станиславъ Потоцкій, хотя и подтвердилъ то условіе, нарушилъ его, „подати на евреевъ новыя налагая, а старыя подвышая до чрезвычайности“. По жалобамъ евреевъ возникло судебное дѣло, между тѣмъ,

---

[1]) Арх. сената. Всеподданнѣйшіе доклады.

Потоцкій, какъ указывалъ Файвишъ Хаимовичъ во всеподданѣйшемъ прошеніи, „простираетъ свою власть и самовольно взыскиваетъ съ евреевъ своихъ налоговъ по своей волѣ, и такимъ образомъ можетъ довести ихъ до такого состоянія, что они не сумѣютъ заплатить подати", а потому жалобщикъ просилъ повелѣть, чтобы до рѣшенія суда Потоцкій „не простиралъ своей власти надъ евреями чрезъ предѣлы" и не взыскивалъ сборовъ.

Прошеніе Файвиша Хаимовича привело къ бо́льшему результату, чѣмъ онъ могъ ожидать.

„Его императорское величество — гласило предложеніе ген.-прокурора Обольянинова сенату отъ 6 декабря 1800 г. —повелѣть соизволилъ: прилагаемое при семъ прошеніе еврея Файвиша Хаимовича объ ограниченіи власти надъ вѣрителями его, во владѣльцѣ кіевской губ., м. Соколовки, Станиславѣ Потоцкомъ, относящемся до налагаемыхъ на нихъ поборовъ, отдать въ правительствующій сенатъ, съ тѣмъ, чтобы, такъ какъ въ губерніяхъ отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ, на таковомъ, какъ и проситель, положеніи находится великое число евреевъ, собравъ всѣ нужныя по предмету случаи, отъ начальниковъ губерній, гдѣ евреи находятся, съ мнѣніемъ ихъ сдѣлать постановленіе и внесть на высочайшее его величества утвержденіе" [1]).

Сенатъ не замедлилъ истребовать отъ начальниковъ губерній соотвѣтствующія свѣдѣнія—они вскорѣ поступили [2]), и когда вслѣдъ затѣмъ сенату представился случай еще разъ познакомиться съ новымъ такимъ же дѣломъ, онъ легко установилъ, что первопричина жалобъ евреевъ лежитъ въ томъ, что помѣщики сохранили за собою ту власть надъ евреями, которою они пользовались въ польское время.

Это было дѣло Зорича, владѣльца Шклова, недолгаго

---

[1]) Опр. 1 Отд. 3 деп. сената 11 Декабря 1800 г.

[2]) Эти донесенія образовали дѣло: „По именному указу о собраніи отъ нѣкоторыхъ начальниковъ губерній и казенныхъ палатъ свѣдѣній и мнѣній относительно содержанія евреевъ въ казенныхъ и партикулярныхъ селеніяхъ на такомъ основаніи, чтобы не были отягощаемы излишними поборами и налогами отъ владѣльцевъ". Это дѣло поступило потомъ въ распоряженіе комитета 1802 г., а затѣмъ возвращено въ сенатъ. Но не смотря на тщательные поиски, мнѣ не удалось найти этотъ несомнѣнно цѣнный матеріалъ.

фаворита Екатерины II, о которомъ бѣлорусскій губернаторъ Жегулинъ выразился, что онъ „въ пышной надменности“ не признаетъ ни закона, ни властей.

Когда евреи въ 1668 г. стали „строиться“ въ Шкловѣ, въ договорѣ, заключенномъ съ шкловскимъ владѣльцемъ графомъ Сенявскимъ, было сказано, что они „во всякихъ дѣлахъ судиться имѣютъ предъ намѣстникомъ его, графа Сенявскаго, апелляцію же на опредѣленія намѣстника имѣть къ нему самому Сенявскому“. Основываясь на этомъ прошломъ, Зоричъ „оставался въ томъ мнѣніи, что онъ съ евреями, на его земляхъ живущими, въ разсужденіи суда и расправы, между его экономіею и крестьянами случающимися, можетъ употреблять власть помѣщичью надъ тѣми и другими“...

Евреи жаловались, что Зоричъ собственноручно билъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, выселилъ нѣсколькихъ евреевъ изъ Шклова, а другихъ принуждалъ выѣхать въ 24 часа, при чемъ двухъ евреевъ лишилъ имущества, а у двоихъ отобралъ дома и т. д. Подобныхъ жалобъ было много и возможно, что не всѣ онѣ были основательны.

Но это „дѣло“ служитъ любопытной иллюстраціей къ вопросу о жизни евреевъ на помѣщичьихъ земляхъ.

„Евреи показываютъ—гласилъ всеподданнѣйшій докладъ сената—что трое изъ нихъ содержаны были подъ карауломъ, одинъ въ колодкахъ, а двое въ желѣзахъ до двухъ недѣль и употреблялись на работу.—На сіе Зоричъ отозвался, что тѣ трое евреевъ оказались въ воровствѣ и дурныхъ поступкахъ, а поелико право тамошнее позволяетъ помѣщикамъ таковыхъ брать подъ караулъ и по изслѣдованіи, если окажутся достойны важнаго штрафа, отсылаются въ судъ, то и помянутые евреи содержались подъ карауломъ и, можетъ быть, употребляемы были въ работу,—все же они, трое евреевъ, меньше, нежели у хозяевъ слуги“.

По поводу жалобы на то, что рекрутскія партіи, проходившія черезъ Шкловъ, Зоричъ расположилъ въ квартирахъ однихъ евреевъ „Зоричъ на сіе отвѣтствовалъ, что онъ, живущихъ въ Шкловѣ, евреевъ не иначе считалъ, какъ *подвластными ему*, покуда на землѣ его проживаютъ“, при чемъ пояснялъ, что „всѣ еврейскіе дома, кои не имѣютъ особеннаго на каждый изъ нихъ отъ предмѣстника его

бургъ, снабженный достаточными пашпортами и атестами. Здѣсь находился онъ учителемъ въ домѣ нѣкотораго господина Алимова, а въ 1796 году съ генваря мѣсяца, принятъ онъ мною для обученія моихъ дѣтей, языковъ французскаго и нѣмецкаго, арифметики, географіи, исторіи и прочихъ элементарныхъ наукъ.

„А что онъ, Элканъ, колико я его въ теченіи 23 мѣсяцевъ проникнуть могъ, дѣйствительно, поведенія честнаго и скроменъ, благонравенъ и о религіяхъ сужденія не вчиняетъ, трудолюбивъ и наученъ жребіемъ своимъ быть довольнымъ, въ томъ по чести и совѣсти симъ свидѣтельствую“ [1]).

Записка Литке нѣсколько запоздала, такъ какъ еще 12 ноября въ Совѣтѣ было читано внесенное ген.-прокуроромъ прошеніе Элкана и Совѣтъ опредѣлилъ его цензоромъ въ Ригу съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ; 20 ноября протоколъ Совѣта былъ высочайше утвержденъ, а 30 января 1798 г. рижская цензура донесла ген.-прокурору, что „опредѣленный для разсматриванія еврейскихъ книгъ *цензоръ* Элканъ сего мѣсяца 28 числа, по приведеніи къ присягѣ, вступилъ въ должность“.

Рижскіе цензоры,—среди нихъ былъ и знаменитый въ

---

[1]) Записка Литке была представлена, повидимому, по требованію Куракина, въ виду того, что Элканъ въ своемъ прошеніи писалъ, что свѣдѣнія о немъ можетъ дать Литке.

Изъ прошенія Элкана видно, что онъ зналъ немного русскій языкъ. Къ имѣющимся здѣсь свѣдѣніямъ объ Элканѣ можно добавить, что когда въ 1802 г. всѣ цензуры были упразднены, и было повелѣно гражданскихъ цензоровъ опредѣлить по способностямъ къ другимъ дѣламъ, по усмотрѣнію сената, Элканъ обратился въ сенатъ съ прошеніемъ о назначеніи его на службу или въ сенатъ, или въ комитетъ о евреяхъ 1802 г. Прошеніе Элкана поступило въ комитетъ.

Любопытное свѣдѣніе объ Элканѣ встрѣчается въ біографіи русскаго ученаго путешественника П. А. Чихачева (В. Евр. 1893 г. кн. XI); оно относится, вѣроятно, къ 1810—1818 гг. Въ этомъ очеркѣ говорится, что наиболѣе сильное и непосредственное вліяніе на умственное и нравственное развитіе Ч—ва имѣлъ престарѣлый ученый еврей Элканъ, много лѣтъ проживший въ домѣ Чихачевыхъ въ качествѣ домашняго наставника. Одно время Ч—въ съ особеннымъ рвеніемъ занялся изученіемъ евр. письменъ для пониманія талмуда, изъ шалости унесеннаго тайкомъ его братомъ изъ комнаты ученаго наставника.

Такимъ образомъ Элканъ былъ домашнимъ наставникомъ въ трехъ русскихъ домахъ.

могъ безгранично господствовать надъ еврейскимъ населеніемъ.

Въ это время сенатъ приступалъ къ „генеральному постановленію о евреяхъ“, и потому указывая, что евреи въ Шкловѣ имѣли недвижимость, построенную, конечно, съ разрѣшенія владѣльцевъ имѣній, сенатъ предложилъ, какъ временную мѣру, чтобы евреи не подвергались выселенію и чтобы подать впредь уплачивалась въ средней суммѣ за послѣдніе три года до возникновенія споровъ, безъ права со стороны управляющихъ Шкловомъ увеличивать подать; тѣхъ же евреевъ, которые не уплачивали подать, должны были выселять надлежащія правительственныя мѣста.

Заняться генеральнымъ постановленіемъ, какъ извѣстно, пришлось не сенату, а комитету 1802 г.; выработаннымъ имъ Положеніемъ 1804 г. было установлено, что помѣщики не имѣютъ надъ евреями права суда ни въ тяжебныхъ дѣлахъ, ни въ уголовныхъ; что евреи могутъ выбирать въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ раввиновъ и кагальныхъ безъ участія въ томъ помѣщиковъ, „коимъ запрещается при семъ за раввинство собирать какую либо подать“. Но Положеніе сохранило одну мѣру, которая давала помѣщикамъ возможность злоупотреблять своей властью. „При переходѣ евреевъ съ одного мѣста на другое, они обязаны представить свидѣтельства отъ помѣщиковъ... что они удовлетворили всѣмъ обязанностямъ въ разсужденіи ихъ“. Депутаты еврейскихъ обществъ указывали впослѣдствіи, что помѣщики могутъ при такомъ условіи насильственно удерживать евреевъ на своихъ земляхъ и комитетъ 1809 г. (Попова) призналъ необходимымъ уничтожить это стѣсненіе евреевъ въ передвиженіи.

Сомнительно, чтобы требованіе закона о свободѣ евреевъ на помѣщичьихъ земляхъ было на практикѣ широко осуществлено—слишкомъ сильна была экономическая зависимость евреевъ отъ помѣщиковъ. Но трагически было то, что тамъ, гдѣ съ евреевъ снималась въ силу русскаго государственно-общественнаго строя, „польская“ опека помѣщика,—тамъ ихъ положеніе еще болѣе ухудшалось. „По присоединенію сего края къ Россійскому владычеству—сообщалъ кіевскій губернаторъ Панкратьевъ въ 1802 г.—понеже сей еврейскій народъ, какъ никогда помѣщикамъ не принадлежавшій, причтенъ въ

число гражданъ или мѣщанъ, и потому совершенно вышелъ изъ всякой зависимости шляхетству, а при томъ и самое шляхетство или дворянство... сами занимаются управленіемъ своей экономіей... у помѣщиковъ они, яко безполезные и *не принадлежащіе* имъ, нетерпимы".

Въ предыдущихъ очеркахъ была [1]) выяснена роль, которую играла въ экономической жизни бывшихъ польскихъ губерній главная масса евреевъ. Посредничество между помѣщикомъ и крестьяниномъ упадало на еврея всей тяжестью отвѣтственности за бѣдствіе крестьянъ, хотя фактически евреи являлись въ этой государственно-экономической машинѣ лишь передаточнымъ колесомъ. Подробное ознакомленіе съ условіями быта евреевъ на помѣщичьей землѣ, рельефно выступающими въ сенатскихъ дѣлахъ по жалобамъ евреевъ изъ Новаго Мѣста, Соколовки и Шклова, даетъ основаніе лишній разъ подчеркнуть, что евреи въ значительной степени являлись безъ вины виноватыми. Будучи и въ правовомъ, и въ экономическомъ отношеніи порабощены помѣщиками, евреи творили ихъ волю когда обирали крестьянъ, понуждаемые къ этому грознымъ вопросомъ о собственномъ существованіи.

Если вообще благосостояніе вновь переходившихъ изъ польскаго въ русское подданство евреевъ нарушалось тѣми потрясеніями мѣстной экономической жизни, которыми сопровождались раздѣлы Польши, то оно тотчасъ испытывало новые удары, когда русскія власти пытались внезапными, рѣшительными мѣрами нарушить вѣками установившійся экономическій строй, принуждая значительную часть еврейскаго населенія покинуть насиженныя мѣста въ уѣздахъ и перемѣнить унаслѣдованный изъ поколѣнія въ поколѣніе родъ занятій—аренды, винные откупы и торговлю водкой.

Эти потрясенія тяжело отзывались не только на уѣздномъ, но и на городскомъ еврейскомъ населеніи: бѣглецы изъ уѣздовъ наводняли мелкими торговцами, ремесленниками и шинкарями города, и до прихода ихъ уже чрезмѣрно наполненные торгово-промышленнымъ и ремесленнымъ людомъ. Правда, и событія во внутренней жизни евреевъ, вызванныя

---

[1]) Очерки: „Исторія Положенія 1804 г." и „Выселеніе".

религіознымъ расколомъ, и вобще порядки общественнаго быта, въ связи съ самообложеніемъ еврейскаго населенія, дававшимъ правящему классу возможность порабощать экономически массу, также разрушали матеріальное благополучіе еврейскаго населенія; но несомнѣнно, что болѣе всего еврейскую массу давили двойная подать, поборы помѣщиковъ и безпрестанныя выселенія изъ уѣздовъ.

Еврейское населеніе бѣдствовало — не сохранилось ни одного свидѣтельства о матеріальномъ довольствѣ евреевъ. Напротивъ, современники единогласно говорятъ о нищетѣ еврейскаго населенія, особенно класса шинкарей, которыхъ русское правительство столь тщетно хотѣло признать виновникомъ общаго бѣдствія.

Литовскій губернаторъ Фризель заявлялъ, что въ корчмахъ сидятъ женщины, а не мужчины, которые „выходятъ на другіе промыслы, поелику доходъ съ шинка часто бываетъ недостаточенъ на ихъ содержаніе".

Державинъ сообщалъ, чтобѣлорусская еврейская масса „въ крайнемъ изнуреніи и нищетѣ, каковыхъ суть большая часть".

Но особенно ярко о печальномъ экономическомъ положеніи еврейскаго населенія свидѣтельствуетъ всеподданнѣйшій докладъ кіевскаго губернатора Панкратьева [1]).

Изъ числа почти 20000 евреевъ мѣщанъ, по словамъ Панкратьева, „ежели не больше, то конечно не меньше $^2/_3$ находится въ такомъ состояніи, что не только положенныхъ на нихъ казенныхъ податей платить не могутъ, но съ величайшимъ усиліемъ находятъ они теперь дневное пропитаніе". Указавъ далѣе на причины бѣдствія евреевъ въ кіевской губерніи, онъ писалъ „.. справедливымъ кажется помыслить объ участи и сего презрѣннаго (т. е. презираемаго всѣми) и угнетеннаго народа, который, не получивъ отъ государства никакой въ его собственность принадлежности, платить обязанъ и казнѣ за позволеніе здѣсь жить двойную подать, и помѣщикамъ за земли и позволеніе промысловъ въ ихъ владѣніяхъ столько же или и болѣе. Отчего пришелъ онъ, кромѣ малаго количества, въ такое состояніе, что не только платить податей, но и самъ себя содержать не можетъ"... И Панкратьевъ не только не призналъ евреевъ палачами

---

[1]) Архивъ Мин. Внут. Дѣлъ Деп. Пол. Исполн. 1802 г. дѣло № 558.

гнуты евреи съ тюкомъ книгъ; увидя погоню, евреи скрылись, захвативъ съ собою тюкъ, но двѣ книги выпали; онѣ были доставлены въ радзивиловскую цензуру, которая, отправляя ихъ генералъ-прокурору, между прочимъ, изъясняла, что „таковая тайная перевозка еврейскихъ книгъ чрезъ границу весьма часта, доказательствомъ сему публичная продажа на бердичевскихъ ярмаркахъ самыхъ новѣйшихъ книгъ, печатанныхъ за-границею: въ Амстердамѣ, Вѣнѣ, Львовѣ и Жолквѣ, безъ разсмотрѣнія и штемпеля цензуры, да и могутъ-ли типографіи заграничныя относиться въ Ригу, когда въ оныхъ здѣшнихъ трехъ губерніяхъ еврейскія общества покупаютъ книги съ тѣмъ, что буде удастся провезть ихъ тайно чрезъ границу, тогда учинятъ имъ платежъ, и продаются потомъ публично... Какъ въ сихъ трехъ губерніяхъ состоитъ евреевъ до нѣсколько сотъ тысячъ, и многіе продолжаютъ коммерцію книгами, то по сему никогда не можетъ, за отдаленностью своею, рижская еврейская цензура прекратить тайную сію евреями перевозку чрезъ границу еврейскихъ позволенныхъ и непозволенныхъ книгъ“. Но и это донесеніе осталось безъ послѣдствій; генералъ-прокуроръ сообщилъ, что упомянутыя двѣ книги препровождены въ рижскую цензуру, куда и впредь должны всѣ еврейскія книги отсылаться.—Когда постъ генералъ-прокурора занялъ Беклешевъ, радзивиловская цензура въ томъ-же году вновь возбудила ходатайство о назначеніи еврейскаго цензора; при этомъ она сообщала, что бывшій волынскій гражданскій губернаторъ Гревсъ, сознавая необходимость имѣть при цензурѣ еврейскаго цензора, рекомендовалъ въ цензоры иностраннаго еврея *Боуса Гинцбурга*, знавшаго „совершенно“ еврейскій, нѣмецкій и русскій языки, а ему въ помощники *Гершона Огановскаго*, которые и состояли при цензурѣ, впрочемъ, безъ всякаго жалованья; поэтому радзивиловская цензура, для прекращенія тайнаго провоза книгъ, просила опредѣлить этихъ евреевъ въ цензуру. Но и на этотъ разъ генералъ-прокуроръ отказалъ въ ходатайствѣ, сдѣлавъ цензурѣ выговоръ за то, что она утруждаетъ начальство „недѣльными бумагами“.

Такимъ образомъ, цензура еврейскихъ книгъ, привозившихся изъ за-границы, сосредоточилась въ Ригѣ; вмѣстѣ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Дарованіе гражданскихъ правъ евреямъ въ Курляндіи [1]).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Евреи въ Пильтенскомъ округѣ.—Постановленіе сейма 1750 г.—Появленіе евреевъ въ Курляндскомъ герцогствѣ.—Указъ 1714 г. объ удаленіи ихъ.—Отмѣна его сеймовымъ постановленіемъ 1724 г.—Дальнѣйшія сеймовыя постановленія объ удаленіи евреевъ.—Указъ регента Карла 1759 г.—Улучшеніе положенія евреевъ при Биронѣ.—Ходатайство евреевъ о предоставленіи имъ права свободнаго проживанія по всему герцогству.—Проекты гуманной еврейской реформы.—Литературная полемика. — Дѣйствія митавскихъ евреевъ.

Курляндская губернія была образована изъ присоединенныхъ къ Россіи въ 1795 г. Курляндскаго герцогства и Пильтенскаго округа, и съ этого времени еврейскимъ обществамъ

---

[1]) По исторіи евреевъ въ Курляндіи имѣется одно лишь оригинальное изслѣдованіе на нѣмецкомъ языкѣ Р. Вундербара: „Исторія евреевъ въ Лифляндской и Курляндской губерніяхъ" (Митава, 1853 г.)—Этимъ трудомъ воспользовался г. Ю. Брукцусъ въ своей статьѣ: „Исторія евреевъ въ Курляндіи до присоединенія ея къ Россіи" (Восходъ, 1895 г., кн. 7 и 9), приведя нѣкоторыя данныя и изъ другихъ источниковъ.

При составленіи настоящаго очерка я воспользовался названными сочиненіями, но при этомъ періодъ до присоединенія Курляндіи къ Россіи дополненъ новыми архивными данными, каковыя отмѣчены въ своемъ мѣстѣ; періодъ же послѣ присоединенія къ Россіи написанъ самостоятельно, на основаніи архивныхъ документовъ.

Въ моемъ распоряженіи имѣлись рукописные матеріалы: Архивъ сената. Дѣло мин. юст. 1798 г. № 558. „О евреяхъ въ Курляндіи", и Архивъ мин. земл. и гос. имущ. № 14458, 1798 г., и рѣдкая въ обращеніи книга „Auszug der wichtigsten Sachen sowohl aus den Landtäglichen als auch Conferencial-Schlüssen etc. von G. P. M. von der Recke. Mitau 1790.

въ этихъ мѣстностяхъ было суждено зажить одной жизнью. До того же ихъ судьба была различна.

Пильтенскій округъ былъ непосредственно подчиненъ польскому королю, а Курляндское герцогство, хотя и находилось съ 1561 г. въ ленной зависимости отъ польскаго короля, пользовалось самостоятельностью въ своей внутренней жизни, благодаря чему евреи въ Пильтенскомъ округѣ находились въ лучшихъ условіяхъ, нежели въ герцогствѣ.

Есть указаніе (у Вундербара), впрочемъ, непровѣренное и, на мой взглядъ, мало достовѣрное, будто уже въ концѣ 16 вѣка евреи въ Пильтенскомъ округѣ пользовались правомъ гражданства и что многіе изъ нихъ владѣли недвижимой собственностью. Однако, когда въ концѣ 17 в. Пильтенскій округъ вошелъ съ Курляндскимъ герцогствомъ въ личную унію, продолжавшуюся до 1717 г., положеніе евреевъ не было болѣе таковымъ. Можно думать, что именно тогда евреямъ было запрещено дальнѣйшее пребываніе въ странѣ, а христіанамъ не дозволено давать евреямъ пріютъ подъ страхомъ денежнаго штрафа, вслѣдствіе чего многимъ евреямъ пришлось покинуть свои мѣста.

Но земскій сеймъ 22 Августа 1750 г. [1]) единогласно согласился на ихъ возвращеніе, при чемъ освободилъ христіанъ отъ штрафа, наложеннаго на нихъ за оставленіе у себя евреевъ. Тогда же, обѣщавъ евреямъ „защиту“, сеймъ вошелъ въ соглашеніе съ двумя еврейскими уполномоченными Исаемъ и Гиршемъ Каномъ, въ силу котораго эти лица являлись отвѣтственными всѣмъ своимъ имуществомъ за правильное поступленіе въ дворянское казначейство ежегодной еврейской подати—Schutzgeld—въ размѣрѣ 1000 альбертовыхъ флориновъ. Для раскладки указанной суммы евреи, по вызову уполномоченныхъ, иначе называвшихся „поручителями“, должны были являться въ Газенпотъ и уплачивать подать, назначенную поручителями; ослушникамъ грозилъ штрафъ. При этомъ, такъ какъ христіане-бюргеры въ своихъ интересахъ, вслѣдствіе денежныхъ расчетовъ съ евреями, нерѣдко препятствовали имъ уплачивать подать,

---

[1]) Документъ мин. земледѣлія.

сеймъ постановилъ, чтобы „хозяева“ никоимъ образомъ не „чинили помѣшательства“ евреямъ.

Поручителямъ было предоставлено также взыскивать подать (Geleitzoll) съ митавскихъ евреевъ, пріѣзжавшихъ въ Пильтенскій округъ для торговли, въ такомъ размѣрѣ, какой уплачивали пильтенскіе евреи, пріѣзжавшіе въ Митаву, но съ тѣмъ, чтобы „чрезъ то здѣшнему округу не была тягость“. Исаю и Гиршѣ Кану было дозволено, при желаніи, представлять другихъ надежныхъ поручителей.

На томъ же сеймѣ 22 августа 1750 г. было постановлено разсмотрѣть на слѣдующемъ сеймѣ вопросъ о томъ, какимъ образомъ евреи „могли придти между собой въ лучшій порядокъ“, а также вопросъ о дозволеніи евреямъ построить синагогу и „на какихъ условіяхъ выдать такое установленіе поручителямъ въ обезпеченіе“.

Но на сеймѣ 9 сентября 1751 г. [1]) рѣшеніе вопроса о синагогѣ, какъ обезпеченіи правильнаго поступленія еврейской подати, было отложено; все же „благородное рыцарство и земство“ единогласно позволило евреямъ построить въ Газенпотѣ синагогу и пріобрѣсти съ этой цѣлью участокъ земли [2]). Тогда же евреямъ было предоставлено ввести у себя кагалъ, который вѣдалъ бы „права и обычаи, принятые по духовному и свѣтскому состоянію, и употребляемые въ Польшѣ и Литвѣ“. Иначе говоря, евреямъ было разрѣшено ввести у себя кагальное устройство на тѣхъ же началахъ, какъ въ Литвѣ и Польшѣ.

Однако отвѣтственность за поступленіе подати и впредь должны были нести поручители, и сеймъ 1751 г. подтвердилъ, что „имъ дается полная власть, безъ всякаго препятствія отъ господъ, подъ которыми евреи жительствуютъ... взыскивать недоимочныя подати съ евреевъ: закладомъ,

---

[1]) Документъ мин. земледѣлія. Въ немъ, между прочимъ, сказано: „И какъ евреи Пильтенскаго округа, которые разстояніемъ въ 5-ти миляхъ отъ Газенпота жительствуютъ, тамо называемый праздникъ Михаелисъ торжествовать обязаны, такъ и находящіеся не въ окружности онаго, потребныя къ празднику своему Михаелисъ, райскія яблоки не изъ иного мѣста, какъ изъ Газенпота брать должны“...

[2]) Въ Пильтенѣ синагога существовала уже въ 1708 г. Впослѣдствіи городъ потерялъ свое торговое значеніе и тогда еврейское населеніе стало сосредоточиваться въ Газенпотѣ.

двойнымъ штрафомъ и всякимъ, между ими обычнымъ, принужденіемъ".

Въ дальнѣйшемъ подать то уменьшалась, то вновь достигала 1000 флориновъ, пока, въ виду того, что число евреевъ въ округѣ уменьшилось и сократились источники пропитанія ихъ, земскій сеймъ 3 марта 1783 г. понизилъ размѣръ подати до 400 талеровъ. При этомъ сеймъ подтвердилъ, что такъ какъ евреи „всѣ гражданскія подати и тягости носятъ и сверхъ того ежегодно за три мѣсяца 40 талеровъ альбертовыхъ въ Градскую пользу платятъ", то они „въ гражданскомъ и домашнемъ промыслѣ ненарушимо сохраняемы будутъ" [1]).

Въ иномъ положеніи находились евреи въ Курляндскомъ герцогствѣ. Несомнѣнно, что они жили здѣсь уже въ концѣ 16 вѣка, но большими массами они начинаютъ встрѣчаться, повидимому, только въ серединѣ 17 в., и хотя съ тѣхъ поръ евреи безпрерывно проживали въ странѣ, все же имъ каждый день грозило изгнаніе; къ тому же нерѣдко часть еврейскаго населенія была вынуждаема покинуть насиженныя мѣста. Дѣло въ томъ, что въ интересахъ городовъ было избавиться отъ евреевъ, какъ конкуррентовъ въ торгово-промышленной сферѣ, но мѣстное дворянство, изъ среды котораго противъ евреевъ раздавались лишь единичные голоса, подсказанные религіозными предразсудками, находило выгоднымъ для себя пребываніе евреевъ, занимавшихся въ уѣздахъ ремеслами, мелкой торговлей, арендой корчемъ,— и именно, только благодаря этой борьбѣ интересовъ, многократно повторявшіеся указы о выселеніи евреевъ или о запрещеніи заниматься то арендами, то торговлей или ремеслами, не приводились въ исполненіе.

Болѣе того, въ концѣ 17 вѣка евреямъ были отданы на откупъ герцогскія пошлины. Это обстоятельство возстановило противъ евреевъ даже дворянство. Дворяне, въ пылу недовольства герцогомъ, выступили съ жалобой по этому поводу, указывая, что противозаконнымъ является и то, что евреи занимаются торговлей и ремеслами, и сеймъ 22 августа 1692 г. [2]) положилъ резолюцію: „Евреевъ по прошествіи

---

[1]) Докум. мин. земледѣлія.

[2]) Тамъ же. Это постановленіе указано также у v. Recke.

восьми дней послѣ св. Пасхи желаемъ отъ пошлиннаго сбора отставить, и они, отнынѣ и въ послѣдующія времена, и именно въ цѣлой землѣ, не должны брать арендъ, ни оброковъ, ни пошлинъ, ниже производить какую-либо торговлю". Оказалось, однако, что откупъ пошлинъ былъ заключенъ съ евреями на нѣсколько лѣтъ и герцогъ не пожелалъ прервать договора. Не помогло и то, что постановленіе сейма 1692 г. было повторено на сеймахъ 1698 и 1699 г.

Вдругъ въ 1714 г., вслѣдствіе ходатайства горожанъ, новый герцогъ Фердинандъ издалъ строжайшій указъ объ *удаленіи всѣхъ евреевъ* изъ страны въ 6-ти недѣльный срокъ, въ виду приносимаго ими вреда странѣ и городамъ, при чемъ за промедленіе евреевъ ожидалъ арестъ и штрафъ. Къ счастью, этотъ указъ остался мертвой буквой, такъ же, какъ и постановленіе 1717 г. „польской коммиссіи", гласившее: „Евреевъ отъ права винокуренія и содержанія корчемъ мы исключаемъ и запрещаемъ, въ силу привилегій земскихъ положеній, подъ штрафомъ, въ законахъ установленномъ, имѣть въ здѣшнемъ краѣ пребываніе" [1]).

Вслѣдъ затѣмъ евреямъ былъ данъ годичный срокъ для выселенія, при условіи взноса „въ пользу земли" 400 талеровъ. Но деньги не были внесены, и тогда, какъ сообщаетъ Вундербаръ, земскій сеймъ 14 іюля 1719 г. (ст. 21) постановилъ, чтобы помѣщики не давали у себя убѣжища евреямъ [2]). Однако, судя по сохранившемуся, къ сожалѣнію, плохому, неясному переводу съ означеннаго постановленія, можно заключить, что дѣло обстояло иначе.

Позже, въ 1732 г., для собиранія еврейской подати стали назначаться въ каждомъ гауптманствѣ особые евреи-таксаторы, но въ интересующій насъ моментъ этотъ институтъ еще не существовалъ, и при чтеніи упомянутаго документа рождается мысль, что въ то время еврейскія общества пооче-

---

[1]) Документъ мин. земледѣлія.—Вундербаръ говоритъ, что евреи были устранены отъ арендъ и что имъ было запрещено оставаться только тамъ, гдѣ имѣлись соотвѣтствующія привилегіи и постановленія. Но и у Recke говорится о совершенномъ удаленіи евреевъ. Стр. 226.

[2]) У Recke это постановленіе 1719 г. касается лишь запрещенія евреямъ брать откупы и торговать; это невѣрно. Изъ имѣющагося у меня полнаго перевода постановленія видно, что тогда рѣчь шла о взысканіи подати.

Свѣдѣнія о книгахъ, задержанныхъ еврейской экспедиціей, очень скудны и отрывочны; судя же по нимъ надо думать, что дѣятельность еврейскихъ цензоровъ во многомъ напоминала дѣятельность ихъ товарищей по оружію; подобно Туманскому, еврейскіе цензоры порою доходили до крайнихъ предѣловъ подозрительной осторожности.

По существу своей задачи еврейскіе цензоры должны были, конечно, обращать особенное вниманіе на то, не заключалось ли въ книгѣ чего либо враждебнаго христіанской религіи, или что можно было бы истолковать, какъ враждебное христіанскому ученію и обществу.

Повидимому, еще въ началѣ дѣятельности еврейской экспедиціи Совѣтомъ была задержана книга Chisuk Emuna (Сила вѣры), въ мартѣ же 1799 г. еврейская экспедиція представила цензурѣ книгу Nizachon, которую сочла нужнымъ конфисковать по той причинѣ, что эта книга XVI в. имѣла такое же содержаніе и написана въ томъ же, враждебномъ христіанству, тонѣ, какъ Chisuk Emuna [1]), т. е. являлась опроверженіемъ экзегетическаго доказательства христіанской вѣры на основаніи ветхаго завѣта; Совѣтъ одобрилъ запрещеніе книги [2]).

Какъ оскорбительныя для христіанской религіи были запрещены въ 1800 г. еще двѣ книги, о которыхъ рижская цензура сообщала слѣдующее: 1) „Дибреи Гаямимъ Лималхей Зарфесъ [3]), или лѣтопись о французскихъ и турецкихъ государяхъ. Печатана въ Амстердамѣ 1733. Въ оной находится много выраженій въ обиду христіанъ и вѣры христіанской. Церковь именуютъ домами безвѣрія. Тамъ же церковь называютъ домомъ дурнымъ. 2) Ѳехиновъ Имогосъ, или молитва старицъ. Въ молитвѣ, читаемой при новолуніи, на стр. 5 выражено: „Въ изгнаніи, въ которомъ стонутъ нынѣ дщери Авраама, живутъ онѣ подъ жестокими властителями,—одинъ говоритъ: „бей“, другой

---

[1]) Написана въ концѣ XIV в.; авторъ ея Lipman Mühlhausen.

[2]) Представляя это донесеніе генералъ-прокурору, рижская цензура въ своемъ препроводительномъ рапортѣ извратила заключеніе еврейской экспедиціи, замѣтивъ, что эта книга написана „въ опроверженіе христіанской религіи и для испроверженія оной“.

[3]) Царфатъ, т. е. Франція.

религіознымъ расколомъ, и вобще порядки общественнаго быта, въ связи съ самообложеніемъ еврейскаго населенія, дававшимъ правящему классу возможность порабощать экономически массу, также разрушали матеріальное благополучіе еврейскаго населенія; но несомнѣнно, что болѣе всего еврейскую массу давили двойная подать, поборы помѣщиковъ и безпрестанныя выселенія изъ уѣздовъ.

Еврейское населеніе бѣдствовало — не сохранилось ни одного свидѣтельства о матеріальномъ довольствѣ евреевъ. Напротивъ, современники единогласно говорятъ о нищетѣ еврейскаго населенія, особенно класса шинкарей, которыхъ русское правительство столь тщетно хотѣло признать виновникомъ общаго бѣдствія.

Литовскій губернаторъ Фризель заявлялъ, что въ корчмахъ сидятъ женщины, а не мужчины, которые „выходятъ на другіе промыслы, поелику доходъ съ шинка часто бываетъ недостаточенъ на ихъ содержаніе“.

Державинъ сообщалъ, чтобѣлорусская еврейская масса „въ крайнемъ изнуреніи и нищетѣ, каковыхъ суть большая часть“.

Но особенно ярко о печальномъ экономическомъ положеніи еврейскаго населенія свидѣтельствуетъ всеподданнѣйшій докладъ кіевскаго губернатора Панкратьева [1]).

Изъ числа почти 20000 евреевъ мѣщанъ, по словамъ Панкратьева, „ежели не больше, то конечно не меньше $^2/_3$ находится въ такомъ состояніи, что не только положенныхъ на нихъ казенныхъ податей платить не могутъ, но съ величайшимъ усиліемъ находятъ они теперь дневное пропитаніе“. Указавъ далѣе на причины бѣдствія евреевъ въ кіевской губерніи, онъ писалъ „.. справедливымъ кажется помыслить объ участи и сего презрѣннаго (т. е. презираемаго всѣми) и угнетеннаго народа, который, не получивъ отъ государства никакой въ его собственность принадлежности, платить обязанъ и казнѣ за позволеніе здѣсь жить двойную подать, и помѣщикамъ за земли и позволеніе промысловъ въ ихъ владѣніяхъ столько же или и болѣе. Отчего пришелъ онъ, кромѣ малаго количества, въ такое состояніе, что не только платить податей, но и самъ себя содержать не можетъ“... И Панкратьевъ не только не призналъ евреевъ палачами

---

[1]) Архивъ Мин. Внут. Дѣлъ Деп. Пол. Исполн. 1802 г. дѣло № 558.

крестьянъ, но даже отмѣтилъ, что сами евреи являются жертвами корыстолюбія помѣщиковъ, онъ не только не потребовалъ принятія какихъ-либо принудительныхъ мѣръ въ отношеніи евреевъ, но даже выступилъ съ ходатайствомъ объ освобожденіи ихъ отъ двойной подати и объ уравненіи ихъ въ правахъ съ христіанами.

Положеніе 1804 г. не уничтожило двойной подати, оно только пообѣщало уравнять евреевъ въ податяхъ въ видѣ награды тогда, когда „всѣ вообще евреи въ земледѣліи, мануфактурахъ, и купечествѣ окажутъ постоянное направленіе и прилежаніе". Но пришлось это сдѣлать раньше. Въ 1805 г. былъ уничтоженъ двойной размѣръ общественныхъ повинностей [1]), 1807 г.—двойной размѣръ процентнаго сбора съ купеческихъ капиталовъ [2]), а въ 1812 г. было уже отмѣнена двойная подать для мѣщанъ [3]).

Приведенныя въ настоящемъ очеркѣ отрывочныя данныя далеко, конечно, не рисуютъ съ необходимой полнотой экономическаго положенія еврейскаго населенія на рубежѣ 19-го вѣка—слишкомъ скудны сохранившіяся свѣдѣнія, но несомнѣнно одно—это то, что евреи не обогащались на счетъ окружающаго населенія, они были нищими среди нищихъ.

---

[1]) П. С. З. т. XXVIII № 21766.
[2]) т. XXIX № 22678.
[3]) Докладъ комитета. 1809 г.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Дарованіе гражданскихъ правъ евреямъ въ Курляндіи [1]).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Евреи въ Пильтенскомъ округѣ.—Постановленіе сейма 1750 г.—Появленіе евреевъ въ Курляндскомъ герцогствѣ.—Указъ 1714 г. объ удаленіи ихъ.—Отмѣна его сеймовымъ постановленіемъ 1724 г.—Дальнѣйшія сеймовыя постановленія объ удаленіи евреевъ.—Указъ регента Карла 1759 г.—Улучшеніе положенія евреевъ при Биронѣ.—Ходатайство евреевъ о предоставленіи имъ права свободнаго проживанія по всему герцогству.—Проекты гуманной еврейской реформы.—Литературная полемика. — Дѣйствія митавскихъ евреевъ.

Курляндская губернія была образована изъ присоединенныхъ къ Россіи въ 1795 г. Курляндскаго герцогства и Пильтенскаго округа, и съ этого времени еврейскимъ обществамъ

---

[1]) По исторіи евреевъ въ Курляндіи имѣется одно лишь оригинальное изслѣдованіе на нѣмецкомъ языкѣ Р. Вундербара: „Исторія евреевъ въ Лифляндской и Курляндской губерніяхъ" (Митава, 1853 г.)—Этимъ трудомъ воспользовался г. Ю. Брукцусъ въ своей статьѣ: „Исторія евреевъ въ Курляндіи до присоединенія ея къ Россіи" (Восходъ, 1895 г., кн. 7 и 9), приведя нѣкоторыя данныя и изъ другихъ источниковъ.

При составленіи настоящаго очерка я воспользовался названными сочиненіями, но при этомъ періодъ до присоединенія Курляндіи къ Россіи дополненъ новыми архивными данными, каковыя отмѣчены въ своемъ мѣстѣ; періодъ же послѣ присоединенія къ Россіи написанъ самостоятельно, на основаніи архивныхъ документовъ.

Въ моемъ распоряженіи имѣлись рукописные матеріалы: Архивъ сената. Дѣло мин. юст. 1798 г. № 558. „О евреяхъ въ Курляндіи", и Архивъ мин. земл. и гос. имущ. № 14458, 1798 г., и рѣдкая въ обращеніи книга „Auszug der wichtigsten Sachen sowohl aus den Landtäglichen als auch Conferencial-Schlüssen etc. von G. P. M. von der Recke. Mitau 1790.

въ этихъ убѣжищахъ было суждено зажить одной жизнью. До того же ихъ судьба была различна.

Пильтенскій округъ былъ непосредственно подчиненъ польскому королю, а Курляндское герцогство, хотя и находилось съ губ. г. въ ленной зависимости отъ польскаго короля, пользовалось самостоятельностью въ своей внутренней жизни, благодаря чему евреи въ Пильтенскомъ округѣ находились въ лучшихъ условіяхъ, нежели въ герцогствѣ.

Есть указаніе (у Вунцербарта), впрочемъ, непровѣренное и, на мой взглядъ, мало достовѣрное, будто уже въ концѣ 16 вѣка евреи въ Пильтенскомъ округѣ пользовались правомъ гражданства и что многіе изъ нихъ владѣли недвижимой собственностью. Однако, когда въ концѣ 17 в. Пильтенскій округъ вошелъ съ Курляндскимъ герцогствомъ въ личную унію, продолжавшуюся до 1717 г., положеніе евреевъ не было болѣе типичнымъ. Можно думать, что именно тогда евреямъ было запрещено дальнѣйшее пребываніе въ странѣ, а христіанамъ не дозволено давать евреямъ пріютъ подъ страхомъ денежнаго штрафа, вслѣдствіе чего многимъ евреямъ пришлось покинуть свои мѣста.

Но земскій сеймъ 22 Августа 1750 г. [1]) единогласно согласился на ихъ возвращеніе, при чемъ освободилъ христіанъ отъ штрафа, наложеннаго на нихъ за оставленіе у себя евреевъ. Тогда же, обѣщавъ евреямъ „защиту", сеймъ вошелъ въ соглашеніе съ двумя еврейскими уполномоченными Ицекомъ и Гершемъ Каномъ, въ силу котораго эти лица являлись отвѣтственными всѣмъ своимъ имуществомъ за правильное поступленіе въ дворянское казначейство ежегодной еврейской подати—Schutzgeld—въ размѣрѣ 1000 альбертовыхъ флориновъ. Для раскладки указанной суммы евреи, по вызову уполномоченныхъ, иначе называвшихся „поручителями", должны были являться въ Газенпотъ и уплачивать подать, назначенную поручителями; ослушникамъ грозилъ штрафъ. При этомъ, такъ какъ христіане-бюргеры въ своихъ интересахъ, вслѣдствіе денежныхъ расчетовъ съ евреями, нерѣдко препятствовали имъ уплачивать подать,

---

[1]) Документъ мин. земледѣлія.

сеймъ постановилъ, чтобы „хозяева“ никоимъ образомъ не „чинили помѣшательства“ евреямъ.

Поручителямъ было предоставлено также взыскивать подать (Geleitzoll) съ митавскихъ евреевъ, пріѣзжавшихъ въ Пильтенскій округъ для торговли, въ такомъ размѣрѣ, какой уплачивали пильтенскіе евреи, пріѣзжавшіе въ Митаву, но съ тѣмъ, чтобы „чрезъ то здѣшнему округу не была тягость“. Исаю и Гиршѣ Кану было дозволено, при желаніи, представлять другихъ надежныхъ поручителей.

На томъ же сеймѣ 22 августа 1750 г. было постановлено разсмотрѣть на слѣдующемъ сеймѣ вопросъ о томъ, какимъ образомъ евреи „могли придти между собой въ лучшій порядокъ“, а также вопросъ о дозволеніи евреямъ построить синагогу и „на какихъ условіяхъ выдать такое установленіе поручителямъ въ обезпеченіе“.

Но на сеймѣ 9 сентября 1751 г. [1]) рѣшеніе вопроса о синагогѣ, какъ обезпеченіи правильнаго поступленія еврейской подати, было отложено; все же „благородное рыцарство и земство“ единогласно позволило евреямъ построить въ Газенпотѣ синагогу и пріобрѣсти съ этой цѣлью участокъ земли [2]). Тогда же евреямъ было предоставлено ввести у себя кагалъ, который вѣдалъ бы „права и обычаи, принятые по духовному и свѣтскому состоянію, и употребляемые въ Польшѣ и Литвѣ“. Иначе говоря, евреямъ было разрѣшено ввести у себя кагальное устройство на тѣхъ же началахъ, какъ въ Литвѣ и Польшѣ.

Однако отвѣтственность за поступленіе подати и впредь должны были нести поручители, и сеймъ 1751 г. подтвердилъ, что „имъ дается полная власть, безъ всякаго препятствія отъ господъ, подъ которыми евреи жительствуютъ... взыскивать недоимочныя подати съ евреевъ: закладомъ,

---

[1]) Документъ мин. земледѣлія. Въ немъ, между прочимъ, сказано: „И какъ евреи Пильтенскаго округа, которые разстояніемъ въ 5-ти миляхъ отъ Газенпота жительствуютъ, тамо называемый праздникъ Михаелисъ торжествовать обязаны, такъ и находящіеся не въ окружности онаго, потребныя къ празднику своему Михаелисъ, райскія яблоки не изъ иного мѣста, какъ изъ Газенпота брать должны“...

[2]) Въ Пильтенѣ синагога существовала уже въ 1708 г. Впослѣдствіи городъ потерялъ свое торговое значеніе и тогда еврейское населеніе стало сосредоточиваться въ Газенпотѣ.

двойнымъ штрафомъ и всякимъ, между ими обычнымъ, принужденіемъ".

Въ дальнѣйшемъ подать то уменьшалась, то вновь достигала 1000 флориновъ, пока, въ виду того, что число евреевъ въ округѣ уменьшилось и сократились источники пропитанія ихъ, земскій сеймъ 3 марта 1783 г. понизилъ размѣръ подати до 400 талеровъ. При этомъ сеймъ подтвердилъ, что такъ какъ евреи „всѣ гражданскія подати и тягости носятъ и сверхъ того ежегодно за три мѣсяца 40 талеровъ альбертовыхъ въ Градскую пользу платятъ", то они „въ гражданскомъ и домашнемъ промыслѣ ненарушимо сохраняемы будутъ" [1]).

Въ иномъ положеніи находились евреи въ Курляндскомъ герцогствѣ. Несомнѣнно, что они жили здѣсь уже въ концѣ 16 вѣка, но большими массами они начинаютъ встрѣчаться, повидимому, только въ серединѣ 17 в., и хотя съ тѣхъ поръ евреи безпрерывно проживали въ странѣ, все же имъ каждый день грозило изгнаніе; къ тому же нерѣдко часть еврейскаго населенія была вынуждаема покинуть насиженныя мѣста. Дѣло въ томъ, что въ интересахъ городовъ было избавиться отъ евреевъ, какъ конкуррентовъ въ торгово-промышленной сферѣ, но мѣстное дворянство, изъ среды котораго противъ евреевъ раздавались лишь единичные голоса, подсказанные религіозными предразсудками, находило выгоднымъ для себя пребываніе евреевъ, занимавшихся въ уѣздахъ ремеслами, мелкой торговлей, арендой корчемъ,— и именно, только благодаря этой борьбѣ интересовъ, многократно повторявшіеся указы о выселеніи евреевъ или о запрещеніи заниматься то арендами, то торговлей или ремеслами, не приводились въ исполненіе.

Болѣе того, въ концѣ 17 вѣка евреямъ были отданы на откупъ герцогскія пошлины. Это обстоятельство возстановило противъ евреевъ даже дворянство. Дворяне, въ пылу недовольства герцогомъ, выступили съ жалобой по этому поводу, указывая, что противозаконнымъ является и то, что евреи занимаются торговлей и ремеслами, и сеймъ 22 августа 1692 г. [2]) положилъ резолюцію: „Евреевъ по прошествіи

---

[1]) Докум. мин. земледѣлія.

[2]) Тамъ же. Это постановленіе указано также у v. Recke.

восьми дней послѣ св. Пасхи желаемъ отъ пошлиннаго сбора отставить, и они, отнынѣ и въ послѣдующія времена, и именно въ цѣлой землѣ, не должны брать арендъ, ни оброковъ, ни пошлинъ, ниже производить какую-либо торговлю". Оказалось, однако, что откупъ пошлинъ былъ заключенъ съ евреями на нѣсколько лѣтъ и герцогъ не пожелалъ прервать договора. Не помогло и то, что постановленіе сейма 1692 г. было повторено на сеймахъ 1698 и 1699 г.

Вдругъ въ 1714 г., вслѣдствіе ходатайства горожанъ, новый герцогъ Фердинандъ издалъ строжайшій указъ объ *удаленіи всѣхъ евреевъ* изъ страны въ 6-ти недѣльный срокъ, въ виду приносимаго ими вреда странѣ и городамъ, при чемъ за промедленіе евреевъ ожидалъ арестъ и штрафъ. Къ счастью, этотъ указъ остался мертвой буквой, такъ же, какъ и постановленіе 1717 г. „польской коммиссіи", гласившее: „Евреевъ отъ права винокуренія и содержанія корчемъ мы исключаемъ и запрещаемъ, въ силу привилегій земскихъ положеній, подъ штрафомъ, въ законахъ установленномъ, имѣть въ здѣшнемъ краѣ пребываніе" [1]).

Вслѣдъ затѣмъ евреямъ былъ данъ годичный срокъ для выселенія, при условіи взноса „въ пользу земли" 400 талеровъ. Но деньги не были внесены, и тогда, какъ сообщаетъ Вундербаръ, земскій сеймъ 14 іюля 1719 г. (ст. 21) постановилъ, чтобы помѣщики не давали у себя убѣжища евреямъ [2]). Однако, судя по сохранившемуся, къ сожалѣнію, плохому, неясному переводу съ означеннаго постановленія, можно заключить, что дѣло обстояло иначе.

Позже, въ 1732 г., для собиранія еврейской подати стали назначаться въ каждомъ гауптманствѣ особые евреи-таксаторы, но въ интересующій насъ моментъ этотъ институтъ еще не существовалъ, и при чтеніи упомянутаго документа рождается мысль, что въ то время еврейскія общества пооче-

---

[1]) Документъ мин. земледѣлія.—Вундербаръ говоритъ, что евреи были устранены отъ арендъ и что имъ было запрещено оставаться только тамъ, гдѣ имѣлись соотвѣтствующія привилегіи и постановленія. Но и у Recke говорится о совершенномъ удаленіи евреевъ. Стр. 226.

[2]) У Recke это постановленіе 1719 г. касается лишь запрещенія евреямъ брать откупы и торговать; это невѣрно. Изъ имѣющагося у меня полнаго перевода постановленія видно, что тогда рѣчь шла о взысканіи подати.

реди брали на себя отвѣтственность за бездоимочное поступленіе подати со всего еврейскаго населенія герцогства, обычный размѣръ которой не превышалъ 400 талеровъ. Если это дѣйствительно такъ, то надо думать, что сеймъ 1719 г. и сдѣлалъ соотвѣтствующее постановленіе, потребовавъ, чтобы еврейское общество Нейенбурга, чрезъ поручителя, внесло 400 талеровъ, а въ случаѣ непоступленія этихъ денегъ, чтобы было осуществлено сеймовое постановленіе, запрещающее помѣщикамъ, подъ страхомъ штрафа, держать у себя евреевъ [1]). А такъ какъ кромѣ упомянутыхъ 400 талеровъ евреи должны были еще уплатить 200 талеровъ недоимочныхъ, то сеймъ постановилъ, чтобы былъ назначенъ еврей-таксаторъ, который разложилъ бы эту сумму на всѣхъ евреевъ герцогства [2]).

Повидимому, подать все-же не была внесена евреями, а „земля" (т. е. помѣщики), какъ сообщаетъ одинъ документъ, не хотѣла взыскивать съ нихъ причитающихся денегъ, и евреи, такимъ образомъ, остались въ герцогствѣ, не платя вовсе податей. Но это обстоятельство являлось для городовъ поводомъ для возобновленія требованія о выселеніи евреевъ и послѣдніе дали въ 1724 г. обѣщаніе уплатить вскорѣ накопившіеся на нихъ за пять лѣтъ 2000 талеровъ и впредь ежегодно уплачивать 400 талеровъ,

Вслѣдствіе этого, сеймовымъ положеніемъ 5 января 1724 г. (ст. 27) было разрѣшено дальнѣйшее пребываніе евреевъ. Конечно, столь значительная сумма не могла быть внесена бѣдными евреями, и сеймъ 17 декабря 1727 г. (ст. 7) потребовалъ, по словамъ Вундербара, чтобы евреи, уплативъ всѣ причитающіяся съ нихъ деньги, покинули страну ко дню св. Іоанна 1728 г.

---

[1]) Ю. Бруцкусъ говоритъ, что обывателямъ было запрещено давать квартиры внаймы евреямъ, т. е. что рѣчь шла о городскихъ жителяхъ. Это не точно. Въ моемъ документѣ упоминаются лишь помѣщики, т. е. дѣло касалось евреевъ, жившихъ на мызахъ.

[2]) Этотъ же сеймъ постановилъ, чтобы построенная „къ неудовольствію христіанъ" синагога была снесена владѣльцемъ земли въ теченіе 4 недѣль, или же хозяинъ долженъ обязаться, „что начальство по своей власти велитъ оную сломать вооруженною рукою". Повидимому, рѣчь идетъ о синагогѣ, принадлежавшей Нейенбургской еврейской общинѣ.

Но думается, что положеніе вопроса было иное. Постановленіе сейма [1]) гласило, что „хотя на основаніи рѣшенія коммиссіи (1717 г.) и другихъ идентичныхъ заключеній, евреи и должны были бы очистить страну, они все же обязаны предварительно заплатить годичные недоимки, по 400 талеровъ". Изъ этого видно, что ландтагъ вовсе не имѣлъ желанія выселить евреевъ; напротивъ, надо заключить, что въ это время послѣдовало со стороны городовъ требованіе, чтобы евреи были удалены, и сеймъ, въ которомъ принимали участіе землевладѣльцы, заявивъ, что евреи, дѣйствительно, по закону, должны покинуть страну, преднамѣренно присвокупилъ, что это можетъ произойти лишь тогда, когда они заплатятъ недоимки. Сеймъ зналъ, что евреи, по бѣдности, не заплатятъ громадной суммы въ 2000 талеровъ, да и сами помѣщики, въ собственныхъ интересахъ, не понуждали ихъ къ заплатѣ подати.

Такой „политики" сеймъ придерживался и въ дальнѣйшемъ.

Сеймы 1729 и 1730 г. отказали евреямъ въ терпимости [2]), при чемъ на сеймѣ 1729 г. былъ даже установленъ штрафъ въ 100 талеровъ для помѣщиковъ, которые оставятъ у себя евреевъ. Несомнѣнно, отдѣльные евреи въ это время выселялись изъ герцогства, но въ массѣ евреи продолжали проживать на своихъ мѣстахъ. Наконецъ, сеймъ 6 сентября 1730 г. [3]) отмѣтивъ, что многіе евреи даже „никакого начала не сдѣлали къ выселенію", и повторивъ въ утѣшеніе городамъ требованіе, чтобы евреи вообще покинули страну, сдѣлалъ исключеніе для тѣхъ евреевъ, „не причиняющихъ вреда христіанамъ", которые живутъ въ селеніяхъ и въ мѣщанскихъ домахъ (т. е. городахъ), платя за куреніе вина, и которые занимаются ремеслами. Вмѣстѣ съ тѣмъ была обѣщана безопасность евреямъ, пріѣзжающимъ съ торго-

---

[1]) Recke, стр. 62.

[2]) Документъ мин. земледѣлія. Также у Recke (стр. 62). Въ томъ же году, 3 іюля, состоялся особый сеймъ въ Митавѣ, разрѣшившій евреямъ оставаться до будущаго сейма съ тѣмъ, чтобы они заплатили свои долги, а также уплатили 400 талеровъ, внесенные за нихъ дворянамъ поручикомъ фонъ Будбергомъ.

[3]) Тамъ же.

выми цѣлями на опредѣленное короткое время [1]). Такимъ образомъ значительнѣйшей части еврейскаго населенія было оффиціально разрѣшено оставаться въ странѣ.

Въ 1732 г. сеймъ подтвердилъ это постановленіе. Тогда же въ каждомъ изъ гауптманствъ былъ назначенъ еврей-таксаторъ, подобный Пильтенскимъ поручителямъ, выдававшій евреямъ, сообразно съ ихъ имущественнымъ положеніемъ, окладные листы и затѣмъ принимавшій отъ нихъ подъ квитанціи подать (отъ этой подати были освобождены евреи, служившіе при дворѣ).

Въ 1733 г. опять послѣдовало постановленіе объ удаленіи евреевъ, но уже въ 1735 г. сеймъ ограничился разсмотрѣніемъ вопроса о взысканіи съ нихъ 400 талеровъ. Малодѣйствительнымъ оказалось появившееся во время герцогства Бирона постановленіе сейма 3 іюля 1738 г. (ст. 12), а также постановленіе 4 іюля 1739 г. (ст. 7) [2]), чтобы всѣ евреи, уплативъ долги рыцарству, земскимъ чинамъ и помѣщикамъ, всѣ, безъ исключенія, покинули страну ко дню Іоанна 1740 г., и чтобы помѣщики, подъ страхомъ штрафа, не оставляли евреевъ у себя, при чемъ, каждому, кто встрѣтитъ на своей землѣ еврея, торгующаго табакомъ, виномъ и проч., было разрѣшено конфисковать товаръ вмѣстѣ съ телѣгой и лошадью; исключеніе было сдѣлано лишь для торгующихъ дорогими и мелкими товарами.

Не привели къ цѣли тождественныя постановленія 1746, 1747, 1748 и 1754 годовъ [3]).

Но совершенно исключительнымъ по своей рѣшительно-

---

[1]) Это постановленіе, по словамъ Вундербара, касалось не иностранныхъ евреевъ, а евреевъ, близкихъ ко двору.—V. Recke, какъ и я, говоритъ объ иностранныхъ евреяхъ.

Въ это время, благодаря стараніямъ Исаака бенъ Іегуды, въ Митавѣ организовалась еврейская община; было основано еврейское кладбище на землѣ, безплатно отведенной герцогомъ.

[2]) Документъ мин. земледѣлія.—Также у Вундербара, который говоритъ, что законъ 1739 г. былъ вызванъ тѣмъ, что вступившій въ управленіе герцогъ Эрнстъ Биронъ передалъ завѣдываніе своими финансами еврею Липману (Леви) и предоставилъ ему нѣкоторыя торговыя монополіи, съ большой пользой для себя, что вооружило дворянъ противъ евреевъ.

[3]) Recke, стр. 62.

съѣздъ дѣйствительно тогда состоялся, то во всякомъ случаѣ присутствовавшіе тогда депутаты вовсе не были созваны правительствомъ, какъ замѣчаетъ Оршанскій.

Столь же невѣрно указаніе кн. Голицына, будто эти депутаты принимали участіе въ занятіяхъ комитета, образованнаго въ 1809 г. для окончательнаго рѣшенія вопроса о выселеніи евреевъ изъ деревень. Голицынъ говоритъ, что „въ дѣлахъ комитета мнѣнія этихъ депутатовъ играли значительвую роль; они были выслушаны въ подробности и вошли въ составъ окончательнаго доклада“ [1]).

Дѣйствительно, въ докладѣ комитета 1809 г. встрѣчаются ссылки на отзывы еврейскихъ депутатовъ, но дѣло въ томъ, что въ комитетѣ имѣлся разнообразный матеріалъ, собранный въ прежніе годы, и мнѣнія, упоминаемыя Голицынымъ, принадлежали тѣмъ депутатамъ, которые участвовали въ занятіяхъ комитета 1802 г., а равно тѣмъ, которые представили свои заключенія въ 1808 г. начальникамъ губерній. Правда, комитетъ 1809 г. имѣлъ въ своемъ распоряженіи также и новыя ходатайства, записки и проч., поступившія отъ еврейскихъ обществъ, но въ этомъ случаѣ посредниками между правительствомъ и еврейскимъ обществомъ явились не депутаты, призванные правительствомъ, а прежніе „повѣренные“, что ясно видно изъ доклада комитета [2]).

Повидимому, убѣдившись, что депутаты всецѣло поддерживаютъ требованія массы, несогласныя съ желаніемъ правительства, послѣднее потомъ отвернулось отъ неподатливыхъ народныхъ представителей.

Тѣмъ не менѣе, „депутатамъ еврейскаго народа“ не суждено было такъ скоро погибнуть. Въ 1812 г. еврейское населеніе, какъ извѣстно, оказалось весьма полезнымъ для русской власти, и многіе евреи снискали благоволеніе не только нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ, но и самого

---

1) Ист. русск. законодат. о евреяхъ, стр. 554.

Незнакомство г. Пена съ исторіей доклада комитета также позволяетъ ему писать: „Комитетъ 1809 г. не могъ не входить въ личныя бесѣды съ депутатами, мнѣнія которыхъ послужили основаніемъ для его доклада“. Все это невѣрно; отнюдь не мнѣнія депутатовъ послужили основаніемъ для доклада, и комитетъ вовсе не вступалъ въ личныя бесѣды съ ними.

2) Русск. Арх. 1903, кн. II.

хлѣбопашествомъ, и чтобы за извѣстныя подати они свободно производили промыслы (за исключеніемъ продажи вина) и чтобы они могли ввести у себя кагальное устройство. Вмѣстѣ съ тѣмъ земскій сеймъ имѣлъ въ виду предоставить городамъ—на какихъ они пожелаютъ условіяхъ—разрѣшить евреямъ проживать у нихъ. Но города, изъ коихъ Гольдингенъ, Либава, Виндава, Баускъ, Фридрихштадтъ и Якобштадтъ, пользуясь старыми привилегіями, вовсе не принимали евреевъ,—выступили съ протестами, и правительство не нашло возможнымъ принять предложеніе земскаго сейма [1]).

А въ это время вопросъ о гражданствѣ евреевъ въ герцогствѣ сталъ предметомъ и литературной полемики.

Въ 1786 или 1787 г. вышла первая книжка, посвященная этому вопросу, „Ueber die Duldung der Juden in den Herzogthümern Kurland & Semgallen". Ея анонимный авторъ (полагаютъ, что она принадлежитъ Георгу Витте фонъ-Виттенштейну), воздавъ должное гуманности, требующей въ отношеніи евреевъ терпимости, счелъ нужнымъ быть осторожнымъ въ дѣлѣ еврейской реформы, дабы съ предоставленіемъ евреямъ новыхъ правъ не были нарушены права коренного населенія; поэтому онъ предложилъ реформу, которая не противорѣчила бы мѣстнымъ интересамъ страны вообще, и, въ частности, интересамъ отдѣльныхъ городовъ. Въ связи съ этимъ, по мнѣнію автора, евреямъ слѣдовало разрѣшить заниматься ремеслами и винокуреніемъ лишь въ деревняхъ, въ городахъ же, гдѣ жительство евреевъ не запрещалось особыми привилегіями, евреямъ можно было бы разрѣшить заниматься искусственными работами и мелкой торговлей. — Что касается внутренней жизни евреевъ, не имѣвшихъ кагальнаго устройства, то авторъ предложилъ предоставить евреямъ имѣть свой судъ, право строить синагоги, школы, заводить особыя кладбища, такъ какъ съ улучшеніемъ условій религіозной жизни и судопроизводства долженъ былъ повыситься уровень образованія и воспитанія юношества. Если же евреи не будутъ имѣть средствъ для устройства собственныхъ школъ, то предоставить имъ доступъ въ общія, высшія и низшія, школы.

---

[1]) Документъ мин. земледѣлія.

Въ отвѣтъ на эту брошюру появилась другая анонимная книжка „Bemerkungen über die Duldung der Juden etc.“, требовавшая полнаго удаленія евреевъ изъ страны какъ по мотивамъ религіознымъ, такъ и экономическимъ. Вслѣдъ затѣмъ заговорили еще двое авторовъ. Одинъ изъ нихъ, еврей, д-ръ Лахманъ, доказывалъ въ небольшой брошюркѣ „Beantwortung der Bemerkungen über die Duldung etc.“, что евреи отнюдь не враги христіанъ, и что они именно въ экономическомъ отношеніи пригодны для страны. Другой авторъ, какъ полагаютъ, пасторъ Георгъ Готфридъ Милихъ, въ книжкѣ „Meine Gedanken, bei ber Frage: ob man in unserm Vaterlande Juden dulden solle, oder nicht? etc.“ защищалъ права евреевъ въ силу этическихъ требованій, и его произведеніе можетъ занять почетное мѣсто въ ряду работъ конца XVIII в., посвященныхъ защитѣ гражданскихъ правъ евреевъ. Однако, требуя, чтобы евреи пользовались всѣми правами и несли всѣ обязанности наравнѣ съ христіанами, пасторъ Милихъ руководствовался не одними этическими требованіями, но и соображеніями экономическими, государственными. Онъ указывалъ, что въ Курляндіи евреи занимаются даже земледѣліемъ и что, вообще, ихъ дѣятельность приноситъ пользу странѣ. И, призывая христіанъ осуществить въ отношеніи евреевъ завѣты христіанской религіи, Милихъ обращался и къ евреямъ съ призывомъ содѣйствовать взаимному сближенію, заботиться о своемъ внѣшнемъ и внутреннемъ обликѣ.

Повидимому, эта литературная полемика внушила евреямъ смѣлость въ борьбѣ за свои права. Въ 1793 году члены митавской еврейской общины представили въ ландтагъ записку, въ которой, выражая благодарность за мирную жизнь, проведенную въ странѣ, они просили о дальнѣйшемъ покровительствѣ и безпрепятственномъ проживаніи на насиженныхъ мѣстахъ. Въ отвѣтъ на это имъ было предложено выработать проектъ реформы еврейской жизни и передать таковой въ коммиссію, образованную для разсмотрѣнія городскихъ дѣлъ.

Митавскіе евреи не замедлили воспользоваться этимъ предложеніемъ, но, къ сожалѣнію, девять митавскихъ евреевъ, выступившіе въ данномъ случаѣ отъ имени всего мѣстнаго еврейскаго общества, не оказались достойными возложеннаго на нихъ порученія.

Авторъ первой брошюры указалъ, что въ отношеніи терпимости нужно отдать преимущество давно поселившимся евреямъ предъ тѣми, которые явились въ страну позже, при чемъ онъ отмѣтилъ, что экономическій принципъ таковъ, что новымъ поселенцамъ можно принимать лишь при условіи, чтобы это не являлось вреднымъ для интересовъ коренного населенія. Этотъ взглядъ и былъ усвоенъ митавскими представителями, и, ходатайствуя въ составленной ими записке о терпимости, они имѣли въ виду не все еврейское населеніе въ Курляндіи, а лишь опредѣленное число: въ каждомъ городѣ, селѣ или мызѣ евреи, по проекту ходатаевъ, могли оставаться лишь въ числѣ, соотвѣтствующемъ величинѣ поселенія, его торговлѣ и проч. Остальнымъ предстояло, повидимому, покинуть страну. Что касается Митавы, то тамъ мѣстное еврейское населеніе было чрезмѣрно, по сравненію, сравнительно съ христіанскимъ городскимъ населеніемъ, то здѣсь надлежало оставить всего 60 семействъ, списокъ коихъ митавскіе ходатаи предупредительно представили. Объ этой-то горсти ходатаи особенно позаботились: только для нея, а не для всего населенія, они испрашивали равноправія, при чемъ, въ уплату, они обѣщали кромѣ общихъ податей вносить еще особый еврейскій налогъ, т. е., тотъ налогъ, противъ котораго такъ возставалъ пасторъ Милихъ. Остальное содержаніе записки касалось предоставленія евреямъ имѣть кагальное устройство, на подобіе Гаженнотскаго, и отдавать дѣтей въ общія низшія и высшія школы.

Въ этомъ же смыслѣ былъ составленъ проектъ реформы коммиссіей, учрежденной для пересмотра городскихъ дѣлъ.

Къ счастью для курляндскихъ евреевъ, ходатайство представителей митавской общины не привело къ цѣли: переходъ Курляндіи къ Россіи прервалъ обсужденіе въ ландтагѣ еврейскаго вопроса.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Переходъ курляндскихъ евреевъ въ русское подданство.—Введеніе городового положенія въ Курляндіи.—Возбужденіе вопроса о положеніи евреевъ. — Отрицательное отношеніе къ нимъ мѣстныхъ властей. — Благопріятное рѣшеніе вопроса сенатомъ.—Баронъ Гейкингъ.—Ходатайство митавскихъ евреевъ. — Превращеніе „покровительствуемаго" еврея въ гражданина-еврея.

Въ 1795 г. Курляндское герцогство съ Пильтенскимъ округомъ перешли къ Россіи. Евреи тотчасъ же поспѣшили обратиться чрезъ ген.-губернатора Палена къ государынѣ съ просьбой „сдѣлать прочное постановленіе" о нихъ. Но отвѣта не получилось. Вообще, въ началѣ все осталось по старому, и по этому не утратилось и различіе въ гражданскомъ положеніи между евреями въ герцогствѣ и Пильтенскомъ округѣ.

Въ 1796 г. въ Курляндской губерніи было введено городовое положеніе; однако въ бывшемъ Курляндскомъ герцогствѣ евреи, несмотря на ихъ ходатайство, не были допущены въ среду купечества и, вслѣдствіе этого, не получили права участія въ сословно-городскомъ общественномъ самоуправленіи, каковымъ правомъ пользовались евреи въ остальныхъ губерніяхъ. Въ иныхъ условіяхъ оказались евреи въ Пильтенскомъ округѣ. Ссылаясь на постановленіе земскаго сейма 1783 г., подтвердившаго „право мѣщанскаго и домашняго пропитанія евреевъ", намѣстническое правленіе объявило, что еврейскіе купцы въ Пильтенѣ должны записаться въ одну изъ гильдій въ Газенпотѣ. Правда, они по прежнему платили спеціальный еврейскій налогъ въ 40 талеровъ каждые 3 мѣсяца, они также не были допущены къ занятію сословно-городскихъ должностей, такъ какъ „нигдѣ не видно, чтобы они до сего времени имѣли какое право въ помянутомъ городѣ занимать судейское мѣсто" [1]), но они были по крайней мѣрѣ привлечены къ участію въ выборѣ должностныхъ лицъ.

Впрочемъ, право записываться въ газенпотское купече-

---

[1]) Вундербаръ сообщаетъ, что въ 1797 г. еврей Эйхель занималъ постъ въ газенпотскомъ городскомъ судѣ.

ство было предоставлено не только пильтенскимъ евреямъ, но вообще всѣмъ, кто пожелаетъ, и поэтому нѣкоторые евреи, жившіе въ герцогствѣ, записались въ газенпотское купечество. [1])

Но вскорѣ пильтенскіе и курляндскіе евреи были уравнены въ гражданскомъ отношеніи.

Въ моментъ перехода Курляндіи къ Россіи экономическое положеніе евреевъ было чрезвычайно плачевно, что являлось, конечно, естественнымъ результатомъ тяжелыхъ условій ихъ правовой гражданской жизни.

Городскіе евреи [2]), за исключеніемъ записанныхъ въ газенпотское купечество, занимались запрещенными имъ по закону мелочной торговлей, покупкой и продажей старыхъ вещей, а также маклерствомъ, каковое въ то время признавалось преступнымъ дѣяніемъ. Въ деревняхъ же евреи добывали себѣ пропитаніе винокуреніемъ, содержаніемъ корчемъ, ремесленнымъ трудомъ, разносной торговлей, а кое кто и земледѣліемъ [3]). При этомъ большая часть еврейскаго населенія, жившаго въ уѣздахъ, не имѣла осѣдлости, а вела кочевой образъ жизни, переходя въ поискахъ за кускомъ хлѣба съ одного мѣста на другое, то покидая губернію, то вновь возвращаясь туда. Съ присоединеніемъ края къ Россіи, передвиженіе еврейскаго населенія приняло еще большіе размѣры, такъ какъ ему былъ открытъ доступъ въ другія губерніи „черты". И это обстоятельство, въ связи съ бѣдностью евреевъ, очень смущало первую русскую губернскую власть: она не знала какимъ образомъ взыскивать съ нищей, кочующей массы подати? Поэтому, когда въ сентябрѣ

---

[1]) Въ 1796 г. записалось: 8 купцовъ 1-й гильдіи, два—2-й и 23 еврея—3-й гильдіи. Въ общей сложности еврейскіе купцы платили сборъ съ объявленныхъ ими капиталовъ: Р. 3854. Уже въ это время, на основаніи общихъ законовъ въ Россіи для евреевъ, курляндскіе купцы-евреи платили сборъ въ двойномъ, сравнительно съ христіанами, размѣрѣ. Среди купцовъ въ Газенпотѣ встрѣчаются имена митавскихъ дѣятелей, братьевъ Боркумъ.

Въ 1798 г. евреи встрѣчаютъ въ спискѣ купцовъ Якобштадта.

[2]) При переписи 1797 г. было зарегистровано 4581 евр. (мужчинъ), изъ коихъ 896 проживали въ городахъ, остальные были разсѣяны по мызамъ. Въ Митавѣ проживало 642 евр. въ Гольдингенѣ—26, въ Либавѣ—19, въ Газенпотѣ—209.

[3]) О земледѣльческомъ занятіи упоминаетъ пасторъ Милихъ.

1797 г. былъ объявленъ рекрутскій наборъ, губернское правленіе обратилось къ генералъ-прокурору съ запросомъ: какимъ путемъ собрать съ евреевъ, не отбывавшихъ воинской повинности натурою ни въ Курляндіи, ни въ другихъ губерніяхъ, соотвѣтствушій денежный сборъ? При этомъ правленіе отмѣчало, что запрещеніе евреямъ переходить съ мѣста на мѣсто не приведетъ къ благопріятному результату, такъ какъ въ указанномъ случаѣ евреи уйдутъ за границу.

Получивъ изъ перваго департамента отношеніе губ. правленія, „для постановленія ихъ (евреевъ) на права единообразныя съ евреями, въ Бѣлорусской губерніи живущими", третій департаментъ сената потребовалъ отъ губ. правленія [1]) подробныхъ свѣдѣній о евреяхъ: объ ихъ числѣ, правахъ, родѣ занятій, а также о курляндскихъ законахъ, на основаніи которыхъ евреи проживали въ странѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ предписалъ взыскать съ евреевъ, немедля, рекрутскія деньги.

Повидимому, упоминаніе о курляндскихъ законахъ внушило губернской администраціи извѣстную смѣлость въ рѣшеніи вопроса о евреяхъ. Если въ своемъ первомъ донесеніи, не зная настроенія въ петербургскихъ сферахъ, администрація говорила о переходѣ евреевъ за границу, какъ о явленіи нежелательномъ, то теперь губ. правленіе, наоборотъ, направило свои дѣйствія къ тому, чтобы сила курляндскихъ законовъ, требовавшихъ удаленія евреевъ, была осуществлена русской властью. Приведя разнообразные документы, касающіеся исторіи евреевъ въ Курляндіи, губ. правленіе закончило свое донесеніе сенату (2 февр. 1798 г.) указаніемъ на то, что евреи „никогда законнымъ образомъ терпимы не были" и не могли ни жить въ странѣ, ни заниматься какимъ-либо дѣломъ, что они „всегда за вкравшихся жителей почитались", и что они таковыми же и остались, такъ какъ прежнія о нихъ узаконенія не отмѣнены. „Слѣдственно, — доносило правленіе, — они, яко не по законамъ обитающіе, ни въ какой родъ жизни записаны быть не могутъ", за исключеніемъ однихъ газенпотскихъ купцовъ. Вообще евреи,—сообщало правленіе,—„выключая немногихъ въ Митавѣ, живутъ столь бѣдно, что большая часть оныхъ едва

---

[1]) Опредѣленіе 12 ноября 1797 г. Указъ 1 декабря 1797 г.

имѣютъ дневную пищу, и они между собою никакого общества не составляютъ, большая часть не имѣетъ и постояннаго даже мѣстопребыванія, и по извѣстнымъ свойствамъ сего народа не предвидится никакого средства, чтобы большую часть сихъ бродягъ можно было принудить къ постоянной жизни или къ какому порядочному ремеслу".

Такимъ образомъ, видя изъ пріобщенныхъ къ донесенію документовъ, что евреи въ теченіи 200 лѣтъ насильственно устранялись законодательными актами отъ ремеслъ и торговли, что кочевой образъ жизни евреевъ вызывался столь часто слѣдовавшими постановленіями о выселеніи ихъ изъ страны, а еще больше запрещеніемъ жить въ городахъ, губ. правленіе высказало все же сомнѣніе въ возможности превратить евреевъ въ осѣдлыхъ, трудящихся гражданъ.

Но сенатъ не смутился этимъ донесеніемъ. „Хотя губернское правленіе и приводитъ въ рапортѣ своемъ, — гласило опредѣленіе сената отъ 18 февраля 1798 г. — многія и въ разныя времена сдѣланныя предписанія, запрещающія евреямъ не только производить въ Курляндіи какое либо ремесло, но даже имѣть жительство, но поелику изъ того же рапорта видно, что за всѣмъ тѣмъ они всегда оставались, и болѣе двухсотъ лѣтъ, какъ въ Курляндіи пребываютъ, то сенатъ и не можетъ почитать ихъ, какъ губернское правленіе пишетъ, за жителей, въ Курляндію вкравшихся, а тѣмъ менѣе лишать ихъ столь древняго ихъ жилища, когда и въ другихъ нѣкоторыхъ россійскихъ губерніяхъ евреямъ пребываніе не запрещается. Въ разсужденіе чего курляндскому губернскому правленію предписать, чтобы оно, сообразясь съ мѣстными тамошними обстоятельствами и законами, евреямъ въ другихъ губерніяхъ жительство позволяющими, представило сенату свое мнѣніе, на какомъ основаніи за лучшее признаетъ оставить тѣхъ евреевъ въ Курляндіи, какъ для пользы общей, такъ и для ихъ собственной".

Это опредѣленіе должно было коренным образомъ измѣнить отношеніе общества и администраціи къ евреямъ въ Курляндіи: евреи переставали быть „вкравшимися", которымъ ежеминутно грозила перспектива быть высланными изъ страны; они становились русскими гражданами, какъ остальные евреи въ Россіи, пользовавшіеся въ то время извѣстнымъ общественнымъ значеніемъ и достоинствомъ.

Такимъ новымъ рѣшеніемъ вопроса курляндскіе евреи обязаны барону Карлу-Генриху Гейкингу, который одно время былъ очень близокъ къ государю [1]). Сейчасъ же по вступленіи на престолъ, Павелъ I вызвалъ его изъ Митавы, гдѣ онъ занималъ постъ предсѣдателя суда, и назначилъ сенаторомъ, и именно по третьему департаменту. Вплоть до сентября 1798 г. Гейкингъ пользовался чрезвычайнымъ довѣріемъ и благосклонностью государя; такъ, вслѣдствіе личнаго довѣрія, государь назначилъ его въ члены коммиссіи, разсматривавшей доносъ на адмирала Мордвинова въ государственномъ преступленіи, а затѣмъ опредѣлилъ его на отвѣтственный постъ президента юстицъ-коллегіи по лифляндскимъ и эстляндскимъ дѣламъ. Пользуясь исключительнымъ правомъ ужинать въ тѣсномъ кругу царской семьи и ближайшихъ къ государю лицъ, Гейкингъ имѣлъ частые случаи видѣть государя, причемъ ихъ бесѣда не разъ касалась вопросовъ государственнаго характера. И, повидимому, въ одну изъ такихъ бесѣдъ государь поручилъ Гейкингу составить записку о евреяхъ въ Курляндіи. Возможно, конечно, что это произошло при нѣсколько иныхъ обстоятельствахъ: государь могъ возложить на него эту обязанность тогда, когда ген.-прокуроръ кн. А. Б. Куракинъ донесъ ему о возникшемъ вопросѣ о евреяхъ, въ которомъ Гейкингъ являлся компетентнымъ лицомъ, какъ уроженецъ Курляндіи. Какъ бы ни было, бар. Гейкингъ получилъ и исполнилъ это порученіе: „я, съ моей стороны, сдѣлалъ всѣ изслѣдованія, чтобъ объяснить сей предметъ, по случаю даннаго мнѣ повелѣнія покойнымъ государемъ императоромъ Павломъ I, представить мое мнѣніе о евреяхъ, находящихся въ Курляндіи“ [2]) — писалъ бар. Гейкингъ, когда въ сенатѣ

[1]) Бар. Гейкингъ родился въ 1751 г., скончался 18 окт. 1809 г. (?). 24 декабря 1796 назначенъ сенаторомъ, уволенъ 8 сентября 1798 г., и высланъ въ деревню. Но Александромъ I былъ возвращенъ къ мѣсту служенія. Его близость къ царской семьѣ объясняется повидимому тѣмъ, что его теща Лафонъ была начальницей Смольнаго института.

[2]) Записки Гейкинга были напечатаны въ 1886 г., въ Лейпцигѣ не въ полномъ видѣ (въ Русской Старинѣ, т. 56, напечатаны извлеченія изъ этой книги) и интересующій насъ эпизодъ тамъ не упомянутъ.—Приведенныя строки Гейкинга я извлекъ изъ сенатскаго архива: Дѣло Мин. Юст. № 49, за 1810 г.

тически возродить евреевъ, ихъ нужно вернуть къ первоначальной чистотѣ ихъ религіи [1]). А что сіе возможно, что есть средство и пути, которые, правда, медленно, но вѣрно приведутъ къ желанной цѣли—то вѣдь это, кажется, не противорѣчитъ выводамъ разума и опыта.

Несомнѣнно, евреи никогда не уклонились бы отъ истиннаго духа религіи, если бы они знали хорошо еврейскій языкъ. Никогда талмудистамъ не удалось бы навязать народу нелѣпости, если бы онъ самъ могъ читать и понимать Св. Писаніе. Только во тьмѣ невѣжества принялъ народъ талмудическіе призраки за дѣйствительность, и именно благодаря этому, продолжающемуся по сію пору, незнанію языка, талмудъ все еще почитается святымъ. Это подтверждается фактами; ибо какъ только какой либо еврей получаетъ полное знакомство съ еврейскимъ языкомъ—съ его глазъ падаетъ повязка онъ ясно видитъ тогда глупости талмуда, спѣшитъ неудержимо къ нравственному возрожденію. Именно такимъ путемъ просвѣтилъ себя Мендельсонъ, и впослѣдствіи онъ прибѣгъ къ этому же средству, чтобы просвѣтить своихъ нѣмецкихъ единовѣрцевъ, и счастливѣйшій успѣхъ увѣнчалъ его стремленія. Онъ призывалъ къ изученію еврейскаго и нѣмецкаго языковъ, издалъ весьма точный переводъ ветхаго завѣта, и чѣмъ болѣе этотъ переводъ читался—тѣмъ все выше поднимались нѣмецкіе евреи въ своемъ нравственномъ развитіи.

Итакъ, еврейская реформа должна начаться съ открытія общественныхъ школъ, въ которыхъ еврейская молодежь обучалась бы русскому, нѣмецкому и еврейскому языкамъ, И если бы тѣмъ, кто обнаружитъ особыя способности и знанія, правительство предоставило доступъ къ государственной службѣ, такіе евреи дѣйствительно пробудились бы отъ духовнаго сна и стали бы полезными и себѣ, и государству.

Если бы эта идея встрѣтила одобреніе, я могъ бы впослѣдствіи разработать вопросъ, какъ ее осуществить.

Правда, такимъ путемъ только будущее поколѣніе просвѣтится, и государство при этомъ увидитъ пользу отъ еврейскихъ подданныхъ лишь впослѣдствіи, послѣ долгого времени и послѣ значительныхъ затратъ; правда, я знаю, что существуютъ другіе планы реформы, которые, какъ кажется съ перваго взгляда, могутъ легче и скорѣе привести къ цѣли, тѣмъ не менѣе знаніе натуры человѣка вообще, и въ особенности вѣрное пониманіе характера евреевъ, даютъ мнѣ основаніе утверждать, что всякая быстрая и насильственная реформа, хотя и приноситъ мгновенную, кажущуюся пользу, не можетъ въ дѣйствительности внести прочное улучшеніе, а именно къ таковому должно стремиться наше благоразумное человѣколюбивое правительство.

---

[1]) Это, какъ и нѣкоторыя другія замѣчанія Франка, находится въ запискѣ Державина.

за тѣхъ, которые жили на ихъ земляхъ. Повидимому, города приняли энергичныя мѣры, чтобы вернуть свои деньги; что касается помѣщиковъ, то тутъ уже администрація прибѣгла „къ экзекуціи", чтобы заставить ихъ заплатить за евреевъ.

Однако, губ. правленіе не соглашалось признать бѣдность еврейскаго населенія результатомъ безконечныхъ притѣсненій, которымъ евреи подвергались все время въ Курляндіи въ отношеніи торговли, ремеслъ и самаго пребыванія въ краѣ; правленіе опять говорило объ ихъ „почти природномъ отвращеніи къ трудамъ", о томъ, что евреи занимаются недозволенной имъ мелкой торговлей и проч. Правленіе, между прочимъ, указало, что евреи занимаются ростовщичествомъ, но это обстоятельство могло дать основаніе думать, что среди евреевъ есть богатые люди, поэтому правленіе поспѣшило объяснить, что „при всемъ томъ, однако, рѣдко случается живущему въ городѣ еврею сдѣлаться богатымъ, ибо злыя дѣянія наказываются обыкновенно сами собой", и полученный „прибытокъ" теряется опять!

Что же побуждало курляндскую администрацію такъ отрицательно относиться къ евреямъ? Отвѣтъ одинъ: интересы городского христіанскаго населенія.

Въ этомъ отношеніи весьма характернымъ является то обстоятельство, что само констатируя, что торговля и ремесленныя занятія давали еврейской массѣ нищенское пропитаніе, правленіе готово было отнять у нея и эти средства къ жизни, лишь бы передать христіанскому населенію ихъ заработокъ. „Какъ въ городахъ, такъ и по мызамъ живущіе евреи,—писало губ. правленіе, — бываютъ на ярмаркахъ, а чрезъ то, какъ купцамъ, такъ и мѣщанамъ, платящимъ въ казну подати, наносятъ великій подрывъ, отчего претерпѣваетъ и казенный интересъ, ибо трудолюбивый гражданинъ и житель, платящій казнѣ подать, долженъ совершенно оттого разориться, и сей, безъ сомнѣнія, обществу наносящій великій ущербъ никогда не могъ быть отвращенъ", такъ какъ съ евреевъ невозможно взыскать подати.

Но при всемъ томъ губ. правленіе, вслѣдствіе требованія сената, было вынуждено представить проектъ дальнѣйшаго пребыванія евреевъ въ Курляндіи, и поэтому, какъ объясняло правленіе, дабы казна имѣла хотя бы нѣкоторую выгоду и

чтобы, по крайней мѣрѣ, часть евреевъ была „пріобучена къ твердому промыслу“, оно предложило всѣхъ тѣхъ евреевъ, которые имѣютъ недвижимую собственность или „надежный промыселъ“, соединить въ общество на началахъ круговой поруки. Эти евреи должны были избирать изъ своей среды старшинъ, которые одни только могли рѣшить, „кто нынѣ и впредь изъ ихъ народа *достойнымъ* найдется быть принятымъ въ сіе общество“. При этомъ всѣхъ евреевъ слѣдовало приписать къ одному лишь Газенпоту, „въ другихъ же городахъ *въ пользу христіанскаго гражданства* запретить имъ всякое гражданское ремесло“, остальныхъ же евреевъ выселить изъ губерніи, сдѣлавъ исключеніе для тѣхъ, которые представятъ поручительство въ уплатѣ податей до слѣдующей ревизіи. Такимъ путемъ, полагало привленіе, евреи будутъ „стараться о постоянной жизни и торговлѣ“ (какъ будто евреи все время не добивались права осѣдлости и торговли), а выселенные окажутся полезными въ другихъ земляхъ.

Извѣстіе о томъ, что губернскому правленію поручено представить въ сенатъ мнѣніе касательно гражданскаго устройства евреевъ, дошло до митавскихъ евреевъ, и тогда двое изъ нихъ, Соломонъ Ельокумъ и Маркусъ Якоби, обратились, 15 апрѣля 1798 г., за защитой и покровительствомъ къ ген.-прокурору кн. Куракину. Указывая въ своемъ письмѣ, что отъ правленія можетъ „воспослѣдовать одностороннее донесеніе, каковое для насъ, несчастныхъ, притѣсненныхъ, неимущихъ никакого пособія и предстательства, содѣлается пагубнымъ“, ходатаи „именемъ еврейской націи въ Курляндіи“ предложили свой проектъ гражданскаго устройства.

Въ общихъ чертахъ это было повтореніе проекта, который митавскіе евреи представили въ 1793 г.; только о Schutzgeld'ѣ теперь ничего уже не было сказано; ходатаи просили разрѣшить ввести кагальное устройство и записать евреевъ по роду ихъ занятій, съ тѣмъ, чтобы платящіе гильдію имѣли всѣ торговыя права и проч. Къ сожалѣнію, дѣйствовавшіе „именемъ еврейской націи“ не отказались отъ своихъ эгоистическихъ вожделѣній. Опасаясь, очевидно, конкурренціи, эти представители торговаго класса предложили „приказать городовому магистрату, что ежели много похотятъ чужихъ

(т. е. позже поселившихся) еврейскихъ семействъ быть въ какомъ городѣ, или же оныхъ евреевъ тамъ много, то разсылать ихъ по другимъ городамъ и деревнямъ" (конечно, выселенію подвергались бы неимущіе евреи). Они также просили предоставить права торговли въ уѣздахъ однимъ купцамъ.

Курляндскіе евреи могли быть благодарны судьбѣ за то, что ходатайство ихъ незванныхъ представителей, не было удовлетворено.

Проектъ митавскихъ ходатаевъ былъ переданъ въ учрежденную незадолго до того при сенатѣ экспедицію государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства. Экспедиція вытребовала изъ третьяго департамента всѣ относящіяся до возбужденнаго вопроса бумаги и затѣмъ сдѣлала постановленіе о курляндскихъ евреяхъ, согласно съ опредѣленіемъ третьяго департамента, т. е. предложила устроить гражданскій бытъ евреевъ въ Курляндіи на тѣхъ же началахъ, какъ въ другихъ губерніяхъ „черты". Постановленіе экспедиціи было одобрено сенатомъ (16 и 17 февраля 1799 г.) и представленный имъ государю соотвѣтствующій докладъ былъ 14 марта 1799 г. высочайше утвержденъ [1]).

Курляндскіе евреи получили бо́льшія права, нежели просили ихъ представители; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ не должно было угрожать то, о чемъ ходатайствовали тѣ же представители. Въ новомъ законѣ не нашло себѣ мѣста желаніе митавскихъ ходатаевъ, чтобы только одни купцы пользовались правомъ торговли въ уѣздахъ и чтобы еврейское населеніе было частями выселено въ отдѣльныхъ пунктахъ. Согласно новому закону, по полученнымъ изъ магистрата паспортамъ евреи могли проживать безъ изъятія въ уѣздахъ „для упражненія въ промыслахъ и работахъ". Точно также не было сдѣлано никакихъ постановленій касательно проживанія лишь извѣстнаго числа евреевъ въ городахъ.

Но коренную реформу въ жизни евреевъ въ Курляндіи должно было произвести введенное новымъ закономъ кагальное устройство на тѣхъ началахъ, какъ въ остальныхъ губерніяхъ, а особенно предоставленіе евреямъ права запи-

---

[1]) П. С. З. т. XXV. № 18889.

статей, для евреевъ необходимо нужныхъ. При Польскомъ правленіи еще начата ликвидація долговъ еврейскихъ обществъ въ повѣтовыхъ судахъ, и приводится теперь уже къ окончанію. По окончаніи оной, когда количество всѣхъ кагальныхъ долговъ будетъ извѣстно, то можно будетъ для уплаты оныхъ положить особенный съ евреевъ сборъ, и чтобы не было сіе обременительно, то можно его раздѣлить на нѣсколько лѣтъ до уплаты всѣхъ долговъ. Каждый еврей охотно согласится внести единожды какое съ него количество достанется, лишь-бы токмо избавиться отъ всегдашнихъ сборовъ кагальныхъ.

16) Въ заключеніе всего, честь имѣю представить, что подробнѣйшее разсмотрѣніе состоянія евреевъ, приведеніе въ дѣйство вышеписанныхъ пунктовъ, какъ и изысканіе новыхъ надежнѣйшихъ средствъ къ поправленію состоянія евреевъ, возложить можно на нѣсколькихъ опытныхъ особъ, которыя исправляя положеніе еврейскаго народа съ помощію просвѣщеннѣйшихъ и ученнѣйшихъ евреевъ, могли-бы и законъ ихъ очистить отъ фанатизмовъ и суевѣрія, столь благоустройству ихъ вредящихъ.

№ 4.

Письмо Ноты Хаймовича Ноткина къ гр. Кочубею.

Ваше Сіятельство, Милостивый Государь!

Пламенѣя ревностнымъ желаніемъ видѣть при старости лѣтъ единоплеменниковъ моихъ на томъ (й) степени благополучія, на которую Всемилостивѣйшій Государь нашъ соизволяетъ ихъ возвести, я употребляю нынѣ неусыпные труды къ поспѣшествованію сей священнѣйшей воли Августѣйшаго Монарха.—Нѣкій патріотическій духъ побуждаетъ и ободряетъ меня принять на себя ходатайство за пользу общую, а потому пріемлю смѣлость, повергнувшись къ стопамъ Вашего Сіятельства, всеусерднѣйше благодарить за попеченіе, которое Вы, Сіятельнѣйшій Графъ, прилагаете о подкрѣпленіи духа еврейской націи, находящейся нынѣ въ такомъ уныніи, каковому обыкновенно подвержены человѣческія сердца при предпріемлемыхъ перемѣнахъ въ ихъ состояніи. При чемъ за счастіе почитаю донести Вашему Сіятельству, что нынѣ въ Смоленской губерніи предположено выслать отъ туда всѣхъ евреевъ, находящихся по тамошнимъ мѣстамъ, изъ числа которыхъ большая часть находясь въ услуженіи при разныхъ людяхъ, лишается такимъ образомъ послѣднихъ средствъ къ пропитанію и вдругъ останутся безъ помощи и безъ пристанища. Каковое обстоятельство, непріятное для еврейскаго народа, усугубляетъ только уныніе его и производитъ въ немъ плачевнѣйшія заключенія о будущей своей участи. Сіятельнѣйшій графъ!—сжальтесь надъ симъ несчастнымъ народомъ! подкрѣпите великодушно упадшее его сердце! повелите кому слѣдуетъ

Первый ритуальный процессъ въ Россіи.

Виленскому процессу Блондеса суждено было ознаменовать собою столѣтній „юбилей“ перваго обвиненія русскихъ евреевъ въ ритуальномъ убійствѣ.

Это, первое въ хронологическомъ порядкѣ, *Сѣнненское* дѣло, возникшее въ 1799 г., явилось первообразомъ для дальнѣйшихъ подобныхъ процессовъ въ Россіи, и документы, которые легли въ то время въ основу обвиненія, по сію пору не преданы забвенію.

Въ 1799 г., незадолго до еврейской пасхи, въ Сѣнненскомъ уѣздѣ (въ Бѣлоруссіи) вблизи одной еврейской корчмы, въ сторонѣ отъ дороги, былъ усмотрѣнъ трупъ женщины. Сѣнненскій нижній земскій судъ и врачъ, свидѣтельствовавшіе трупъ, обнаружили на немъ нѣсколько ранъ, но при этомъ на платьѣ убитой не оказалось вовсе крови. Одинъ свидѣтель заявилъ, что за два дня онъ былъ на томъ мѣстѣ и не видѣлъ трупа, изъ чего можно было заключить, что женщина была умерщвлена въ другомъ мѣстѣ и лишь потомъ брошена сюда; другой же свидѣтель показалъ, что незадолго до того онъ видѣлъ женщину въ корчмѣ. Этого было достаточно, чтобы слѣдственная власть, „имѣя основаніемъ народный слухъ, что евреямъ нужна христіанская кровь“, объявила убійцами четырехъ евреевъ, находившихся въ корчмѣ. Это дѣло должно было быть разсмотрѣно въ магистратѣ, но въ виду того, что во всѣхъ бѣлорусскихъ магистратахъ засѣдали на ряду съ христіанами и евреи, бѣлорусскій губернаторъ передалъ дѣло въ уголовный департаментъ главнаго бѣлорусскаго суда. Здѣсь слѣдственный матеріалъ былъ разсмотрѣнъ и пополненъ, причемъ уголовный департаментъ поручилъ секретарю Стукову „секретнымъ

образомъ извѣдать и дойтить: нѣтъ-ли по народному слуху, засвидѣтельствованному подъ присягою многими людьми, въ законахъ еврейскихъ положенія, что евреямъ христіанская кровь нужна?". Стуковъ оказался исполнительнымъ чиновникомъ. При содѣйствіи крещенаго еврея Станислава Костинскаго онъ раздобылъ „двѣ еврейскія книги подъ названіемъ Сульханъ-Орухъ" и еще одну польскую. Костинскій перевелъ нѣкоторыя мѣста изъ Шулханъ-Аруха, исказивъ ихъ въ томъ смыслѣ, будто евреямъ дѣйствительно нужна кровь, и Стуковъ препроводилъ книги въ уголовный департаментъ при соотвѣтствующемъ докладѣ.

Въ это именно время въ Бѣлоруссію пріѣхалъ поэтъ и сенаторъ Державинъ съ цѣлью разслѣдовать жалобы шкловскихъ евреевъ на противозаконныя дѣйствія владѣльца Шклова генерала Зорина, и судьбѣ угодно было, чтобы нашъ знакомый Стуковъ былъ прикомандированъ къ Державину въ качествѣ дѣлопроизводителя.

Стуковъ посвятилъ въ подробности сѣнненскаго дѣла Державина, который и поспѣшилъ обратиться по этому поводу къ императору Павлу со слѣдующимъ секретнымъ донесеніемъ (16 іюня 1799 г.) „...Коллежскій секретарь Гавріилъ Стуковъ подалъ мнѣ своеручно имъ писанную записку, при семъ прилагаемую. Поелику содержаніе оной не малой есть важности и не могло въ свое время, яко чрезвычайное происшествіе, не достичь до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества свѣдѣнія, то и не подлежало бы до порученной мнѣ коммиссіи (т. е. дѣла Зорича). Но какъ изображаемое въ ней обвиняетъ всѣхъ евреевъ въ злобномъ пролитіи по ихъ талмудамъ христіанской крови и дѣло сіе, производясь обыкновеннымъ порядкомъ въ главномъ Витебскомъ судѣ, не можетъ быть не гласно и не имѣть вліянія на прочія дѣла губерніи въ томъ разумѣ, что по открытой враждѣ, въ присутственномъ мѣстѣ одинъ народъ противъ другого, по законамъ безпристрастнымъ, свидѣтелемъ быть не можетъ. А какъ и по жалобамъ шкловскихъ евреевъ на генералъ-лейтенанта Зорича предвидятся обстоятельства, которыя разбирать одними только свидѣтелями должно, то доколь еврейскій народъ не оправдится предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ помянутомъ ясно доказываемомъ на нихъ общемъ противу

христіанъ злодѣйствѣ, не могу я противу моей совѣсти, безъ особливаго Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, принимать и уважать ихъ показаніе и свидѣтельства противъ христіанъ, кромѣ такихъ дѣлъ, которыя по явнымъ доказательствамъ не могутъ быть сомнительными и подходятъ подъ точную силу законовъ. Я почелъ за нужное Вашему Императорскому Величеству о казусѣ семъ донесть и ожидаю на оный Высочайшаго разрѣшенія".

Что побудило представить государю это донесеніе и вѣрилъ-ли Державинъ сказкѣ о ритуальномъ убійствѣ—на эти вопросы трудно отвѣтить. Извѣстно, что по особымъ соображеніямъ, ничего общаго съ евреями не имѣвшимъ, Державинъ хотѣлъ признать Зорича свободнымъ отъ обвиненій, и возможно, что дѣйствуя всегда сгоряча, Державинъ опрометчиво рѣшился воспользоваться сѣнненскимъ дѣломъ, лишь бы устранить неудобныхъ свидѣтелей и такимъ путемъ спасти Зорича. Во всякомъ случаѣ нельзя усомниться въ томъ, что Державинъ питалъ непріязненныя или подозрительныя чувства къ евреямъ, какъ къ „врагамъ христіанъ".

Записка Стукова вмѣстѣ съ цитатами изъ Шулханъ-Аруха, искаженными Костинскимъ, возводила на еврейскій народъ тяжкія обвиненія, но тѣмъ не менѣе предложеніе Державина было отвергнуто, и 31 іюня 1799 г. генералъ-прокуроръ сообщилъ ему высочайшую волю: сѣнненское событіе „поелику оно производится въ судѣ, оставить его своему теченію, не извлекая изъ него никакого послѣдствія къ порученному дѣлу" [1]).

Сѣнненскій процессъ окончился благополучно для обвиняемыхъ. Въ извѣстной запискѣ Скрипицына, въ спискѣ ритуальныхъ убійствъ, въ которыхъ обвинялись евреи, находится подъ номеромъ 114 сѣнненское дѣло съ отмѣткою: „По слѣдствію ничего не открылось" [2]).

Казалось бы, что навѣтъ Костинскаго долженъ былъ кануть въ вѣчность. Но вышло иначе.

Въ слѣдующемъ 1800 г. Державинъ вновь пріѣхалъ въ

---

[1]) Донесеніе Державина и отвѣтъ генералъ-прокурора извлечены мною изъ сенатскаго архива (дѣло мин. юст. 1799, № 1326). Записка Стукова также имѣется среди моихъ документовъ, но она уже была напечатана въ нѣсколько иной редакціи. См. Ак. изд. соч. Державина.

[2]) Гражданинъ 1878 г. № 26.

Бѣлоруссію съ тѣмъ между прочимъ, чтобы составить проектъ еврейской реформы; на этотъ разъ, какъ бы въ качествѣ друга евреевъ, онъ вступилъ въ личныя сношенія съ просвѣщенными представителями мѣстнаго еврейства; эти бесѣды вообще смягчили суровое отношеніе Державина къ евреямъ, и, въ частности, убѣдили его, повидимому, въ лживости средневѣковыхъ обвиненій, но не зная, какъ взглянуть на этотъ вопросъ въ сенатѣ, куда его проектъ долженъ былъ поступить, Державинъ заноситъ въ свою записку о евреяхъ слѣдующія строки: „Въ сихъ кагалахъ исполняются, или по крайности *теперь только защищаемы* бываютъ тѣ христіанскія кровопролитія, въ коихъ іудеи по разнымъ временамъ и царствамъ подозрѣвались, и понынѣ по архивамъ замѣчаются, что видѣть можно изъ приложенія подъ лит. Д; хотя я съ моей стороны о сихъ кровопролитіяхъ думаю, что если они и бывали гдѣ либо въ древности, то не иначе, какъ токмо по изступленіи нѣкоторыхъ изъ фанатиковъ, но счелъ однако за нужное не выпустить ихъ изъ виду“ [1]).

Приложеніемъ подъ лит. Д. оказалась записка Стукова, дополненная свѣдѣніемъ о другомъ подобномъ обвиненіи [2]); кромѣ того Державинъ представилъ сенату искаженный переводъ (принадлежащій, какъ кажется, перу того же Костинскаго) нѣкоторыхъ мѣстъ изъ книги „Шеведъ Егуда“.

Къ счастью, державинскіе документы не привели въ свое время ни къ какимъ дурнымъ результатамъ...

Прошли десятки лѣтъ. За это время въ Россіи нерѣдко возбуждались „средневѣковые“ процессы, — какъ напр., въ 1805 и 1811 гг.,—но они всегда завершались благополучно; когда же подобное дѣло возникло въ 1816 г.—по повелѣнію Александра I-го всѣмъ управляющимъ губерніями было объявлено, „чтобы впредь евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ по единому предразсудку, что якобы они имѣютъ нужду въ христіанской крови, но если бы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе падало на евреевъ, безъ предубѣжденія однако-жъ,

---

[1]) Ак. изд. сочиненій Державина.

[2]) Это обвиненіе возникло въ томъ же 1799 г. У Скрипицына подъ № 113 оно упоминается съ указаніемъ: „слѣдствіе ничего не открыло, потому что всѣ взятые подъ стражу евреи бѣжали и не были отысканы“.

что они сіе сдѣлали для полученія христіанской крови, то было бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи, по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, наравнѣ съ людьми прочихъ исповѣданій, которые уличались бы въ преступленіи дѣтоубійства“ [1]).

Это повелѣніе пріостановило въ зародышѣ нѣсколько средневѣковыхъ обвиненій, но все же въ 1823 г. возникло потрясающее велижское дѣло, хотя и завершившееся полнымъ оправданіемъ обвиняемыхъ, но продлившееся 12 тягостныхъ лѣтъ [2]). Въ послѣдующіе годы подобные процессы также заключались оправдательными вердиктами.

Однако эти отдѣльныя побѣды истины не могли уничтожить тѣ темныя силы, которыя, сѣя ненависть человѣка къ человѣку, создавали новыя кровавыя измышленія и бросали въ тюрьмы неповинныхъ людей.

Среди этихъ сѣятелей если и не дикой ненависти, то глубокаго недовѣрія къ еврейскому народу, должно съ сожалѣніемъ поставить и столь высокое просвѣтительное учрежденіе, какъ академія наукъ. Спѣшу добавить: вѣроятно, академія вступила въ эти ряды сама того не зная, довѣрившись своему члену Я. К. Гроту.

Въ 70-хъ годахъ 19-го вѣка академія наукъ издала полное собраніе сочиненій Державина подъ редакціей Грота. Желая придать изданію историко-культурную цѣнность, Гротъ весьма трудолюбиво снабдилъ сочиненія Державина многочисленными подробными примѣчаніями и напечаталъ не только то, что принадлежало перу Державина, но и другіе документы, имѣющіе какое либо отношеніе къ поэту.—Придерживаясь такого порядка, Гротъ счелъ нужнымъ пояснить и тѣ вышеприведенныя строки, которыя говорили о пролитіи христіанской крови. Когда записка Державина была впервые напечатана въ „Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній о Россіи“ (1862 г. кн. IV), къ этимъ строкамъ о ритуальныхъ убій-

---

[1]) Приведено у Хвольсона. О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ, 2-е изд. Спб. 1880. Повелѣніе состоялось 22 февраля 1817 г.

[2]) См. мою книгу: Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма. Спб. 1905 г.

награждено было; а наконецъ 6-е, просятъ монаршей милости, чтобъ евреи, записавшіеся въ купечество и мѣщанство, живущіе по паспортамъ въ мѣстечкахъ и деревняхъ, не были никогда отъ магистратовъ принуждаемы строиться въ городахъ, ибо чрезъ то въ крайнюю бѣдность приведены быть могутъ и, употребя свой капиталъ на постройку, не будутъ имѣть капитала чѣмъ производить купечество".

На запросъ сената *могилевское и полоцкое намѣстническія правленія* объяснили „1-ое, что со времени присоединенія Бѣлорусскаго края къ Россіи, вслѣдствіе высочайше конфирмованныхъ въ 772 г. сентября въ 13 день подносимыхъ отъ покойнаго генер.-губернатора, генер.-фельдм. и кавалера гр. Захара Григорьевича Чернышева докладныхъ пунктовъ и по учиненному отъ него учрежденію, въ городахъ продажа вина, водки, пива и меду, такожъ свободная сидка и вареніе оныхъ отданы были на откупъ магистратамъ, изъ платежа съ каждой переписной мужеска пола головы, включая въ то число и жидовскіе кагалы, по 1 руб. 50 коп. на годъ, съ тѣмъ, что симъ магистратамъ предоставлено было въ распоряженіе кому изъ обывателей и за сколько какимъ образомъ продажу позволить, а безъ дозволенія и согласія оныхъ никто не воленъ былъ изъ мѣщанъ сидѣть вино, двоить водку и варить пиво и медъ, ниже покупать сіи напитки въ уѣздѣ, для произведенія по городамъ въ продажу. А какъ воспослѣдовавшимъ въ 783 г. мая въ 3 день высочайшимъ Ея И. В-ва указомъ III отдѣленія 7-мъ пунктомъ повелѣно „винное куреніе и винную продажу въ губерніяхъ Могилевской и Полоцкой предоставить въ пользу казны въ деревняхъ казеннаго вѣдомства и помѣщиковъ въ деревняхъ ихъ, по городамъ же винную продажу устроить въ общую тѣхъ городовъ пользу, на содержаніе магистратовъ и на другія городскія надобности, отдачею на откупъ или содержаніемъ на вѣрѣ, сходственно устава о винѣ", то воисполненіе сего винная, пивная и медовая продажа въ городахъ Могилевской губерніи, гдѣ есть магистраты, отдана онымъ и содержится съ дозволеніемъ варенія пива и меду откупщикамъ въ своихъ или постороннихъ пивоварняхъ, а въ городахъ Полоцкой губерніи отдана на откупъ. Что жъ принадлежитъ до винокуренныхъ заводовъ, оныхъ по городамъ Могилевской губерніи у евреевъ какъ прежде не было, такъ и нынѣ не имѣется, а были и нѣкоторыя теперь есть небольшія винокурни въ пяти городахъ: въ Бабиновичахъ 2, въ Копысѣ 18, въ Оршѣ 5, въ Мстиславлѣ 1, въ Рогачевѣ 2, итого 28, которыя, за отдачею винной продажи на откупъ и за крайнею ихъ ветхостью, состоятъ безъ дѣйствія; по городамъ же Полоцкой губерніи деревянныхъ винокуренъ или броваровъ состоитъ: въ Полоцкѣ здоровыхъ 4, ветхихъ 28; въ Себежѣ здоровыхъ 8, ветхая 1; въ Невелѣ ветхая 1; въ Динабургѣ здоровыхъ 3, ветхихъ 2; въ Рѣжицахъ 3; въ Витебскѣ здоровыхъ 68, ветхихъ 15; въ Городкѣ здоровыхъ 4, ветхихъ 3,— итого здоровыхъ 100, ветхихъ 50, въ томъ числѣ нѣкоторыя съ солодовнями, избами и амбарами. 2-е, по случаю представленія къ г. генер.-губернатору отъ Полоцкаго директора экономіи Грабацкаго,

изслѣдованія, не знавшій еврейскаго языка, не искалъ правды въ первоисточникахъ, а собиралъ ложь изъ различныхъ сочиненій, направленныхъ противъ евреевъ—и въ результатѣ получилась злонамѣренная клевета. Конечно, давая библіографическое указаніе, Гротъ могъ не считаться съ характеромъ самой книги. Но является вопросъ: почему же Гротъ не привелъ здѣсь другой библіографической справки, почему онъ не указалъ книги иного характера, именно извѣстнаго труда Хвольсона „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ" (изд. 1861 г.). Предположить, что Гротъ не зналъ о существованіи этой книги—нельзя, онъ столь усердно собиралъ необходимыя справки, что даже указываетъ, кто писалъ о евреяхъ послѣ Державина, онъ познакомился съ этой цѣлью и съ сочиненіями Оршанскаго; но помимо этого достаточно указать, что когда въ 1862 г. Хвольсонъ представилъ упомянутый трудъ въ академію на соисканіе Демидовской награды, то въ коммиссіи, выдававшей преміи, засѣдалъ и Гротъ [1]). И все же, несвѣдущаго въ этомъ „страшномъ" вопросѣ, не знавшаго еврейскаго языка, Даля — онъ предпочелъ извѣстному ученому, профессору еврейскаго языка Хвольсону!

Далѣе, почему Гротъ напечаталъ подъ академическимъ флагомъ также записку Стукова съ искаженными цитатами изъ Шулханъ-Аруха и недобросовѣстно составленными выписками изъ книги „Шеветъ Егуда", не снабдивъ ихъ примѣчаніями, которыя хотя бы нѣсколько смягчили потрясающее впечатлѣніе, производимое этими фальшивыми документами на русскаго читателя?..

Если бы возникновеніе „средневѣковыхъ" обвиненій было невозможно въ наши дни, то указанныя страницы въ

гой, а появилась лишь въ „Гражданинѣ". Между тѣмъ, сличая статью изъ „Кіевлянина" съ запиской Скрипицына, нельзя не замѣтить, что авторъ этой статьи нашелъ въ имѣвшейся въ его распоряженіи книжкѣ „Розысканіе и проч." то же самое, что есть у Скрипицына (отмѣчено одно и то же количество обвиненій; встрѣчается фраза, почти дословно схожая съ фразой Скрипицына), и такимъ образомъ книга, анонимно напечатанная въ 1844 г., и записка Скрипицына — одинъ и тотъ же трудъ.

[1]) XXXI присужденіе Демидовскихъ наградъ. Спб. 1862.

академическомъ изданіи представляли бы лишь извѣстнаго рода историческій интересъ. Но дѣло Блондеса показало, что средневѣковье не миновало; къ тому же документы, которые встрѣчаются въ Сѣнненскомъ дѣлѣ, фигурируютъ почти во всѣхъ подобныхъ процессахъ въ Россіи, и потому надо опасаться, что ложное обвиненіе, выставленное академическимъ изданіемъ, можетъ способствовать распространенію въ извѣстныхъ кругахъ русскаго общества дикаго представленія о преступности еврейскаго населенія.

Возникновеніе цензуры еврейскихъ книгъ.

Еврейской письменности всегда принадлежала первенствующая роль не только въ умственной, но и въ религіозно-общественной жизни еврейскаго народа; эта связь между книгой и духовнымъ ростомъ и бытомъ народа сказалась, въ частности, и въ жизни русскихъ евреевъ. Поэтому, можетъ быть, и настоящее краткое сообщеніе явится небезполезнымъ матеріаломъ по исторіи культуры евреевъ въ Россіи. [1])

Цензура при Екатеринѣ II.—Учрежденіе еврейской цензурной экспедиціи въ Ригѣ для привозимыхъ изъ заграницы книгъ (1797 г.)—Леонъ Элканъ. — Назначеніе цензора для еврейскихъ книгъ въ Вильнѣ (1798 г.).—Безуспѣшное ходатайство евреевъ объ учрежденіи еврейской цензуры въ Радзивиловѣ.—Сосредоточеніе въ Ригѣ цензуры еврейскихъ книгъ, печатавшихся въ Россіи.—Дѣятельность рижской еврейской экспедиціи.

Въ первое время по переходѣ польскихъ евреевъ въ русское подданство, вплоть до воцаренія Павла I, еврейская книга не знала правительственной цензуры, и это главнымъ образомъ потому, что вообще цензурный надзоръ при Екатеринѣ II не былъ достаточно организованъ. Къ тому же въ теченіи ряда лѣтъ евреи пользовались исключительно книгами, печатавшимися въ другихъ странахъ, такъ какъ въ Россіи еще не было еврейскихъ типографій. Правда, въ 1763 г. былъ учрежденъ надзоръ за книгами, привозившимися изъ заграницы, но эта цензура не могла распространиться на еврейскія произведенія уже по одному тому, что въ 1763 г., когда еще не было евреевъ въ Россіи, ввозъ еврейскихъ книгъ не могъ быть предусмотрѣнъ, вслѣдствіе чего для

[1]) Матеріалъ изъ архива сената: дѣла мин. юстиціи: 1797 г.—№№ 190. 191. 192. 193; 1798 г.—№№ 1021, 1025; 1800 г.—№№ 282, 288; 1801 г.—№ 388.

просмотра ихъ не были назначены соотвѣтствующіе цензоры. Отсутствіе въ то время надзора за еврейскими книгами подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что когда Екатеринѣ II стало въ 1790 г. извѣстно, что, по просьбѣ могилевскаго кагала, генералъ-губернаторъ Пассекъ приказалъ толочинской таможнѣ пропустить изъ Польши еврейскія книги на томъ основаніи, что для нихъ не назначена пошлина, государыня возразила, что въ спискѣ товаровъ, допускаемыхъ къ ввозу въ государство, еврейскія книги не значатся, а потому онѣ не должны быть вовсе допускаемы въ предѣлы государства [1]). Государыню смутило отсутствіе пограничнаго надзора за привозными еврейскими книгами, а такъ какъ установить его казалось невозможнымъ, то она и рѣшила запретить таковыя къ обращенію, дозволивъ вмѣстѣ съ тѣмъ учредить еврейскую типографію въ самой Бѣлоруссіи „съ надлежащимъ наблюденіемъ, для подобныхъ заведеній предписаннымъ". Это распоряженіе, однако, не имѣло практическаго результата; есть основаніе полагать, что таможни по прежнему пропускали еврейскія книги какъ товаръ, не подлежавшій пошлинѣ, а тамъ, гдѣ встрѣчались препятствія, евреи, по необходимости, прибѣгали къ тайному провозу. Что же касается разрѣшенія устроить типографіи, то оно нѣсколько запоздало, такъ какъ къ этому времени уже возникли въ польскихъ губерніяхъ нѣсколько еврейскихъ типографій; вѣроятно, это произошло тогда, когда указомъ отъ 15 января 1783 г. каждому предоставлено было заводить типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія [2]), а также разрѣшено было печатать въ нихъ книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, не исключая и „восточныхъ". Эти типографіи выпускали довольно ограниченное число книгъ, но и здѣсь цензурный надзоръ сводился на нѣтъ. Упомянутымъ указомъ 1783 года цензированіе книгъ было передано управѣ благочинія.

„Придираясь нелѣпымъ образомъ къ мелочамъ, полицейская цензура обнаруживала полную некомпетентность въ сужденіи о томъ, какія книги общимъ своимъ содержаніемъ расходятся съ видами правительства и подлежатъ по этому за-

---

[1]) П. С. З. т. XXIII, № 16877.

[2]) Къ этому именно времени, т. е. 1783 г., относятся первыя, на сколько извѣстно, книги, напечатанныя въ Шкловѣ и Полонномъ.

прещенію. По крайней мѣрѣ, за все время дѣйствія указа 1783 г. мы не видимъ ни одного запрещенія книги непосредственно полицейскими цензорами. Всѣ преслѣдованія авторовъ и конфискаціи книгъ были производимы по предписаніямъ свыше и касались книгъ, пропущенныхъ уже цензурою. . . Въ то же время надзоръ за типографіями и книжными лавками былъ такъ еще плохо организованъ, что многія книги издавались и затѣмъ распространялись, совсѣмъ минуя всякую цензуру"... [1]).

При такихъ условіяхъ еврейскія книги, печатавшіяся въ глуши провинціи, недоступныя пониманію управы благочинія и не доходившія до свѣдѣнія высшихъ властей, пользовались полной свободой.

Возможно, однако, что нѣкоторое стѣсненіе еврейскія книги испытали въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II. Въ это время были предприняты мѣры строжайшаго наблюденія за книгами, и, что еще важнѣе, 16 сентября 1796 г. послѣдовалъ указъ, которымъ было предписано упразднить частныя типографіи. Тогда же въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и при радзивиловской таможнѣ, т. е. въ тѣхъ пунктахъ, чрезъ которые единственно былъ разрѣшенъ провозъ печатныхъ произведеній, возникли цензурные комитеты.

Они начали функціонировать лишь въ 1797 г., а тѣмъ временемъ Павелъ I повелѣлъ: „Книги, цензурою признаваемыя недозволенными, и даже тѣ, кои кажутся сомнительными, представлять на разсмотрѣніе Совѣта" [2]) (Его Величества).

Въ это время возникла и спеціальная цензура еврейскихъ книгъ.

30 сентября 1797 г. президентъ коммерцъ-коллегіи Соймоновъ обратился къ ген.-прокурору кн. А. Б. Куракину съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „Бржетская таможня рапортомъ государственной коммерцъ-коллегіи представляетъ, что книги на еврейскомъ языкѣ, купцы того ис-

---

[1]) Свѣдѣнія, касающіяся общей цензуры, заимствованы изъ книги А. Скабичевскаго: „Очерки по исторіи русск. цензуры" 1892 г.

[2]) Предсѣдателями Совѣта были послѣдовательно генералъ-прокуроры: князь Куракинъ, князь Лопухинъ и Беклешевъ; журналы Совѣта докладывались государю.

образомъ извѣдать и дойтить: нѣтъ-ли по народному слуху, засвидѣтельствованному подъ присягою многими людьми, въ законахъ еврейскихъ положенія, что евреямъ христіанская кровь нужна?". Стуковъ оказался исполнительнымъ чиновникомъ. При содѣйствіи крещенаго еврея Станислава Костинскаго онъ раздобылъ „двѣ еврейскія книги подъ названіемъ Сульханъ-Орухъ" и еще одну польскую. Костинскій перевелъ нѣкоторыя мѣста изъ Шулханъ-Аруха, исказивъ ихъ въ томъ смыслѣ, будто евреямъ дѣйствительно нужна кровь, и Стуковъ препроводилъ книги въ уголовный департаментъ при соотвѣтствующемъ докладѣ.

Въ это именно время въ Бѣлоруссію пріѣхалъ поэтъ и сенаторъ Державинъ съ цѣлью разслѣдовать жалобы шкловскихъ евреевъ на противозаконныя дѣйствія владѣльца Шклова генерала Зорина, и судьбѣ угодно было, чтобы нашъ знакомый Стуковъ былъ прикомандированъ къ Державину въ качествѣ дѣлопроизводителя.

Стуковъ посвятилъ въ подробности сѣнненскаго дѣла Державина, который и поспѣшилъ обратиться по этому поводу къ императору Павлу со слѣдующимъ секретнымъ донесеніемъ (16 іюня 1799 г.) „...Коллежскій секретарь Гавріилъ Стуковъ подалъ мнѣ своеручно имъ писанную записку, при семъ прилагаемую. Поелику содержаніе оной не малой есть важности и не могло въ свое время, яко чрезвычайное происшествіе, не достичь до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества свѣдѣнія, то и не подлежало бы до порученной мнѣ коммиссіи (т. е. дѣла Зорича). Но какъ изображаемое въ ней обвиняетъ всѣхъ евреевъ въ злобномъ пролитіи по ихъ талмудамъ христіанской крови и дѣло сіе, производясь обыкновеннымъ порядкомъ въ главномъ Витебскомъ судѣ, не можетъ быть не гласно и не имѣть вліянія на прочія дѣла губерніи въ томъ разумѣ, что по открытой враждѣ, въ присутственномъ мѣстѣ одинъ народъ противъ другого, по законамъ безпристрастнымъ, свидѣтелемъ быть не можетъ. А какъ и по жалобамъ шкловскихъ евреевъ на генералъ-лейтенанта Зорича предвидятся обстоятельства, которыя разбирать одними только свидѣтелями должно, то доколь еврейскій народъ не оправдится предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ помянутомъ ясно доказываемомъ на нихъ общемъ противу

губернскомъ правленіи къ присягѣ, Мозесъ Гезекиль и Езекиль Давидъ Леви вступили 30 декабря 1797 года *„подъ вѣдѣніемъ цензоровъ* въ отправленіе должности".

Между тѣмъ, согласно высочайшей волѣ, Куракинъ съ своей стороны также сталъ заботиться о пріисканіи кандидатовъ на должность цензора, обратившись по этому поводу къ ген.-губернаторамъ, кн. Н. Репнину въ Вильнѣ и А. Беклешеву въ Каменецъ-Подольскѣ [1]). Но въ это время его вниманіе было остановлено на прусскомъ евреѣ Леонѣ Элканѣ, который обратился къ нему 3 ноября 1797 г. съ прошеніемъ на французскомъ языкѣ и о которомъ коллежскій совѣтникъ Литке представилъ 20 ноября записку слѣдующаго содержанія:

„Означенный еврей родился въ Берлинѣ въ 1759 году. Посвятя себя съ юношества на изученіе еврейской ѳеологіи, пріобрѣлъ онъ, особенно по милости весьма извѣстнаго философа Мендельсона въ Берлинѣ, достаточное знаніе еврейскаго, раввинскаго и халдейскаго, въ чемъ онъ теперь, будучи здѣсь на лицо, строжайшему экзамену подвергнуться готовъ. Въ 1782 г., находясь въ кенигсбергскомъ университетѣ, чтобы научиться сколько можно европейскимъ языкамъ и прочимъ наукамъ, не мало участвовалъ онъ, въ 1783 г., въ основаніи нѣкотораго ученаго общества подъ названіемъ еврейской литературы, по нынѣ еще существующаго, и въ коемъ онъ даже поднесь сочленомъ числится купно съ роднымъ его братомъ, который и теперь еще профессоромъ и директоромъ королевской вильгельминской школы въ Бреславлѣ находится.

„Въ 1785 г., оставя вышепоказанный кенигсбергскій университетъ, пробылъ онъ въ Берлинѣ въ званіи обыкновеннаго домашняго учителя. Въ 1789 г. вызванъ онъ въ Ригу для обученія дѣтей лифляндскаго дворянскаго коммисара Шмуля. Наконецъ, въ 1795 году, прибылъ онъ въ С.-Петер-

ежегодно жалованье изъ общихъ государственныхъ доходовъ, каждому по триста рублей. Павелъ". Русскимъ цензорамъ было положено большее жалованье: свѣтскимъ отъ 1800 до 800 руб., а духовнымъ по 500 руб. Вышеозначенный указъ не имѣется въ полномъ собр. зак.; онъ помѣщенъ въ сборникѣ указовъ Павла I.

[1]) Беклешевъ нашелъ двухъ такихъ евреевъ, а Репнинъ сообщилъ что не надѣется „скоро сыскать здѣсь между симъ загрубѣвшимъ народомъ такихъ способныхъ людей". Имъ обоимъ было сообщено, что ихъ хлопоты въ дальнѣйшемъ излишни.

бургъ, снабженный достаточными пашпортами и атестами. Здѣсь находился онъ учителемъ въ домѣ нѣкотораго господина Алимова, а въ 1796 году съ генваря мѣсяца, принятъ онъ мною для обученія моихъ дѣтей, языковъ французскаго и нѣмецкаго, арифметики, географіи, исторіи и прочихъ элементарныхъ наукъ.

„А что онъ, Элканъ, колико я его въ теченіи 23 мѣсяцевъ проникнуть могъ, дѣйствительно, поведенія честнаго и скроменъ, благонравенъ и о религіяхъ сужденія не вчиняетъ, трудолюбивъ и наученъ жребіемъ своимъ быть довольнымъ, въ томъ по чести и совѣсти симъ свидѣтельствую“ [1]).

Записка Литке нѣсколько запоздала, такъ какъ еще 12 ноября въ Совѣтѣ было читано внесенное ген.-прокуроромъ прошеніе Элкана и Совѣтъ опредѣлилъ его цензоромъ въ Ригу съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ; 20 ноября протоколъ Совѣта былъ высочайше утвержденъ, а 30 января 1798 г. рижская цензура донесла ген.-прокурору, что „опредѣленный для разсматриванія еврейскихъ книгъ *цензоръ* Элканъ сего мѣсяца 28 числа, по приведеніи къ присягѣ, вступилъ въ должность“.

Рижскіе цензоры,—среди нихъ былъ и знаменитый въ

---

[1]) Записка Литке была представлена, повидимому, по требованію Куракина, въ виду того, что Элканъ въ своемъ прошеніи писалъ, что свѣдѣнія о немъ можетъ дать Литке.

Изъ прошенія Элкана видно, что онъ зналъ немного русскій языкъ. Къ имѣющимся здѣсь свѣдѣніямъ объ Элканѣ можно добавить, что когда въ 1802 г. всѣ цензуры были упразднены, и было повелѣно гражданскихъ цензоровъ опредѣлить по способностямъ къ другимъ дѣламъ, по усмотрѣнію сената, Элканъ обратился въ сенатъ съ прошеніемъ о назначеніи его на службу или въ сенатъ, или въ комитетъ о евреяхъ 1802 г. Прошеніе Элкана поступило въ комитетъ.

Любопытное свѣдѣніе объ Элканѣ встрѣчается въ біографіи русскаго ученаго путешественника П. А. Чихачева (В. Евр. 1893 г. кн. XI); оно относится, вѣроятно, къ 1810—1818 гг. Въ этомъ очеркѣ говорится, что наиболѣе сильное и непосредственное вліяніе на умственное и нравственное развитіе Ч—ва имѣлъ престарѣлый ученый еврей Элканъ, много лѣтъ прожившій въ домѣ Чихачевыхъ въ качествѣ домашняго наставника. Одно время Ч—въ съ особеннымъ рвеніемъ занялся изученіемъ евр. письменъ для пониманія талмуда, изъ шалости унесеннаго тайкомъ его братомъ изъ комнаты ученаго наставника.

Такимъ образомъ Элканъ былъ домашнимъ наставникомъ въ трехъ русскихъ домахъ.

своемъ родѣ Ѳ. Туманскій, о которомъ Скабичевскій говоритъ, что это былъ герой, въ коемъ наиболѣе олицетворился идеалъ цензуры того времени,—пытались отнестись къ евреямъ цензорамъ не какъ къ сочленамъ, а какъ къ подчиненнымъ. Выше было отмѣчено, что, сообщая по начальству о томъ, что Мозесъ Гезекиль и Леви вступили въ исправленіе обязанностей, они прибавили „подъ вѣдѣніемъ цензоровъ", и дѣйствительно, евреи-цензоры приняли на себя роль, которая соотвѣтствовала скорѣе присяжному переводчику, нежели цензору; такъ, изъ рапорта рижской цензуры отъ 22 числа января 1798 г. видно, что они разсматривали книги по *наставленіямъ цензоровъ*; при этомъ, сообщая, что *изъ прочитанныхъ евреями мѣстъ* три пункта являются сомнительными, рижская цензура, давая по этому поводу свои объясненія, препроводила лишь соотвѣтствующія выписки на еврейскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, скрѣпленныя подписью обоихъ евреевъ, не считая нужнымъ познакомить Совѣтъ съ мнѣніемъ евреевъ-цензоровъ.

Рижскіе цензоры попытались было подчинить своему контролю и дѣятельность Элкана, но это имъ не удалось. 22 января Элканъ еще не вступилъ оффиціально въ должность, такъ какъ онъ принялъ присягу лишь 30 января, но уже тогда, какъ видно, между нимъ и цензорами произошли пререканія изъ за власти, и въ упомянутомъ донесеніи отъ 22 января рижскіе цензоры запросили генералъ-прокурора: „какъ Элканъ опредѣленъ цензоромъ, слѣдственно ихъ сочленомъ", то освобождаются ли они отъ надзора за еврейскими книгами, „или въ разсужденіяхъ о выпускѣ участвовать съ нимъ, и въ такомъ случаѣ, каковыя ему и намъ въ разсужденіи голосовъ предписаны будутъ правила?". Этотъ запросъ былъ препровожденъ на разсмотрѣніе Совѣта, который и объяснилъ, что незнаніе еврейскаго языка само собою освобождаетъ русскихъ цензоровъ отъ просмотра еврейскихъ книгъ, „и для того къ цензурѣ оныхъ опредѣлены упомянутые евреи, которые и должны за нихъ отвѣтствовать"; что же касается выпуска книгъ, то русскіе цензоры могутъ, „по дѣлаемымъ отъ Элкана съ его товарищами замѣчаніямъ, имѣть общее съ ними участіе, поступая въ томъ по правиламъ цензуры предписаннымъ, *не касаясь однако же законовъ и обрядовъ, издревле*

ствахъ было сдѣлано примѣчаніе: „Въ русской литературѣ существуетъ довольно обстоятельное изслѣдованіе объ этихъ кровопролитіяхъ; *къ сожалѣнію*, доступно оно очень немногимъ". Перепечатавъ это примѣчаніе, Гротъ добавилъ, что, какъ ему извѣстно, это было изслѣдованіе В. И. Даля.

Изслѣдованіе, приписываемое Далю, и цитированная выше записка, авторомъ которой считаютъ Скрипицына—это одинъ и тотъ же трудъ, ошибочно принимаемый, подъ различнымъ авторствомъ, за два особыхъ сочиненія [1]). Авторъ этого

---

[1]) О Далѣ, какъ авторѣ книжки о ритуальныхъ убійствахъ, ранѣе Грота говоритъ еще П. Мельниковъ (Русск. Вѣстн. 1873 г. кн. 3), поясняя, что Даль написалъ свое изслѣдованіе въ 1844 г., т. е. тогда, когда Даль управлялъ (частно) канцеляріей мин. вн. д. Перовскаго, къ которому онъ былъ очень близокъ; книга была напечатана (*анонимно*) въ количествѣ всего лишь 100 экз. для раздачи Перовскимъ высшимъ правительственнымъ лицамъ. Нерозданные экземпляры нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ смерти Перовскаго, были сожжены какимъ-то чиновникомъ по собственной иниціативѣ. Этой библіографической рѣдкости нѣтъ ни въ Чертковской Библ. (см. Систем. Указатель), ни въ Спб. Имп. Публ. Библ. (по любезному сообщенію библіотекаря А. И. Браудо).

Между тѣмъ въ 1878 г. въ „Гражданинѣ" появилась подъ заглавіемъ „Къ исторіи евреевъ"—записка о ритуальныхъ убійствахъ, при чемъ редакція отмѣтила, что записка была составлена въ 1844 г. директоромъ департ. дух. дѣлъ иностр. исповѣд. Скрипицынымъ, по распоряженію мин. вн. д. Перовскаго для представленія ея государю, наслѣднику, великимъ князьямъ и членамъ государств. совѣта.

Сопоставляя эти данныя, нельзя не признать, что предъ нами одинъ и тотъ же трудъ, который, быть можетъ, былъ совмѣстно составленъ Скрипицынымъ и Далемъ: первымъ—по долгу службы, вторымъ—по своей близости къ министру. Нельзя допустить, чтобы министръ одновременно поручилъ изготовить по одному и тому же вопросу два доклада и оба представилъ высшимъ лицамъ въ государствѣ. Даль могъ говорить Гроту и Мельникову, что принималъ участіе въ составленіи этой записки, но что онъ самъ не считалъ себя авторомъ, видно изъ того, что въ спискѣ его сочиненій, собственноручно написанномъ имъ (находится нынѣ у С. А. Венгерова, предоставившаго мнѣ для просмотра этотъ списокъ), упомянутое изслѣдованіе не указано.

Замѣчу еще слѣдующее. Въ „Кіевлянинѣ" (1883 г. № 203) была помѣщена статья о ритуальныхъ убійствахъ, авторъ которой отмѣтилъ что между другими матеріалами, онъ пользовался *напечатанный* въ 1844 г. по распоряженію мин. вн. дѣлъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, книгой, подъ названіемъ: „Розысканіе о убіеніи евреями христіанскихъ младенцевъ и употребленіи крови ихъ"; слѣдовательно, это была книга, приписываемая Далю, такъ какъ записка, авторомъ которой называютъ Скрипицына, не была напечатана отдѣльной кни-

ловой въ оныхъ запечатывались и на счетъ вывозщиковъ присылались запечатанныя сюда, въ Вильну". При этомъ кн. Репнинъ отмѣтилъ, что выписка книгъ чрезъ Ригу дорого обходится для всего населенія, еврейскаго и христіанскаго.

Повидимому, одновременно съ Репнинымъ само правительство возымѣло мысль учредить цензуру въ этомъ краѣ и, по совѣту Репнина, остановилось на Вильнѣ; 2 іюня 1798 г. былъ высочайше утвержденъ штатъ виленской цензуры, по которому полагался между прочимъ и цензоръ „для еврейскаго языка", на каковую должность первымъ былъ назначенъ лейпцигскій уроженецъ Карлъ Тиле. Однако, какія-то обстоятельства препятствовали открытію дѣйствій виленской цензуры, которая начала функціонировать лишь со 2 марта 1800 года.

Объ учрежденіи еврейской цензуры, кромѣ Риги, еще въ другихъ пунктахъ хлопотало и еврейское общество. Такъ, евреи волынской губерніи представили въ радзивиловскую цензуру всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ указывали, что „по своему многолюдству имѣютъ не малую надобность въ книгахъ, какъ для богомоленія, такъ и для обученія дѣтей ихъ закону и вѣрѣ еврейской", а потому, въ видахъ уменьшенія расходовъ, сопряженныхъ съ обязательнымъ провозомъ книгъ чрезъ Ригу, просили „объ учрежденіи при радзивиловской цензурѣ еврейскаго цензора съ переводчикомъ на точномъ положеніи состоявшей до нынѣ въ Ригѣ еврейской цензуры. Радзивиловская цензура обратилась по этому поводу съ рапортомъ къ генералъ-прокурору, но безуспѣшно; генералъ-прокуроръ Лопухинъ отвѣтилъ, что онъ не считаетъ нужнымъ войти объ этомъ съ докладомъ къ государю.

А между тѣмъ учрежденіе пограничной цензуры въ этомъ раіонѣ было крайне необходимо: лучшимъ доказательствомъ служилъ тайный провозъ книгъ, о существованіи котораго прекрасно знало мѣстное начальство и съ которымъ таможня была безсильна бороться; потребность въ книгахъ была такъ велика, что евреи даже не могли дѣлать тайны изъ этого тайнаго провоза; чтобы удовлетворить спросъ на книги — книготорговцы поневолѣ продавали ихъ открыто даже на ярмаркахъ.

Въ маѣ 1799 г. у радзивиловской таможни были насти-

гнуты евреи съ тюкомъ книгъ; увидя погоню, евреи скрылись, захвативъ съ собою тюкъ, но двѣ книги выпали; онѣ были доставлены въ радзивиловскую цензуру, которая, отправляя ихъ генералъ-прокурору, между прочимъ, изъясняла, что „таковая тайная перевозка еврейскихъ книгъ чрезъ границу весьма часта, доказательствомъ сему публичная продажа на бердичевскихъ ярмаркахъ самыхъ новѣйшихъ книгъ, печатанныхъ за-границею: въ Амстердамѣ, Вѣнѣ, Львовѣ и Жолквѣ, безъ разсмотрѣнія и штемпеля цензуры, да и могутъ-ли типографіи заграничныя относиться въ Ригу, когда въ оныхъ здѣшнихъ трехъ губерніяхъ еврейскія общества покупаютъ книги съ тѣмъ, что буде удастся провезть ихъ тайно чрезъ границу, тогда учинятъ имъ платежъ, и продаются потомъ публично... Какъ въ сихъ трехъ губерніяхъ состоитъ евреевъ до нѣсколько сотъ тысячъ, и многіе продолжаютъ коммерцію книгами, то по сему никогда не можетъ, за отдаленностью своею, рижская еврейская цензура прекратить тайную сію евреями перевозку чрезъ границу еврейскихъ позволенныхъ и непозволенныхъ книгъ“. Но и это донесеніе осталось безъ послѣдствій; генералъ-прокуроръ сообщилъ, что упомянутыя двѣ книги препровождены въ рижскую цензуру, куда и впредь должны всѣ еврейскія книги отсылаться.—Когда постъ генералъ-прокурора занялъ Беклешевъ, радзивиловская цензура въ томъ-же году вновь возбудила ходатайство о назначеніи еврейскаго цензора; при этомъ она сообщала, что бывшій волынскій гражданскій губернаторъ Гревсъ, сознавая необходимость имѣть при цензурѣ еврейскаго цензора, рекомендовалъ въ цензоры иностраннаго еврея *Боуса Гинцбурга*, знавшаго „совершенно“ еврейскій, нѣмецкій и русскій языки, а ему въ помощники *Гершона Огановскаго*, которые и состояли при цензурѣ, впрочемъ, безъ всякаго жалованья; поэтому радзивиловская цензура, для прекращенія тайнаго провоза книгъ, просила опредѣлить этихъ евреевъ въ цензуру. Но и на этотъ разъ генералъ-прокуроръ отказалъ въ ходатайствѣ, сдѣлавъ цензурѣ выговоръ за то, что она утруждаетъ начальство „недѣльными бумагами“.

Такимъ образомъ, цензура еврейскихъ книгъ, привозившихся изъ за-границы, сосредоточилась въ Ригѣ; вмѣстѣ

съ тѣмъ тамъ сосредоточился и надзоръ за еврейскими книгами, печатавшимися въ Россіи.

Мысль объ этомъ надзорѣ принадлежитъ рижскимъ (русскимъ) цензорамъ, всего вѣроятнѣе, пресловутому Туманскому, мечтавшему повидимому столь-же усердно конфисковать еврейскія книги, какъ онъ это дѣлалъ съ иностранными.—22 января 1798 г. рижская цензура рапортовала генералъ-прокурору, что по словамъ Мозеса Гезекиля и Леви—въ Гроднѣ, Шкловѣ, Славутѣ, Корецѣ и оводворѣ существуютъ еврейскія типографіи, и такъ какъ „расмотрѣніе еврейскихъ книгъ Всевысочайше узаконено въ рижской цензурѣ", то и цензоры считаютъ нужнымъ обратить на это вниманіе генералъ-прокурора. По докладѣ этого рапорта государю, 25 февраля послѣдовало высочайшее повелѣніе сообщить соотвѣтствующимъ губернаторамъ, чтобы печатаніе еврейскихъ книгъ происходило лишь съ дозволенія цензуры, и съ этой цѣлью указать имъ, гдѣ именно имѣются еврейскіе цензоры.

Надзоръ долженъ былъ слѣдовательно сосредоточиться въ Ригѣ, такъ какъ кромѣ Риги еврейскій цензоръ имѣлся лишь при виленской цензурѣ, но, повидимому, только въ качествѣ ученаго цензора, читавшаго лишь еврейскіе тексты въ различныхъ богословскихъ книгахъ (латинскихъ, польскихъ и др.); по крайней мѣрѣ, 16 мая 1801 г. виленская цензура обратилась къ генералъ-прокурору Беклешеву съ просьбой предоставить просмотръ еврейскихъ книгъ мѣстному цензору, объясняя, что всѣ еврейскія книги отсылаются въ Ригу, а виленскій цензоръ „не можетъ ни пропустить (т. е. заграничную), ни позволить напечатать никакой еврейской книги", но ходатайство не было удовлетворено.

И когда указомъ отъ 17 апрѣля 1800 г. было повелѣно, чтобы ни одна изъ цензуръ, безъ одобренія с.-петербургской цензуры, печатать книги не дозволяла, то на запросъ рижской цензуры [1]), какъ быть съ еврейскими кни-

---

[1]) Въ этомъ рапортѣ (28 апрѣля 1800 г.) рижская цензура сообщала, что типографіи существуютъ въ Славутѣ, Острогѣ, Корецѣ, Дубнѣ, Бердичевѣ и Вильнѣ. Странно, что не упомянута гродненская типографія, о существованіи которой было извѣстно еврейской экспедиціи.

Первыя евр. книги были напечатаны, насколько извѣстно, въ Корецѣ—въ 1776 г., Гроднѣ—1788, Славутѣ—1792, Острогѣ и Дубнѣ—

гами — было отвѣчено, что таковыя попрежнему должны быть разсматриваемы „особенной экспедиціей учрежденной", т. е. рижской [1]).

То, что ни одна книга не могла печататься въ Россіи безъ дозволенія еврейской экспедиціи въ Ригѣ, было для еврейскаго населенія столь-же тягостно, какъ сосредоточеніе въ Ригѣ цензуры иностранныхъ еврейскихъ книгъ; при такомъ условіи должно было процвѣтать безцензурное печатаніе книгъ, тѣмъ болѣе, что не всѣ типографіи были освѣдомлены о цензурныхъ правилахъ, въ особенности вновь учрежденныя. Согласно донесенію еврейской экспедиціи отъ сентября 1799 г., дозволенныя типографіи, извѣщенныя о присылкѣ книгъ въ Ригу, существовали въ Шкловѣ, Корецѣ, Славутѣ и Острогѣ, а между тѣмъ типографій было больше и самой экспедиціи было это извѣстно.

Дѣятельность еврейской экспедиціи по цензурѣ заграничныхъ книгъ продолжалась съ января 1798 г. по апрѣль 1800 г., когда послѣдовалъ указъ отъ 18 числа гласившій: „Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги вносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ, впредь до указанія, повелѣваемъ запретить выпускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ-бы языкѣ оныя ни были безъ изъятія въ государство наше"...

За эти два съ лишнимъ года чрезъ рижскую еврейскую экспедицію прошли по моему подсчету 4477 экз. [2]). По обнародованіи-же упомянутаго указа въ іюнѣ вдругъ вступили въ экспедицію сразу 1748 книгъ „продаваемыхъ въ Ригѣ факторомъ Леви". Изъ этого общаго количества 6225 книгъ были конфискованы 126 и препровождены въ Совѣтъ 64 книги [3]). Надзоръ-же за книгами, печатавшимися въ Рос-

---

1794, Бердичевѣ—1798 и Вильнѣ 1799. Въ Аликсинецѣ (Вол. губ.) типографія существовала уже въ 1760 г.

[1]) Возможно, что именно на этомъ основаніи виленская цензура не была вправѣ пропускать книги безъ разрѣшенія рижской цензуры.

[2]) По донесенію рижской цензуры по май 1800 г. было провезено 5000 экз.; у меня недостаютъ данныя о первыхъ двухъ мѣсяцахъ дѣятельности экспедиціи.

[3]) Въ это число вошли, повидимому, и тѣ книги, которыя были присланы въ нѣсколькихъ экземплярахъ, такъ что въ Совѣтъ на разсмотрѣніе вступило меньшее число.

сіи, продолжался съ марта 1799 г. вплоть до февраля 1802 г. [1]).

Объ этихъ книгахъ сохранились слѣдующія данныя: всего поступило въ экспедицію 110 книгъ [2]); изъ нихъ „исправлены были и отданы"—2, конфискована—1, отосланы въ Совѣтъ—4 и сданы въ цензурный архивъ—7 книгъ, „принадлежащихъ еврею Шефтелю Бенціановичу въ Шкловѣ, котораго мнимая типографія бѣлорусскимъ губернскимъ правленіемъ яко незаконно существовавшая, закрыта" [3]). Кромѣ того, въ еврейскую экспедицію были доставлены отъ генералъ-прокурора двѣ книги, захваченныя у радзивиловской таможни, и двѣ рукописи отъ радзивиловскаго цензора [4]).

Первый цензурный запретъ обрушился на *Рошъ-Хейдушъ Сидуримъ* — „вседневный молитвословъ съ разными молитвами"; это произошло тогда, когда Элканъ еще не вступилъ въ должность, а Мозесъ Гезекиль и Леви, какъ-бы въ качествѣ переводчиковъ, остановили вниманіе цензоровъ на слѣдующихъ трехъ мѣстахъ:

1) Не оставь клеветникамъ никакой надежды и да исчезнутъ въ одно мгновенье всѣ они, грѣшники, и да погибнутъ вскорѣ всѣ враги, а тирановъ искорени, сокруши, сотри и низложи скорѣе въ наши-же дни. Благословенъ Ты, Господь, сокрушающій враговъ и усмиряющій негодныхъ людей [5]).

2) Взгляни на наши страданія, которыя такъ велики, на наши боли и муки сердечныя! Сжалься, Господь, надъ нами въ странѣ изгнанія, не изливай своего гнѣва надъ нами,

---

[1]) Мои данныя касаются лишь павловскаго времени, т. е. по мартъ 1801 года.

[2]) Въ число 110 вошли тѣ заграничныя книги, которыя были пересланы въ Ригу изъ Вильны и Радзивилова.

[3]) Закрытіе этой типографіи могло послѣдовать въ силу указа отъ 5 іюня 1800 г. о закрытіи частныхъ типографій; но кажется, что тутъ извѣстную роль могли сыграть и доносы, на которые не скупились миснагдимъ въ борьбѣ съ хасидами. Вѣдь поступилъ въ цензуру доносъ на книгу Залмана!

[4]) Касательно мѣста, откуда книги поступили въ рижскую цензуру сохранились отрывочныя данныя о 61 экземплярѣ: изъ Могилевской губ.—8; Славуты—5; Шклова—6; Бѣлорусской и Волынской губ.—6; Дубно—2; Острога—5; Вильны—5; Радзивилова—17; отъ могилевскаго мѣщанина Шефтеля для шкловской типографіи—7.

[5]) Изъ молитвы „Шмойне Эсрей".

потому что мы, народъ Твой, съ которымъ Ты заключилъ союзъ. Смотри, Господь, какъ народы нами пренебрегаютъ, какъ они питаютъ отвращеніе къ намъ точно къ нечисти. Доколѣ-же Твое величіе будетъ въ плѣну и красота Твоя въ рукахъ недруговъ. Направь свою силу на враговъ Твоихъ, они устыдятся и сокрушена будетъ ихъ сила [1]).

3) Ѣшьте тонкія, вкусныя вещи. Продай свой надѣлъ земли или отдай его въ аренду лишь-бы имѣть все необходимое для Шаббосъ-ханука. Откормленныя куропатки, зажаренныя на вертелѣ, голуби и голубки для Шаббосъ-ханука. Не надо пить воду, будемъ спать въ винныхъ погребахъ, хоть-бы дважды въ день... Сокъ винограда да не сойдетъ съ твоихъ устъ!... [2]).

Эти выписки на еврейскомъ и нѣмецкомъ языкахъ цензоры препроводили генералъ прокурору, снабдивъ ихъ слѣдующими примѣчаніями:„ № 1, Молитва просительная имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ властямъ; особливо-же номеръ 2-й; прошеніе къ Всевышнему сопровождено съ охуленіемъ того народа, между которымъ они, евреи, живутъ, пристанищемъ и торговлею пользуются, и законами покровительствуемы, но за всѣмъ тѣмъ власть въ рукахъ ихъ *владыкъ* именуютъ въ рукахъ враговъ Божьихъ и о ихъ уничтоженіи молятъ; наконецъ, № 3, правило тутъ преподаемое и къ молитвамъ присовокупленное, чтобы во время зимняго праздника ханука для пресыщенія себя пищею и питьемъ не жалѣть ничего, продавать домъ и все имущество на сіи расходы и чтобы, упившись хоть два раза въ день, спать въ шинкахъ, есть противно благонравію и отвратительно. По словамъ евреевъ, наставники ихъ рѣдко въ силахъ отвратить маломыслящихъ отъ послѣдованія сему худому правилу; поелико оное напечатано въ молитвословѣ, маломысленный предпочитаетъ печатное всякому словесному наставленію, евреи-же всѣ грамотные, всѣ оное и читаютъ [3]). Цензоры сочтя сіе сумни-

---

[1]) Изъ молитвы „Тахнунъ", читаемой по понедѣльникамъ и четвергамъ.

[2]) Многіе раввины возмущались содержаніемъ этой пѣсни и высказывали мнѣніе, что она была введена въ молитвенникъ какимъ-нибудь шутникомъ.

[3]) Эта затрапезная пѣснь нигдѣ не принималась евреями за чистую монету; поэтическія гиперболы не приводили никогокъ пьянству. Къ тому-же пѣснь помѣщается далеко не во всѣхъ молитвенникахъ.

тельнымъ, имѣютъ честь и самую книгу при семъ представить на высокое усмотрѣніе".

Генералъ-прокуроръ отослалъ книгу въ Совѣтъ, который и постановилъ (15 марта 1798 г.), что выпускъ книги „не можетъ быть удобенъ".

Это распоряженіе должно было повлечь за собою тяжелое послѣдствіе; второй пунктъ находился въ большинствѣ молитвенниковъ, слѣдовательно, привозъ таковыхъ долженъ былъ-бы прекратиться.

И вотъ, въ маѣ рижская цензура препроводила къ генералъ-прокурору слѣдующій рапортъ еврейской экспедиціи (не снабжая его болѣе своими примѣчаніями) на нѣмецкомъ языкѣ, подписанный цензоромъ Элканомъ и его товарищами:

Рижской цензурѣ отъ еврейской экспедиціи:

„Такъ какъ повелѣніе касательно еврейскаго молитвенника подъ заглавіемъ Seder Thephiloth [1]), найденнаго цензурою сомнительнымъ, должно быть приведено въ дѣйствіе, то возникли нижеуказываемыя сомнѣнія, и еврейская экспедиція позволяетъ себѣ почтительно представить нижеслѣдующее:

„Кромѣ упомянутой книги, подъ заглавіемъ Seder Thephiloth, въ цензурѣ имѣются еще другіе различные молитвенники, въ которыхъ,—хотя они и носятъ другія названія, какъ, напр., Beth Thephiloth, Thephiloth mikae haschana, Roschhódesch Thephiloth, Thephiloth Beth Rachel, Korban Mincha и т. д. [2])— безъ связи съ общимъ содержаніемъ включены тѣ же непозволенныя мѣста; за исключеніемъ же таковыхъ мѣстъ, эти молитвенники содержатъ лишь молитвы, полныя чистѣйшей богобоязни, покорности высшей воли и высшей нравственности; почти 2000 лѣтъ какъ эти молитвы сочинены и собраны и онѣ считаются каноническими; также и упомянутая книга Seder Thephiloth съ незапамятныхъ временъ употребляется, какъ учебная книга, по которой дѣтей учатъ читать и молиться: полное изъятіе этихъ книгъ было-бы весьма чувствительно для еврейскихъ единовѣрцевъ, въ особенности въ текущемъ году, при ихъ богослуженіи, такъ

[1]) Цензоры не точно указали заглавіе запрещенной книги; они имѣли въ виду вышеприведенный: „Рошъ Хейдушъ Сидуримъ".

[2]) Всѣ эти названія придавались различными издателями одной и той же книгѣ Seder Thephiloth.

[illegible] заменить [illegible] другими. Исходя изъ этого, мы рѣшаемся сдѣлать нижеслѣдующее представленіе, либо, если оно будетъ одобрено высокимъ Совѣтомъ, [illegible] быть допущены къ обращенію: а именно обѣ дурныя мѣста уничтожить въ книгахъ слѣдующимъ образомъ: [illegible] безнравственной обѣденная молитва [illegible] (אלי יתברך), какъ было уже сказано, помѣщена отдѣльно отъ другихъ молитвъ, въ виду чего она могла-бы быть удобно вырвана изъ всѣхъ экземпляровъ [illegible] въ цензурѣ. Что-же касается другого мѣста „[illegible] bentsch sohiwienu wsal tischpoch charoncha [illegible] (חיה ה' עלינו ועל שולחן [illegible]), то если случайное названіе bentsch sohiwienu будетъ удалено, это мѣсто станетъ безвреднымъ, не теряя вмѣстѣ съ тѣмъ своего смысла; тогда это будетъ значить: „Господь защити насъ и не [illegible] за насъ своего гнѣва“; эти два слова могли-бы быть замазаны или заклеены во всѣхъ имѣющихся въ цензурѣ экземплярахъ и такимъ были-бы годны къ обращенію; одновременно нужно было-бы предупредить книготорговцевъ, что впредь экземпляры, въ которыхъ это будетъ заключаться, будутъ конфисковываться и книготорговцы сами позаботятся, чтобы выписывались молитвенныя книги не этого изданія, а тѣмъ, гдѣ это не находится, какъ напримѣръ, гамбургскаго и берлинскаго изданія, подъ заглавіемъ Beth Thephiloth, гдѣ это давно, какъ непристойное, выпущено. Но лучше всего было-бы позаботиться о томъ, чтобы впредь находящіяся въ земляхъ Его Величества Государя еврейскія типографіи, какъ напр. въ Гроднѣ и др., печатали для евреевъ необходимыя молитвенныя книги подъ надзоромъ цензуры; книги получались-бы скорѣе и, конечно, были-бы очищены отъ всего непристойнаго; мы, вообще, считаемъ необходимымъ, чтобы надъ этими типографіями былъ бдительный надзоръ и чтобы онѣ болѣе строго, чѣмъ до сихъ поръ, были подчинены цензурѣ“ [2]).

---

[2]) Въ іюнѣ 1800 г. рижская цензура „купно съ еврейской экспедиціей“ выработала инструкцію для типографій; приведу изъ нея три пункта:

§ 5. Ставимый обыкновенно на еврейскихъ книгахъ на каждомъ заглавномъ листѣ годъ отъ сотворенія міра сверхъ хроностишія въ употребленіе вошедшаго, т. е. стихами, изъ Библіи заемлемыми, должно

Предложеніе еврейской экспедиціи было встрѣчено Совѣтомъ съ полнымъ одобреніемъ, и, принявъ во вниманіе, что „книги сіи нужны евреямъ“, Совѣтъ согласился также и съ тѣмъ, чтобы поступившіе въ цензуру экземпляры были выпущены послѣ того, какъ неудобныя мѣста будутъ уничтожены; но государь, признавъ необходимымъ, чтобы въ будущемъ молитвенники печатались въ Россіи, не разрѣшилъ выпуска указанныхъ экземпляровъ. Надо, однако, думать, что вслѣдъ затѣмъ послѣдовало другое рѣшеніе, такъ какъ изъ донесеній рижской цензуры не видно, чтобы въ это время было задержано болѣе или менѣе значительное число книгъ.

сверхъ того ставить еще и цифрами или буквами; цифры же употребляемы должны быть гражданскія, во всемъ государствѣ введенныя.

§ 6. На заглавномъ листѣ должны быть слова „съ дозволенія Высочайше утвержденной въ Ригѣ цензуры“, и печать необходимо не на особомъ листѣ послѣ уже на книгу, какъ то часто бываетъ, наклееванномъ. Потомъ означить то мѣсто, въ которомъ книга печатана, напримѣръ, Шкловъ, и имя и прозваніе типографщика, у котораго печатана.

§ 7. Число страницъ въ каждой печатаемой книгѣ должно означено быть цифрами, или по обычаю евреевъ буквами.

Инструкція была представлена на разсмотрѣеніе с.-петербургской цензурѣ, которая внесла нѣкоторыя измѣненія, какъ, напримѣръ, въ § 5. „Сверхъ употребляемаго на заглавіяхъ еврейскихъ книгъ лѣточисленія прибавленіе на оныхъ христіанскаго года почитается излишнимъ и *не совмѣстнымъ съ терпимостью вѣры ихъ въ Государствѣ; вопреки чего, несообразнаго съ ихъ закономъ требовать и обязывать ихъ къ тому будетъ несоотвѣтственно* правости и благонамѣренности мудрыхъ государственныхъ постановленій. Сіе разумѣется о книгахъ до богослуженія ихъ касающихся“.

Въ виду состоявшагося высочайшаго повелѣнія, чтобы, начиная съ 1801 г., календари печатались лишь академіей наукъ, рижская цензура запросила, какъ быть съ еврейскими календарями и при этомъ пояснила, что „еврейскіе календари по вѣрѣ ветхозавѣтной не имѣютъ никакихъ святыхъ, а употребляютъ ежегодно токмо нѣкоторые знаменитые праздники отъ россіянъ и католиковъ, яко нужные по ихъ торговымъ промысламъ и потомъ присовокупляютъ таблицу своихъ ветхозаконныхъ праздниковъ и постовъ каждый годъ преходящихъ и къ свѣдѣнію ихъ единовѣрцевъ нужныхъ; почему сими только двумя статьми продолженіе печатанія еврейскихъ календарей быть можетъ съ присовокупленіемъ и показанія ярмонковъ“. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что когда встрѣтится надобность, нужно будетъ войти въ представленіемъ въ сенатъ.

бургъ, снабженный достаточными пашпортами и атестами. Здѣсь находился онъ учителемъ въ домѣ нѣкотораго господина Алимова, а въ 1796 году съ генваря мѣсяца, принятъ онъ мною для обученія моихъ дѣтей, языковъ французскаго и нѣмецкаго, арифметики, географіи, исторіи и прочихъ элементарныхъ наукъ.

„А что онъ, Элканъ, колико я его въ теченіи 23 мѣсяцевъ проникнуть могъ, дѣйствительно, поведенія честнаго и скроменъ, благонравенъ и о религіяхъ сужденія не вчиняетъ, трудолюбивъ и наученъ жребіемъ своимъ быть довольнымъ, въ томъ по чести и совѣсти симъ свидѣтельствую“ [1]).

Записка Литке нѣсколько запоздала, такъ какъ еще 12 ноября въ Совѣтѣ было читано внесенное ген.-прокуроромъ прошеніе Элкана и Совѣтъ опредѣлилъ его цензоромъ въ Ригу съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ; 20 ноября протоколъ Совѣта былъ высочайше утвержденъ, а 30 января 1798 г. рижская цензура донесла ген.-прокурору, что „опредѣленный для разсматриванія еврейскихъ книгъ *цензоръ* Элканъ сего мѣсяца 28 числа, по приведеніи къ присягѣ, вступилъ въ должность“.

Рижскіе цензоры,—среди нихъ былъ и знаменитый въ

---

[1]) Записка Литке была представлена, повидимому, по требованію Куракина, въ виду того, что Элканъ въ своемъ прошеніи писалъ, что свѣдѣнія о немъ можетъ дать Литке.

Изъ прошенія Элкана видно, что онъ зналъ немного русскій языкъ. Къ имѣющимся здѣсь свѣдѣніямъ объ Элканѣ можно добавить, что когда въ 1802 г. всѣ цензуры были упразднены, и было повелѣно гражданскихъ цензоровъ опредѣлить по способностямъ къ другимъ дѣламъ, по усмотрѣнію сената, Элканъ обратился въ сенатъ съ прошеніемъ о назначеніи его на службу или въ сенатъ, или въ комитетъ о евреяхъ 1802 г. Прошеніе Элкана поступило въ комитетъ.

Любопытное свѣдѣніе объ Элканѣ встрѣчается въ біографіи русскаго ученаго путешественника П. А. Чихачева (В. Евр. 1893 г. кн. XI); оно относится, вѣроятно, къ 1810—1818 гг. Въ этомъ очеркѣ говорится, что наиболѣе сильное и непосредственное вліяніе на умственное и нравственное развитіе Ч—ва имѣлъ престарѣлый ученый еврей Элканъ, много лѣтъ прожившій въ домѣ Чихачевыхъ въ качествѣ домашняго наставника. Одно время Ч—въ съ особеннымъ рвеніемъ занялся изученіемъ евр. письменъ для пониманія талмуда, изъ шалости унесеннаго тайкомъ его братомъ изъ комнаты ученаго наставника.

Такимъ образомъ Элканъ былъ домашнимъ наставникомъ въ трехъ русскихъ домахъ.